ГОЛОСЪ
МИНУВШАГО

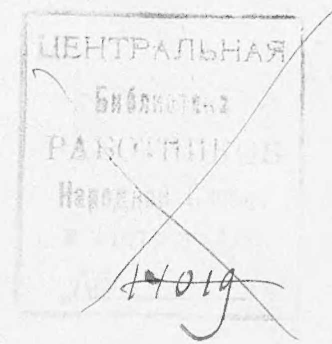
ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія III)

подъ редакціей

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 2. Февраль. 1915.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бул., Путинковскій пер., домъ. № 3.
1915.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

I. Статьи:

Стр.

II. Воспоминанiя:

III. Матерiалы.

IV. Некрологъ.

V. Изъ литературы старой и новой.

Стр.

VI. Критика и библіографія.

VII. Романъ.

VIII. Рисунки.

IX. Объявленія.

Изъ исторіи возрожденія Галичины.

«*Червоною* Русью» называютъ нашу землю, ибо дѣйствительно нигдѣ не пролилось столько крови, нигдѣ столько ночей не озарялось кровавыми отблесками пожаровъ, нигдѣ не высится столько могилъ, нигдѣ столько зла не прошло безъ возмездія, не прозвучало столько неуслышанныхъ жалобъ и стоновъ: соляное озеро могло бы образоваться изъ слезъ, которыми оплаканъ этотъ край»...

Невольно встаютъ въ памяти эти горькія слова одного изъ дѣятелей національнаго возрожденія Галичины. Если, по извѣстному изреченію, счастливы лишь тѣ страны и народы, которые не имѣли исторіи, то Галичина не принадлежитъ къ ихъ числу, ибо имѣла ее съ избыткомъ. Въ самомъ дѣлѣ, находящійся на рубежѣ востока и запада, въ чертѣ встрѣчи двухъ національныхъ культуръ, этотъ край многое испыталъ въ теченіе своей тысячелѣтней исторіи, полностью испилъ чашу страданій, обычно выпадающихъ на долю такихъ пограничныхъ областей. Въ прошломъ Галичины мы найдемъ и моменты, когда она возносилась на вершину славы, могущества и процвѣтанія, и моменты, когда она низвергалась въ пропасть одичанія и упадка; когда она была убѣжищемъ для угрожаемой съ востока старой украинской культуры, и когда, въ свою очередь, требовала настоятельной помощи и содѣйствія въ борьбѣ съ надвигавшейся съ запада денаціонализаторской грозой. Расположенная на мѣстѣ столкновенія двухъ культуръ, Галичина, уже столѣтія тому назадъ, сдѣлалась ареной отчаянной борьбы между ними, отражая и воспринимая только отрицательныя стороны обѣихъ,—не смягченныя положительными пріобрѣтеніями, онѣ пудовыми гирями лежали на населеніи края и препятствовали странѣ идти въ уровень съ общимъ разви-

тіемъ, не отставать въ культурномъ движеніи. Отсталой и изможденной вступила она въ новую полосу своей исторіи въ концѣ XVIII ст., и когда вѣковымъ усиліемъ, казалось, начала уже наверстывать упущенное,—вновь обагрили рѣки человѣческой крови и кровавые отблески пожаровъ опять озарили искони Червоную Русь... По значенію въ происходящемъ на нашихъ глазахъ міровомъ столкновеніи государствъ Галичинѣ принадлежитъ одинаковая роль съ Бельгіей, Польшей, Сербіей... На эти страны упали первые удары и уже теперь, когда еще не видно конца борьбѣ, когда рано говорить о ея послѣдствіяхъ—онѣ лежатъ опустошенныя и разоренныя, какъ первыя жертвы ненасытному богу войны, давно уже не собиравшему такой обильной жатвы на кровавыхъ поляхъ.

Но даже среди жертвъ Галичина, эта поистинѣ «Червоная» земля, занимаетъ исключительное положеніе. Бельгія... Польша... Сербія... Относительно этихъ странъ не возникаетъ сомнѣній, это не пустые географическіе термины, ихъ знаютъ, больше—ихъ признаютъ. Среди сочувствующихъ народамъ этихъ странъ не найдется никого, кто бы даже помыслить дерзнулъ, чтобы теперь, въ годину бѣдствій, подвергнуть ихъ оскорбительному допросу съ пристрастіемъ или, тѣмъ болѣе, отягчающимъ и безъ того тяжелое положеніе культуртрегерскимъ экспериментамъ. И онѣ счастливы еще въ сравненіи съ Галичиной, если вообще умѣстно въ подобномъ положеніи говорить о счастьи. Ибо Галичинѣ, ея исконному населенію, ея народу, потомъ и кровью воздѣлавшему родную землю и отстоявшему ее для себя,—пришлось уже встрѣтиться и съ невѣжествомъ, и съ сознательнымъ фальсификаторствомъ на свой счетъ, со всѣми неразлучными ихъ спутниками. Въ Галичинѣ борьба идетъ не только на поляхъ сраженій, но и въ сердцахъ и душахъ людей, вдругъ оказавшихся «безъ роду и племени», безъ того государственнаго паспорта, который долженъ быть предъявленъ во избѣжаніе притязаній на то, что составляетъ душу націи и лучшее ея достояніе—ея національную культуру. Исконное населеніе Червоной Руси, галицкіе украинцы, не смогло предъявить такого паспорта и испытываетъ теперь, кромѣ общихъ военныхъ потрясеній, еще и всѣ послѣдствія своего безпаспортнаго положенія. Есть у него, правда, иное свидѣтельство культурной зрѣлости—свидѣтельство долгой борьбы за свою національную индивидуальность, вѣковой исторической традиціи и преемственности культурныхъ формъ, свидѣтельство, наконецъ, современныхъ пріобрѣтеній во всѣхъ областяхъ жизни,—но языкъ этого свидѣтельства остается непонятымъ или сознательно игнорируется тѣми, кто выступаетъ теперь не только

въ роли благородныхъ свидѣтелей, но и судей... Червоная Русь еще разъ, на нашихъ глазахъ, оправдала свое горемычное названіе и свою историческую репутацію...

Занятіе Галичины русскими войсками застигло врасплохъ русское общество. Вообще небогатое по части свѣдѣній о славянскихъ народностяхъ, наиболѣе скуднымъ багажемъ оно все-таки обладало о самыхъ близкихъ своихъ сосѣдяхъ и родственникахъ—той вѣтви украинскаго народа, которая заселяетъ пограничныя съ россійской Украиной области: Галичину и Буковину съ примыкающей къ нимъ, затерянной въ Карпатахъ, Угорщиной. Кромѣ старыхъ и потому, естественно, неполныхъ и краткихъ обзоровъ жизни этихъ странъ въ извѣстной «Исторіи славянскихъ литературъ» Пыпина и Спасовича, кромѣ нѣсколькихъ полузабытыхъ журнальныхъ статей того же Пыпина и Драгоманова, а въ послѣднее время г. Василевскаго-Плохоцкаго и проф. Грушевскаго—русскому обществу неоткуда было почерпнуть безпристрастныя свѣдѣнія по вопросу, ставшему вдругъ злободневнымъ. Правда, довольно систематически освѣщала закордонныя отношенія въ прошломъ и настоящемъ молодая въ Россіи украинская пресса, а также московскій журналъ на русскомъ языкѣ «Украинская Жизнь», но первой исключительно, а вторымъ по преимуществу пользовалась лишь украинская читающая публика. И когда зарубежныя украинскія земли, ставшія ареной военныхъ дѣйствій, привлекли къ себѣ вдругъ исключительный интересъ, то оказалось, что ни русское общество, ни даже его руководители не только не въ состояніи удовлетворить своему интересу, но даже сколько-нибудь безпристрастно разобраться въ вопросѣ. Спросъ на свѣдѣнія, главнымъ образомъ о Галичинѣ, не покрывается скудной наличной литературой, а поскольку и удовлетворяется, то не всегда изъ чистыхъ и заслуживающихъ довѣрія источниковъ, такъ какъ, кромѣ упомянутыхъ, большинство ихъ славяно-благотворительнаго характера и отражаетъ на себѣ всѣ черты этого происхожденія. Уже въ самое послѣднее время усиленный спросъ вызвалъ болѣе энергичное предложеніе въ видѣ брошюръ и газетныхъ статей; но писаныя на-спѣхъ и при томъ людьми, совершенно незнакомыми съ предметомъ и литературой его, судящими лишь съ налета, на основаніи «личныхъ впечатлѣній», или не разбирающимися въ источникахъ—эти новѣйшія произведенія по большей части вносятъ лишь невообразимую путаницу и въ безъ того запутанный вопросъ. За самыми незначительными исключеніями, это или лубочная макулатура, совершенно не заслуживающая вниманія, или же сознательная фальсификація, если и заслуживающая его, то только съ

отрицательной стороны, какъ попытки представить галицкія отношенія въ искривленномъ и искаженномъ видѣ, дать ихъ въ ложномъ освѣщеніи, представить въ своего рода кривомъ зеркалѣ—въ угоду предвзятой мысли о полномъ тождествѣ «подъяремной» Руси съ «державной Русью», являющейся нынѣ освободительницей своихъ «угнетенныхъ братьевъ». Освободительная тенденція этихъ господъ выражается пока лишь въ наусьkиваніи и совѣтахъ примѣнить скорѣе къ мѣстному населенію завоеваннаго края испытанныя націоналистической практикой внутри Россіи истинно-русскія начала. Нечего и упоминать, что въ такомъ суздальскомъ изображеніи совершенно пропадаетъ или сознательно затушевывается именно то, что давало собственную физіономію краю, что являлось центральной осью его своеобразнаго во многомъ развитія и современной жизни, бывшей къ тому же продуктомъ долгой исторической эволюціи, плодомъ традицій, во всякомъ случаѣ, не вчерашняго дня. Я, конечно, весьма далекъ отъ мысли всѣмъ, пишущимъ теперь вкривь и вкось о Галичинѣ, приписывать эту сознательно-фальсификаторскую роль,—многіе падаютъ жертвой просто собственнаго невѣжества и связанной съ послѣднимъ чрезмѣрной смѣлости. Но отъ этого не легче, такъ какъ несомнѣнно, что при такомъ положеніи дѣлъ усилія явныхъ фальсификаторовъ пріобрѣтаютъ совершенно несоотвѣтственное значеніе и въ концѣ-концовъ увѣнчиваются успѣхомъ, не встрѣчая надлежащаго отпора и заражая общественное мнѣніе ядомъ злостныхъ выдумокъ, клеветы и сознательной лжи. Тѣмъ болѣе, что по специфическимъ условіямъ переживаемаго времени только сикофантствующіе голоса и раздаются вполнѣ безпрепятственно, тогда какъ altera pars никогда еще, быть можетъ, не находилась въ столь безпомощномъ, связанномъ состояніи, совершенно лишенная возможности возстановить безцеремонно попираемую невѣждами и фальсификаторами истину.

Но въ то время, какъ, въ силу указанныхъ условій, русское общество встрѣчаетъ такія затрудненія въ поискахъ истины, тутъ же, рядомъ, существуетъ богатый, но, къ сожалѣнію, мало извѣстный въ Россіи и потому остающійся неиспользованнымъ источникъ ея. Украинская литература, въ особенности въ мѣстномъ, галицкомъ, ея развѣтвленіи, давно уже научно занимается разработкой мѣстныхъ отношеній, освѣщеніемъ и истолкованіемъ общественнаго движенія на родной почвѣ, накопленіемъ фактовъ и документовъ, уясненіемъ той исторической перспективы, которая имѣетъ такое громадное значеніе для пониманія настоящаго и правильной постановки и разрѣшенія возникающихъ въ будущемъ вопросовъ. Одни, напр., изданія «Наукового

Товариства імени Шевченка» [1]) даютъ такой неисчерпаемый историческій матеріалъ, безъ изученія котораго совершенно немыслимо правильное представленіе о судьбахъ столь близкой къ намъ и въ то же время чрезвычайно далекой по характеру и условіямъ своего развитія страны. Литература, зародившаяся въ Галичинѣ на народной почвѣ и развивавшаяся въ тѣсномъ единеніи съ общеукраинской литературой, одна только способна освѣтить и выяснить положеніе и нужды народа, и въ этомъ отношеніи она представляетъ пока совершенно нетронутый матеріалъ. Писатели-галичане и въ богатыхъ собраніяхъ матеріаловъ, и въ научной обработкѣ ихъ, и, наконецъ, въ чисто литературномъ изображеніи родного быта—это единственный и незамѣнимый источникъ, къ какому надлежало бы обратиться всякому, кто желалъ бы уяснить себѣ особенности того вопроса, который судьба поставила на разрѣшеніе въ настоящее время, а тѣмъ болѣе тому, кто взялся бы поучать въ этомъ вопросѣ другихъ. Внѣ этого—иныхъ источниковъ не существуетъ, и единственный указанный источникъ не можетъ быть замѣненъ даже непосредственными личными впечатлѣніями. Ибо безъ предварительной подготовки непосредственныя впечатлѣнія вообще представляютъ незначительную цѣнность, а тѣмъ болѣе въ условіяхъ военнаго времени, когда страна подверглась своего рода катаклизму, совершенно измѣнившему ее внѣшній обликъ и даже внутреннія отношенія.

Предлагаемые вниманію читателей очерки, въ основаніе которыхъ положенъ указанный сейчасъ матеріалъ, не задаются, конечно, несбыточными претензіями исчерпать его вполнѣ. Цѣль ихъ иная—привлечь къ нему вниманіе серьезно интересующихся вопросомъ и искренно ищущихъ на него отвѣта людей, а также предостеречь ихъ отъ довѣрія къ тѣмъ «спеціалистамъ», голосъ которыхъ такъ звонко раздается въ вынужденно-пустомъ пространствѣ. Придетъ, конечно, время, когда пространство заполнится и тщательно скрываемая теперь истина восторжествуетъ,—тогда и назойливые голоса поющихъ, вопіющихъ, взывающихъ и глаголющихъ искоренителей спадутъ до естественнаго своего діапазона. А насколько діапазонъ этотъ не широкъ, видно будетъ, между прочимъ, и изъ предлагаемыхъ очерковъ.

I. Передъ разсвѣтомъ.

1772-й годъ является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Галичины. Послѣ перваго раздѣла Польши, произведеннаго въ упомянутомъ сейчасъ году коалиціей Пруссіи, Россіи и Австріи,

[1]) См. о нихъ статью *С. В. Петлюры* въ 1 № «Голоса Минувшаго». *Ред.*

земли такъ называемаго «Воеводства Руского» [1]), то-есть, теперешней восточной Галичины, отошли къ Австрiи, какъ принадлежавшiя когда-то къ угорской коронѣ, уже украсившей къ тому времени голову австрiйскихъ владѣтелей. Говорятъ, что сердобольная Марiя Терезiя, занимавшая тогда австрiйскiй императорскiй престолъ, согласилась на раздѣлъ Польши только подъ давленiемъ прусскаго короля и со слезами подписала актъ раздѣла. Отъ наслѣдства послѣ растерзанной Польши она, тѣмъ не менѣе, не отказалась.

Собственно говоря, это было тяжелое наслѣдство, какъ и всякое наслѣдство послѣ лица, кончившаго банкротствомъ. XVIII столѣтiе было вообще критическимъ временемъ для всего крестьянскаго населенiя средней Европы, вѣкомъ перiодически повторявшихся голодовокъ и все растущаго оскудѣнiя и разоренiя. Крестьянство еще задыхалось подъ гнетомъ крѣпостныхъ отношенiй, земледѣльческая техника стояла на низкой ступени развитiя, а между тѣмъ ростъ городовъ и возникающей крупной промышленности уже ломалъ установившiйся порядокъ натуральнаго хозяйства и вносилъ смуту и разстройство въ сельскую жизнь. Но даже на сплошномъ темномъ фонѣ социальныхъ отношенiй того времени Галичина являлась исключительнымъ по своей чернотѣ пятномъ. То, что одинъ австрiйскiй бюрократъ характеризовалъ впослѣдствiи, какъ «wahre polnische Wirtschaft», сказывалось здѣсь на каждомъ шагу одинаково и въ соцiальномъ, и въ экономическомъ, и въ культурномъ отношенiяхъ. Расшатанная вѣковой анархiей и шляхетскимъ своеволiемъ польская государственность нигдѣ на украинскихъ земляхъ не доходила до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ въ Галичинѣ. Въ далекомъ Приднѣпровьи она возбуждала противъ себя рядъ сильныхъ народныхъ движенiй, извѣстныхъ подъ именемъ казацкихъ возстанiй, закончившихся, какъ извѣстно, потерей для Польши украинскихъ земель. Въ Галичинѣ, лежащей ближе къ центру польской государственности, эти возстанiя отзывались лишь ослабленнымъ эхомъ и не могли противопоставить шляхетскому господству достаточной по своей внушительности встрѣчной силы. Оппозицiонныя попытки и спорадическiя вспышки здѣсь безпощадно подавлялись, но такъ какъ государственная власть была въ то же время безсильна справиться съ своеволiемъ командующихъ классовъ, главнымъ образомъ шляхты, то край пришелъ въ состоянiе хронической анархiи, проникавшей всѣ безъ исключенiя

[1]) Терминъ «рускiй» (съ однимъ с) всегда употреблялся въ Галичинѣ въ значенiи—малорусскiй, украинскiй; «русскiй» же переводится тамъ словомъ «россiйскiй».

сферы общественной и даже личной жизни. Прежде всего и главнымъ образомъ эта анархія сказывалась въ области крестьянскаго вопроса, такъ какъ крестьянство по своей численности было главной составной частью населенія, и оно, безгласное и забитое, все же давало тотъ основной тонъ, по которому познавалась и вся музыка мѣстныхъ отношеній.

Крестьянская масса перешла подъ власть Австріи въ состояніи полнаго безправія, отягощенная поборами и барщиной до потери человѣческаго образа. Не имѣя силы для прямого возстанія, она инстинктивно прибѣгала къ партизанскимъ выступленіямъ, находя извѣстный выходъ лишь въ оригинальномъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ «опришківства». «Опришками» или «черными хлопцями» назывались бѣжавшіе отъ крѣпостныхъ обязанностей крестьяне, ютившіеся въ горахъ и жившіе грабежомъ и разбоемъ. Въ нихъ закрѣпощенная масса видѣла лишь протестантовъ противъ угнетенія, мстителей за народныя обиды и притѣсненія, защитниковъ своеобразно понимавшагося права, поэтому окружала ихъ ореоломъ геройства, борьбы и мученичества за правду. Одинаковыя причины всегда влекутъ за собой одинаковыя слѣдствія, и та же государственная анархія и безправіе массъ, которыя въ приднѣпровскихъ степяхъ вызвали къ жизни «гайдамачину», здѣсь, въ неприступныхъ карпатскихъ горахъ, питали «опришківство» и придавали ему значеніе не простого только разбойничества, а и нѣкотораго идейнаго, если хотите, дѣла. Людямъ съ иниціативой и характеромъ, чѣмъ-либо погрѣшившимъ противъ крѣпостного уклада, часто и не оставалось иного выхода, и неудивительно, если всегда находились предводители, дерзкіе и отважные «ватажки», которые ставали во главѣ недовольныхъ элементовъ: матеріала для тѣхъ и другихъ дѣйствительность давала слишкомъ много. Неудивительно также, что населеніе, несмотря на запрещенія и угрозы, сочувствовало этимъ протестантамъ и помогало имъ: только при всеобщемъ сочувствіи и содѣйствіи можно было совершать тѣ безумно-дерзкіе набѣги на города, которыми прославились нѣкоторые изъ «опришковъ», до сихъ поръ живущіе въ народной памяти, какъ легендарные герои. Таковъ былъ, напр., знаменитый Добощукъ, воспѣтый въ цѣломъ циклѣ народныхъ пѣсенъ и преданій и опоэтизированный впослѣдствіи Федьковичемъ, въ глазахъ народа каравшій «людську кривду», подобно популярному на Украинѣ Кармалюку. «Къ нему,—пишетъ авторъ обстоятельнаго изслѣдованія объ опришкахъ, Целевичъ,—прибѣгали обиженные, чтобы онъ отомстилъ за нихъ, добрые молодцы, чтобы подъ его предводительствомъ насладиться дикой волей и добыть червонцевъ;

дѣвушки и женщины роемъ вились вокругъ него, когда онъ спускался съ горъ и появлялся то тамъ, то здѣсь на играхъ, танцахъ или свадьбахъ. Его нельзя назвать обыкновеннымъ разбойникомъ, потому что если бы его привлекали только деньги и добыча, то онъ одинаково нападалъ бы и на богатаго гуцула, какъ на еврея-арендаря, купца-армянина или панскую усадьбу,—а между тѣмъ мы видимъ, что если онъ когда-либо и нападалъ на гуцула, то только изъ мести, а не для добычи. Больше всего привлекалъ онъ къ себѣ своей добротой и, если хотите, галантностью, съ которыми относился къ существамъ слабымъ, женщинамъ или тѣмъ, кто встрѣчалъ его хлѣбомъ-солью... Чѣмъ тяжелѣе испытанія падали на его голову, чѣмъ больше враговъ искало его жизни, чѣмъ упорнѣе преслѣдовало его и его дружину войско—тѣмъ болѣе чудесный, почти сказочной обликъ принимала его личность въ глазахъ народа: о немъ и его непобѣдимости распространялись удивительные слухи—что его и пуля не беретъ и только чарами можно погубить отважнаго вождя и отнять у него жизнь».[1]) Въ концѣ-концовъ появилось среди народа убѣжденіе, что послѣ смерти Добощука—«тяжче стало бідним людям на світі». Конечно, лишь отчаяніе могло породить подобныя убѣжденія и надежды, равно какъ лишь невыносимое положеніе могло гнать людей изъ спокойныхъ жилищъ въ дикія дебри и воспитывать профессіональныхъ разбойниковъ, окружая ихъ въ то же время въ глазахъ населенія ореоломъ рыцарства и благородства. А между тѣмъ несомнѣнный фактъ, подтверждаемый офиціальными распоряженіями властей, что «опришківство» долго еще тревожило жизнь Галичины, и сейчасъ цитированный авторъ относитъ казнь «послѣдняго опришка», Драгарюка, къ 1877 г., прибавляя къ этому, что «о Драгарюкѣ сложены уже въ народѣ пѣсни». [2]) Слишкомъ глубоко проникло въ народную жизнь отмѣченное явленіе и слишкомъ сильны были причины, его вызвавшія.

Смерть любимаго своего героя, Добощука, относимую къ 1745 г., народъ отмѣтилъ, какъ уже указано выше, замѣчаніемъ, что послѣ этого «участь бѣдныхъ людей еще ухудшилась». И въ самомъ дѣлѣ, тяжесть положенія закрѣпощеннаго народа въ Галичинѣ къ концу существованія старой Польши достигла своего предѣла. Вся земля была собственностью помѣщиковъ,—

---

[1]) *Ю. Целевич*—Опришки. «Руська історична бібліотека», т. XIX. Львів, 1897, стр. 164—165. Народные разсказы и преданія объ опришкахъ собраны г. Гнатюкомъ въ 26-мъ томѣ «Етнографічного Збірника» (Львів, 1910). Въ интересномъ предисловіи г. Гнатюкъ приводитъ изъ польскихъ источниковъ случаи, когда даже польскіе магнаты не брезгали, въ случаѣ необходимости, прибѣгать къ помощи опришковъ. На Буковинѣ народъ называетъ опришковъ гайдамаками или даже борцами.

[2]) *Целевич*—Опришки, стр. 184.

поляковъ или ополяченныхъ къ тому времени представителей старой украинской аристократіи, отрекшейся отъ своего народа. Личность крѣпостныхъ также всецѣло зависѣла отъ произвола душевладѣльцевъ, среди которыхъ давно уже выработалось своего рода юридическое положеніе: «кто убьетъ хлопа—все равно что убилъ бы пса». [1]) Нужно отмѣтить, что въ Галичинѣ вообще господствовала своего рода юридическая чрезполосица, въ видѣ то «рускаго», то польскаго, то нѣмецкаго или волошскаго права, но каждое изъ нихъ служило, разумѣется, сильнѣйшей сторонѣ въ ущербъ слабѣйшей. Помѣщики вообще не знали никакой власти надъ собою и, кромѣ «обычнаго права», ничѣмъ инымъ не руководились въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ. А такъ какъ въ числѣ постановленій этого права, можетъ быть, однимъ изъ наиболѣе популярныхъ, былъ афоризмъ: «gdzie nie mo żna prawem, trzeba iść lewem», то сама собой стиралась всякая граница между правомъ и безправіемъ и въ конечномъ счетѣ все опредѣлялось силой, связями, богатствомъ, знатностью. Лишь часть обрабатываемой земли (такъ называемыя «рустикальныя земли» въ отличіе отъ «доминикальныхъ» или «табулярныхъ»—помѣщичьихъ) предоставлялась крестьянамъ подъ условіемъ исполненія барщинныхъ работъ и уплаты податей—такъ называемаго «чинша». Барщинныя повинности не были ни регулированы, ни опредѣлены точнымъ образомъ и потому барщина въ 5—6 дней представляла довольно обычное явленіе. Что касается денежныхъ сборовъ, то въ этой области встрѣчаемъ поистинѣ изумительное разнообразіе: крестьянинъ долженъ былъ платить «сольовé» (налогъ на соль), «чопове» (налогъ на спиртные напитки), «мірковѐ» (за помѣръ привезеннаго помѣщику хлѣба), «вагове» (за взвѣшиваніе), «торгове» (за каждый возъ продуктовъ, вывозимыхъ на ярмарку), «виборове» (за назначеніе помѣщикомъ сельскихъ властей), «святочне» (праздничые подарки), «гайдучне» (подарки служащимъ у помѣщика) «куничне» (за разрѣшеніе вступить въ бракъ) и т. д. и т. д., безъ конца,—словомъ, на каждый случай жизни и по всякому поводу, за каждый шагъ крѣ-

[1]) На польскомъ сеймѣ 1768 г. было постановлено, что дворянинъ за убійство крестьянина подвергается смертной казни. Но благодѣтельное значеніе этого закона было уничтожено оговоркою, что дворянина слѣдуетъ казнить лишь въ томъ случаѣ, если его захватили на мѣстѣ преступленія, и его уличаютъ 6 свидѣтелей, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, двое должны быть дворянами. Такимъ образомъ право господина надъ жизнью и смертью крѣпостного даже послѣ принятія закона въ дѣйствительности продолжало существовать, и въ случаѣ убійства крестьянина дворянинъ оставался безнаказаннымъ или отдѣлывался ничтожнымъ штрафомъ. *Ludwig von Mises* — Die Entwicklung des gutsherrlich—bäuerlichen Verhältnisses in Galizien (1772—1848). «Wiener Staatswissenschaftliche Studien», 1902, Bd. IV, Heft. 2, S. 14, 37; *Митрофановъ*—Политическая дѣятельность Іосифа II, Спб. 1907 г., 537—539. *Ред.*

постного полагалась извѣстная плата. «Пока доминіи,—писалъ въ 1785 г. въ своемъ прошеніи на имя императора Іосифа II-го священникъ Фаленцкій,—будутъ имѣть въ своемъ владѣніи столько земли, сколько имѣютъ теперь, пока крѣпостные будутъ принуждены въ продолженіе цѣлаго года нести ежедневно барщинныя повинности, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о защитѣ ихъ отъ притѣсненій со стороны шляхты и помѣщиковъ, съ незапамятныхъ временъ напоенныхъ часто высказываемой нечестивой мыслью, что только душа крѣпостного принадлежитъ Богу, а тѣло и все остальное помѣщику; поэтому-то и утѣсняютъ ихъ всевозможными неслыханными средствами». «Мнѣ прекрасно извѣстно,—свидѣтельствуетъ тотъ же авторъ,—что въ этихъ мѣстахъ встрѣчается много семействъ, не знающихъ никакого ремесла и всевозможными неправдами лишенныхъ своей части земли, въ чужихъ углахъ, какъ въ гостиницѣ, ютящихся до поры, до времени. Они, благій Боже, принуждены работать день за днемъ, не разгибая спины (quam graviter), чтобы только влачить съ дѣтьми жалкое существованіе. Не встрѣчая ни откуда помощи, не имѣя опредѣленныхъ средствъ къ жизни ни отъ щедротъ Богомъ для пропитанія человѣка созданной земли, ни отъ ремеслъ и искуствъ, они единственно трудами рукъ своихъ поддерживаютъ жизнь, а ихъ гонятъ на барщину (opera servilia), морятъ непосильной работой и подвергаютъ всѣмъ опасностямъ истощенія, (а женщинъ) преждевременнымъ родамъ. И въ то время какъ одинъ человѣкъ, мало содѣйствующій общественному благу, живетъ въ роскоши—сотни вокругъ влачатъ жалкую жизнь или гибнутъ ради его выгоды». [1]) Не только земля, но и жилища, сельскохозяйственныя орудія, скотъ—все было собственностью помѣщика; крестьянинъ только до тѣхъ поръ считался номинальнымъ обладателемъ своего имущества, пока могъ выполнять свои обязанности предъ фактическимъ собственникомъ. Легко понять, какъ отражались подобные порядки на земледѣльческомъ населеніи [2]).

Не лучше было среди этой шляхетской анархіи и своеволія и положеніе другихъ классовъ населенія. Многочисленное мѣщанство по городамъ и мѣстечкамъ, номинально занимавшееся ремеслами, фактически лишь кое-какъ перебивалось корчем-

---

[1]) Латинскій оригиналъ этого любопытнаго документа опубликованъ г. Франкомъ въ II-мъ томѣ «Українсько-руського Архіва», Львів, 1907, стр. 117—120.

[2]) О положеніи крестьянъ въ Галичинѣ см. Франка—Панщина і її скасування в 1848 р. Львів, 1898; его же—Грималівський ключ в 1800 р., «Часопись правнича і економічна», т. I; его же—Громадські шпіхлірі в Галичині 1784—1840 р., «Укр.-руський Архів», т. II. *Авт.* См. также указанное сочиненіе *L. von Mises*, S. 9—28. *Ред.*

ствомъ и представляло, по общимъ отзывамъ, наиболѣе разоренную часть галицкаго населенія. Торговля, находившаяся въ рукахъ евреевъ и армянъ, благодаря неурядицамъ и наводнявшимъ страну разбойничьимъ бандамъ, пришла въ совершенное разстройство и упадокъ. Купцы-армяне рѣшили было въ 1770 г. совсѣмъ выселиться изъ Станиславова и прилегающихъ городовъ, такъ какъ торговыя сношенія съ Угорщиной были совершенно прекращены вслѣдствіе нападеній опришковъ, и отъ этого шага остановила ихъ только вѣсть объ оккупаціи Галичины австрійскими войсками. Возникла, наконецъ, надежда, что новая государственная власть сумѣетъ прекратить бушевавшую анархію и создастъ условія, необходимыя для спокойной жизни и мирной дѣятельности. [1])

Культурныя и національныя отношенія представляли столь же запутанный узелъ. Актъ о раздѣлѣ Польши и присоединеніи къ Австріи Галичины былъ подписанъ исключительно представителями польской аристократіи. Украинскій народъ, какъ безправная, закрѣпощенная и лишенная высшихъ сословій крестьянская масса, не былъ, разумѣется, представленъ вовсе при заключеніи акта, рѣшавшаго, между прочимъ, и его судьбу. Шляхта попыталась было и при этомъ случаѣ обезпечить существованіе старопольскихъ порядковъ, требуя отъ австрійскаго правительства, напр., запрещенія «cerkwi szyzmatyckich, zborów dyssydenckich», установленія смертной казни и конфискаціи имущества за отступничество отъ католичества, угрожая въ противномъ случаѣ бороться до послѣдней крайности,—но это былъ уже очевидный анахронизмъ, не вязавшійся съ господствовавшей тогда въ Европѣ эрой просвѣщеннаго абсолютизма. На этомъ пунктѣ, во всякомъ случаѣ, пришлось уступить съ самаго же начала, но тѣмъ сильнѣе была оппозиція, оказываемая польской шляхтой въ области соціальныхъ и экономическихъ отношеній предъ реформаціонными мѣропріятіями новой власти.

Было еще одно сословіе, которое формально могло представлять забитую и угнетенную «Русь»,—это духовенство, которое связывали съ народомъ религіозныя и вѣроисповѣдныя узы. Къ сожалѣнію, кромѣ послѣднихъ, иной связи между пастырями и пасомыми не было; существовали, напротивъ, начала антагонизма, въ основаніи котораго лежали матеріальные интересы. Да и само уніатское духовенство не представляло чего-нибудь единаго, и въ массѣ своей не являлось тѣмъ слоемъ, который

---

[1]) Обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи описываемаго времени данъ въ работѣ г. *Кревецкаго*—Галичина в 2-ій половині XVIII в., «Записки Наук. Товариства ім. Шевченка у Львові», т. 91.

могъ бы служить фундаментомъ для національнаго самосознанія, какъ это было въ XVI и XVII в.в. Анархія и самовластіе царили и въ этой области. Прежде всего уніатское духовенство распадалось на двѣ неравныя группы, и въ то время, какъ верхи его, «князья церкви» и примыкавшее къ нимъ черное духовенство, монахи-базиліане, получали тысячные оклады и роскошествовали во всю,—низы не отличались отъ народной массы ни по своему культурному уровню, ни по матеріальному положенію. Что касается послѣдняго, то не рѣдко бывали случаи, когда представители духовенства такъ же принуждены были нести барщинныя обязанности, какъ и ихъ пасомые, и уже пять лѣтъ спустя по занятіи Галичины австрійское правительство вынуждено было издавать особыя распоряженія, которыми запрещалось гнать священниковъ на принудительныя полевыя работы. Но несмотря на такія запрещенія, духовныя особы и члены ихъ семействъ [1] находились въ полной зависимости отъ помѣщичьихъ дворовъ («доминій») и высшаго духовенства. Были случаи, когда священники исполняли при помѣщикахъ обязанности шутовъ,—одному, напр., въ помѣщичьемъ домѣ при гостяхъ подавали зажаренныхъ воронъ и сорокъ и служитель алтаря уничтожалъ это блюдо при громкомъ карканьи веселой компаніи. Высшее духовенство смотрѣло на подчиненныхъ, какъ на безправныхъ людей, обязанныхъ повиноваться всякому распоряженію. Въ пастырскихъ посланіяхъ то и дѣло встрѣчаются напоминанія отцамъ деканамъ, въ случаѣ упущеній со стороны подвѣдомственныхъ іереевъ—«да не только словомъ, но и вервицею отеческо накажутъ». Женѣ одного священника, напр., приказано не пропускать богослуженій подъ угрозой наказанія 50 розгами; «свѣцкихъ и законныхъ волочащихся священниковъ» предписывалось ловить и представлять по начальству. Ведя жизнь, ничѣмъ не отличающуюся отъ жизни прихожанъ, страдая тѣми же пороками и недостатками, духовенство тѣмъ не менѣе и со своей стороны ложилось на нихъ довольно тяжелымъ бременемъ. Уже первый австрійскій губернаторъ Галичины, гр. Пергенъ, отмѣчаетъ, что духовенство «ни въ чемъ не хочетъ поступиться своими привилегіями и проклинаетъ или налагаетъ интердикты какъ на отдѣльныхъ лицъ, такъ и на цѣлыя общества, какъ только они не даютъ десятины».

[1]) Сыновья уніатскихъ и православныхъ духовныхъ лицъ, если они до 15 лѣтъ не посѣщали школы или не научились ремеслу, чтобы имѣть возможность вступить въ духовное или мѣщанское сословіе, считались прикрѣпленными къ землѣ тѣхъ господъ во владѣніяхъ которыхъ они жили. *L. von Mises 9*; *graf Ad. Krasiński.* Geschichtliche Darstellung der Bauern-Verhältnisse in Polen und der wirthschaftlich-rechtlichen Reformen in ersten Decennien der Regierung Stanislaus Augustus. (1764—1774)., Krakau, 1898, II Theil, S. 31. *Ред.*

И что поборы духовенства представляли весьма распространенное зло, доказывается усиленнымъ напоминаніемъ церковныхъ властей о необходимости соблюдать мирныя отношенія съ прихожанами. Справедливость требуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что и само духовенство, при всей его бѣдности, также служило источникомъ поборовъ для выше стоящихъ чиновъ. Такъ, епископъ Аѳанасій Шептицкій весьма энергично предписываетъ ревизующимъ духовнымъ чинамъ, «да не отяготятъ іереевъ нѣкоимъ мздопріятіемъ, подъ карою сугубаго возвращенія, но единою токмо пищею и прiятіемъ по силѣ іерея на малое время доволни да будутъ». Предупрежденіе не лишнее, въ виду дѣйствительно вопіющей бѣдности, въ которой находилось рядовое духовенство.[1])

Въ соотвѣтствіи съ матеріальнымъ положеніемъ находилось и культурное состояніе этого единственнаго «образованнаго» класса, имѣвшаго отношеніе къ украинской народности. Жалобами на некультурность и темноту духовенства полны современные документы. «Съ неисчетною болестію сердца,—констатируютъ издатели супрасльскаго словаря,—изобрѣли искусителіе или ексаминаторове поставляемыхъ въ іерейство людей, яко сотый іерей едва славенскій сразумѣетъ языкъ, не вѣдяй, что чтетъ въ божественной службѣ, съ погибелію своея и порученныхъ паствѣ его душъ». Авторъ обстоятельнаго меморіала о Галичинѣ, Маргеликъ, командированный австрійскимъ правительствомъ для изученія страны въ 1783 г., нашелъ, что едва одинъ изъ тридцати священниковъ получилъ какое-либо образованіе, при чемъ многіе вовсе не умѣли писать, и оффиціальныя бумаги пестрятъ «знаками хреста святого» вмѣсто подписей. «Der rusniakische Pop,—еще рѣшительнѣе выражался перемышльскій староста фонъ-Моллернъ,—ist die Dummheit und Unwissenheit selbst». И опять-таки ничего удивительнаго въ этомъ обстоятельствѣ мы не найдемъ, если вспомнимъ объ общемъ положеніи Галичины, объ отмѣченномъ уже упадкѣ общественной жизни, культурныхъ интересовъ и, слѣдовательно, образованія. Все, что имѣло малѣйшую возможность соціально возвыситься надъ крѣпостной массой, дезертировало въ польскій лагерь; при родномъ народѣ оставалось лишь то, что не въ силахъ было уйти, и вотъ почему «chłop і pop» одни только представляли украинскую народность и послѣдній въ сущности не отличался отъ перваго. При отсутствіи образовательныхъ учрежденій спросъ на кандидатовъ духовнаго сана долженъ былъ удовлетворяться при помощи весьма сомнительнаго матеріала: всякій умѣвшій кое-какъ разбирать церковную грамоту,

---

[1]) «Матеріяли до культурної історії Галицької Руси XVIII і XIX віку» під ред. Ів. Франка. Львів, 1902.

даже не понимая читаемаго, уже представлялъ собою нѣкоторую цѣнность и при желаніи достигалъ духовнаго сана. Даже спустя десятилѣтія послѣ присоединенія Галичины къ Австріи, когда отъ кандидатовъ священства требовалось уже гимназическое образованіе, нетрудно было обойти указанное условіе. Нѣкоторые изъ іерарховъ на этомъ невѣжествѣ построили даже своеобразную доходную статью. Такъ холмскій и луцкій епископы рукополагали спеціально для Галичины всякаго, кто былъ въ состояніи уплатить за посвященіе сто злотыхъ польскихъ, и священники этой заграничной фабрикаціи такъ и назывались «дячками» или «луцаками». Когда галицкіе владыки выражали по этому поводу свое неудовольствіе, то холмскій епископъ, Порфирій Важинскій, не безъ юмора отвѣтилъ извѣстнымъ церковнымъ изреченіемъ: «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа». Каламбуръ, достойный какъ своего автора, такъ и характеризуемаго имъ времени... Что касается вообще народнаго образованія, то оно представлено было исключительно такъ-называемыми «дяківками», т. е. очень непрочными школками, въ которыхъ низшіе члены клира («дячки») ради заработка учили съ писаныхъ отъ руки таблицъ складамъ и счету. Книгъ было мало, и онѣ цѣнились на вѣсъ золота. Извѣстный галицкій библіографъ, Левицкій, за время отъ 1772 до 1800 г. насчитываетъ всего 38 изданій на церковно-славянскомъ и современномъ «рускомъ», т. е. макаронично-украинскомъ языкѣ, да и то около половины изъ нихъ падало на богослужебныя книги, а учебниковъ для народныхъ школъ находимъ всего четыре. [1])

Въ такомъ положеніи находилась Галичина въ моментъ присоединенія ея къ Австріи. Совершенно естественно, поэтому, что присоединялась она, какъ польская провинція, такъ какъ голосъ тогдашней «Руси», т. е. «chłopa i popa», закрѣпощеннаго народа и темнаго духовенства, совершенно не былъ слышенъ за громкими голосами правящаго, сплошь польскаго, сословія. Но уже въ первые годы австрійскаго владычества нѣмецкой бюрократіи пришлось натолкнуться на совершенно неожиданное открытіе, а именно—что восточная Галичина заселена вовсе не поляками. Открытіе, въ виду близости къ Россіи, едва ли пріятное, и въ обращеніи съ новыми подданными австрійское правительство долгое время не могло найти соотвѣтственнаго тона, не будучи въ состояніи даже создать себѣ вполнѣ опредѣленное о нихъ представленіе. Первыя извѣстія о вновь открытомъ народѣ, которыя находимъ въ современныхъ нѣмецкихъ источникахъ, могли лишь

---

[1]) *Левицький Ів. Ем.*—Галицько-руська бібліографія за роки 1772—1800. «Записки Наук. Т. ім. Шевченка», т. 52, стр. 10.

запутать дѣло. «Въ восточныхъ округахъ Галичины, — гласилъ напр. гимназическій учебникъ географіи,—живутъ также возсоединенные (unirte) Греки(!), которые обычно называются Русняками». Нѣмецкій писатель Краттеръ въ изданныхъ въ 1786 г. письмахъ о Галичинѣ слѣдующимъ образомъ описываетъ украинскую часть края: «Болѣе чѣмъ двѣ трети обитателей принадлежитъ къ такъ-называемымъ Русскимъ или Руснякамъ (Russen oder Rusniaken)... Ихъ языкъ сильно отличается отъ собственно польскаго, а обрядъ ихъ религіи принадлежитъ къ греко-уніатской церкви». Наконецъ, одинъ изъ австрійскихъ чиновниковъ, Коранда, еще въ 1776 г. обращалъ вниманіе правительства на то, что народъ восточной Галичины употребляетъ въ качествѣ разговорнаго не польскій языкъ, а «eine Art der russischen oder illyrischen(!) Sprache». Но это открытіе разновидности «русскаго или иллирійскаго» или даже греческаго народа въ Галичинѣ въ то время, когда правящія сферы меньше всего обращали вниманіе на народъ, не повлекло за собой какихъ-либо практическихъ шаговъ къ изученію этого народа или къ удовлетворенію его нуждъ на національной почвѣ. Наоборотъ, если это и уменьшало силу подозрительнаго въ глазахъ правительства польскаго элемента, то въ то же время создавало другую, быть можетъ, еще болѣе реальную и грозную опасность—тяготѣнія къ Россіи, если новооткрытый народъ былъ дѣйствительно «eine Art der russischen Volk». И потому въ національномъ отношеніи австрійское правительство пошло по линіи наименьшаго сопротивленія, склонившись къ тактикѣ германизаціи, продолжавшейся вплоть до наступленія въ Австріи конституціонной эры, хотя, конечно, временами и должно было дѣлать извѣстныя уступки необходимости считаться съ потребностями одного изъ своихъ народовъ. По крайней мѣрѣ во всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ того времени не видно и слѣда какой-нибудь разумной или хотя бы даже опредѣленной политики въ отношеніи культурнаго подъема украинскаго народа путемъ использованія его національныхъ особенностей. [1])

Но упорядочить жизнь въ новоприсоединенной области было

---

[1]) «Постояннымъ желаніемъ правительства,—читаемъ въ одной инструкціи по школьному надзору, изданной въ 1797 г.—было, чтобы молодые подданные, ради собственной пользы, знали языкъ правительства, то-есть нѣмецкій, и потому почти вездѣ назначаются учителя, знающіе оба языка». Другой языкъ—не украинскій, какъ можно было бы думать, а польскій. «Но такъ какъ,—продолжаетъ упомянутая инструкція,— не языкъ, а познаніе и воспитаніе составляютъ сущность (школы), то правительство поэтому разрѣшило въ деревняхъ учить на польскомъ языкѣ». («Матеріяли до культурноі історії Галицької Руси», стр. 98). Очевидно, что дѣло познанія и воспитанія въ украинской деревнѣ такъ же плохо обслуживалось при помощи польскаго языка, какъ и нѣмецкаго.

необходимо,—слишкомъ ужъ вопіяли о себѣ галицкіе порядки полной анархіей и разстройствомъ,—потому первыя десятилѣтія послѣ 1772 г. въ Галичинѣ протекли среди оживленной реформаціонной дѣятельности. Эта дѣятельность вытекала изъ общихъ основъ господствовавшаго тогда въ Европѣ такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма и отличалась чрезмѣрной вѣрой въ силу бюрократическаго творчества, выражаемую безчисленнымъ количествомъ распоряженій и приказовъ, остававшихся часто лишь на бумагѣ и мало проникавшихъ въ толщу дѣйствительной жизни. Но все-таки даже и при такомъ направленіи реформаторской дѣятельности, новой власти удалось на первыхъ же порахъ внести значительныя улучшенія въ экономической, соціальной и культурной жизни края, въ дальнѣйшемъ послужившія основаніемъ уже для дѣйствительно плодотворной работы на пользу народныхъ массъ. Дѣятельность эта протекала при глухой оппозиціи мѣстной польской шляхты, сосредоточенной въ возобновленномъ съ 1775 г. областномъ «Представительствѣ Сословій», [1]) носившемъ, естественно, ярко выраженный польскій характеръ и на реформы смотрѣвшемъ, какъ на покушеніе бюрократіи на свои шляхетскія права и привилегіи. Тѣмъ не менѣе, сила была на сторонѣ государства, и оно прежде всего постаралось упорядочить административное устройство Галичины, раздѣливъ ее на округи, создать сильную полицейскую власть для борьбы съ опришками, ввести государственное обложеніе, распространивъ его и на шляхту, до того времени совершенно свободную отъ какихъ бы то ни было платежныхъ обязательствъ по отношенію къ государству, и т. п. Но главныя мѣропріятія, грозившія полнымъ переворотомъ въ области соціальныхъ и экономическихъ отношеній, относятся къ аграрной политикѣ австрійскаго правительства. Императрица Марія Терезія и ея наслѣдникъ Іосифъ II, который лично посѣтилъ всѣ области своей имперіи, были поклонниками моднаго тогда ученія физіократовъ и, особенно послѣдній, земледѣліе считали основой богатства, а земледѣльческій классъ единственно производительнымъ классомъ. [2]) Вотъ почему упоря-

---

[1]) Всѣ провинціи австрійской короны уже тогда пользовались нѣкоторой слабой тѣнью областной автономіи въ видѣ «Представительства Сословій». Въ Галичинѣ первое сословіе, магнатское, составляли титулованныя особы (князья, графы и бароны) и высшее духовенство (архіепископы и епископы); ко второму сословію, рыцарскому, относилась вся шляхта, а изъ духовныхъ прелаты и каноники; наконецъ, все третье сословіе, мѣщанское, было представлено двумя делегатами отъ города Львова. Такимъ образомъ въ областномъ представительствѣ, въ первичной его формѣ, украинское населеніе, какъ исключительно крестьянская масса, вовсе не нашло себѣ мѣста.

[2]) «Земля, которую природа дала человѣку для пропитанія,—писалъ Іосифъ II,—является единственнымъ источникомъ, изъ котораго все

доченіе земельныхъ отношеній, съ явнымъ уклономъ въ сторону интересовъ крестьянства, сдѣлалось осью австрійской политики въ Галичинѣ въ первые годы по ея присоединеніи къ Австріи.

Первымъ шагомъ къ ограниченію крѣпостного права былъ изданный уже въ 1772 г. императорскій патентъ о такъ называемыхъ инвентаряхъ, т. е. о точномъ обозначеніи какъ размѣровъ имущества доминій и крестьянъ, такъ и тѣхъ повинностей, которыми обязаны были крестьяне предъ помѣщиками. При этомъ выяснилось, что у большинства помѣщиковъ не было вовсе какой-либо опредѣленной системы отношеній, тѣмъ болѣе въ письменной формѣ,—отношенія регулировались «обычаями», конечно, для помѣщиковъ необязательными; у нѣкоторыхъ существовали инвентарныя правила, но они давно уже перестали играть роль связующей и опредѣляющей правовой силы. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, созданнаго патентомъ 1772 г., одни изъ помѣщиковъ списывали въ качествѣ инвентарей все, что было установлено практикой послѣдняго времени, другіе предоставляли составленіе инвентарей правительственнымъ чиновникамъ. Но вообще требованіе объ инвентаряхъ прозвучало на галицкой почвѣ несомнѣнной угрозой существующему порядку. На фонѣ неограниченнаго безправія, которымъ регулировались въ Галичинѣ крѣпостныя отношенія, уже сама попытка точно опредѣлить эти отношенія и тѣмъ положить предѣлъ дальнѣйшему возрастанію барщинной тяготы, должна была произвести впечатлѣніе серьезнаго вмѣшательства государственной власти въ «патріархальныя» отношенія, и потому была встрѣчена помѣщиками, какъ неслыханный произволъ. Дальнѣйшими шагами въ томъ же направленіи слѣдуетъ признать патентъ 1774 г. о такъ-называемыхъ фассіяхъ, т. е. требованіе точнаго обозначенія доходовъ, получаемыхъ помѣщиками[1]), а также патентъ 1775 г. о земельномъ

возникаетъ и къ которому все возвращается назадъ и который на вѣчныя времена остается постояннымъ и неизмѣннымъ» (*Франко*—Панщина, стр. 35).

[1]) Указъ 3-го іюля 1775 г., изданный, несмотря на упорные протесты дворянства въ Галиціи, наносилъ чувствительный ударъ помѣщичьимъ привилегіямъ: принудительная продажа крестьянами своихъ произведеній и навязываніе помѣщиками своихъ продуктовъ, особенно водки— этой главной доходной статьи, были строго запрещены. Денежные штрафы отмѣнялись; нерадивые и непослушные крестьяне наказывались тѣлесно непремѣнно въ присутствіи самаго владѣльца или управляющаго; на притѣсненія разрѣшалось жаловаться окружному начальнику...., время, проведенное въ извозѣ, зачитывалось въ барщину,... въ страдную пору крестьяне избавлялись отъ дальнихъ посылокъ. И барщина, и оброки должны были ограничиваться тѣмъ, что «было указано въ старыхъ подлинныхъ инвентарныхъ итогахъ, распоряженіе, въ сущности, иллюзорное, такъ какъ ни въ одномъ почти имѣніи таковыхъ нельзя было найти». *Митрофановъ*. Политич. дѣятельность Іосифа II, 545—546, ср. *L. von Mises* 39—41. *Ред.*

обложеніи въ Галичинѣ. Впечатлѣніе отъ этихъ распоряженій было тѣмъ сильнѣе, что они сопровождались оговорками о нежеланіи коренной ломки и увѣщаніями по адресу крѣпостныхъ исполнять установленныя повинности, хотя въ то же время били въ самое чувствительное мѣсто галицкихъ аграріевъ—въ ихъ убѣжденіе, что власти ихъ надъ крѣпостными нѣтъ предѣловъ и никто вмѣшиваться въ «патріархальныя» отношенія между «дворомъ» и «хлопомъ» не можетъ.

Гораздо радикальнѣе поступалъ императоръ Іосифъ II, убѣжденный противникъ шляхты, на борьбу съ ея своеволіемъ и феодальными пережитками посвятившій все свое недолгое царствованіе. По словамъ историка общественнаго движенія въ Галичинѣ, Іосифъ II «могъ сломить силу могучаго противника, въ лицѣ шляхты, лишь опираясь на классъ, бывшій до того безправнымъ, но представлявшій собой силу, способную нейтрализовать силы противника и облегчить выполненіе правительственныхъ плановъ. Этой силой были крестьяне. Что касается Галичины, то здѣсь защита крестьянскихъ интересовъ приносила императору двойную выгоду. Галичина, еще только недавно вошедшая въ составъ австрійской имперіи, не обладала ни австрійскими традиціями, ни той внутренней связью съ государствомъ и короной, какую въ остальныхъ провинціяхъ выработала многовѣковая жизнь подъ властью данной династіи. А кромѣ того и противникъ, въ лицѣ шляхты, здѣсь былъ гораздо сильнѣе и глубже пустилъ корни въ жизни края, чѣмъ дворянство въ старыхъ провинціяхъ Австріи. Здѣсь она являлась не только классомъ экономически и политически привилегированнымъ, но и самодержавнымъ господиномъ края, представляла въ Галичинѣ и народъ, и государство, и династію. Поэтому, опираясь на галицкое крестьянство, Іосифъ II не только ломалъ силу могущественной шляхты, но и въ самой области находилъ классъ, который связывалъ и соединялъ новоприсоединенную провинцію съ его династическими и государственными интересами и со всей Австріей. Этимъ путемъ Австрія переставала быть для Галичины чужимъ государствомъ, лишь поверхностно связаннымъ съ нею, но пріобрѣтала внутреннее значеніе и сливала галицкую общественную жизнь съ австрійской». [1]) Исходя не только изъ личныхъ своихъ убѣжденій, но и изъ государственныхъ соображеній, Іосифъ II въ самомъ дѣлѣ открылъ новую страницу въ исторіи Галичины, и что это не было ошибкой, что его политика была дѣйствительно дальновидной, истинно государственной полити-

---

[1]) *Заневич Ів.* — Літературні стремління Галицьких Русинів від 1772 до 1872 р.; «Жите і Слово», 1894, т. І, стр. 213.

кой, показываетъ отношеніе украинскаго народа въ Галичинѣ къ его памяти. Образъ «хлопського цісаря» (мужицкаго императора) здѣсь до сихъ поръ окруженъ ореоломъ благодарности и преданности и память его жива, питаясь всякаго рода легендарными преданіями.

Іосифъ II вначалѣ исходилъ изъ реформъ своей матери, постановивъ патентомъ отъ 5 января 1781 г., что лишь неопротестованные крестьянами и вполнѣ согласные съ позднѣйшими фассіями инвентари остаются въ силѣ. Этимъ достигалось предупрежденіе новыхъ злоупотребленій и тяготъ со стороны помѣщиковъ. Но уже распоряженіемъ по придворной канцеляріи отъ 23 апрѣля 1781 г. императоръ заявилъ, что цѣлью его является «уничтоженіе во всемъ государствѣ крѣпостной зависимости и установленіе умѣренныхъ обязательствъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 20 ноября 1781 г. временно установлено, что барщина не можетъ быть болѣе 3 дней въ недѣлю. Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 5 апрѣля 1782 г. въ Галичинѣ опубликованъ патентъ, уничтожавшій личную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. На основаніи этого патента крѣпостные получили право вступать въ бракъ, отдавать дѣтей въ обученіе и отправляться на заработки безъ разрѣшенія помѣщиковъ; послѣдніе, кромѣ того, лишены были права брать крѣпостныхъ, безъ ихъ согласія, для несенія личной службы при дворѣ. Этимъ собственно закрѣпощенію крестьянъ, прикрѣпленію ихъ къ землѣ былъ нанесенъ такой ударъ, отъ котораго оно не смогло уже никогда оправиться. 16 іюня 1786 г. появился новый патентъ, который съ чисто нѣмецкой педантичностью и скрупулезностью до мельчайшихъ подробностей опредѣлялъ повинности крестьянъ предъ помѣщиками и отмѣнялъ всѣ практиковавшіеся, сверхъ означенныхъ въ патентѣ, работы и платежи. Въ слѣдующемъ году уничтожено право помѣщика судить своихъ крѣпостныхъ и юрисдикція передана въ руки спеціально созданныхъ органовъ («юстиціарій» или «мандаторъ»), вслѣдствіе чего крестьяне получили возможность судомъ защищаться отъ притѣсненій и искать возстановленія нарушенныхъ помѣщиками правъ. Наконецъ, послѣ перваго въ Австріи земельнаго кадастра, патентомъ 10 февраля 1789 г. введено было новое податное обложеніе, которое застигало крѣпостное право въ его послѣднемъ убѣжищѣ. Въ силу указаннаго патента, основаніемъ для обложенія былъ признанъ исключительно доходъ, получаемый отъ земли, при чемъ 70% дохода остается земледѣльцу, $12^2/_9$% поступаетъ въ казну въ качествѣ земельнаго налога, а остальные $17^7/_9$%—помѣщику въ возмѣщеніе всѣхъ повинностей и платежей, которыми обязанъ былъ предъ ними крестьянинъ.

Взиманіе какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ платежей было вмѣстѣ съ тѣмъ изъято изъ рукъ помѣщиковъ и возлагалось на сельскія и окружныя власти. Установивъ процентное отношеніе платежей помѣщикамъ, патентъ вводитъ, какъ общее правило, переложеніе всѣхъ натуральныхъ повинностей на деньги и замѣну ихъ указанными денежными платежами. «Деньги,—постановляетъ патентъ,—должны быть единственной формой и мѣриломъ крестьянскихъ повинностей. Барщина и взиманіе части продукта въ натурѣ для всѣхъ, кто платитъ свыше 2 гульденовъ земельнаго налога, уничтожаются и замѣняются денежными платежами. Только безземельные («комірники» и «халупники»), платящіе меньше 2 гульденовъ налога, обязываются и на будущее время нести барщину». Фактически это означало полное уничтоженіе крѣпостного права со всѣми вытекавшими изъ него послѣдствіями. Съ переложеніемъ натуральныхъ повинностей на деньги, собираемыя притомъ органами государственной власти, рушилась въ сущности всякая зависимость крестьянина отъ помѣщика. Наоборотъ, на помѣщиковъ была возложена обязанность, въ случаѣ неурожая, голода и стихійныхъ бѣдствій, помогать крестьянамъ, такъ какъ это «долгъ помѣщика и предъ самимъ собою, и предъ крестьянами». Императоръ не ограничился, впрочемъ, приведенной сентенціей, а создалъ цѣлую систему штрафовъ за притѣсненія крестьянъ («преграваціа»), при чемъ деньги,поступавшія въ видѣ штрафовъ, такъ называемыя преграваціонныя суммы, предназначались на устройство запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ («шпіхлірі»), изъ которыхъ крестьяне могли бы получать ссуды въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Реформы Іосифа II, проводимыя послѣдовательно и твердой рукой, возбудили сильное возмущеніе среди шляхты, почувствовавшей, что почва заколебалась у ней подъ ногами. Въ сопротивленіи реформаторскимъ мѣропріятіямъ починъ и руководительство принадлежали упомянутому уже «Представительству Сословій», которое по своему узко-классовому составу, разумѣется, не могло стать добровольно на путь реформъ и все время пыталось вкладывать палки въ колеса надвигающихся событій. Изъ всей оппозиціи этого почтеннаго учрежденія и отдѣльныхъ представителей благороднаго сословія ясно сквозила одна тенденція—представить положеніе крестьянъ при старыхъ порядкахъ райскимъ, отношенія между крѣпостными и помѣщиками ихъ личнымъ, домашнимъ дѣломъ, а соціальныя реформы безсмысленнымъ и беззаконнымъ вторженіемъ центральной бюрократіи въ неподлежащую ея компетенціи область. Наоборотъ, если кому и былъ, по мнѣнію крѣпостниковъ, невыгоденъ старый порядокъ,

то лишь помѣщикамъ, и по странной логикѣ защитниковъ «патріархальныхъ отношеній» выходило, что шляхта собирается стать на защиту именно этого невыгоднаго для нея порядка... При жизни Іосифа II эта слишкомъ самоотверженная защита не имѣла успѣха и одна за другой падали твердыни рабства. Къ сожалѣнію, императоръ всего лишь на нѣсколько мѣсяцевъ пережилъ свой послѣдній актъ, а съ его смертью (20 февраля 1790 г.) умерли въ значительной части и его реформы. Реакція хотя и понесла чувствительный уронъ, но одержала побѣду въ главнѣйшемъ, отсрочивъ паденіе крѣпостного права еще на 60 лѣтъ. [1])

Наслѣдники Іосифа II (Леопольдъ IV, 1790--1792 и Францъ II, 1792—1835), отчасти изъ боязни польскаго возстанія въ Галичинѣ, отчасти вообще напуганные событіями французской революціи, круто повернули назадъ, желая опереться на шляхту противъ растущей демократіи. Реакція подняла голову и добилась отмѣны патента 1789 г. Пришли такъ называемые «тяжкі роки» для крестьянъ; Австрія ввязалась въ долголѣтнюю войну съ Франціей, пережила неудачныя для нея Наполеоновскія войны,[2]) финансовый крахъ 1811 г. и вступила затѣмъ въ затяжную полосу Меттерниховской реакціи съ ея охраной прерогативъ шляхты и королей. О народныхъ интересахъ некому было заботиться, и подъ шумъ кровопролитныхъ войнъ крѣпостные порядки вводятся опять. Крестьянство отвѣтило на реставрацію рядомъ бунтовъ и новымъ появленіемъ опришковъ, требуя возвращенія къ реформамъ Іосифа II, но на этотъ разъ полицейскому государству легко было справиться съ неорганизованнымъ движеніемъ: шляхта теперь, въ лицѣ австрійской государственной власти, имѣла къ своимъ услугамъ хорошо налаженный для усмиреній полицейскій аппаратъ и вооруженной рукой безпощадно подавляла всякое недовольство. И лишь въ глубинѣ народной жизни, незамѣтныя на поверхности, накоплялись исподволь живыя силы, которыя вели къ національному возрожденію и чрезъ посредство его къ соціальному и экономическому освобожденію украинскаго народа. Слабыми проблесками сказываются онѣ уже въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX в., чтобы къ 30-мъ годамъ дать уже вполнѣ сознательныхъ піонеровъ освободительнаго національнаго движенія.

Какъ было уже указано, въ моментъ присоединенія Галичины

---

[1]) Сжатый обзоръ реформаціонныхъ мѣропріятій Іосифа II даетъ г. Франко въ упоминавшихся уже работахъ «Панщина і її скасування» и «Громадські шпіхлірі в Галичині».

[2]) Между прочимъ, въ 1809 г. отошла, было, къ Россіи часть Галичины (Тернопольскій округъ), возвращенная обратно лишь въ силу постановленія Вѣнскаго конгресса 1815 г.

къ Австріи украинскій народъ не былъ представленъ какими-либо сознательными элементами и совершенно покрывался понятіемъ уніатскаго исповѣданія. Здѣсь не было даже тѣхъ «любителей малороссійскаго слова», которые не перевелись еще на приднѣпровской Украинѣ и къ концу вѣка дали такое могучее доказательство своего существованія въ литературномъ возрожденіи родного слова, какъ знаменитая «Енеіда» Котляревскаго. Но силою вещей національныя особенности украинскаго населенія сейчасъ же сказались, какъ только пришлось перейти къ практическимъ мѣропріятіямъ культурнаго характера,— неясно, неполно, съ извѣстными колебаніями и уклоненіями въ стороны, но все-таки было признано, что «Rutheni» или «Rusniaki» не то же, что поляки, и уже декретами 1786 и 1787 г.г. украинскій языкъ признанъ былъ «Landes-Volk-und-Nationalsprache». Но прежде чѣмъ наполнить эту оффиціальную форму живымъ содержаніемъ и раскрыть данныя скобки, самимъ галицкимъ украинцамъ пришлось пройти довольно продолжительную и сложную эволюцію, ознаменовавшуюся явленіями, по меньшей мѣрѣ не свидѣтельствующими объ ихъ національной чуткости и отзывчивости, не говоря уже о пониманіи народныхъ интересовъ даже въ самой ихъ элементарной формѣ.

Поднятію культурнаго уровня украинскаго населенія косвеннымъ образомъ содѣйствовали уже тѣ мѣропріятія соціальнаго и экономическаго характера, о которыхъ шла рѣчь на предшествующихъ страницахъ. Аграрныя реформы съ тенденціей улучшить положеніе крестьянскихъ массъ были украинскимъ національнымъ дѣломъ уже потому, что украинская народность въ Галичинѣ въ то время совпадала съ крестьянскимъ земледѣльческимъ классомъ. Но мы имѣемъ также рядъ мѣропріятій, прямо направленныхъ къ распространенію грамотности и образованія среди народа. Кромѣ упомянутыхъ уже «дяківок» и двухъ школъ съ преподаваніемъ на «рускомъ» языкѣ (братская школа во Львовѣ и другая при базиліанской гимназіи въ Дрогобычѣ), въ 1791 г. было предписано заводить по деревнямъ восточной Галичины народныя, такъ называемыя тривіальныя (трехкласныя), школы съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о томъ, насколько это и ежегодно повторявшіяся всевозможными властями подобныя же распоряженія выполнялись на практикѣ. Зато имѣемъ факты противоположнаго значенія—совершенное почти отсутствіе учебниковъ, такъ что въ немногихъ извѣстныхъ намъ случаяхъ обученія приходилось пользоваться даже сербскими учебниками, занесенными въ Галичину черезъ Угорщину; застращиваніе крестьянъ

тѣмъ, что правительство, заводя школы, заботится только о грамотныхъ солдатахъ и, наконецъ, дѣйствительно практиковавшаяся нѣкоторыми помѣщиками отдача грамотныхъ крестьянъ и даже ихъ учителей-дяковъ въ рекруты; невозможное состояніе школьныхъ помѣщеній, охарактеризованное однимъ учителемъ какъ «so schlecht, dass man seines Lebens nicht sicher ist»; очевидная германизаціонная тенденція,вообще оставлявшая мало простора мѣстному элементу въ обученіи, и т. д. Правъ, поэтому, изслѣдователь школьнаго дѣла въ Галичинѣ въ концѣ XVIII в., говоря, что несмотря на «цѣлое наводненіе» ежегодно повторявшихся распоряженій и приказовъ объ основаніи школъ, несмотря на «стоги исписанной по этому поводу бумаги»—«украинскій народъ въ Галичинѣ вслѣдствіе равнодушія главнымъ образомъ тѣхъ властей, которыя ближе всего стояли къ нему, и отсутствія соотвѣтствующихъ своему назначенію школьныхъ учебниковъ, вступилъ въ XIX в. въ состояніи поголовной безграмотности и темноты, не освобожденный отъ предразсудковъ и даже безъ стремленія къ удовлетворенію культурныхъ потребностей» [1]). Болѣе серьезныя попытки насажденія грамотности мы встрѣтимъ уже значительно позже.

Болѣе успѣха имѣли, повидимому, мѣропріятія относительно средняго и высшаго образованія и то главнымъ образомъ потому, что они предназначены были для удовлетворенія нуждъ церкви и вслѣдствіе этого встрѣчали больше сочувствія въ заинтересованныхъ кругахъ высшаго галицкаго духовенства. Уже въ 1774 г., по распоряженію Маріи Терезіи, основана была въ Вѣнѣ уніатская семинарія, Barbareum, для нуждъ уніатовъ имперіи, и 14 мѣстъ въ этомъ заведеніи было предоставлено уроженцамъ Галичины. Есть также извѣстія, что въ 1780—1782 г.г. во Львовѣ существовала частная семинарія, а въ Перемышлѣ въ то же время епархіальное того же типа учебное заведеніе. Въ 1783 г. открыта была уніатская семинарія во Львовѣ съ преподаваніемъ на «рускомъ» языкѣ. Что во всѣхъ упомянутыхъ школахъ былъ значительный наплывъ учащихся не только изъ Галичины, но также изъ соединенной съ нею Буковины и сосѣдней Угорщины, показываютъ позднѣйшія свидѣтельства компетентныхъ людей. По словамъ Головацкаго, часто цитируемымъ украинскими изслѣдователями, «за первыя десять лѣтъ австрійскаго управленія столько русинъ пріобрѣли въ Вѣнѣ и Львовѣ степени докторовъ богословія, что заняли почти всѣ богословскія каѳедры во львов-

---

[1]) *Левицький Ів. Ем.*—Погляд на розвій низшого і висшого шкільництва въ Галичині в рр. 1772—1800, въ сборникѣ «Матеріяли до культурної історії Галицької Руси», Львів, 1902, стр. 125—126.

скомъ университетѣ, а также и нѣкоторыя свѣтскія каѳедры; между профессорами тогдашняго львовскаго университета лишь изрѣдка можно было встрѣтить армянина, нѣмца или чеха, а поляка не было ни одного». Успѣхъ, повидимому, былъ весьма значительный по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда «всякое дыханіе» привлекалось къ просвѣтительной дѣятельности.

Въ 1784 г. былъ основанъ университетъ во Львовѣ, въ составѣ четырехъ факультетовъ. Когда въ слѣдующемъ году была расширена и преобразована львовская духовная семинарія, то епископъ львовскій, Петръ Бѣлянскій, обратился къ императору съ ходатайствомъ, чтобы на философскомъ и богословскомъ факультетахъ новооснованнаго университета всѣ предметы для будущихъ священниковъ преподавались на ихъ родномъ языкѣ. Это ходатайство было удовлетворено сначала, въ 1786 г., разрѣшеніемъ пользоваться роднымъ языкомъ исключительно въ стѣнахъ семинаріи при домашнихъ занятіяхъ, но уже въ слѣдующемъ году разрѣшеніе было расширено и преподаваніе «въ рускомъ языцѣ» было перенесено въ стѣны университета и сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ кандидатовъ духовнаго званія подъ названіемъ «Studium ruthenum» или «Рускій Институтъ». Между прочимъ, распоряженія 1786 и 1787 г.г. были первыми, которыя офиціально признавали за украинскимъ или, по терминологіи того времени, «рускимъ» языкомъ права Nationalsprache.

Вѣсть о допущеніи родного языка въ стѣны высшаго учебнаго заведенія была встрѣчена современниками съ чувствомъ живѣйшей радости и энтузіазма, съ повышенными надеждами. Одинъ изъ участниковъ и очевидцевъ этого знаменательнаго событія, состоявшій въ числѣ первыхъ профессоровъ, преподававшихъ по новому положенію, Ив. Гарасевичъ, писалъ впослѣдствіи, что «день первый мѣсяця листопада 1787 есть и будетъ всегда памятнымъ въ житію народномъ каждого галицкого Русина; въ тотъ бо день осуществилося найвысшое рѣшеніе: на любомудрію и богословію отозвалися учители народно-церковно-рускимъ языкомъ; а въ домашнихъ приготовленіяхъ трижде ежеседмично упражнялися нашии убѣгатели сана священнического безъ изъятія въ рускомъ языцѣ. Се было,—прибавляетъ патетически Гарасевичъ,—истиннымъ восхищеніемъ слухати, якъ молодыи таланты свое быстроуміе въ политическихъ упражненіяхъ на своемъ родимомъ языцѣ изъясняли и якъ превосходно въ такъ важномъ дѣлѣ просвѣщенія поступали» [1]). Казалось, что начатому при такихъ

[1]) Тамъ же, стр. 118; *Огоновскій О.*—Исторія литературы рускои, ч. II, в. 1, стр. 49. Въ 1787—1797 г.г. Studium ruthenum состоялъ изъ слѣдующихъ предметовъ: догматика (проф.: Скородинскій, Дуткевичъ и Грепевецкій), церковная исторія (Захаріясевичъ и Бѣлецкій), этика (Павло-

благопріятныхъ предзнаменованіяхъ и при такомъ настроеніи дѣлу предстоитъ вполнѣ обезпеченная будущность.

Но оказалось на самомъ дѣлѣ, что пріобрѣтеніе было соединено и съ извѣстными терніями, притомъ настолько чувствительными, что они заставили вскорѣ самихъ же энтузіастовъ просить объ отмѣнѣ даннаго имъ преимущества и о замѣнѣ ихъ якобы родного языка латинскимъ или польскимъ. Въ 1805 г. львовскій университетъ былъ переведенъ въ Краковъ, а по возвращеніи его обратно во Львовъ въ 1818 г. уже не было и рѣчи о возобновленіи «рускихъ» каѳедръ. Въ семинаріи преподаваніе на «рускомъ» языкѣ продолжалось до 1808 г., когда тоже было упразднено съ замѣною латинскимъ. Чѣмъ объясняется это удивительное обстоятельство столь быстраго увяданія столь пылкаго энтузіазма? Насколько мнѣ извѣстно, изъ всѣхъ писавшихъ объ этомъ пикантномъ пассажѣ, одинъ лишь г. Кревецкій пытается найти смягчающія обстоятельства для представителей тогдашняго интеллигентнаго общества въ Галичинѣ. По его словамъ, вообще Studium ruthenum имѣлъ характеръ временнаго учрежденія исключительно для кандидатовъ священства изъ неподготовленныхъ къ слушанію университетскаго курса въ полномъ объемѣ молодыхъ людей. Для поступленія въ «Рускій Институтъ» требовался меньшій объемъ знаній и соотвѣтственно этому воспитанники Studii rutheni пользовались и меньшими правами, чѣмъ священники, прослушавшіе обычный университетскій курсъ (получали половинное содержаніе, не допускались къ высшимъ должностямъ и т. д.). Институтъ поэтому же не пользовался университетскими правами, именовался презрительно Winkelschule, и профессорская коллегія не принимала въ свой составъ его преподавателей, по поводу чего поступали даже жалобы, напр. со стороны профессоровъ Земанчика и Лодія. Вообще это была наука, такъ сказать, второго сорта, и упраздненіе ея было неизбѣжно съ устраненіемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ ея появленіе, то есть съ умноженіемъ получившихъ обычное научное образованіе кандидатовъ священства. Слѣдовательно, прозябаніе этого временнаго учрежденія «шло автоматично, само собой, совершенно независимо отъ благопріятнаго или неблагопріятнаго къ нему отношенія со стороны украинцевъ того времени» [1]). Все это, разумѣется, фактически

вичъ и Шанковскій), экзегетика и пастырское богословіе (Гарасевичъ и Радкевичъ), языки еврейскій и греческій (Радкевичъ), церковное право (Ангеловичъ), математика и физика (Земанчикъ), философія (Лодій). Впослѣдствіи Лодій перешелъ на службу въ Россію и съ 1803 г. состоялъ профессоромъ логики, метафизики и теоріи общихъ правъ въ петербургскомъ университетѣ.

[1]) *Кревецький Iв.*—Неоправданi докори. «Записки Наук. Т-ва iм. Шевченка», т. 102, стр. 126.

справедливо, однако столь же справедлива и противоположная оцѣнка этого возбудившаго такія повышенныя надежды учрежденія: «отъ него почти вовсе не осталось какихъ-либо слѣдовъ культурнаго характера. Оно не было ни разсадникомъ національнаго сознанія, ни средствомъ перемѣщенія украинскаго слова изъ-подъ курной сельской крыши на болѣе широкую арену общественной жизни», какъ справедливо замѣчаетъ Левицкій. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ и науку «второго сорта» поднять на высшую ступень, заставить уважать себя и тѣмъ доказать необходимость постояннаго существованія этого «временнаго» института, современные дѣятели переходили отъ повышенныхъ надеждъ и ожиданій къ столь же повышенному унынію и сами бѣжали съ поля битвы, прежде чѣмъ противникъ нанесъ имъ рѣшительный ударъ. Вся бѣда была въ томъ, что «молодые таланты» сами сомнѣвались въ своихъ силахъ и добровольно очистили арену для противниковъ, больше—перешли въ лагерь ихъ, такъ какъ тамъ представлялось и больше почета, и больше матеріальныхъ выгодъ. Объективнымъ показателемъ этого непониманія собственныхъ интересовъ и отсутствія какой-либо сознательной національной идеи служитъ самый языкъ, употреблявшійся на лекціяхъ и въ ученыхъ трудахъ дѣятелей этого времени. По приведенному выше опредѣленію Гарасевича, это былъ «народно-церковно-рускій языкъ», то есть, вовсе не народный, а тотъ отжившій уже, макароническій, неспособный къ развитію «словено-рускій» языкъ, который господствовалъ въ схоластической наукѣ на Украинѣ въ теченіе предшествовавшихъ вѣковъ и уже никого неспособенъ былъ ни согрѣвать, ни возбуждать къ живой дѣятельности. Мертвое слово, естественно, падало на мертвую же и потому черствую и безплодную почву. Современные дѣятели, торжествовавшіе по поводу того, что за ихъ языкомъ признаны права «Nationalsprache», въ сущности сами не понимали, о какомъ языкѣ идетъ рѣчь. «Все ваше несчастье,—писалъ впослѣдствіи извѣстный славянскій дѣятель, Копитаръ, по адресу одного изъ галицкихъ дѣятелей,—что вы имѣете два языка—одинъ церковный, другой для домашняго обихода» [1]). и отъ этого происходило то «служеніе двумъ господамъ», по картинному выраженію того же Копитара, то раздвоеніе, которое сказывалось еще долгое время впослѣдствіи, а отчасти сказывается еще и теперь. Воспитанное на образцахъ мертвой церковщины, духовенство ее считало роднымъ языкомъ и даже не догадывалось, что лишь въ живой рѣчи народа лежитъ настоящій

[1]) *Маковей О.*—Три галицькі граматики. «Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка», т. 54, стр. 67.

источникъ національнаго возрожденія, способный оживить и оплодотворить и науку, и общественную жизнь той сильной демократической струей, которая стихійно содержится въ элементахъ народной рѣчи. Дѣятели того времени сознательно устраняли этотъ элементъ изъ употребленія, въ особенности въ официальныхъ случаяхъ, какъ лекціи, воззванія, ученые труды и т. п. Схоластическая ученость того времени, господствовавшая въ галицкой школѣ, въ особенности полна была презрѣнія къ «подлому» языку «презрѣнной черни» и, конечно, ученые люди меньше, чѣмъ кто иной, способны были пойти въ этомъ отношеніи на какія-либо существенныя уступки живой народной рѣчи. Совершенно наоборотъ. Называя языкъ своихъ произведеній народнымъ, «матернимъ» или «рускимъ», то есть украинскимъ—они на самомъ дѣлѣ чуждались дѣйствительно родного языка, собственно Nationalsprache. Даже прибѣгая иногда, въ силу необходимости, къ народнымъ выраженіямъ, они стыдились этого и сейчасъ же старались болѣе или менѣе краснорѣчивыми оправданіями уничтожить могущее возникнуть у читателя впечатлѣніе сознательнаго употребленія народной рѣчи. «Еже касается перевода,—пишетъ напр. одинъ изъ профессоровъ, Захаріясевичъ,—зане часто выраженій простыхъ употребихъ, сего да не кто мнѣ отъ иностранныхъ *въ зло вмѣняетъ*. Сей трудъ мой едине токмо намѣряетъ *къ пользѣ* (sic!) юношества Рускаго Галиціанскаго»; «сея ради причины,—вторитъ и другой профессоръ, Лодій,—*да не почудится простымъ иногда выраженіямъ* благосклонный читатель» [1]). Отношеніе со стороны ученыхъ авторовъ къ родному языку, подразумѣваемому здѣсь подъ «простыми выраженіями», ясно; но столь же ясно, что и «благосклонному читателю» ничего не оставалось, какъ презрѣть эти труды, ибо гораздо удобнѣе практически было имѣть дѣло съ живымъ, хотя и чужимъ языкомъ, какъ со столь же чужимъ и вдобавокъ мертвымъ... Вотъ почему быстро охладѣли восторженные энтузіасты, и дѣло было проиграно, благодаря собственному недомыслію. Послѣднее представляется тѣмъ болѣе изумительнымъ, что уже тогда въ Галичинѣ мы встрѣчаемъ попытку употребленія въ школьной практикѣ и народнаго или очень близкаго къ послѣднему языка. Говоря это, я имѣю въ виду извѣстную «Полѣтику свѣцкую», изданную въ 1790 г. во Львовѣ въ качествѣ приложенія къ одному изъ немногочисленныхъ тогда букварей [2]). Дорога намѣчалась правиль-

---

[1]) *Левицький Ів.*—Галицько-руська бібліографія за роки 1772—1800. «Зап. Наук. Т-ва ім. Шевченка», т. 52, стр. 30 и 32.

[2]) Объ этомъ любопытномъ памятникѣ см. статьи—Галицко-русскій savoir vivre, «Кіевская Старина», 1891 г., кн. II, и *М. Возняка*—Україньс-

ная, но представители схоластической науки упорно отъ нея отворачивались и зашли въ глухой тупикъ, откуда не представлялось выхода. Единственнымъ оправданіемъ имъ можетъ служить развѣ то обстоятельство, что не они одни нашли тамъ благополучное пристанище: «высокій штиль» тогда преобладалъ и въ Россіи, и современный русскій языкъ также ждалъ еще своихъ реформаторовъ, оживившихъ его живой народной струей лишь впослѣдствіи.

Какъ бы то ни было, но именно съ этого времени, когда въ университетѣ раздалось преподаваніе на «народно-церковно-рускомъ» языкѣ, начинается дѣйствительно угрожающая опасность для украинцевъ въ національномъ отношеніи. Германизація имъ не была страшна просто въ силу уже слишкомъ далекаго разстоянія между денаціонализирующимъ и подлежащимъ денаціонализаціи. Но полонизація представляла уже реальную угрозу. И признаки ея встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Въ теченіе десятилѣтія 1796—1807 г.г. въ Галичинѣ не появилось ни одной книги даже на «народно-церковно-рускомъ» языкѣ. Преемники епископа Бѣлянскаго, какъ Скородинскій или Ангеловичъ, обращались къ своей паствѣ на какомъ угодно языкѣ—по-латыни, по-польски, по-нѣмецки, даже по-французски, но только не на родномъ языкѣ; консисторія также изгнала его изъ своего употребленія. Многіе изъ представителей высшаго духовенства вовсе не умѣли говорить на языкѣ своихъ пасомыхъ, а одинъ изъ недавнихъ «рускихъ» патріотовъ издавалъ уже газету «Dziennik patryotycznych Polaków». Не отставало отъ начальства и низшее духовенство. Встрѣчались священники, которые не въ состояніи были разбирать даже церковно-служебныя книги и переписывали ихъ латинскими буквами; проповѣди произносились большею частью по-польски. Уже въ 20-хъ годахъ XIX ст. Перемышльская консисторія жалуется, что кандидаты духовнаго сана вовсе не умѣютъ читать и говорить на родномъ языкѣ и даже окончившіе семинарію не могутъ прочесть «Отче нашъ» и другихъ общеупотребительныхъ молитвъ [1]). Реакція, наступившая послѣ смерти Іосифа II, еще

кий savoir-vivre з 1770 р., «Украïна», 1914, кн. III. Вотъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ «Полѣтики» съ замѣной лишь устарѣвшаго правописанія.

«Не виявляй того, од кого чув-єсь то, що кажеш; хиба би-сь був певний, же той, хто тобі сказав, не буде о то жалкувати.

Навіть з рівними собі мов скромне і до матеріï, о котрій мовиться; не говори збит много, не будь подібен тим, котрим язик як на коловороті...

Не доноси, що-сь чув о кім злого, і не люби того, хто тобі доносить слово злоє» («Украïна», 1914, кн. III, стр. 53 и 55).

[1]) *Зубрицький М.* — Причинки до історіï руського духовенства в Галичині, «Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка», т. 88, стр. 119—120 *Возняк М.*—Просвітні змагання галицьких украïнців в 19-м в. Львів, 1912, стр. 5—6.

больше содѣйствовала этому мертвящему настроенію; введенная въ концѣ вѣка цензура отрѣзала Галичину также отъ всего живого, что появлялось за границей. «Книгъ Рускихъ въ Галиціи и Лодомеріи Всевысочайшею Царственною властію ценсоромъ» былъ тотъ же Скородинскій, который выступалъ явнымъ врагомъ національнаго возрожденія и ревностнымъ полонизаторомъ. Словомъ, въ новое столѣтіе украинскій народъ въ Галичинѣ дѣйствительно вступалъ при самыхъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ.

Но уже тогда, въ началѣ столѣтія, вмѣстѣ съ сгущающейся реакціей и усиливающимся національнымъ дезертирствомъ, появляются и признаки нѣкотораго отрезвленія, которое свидѣтельствовало о зарождающемся среди галицкихъ украинцевъ національномъ возрожденіи.

С. Ефремовъ.

Искусство Бельгіи.—Сокровища живописи.

При мысли объ ужасахъ современной войны, вспоминается одна старая итальянская картина. Это картина Ботичелли. На ней изображено, какъ ясная богиня разума Аѳина, съ лицомъ, сіяющимъ свѣтомъ и дивною красой, смиряетъ дикаго кентавра, запустивъ свою божественную длань въ его спутанные и всклокоченные волосы. Богиня—защитница свѣта и культуры, кентавръ—символъ дикой животности и варварства. Къ несчастью, свѣтлая богиня покинула теперь міръ, и кентавръ вырвался на свободу; своимъ грубымъ кулакомъ онъ разрушаетъ и громитъ чудеса культуры... И вотъ маленькая страна, въ которой жизнь, какъ въ густо населенномъ муравейникѣ, кишѣла довольствомъ и трудомъ, теперь дымится, какъ огромное пожарище, растоптанная и испепеленная ужасами дикаго нашествія... Но свѣтлый обликъ богини еще живъ въ сердцахъ людей! Обращаясь отъ художественной аллегоріи къ дѣйствительности, мы видимъ, что и въ эти дни небывало-откровеннаго поруганія идеаловъ культуры и гуманности маленькая Бельгія внезапно превратилась въ великую страну героевъ, принесшихъ себя въ жертву для спасенія сосѣдняго государства, для борьбы во имя права и культуры противъ насилія.

Но бельгійцы заслуживаютъ признательности человѣчества не только какъ защитники европейской цивилизаціи: они велики и какъ созидатели ея. Въ сокровищницу европейской культуры они внесли огромный и безцѣнный вкладъ своей творческой духовной работой. Въ особенности ярко, самобытно проявилось духовное творчество Бельгіи въ области искусства и при этомъ, главнымъ образомъ, въ живописи. И въ архитектурѣ и скульптурѣ бельгійцами исполнено много превосходнаго, даровитаго, однако въ этихъ областяхъ они не открывали новыхъ путей, подобно архитекторамъ Франціи, создавшимъ готическій стиль, или скульпторамъ Италіи, этимъ отцамъ Ренессанса: Николо Пи-

зано, Донателло, Микель Анджело. Но въ живописи мастерами Бельгіи было создано нѣчто геніальное, вписана новая страница въ книгу европейской культуры, и не будь этой блестящей страницы, эта книга не мало утратила бы въ своемъ внутреннемъ значеніи и интересѣ. Трудно уяснить причины такого исключительнаго процвѣтанія живописи въ Бельгіи. Какъ на условіе, благопріятное для развитія чувства живописности, можно указать на мягкость, сочность и насыщенность красокъ въ мѣстностяхъ, отвоеванныхъ у моря, какъ Бельгія, Голландія, Венеція. Куда ни бросишь взглядъ, повсюду видишь въ Нидерландахъ насыщенное влагой небо, изумрудные луга, тучныя поля, сочную зелень лѣсовъ, пестрыхъ цвѣтниковъ и огородовъ. Влажные пары придаютъ необычайную гармонію сочетаніямъ красокъ, красота которыхъ развиваетъ чувственность глаза. Но вліяніе природы лишь одно изъ тѣхъ условій, среди которыхъ развивается человѣкъ. Типичныя черты расы, событія исторіи, сношенія съ другими странами опредѣляютъ также характеръ и способности народа, хотя и трудно точно уяснить и учесть эти вліянія. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать справедливость мысли И. Тэна, что «живопись въ Нидерландахъ это цвѣтъ, подготовленный издалека и изъ глубины выработкой жизненныхъ соковъ, сообразно пріобрѣтенному строю и первичной природѣ принесшаго этотъ цвѣтъ растенія», въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, сообразно строю и природѣ того народа, который населяетъ Бельгію. Но блестящая характеристика этого народа, при помощи которой Тэнъ объясняетъ особенности его художественнаго творчества, кажется намъ односторонней, такъ какъ она относится главнымъ образомъ къ фламандскому племени, т.-е. къ германской части населенія Бельгіи, и мало принимаетъ во вниманіе другую часть бельгійцевъ—такъ называемыхъ валлоновъ, галльское племя, примѣсь котораго къ фламандцамъ видоизмѣняетъ чистоту германскаго характера и устанавливаетъ родственныя связи бельгійцевъ съ французами, связи, значеніе и сила которыхъ такъ ярко проявились въ наши дни.

I.

Современное бельгійское королевство образовалось въ 1830 г. До 1830 г. Бельгія чаще называлась Нидерландами, «низовой страной». Живопись Бельгіи достигла высшаго расцвѣта и оригинальности какъ разъ въ Нидерландскій періодъ ея исторіи, отъ XV до XVII вѣка, за этотъ періодъ въ триста лѣтъ и было создано все то необычайное обиліе сокровищъ Нидерландской живописи,

которыми гордятся теперь европейскіе музеи. Но естественно, что особенно блестяще и богато эти сокровища представлены въ музеяхъ и церквахъ Бельгіи, въ Брюсселѣ, Антверпенѣ, Брюгге, Гентѣ, Малинѣ. Въ музеяхъ Брюсселя и Антверпена эти живописныя сокровища старой Бельгіи обступаютъ васъ со всѣхъ сторонъ и прямо ослѣпляютъ богатствомъ красокъ, поражаютъ яркой самобытностью образовъ, творческаго замысла, красотой и силой техники. Вы видите здѣсь цвѣтъ на его стеблѣ, искусство на его родной почвѣ, и ваше восхищеніе получаетъ въ высшей степени живой и напряженный тонъ.

Нидерландская живопись развилась естественно изъ искусства миніатюристовъ. Въ библіотекахъ Брюсселя, Антверпена, Гента, Парижа хранится много рукописныхъ библій, молитвенниковъ, такъ называемыхъ,—часовниковъ, бревіаріевъ, историческихъ повѣствованій и занимательныхъ повѣстей, украшенныхъ чудными миніатюрами французскихъ и нидерландскихъ живописцевъ XIV и XV в.в. Рукописи съ нидерландскими миніатюрами XV и нач. XVI в. считаются самыми красивыми въ мірѣ. Таковы, напримѣръ, бревіарій кардинала Гримани въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи, или часовникъ герцога Іоанна Беррійскаго (Très Riches Heures) въ музеѣ Шантильи или другой часовникъ того же герцога, Les Très Belles Heures de Jean de France, нач. XV в. [1])

Въ произведеніяхъ нидерландскихъ миніатюристовъ были уже подготовлены всѣ основные элементы нидерландской живописи: стремленіе къ реалистической иллюзіи, живое чувство красоты міра въ его цѣломъ, высокое развитіе живописности въ смыслѣ силы красокъ и единства колорита. Но живопись въ обычномъ значеніи слова могла возникнуть лишь съ того момента, какъ эти элементы объединились въ новое цѣлое, получившее черты большого настоящаго искусства, въ противоположность мелкой виртуозности миніатюръ, съ ихъ прикладнымъ значеніемъ книжныхъ иллюстрацій. Это именно и сдѣлали братья Губертъ и Янъ ванъ-Эйки, которыхъ справедливо называютъ отцами Нидерландской школы живописи. Они дали ей геніальное начало въ громадномъ алтарномъ складнѣ «Поклоненіе Агнцу», который былъ исполненъ ими для церкви св. Баво въ Гентѣ. Судя по надписи на рамѣ складная икона была начата старшимъ братомъ Губертомъ ванъ-

[1]) Послѣдняя рукопись разрознена на три части. Лучшая изъ этихъ частей, хранившаяся въ Туринѣ и имѣвшая особенно важное значеніе въ исторіи Нидерландскаго искусства, къ несчастью сгорѣла при пожарѣ Туринской библіотеки въ 1904 г., и ея замѣчательныя миніатюры, красоту и колоритъ которыхъ еще живо помнятъ многіе, видѣвшіе рукопись до пожара, сохранились только въ фотографіяхъ и цвѣтныхъ репродукціяхъ.

Эйкомъ, а послѣ его смерти (1426 г. ?) закончена младшимъ братомъ Яномъ ванъ-Эйкомъ (род. въ 1390 † 1441). Послѣдній, повидимому, работалъ надъ грандіознымъ складнемъ въ теченіе многихъ лѣтъ и закончилъ его въ 1432 г. Когда складень закрытъ, то на внѣшнихъ створкахъ видно Благовѣщеніе, сивиллы и пророки, фигуры двухъ Іоанновъ (Крестителя и Евангелиста—въ видѣ каменныхъ статуй) и портреты колѣнопреклоненныхъ заказчиковъ иконы: Іодока Вейдта (Iodocus Vydt) и его жены. Будучи открытъ, складень представляетъ видъ, воспроизведенный на рис. 1. Въ верхнемъ ряду изображены: Богъ-Отецъ среди Крестителя и Маріи, погруженной въ чтеніе молитвъ, далѣе св. Цецилія за органомъ и хоры ангеловъ, по краямъ Адамъ и Ева; въ нижнемъ ряду средняя икона представляетъ «Поклоненіе Агнцу», справа—шествіе пустынниковъ и пилигримовъ, слѣва кавалькады рыцарей Христовыхъ и судей праведныхъ, направляющихся поклониться Агнцу. [1])

Сказать, кто изъ братьевъ былъ геніальнымъ создателемъ всей композиціи сложнаго складня и далъ въ немъ образецъ новаго монументальнаго творчества, очень трудно. Возможно, что старшій братъ Губертъ сочинилъ всю композицію складня и успѣлъ исполнить три главныя фигуры верхняго ряда: Бога-Отца, Маріи и Крестителя, отмѣченные величавостью и глубиной. Различить работу братьевъ въ остальныхъ частяхъ складня также невозможно въ виду цѣльности исполненія. Эта цѣльность исполненія заставляетъ другихъ думать, что Губертъ не успѣлъ до своей смерти (1426 г. ?) сдѣлать много, и что младшій братъ Янъ закончилъ и переработалъ все произведеніе, придавъ ему единство присущаго ему стиля.

Образы Бога-Отца, Маріи и Крестителя даже превосходятъ нѣсколько обычные размѣры натуры. Такъ какъ весь верхній рядъ образовъ складня помѣщенъ высоко надъ алтаремъ, въ верхней части стѣны, то размѣры ихъ не могли быть меньше. Эти образы верхняго ряда какъ бы присутствуютъ въ качествѣ невидимыхъ свидѣтелей всего изображеннаго въ картинахъ нижняго ряда. Богъ-Отецъ, воплотившійся въ Сынѣ Искупителѣ, Марія, отъ которой родился Искупитель, Креститель, провозвѣстникъ Искупителя, Адамъ и Ева, создавшіе грѣхопаденіемъ необходимость искупленія, св. Цецилія и ангелы, славословящіе искупи-

---

[1]) Створки съ изображеніемъ Бога Отца, Маріи и Крестителя, и «Поклоненія Агнцу» находятся въ ц. св. Баво въ Гентѣ, «Адамъ и Ева»—въ Музеѣ въ Брюсселѣ, «Св. Цецилія», «Хоръ ангеловъ», «пустынники» и «пилигримы», «Рыцари Христовы» и «праведные судьи», «статуи Іоанновъ», портреты донаторовъ и «Благовѣщеніе» въ Музеѣ Берлина. И въ Гентѣ и въ Берлинѣ недостающія части замѣнены хорошими копіями XVI столѣтія.

тельную жертву, созерцаютъ совершающееся внизу поклоненіе Агнцу, символу Искупителя. Обширная религіозно-мистическая мысль нашла себѣ выраженіе въ мощныхъ образахъ и размѣрахъ складня, такъ какъ уже не могла мириться съ характеромъ и рамками миніатюрной иллюстраціи къ тексту. Монументальны, величавы Богъ-Отецъ, Марія и Креститель, хотя въ ихъ обликахъ еще много буржуазнаго характера, мало идеальности. Въ мощной и глубокой точно пылающей и свѣтящейся внутреннимъ свѣтомъ гаммѣ связаны красная одежда Бога, голубая Маріи и зеленая Крестителя. Фигуры выдѣляются на фонѣ золотыхъ нишъ и расшитыхъ золотомъ спинокъ троновъ. Драгоцѣнные камни горятъ, переливаясь въ тіарѣ и коронахъ, въ позументахъ одеждъ. Великолѣпіемъ внѣшняго богатства художникъ стремился передать величіе божественнаго засѣданія, и въ этой особенности проявились столько же наивно-языческое пониманіе архаической эпохи, сколько и привычка, усвоенная Нидерландской живописью отъ миніатюры, любящей изображать блистающіе самоцвѣтные камни, чтобы похвалиться тонкимъ исполненіемъ мелочей.

Въ самомъ «Поклоненіи Агнцу» Ванъ-Эйки дали свободное изображеніе этой темы, какъ она описана въ 7-ой главѣ Апокалипсиса Іоанна. Агнецъ стоитъ на алтарѣ среди цвѣтущаго луга, кругомъ склонились ангелы, со всѣхъ сторонъ идутъ толпы людей, поклониться символу Спасителя. Папы, епископы, священники, апостолы, пророки, патріархи, святые, мученицы и язычники молятся передъ «фонтаномъ жизни» объ утоленіи жажды человѣчества, ищущаго спасенія. И здѣсь есть много образовъ, исполненныхъ силы и характера, а детали ландшафта, деревья, травы, камни и цвѣты изображены съ почти научной точностью и пониманіемъ. Композиція размѣщена съ такимъ же равновѣсіемъ, какъ въ скульптурномъ фронтонѣ античнаго храма. Но религіозно-мистическій характеръ сложной темы потребовалъ слишкомъ большого горизонта: художникъ объединилъ всѣ группы на одномъ ландшафтномъ фонѣ, но онъ не создалъ единаго ландшафта, какъ не создалъ и одной картины изъ этого ландшафта и фигурныхъ группъ, въ немъ размѣщенныхъ. Онѣ разставлены, какъ отдѣльные полки на военномъ парадѣ, безъ внутренней живой и разнообразной связи. Композиція организована, но еще математически, а не въ видѣ жизненнаго органическаго цѣлаго. По яркости и силѣ характеристики выдѣляется примыкающая справа къ главному изображенію группа пустынниковъ и пилигримовъ во главѣ съ великаномъ св. Христофоромъ (рис. 7). Они идутъ среди красотъ южнаго ландшафта, пальмъ, пиній, кипарисовъ и апельсинныхъ рощъ. Ихъ сильныя, полныя характера,

пластичныя лица и фигуры и нѣсколько всклокоченный дикій видъ неумытыхъ, плохо причесанныхъ людей образуютъ выразительный контрастъ съ ясною улыбкой южной природы, съ красивою растительностью, съ чуднымъ голубымъ небомъ и яркимъ свѣтомъ, заливающимъ ландшафтъ и фигуры.

Но Ванъ-Эйки были не только геніальными создателями первыхъ мощныхъ по характеру и мысли образовъ Нидерландской живописи, они были, въ сущности, отцами и всей новой европейской живописи. Ванъ-Эйки, и, повидимому, именно Янъ ванъ-Эйкъ, усовершенствовали способъ живописи на маслѣ. Въ результатѣ Янъ ванъ-Эйкъ достигъ того, что его краски приблизились по глубинѣ и силѣ колорита къ современной масляной живописи. Съ этого момента кончилось въ исторіи европейскаго искусства царство блѣдныхъ матовыхъ тоновъ старой темпера, красокъ на яичномъ бѣлкѣ. Декоративность красивой многоцвѣтности преобладала въ темпера надъ иллюзіей выпуклыхъ формъ, надъ воздушностью пространства, глубиною свѣтотѣни. Достигнуть всѣхъ этихъ эффектовъ можно было только техникой масляныхъ красокъ или близкихъ по характеру къ послѣднимъ. Съ введеніемъ новой техники Ванъ-Эйковъ измѣнился весь характеръ европейской живописи, всѣ ея задачи. Изъ декоративно-многоцвѣтной она стала свѣтотѣневой, стремящейся къ иллюзіи реальности. Не тѣшить глазъ орнаментальной красотой цвѣтовъ, а отразить всю правду жизни, со всею полнотой иллюзіи и познать все окружающее при посредствѣ утонченнаго зрѣнія художника, иначе говоря, превратить искусство изъ декоративнаго орнамента въ средство эстетическаго познанія міра—таковъ былъ идеалъ новой живописи. Этотъ идеалъ былъ въ полномъ соотвѣтствіи съ новымъ міросозерцаніемъ человѣчества эпохи Возрожденія, съ тѣмъ интересомъ ко всему земному, реальному, который такъ характеренъ для людей XV и XVI в.в. въ противоположность мистически-церковнымъ идеаламъ Средневѣковья. Въ своей новой техникѣ Ванъ-Эйки дали міру средства осуществить эти новыя задачи искусства и такимъ образомъ открыли путь къ новому міросозерцанію въ искусствѣ.

Силу и значеніе новой техники лучше всего можно оцѣнить въ изображеніи св. Цециліи (рис. 2). Зрителя прямо поражаютъ эти металлическія трубки органа съ ихъ рѣзкими бликами, эта пластика, реальность въ передачѣ деревянныхъ частей. Только потомъ уже вниманіе переходитъ къ ангеламъ и св. Цециліи. Въ лицахъ господствуетъ еще одинъ общій типъ, но они не лишены выраженія. Какъ далека Цецилія отъ всего земного, когда она прислушивается къ извлеченному ея пальцами созвучію! Какъ

нервны и гибки ея тонкія, привычныя къ игрѣ руки! Чудно выписаны золотыя травы и орнаменты на черномъ фонѣ парчевой одежды св. Цециліи. Черный цвѣтъ и золото связаны коричневыми переливами, всѣ тона объединяются въ этой золотисто-коричневой гаммѣ, и фигуры и предметы точно свѣтятся горячимъ свѣтомъ вечернихъ лучей. Выпуклость формъ, глубина и сила красокъ рѣшительно ошеломляютъ даже современнаго зрителя. Понятно, что для глазъ людей XV в., привыкшихъ къ матовымъ холоднымъ тонамъ темпера или къ яркой, но легкой и прозрачной акварели миніатюръ, эта матеріальность, глубина и горячая свѣтовая сила новыхъ красокъ казались настоящимъ чудомъ, какой-то революціей въ искусствѣ, открывавшей путь къ новому истолкованію міра. И нидерландскіе художники не замедлили отдаться этому истолкованію съ трогательной и горячей любовью къ каждой маленькой подробности и мелочи земного міра. Какъ тонко выписанъ, каждый волосокъ на гладко причесанныхъ затылкахъ и въ пышныхъ кудряхъ ангеловъ и св. Цециліи! Между тѣмъ какъ итальянское искусство болѣе всего отдавало вниманія человѣку, придавая внѣшней обстановкѣ и ландшафту лишь значеніе классической или романтической декораціи, Нидерландское искусство отдалось изображенію общей картины міра, въ которой человѣкъ не выдѣлялся, какъ царящій надо всѣмъ полубогъ, но стоялъ въ одномъ ряду съ другими, окружавшими его предметами. Въ результатѣ итальянское искусство завершилось идеализаціей человѣка въ духѣ гуманизма, титаническими образами сверхчеловѣка въ творчествѣ Микель Анджело, а Янъ ванъ-Эйкъ и его ученики отдѣлывали съ равнымъ вниманіемъ каждую морщинку на старческомъ лицѣ, каждый лепестокъ цвѣтка и бликъ сверкающаго драгоцѣннаго камня. Такъ получилось неотразимо привлекательное, тонкое, интимное переживаніе красотъ реальнаго земного міра. Въ Италіи видимъ идеальное пареніе надъ несовершенствами земного, въ Нидерландахъ — углубленіе въ мелочи земного, согрѣтое любовнымъ вниманіемъ къ человѣку и окружающему міру, въ равной степени къ живой и мертвой природѣ.

Какъ далекъ былъ отъ идеализаціи человѣческаго образа Ванъ-Эйкъ, когда онъ создавалъ образы Адама и Евы (рис. 3) для верхняго ряда Гентскаго складня. Окладистая черная борода и нѣсколько всклокоченные волосы Адама показываютъ, что художникъ хотѣлъ изобразить типъ первобытнаго дикаря, но замыселъ не былъ строго выдержанъ. Въ концѣ-концовъ Ванъ-Эйкъ изобразилъ просто раздѣтаго натурщика; объ этомъ напоминаетъ и различная окраска кожи, загорѣлой, смуглой на лицѣ и рукахъ, и бѣлой,

Рис. 1.

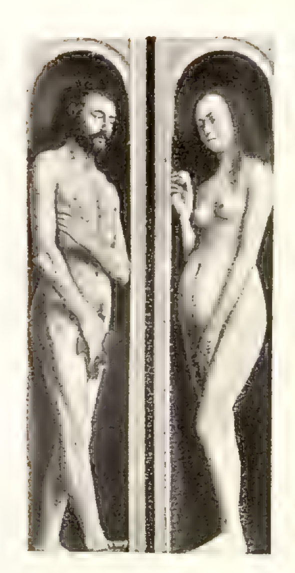

Рис. 3.

Рис. 2.

Рис. 1.

Рис. 5.

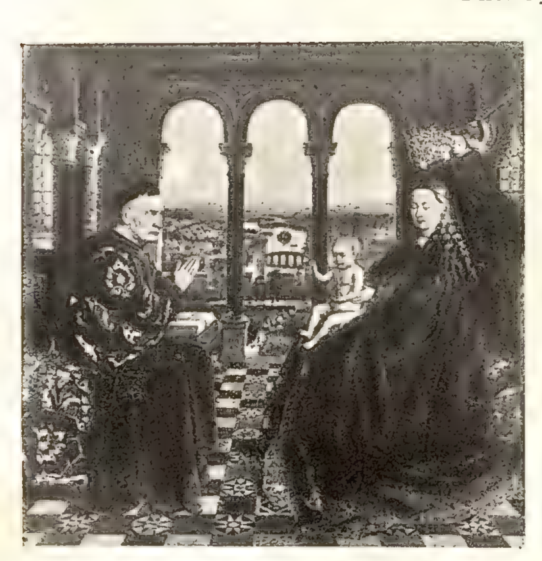

Рис. 6.

Рис. 7.

свѣтлой въ остальномъ тѣлѣ, обычно скрытомъ подъ одеждой. Художникъ даже въ этомъ случаѣ не рѣшился возвыситься надъ своей натурой. Смугловатые тона тѣла, съ темно розовыми пятнами загара, казались такъ прекрасны художнику, что онъ могъ только передать ихъ буквально, и въ этой непосредственности отношенія тайна художественной силы этихъ образовъ. Это не Адамъ и Ева, а талантливо, сильно, съ увлеченіемъ исполненные этюды человѣческой наготы, вѣчной и наиболѣе благодарной темы живописи и скульптуры. Необычайно жизненно, свѣжо передалъ художникъ колоритъ тѣла при помощи своихъ новыхъ красокъ. Коричневыя тѣни округляютъ тѣла и отличаются уже той мягкой дымчатой воздушностью, на основѣ которой развивается вся новая европейская живопись, отъ Ванъ-Эйковъ къ Леонардо и Рембрандту. Заботливо моделируетъ выступы мускулатуры и очертанія костяка Ванъ-Эйкъ и сокращаетъ перспективно каждую часть тѣла, чтобы передать раккурсъ фигуры, видной снизу вверхъ, сообразно съ положеніемъ зрителя. Но, стремясь возможно ярче и правдивѣе списать каждую черту съ натуры, художникъ утомилъ натурщика. Адамъ Ванъ-Эйка отмѣченъ извѣстнымъ напряженіемъ, ему недостаетъ свободы: ноги напоминаютъ точно половинки сдвинутыхъ ножницъ; въ крупныхъ формахъ тѣла чувствуется схематизмъ, геометричность; очертанія фигуры жестки; формы напоминаютъ о рѣзьбѣ изъ дерева, имъ недостаетъ неуловимой мягкости органической жизни. Эта сухость очертаній и формъ проявляется особенно въ фигурѣ Евы, правдиво отражающей ужасныя послѣдствія средневѣкового корсета; зато хорошо моделированы бедра, въ которыхъ переданы нѣжность, мягкость живого тѣла. Мы видимъ, какъ трудно еще было передать въ совершенствѣ реальность, но, несмотря на это, образы Адама и Евы имѣютъ въ себѣ что-то свѣжее, сильное, и эта ярко выраженная воля къ передачѣ объективной реальности захватываетъ зрителя. Чувствуется въ этихъ образахъ не вялость и банальность пережившаго себя и наскучившаго всѣмъ направленія, а зарожденіе новаго мощнаго искусства, которому принадлежитъ будущее.

Стремленіе къ объективной и реальной художественной передачѣ міра бываетъ всегда благопріятно для развитія портрета. Когда вы смотрите на этотъ чудный портретъ старика (рис. а, стр. 42), исполненный Яномъ ванъ-Эйкомъ, вы поражаетесь внѣшней яркостью характеристики. Судя по отороченной мѣхомъ одеждѣ, это человѣкъ состоятельный; онъ членъ благотворительнаго братства св. Антонія, какъ показываютъ знаки братства: цѣпь съ крестомъ и колокольчикомъ; на пальцѣ перстень, въ рукѣ цвѣтокъ гвоздики,

символъ обрученія: этотъ старецъ съ пергаментнымъ лицомъ и самодовольною улыбкой, повидимому, поздно открылъ свое сердце для любви. Душа только брезжитъ за этими чертами, не выступая во всей жизненной и невыразимой сложности, но ради этой яркости формы, ея тонко выраженной правды вы миритесь даже съ мало интереснымъ напряженнымъ выраженіемъ. Въ этомъ объективномъ, полномъ любви къ жизни, реализмѣ скрытъ для насъ субъективизмъ средневѣковой души, стоящей на порогѣ новой культурной эры. Этотъ портретъ—не простая фотографія съ натуры, а эстетическое воспріятіе міра, окрашенное духомъ того объективнаго позитивизма, къ которому восходятъ многіе великіе успѣхи европейской науки и культуры.

Рис. а.

Какъ на особенно типичный образецъ стиля и искусства Яна ванъ-Эйка можно указать на «Мадонну канцлера Ролена» (Лувръ; рис. 6). Передъ нами снова яркій, полный характера, портретъ, изображающій Ролэна, канцлера Бургундскаго герцога Филиппа Добраго. Канцлеръ, съ сильнымъ, умнымъ лицомъ, представленъ углубленнымъ въ себя, въ религіозномъ созерцаніи. Молитвенникъ передъ нимъ на аналоѣ, но онъ ужъ не глядитъ въ него. Въ благоговѣйномъ почитаніи онъ смотритъ на Младенца, такого близкаго, реальнаго, что Его можно было бы принять за обыкновеннаго ребенка, если бы не глубина вызваннаго Имъ религіознаго волненія. Настроенію молящагося отвѣчаетъ и движеніе Богоматери, точно отклонившейся назадъ, чтобы показать, что не Ей, а Ея Божественному Сыну подобаетъ эта честь и поклоненіе. Эта глубина сдержаннаго настроенія, порою озареннаго ясной внутренней тишиною, особенно характерна для Ванъ-Эйка. Припомните его Цецилію за органомъ, Марію, углубившуюся въ чтеніе молитвъ, поклоненіе Агнцу. Но не человѣкъ только привлекаетъ вниманіе Ванъ-Эйка, а человѣкъ вмѣстѣ съ окружающимъ его прекраснымъ міромъ, съ пространствомъ лоджіи, сквозь легкія арки которой виденъ садъ, окруженный стѣною, и за ея зубцами уходящій вдаль Маасъ, среди холмистыхъ береговъ. По обоимъ берегамъ тѣснятся зданія городка съ много-

численными башнями церквей и ратуши. На городскихъ улицахъ и среди ландшафта можно, по словамъ одной старинной описи, насчитать болѣе 2000 фигуръ, движенія которыхъ можно различить только въ лупу. Далѣе тянутся зеленые холмы, поросшіе кустами и рощами, и на горизонтѣ нѣжныя, чуть видныя, голубыя горы.

Это стремленіе объединить всѣ элементы картины, превратить ее въ единый міръ, передать воздушную и свѣтовую атмосферу между различными предметами, отвѣчаетъ наиболѣе типичнымъ особенностямъ живописи, какъ искусства, въ особенности новой европейской живописи, обоснованной Ванъ-Эйками. Живопись призвана объединить на плоскости холста человѣка съ окружающимъ его міромъ. Если скульптура изолируетъ предметы, ставитъ ихъ на пьедесталъ, то живопись объединяетъ, окутываетъ дымкой воздуха, свѣта или тѣни, и въ этомъ обобщающемъ взглядѣ на міръ, въ этой возможности для живописи передать и ясно видимое, выпуклость, и то таинственно-неясное, ирраціональное, что кажется намъ скрытымъ за предметами, когда ихъ контуры теряются въ густой тѣни,—главная особенность живописи, какъ искусства. Въ своихъ маленькихъ картинахъ Янъ ванъ-Эйкъ дѣлаетъ первые шаги для рѣшенія этой основной задачи живописи. «Мадонна Канцлера Ролэна», въ которой фигуры частью выступаютъ въ свѣту, частью теряются въ глубинѣ воздушной атмосферы лоджіи можетъ быть причислена къ первымъ яркимъ воплощеніямъ идеала живописнаго единства въ новой европейской живописи. Особый интересъ пріобрѣтаетъ съ этой точки зрѣнія одна подробность картины, это стеклянный шаръ-держава въ рукѣ Младенца. Зеркальныя поверхности стеклянныхъ или металлическихъ предметовъ, въ которыхъ горитъ блескъ солнечнаго луча и отражаются въ микроскопическомъ видѣ предметы окружающаго міра, часто встрѣчаются въ произведеніяхъ Ванъ-Эйка и его учениковъ. Вѣдь зеркало какъ разъ давало синтезъ міра, къ которому эти художники стремились въ своихъ произведеніяхъ. Естественно, что изображеніе зеркала казалось имъ особенно занимательнымъ. Зеркало—вотъ идеалъ и символъ реализма въ Нидерландскомъ искусствѣ XV в. И какъ печать своего стиля, съ равнымъ вниманіемъ и законченностью передающаго весь необъятный міръ и безконечно малый искрящійся камешекъ, Ванъ-Эйкъ изобразилъ богатую корону въ рукахъ ангела, парящаго надъ Мадонной. Это истинное чудо тонкой живописной техники, отражающей вліяніе миніатюръ и ювелирно-чеканнаго искусства, школу котораго подобно большинству средневѣковыхъ живописцевъ прошли несомнѣнно и

Ванъ-Эйки. Благодаря этой чудной тонкости исполненія и красивой игрѣ драгоцѣнныхъ камней, выпуклыхъ или цвѣтныхъ оконницъ и плитъ узорнаго пола, каждая такая маленькая картинка Яна Ванъ-Эйка кажется сама драгоцѣннымъ свѣтящимся перломъ живописнаго творчества. Именно такое впечатлѣніе производитъ чудное «Благовѣщеніе» Ванъ-Эйка въ Эрмитажѣ. Поразительно тонко и красиво исполнены всѣ детали архитектуры, дутыхъ стеколъ, золототканой ризы ангела и его вѣнца. Все полно торжественной пышности, при помощи которой такъ любилъ передавать Ванъ-Эйкъ сущность Божества. Очаровательна и привѣтлива наивная улыбка ангела-благовѣстника.

Таково было искусство Ванъ-Эйка, художника, влюбленнаго въ реальность, въ сочныя живыя краски и безконечное многообразіе земного міра. Человѣкъ въ творчествѣ Ванъ-Эйка былъ одно цѣлое съ этимъ міромъ, онъ былъ согрѣтъ и озаренъ лучами его теплаго свѣта и проникнутъ глубиной спокойно-замкнутаго настроенія. Люди Ванъ-Эйка существуютъ, но не дѣйствуютъ; это модели, согласившіяся постоять или посидѣть передъ художникомъ, но еще не образы, созданные творческой фантазіей. И въ этой объективности, спокойствіи Ванъ-Эйка, всегда, какъ зеркало, отражающаго міръ въ его цѣльности, заключаются художественный геній и сила Ванъ-Эйка.

Но Янъ ванъ-Эйкъ былъ не одинъ. Одновременно съ нимъ развивается творчество другого нидерландскаго художника, котораго особенно высоко цѣнили современники. Это былъ уроженецъ Валлонскаго города Турнэ, впослѣдствіи работавшій въ Брюсселѣ, Roger de la Pasture (род. ок. 1400 † 1464), или въ нѣмецкомъ переводѣ Рогиръ ванъ деръ Вейденъ, какъ онъ называлъ себя, переселившись изъ Турнэ въ Брюссель. Къ самымъ извѣстнымъ и характернымъ его созданіямъ принадлежитъ «Снятіе съ Креста» (Эскоріалъ; рис. 5). Достаточно одного взгляда на эту композицію, чтобы понять что передъ нами искусство, не имѣющее никакого сходства съ Ванъ-Эйковскимъ. Всѣ эти люди размѣщены не въ реальномъ пространствѣ комнаты, а въ идеальной полосѣ какъ бы плоскаго кіота, въ которомъ помѣщались рельефныя деревянныя скульптуры и иконы, украшавшія алтарь средневѣковой церкви. Для Рогира ванъ деръ Вейдена традиціонная условность композиціи была выше требованій реализма. Не замкнутая сдержанность и спокойствіе Ванъ-Эйковъ, а движеніе, дѣйствіе, краснорѣчивый драматизмъ сдержанныхъ рыданій, яркихъ жестовъ, затаеннаго страданія, характеризуютъ это произведеніе Ванъ деръ Вейдена. Но вглядитесь въ выраженія лицъ; въ нихъ тихое страданіе, лирическая грусть,

оцѣпененіе обморока; впечатлѣнія драматизма, активности блѣднѣютъ, какъ только зритель замѣчаетъ, что всѣ фигуры разставлены по своимъ мѣстамъ, въ строгомъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ, какъ въ искусно сочиненной живой картинѣ. Справа изъ-за двухъ головъ видна третья, а слѣва, наоборотъ, одна голова выступаетъ впереди двухъ другихъ; Іоаннъ, вмѣстѣ съ одной изъ Марій, поддерживаетъ упавшую безъ чувствъ Богоматерь; Іосифъ Аримаѳейскій держитъ тѣло Христа; около него Магдалина, точно застывшая въ судорогѣ остро и болѣзненно щемящей горести. Ей отвѣчаетъ изогнутая линія фигуры Іоанна. Изящныя параллельныя кривыя образуются тѣлами Богоматери и Христа. Послѣдній своей яркой наготой даетъ центръ картинѣ. Красиво и легко держатъ это тѣло Никодимъ и Іосифъ, какъ едва ли удалось бы сдѣлать это съ такой ношей въ условіяхъ реальности. Итакъ, здѣсь не случайности реальной жизни, а искусно разсчитанная разстановка элементовъ художественной композиціи. При этомъ всюду выступаетъ идеальная плоскость, протяженность рельефа вмѣсто глубины пространства, и вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе линіи господствуетъ надъ выпуклостью формъ. Идеальные моменты: красота и равновѣсіе группъ, изящно удлиненныя условныя пропорціи, ритмъ линій, какъ бы наполняющихъ своимъ движеніемъ картину,—всѣ эти черты обнаруживаютъ въ Рогирѣ ванъ деръ Вейденѣ художника съ готическими вкусами, творца-идеалиста, выражающаго чувства скорѣй движеніемъ отвлеченныхъ линій, чѣмъ формами реальности.

Поклонникомъ средневѣковой красоты, творцомъ изящныхъ образовъ, овѣянныхъ поэзіей лирическаго настроенія является Рогиръ ванъ деръ Вейденъ и въ его иконѣ «Поклоненіе царей» (Мюнхенъ; рис. 9), исполненной въ 1450 г. Въ этомъ году Рогиръ ванъ деръ Вейденъ посѣтилъ Италію, гдѣ онъ, повидимому, славился не менѣе, чѣмъ на родинѣ. Возможно, что вліяніе итальянскихъ впечатлѣній отразилось въ «Поклоненіи царей», въ нѣжномъ изяществѣ Мадонны и въ изысканно-тонкой красотѣ третьяго царя, который считается портретомъ Карла Смѣлаго, Герцога Бургундскаго. Въ этомъ образѣ рыцаря въ богатой княжеской одеждѣ художникъ совмѣстилъ самыя изящныя движенія и абрисы. Все въ этой стройной фигурѣ полно изысканнаго ритма и свободнаго достоинства. Этотъ образъ слѣдуетъ имѣть въ виду, когда заходитъ рѣчь о національности художника. Въ виду двухъ его именъ французскаго и нѣмецкаго, допускается порой нѣмецкими учеными предположеніе, что если не Рогиръ ванъ деръ Вейденъ, то его родители могли быть изъ Германіи. Но стоитъ лишь взглянуть на

фигуру этого царя, проникнутую такимъ чисто романскимъ изяществомъ, чтобы понять, что этотъ образъ могъ создать только художникъ, въ которомъ текла галльская кровь. Чувство вкуса, нервнаго тонкаго изящества, всегда составляло монополію романскаго генія и не мирится съ характеромъ нѣмецкаго творчества.

Зато другой извѣстный живописецъ Бельгіи XV в., Янъ Мёмлингъ (род. между 1430 и 1440 г. † 1494) былъ дѣйствительно родомъ изъ Германіи, изъ мѣстности близъ Майнца, гдѣ протекаетъ рѣка Мемлингъ. Мемлингъ работалъ въ Брюгге. Поселившись въ этомъ городѣ, онъ прожилъ здѣсь болѣе 25 лѣтъ до самой смерти. Брюгге—это городъ Мемлинга. Здѣсь и теперь еще все вѣетъ средневѣковой стариной: дома, съ ихъ ступенчатыми фронтонами, старинныя узкія улицы и церкви. Нигдѣ не очаровываетъ васъ такъ духъ Мемлинга, нигдѣ красота стараго искусства и наивно дѣтской искренности чувства не вызываетъ въ васъ такихъ восторговъ, какъ въ маленькомъ собраніи картинъ, помѣщенномъ въ стѣнахъ средневѣкового госпиталя св. Іоанна въ Брюгге. Здѣсь собраны главныя произведенія Мемлинга.

Если ученики Ванъ-Эйковъ продолжали совершенствовать ихъ реалистическій стиль, а Рогиръ ванъ деръ Вейденъ внесъ въ нидерландское искусство выразительную силу чувства, то Мемлингъ, работавшій во второй полов. 15-го в., былъ уже представителемъ третьяго поколѣнія послѣ Ванъ-Эйковъ. Мощный, почти монументальный стиль Ванъ-Эйковъ смѣняется теперь исканіемъ большей мягкости и прелести формъ, граціознаго теченія линій, нѣжности и тонкости колорита. Въ одномъ изъ лучшихъ произведеній Мемлинга, алтарной иконѣ, изображающей «Обрученіе Св. Екатерины» (Госпиталь св. Іоанна въ Брюгге; рис. 8), выступаютъ всѣ типичныя черты стиля Мемлинга: мечтательная кротость выраженія, духъ возвышенно-мистическаго созерцанія, прелесть формъ, почти женственная мягкость мужскихъ образовъ. Всѣ эти черты мечтательнаго мистицизма и связаннаго съ нимъ стремленія къ деликатности стиля характеризуютъ и нѣмецкую живопись XIV—XV в. въ Кельнѣ, то-есть въ области средняго Рейна, откуда былъ родомъ Мемлингъ. Но общій характеръ живописи Мемлинга все-же глубоко нидерландскій. Въ сущности, онъ тѣсно связанъ съ творчествомъ Ванъ-Эйковъ и Рогира ванъ деръ Вейдена характеромъ техники, формъ, типовъ и очередныхъ задачъ. Каждую фигуру Мемлингъ выдѣляетъ для вниманія зрителя, но въ то же время, располагая симметрично элементы композиціи (Марію съ Младенцемъ въ центрѣ среди двухъ, служащихъ имъ, ангеловъ и по четыремъ угламъ Крестителя и Іоанна

Богослова, погруженныхъ въ мистическое созерцаніе, Св. Екатерину, обручающуюся съ Младенцемъ, и св. Варвару, читающую молитвенникъ), Мемлингъ сохраняетъ и усиливаетъ даже органичность цѣлаго. Точно такъ же любовно и заботливо выписывая мелочи пейзажа, орнамента ковровъ, нарядовъ, онъ уравновѣшиваетъ эти частности единствомъ и гармоніей колорита. Краски Мемлинга нѣжны и мягки; онѣ чаруютъ нѣжностью тонкихъ переходовъ и чистыхъ, какъ ясное утро, тоновъ. Гармонія цѣлаго соединяется въ картинахъ Мемлинга съ живымъ и занимательнымъ разнообразіемъ подробностей. Виды пейзажной дали въ просвѣтахъ между колоннъ, смѣна темныхъ колоннъ и ясныхъ просвѣтовъ разнообразятъ цѣлое и сообщаютъ привлекательность картинѣ. Подобно Ванъ-Эйку и Рогиру ванъ деръ Вейдену Мемлингъ любитъ передавать реалистически матеріалъ и узоръ матерій и характерныя платья эпохи. Никто не отдаетъ столько вниманія модамъ времени, какъ Мемлингъ. Въ богатомъ платьѣ одѣтой, какъ принцесса, св. Екатерины чувствуется такъ много живой связи съ эпохой, такъ много чисто эстетическаго любованія красотою современнаго быта, что религіозный смыслъ картины невольно отступаетъ на второй планъ передъ эстетическимъ. Религіозной сценѣ Мемлингъ сообщаетъ этими чертами интимный, человѣческій характеръ.

Рис. 6.

Большей деликатности стиля, прелести и свободѣ формъ соотвѣтствуетъ и большее изящество духа. Этими типичными для стиля Мемлинга чертами отмѣчены и исполненные имъ портреты. Особенно извѣстенъ его портретъ 23-хъ лѣтняго Martin'а van Nieuvanhove, бывшаго впослѣдствіи мэромъ Брюгге (рис. 6). Если въ портретахъ Ванъ-Эйка все вниманіе сосредоточено на точной передачѣ внѣшняго вида человѣка, то Мемлингъ стремится уже одухотворить лицо, передать отраженіе души въ глазахъ, въ губахъ, шепчущихъ слова молитвы [1]). Микроскопическая пере-

[1]) Портретъ представляетъ одну половину двустворчатаго складня. На другой створкѣ представлена Мадонна съ Младенцемъ. Къ нимъ и обращается съ молитвой van Nieuvanhove.

дача всѣхъ морщинъ не занимаетъ Мемлинга: онъ обобщаетъ формы, но зато мѣтко выдѣляетъ черточки, особенно характерныя для даннаго лица, какъ напримѣръ, въ данномъ случаѣ, полныя, мягкія, изборожденныя мелкими морщинами губы. Общій духъ фигуры отличается свободой и непринужденностью. Волосы пышной волной окаймляютъ голову, они причесаны не гладко, какъ у св. Цециліи въ Гентскомъ складнѣ, а свободно, и мелкія пряди тамъ и сямъ отдѣляются отъ общей массы. Все это даетъ характеръ непринужденности, случайности и смягчаетъ самый образъ человѣка, отнимаетъ у него ту рѣзкость формъ и оцѣпенѣніе архаизма, которыя еще замѣтны въ Ванъ-Эйковскомъ портретѣ «Старика съ гвоздикой». Такъ создается перевѣсъ собственно духовнаго, человѣческаго, и надъ внѣшнею фотографическою вѣрностью торжествуетъ художественная субъективность пониманія. Мягкое изящество очертаній, печать поэтической мечтательности, какая-то оторванность отъ земли, присущія этому портрету, типичны для стиля Мемлинга. Стремленіе къ изящнымъ формамъ, къ духовной утонченности типовъ проявилось особенно характерно въ изображеніи Адама и Евы, представляющемъ створку одной большой иконы Мемлинга (рис. 4). Сравните эти образы съ Адамомъ и Евою Ванъ-Эйковъ. Въ отношеніи реализма, анатоміи они въ сущности уступаютъ типамъ Гентскаго складня. Особенно условна и неорганична фигура Евы. Въ нихъ нѣтъ свѣжести и безыскуственности любовно исполненныхъ этюдовъ съ натуры. Это идеализація натуры. Ихъ абрисы изящно и волнисто изогнуты, пропорціи преувеличенно стройны. Въ лицѣ Адама есть мечтательная мягкость, въ немъ не осталось и слѣда отъ первобытной дикости плохо причесанной модели Ванъ-Эйка. Далеко ушло искусство Мемлинга отъ правдивыхъ и простыхъ типовъ Ванъ-Эйка. «Адамъ и Ева» Мемлинга представляютъ уже претвореніе натуры въ духѣ условно идеальнаго академизма.

Этотъ запросъ на идеализмъ формъ все сильнѣе проявляется въ бельгійскомъ искусствѣ съ конца XV вѣка. Самымъ яркимъ выразителемъ этихъ стремленій въ нидерландскомъ искусствѣ начала XVI вѣка былъ уроженецъ Лувена Квентинъ Массейсъ (1466—1530). Въ произведеніяхъ Массейса уже побѣждены жесткость, связанность и архаизмъ нидерландскаго искусства XV в. Повидимому, этотъ переходъ къ свободѣ развитого стиля совершился въ началѣ XVI в. подъ вліяніемъ высоко развитого итальянскаго искусства этого періода, извѣстнаго подъ именемъ эпохи Возрожденія. Глубокое и тонкое изученіе натуры и увлеченіе красотой античныхъ памятниковъ сочетались въ итальян-

Рис. 10.

Рис. 9.

Рис. 8.

Рис. 11.

Рис. 12.

Рис. 13.

скомъ творчествѣ эпохи Возрожденія для созданія новыхъ образовъ идеальной красоты. Обаяніе этихъ образовъ почувствовали и художники средней Европы. На вліяніе Италіи указываетъ типъ женской красоты въ произведеніяхъ Массейса. Изящный овалъ лица его плачущей Магдалины (рис. в), нѣжность формъ воздушно-мягкой моделировки говорятъ о вліяніи итальянскаго искусства и въ частности стиля Леонардо. Но образы Массейса далеки отъ замкнутой загадочности типовъ Леонардо. Теплота искренняго чувства проникаетъ творчество Массейса. Въ «Магдалинѣ» драматическая яркость чувства отражаетъ еще страстность католической религіозности среднихъ вѣковъ. Особенно типично проявляется вліяніе Италіи на Массейса въ его «Мадоннѣ съ Младенцемъ» (рис. 10). Здѣсь Младенецъ и Мадонна связаны въ естественную, но далеко не случайно составленную группу. Въ сложномъ движеніи ребенка художникъ хотѣлъ выразить богатство пластическаго впечатлѣнія, которое кажется тѣмъ ярче, чѣмъ тѣснѣе замкнута граница этихъ формъ. Невольно вспоминается Мадонна della Sedia Рафаэля, образующая вмѣстѣ съ Младенцемъ такую же пластическую группу, заполняющую все пространство фона, тѣсно замкнутаго круглой рамой. Но какъ свободно и самостоятельно творчество Массейса! Онъ внутренно сроднился съ стилемъ Возрожденія, онъ улавливаетъ его духъ, а не повторяетъ заученныя внѣшние формулы. Въ его «Мадоннѣ» больше нѣжности и теплоты чувства, чѣмъ въ кротко созерцательныхъ Мадоннахъ Рафаэля. Эта теплота внутренняго чувства какъ бы отражается и въ колоритѣ: тона лица и тѣла имѣютъ тепло розоватый, неподражаемый въ своей красѣ оттѣнокъ, свойственный только Массейсу; горячій тонъ краснаго плаща красиво споритъ съ мерцающими переливами блѣдныхъ фіолетовыхъ и холодно-голубыхъ тоновъ на рукавахъ и прозрачномъ вуалѣ. Это одно изъ самыхъ совершенныхъ созданій Массейса въ смыслѣ тонкой стильности и красоты колорита.

Рис. в.

Увлеченіе красотой итальянскаго искуства становится типичною чертой для нидерландскихъ мастеровъ XVI в. Яркость

національнаго характера, въ такой сильной степени присущая нидерландскому искусству XV в., смѣняется въ XVI в. подражаніемъ Микель Анджело и Рафаэлю. Нидерландскіе художники ѣздили въ Италію, чтобы изучать на мѣстѣ великія созданія итальянскаго искусства. Цѣлый рядъ такъ называемыхъ «романистовъ», подражателей римскаго искусства, ищутъ, подобно итальянцамъ, идеала красивой наготы, смѣлыхъ и эффектныхъ раккурсовъ и вводятъ классическія формы и орнаментъ Ренессанса въ архитектурный фонъ своихъ картинъ. Духъ благочестивой искренности уступаетъ мѣсто преобладанію формальныхъ, внѣшнихъ красотъ. Но раккурсы нидерландцевъ были слишкомъ рѣзки, а тѣла и мускулы черезчуръ увѣсисты, орнаментъ особенно затѣйливъ, безпокоенъ. Художники, очень даровитые, подавленные превосходствомъ итальянскаго идеализма, не сумѣли сохранить самостоятельность, какъ Массейсъ, и превратились въ подражателей, произведенія которыхъ, утративъ національно-самобытный характеръ, кажутся условными. Тѣмъ не менѣе въ исторіи развитія бельгійскаго искусства романисты имѣли огромное значеніе. Они пріучили понимать красоту человѣческаго тѣла, выработали композицію и выяснили отношеніе фигуръ къ пространству, они усилили значеніе романскихъ, то-есть идеальныхъ, элементовъ въ нидерландскомъ искусствѣ, и направили его развитіе въ сторону общечеловѣческой классической красоты въ духѣ Возрожденія. Такимъ образомъ въ теченіе XVI вѣка была сдѣлана прививка идеаловъ итальянскаго Возрожденія и Гуманизма къ нидерландскому искусству, и когда новые соки были усвоены и переработаны, тогда снова воскресла мощь стараго національнаго ствола, и на немъ явились новые могучіе побѣги, но въ ихъ національной оболочкѣ была скрыта уже общечеловѣческая сердцевина. Такимъ національнымъ геніемъ, возникшимъ на плечахъ романистовъ, былъ Рубенсъ.

Звеномъ, связующимъ эпоху архаизма (нидерландское искусство XV—XVI вѣка) съ вѣкомъ Рубенса, съ «фламандской» школой, какъ обычно называютъ живопись Бельгіи XVII в., былъ Питеръ Брейгель Старшій (род. ок. 1525 † 1569), творчество котораго завершаетъ нидерландскій періодъ бельгійскаго искусства. Между тѣмъ какъ романисты, подражая итальянскимъ образцамъ, пріучали къ новому характеру формъ и композицій, другіе мастера XVI в. стали разрабатывать отдѣльные виды живописи: ландшафтъ, портретъ, nature morte, жанръ. Всѣ эти элементы нетрудно указать и въ религіозной картинѣ XV в., но теперь они обособляются, становятся самодовлѣющими образцами чисто свѣтской живописи. Ихъ цѣль не возно-

ситъ мысль къ потустороннему, а привлечь вниманіе къ земному міру, утвердить и усилить чувство жизни. Между прочимъ въ области жанра обособляются въ отдѣльную вѣтвь, типичную для трудолюбивой Бельгіи, изображенія крестьянской жизни. Самымъ значительнымъ изобразителемъ этого мужицкаго жанра былъ геніальный и разносторонній Питеръ Брейгель Старшій, родоначальникъ многочисленнаго поколѣнія художниковъ, носившихъ то же родовое имя. По характеру своихъ излюбленныхъ сюжетовъ онъ извѣстенъ подъ именемъ «Мужицкаго» Брейгеля. Но Брейгель не простой фотографъ-реалистъ, съ рабской точностью воспроизводящій случайныя черты дѣйствительности: онъ схватываетъ только основное; ясными, простыми, главными чертами, которыя могутъ показаться иногда даже слишкомъ схематичными, обрисовываетъ Брейгель свои образы; двумя, тремя штрихами придаетъ онъ характеръ лицу и жизнь выраженію. Какая сила грубости, исконной, возросшей изъ земли, въ этой сценѣ крестьянскаго веселья (рис. 11)! Сколько непреодолимаго движенія въ этихъ двухъ неуклюжихъ мастодонтахъ, танцующихъ на первомъ планѣ! Какъ тонко завершаютъ шумную картину эти двѣ спокойныя пары: парень, уговаривающій музыканта передохнуть и подкрѣпиться, и двѣ дѣвочки, также топочущіяся въ танцѣ по примѣру взрослыхъ. Великолѣпны въ смыслѣ выраженія отдѣльныя черты, какъ напримѣръ, края отвернутой для удобства юбки и двѣ огромнѣйшихъ ступни, точно наступившихъ на картину. Въ изображеніяхъ мужиковъ Брейгель умѣетъ передать элементъ стихійности, элементарности и выразить эту мужицкую исконность широкими эпическими чертами. Съ такою же наивно примитивной широтой и силой описывалъ Гомеръ пиры своихъ героевъ. Не сценку изъ крестьянской жизни, а само крестьянство, какъ стихію, его психическую, бытовую сущность, выражаетъ Брейгель въ своемъ творчествѣ. Въ контрастѣ съ грубоватой примитивностью контуровъ Брейгеля поражаетъ тонкая обдуманность его сложной, но необычайно ясной, цѣльной композиціи. Вы видите передъ собой искусство окрѣпшее и развитое, близкое уже къ моменту высшихъ достиженій. И если элементъ дидактической сатиры былъ присущъ всѣмъ этимъ мужицкимъ грубоватымъ образамъ Брейгеля (поучительность, вообще, была характерной чертой и литературы и жанровой живописи того времени), то въ картинахъ Брейгеля впечатлѣніе надоѣдливой морали ослабляется не только яркостью его эпическаго дарованія, но и красотою его живописи. Крупныя, какъ на плакатахъ, желтыя, красныя, коричневыя пятна своихъ красокъ онъ сопоставляетъ какъ тонкій колористъ, любящій въ живописи прежде

всего сочетаніе мазковъ и красокъ. Любуясь живописью Брейгеля, мы даримъ лишь бѣглый взоръ его сатирѣ. Брейгель особенно любилъ воплощать въ своихъ картинахъ изреченія народной мудрости, пословицы, поговорки. Фламандская пословица: «когда слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ канаву» дала поводъ Брейгелю написать одну изъ самыхъ замѣчательныхъ и извѣстныхъ его картинъ: «Слѣпые» (Неапол. музей; рис. 13), изображающую цѣпь слѣпыхъ, готовыхъ другъ за другомъ упасть въ канаву по примѣру ихъ слѣпого оступившагося вожака. Картина представляетъ поучительный символъ самоувѣренной человѣческой слѣпоты, но гораздо больше, чѣмъ этотъ сатирическій смыслъ, приковываетъ зрителя въ картинѣ поразительная яркость жалкихъ и вмѣстѣ страшныхъ типовъ, съ ихъ ввалившимися мертвыми глазами. Эти очертанія то оскаленныхъ, то страдающихъ ртовъ, это неувѣренное, но, какъ сама необходимость, неуклонное движеніе дрожащихъ ногъ, страхъ и предчувствіе опасности, спотыканіе одного, тянущаго за собою другихъ—все это опять эпически характерно и сильно и могло родиться только въ геніально-творческомъ воображеніи, такъ какъ этого нельзя просто срисовать съ натуры. Здѣсь выступаетъ и еще одна черта въ творчествѣ Брейгеля. Между тѣмъ какъ современные ему художники старались передать въ одномъ пейзажѣ все многообразіе ландшафтныхъ формъ, холмы и долы, рѣки и лѣса и фантастическія горы, зданія, людей и животныхъ, чтобы отразить въ картинѣ весь міръ, какъ въ микрокосмѣ, Брейгель первый почувствовалъ красоту реальнаго, правдиваго изображенія природы. Онъ умѣетъ дать почувствовать живописность высокихъ кровель, церковнаго шпиля, дерева, растущаго на берегу болотца, и водосточной канавы, отразившей красоту неба. Тонкость настроенія, глубокое проникновеніе въ жизнь природы и умѣнье схватывать характерные признаки момента отличаютъ Брейгеля какъ пейзажиста. Превосходна, напримѣръ, эта картина январскаго дня въ Нидерландахъ (рис. 12). Отъ нея вѣетъ и холодомъ и вѣтромъ, который гонитъ тучи и рябитъ поверхность рѣки. Все насыщено туманнымъ паромъ, поднявшимся надъ талою землей; снѣгъ еще лежитъ въ канавахъ и проталинахъ, но чувствуется уже близость весны. Все дышитъ правдой и любовью къ родинѣ, и только въ фантастическихъ горахъ, замыкающихъ картину, можно видѣть отраженіе итальянскихъ впечатлѣній Брейгеля, подобно романистамъ также побывавшаго въ Италіи. И опять въ этой широтѣ, простотѣ и правдѣ, оттѣненной лишь немного чертою идеальнаго вымысла, частное расширяется до общаго, реальное до эпическаго.

Слѣдующимъ образомъ можно выразить итоги нидерланд-

скаго періода въ развитіи бельгійской живописи. Внѣшній объективный реализмъ, отражающій навыки миніатюристовъ, исполненный вниманія къ мельчайшимъ подробностямъ и отвѣчающій характеру новаго міросозерцанія, съ одной стороны, и живописная красота тоновъ, съ другой, характеризуютъ зарожденіе и дальнѣйшее развитіе нидерландской живописи. Этотъ внѣшній детальный реализмъ считается обыкновенно чертою сѣверно-нѣмецкаго художественнаго генія въ противоположность идеальному искусству южанъ, и германскіе ученые любятъ отмѣчать, что съ появленіемъ Ванъ-Эйковъ, работавшихъ въ Брюгге и Гентѣ, въ области фламандскаго племени, восторжествовало германское начало въ нидерландскомъ искусствѣ. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что чувство колорита, живописности, столь сильно проявившееся у Ванъ-Эйковъ и присущее всегда нидерландскому искусству, скорѣе есть типичная черта французской живописи, чѣмъ нѣмецкой, которая усовершенствовала свой колоритъ только подъ вліяніемъ нидерландскихъ образцовъ. Итакъ, уже въ искусствѣ Ванъ-Эйковъ есть черты, которыя не могутъ быть уложены въ нѣмецкія рамки. Взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ началъ, фламандскаго и галльскаго, не могло не отразиться въ духовной культурѣ Нидерландовъ. Мы видимъ, какъ на ряду съ творчествомъ Ванъ-Эйковъ развивается готическій, то-есть галльскій (потому что Галлія была центромъ готики и Реймскій соборъ ея высшимъ чудомъ) идеализмъ Рогира ванъ деръ Вейдена, внесшій душу въ нидерландское искусство. Жесткій, внѣшній архаизмъ стараго искусства смѣняется мистическою прелестью настроенія и формъ, свойственной вышедшему изъ Германіи Мемлингу. Но нѣжная гармонія колорита неразрывно связываетъ Мемлинга съ Нидерландской школой. Въ своемъ идеализмѣ Мемлингъ уже не чуждъ вліяніямъ итальянскаго духа, но только Квентинъ Массейсъ ясно отразилъ вліяніе стиля Леонардо и объединилъ силу нидерландской живописности съ декоративной многоцвѣтностью итальянцевъ, оставаясь въ то же время совершенно самобытнымъ и національнымъ въ своихъ образахъ и глубинѣ чувства. Кв. Массейсъ вполнѣ преодолѣлъ жестокость архаизма, которая нерѣдко еще сильно чувствуется въ произведеніяхъ другихъ художниковъ «романистовъ» XVI в., подражавшихъ формамъ итальянскаго Возрожденія. Но какъ бы не судить о чуждомъ самобытности направленіи романистовъ, они внесли такъ много идеальныхъ романскихъ элементовъ въ нидерландское развитіе, что основной его характеръ съ этого момента уже не можетъ возбуждать споровъ. Нѣмецкое начало есть въ основѣ нидерландскаго искусства, но нѣмецкій реализмъ

въ немъ глубоко до конца переработанъ подъ вліяніемъ романскаго идеализма и чувства живописности, присущей нидерландцамъ. Въ концѣ-концовъ это искусство глубоко самобытное и, конечно, не тождественное съ французскимъ, но во многихъ отношеніяхъ стоящее съ нимъ въ близкомъ сродствѣ.

Геній Брейгеля, уроженца мѣстности на границѣ съ Голландіей, завершаетъ нидерландскій періодъ, какъ Ванъ-Эйки стоятъ въ его началѣ. Но какъ глубоко отличается эпическій идеальный реализмъ Брейгеля отъ внѣшняго детальнаго реализма Ванъ-Эйковъ! Брейгель былъ универсальный геній, это подтверждаютъ многіе его рисунки и гравюры, фантастическія и реальныя композиціи, въ которыхъ онъ даетъ необычайно многообразную картину своей родины, ея людей и ихъ души. Брейгель—центральная фигура Бельгійскаго искусства. Въ его общихъ линіяхъ есть элементы архаизма, схематичности, но ему же свойственно и совершенство свободнаго и развитаго стиля, которымъ характеризуется искусство XVII в. Отъ Брейгеля легко протянуть нить къ Ванъ-Эйку, но отъ него же идетъ нить и къ Рубенсу.

Н. Романовъ.

Нѣмецкіе писатели и франко-прусская война.

Когда разразилась франко-прусская война, на сценѣ исторической жизни стояли три поколѣнія нѣмецкихъ писателей—старшее, среднее и младшее.

Представители каждаго изъ этихъ трехъ поколѣній выросли въ нѣсколько иной соціально-политической обстановкѣ, ихъ взгляды сложились подъ вліяніемъ неодинаковыхъ идейныхъ теченій, и они реагировали поэтому иначе на войну 1870 г. и на послѣдствія этой войны.

Нѣтъ надобности особенно подчеркивать, что между представителями каждаго изъ этихъ трехъ поколѣній не было полнаго единодушія въ оцѣнкѣ этого крупнаго событія, открывшаго новый період въ исторіи Германіи,—сказывались, естественно, оттѣнки личнаго темперамента, несходство міровоззрѣній.

Само собой понятно, рѣчь будетъ итти здѣсь только о болѣе крупныхъ писателяхъ и поэтахъ,—впрочемъ, такъ или иначе высказались *всѣ* выдающіеся дѣятели нѣмецкой литературы этой эпохи, какъ тѣ, талантъ которыхъ уже клонился къ закату, такъ и тѣ, которые находились въ расцвѣтѣ силъ, а также нѣкоторые изъ тѣхъ, которые только готовились сдѣлать свой вкладъ въ сокровищницу родного слова...

Старшее поколѣніе было представлено *К. Гуцковымъ* и *Ф. Фрейлигратомъ.*

Вождь «Молодой Германіи», выросшій въ атмосферѣ до-мартовскихъ дней, Гуцковъ чувствовалъ себя въ 70 годы не по себѣ среди новыхъ людей, въ измѣнившейся обстановкѣ. Авторъ романа «Die Ritter vom Geist», вѣрившій въ строительство интеллигенціи, видѣвшій въ «рыцаряхъ духа» призванныхъ вождей нѣмецкаго народа, замѣчалъ со скорбью и съ негодованіемъ, что его упованія не осуществились.

Недовольный, разочарованный, озлобленный, онъ поспѣшилъ заклеймить новую Германію—Германію 70-хъ годовъ—въ романѣ:

«Die neuen Serapionsbrüder». Заглавіе, какъ видно, навѣяно Гофманомъ. Какъ у великаго романтика-фантаста собирается компанія знакомыхъ, такъ и у Гуцкова, но на этотъ разъ—въ соотвѣтствіи съ измѣнившимися условіями жизни, становившейся все болѣе публичной,—въ ресторанѣ, да и коротаютъ они время уже не въ страшныхъ разсказахъ, какъ это было въ ходу въ дни Гофмана, а разговаривая о злобѣ дня: собираются они по понедѣльникамъ, когда не выходитъ газетъ, такъ что самые разговоры являются какъ бы суррогатомъ газетнаго чтенія. Самая фабула романа, лишенная, конечно, всего таинственнаго и страшнаго, отнесена авторомъ за предѣлы ресторана, гдѣ собираются члены новаго серапіонова братства.

Въ своемъ романѣ Гуцковъ рисуетъ чрезвычайно, съ его точки зрѣнія, мрачную картину нѣмецкой жизни на другой день послѣ побѣдоносной войны. Вмѣсто «рыцарей духа» тонъ задаютъ капиталисты и рабочіе. Наверху—жажда роскоши и удовольствій, внизу—глухое недовольство, то и дѣло проявляющееся въ формѣ стачекъ. Во всѣ сферы жизни, даже въ литературу и искусство, ворвались коммерческія тенденціи. А надъ этой вакханаліей буржуазныхъ страстей и устремленій поднимается наглый стягъ рекламы.

Собираясь по понедѣльникамъ въ своемъ излюбленномъ ресторанѣ, члены новаго серапіонова братства часто поднимаютъ вопросъ, почему несмотря на блестящія побѣды, несмотря на совершившееся объединеніе, почему всюду царитъ такое чувство недовольства, и такъ и не находятъ отвѣта на поставленный вопросъ, можетъ быть потому, что это чувство недовольства жило преимущественно въ душѣ самого автора, «рыцаря духа» въ отставкѣ, сознававшаго себя чужимъ среди новыхъ людей.

Говорится въ романѣ вскользь и о войнѣ 1870 г.

Одинъ изъ положительныхъ героевъ, графъ Удо, выражаетъ сожалѣніе, что не могъ (въ виду болѣзни) участвовать въ «великой» (herrlich) войнѣ, а это, по мнѣнію барона фонъ Форбекъ, типическаго офицера-юнкера, въ самомъ дѣлѣ очень жаль, ибо жилось офицерству совсѣмъ недурно. Въ особенности забавна была «охота за шампанскимъ». Владѣльцы прятали свое вино въ потаенныхъ погребахъ, но тщетно! Чего не могли выпить, безжалостно разбивали вдребезги.

«Къ сожалѣнію, таковы германцы!»—вставляетъ свое слово адвокатъ Оттомаръ, другъ графа. «Для многихъ участниковъ война вообще превратилась въ одинъ грандіозный продовольственный вопросъ (Verpflegungsfrage)». «Какой же возвышенный духъ воодушевлялъ наши войска и ихъ вождей,—восклицаетъ

графъ Удо,—если тѣмъ не менѣе святое дѣло не пострадало отъ подобнаго возвращенія къ нравамъ и обычаямъ старыхъ ландскнехтовъ!»

Совсѣмъ иначе отнесся къ національной эпопеѣ 1870 года Фрейлигратъ. Пѣвецъ мартовской революціи, единомышленникъ и сотрудникъ К. Маркса, два года назадъ вернувшійся изъ Лондона, гдѣ жилъ эмигрантомъ, онъ сталъ теперь пѣвцомъ объединенія Германіи, поэтомъ національнаго подъема. Онъ радъ, что канула въ вѣчность старая распря между нѣмецкими народностями, что всѣ воодушевлены единой мыслью и единой волей, что теперь уже никто не спрашиваетъ, какъ встарь, гдѣ родина нѣмца.

Vergessen ist der alte Span,
Das deutsche Volk ist eins.
. . . . .
Schwaben und Preussen Hand in Hand,
Der Nord, der Süd ein Heer.
Was ist des Deutschen Vaterland?
Wir fragen's heut nicht mehr.
Ein Geist, ein Arm, ein einzger Leib
Ein Wille sind wir heut.
Hurrah, Germania, stolzes Weib
Hurrah, du grosse Zeit!.[1])

Фрейлигратъ настраиваетъ теперь свою лиру на патріотическій ладъ, воспѣваетъ солдатъ, умирающихъ за отчизну (Der Trompeter von Gravellote. Freiwillige vor!), предсказываетъ паденіе Наполеона III, «этого зуава въ пурпурѣ», защищающаго Францію руками тюркосовъ, которыхъ заставляетъ распѣвать «священный гимнъ Ружэ де Лилля». Тѣмъ не менѣе миръ для него выше войны. Напутствуя сына, ушедшаго на войну братомъ милосердія, онъ внушаетъ ему высоко держать среди крови красный крестъ, напоминаетъ ему, что залѣчивать раны лучше, чѣмъ ихъ наносить.

Lern du zu dieser Frist,
Dass Wunden heilen besser,
Als Wunden schlagen ist.

Посвящая въ октябрѣ 1870 г. собраніе своихъ стиховъ Германіи—«блѣдной, израненной побѣдительницѣ», онъ жалѣетъ, что все еще нельзя вложить мечъ въ ножны, что далеко еще то время, когда за военной непогодой наступитъ долгій золотой день для

---

[1]) «Забыта старая распря. Германцы объединились. Швабы и пруссаки идутъ рука объ руку, сѣверъ и югъ слились въ одно войско. Мы теперь уже не спрашиваемъ, гдѣ родина нѣмца. Насъ всѣхъ воодушевляетъ одинъ духъ и одна воля, мы единое тѣло. Да здравствуетъ, Германія, гордая дѣва! Да здравствуетъ великое время!

мирнаго труда, когда Германія превратится изъ вооруженной воительницы въ блюстительницу свѣта и права.

Dass aufs Geklirr der Waffen
Ein langer goldener Tag
Für der Freiheit fröhliches Schaffen
Den Völkern glänzen mag,
Dass thronend in aller Mitte
Du walten magst in Ruh
Des Rechts, des Lichts, der Sitte,
Freieniges Deutschland, du! [1])

Когда день мира уходилъ все дальше въ будущее, такъ какъ поднятая Гамбеттой страна рѣшила защищаться до послѣдней капли крови, поэтъ опубликовалъ (въ сотрудничествѣ съ двумя другими писателями) датированный изъ Лондона (февр. 1871) манифестъ, прошедшій среди пушечнаго грома, разумѣется, незамѣченнымъ, манифестъ «Au peuple français et son assemblée nationale», обращаясь къ нимъ съ призывомъ согласиться на миръ, убѣждая при этомъ нѣмецкое правительство быть уступчивымъ во имя высшихъ идеаловъ культуры.

Настроивъ свою лиру на патріотическій ладъ, Фрейлигратъ не измѣнилъ однако своимъ прежнимъ народолюбивымъ идеаламъ. Переставъ быть соціалъ-демократомъ, онъ называлъ себя теперь націоналъ-демократомъ. Когда ему предложили въ награду за его патріотическія пѣсни орденъ (сначала изъ Мекленбурга, потомъ изъ Мюнхена), поэтъ наотрѣзъ отказался отъ этой чести.

Среднее поколѣніе нѣмецкихъ писателей было представлено *Фрейтагомъ* и *Шпильгагеномъ*.

Прославившійся своимъ романомъ «Soll und Haben», этой хвалебной пѣснью въ честь нѣмецкаго бюргерства, какимъ оно было до эры крупнаго капитализма, Фрейтагъ получилъ (черезъ принца Саксенъ-Кобургскаго) приглашеніе сопровождать третью армію, армію кронпринца. Въ свитѣ послѣдняго кромѣ него находились еще историки Гассель, художникъ и писатель Л. Пичъ и баталистъ Блейбтрей, отецъ «натуралиста» К. Блейбтрей, увѣковѣчившаго потомъ битву при Седанѣ въ батальномъ романѣ-картинѣ: «Dies irae».

Фрейтагъ былъ свидѣтелемъ сраженій при Вейсенбургѣ, Вертѣ и Седанѣ. Однажды, 30 авг. послѣ битвы при Бомонъ (одинъ изъ эпизодовъ битвы при Седанѣ) онъ исчезъ, и всѣ поиски

[1]) «Когда послѣ шума оружія настанетъ для народовъ долгій золотой день свободнаго и радостнаго творчества; когда, царя въ ихъ средѣ, единая и свободная Германія будетъ охранять право, свѣтъ и нравственность».

оставались долго тщетными. Все болѣе крѣпла увѣренность, что его постигла участь другого виднаго писателя, Фонтанъ, т.-е. что онъ попалъ въ плѣнъ. Наконецъ, 36 часовъ спустя, его нашли въ Стоннъ, гдѣ недавно стоялъ Наполеонъ III и гдѣ онъ расположился бивакомъ съ солдатами 58-го полка, производившими на него впечатлѣніе «истинныхъ спартанцевъ».

Съ театра военныхъ дѣйствій Фрейтагъ посылалъ корреспонденціи сначала въ основанные имъ «Grenzboten», потомъ (съ 1871 г.) въ газету «Im neuen Reich». Собранныя потомъ въ его «Gesammelte Aufsätze» эти статьи не лишены интереса.

Въ нихъ часто обсуждается вопросъ, затронутой и въ бесѣдѣ упомянутыхъ выше героевъ Гуцкова—вопросъ о поведеніи нѣмецкихъ солдатъ. Фрейтагъ оправдываетъ ихъ образъ дѣйствія. Пусть иногда на дачахъ подъ Парижемъ солдаты портили сапогами роскошные диваны, какъ бы ни былъ роскошенъ диванъ, для него большая честь, если онъ далъ возможность «бѣдному нѣмецкому солдату поспать нѣсколько часовъ», а если иногда камины и растапливались старыми книгами въ драгоцѣнныхъ переплетахъ, то это, конечно, жаль, но если у солдатъ ничего другого подъ руками не было, «кто посмѣетъ ихъ въ этомъ упрекнуть». Если солдатикъ отнимаетъ у крестьянина часы, чтобы ихъ продать и купить себѣ коньяку, то это, конечно, нехорошо, но если онъ беретъ себѣ рубаху и башмаки мужика, то это вѣдь «предметы первой необходимости». Большинство, къ счастью, воздерживается отъ всякаго насилія, «какъ бы ихъ не мучили голодъ и жажда». Однако Фрейтагъ, повидимому, былъ не такъ ужъ убѣжденъ въ правильности этого утвержденія. Въ одной изъ своихъ статей онъ заклинаетъ армію «вернуться изъ этой ужасающей войны съ чистой совѣстью и съ чистыми руками».

Ультра-патріоты родной страны не простили ему этой статьи, когда же ею воспользовалась французская газета «L'Indépendance», Фрейтагъ далъ ей энергичный и рѣзкій отпоръ.

Авторъ романа «Soll und Haben» не любилъ французовъ.

«Они имѣютъ честь носить имя одного изъ германскихъ племенъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, но они остались кельтами по своимъ инстинктамъ и чувствамъ, тѣми самыми кельтами, которыхъ Юлій Цезарь изобразилъ пустыми и жаждущими всякой новизны».

Нерасположенный къ французской націи, Фрейтагъ однако не былъ склоненъ одобрять всѣ планы относительно нея побѣдительницы-Германіи. Такъ, онъ былъ рѣшительно противъ наложенія большой контрибуціи. Противъ такой мѣры возставала вся его натура апологета патріархально-простой старины.

«Мы не должны брать больше того, что государство истратило на войну. Война не должна быть дѣломъ коммерческимъ. Подъ наплывомъ милліоновъ трезвая, простая, разсудительная Пруссія легко можетъ забыть свою обычную любовь къ простотѣ и бережливости».

Если Германія будетъ настаивать на большой контрибуціи, то «честный порядочный нѣмецъ» станетъ въ глазахъ «цивилизованнаго человѣчества» символомъ «жадности». И точно предвидя вызванную французскими милліонами вакханалію грюндерства, Фрейтагъ писалъ: «Старое проклятіе, тяготѣющее надъ деньгами, проявляется уже теперь, когда мы бросаемъ только робкіе взгляды на эти милліоны, если же мы ихъ получимъ, то мы на суровомъ опытѣ убѣдимся, что тогда произойдетъ».

Исходя изъ той же патріархальной точки зрѣнія, Фрейтагъ былъ противъ провозглашенія прусскаго короля германскимъ императоромъ (какъ и самъ Вильгельмъ I). Въ разговорѣ съ кронпринцемъ (въ августѣ 1870 г.), отстаивавшимъ противоположный взглядъ, писатель доказывалъ, что если имперія усилитъ значеніе аристократіи и бюрократіи, съ чѣмъ не могла мириться его натура убѣжденнаго идеолога бюргерства, то она вмѣстѣ съ тѣмъ заставитъ и Гогенцоллерновъ отказаться отъ присущей имъ «простоты», отъ ихъ «суроваго образа жизни».

«Намъ непріятно видѣть—писалъ Фрейтагъ вскорѣ послѣ провозглашенія имперіи—какъ въ династіи Гогенцоллерновъ пробуждаются воспоминанія о старой коронѣ германской имперіи. Идея имперія была хороша, какъ средство объединенія... Наши Гогенцоллерны должны были бы носить императорскую мантію только, какъ офицеры носятъ свой плащъ, одѣвая его во время службы, а потомъ снимая. Украшаться же ею, щеголять въ ней—это дѣло нехорошее. Вокругъ старой императорской короны было такъ много нездороваго, что намъ она глубоко несимпатична».

А 20 іюня 1871 г. Фрейтагъ писалъ принцу Саксенъ-Кобургскому:

«Новое зданіе германской имперіи имѣетъ такія трещины, что въ немъ долго не проживетъ и самъ г. Бисмаркъ. Дунетъ буря, и оно будетъ сокрушено и распадется, какъ будто его не бывало».

Національный подъемъ, сопровождавшій франко-прусскую войну, впечатлѣнія и переживанія на театрѣ военныхъ дѣйствій не прошли совсѣмъ безслѣдно для творчества писателя.

Когда германскія войска направились къ Парижу, Фрейтагъ отпросился въ отпускъ, такъ какъ ему казалось несправедливымъ (разсказываетъ онъ въ своихъ «Erinnerungen») «быть празднымъ зрителемъ въ дни, когда другіе напрягаютъ до крайности всѣ

свои силы». Онъ вернулся домой, чтобы послужить родинѣ—перомъ.

«Уже въ то время—сообщаетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», когда я ѣхалъ по французскимъ дорогамъ въ сутолокѣ солдатъ, лошадей и обозовъ, вспоминалось мнѣ вторженіе нашихъ германскихъ предковъ въ римскую Галлію. Я видѣлъ, какъ они плывутъ на плотахъ и деревянныхъ щитахъ по рѣкамъ, слышалъ сквозь крики «ура» моихъ земляковъ, солдатъ V и XI корпусовъ, боевой кличъ древнихъ франковъ и аламанновъ «harra». Я размышлялъ надъ тѣмъ, какъ въ теченіе столѣтій измѣнялись войска и вожди Германіи. Изъ этихъ размышленій въ связи съ пристрастіемъ къ историческому стилю, въ который мои творческія грезы (Erfindung) стали облекаться подъ вліяніемъ впечатлѣній 1870 г., и родилась идея моихъ «Ahnen».

Кронпринцъ былъ первый, кому Фрейтагъ сообщилъ объ этомъ своемъ замыслѣ.

Объединенная общимъ заглавіемъ «Предки», эта серія романовъ, ставящая своей задачей выясненіе вліянія прошлаго на современность, состоитъ изъ семи частей: первая (Ingo) воспроизводитъ картину быта эпохи переселенія народовъ, послѣдняя (Aus einer kleinen Stadt)—изображаетъ національное возрожденіе, послѣдовавшее за наполеоновскими войнами (1806—1848).

Есть свѣдѣніе, исходящее отъ жены писателя, что онъ носился съ мыслью написать еще восьмую часть своей исторіи одной семьи отъ древнѣйшихъ временъ, при чемъ дѣйствіе этого романа должно было происходить на фонѣ франко-прусской войны, а героемъ его выступилъ бы силезскій ремесленникъ. Фрейтагъ не выполнилъ этого замысла, быть можетъ, потому, что не симпатизировалъ, какъ и Гуцковъ, новому обществу, выступившему на сцену послѣ 1870 г., и не хотѣлъ испортить себѣ работой надъ этой его не привлекавшей задачей вечеръ своей жизни (какъ сообщаетъ въ своихъ «Lebenserinnerungen» Ю. фонъ-Экартъ).

Задачу, невыполненную Фрейтагомъ, взялъ на себя Шпильгагенъ.

Авторъ «Проблематическихъ натуръ» принадлежалъ, какъ и Гуцковъ, къ поколѣнію идеалистовъ-мечтателей, а не практиковъ-реалистовъ. Какъ герой его романа «Quisisana», онъ былъ изъ «рода Вертеровъ и Эдуардовъ» [1]). Но и онъ могъ сказать о себѣ его словами: «Хотя по складу своего ума я принадлежу, быть можетъ, къ прошлому вѣку, тѣмъ не менѣе я гражданинъ своего времени и не равнодушенъ къ его призывамъ. Я очень

---

¹) Имена извѣстныхъ героевъ Гёте.

хорошо знаю, что современный человѣкъ не имѣетъ права жить исключительно для своихъ личныхъ радостей и горестей и я очень хорошо помню, что у меня есть отчизна, славу, честь и величіе которой я обязанъ свято чтить».

Принадлежа по всему складу своего ума къ поколѣнію «рыцарей духа», Шпильгагенъ ставилъ, естественно, интересы мысли и нравственности выше матеріальнаго, политическаго и военнаго могущества.

«Честь и хвала тѣмъ тысячамъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (Am Wege), которые пожертвовали жизнью за то, чтобы Германія могла подняться изъ пропасти политическаго униженія и стать міровой державой, голосъ которой не гласъ вопіющаго въ совѣтѣ народовъ. Но подобно тому, какъ войско не единственная охрана для государя (намекъ на слова національнаго гимна), такъ *внѣшнее* могущество (курсивъ Шпильгагена) никогда не является гарантіей могущества народа, даже его существованія. Яркими письменами внесены эти слова въ скрижали міровой исторіи. Здѣсь же начертано и другое изреченіе, хотя и менѣе ясными буквами, но для болѣе проницательнаго взора все же достаточно разборчивыми: истинная несокрушимая сила народа покоится въ его человѣчности (Menschlichkeit), т.-е. въ томъ нравственномъ духѣ, который въ немъ живетъ».

Если принять во вниманіе такое умонастроеніе Шпильгагена, то неудивительно, что ему не удалось возсоздать картину національнаго подъема и что на своемъ мѣстѣ онъ почувствовалъ себя лишь, когда могъ поднять свой голосъ «рыцаря духа», когда могъ напомнить соотечественникамъ о томъ, что истинная сила народа покоится въ нравственномъ чувствѣ. Насколько романъ «Allzeit voran» тускло и безжизненно воспроизводитъ настроеніе общества въ 1870 г., настолько яркую картину эпохи грюндерства представляетъ романъ «Die Sturmflut».

Здѣсь претворены въ художественные образы послѣдствія для внутренней жизни Германіи милліардной контрибуціи, наложенной на Францію, тѣ послѣдствія, которыя, какъ выше указано, пророческими словами предсказалъ Фрейтагъ.

Если Фрейтагъ и Шпильгагенъ уже успѣли написать свои лучшія произведенія до франко-прусской войны, то *Т. Фонтанъ* (Fontane), которому было потомъ суждено затмить обоихъ въ глазахъ публики, былъ до 1870 г. извѣстенъ лишь, какъ авторъ описаній войны Германіи съ Даніей (Der schleswigholsteinsche Krieg) и съ Австріей (Der deutsche Krieg von 1866). Получивъ

Королевичъ Виллегальмъ убиваетъ въ единоборствѣ императора (Францію) и воздвигаетъ на кровавой почвѣ войны царство мира и счастья.

Если королевичъ Виллегальмъ—портретъ Вильгельма I, то въ его сподвижникахъ, носящихъ имена «Сильный» и «Мудрый» нетрудно узнать Мольтке и Бисмарка.

Когда объединитель Германіи чувствуетъ приближеніе смерти, къ нему приходитъ дѣва, которую онъ спасъ изъ плѣна униженія и раздробленія (т.-е. Германія) и приноситъ ему благую вѣсть о томъ, что созданное имъ дѣло стоитъ прочно и «старая священная римская имперія», возродившись къ новой жизни, уже больше не исчезнетъ съ лица земли.

Deutschland, das alte das heilige Reich
Das aus der langen Nacht
Deinen du heimgebracht
Willehalm, König,
Fröhliche Botschaft komm ich zu geben
Deutschland es ist, es wird bleiben und leben [1]).

Въ заключеніе необходимо остановиться и на тѣхъ двухъ дѣятеляхъ слова, имена которыхъ красуются на фронтонѣ новѣйшей нѣмецкой литературы.

Детлевъ фонъ-Лиліенкронъ, участвовавшій офицеромъ въ войнѣ 1870 г., былъ тѣмъ поэтомъ, который обновилъ впавшую въ академизмъ нѣмецкую лирику новыми звуками, который возродилъ ее силой импрессіонистическаго чувства. Быть можетъ, не простая случайность, что новѣйшая нѣмецкая лирика открывается сборникомъ стихотвореній, носящихъ навѣянное войной заглавіе: «Adjutantenritte». Участникъ многихъ боевъ Лиліенкронъ написалъ потомъ лучшіе разсказы изъ франко-прусской войны. Если сравнить его новеллы: «Unter flatternden Fahnen» или его «Kriegsnovellen» съ батальными картинами, нарисованными Вильденбрухомъ въ его эпосѣ о Седанѣ, или съ описаніями боевъ, принадлежащими перу Фонтана, то ясно видно, какіе успѣхи сдѣлала литературная техника подъ вліяніемъ завоеваній импрессіонизма.

Если Лиліенкронъ открываетъ новую эру въ исторіи нѣмецкой поэзіи, то *Ф. Ницше* было суждено стать властителемъ думъ цѣлой эпохи.

Когда молодой профессоръ классической филологіи при ба-

---

[1]) «Германія, старая священная имперія, которую ты, король Виллегальмъ, послѣ долгой ночи снова даровалъ твоему народу, — внимай радостной вѣсти — она жива и будетъ жить вовѣки».

зельскомъ университетѣ получилъ извѣстіе о вспыхнувшей войнѣ, онъ былъ пораженъ, какъ громомъ.

«Объявлена война между Франціей и Германіей!—писалъ онъ Роде,—«вся наша жалкая (fadenscheinig) культура бросается въ объятія самому страшному изъ всѣхъ демоновъ. Что намъ предстоитъ еще пережить!» «Я обратился немедленно къ университетскому начальству съ прошеніемъ объ отпускѣ», говоритъ онъ въ письмѣ къ своему другу Герсдорфу. «Я рѣшилъ исполнить въ качествѣ солдата свой долгъ нѣмца».

Такъ какъ профессору швейцарскаго университета нельзя было служить прусскимъ солдатомъ, то Ницше записался въ санитары. Самоотверженно ухаживалъ онъ за больными и ранеными, пока самъ серьезно не захворалъ. Его привезли назадъ въ Германію и въ бреду ему все чудилось: онъ слышитъ нескончаемый жалобный стонъ (см. письмо къ Герсдорфу отъ 20 окт. 1870 г.). «Мое намѣреніе снова отправиться на войну оказалось неосуществимымъ. Пришлось довольствоваться издали созерцать и сострадать».

Какъ извѣстно, сестра философа-поэта усматриваетъ именно въ этой болѣзни корень постигшей его потомъ трагической катастрофы.

Изъ писемъ Ницше видно, что онъ относился къ войнѣ и ея послѣдствіямъ для родины какъ-то двойственно.

«Грядущее культуры внушаетъ мнѣ величайшія опасенія», пишетъ онъ, напримѣръ, Герсдорфу 7 ноября 1870 г. «Между нами: я считаю современную Пруссію весьма опасной для культуры (für eine der Cultur höchst gefähliche Macht)». Указавъ на цѣлый рядъ грозныхъ, по его мнѣнію, симптомовъ (историчность образованія, претензіи католической церкви), Ницше продолжаетъ: «Хотя это нелегко, но надо сохранить благоразуміе среди всеобщаго опьянѣнія, дабы не подкрался воръ и не укралъ у насъ того, что, по-моему, превыше всякихъ военныхъ успѣховъ и даже національнаго возрожденія. Для грядущей культуры нужны борцы: сохранимъ же себя для нея». И ту же мысль онъ повторяетъ мѣсяцемъ позже: «Какіе враги еще могутъ вырасти для нашей вѣры на окровавленной почвѣ войны! Я предвижу самое худшее. Борьба еще предстоитъ—поэтому мы обязаны жить».

Прошла война и Ницше уже настроенъ иначе.

Онъ радуется, что война обнаружила живучесть въ нѣмецкомъ народѣ героическаго духа и сознательности (besonnen), и спѣшитъ заявить, что на такомъ фундаментѣ можно «строить».

«Я настроенъ мужественнѣе, чѣмъ когда-либо», признается онъ Герсдорфу. Оказывается, у нѣмецкаго народа есть «миссія»

и что она еще не кончена. «Не все еще погибло подъ напоромъ французско-еврейской пошлости и элегантности въ жадной дѣловой сутолокѣ современности. Сохранилась еще храбрость, нѣмецкая храбрость, которая по содержанію совсѣмъ нѣчто другое, чѣмъ пресловутое élan нашихъ достойныхъ сожалѣнія сосѣдей».

А въ декабрѣ 1871 г. Ницше пересылаетъ Герсдорфу сочиненный имъ и положенный имъ же на музыку гимнъ въ честь императора Вильгельма, воспѣтаго и Вильденбрухомъ въ его «драматической легендѣ» Willehalm:

Heil, Heil dem Kaiser
König Wilchelm
Aller Deutschen Hort und Freiheitswehr и т. д.

(см. F. Nietzsches Gesammelte Briefe, т. I, стр. 121).

Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и Ницше провозгласитъ войну величайшимъ благодѣяніемъ, геніемъ-хранителемъ культуры и человѣчества.

«Только мечтатели и люди прекраснодушные,—восклицаетъ онъ,—могутъ утверждать, что человѣчество создастъ все лучшее только, если разучится воевать. Въ настоящее время у насъ нѣтъ иного средства, которое можетъ внушить упадочнымъ (matt werden) народамъ мужественную энергію, свойственную лагерной жизни, глубокую, но безличную ненависть, хладнокровную жажду истребленія, совершаемаго съ чистой совѣстью, гордое презрѣніе къ собственной жизни и къ жизни близкихъ такъ хорошо, какъ это дѣлаетъ война».

Въ особенности европейскіе народы, достигшіе такой «высокой культуры», и потому естественно склонные къ упадочности, нуждаются, какъ въ очистительномъ огнѣ, въ войнѣ, и не только въ войнѣ, но «въ самыхъ ужасныхъ войнахъ», т.-е. въ «временномъ возвратѣ къ варварству», если они хотятъ сохранить и свое «существованіе», и свою «культуру».

В. Фриче.

Національный вопросъ въ русскомъ общественномъ движеніи [1]).

VI.

Чернышевскій первый въ русской литературѣ ясно и опредѣленно поставилъ вопросъ о зависимости національнаго движенія отъ классовыхъ, или, какъ онъ выражался, сословныхъ интересовъ. Полемизируя съ галиційскими украинскими націоналистами по поводу ихъ отношенія къ полякамъ, Чернышевскій говоритъ: «слѣдовало бы «Слову» (органу галиційскихъ украинцевъ) внимательнѣе подумать также, надобно ли считать за *споръ между національностями* тотъ споръ, въ который оно бросается съ такою готовностью и который оно поднимаетъ, какъ споръ національности. Очень можетъ быть, что *при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отношеній,* львовское «Слово» увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, совершенно чуждый *племенному вопросу—вопросъ сословный.* Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той, и на другой сторонѣ и русиновъ и поляковъ—людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русинскихъ крестьянъ» [2]).

Эта характеристика сущности національной проблемы вполнѣ отвѣчала дѣйствительности. Въ Галиціи такъ же, какъ и въ русской Украйнѣ, національная борьба украинцевъ съ поляками была соціальной борьбой украинскаго крестьянства съ польскими землевладѣльцами. Стремясь исторически оправдать и укрѣпить свое соціальное господство въ населенномъ украинцами краѣ, польское дворянство шло по пути насильственной культурной и религіозной ассимиляціи (ополяченія). Скованныя экономически и культурно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ крестьянскія массы

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 1.

[2]) «Національная безтактность», т. 8 соч. *Чернышевскаго;* изд. М. Н. Черныш., стр. 282.

Галиціи и Украйны реагировали одновременно и на экономическій и на культурно-религіозный гнетъ. Соціальный протестъ украинскаго крестьянина постоянно носилъ религіозную и національную окраску. Экономическое освобожденіе отъ польскихъ пановъ мыслилось имъ въ то же время и національно-религіознымъ освобожденіемъ.

Крестьянское движеніе въ Галиціи въ 1847 году, направленное противъ польскихъ землевладѣльцевъ, прошло совсѣмъ на глазахъ Чернышевскаго.

Признавая экономическіе интересы украинскаго народа, Чернышевскій, конечно, не могъ не признать и культурныхъ интересовъ его.

Бѣлинскій, стоя на формально эстетической точкѣ зрѣнія, не хотѣлъ признать украинскій языкъ литературнымъ. Для Чернышевскаго и Добролюбова совсѣмъ неважно, насколько молодая украинская литература отвѣчаетъ требованіямъ «книжной» цивилизованной литературы. Чернышевскій съ большимъ сочувствіемъ говоритъ объ этой литературѣ. Для него, какъ и для Добролюбова, Шевченко тѣмъ особенно и цѣненъ, что онъ пѣвецъ своей родной украинской мужицкой жизни. «Само собою разумѣется, пишетъ Добролюбовъ, что никто не откажетъ малороссійскому, какъ и всякому другому народу, въ правѣ и способности говорить своимъ языкомъ о предметахъ своихъ нуждъ, стремленій и воспоминаній, никто не откажется признать народную поэзію Малороссіи... Онъ (Шевченко) не могъ не обратиться къ своей Украйнѣ, не могъ не посвятить всего себя тому, что вѣяло на него святыней чистаго воспоминанія, что освѣжало и согрѣвало его въ самыя трудныя и темныя минуты жизни»... [1]).

Любопытна позиція въ національномъ вопросѣ «Великоросса»—организаціи, повидимому, очень близкой къ Чернышевскому [2]). «Великороссъ» доказываетъ разорительность для русскаго народа насильственной связи Польши съ Россіей. Помимо матеріальныхъ тратъ на поддержаніе русской власти, военное положеніе въ Польшѣ губитъ свободу русскаго народа. «Пока въ одной части государства, пишетъ «Великороссъ», власть надъ цивилизованнымъ народомъ душится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы и въ остальныхъ частяхъ государства»... «Наша народная гор-

---

[1]) Какъ извѣстно, крестьянское движеніе въ Галиціи было связано съ національнымъ возстаніемъ польской шляхты. Австрійское правительство использовало въ своихъ интересахъ антагонизмъ между помѣщиками и шляхтой въ Галиціи.

[2]) *С. М. Лемке*: «Процессъ Великороссовъ», «Былое» 1906 г. № 2.

дость, любовь къ нашему народу и финансовый расчетъ требуютъ того же (освобожденія Польши)» [1]).

Интересы русской свободы и демократіи требуютъ, такимъ образомъ, полнаго освобожденія Польши. Исходя изъ тѣхъ же народныхъ интересовъ, «Великороссъ» требуетъ признанія правъ національностей, входящихъ въ составъ русскаго государства.

Нѣсколько противорѣчитъ идеи національнаго самопредѣленія, склонность «Великоросса» причислять къ Польшѣ не только земли, «гдѣ масса народа говоритъ по-польски», но и ту территорію, гдѣ масса привязана къ прежней уніатской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ имѣетъ, если не имя польское, то польскій духъ».

Болѣе послѣдовательна въ этомъ отношеніи прокламація «Молодая Россія», выпущенная въ томъ же году радикальнымъ студенческимъ кружкомъ. Она требовала предоставленія всѣмъ областямъ возможности рѣшать, желаютъ ли онѣ войти въ составъ федеративной республики русской [2]).

«Молодая Россія» не оперируетъ такими шаткими аргументами, какъ «польскій духъ», «привязанность къ уніатской вѣрѣ».

60-е годы ознаменовались національно-культурнымъ пробужденіемъ не однихъ только православныхъ малороссовъ, но украинцевъ-уніатовъ, а также литовцевъ-католиковъ и протестантовъ-латышей. Всѣ эти народы, за исключеніемъ латышей, экономически подчиненныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ нѣмецкимъ баронамъ, входили въ составъ исторической Польши. Польскіе патріоты считали ихъ всѣхъ «проникнутыми польскимъ духомъ», но на самомъ дѣлѣ они говорили на своемъ родномъ языкѣ и имѣли свою національную культуру. Всѣ они находились въ экономической зависимости отъ польскихъ землевладѣльцевъ и поэтому ихъ національная борьба была той сословной борьбой, о которой упоминалъ Чернышевскій.

Незадолго до возстанія 1863 г. одинъ польскій публицистъ, Грибовскій, слѣдующимъ образомъ апеллируетъ къ русскимъ помѣщикамъ изъ Аксаковскаго «Дня», ища у нихъ поддержки противъ украинскихъ притязаній: «Доводы, приводимые русскими

---

[1]) На точно такой же позиціи въ польскомъ вопросѣ, какъ «Великороссъ», стояли Марксъ и Энгельсъ. Они не разъ въ своихъ выступленіяхъ на польскихъ митингахъ въ Лондонѣ указывали на роковое значеніе для русской свободы насильственнаго обладанія Россіей Польши. Военный режимъ въ Польшѣ, укрѣпляя русскій абсолютизмъ, также, по ихъ мнѣнію, вредитъ и дѣлу свободы всей Западной Европы. (См. «Впередъ» за 1875 г.) См. также письмо Маркса членамъ Комитета русской секціи Международнаго Товарищества рабочихъ. *Бурцевъ* «За 100 лѣтъ».

[2]) Матеріалы по исторіи революц. движ. въ Россіи въ 60 г., подъ ред. *Базилевскаго*; стр. 27 и 60.

и малорусскими историками противъ нашего польскаго прошлаго, слово въ слово, тѣ же самые, къ которымъ прибѣгаютъ соціалисты, коммунисты и т. п., когда нападаютъ на прошлое и настоящее Европы [1]).

То же самое этотъ публицистъ могъ бы сказать и о литовцахъ, и о латышахъ, мечтавшихъ, по словамъ Бакунина, «вымостить черепами нѣмцевъ большую дорогу, ведущую въ Ригу» [2]). Для латышей также неубѣдительна ссылка на господство «нѣмецкаго духа» въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ для литовскихъ и украинскихъ крестьянъ ссылка на «польскій духъ».

VII.

Герценъ, Бакунинъ и «Великороссъ» считали освобожденіе Польши одной изъ основныхъ задачъ русской демократіи. Они стремились связать дѣло польской свободы съ русской. Въ «Колоколѣ» мы находимъ условія, на которыхъ происходитъ объединеніе польскихъ революціонеровъ съ русскими демократами. Центральный Народный Польскій Комитетъ обѣщаетъ признать право польскихъ крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и «полную самоуправность» всякаго народа, входящаго въ составъ исторической Польши, располагать своей судьбой [3]).

«Колоколъ» отвѣчаетъ полякамъ, что эти условія—«наши догматы, наши знамена»

Но несмотря на эту офиціальную декларацію поляковъ, между русскими демократами и польскими революціонерами, объявившими себя демократами, существовала цѣлая пропасть. Мы видѣли, какъ тотъ же Народный Комитетъ противоставлялъ «польское національное дѣло» «русскому земскому дѣлу». Къ самой русской «земской идеѣ» поляки относятся съ большою враждебностью. Герценъ вспоминаетъ въ «Былое и Думахъ», какъ поляки устранили его отъ участія на одномъ изъ польскихъ митинговъ, боясь присутствіемъ «краснаго» русскаго эмигранта скомпрометировать польское дѣло въ глазахъ консервативныхъ англійскихъ друзей Польши. Иниціаторомъ этого устраненія былъ другъ Герцена демократъ Ворцель, въ демократизмъ котораго редакторъ «Колокола» особенно вѣрилъ.

Еще болѣе чувствовалъ враждебность поляковъ къ соціальнымъ идеямъ русскихъ демократовъ пламенный другъ польскаго осво-

---

[1]) Цитирую по *Драгоманову*: «Центръ и окраины», т. I, стр. 91.

[2]) Письма Бакунина, изд. Драгомановымъ. Рѣчь на конгрессѣ мира въ 1868 г., стр. 437.

[3]) «Колоколъ» № 146.

божденія—Бакунинъ. Въ письмѣ къ Герцену онъ жалуется, что «съ поляками намъ трудно. Мало, слишкомъ мало такихъ, съ которыми мы бы могли жить душа въ душу» [1]). Бакунинъ сообщаетъ о своемъ разговорѣ съ однимъ изъ вождей польскаго движенія—Домантовичемъ, открыто заявившимъ, что предпочтетъ «побѣду императорской власти спасенію Польши черезъ русскую революцію». Польскій демократъ боится, что русская революція, «вызвавъ наружу польское варварство, затопитъ польскую цивилизацію» [2]).

Бакунинъ, тѣмъ не менѣе, всей душей отдается польскому возстанію. Отъ платоническаго сочувствія полякамъ онъ жаждетъ перейти къ активному содѣйствію польскому дѣлу. Бакунинъ принимаетъ участіе въ польской экспедиціи, намѣревавшейся прорваться въ Польшу черезъ Балтійское море. Эта активность Бакунина нѣсколько шокировала Герцена. Въ письмѣ въ редакцію «Дня» Герценъ, по поводу инсинуацій одного славянофильскаго публициста по адресу русскихъ эмигрантовъ, дѣлаетъ попытку смягчить самый фактъ участія Бакунина въ польской экспедиціи.

Но, въ отвѣтъ на это письмо, Бакунинъ категорически подтверждаетъ свое участіе въ этой экспедиціи. Повидимому, Герценъ, посвятившій свой журналъ защитѣ польской свободы, считалъ все-таки неудобнымъ для русскаго участіе въ враждебныхъ дѣйствіяхъ поляковъ противъ русскихъ солдатъ. Съ этой точки зрѣнія Герценъ былъ противъ напечатанія въ «Колоколѣ» адреса офицерамъ, отказавшимся выступать противъ поляковъ, а также противъ «жертвоприношенія» Потебни, русскаго офицера, сражавшагося въ польскихъ рядахъ.

По мнѣнію же Бакунина, долгъ русскаго революціонера броситься между русскими войсками и повстанцами съ цѣлью помирить русскаго солдата съ поляками. Присоединеніе къ возстанію для русскаго—это «вопросъ нравственнаго оправданія и чести» [3]).

Кромѣ Бакунина на сторонѣ активнаго содѣйствія польскому возстанію была организація «Земля и Воля», къ которой принадлежали также русскіе офицеры, присоединившіеся къ полякамъ.

Участіе въ польскомъ движеніи было, конечно, для русскихъ революціонеровъ не только дѣломъ «чести», они связывали польскую революцію съ русской и ждали въ 1863 году общерусскаго

---

[1]) Письма Бакунина.

[2]) Драгомановъ указываетъ, что обѣщаніе Комитета отдать землю на основаніи государственнаго выкупа было только буквальнымъ повтореніемъ рѣшенія русскаго правительства освободить крестьянъ Польши согласно Улож. 19 февр. 61 г.

[3]) Письма Бакунина, стр. 103.

крестьянскаго движенія. Польское движеніе должно было, по мнѣнію Бакунина, послужить толчкомъ для Россіи. Сигналомъ для русскихъ крестьянъ будетъ, по его мнѣнію, полученіе польскими крестьянами «во имя революцію» всей земли безъ всякой платы и выкупа [1]).

Дѣйствительность не оправдала ожиданій Бакунина. Польскіе помѣщики не пошли за призывомъ Бакунина и не совершили самоубійства. Въ то же время не только не произошло русскаго крестьянскаго возстанія подъ вліяніемъ польскаго мятежа, но, наоборотъ, русскій, литовскій и даже отчасти польскій крестьянинъ оказали помощь русскому правительству въ его борьбѣ съ польскими повстанцами.

«Что народъ въ западномъ краѣ, пишетъ Драгомановъ, не пошелъ за Комитетомъ, хотя тотъ и предлагалъ ему землю будто бы даромъ, вышло совершенно естественно. Народъ видѣлъ, что этотъ подарокъ находится въ полномъ противорѣчіи съ ежедневнымъ поведеніемъ помѣщиковъ, наконецъ, нетрудно было сообразить, что подарокъ отъ невѣдомаго и слабаго Комитета не имѣетъ прочности. Народъ предпочелъ или «завоевать себѣ землю», какъ говорили крестьяне въ юго-западномъ краѣ, или получить ее отъ того правительства, сила коего не подлежала сомнѣнію... Слабое и кратковременное польское возстаніе было усмирено гораздо больше крестьянами, чѣмъ войсками» [2]).

«Національное» дѣло возставшихъ поляковъ оказалось чуждымъ и враждебнымъ дѣломъ для малорусскихъ и литовскихъ крестьянъ. Даже у польскихъ крестьянъ классовые интересы взяли вверхъ надъ національными интересами. Чѣмъ же объясняетъ пораженіе возстанія Бакунинъ? По его мнѣнію, польское дѣло погибло съ того момента, когда «красные» были отстранены отъ руководства движеніемъ «бѣлыми», предпочитавшими апелляцію къ иностранной дипломатіи апелляціи къ народу. Но вѣдь, по собственному признанію Бакунина, «красные» были весьма слабы въ польскомъ движеніи [3]).

Польское возстаніе оказало сильное вліяніе на дальнѣйшую эволюцію національной проблемы у Бакунина. Но прежде чѣмъ

---

[1]) Народное Дѣло № 1.

[2]) *Драгомановъ,* «Центръ и Окраина», стр. 160.

[3]) Драгомановъ очень пренебрежительно отзывается объ этихъ «красныхъ». Они, по его мнѣнію, принадлежатъ къ «той демократіи, которая проявила свои политическіе таланты въ Парижской Коммунѣ» (Драгоман. стр. 133). Эту характеристику Драгоманова «красныхъ» необходимо сопоставить съ той глубокой симпатіей, съ которой относились творцы Интернаціонала къ идеѣ польскаго освобожденія. Самая идея Интернаціонала, какъ извѣстно, возникла на одномъ изъ польскихъ митинговъ.

перейти къ тѣмъ выводамъ, какіе сдѣлалъ Бакунинъ изъ пораженія польскаго возстанія, мы коснемся отношенія къ польскому вопросу тѣхъ дворянскихъ круговъ, которые во второй половинѣ 60-хъ г. г. выражали широкое общественное мнѣніе.

Бакунинъ съ негодованіемъ говоритъ о «кокетничаніи» съ поляками «образованнаго общества» до возстанія. По его словамъ, «образованное общество» первоначально сочувствовало проповѣди «Великоросса»: отказаться отъ обладанія Польшей во имя экономическихъ интересовъ русскаго народа, страдавшихъ отъ непомѣрныхъ тратъ на содержаніе въ Польшѣ войска и на поддержаніе въ ней порядка. Но потомъ тоже общество съ «остервененіемъ» стало потворствовать казнямъ [1]).

Чѣмъ объяснить этотъ крутой поворотъ къ безудержному національизму, увлекшему, какъ извѣстно, даже тѣхъ либераловъ, которые являлись постоянными читателями «Колокола». Даже та сдержанность, которую проявилъ Герценъ къ активному содѣйствію полякамъ, не предохранила его отъ инсинуацій, быть можетъ, еще вчерашнихъ его читателей. Одно только сочувствіе польскому освобожденію въ глазахъ общества считалось преступнымъ. Правда, эти нападки не смутили Герцена, и онъ съ большимъ достоинствомъ отвѣчаетъ своимъ врагамъ: «Мы горды тѣмъ, что изъ-за него (польскаго дѣла) лишились нашей популярности, части нашей силы, мы горды той бранью, той клеветой, той грязью, которой бросали въ насъ за Польшу—ярыги патріотизма и содержанцы 3-го Отдѣленія» [2]).

Но, конечно, этотъ поворотъ къ національизму нельзя объяснить однимъ только оскорбленнымъ національнымъ чувствомъ. Этотъ національизмъ очень скоро обрѣлъ для себя твердую соціальную почву въ интересахъ русскаго дворянства.

VIII.

Въ ростѣ русскаго національизма—одна характерная черта. Его агрессивность крѣпнетъ и усиливается не въ моментъ вспышки наиболѣе враждебныхъ чувствъ поляковъ къ русскимъ и успѣха возстанія, а въ концѣ мятежа, когда наступила пора реализаціи плодовъ усмиренія. Въ началѣ возстанія среди дворянства не было серьезныхъ враговъ польской автономіи. Въ № 55 отъ 12 марта «Московскія Вѣдомости» пишутъ: «Нынѣшнее Царство Польское

---

[1]) Любопытно, что К. Д. Кавелинъ не только, повидимому, участвовалъ въ поднесеніи адреса усмирителю Польши Муравьеву, но выражалъ желаніе «быть барабанщикомъ» въ борьбѣ съ Франціей, намѣревавшейся вступиться за Польшу (*В. Семевскій*, «Голосъ Минувш.» 1914 г. № 7).

[2]) «Колоколъ» № 174.

можетъ пользоваться всѣми выгодами внутренней автономіи». Правда, газета подобно декабристамъ не желала, чтобы конституціонная Польша заняла привилегированное положеніе по отношенію къ безправной Россіи. Она хотѣла бы соединеніе Россіи и Польши «равными правами», т.-е. распространенія конституціоннаго строя на всю Имперію. «Обновленіе» Россіи важно, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», еще потому, что благодаря ему «у Европы отнятъ былъ бы всякій поводъ витійствовать о русскомъ варварствѣ и русскомъ деспотизмѣ» (№ 78, 12 апр.).

Но по мѣрѣ того, какъ ходъ усмиренія сталъ успѣшнѣе и возможность иностраннаго вмѣшательства сомнительнѣе, тѣ же «Моск. Вѣдом.» говорятъ: «Ставится вопросъ о возможности сохраненія польской администраціи въ Польшѣ». Отношеніе къ полякамъ рѣзко измѣняется. Передъ русскимъ дворянствомъ открывается новыя перспективы въ связи съ усмиреніемъ Польши. Оказывается, что теперь ни Россіи, ни Польшѣ ненужны «какія-либо такъ называемыя либеральныя мѣры: той и другой странѣ въ совокупности нужны болѣе всего твердыя и крѣпкія основы законнаго порядка» (№ 98 отъ 5 мая). «Моск. Вѣдом». съ этихъ поръ всецѣло заняты тремя задачами: скорѣйшимъ подавленіемъ возстанія, созданіемъ русской администраціи въ Польшѣ и Западномъ Краѣ и, наконецъ, усиленіемъ русскаго землевладѣльческаго помѣщичьяго элемента въ Западномъ краѣ.

Это чисто классовой дворянской точки зрѣнія на польскій вопросъ какъ будто противорѣчитъ на первый взглядъ усиленная забота дворянскаго органа о западнорусскихъ и польскихъ крестьянахъ. На самомъ же дѣлѣ крестьянская политика въ Польшѣ и Западномъ краѣ только своеобразная форма борьбы русскаго дворянства съ польскими землевладѣльцами, одновременно сочетающаяся съ правительственной демагогіей [1]). Эта политика идетъ совершенно паралельно ряду мѣръ, направленныхъ противъ польскаго землевладѣнія. Герой усмиренія польскаго мятежа— М. Н. Муравьевъ, извѣстный крѣпостникъ, слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ своему корреспонденту князю В. А. Долгорукову, выразившему сомнѣніе, какъ бы крестьянская реформа въ Западномъ краѣ пагубно не отразилась на настроеніи русскихъ крестьянъ: «Въ Россіи народъ, дворянство, духовенство соединены

[1]) В. И. Семевскій указываетъ, что русское правительство «проявило особую энергію въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ и Зап. Краѣ, пользуясь декретомъ Польск. Революц. Правительства, 10 янв. 1863 г., о передачѣ всей земли, за которую крестьяне отбывали барщину и оброкъ въ полную собственность». (*В. Семевскій.* «Письма Муравьева», «Голосъ Минувш.», 9 кн. 1913 г.).

однимъ вѣроисповѣданіемъ, одинаковыми чувствами преданности къ государю и любви къ Россіи. Въ Западномъ краѣ одно лишь сельское населеніе составляетъ основу нашего владычества и по истинѣ предано государю... Православная Россія слишкомъ благоразумна и особенно крестьяне одарены достаточнымъ здравымъ смысломъ, чтобы не понять, что мѣры, принятыя въ Западномъ краѣ, суть и должны быть исключительныя для этого края; что онѣ вызваны силою обстоятельствъ, и потому никакъ не могутъ быть примѣняемы къ русскимъ губерніямъ [1]).

Если «Моск. Вѣдом.» и Муравьевъ откровенно раскрывали истинные мотивы своей крестьянской политики въ Польшѣ и Западномъ краѣ, то славянофильскій «День» не хочетъ отказатьсн отъ того красиваго демократическаго плаща, въ который онъ прячетъ свою позицію въ польскомъ вопросѣ. «День» въ началѣ мятежа былъ склоненъ предоставить Польшу ея собственной судьбѣ и всецѣло занялся Западнымъ краемъ, требуя «во имя русской народности» борьбу съ польскимъ землевладѣльческимъ элементомъ. Къ концу возстанія «День» заинтересовался радикальнымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса не только въ Западномъ краѣ, но и въ самой Польшѣ. «Ослабленіе польской шляхты въ ея политическомъ и матеріальномъ значеніи, пишетъ «День», безъ сомнѣнія, полезно въ настоящее время для Россіи, но оно еще болѣе полезно для самой Польши и польской народности».

Ко «Дню» была очень близка группа авторовъ крестьянской реформы въ Польшѣ и Западномъ краѣ: Самаринъ, Милютинъ и друг. Любопытно, что этотъ самый Милютинъ, котораго польскіе землевладѣльцы за его радикализмъ въ крестьянскомъ вопросѣ прозвали чуть не соціалистомъ, былъ, по словамъ Спасовича [2]), однимъ изъ вдохновителей аграрнаго законодательства въ Западномъ краѣ, направленномъ къ подавленію польскаго и созданію крупнаго русскаго землевладѣнія.

Въ вопросѣ о развитіи русскаго помѣщичьяго землевладѣнія и русской администраціи въ Западномъ краѣ нѣтъ разногласій между «Московск. Вѣдом.» и «Днемъ». «Моск. Вѣдом.» только откровеннѣе. Онѣ, напримѣръ, открыто высказываются противъ распространенія обязательнаго выкупа земли, принадлежащей русскимъ землевладѣльцамъ въ Западномъ краѣ. Эта земля не должна подойти, по ихъ мнѣнію, подъ общую крестьянскую реформу въ краѣ. По отношенію же къ польскимъ землямъ «Моск. Вѣдом.» открыто защищаютъ экспропріацію ихъ: «Государство

[1]) «Голосъ Минувшаго» за 1913 г., 12 кн. «Письма Муравьева».
[2]) *Спасовичъ*, X томъ, стр. 341.

всегда и вездѣ бываетъ вынуждаемо прибѣгать къ экспропріаціи, но никогда и нигдѣ экспропріація не была такъ справедлива, какъ въ этомъ случаѣ, гдѣ ею замѣнялась бы законная конфискація». Газета противъ того, чтобы конфискованная у польскихъ повстанцевъ-помѣщиковъ земля поступала въ государственный фондъ, ибо «потребность Западнаго края заключается не въ увеличеніи количества государственныхъ имуществъ, а въ усиленіи русскаго элемента между помѣщиками края». Газета высказывается за принудительную продажу поляками, замѣшанными въ мятежѣ, земли русскихъ помѣщикамъ. «Мы съ особенной настойчивостью указываемъ на необходимость измѣнить существеннымъ образомъ условія землевладѣнія въ этомъ краѣ, *по горячимъ слѣдамъ недавняго мятежа*». «Моск. Вѣдом.» требуютъ государственной помощи помѣщикамъ, покупающимъ землю, ссуды на пріобрѣтеніе имѣній въ Западномъ краѣ и на поддержку пріобрѣтенныхъ. «День» идетъ по тому же пути. Въ № 28 за 1864 г. газета жалуется на сплоченность поляковъ, на ихъ нежеланіе продавать землю русскимъ помѣщикамъ: «Положеніе дѣла таково, по мнѣнію московскихъ славянофиловъ, что отними правительство свою сильную руку, все придетъ въ прежній видъ, и полонизмъ снова возобладаетъ...»

«Моск. Вѣдом.» и «День», такимъ образомъ, подготовили указъ 10-го декабря объ ограниченіи польскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ. Фразеологія указа вся проникнута настроеніемъ «Дня». Указъ говоритъ о силѣ польскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ, которая заключается «въ корпоративной замкнутости владѣнія недвижимою собственностью, недопускающей проникнуть къ себѣ никакую другую національность и особенно русскую». Въ виду этого указъ устанавливаетъ воспрещеніе лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать помѣщичью землю въ 9-ти западныхъ губерніяхъ. Высланные поляки обязаны въ опредѣленный срокъ продать свою землю русскимъ. Указъ отъ 23-го марта 64 г. устанавливаетъ льготы и ссуды для русскихъ помѣщиковъ и покупателей. Въ руки русскихъ землевладѣльцевъ попали также земли, конфискованныя у повстанцевъ.

Обѣ газеты говорятъ о необходимости русской администраціи для Польши и Западнаго края. «Моск. Вѣдом.» откровенно заявляютъ о необходимости особыхъ льготъ и привилегій для русскихъ чиновниковъ въ родѣ тѣхъ, которыя рекомендуетъ Муравьевъ, а именно: раздачи, въ видѣ эмеритуры, казенныхъ участковъ земли, съ платежомъ за нихъ выкупа [1]). «День» же смотритъ

[1]) «Голосъ Минувшаго» за 1913 г. 12 кн. Письма Муравьева къ Зеленому,

на роль русскихъ чиновниковъ, какъ на особую миссію—защиту идеи русской народности. По существу же, конечно, «День» хочетъ того же, къ чему стремятся «Моск. Вѣдом.». Очень зло высмѣиваетъ органъ Каткова поведеніе «Дня» въ польскомъ вопросѣ. «Пусть другіе совершаютъ грубое дѣло, а мы ограничимся намекомъ исподтишка и тотчасъ завернемся въ широкія фразы объ общественности, государственности, о народности, о самостоятельности, о свободѣ»...

Всѣ эти мѣры противъ польскаго землевладѣнія, вошедшія въ жизнь, дѣйствительно быстро повели къ убыли польскаго землевладѣнія и росту русскаго...

Руссификація края открыла дорогу русскому чиновнику къ доходнымъ мѣстамъ. На западной окраинѣ сложилась, такимъ образомъ, соціальная сила, кровно заинтересованная въ поддержаніи status quo, для которой націонализмъ не красивая фраза, а вполнѣ реальная политика.

IX.

Предсказанія «Великоросса» и К. Маркса сбылись. Подавленіе польскаго возстанія ознаменовалось для Россіи безудержнымъ ростомъ реакціи. Всякое проявленіе общественной самодѣятельности заподозрѣвалось въ прикосновенности къ польской интригѣ. Государственный гнетъ вызываетъ крайнюю реакцію противъ него въ кругахъ демократической интеллигенціи. Еще въ 1862 г. Бакунинъ не высказывается рѣзко противъ государственности. Онъ не потерялъ вѣры, что власть можетъ стоять во главѣ освободительнаго и національнаго движенія.

Польское возстаніе произвело переворотъ въ міровоззрѣніи Бакунина. Онъ уходитъ не только отъ вѣры въ государственность, онъ производитъ переоцѣнку старыхъ цѣнностей: понятія демократизма и панславизма. Отнынѣ не можетъ существовать дворянской демократіи. Демократія—эта только самъ народъ и интеллигенція—«лохматые» ученики Чернышевскаго, которые, въ свое время, оттолкнули отъ себя Герцена. Свой взглядъ на будущее Польши Бакунинъ опредѣляетъ въ письмѣ къ своему другу Тхоржевскому: «итакъ, Тхоржевскій, не смущайтесь, умираетъ теперь не Польша, а послѣдній призракъ шляхетской демократіи въ Польшѣ и въ Польшѣ, и именно въ Польшѣ начнется конецъ русскому... [1]). Свою мысль

[1]) Письма Бакунина, стр. 137.

о противоставленіи шляхетской демократіи дѣйствительной демократіи изъ народа онъ развиваетъ въ письмѣ въ органъ польскихъ соціалистовъ—«Гмину»: «то, что паны называютъ ойчизной было для всего люда тюрьмой»... Бакунинъ предлагаетъ польскимъ соціалистамъ свою программу: объединеніе соціалистическихъ элементовъ славянства.

Этотъ соціалистическій панславизмъ очень далекъ отъ легальнаго панславизма. Размежеваться съ русскими панславистами Бакунинъ стремился еще въ 1861 г. Въ письмѣ къ Герцену онъ пишетъ: «однако не мѣшало бы, какъ можно сильнѣе, протестовать противъ имени панславистовъ, которымъ насъ награждаютъ. Ты никогда не былъ имъ и всегда съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на славянскія движенія, я не былъ также никогда панславистомъ, но въ движеніи славянскомъ принималъ горячее участіе». Особенно настроился противъ русскаго панславизма Бакунинъ послѣ поведенія славянофиловъ въ польскомъ вопросѣ. Организуя въ 1872 г. славянскую секцію Интернаціонала, Бакунинъ подчеркиваетъ, что эта организація ни въ коемъ случаѣ не враждебна изъ чувствъ національности народамъ другихъ расъ [1]).

Въ № 1 своего журнала «Народное Дѣло» за 1868 г. Бакунинъ слѣдующимъ образомъ разрѣшаетъ національный вопросъ: каждому народу предоставляется абсолютное право самораспоряженія. Онъ федерируется, съ кѣмъ хочетъ. Будущая же политическая организація это—свободная федерація свободныхъ рабочихъ какъ земледѣльческихъ, такъ и фабрично-ремесленныхъ артелей (ассоціацій). Въ томъ же номерѣ Бакунинъ высказывается противъ претензіи государственныхъ соціалистическихъ партій навязывать свою программу всѣмъ народамъ, входящимъ въ составъ даннаго историческаго государства. «Соціалисты-революціонеры могутъ быть только врагами всякаго авторитетнаго государственнаго соціализма». Онъ требуетъ полнаго всесторонняго самобытнаго развитія какъ каждой особой народности, такъ и вообще всякой группы, сплоченной одними и тѣми же интересами, одними и тѣми же понятіями.

Но даже послѣ своей рѣзкой анархической программы, Бакунинъ не можетъ освободиться отъ воспитаннаго на гегеліанствѣ соціалистическаго славянофильства, заключавшагося въ вѣрѣ въ особой соціалистическій духъ славянскаго племени вообще и русскаго народа въ частности. Характерно, что отъ этого соціалистическаго славянофильства несвободенъ такой антаго-

¹) Тамъ же стр. 499.

нистъ Бакунина, какъ Лавровъ. Выпуская «Впередъ», Лавровъ надѣется, что новый органъ станетъ программой «славянской федераціи». Въ статьѣ: «Благодушное правительство и его лакеи» редакторъ «Впередъ», указывая на крупную роль польскихъ соціалистовъ въ «соціальныхъ битвахъ» Европы, не знаетъ, чѣмъ объяснить это явленіе: глубиною ли національнаго сознанія поляковъ или живой воспріимчивостью славянскихъ народовъ къ новымъ соціальнымъ идеямъ».

Лавровъ такъ же, какъ и Бакунинъ, стоитъ на точкѣ зрѣнія признанія абсолютнаго права національнаго самоопредѣленія: «Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить на Всероссійскомъ Земствѣ о вопросѣ между Россіей и Польшей, они предложили бы конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоятельно, независимо отъ всей предыдущей исторіи, къ какой національности, какому государственному или соціальному центру оно потянетъ» [1]). Въ будущемъ же Лаврову рисуется европейская федерація свободныхъ общинъ. Окончательное разрѣшеніе національнаго вопроса—въ соціальной революціи. Подъ ея знаменемъ—знаменемъ международной солидарности всѣхъ трудящихся и всемірной справедливости—соберутся всѣ народы.

Національное освобожденіе еще не означаетъ для народа соціальнаго освобожденія: «Народы завоевали своею кровью независимость родины, независимость Швейцаріи, Бельгіи, Соединенной Италіи, но послѣ побѣдъ оказывалось, что положеніе массъ было нисколько не лучше подъ управленіемъ единоплеменныхъ эксплоататоровъ». По поводу славянскаго вопроса Лавровъ пишетъ: «Для с.-р. братья «единовѣрные» суть только с.-р-ы, братья же «единокровные» суть всѣ страждущіе, всѣ подавленные» («Впередъ» № 42 1876 г.). «Впередъ» отвергаетъ національную борьбу. Вопросъ національный долженъ отступить передъ «важными задачами соціальной борьбы». Тѣмъ не менѣе «программа» «Впередъ» признаетъ, что «національности представляютъ совершенно реальную и неизбѣжную почву для каждаго общественнаго процесса. Приходится дѣйствовать въ данной мѣстности на общество, говорящее даннымъ языкомъ, выработавшееся до данной культуры». Съ этой точки зрѣнія «Впередъ» долженъ встать на защиту культурно-національныхъ интересовъ народа. Защита этихъ національныхъ культурныхъ интересовъ, конечно, далека отъ «возбужденія къ соперничеству расъ или націй». Лаврову приходится выступать противъ политики «обрусѣнія» въ Польшѣ и преслѣдованія малорусской литературы и театра...

---

[1]) Цитирую по *Драгоманову*, т. I, стр. 159.

Всѣ народы равны для «Впередъ». Онъ не признаетъ «народовъ избранныхъ», «народовъ христовъ», «народовъ интеллигенціи». Въ замѣткѣ «Косвенный продуктъ правительственной паники» редакція «Впередъ» привѣтствуетъ возникновеніе соціалистическаго движенія среди того племени, «гдѣ религія есть еще немалая сила». Лавровъ посвящаетъ страницы своего органа этому любопытному для него соціалистическому движенію среди забитаго еврейства.

X.

Несмотря на возникновеніе соціалистическаго движенія среди евреевъ, для большинства русскихъ народниковъ еврейская жизнь была попрежнему terra incognita. Въ глазахъ многихъ народовольцевъ еврейство въ цѣломъ было синонимомъ эксплоататоровъ и паразитовъ. Культъ мужика еще болѣе способствовалъ некритическому отношенію къ еврейскому вопросу.

Когда на югѣ начались антиеврейскіе погромы, народовольцы видѣли въ погромномъ движеніи зарю новой жизни.

Любопытно, что «Народная Воля» сознаетъ присутствіе въ антиеврейскомъ движеніи не одного только экономическаго момента. Еврейскихъ торговцевъ и шинкарей громятъ не только потому, что они представители ненавистныхъ народу профессій. Ихъ бьютъ за то, что они евреи. Однимъ словомъ, для «Народной Воли» не секретъ, что безправное положеніе евреевъ, ихъ чуждая окружающему населенію религія и національность дѣлаютъ ихъ элементомъ наименьшаго сопротивленія.

Касаясь екатеринославскаго погрома, «Народная Воля» говоритъ: «Евреи, какъ это когда-то прекрасно объяснилъ К. Марксъ, будучи народомъ исторически несчастнымъ и долгогонимымъ, сдѣлались народомъ въ высшей степени нервнымъ и воспріимчивымъ; они воспроизводятъ въ себѣ, какъ зеркало (и даже не въ обыкновенномъ, а въ удлиненномъ видѣ), всѣ пороки окружающей среды, всѣ язвы общественнаго строя, такъ что, когда начинаются антиеврейскія движенія, то можно быть увѣреннымъ, что въ нихъ таится протестъ противъ цѣлаго порядка и начинается движеніе, гораздо болѣе глубокое [1])».

---

[1]) Какъ извѣстно, К. Марксъ отожествлялъ еврейство съ той крупной еврейской буржуазіей, которая въ его время особенно рѣзко проявила себя въ экономической жизни Германіи.

Ткачевскій «Набатъ» ждалъ этого антиеврейскаго движенія еще въ 1875 г. Онъ былъ убѣжденъ, что послѣ крестьянскаго возстанія въ Бѣлоруссіи не останется и половины евреевъ («Набатъ», №№ 2 и 3). О подобномъ же изгнаніи евреевъ мечтаетъ деревенскій корреспондентъ «Народной Воли»: «Стало ясно, что для осуществленія льготной жизни потребуется помощь участія самого народа; что его силы должны быть прежде всего направлены на изгнаніе евреевъ» [1]). Тотъ же корреспондентъ съ явнымъ сочувствіемъ передаетъ слѣдующія глубокомысленныя разсужденія знакомаго крестьянина: «И ще воно, що усякій народъ мае свою основу. Полякі, німці, грекі маютъ свою землю и столицю. Тилько жиди скрізь мішаются; за ними ни купишь, ни продашь нічего... Хай йдутъ у Египетъ віткіля вони родомъ» [2]).

Народоволецъ спеціально отправился въ одно село, чтобы быть, если не участникомъ, то, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ народнаго гнѣва противъ евреевъ. Наблюденіе погромовъ въ городѣ его не удовлетворяетъ. Тамъ все происходитъ въ непривлекательномъ видѣ: «Босая команда, пьянство, разбитыя лавки и окна». Онъ хочетъ перейти отъ этой «декоративной стороны» къ психологіи погромнаго движенія: къ «зарожденію идей и чувствъ, видѣть ихъ развитіе и ростъ». Все это нашъ корреспондентъ надѣется найти въ деревнѣ. Онъ самъ наводитъ свою крестьянскую аудиторію на мысль объ устройствѣ погрома въ селѣ, сообщая, что евреи боятся наступленія ближайшей ярмарки. Послѣ долгихъ бесѣдъ съ крестьянами корреспондентъ приходитъ къ убѣжденію, что погромное движеніе—идейное. Погромное настроеніе настолько овладѣваетъ народникомъ, что онъ высказываетъ нетерпѣніе, сердится на евреевъ за то, что они принимаютъ мѣры предосторожности, «шепчутся съ начальствомъ». Раздражаетъ наблюдателя видъ суетящихся евреевъ, женщинъ, дѣтей, собирающихъ свой скарбъ и уѣзжающихъ изъ села... Его нервируетъ это понуканіе лошадей, скрипъ телѣгъ, шумъ, гвалтъ... «Я считалъ минуты. Впервые явилась тогда у меня мысль: какъ медленно растетъ народное возбужденіе. Казалось, все было готово: и ярмарочный день, и принесенная вѣсть о ближайшемъ событіи, и, наконецъ, видъ паники, раздражающей нервы, а народъ все чего-то еще ждалъ... Я не спалъ уже другую ночь, съ часу на часъ ожидалъ начала дѣйствія. Я ждалъ... а ночь шла тихо и спокойно. Село будто дремало; пронесется какой-то шопотъ, послышится отдаленный крикъ,

---

[1]) Листокъ «Нар. Воли» № 1, 22 іюля 81 г.

[2]) Тамъ же.

словно стонъ, вырвавшійся изъ окутанной темнотою ночи деревни, и замретъ въ воздухѣ»...

Вотъ до чего могла дойти мысль всецѣло отдавшагося стихіи народника. Послѣ этой корреспонденціи блѣднѣетъ даже сама прокламація, выпущенная Исполнительнымъ Комитетомъ, и другія статьи по поводу погромовъ въ «Народной Волѣ» и «Черномъ Передѣлѣ», въ которомъ, между прочимъ, авторъ одной статьи, Прокопенко, прямо ставитъ вопросъ крестьянамъ, почему они не бьютъ евреевъ [1]). Оба народническіе органы сообщаютъ, что крестьяне ждутъ руководителей движенія изъ Петербурга со стороны «студентовъ» и «революціонеровъ». По мнѣнію «Народной Воли», администрація, принимающая мѣры противъ погромовъ, опутана со всѣхъ сторонъ евреями. Отвѣчая на вопросъ либеральной печати о роли соціалистовъ-революціонеровъ при подобныхъ народныхъ расправахъ, «Народная Воля» заявляетъ, что хотя «во имя гуманности» тяжело отвѣчать на это, но отвѣтъ самъ по себѣ ясенъ.

Богучарскій въ своемъ изслѣдованіи о «Народной Воли» говоритъ, что онъ не нашелъ во всей революціонной литературѣ 80-хъ годовъ ни одного протеста противъ погромовъ. Это невѣрно. Въ имъ же изданномъ сборникѣ: «Литература партіи «Народной Воли», мы замѣчаемъ, какъ народовольческая мысль освобождается отъ окутавшаго ее кошмара. Уже въ № 10 «Народной Воли» за 1884 г. признается «полное помутнѣніе» русскихъ революціонеровъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ, въ томъ числѣ и еврейскомъ. Авторъ статьи предостерегаетъ отъ увлеченія стихіей: «Мы нисколько необязаны и даже не имѣемъ права ронять передъ народомъ революціонную идею своимъ участіемъ въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя по совѣсти и убѣжденію не признаемъ разумными и справедливыми. Движеніе, подобное антиеврейскимъ погромамъ, безплодно, приводитъ массу къ «истощенію силъ», апатіи и разочарованности въ себѣ и въ возможности вообще чего-то ни было добиться». «Вся система полицейскаго провокаторства основана», заканчиваетъ авторъ статьи, «на этомъ общественно-психологическомъ законѣ». Еще раньше, чѣмъ «Народная Воля», выступила рабочая газета «Черно-передѣльцевъ», «Зерно», съ обращеніемъ къ русскимъ рабочимъ по поводу погро-

---

[1]) Драгомановъ сообщаетъ, что эта прокламація вызвала неудовольствіе въ революціонныхъ кругахъ. Она была передана Драгоманову подъ условіемъ непомѣщенія ея цѣликомъ въ его органѣ «Вольное Слово». Между тѣмъ авторъ внутренняго обозрѣнія въ № 6 «Народн. Воли» подтверждаетъ свою солидарность съ текстомъ прокламаціи.

мовъ. Газета указываетъ, что «между евреями не всѣ богаты, не всѣ кулаки». «За что же разорены бѣдныя лачуги ремесленниковъ-евреевъ?»—спрашиваетъ «Зерно». Статья заканчивается призывомъ къ русскому народу: «Отбросьте вражду къ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ. Помните, что всѣ трудящіеся, какой бы религіи и націи они ни были, должны соединиться, чтобы дѣйствовать противъ общаго врага» [1]).

Съ горячимъ протестомъ противъ обвиненія всего еврейства въ экономической эксплоатаціи крестьянъ выступилъ представитель русской легальной демократической печати—Щедринъ. Указывая на классовое разслоеніе еврейскаго народа, русскій публицистъ спрашиваетъ: «Кому же, однако, приходило въ голову указывать на Разуваева, какъ на опредѣляющій типъ русскаго человѣка? А Разуваева-еврея непремѣнно навяжутъ всему еврейскому племени и будутъ при этомъ на все племя кричать: «ату».

Проповѣдь «Зерна» и статья Щедрина открываютъ новую эру въ постановкѣ еврейскаго вопроса въ русскомъ общественномъ движеніи. Въ ихъ лицѣ русская общественная мысль становится въ еврейскомъ вопросѣ на прочную соціологическую почву.

XI.

Къ концу дѣятельности «Народной Воли» вмѣстѣ съ рѣзкимъ переломомъ въ еврейскомъ вопросѣ измѣняется ея общая позиція въ національномъ вопросѣ. Народовольцы уже не могутъ игнорировать національную проблему. Они чувствуютъ, какъ тѣсно переплетается національный вопросъ съ другими «проклятыми» вопросами русской жизни. Въ № 11—12 отъ 11 октября 85 г. «Народная Воля» констатируетъ, что «всѣмъ безъ исключенія народностямъ Россіи даетъ чувствовать тяжелая рука реакціи, даже излюбленнымъ чадамъ правительства—остзейскимъ баронамъ»...

Исполнительный комитетъ партіи «Народной Воли» заявляетъ представителямъ польской партіи «Пролетаріатъ», что русская партія уважаетъ «самостоятельность и свободное развитіе каждаго народа».

---

[1]) Аналогичное воззваніе было выпущено въ 1880 г. «Кружкомъ соціалистовъ польскихъ изъ-подъ русскаго захвата»: «Мы боремся противъ еврейской буржуазіи не потому, что она еврейская, а потому, что она буржуазія; мы соединяемся съ пролетаріатомъ еврейскимъ, потому что его соединяетъ съ нами интересъ класса. Мы не признаемъ антагонизмовъ племенныхъ и національныхъ, а религіозныя вѣрованія считаемъ дѣломъ частнымъ». (Цитирую по *Драгоманову*, т. I, стр. 201).

Одинъ изъ видныхъ народовольцевъ, Желябовъ, идетъ еще дальше, и въ письмѣ къ Драгоманову называетъ себя и своихъ друзей «убѣжденными автономистами» [1]).

Это признаніе Желябова весьма знаменательно. Какими бы путями ни шла русская общественная мысль, она не можетъ игнорировать національнаго вопроса. Мало того, она неизбѣжно наталкивается на единственно послѣдовательное разрѣшеніе національнаго вопроса, провозглашенное еще Герценомъ, это— признаніе права національнаго самосознанія за каждой народностью Россіи.

Р. Выдринъ.

---

[1]) «Былое», № 3, 1906 г., стр. 71.

Мечты о Царьградѣ.

(Достоевскій и К. Леонтьевъ).

I.

Достоевскій.

«Константинополь долженъ быть нашъ!».. «Рано ли поздно ли, а Царьградъ будетъ нашъ!».. вотъ основной припѣвъ Достоевскаго въ статьяхъ по Восточному вопросу, который занимаетъ такъ много мѣста въ «Дневникѣ писателя» за 1876—1877 годы.

Впервые о томъ, что «Константинополь долженъ быть нашъ», Достоевскій заявилъ въ іюнѣ 1876 г., когда начата была война Сербіи и Черногоріи съ Турціей, въ статьѣ «Дневника писателя», озаглавленной «Утопическое пониманіе исторіи». Это именно та статья, о которой Достоевскій писалъ Всеволоду Соловьеву въ іюлѣ 1876 г., что въ ней онъ впервые высказалъ «послѣднее слово своихъ убѣжденій-мечтаній насчетъ роли и назначенія Россіи». Это его послѣднее слово, какъ жалуется Достоевскій въ томъ же письмѣ, было непонято и мало замѣчено читателями: «Даже дружественныя мнѣ газеты и изданія сейчасъ же закричали, что у меня парадоксъ на парадоксѣ, а прочіе журналы даже и вниманія не обратили, тогда какъ, мнѣ кажется, я затронулъ самый важный вопросъ. Вотъ что значитъ доводить мысль до конца!»

Достоевскій не ошибается, объясняя недостаточно сочувственное и внимательное отношеніе къ его идеѣ тѣмъ, что онъ мысль свою «довелъ до конца». Самъ по себѣ лозунгъ «Константинополь долженъ быть нашъ», который онъ провозгласилъ въ 1876 г. и упорно повторялъ въ 1877 во время русско-турецкой войны, ничего оригинальнаго въ то время не представлялъ. Война за освобожденіе славянъ была популярна во *всѣхъ* кругахъ русскаго общества. Въ іюлѣ 1876 г. «Отечественныя Записки», выражавшія настроеніе самой передовой и вообще несклонной увлекаться войной интеллигенціи, писали: «Неужели же мы будемъ сидѣть

сложа руки? Тутъ ужъ надо дѣйствовать и дѣйствовать немедленно, единодушно, дѣйствовать открыто, намъ нечего таиться, подобно нѣмцамъ и мадьярамъ, потому что наше дѣло правое, святое дѣло—защита народа, который всегда былъ единокровнымъ братомъ нашего мужичка» («На всемірную свѣчу»—«Отеч. Записки», іюль 1876 г.). Въ іюнѣ того же года, то-есть какъ разъ въ то время, къ которому относиться и статья Достоевскаго, въ статьѣ «Воевать или не воевать» «Отечественныя записки» заявляли: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, такъ и въ народѣ, и въ послѣднемъ, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ въ первомъ, есть искреннее прочное чувство братства съ славянами и сознаніе нашего долга передъ ними, хотя большею частью очень смутное. Война за освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига будетъ въ полномъ смыслѣ слова народной войной въ Россіи».

Увлеченіе войной захватило и революціонную интеллигенцію, возлагавшую большія надежды на освободительный характеръ войны («болгаръ освободили, а затѣмъ и себя освободимъ» [1]).

Что же касается вопроса о Константинополѣ, то здѣсь единодушія въ русскомъ обществѣ не было. Болѣе воинственно настроенные требовали «войны до конца», а подъ «концомъ» и разумѣлось занятіе Константинополя. *Этому* не сочувствовали «Отечественныя Записки»: «Я не считаю полезнымъ для Россіи, чтобы она, и по смерти больного человѣка, получила отъ него въ наслѣдство Константинополь»,—писалъ внутренній обозрѣватель «Отеч. Зап». въ маѣ 1877 г.

«Каждое утро,—жаловался въ это уже время Щедринъ,—покуда я сижу за чаемъ, въ ушахъ моихъ раздается одинъ и тотъ же неизмѣнный вопль: а ну-те голубчики! еще немножко, и Константинополь—нашъ! На что похоже! Во первыхъ, быть можетъ, это не въ намѣреніяхъ мудрой политики, а во-вторыхъ, ежели вамъ непремѣнно нужно, чтобы Константинополь былъ нашъ— идите и берите его!» («Экскурсіи въ область умѣренности и аккуратности». Отголоски). Какъ видно, мечтавшихъ о Царьградѣ было очень много, и Достоевскій далеко не былъ одинокимъ, но дѣло въ томъ, что когда Достоевскій договаривалъ до конца, зачѣмъ нужно взять Константинополь, то оказывалось, что вовсе не для того, чѣмъ интересовалось общество.

Вопросъ о «проливахъ» его не занимаетъ. Правда, онъ говоритъ о «необходимости для такого великана, какъ Россія, выйти

---

[1]) См. объ этомъ «Воспоминанія народовольца 1878—1883 г.» *П. И. Торгашева,* а также «Очерки прошлаго» *де-Воллана* въ февральской кн. «Гол. Минув.» за 1914 г.

изъ запертой своей комнаты, въ которой онъ ужъ доросъ до потолка, на просторъ, дохнуть вольнымъ воздухомъ морей и океановъ», но къ этой темѣ онъ не возвращается: значеніе Константинополя, какъ экономическаго центра, а проливовъ, какъ торговыхъ путей, его не занимаетъ.

Точно также онъ хочетъ овладѣть столицей Оттоманской Имперіи не ради освобожденія и объединенія угнетаемыхъ турками славянъ. Правда, въ пропагандѣ войны съ Турціей этотъ мотивъ въ «Дневникѣ писателя» играетъ большую роль. Достоевскій пишетъ негодующія статьи противъ турецкихъ звѣрствъ, противъ покровительствующихъ Турціи западныхъ державъ, противъ «любителей турокъ» въ Россіи, которые отрицаютъ эти звѣрства, не сочувствуютъ или холодно относятся къ идеѣ борьбы за угнетенныхъ братьевъ-славянъ.

Сообщенія о жестокостяхъ и насиліяхъ, которыя терпитъ славянское населеніе отъ турокъ производили самое сильное впечатлѣніе на Достоевскаго. Онъ терзался картинами этихъ мученій, въ особенности, когда представлялъ себѣ несчастныхъ замученныхъ дѣтей. Вѣдь и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», начатыхъ въ 1878 г., знаменитый «бунтъ» Ивана противъ неправды мірозданія, его «непріятіе міра Божьяго», исполненнаго неискупленныхъ слезъ и неоправданныхъ страданій, начинается съ разсказа о звѣрствахъ турокъ въ Болгаріи... Въ «Дневникѣ писателя» Достоевскій говорилъ объ этихъ звѣрствахъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ.

И та боль, какою онъ реагировалъ на эти событія, была понятна всему русскому обществу. Большинство его въ этомъ отношеніи было на сторонѣ Достоевскаго, а не Льва Толстого и его героя Левина, который иронизировалъ по поводу движенія въ пользу славянъ и внутренняя жизнь котораго не нарушалась балканскими событіями.

Но это общее сочувствіе угнетеннымъ славянамъ одно дѣло, а идейное рѣшеніе Восточнаго вопроса Достоевскимъ—другое. «Константинополь долженъ быть нашъ» не для того, чтобы не было турецкихъ звѣрствъ. И когда Достоевскій доводилъ до конца свои мысли по Восточному вопросу, то онъ терялъ общую почву не только съ радикальной интеллигенціей, которая сочувствовала славянамъ во имя общихъ началъ гуманности и свободы, но и съ той панславистски настроенной интеллигенціей, которая требовала войны съ Турціей и Константинополя или стремилась активно на помощь «братьямъ-славянамъ». По мѣрѣ того, какъ все опредѣленнѣе доводилъ до конца свою мысль Достоевскій, оказывалось, что дѣло не въ славянахъ, а *въ право-*

славіи. Изъ плоскости національно-политической, въ какой стоялъ Восточный вопросъ передъ русскимъ обществомъ въ 1876—78 г., Достоевскій переноситъ вопросъ въ плоскость религіозную. Для него война съ Турціей—«православное дѣло», рѣшеніе «Восточнаго вопроса»—это рѣшеніе судебъ православія на Востокѣ. И для этого дѣла, а не для освобожденія и объединенія славянъ требуетъ Царьграда Достоевскій. При всемъ сочувствіи къ угнетеннымъ славянамъ, онъ совсѣмъ не вѣритъ въ идиллію славянскаго братства. Въ главѣ «*Одно совсѣмъ особое словцо о славянахъ, которое мнѣ давно хотѣлось сказать*», онъ пишетъ:

«По внутреннему убѣжденію моему, самому полному и непреодолимому,—не будетъ у Россіи, и никогда еще не было такихъ ненавистниковъ, завистниковъ, клеветниковъ и даже явныхъ враговъ, какъ всѣ эти славянскія племена, чуть только ихъ Россія освободитъ, а Европа согласится признать ихъ освобожденными!.. Начнутъ же они по освобожденіи свою новую жизнь именно съ того, что выпросятъ себѣ у Европы, у Англіи и Германіи, напримѣръ, ручательство и покровительство ихъ свободы, и хоть въ концертѣ европейскихъ державъ будетъ и Россія, но они именно въ защиту отъ *Россіи* это и сдѣлаютъ. Начнутъ они непремѣнно съ того, что внутри себя, если не прямо вслухъ, объявятъ себя и убѣдятъ себя въ томъ, что Россіи они не обязаны ни малѣйшею благодарностію, напротивъ, что отъ властолюбія Россіи они едва спаслись при заключеніи мира вмѣшательствомъ европейскаго концерта, а не вмѣшайся Европа, такъ Россія, отнявъ ихъ у турокъ, проглотила бы ихъ тотчасъ же, «имѣя въ виду расширеніе границъ и основаніе великой Всеславянской Имперіи на порабощеніе славянъ жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени» («Дн. Пис.» Ноябрь 1877 г.).

Правда, дальше Достоевскій говоритъ, что, несмотря на эту неблагодарность, Россія должна объединить и возродить славянъ. Въ этомъ-то и будетъ величіе и безкорыстіе ея подвига, что она совершитъ его, не требуя никакой благодарности. Но освободить и возродить славянъ Россія, по Достоевскому, призвана не потому, что они—*славяне*, одноплеменные съ русскими народами, а потому, что они единовѣрные съ Россіей народы—*православные*. Не всегда Достоевскій дѣлаетъ эту оговорку, но всякій разъ, какъ онъ доводитъ свою мысль до конца, онъ на первый планъ выдвигаетъ принципъ религіозный, а не національный, православіе, а не славянство.

Россія покровительница на Востокѣ не славянства, а православія. Въ этомъ, по мнѣнію Достаевскаго, и заключается *русское народное пониманіе* Восточнаго вопроса. Въ главѣ

«О безошибочномъ знаніи необразованнымъ и безграмотнымъ русскимъ народомъ главной сущности Восточнаго вопроса» Достоевскій говоритъ: «Про славянъ, дѣйствительно, народъ нашъ почти ничего не зналъ, не только одинъ на тысячу, какъ выражается Левинъ, но на много тысячъ одинъ какой-нибудь, можетъ быть, слышалъ какъ-нибудь мелькомъ, что есть тамъ какіе-то сербы, черногорцы, болгары, единовѣрцы наши. Но зато народъ нашъ почти весь или въ *чрезвычайномъ большинствѣ* слышалъ и знаетъ, что есть православные христіане подъ игомъ Магометовымъ, страдаютъ, мучаются и что даже самыя святыя мѣста, Іерусалимъ, Аѳонъ, принадлежатъ иновѣрцамъ. Онъ даже двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ могъ слышать объ истязуемыхъ восточныхъ христіанахъ и о порабощенныхъ святыхъ мѣстахъ, когда покойный Государь начиналъ свою войну съ Турціей, а потомъ съ Европой, кончившуюся Севастополемъ. Тогда тоже, въ началѣ войны, пронеслось сверху слово о святыхъ мѣстахъ, которое народъ могъ тоже съ тѣхъ поръ запомнить» (тамъ же).

Указывая на этотъ источникъ народнаго знанія о Восточномъ вопросѣ, Достоевскій открываетъ намъ и родословную своихъ идей. Авторъ «Дневника писателя» смотритъ на Восточный вопросъ не глазами современниковъ, а глазами человѣка 50-хъ годовъ, сквозь призму офиціальной идеологіи 1850—1855, а не идей и настроеній 1876—1878 г.г. Въ 1876—1878 г. Россія выступала подъ знаменемъ славянства, русскіе добровольцы шли помогать сербамъ и черногорцамъ, Россія вела войну за освобожденіе Болгаріи. Въ 1853—55 г.г. Россія вела войну подъ знаменемъ православія, императоръ Николай I выступилъ какъ защитникъ не славянскихъ народовъ, а православныхъ церквей въ Турціи. Первый конфликтъ еще въ 1850 г. произошелъ изъ-за спора православнаго и католическаго духовенства о *святыхъ мѣстахъ*, самая война 1853 года началась изъ-за вопроса о подчиненіи Россіи православныхъ церквей въ Турціи.

Тонкій знатокъ Восточнаго вопроса, К. Леонтьевъ, о которомъ у насъ рѣчь впереди, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ русскую политику на Востокѣ императора Николая I: «правительство русское славянской эмансипаціи и славянскому объединенію не потворствовало... что касается до дѣйствій нашей дипломатіи въ тогдашней Турціи, то и безъ изученія архивовъ того времени можно утверждать вообще, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ политика наша *имѣла гораздо болѣе вѣроисповѣдный характеръ, чѣмъ племенной* (кур. Леонтьева). Наши посланники и консулы при Николаѣ Павловичѣ заступались за всѣхъ христіанъ, безъ различія племени, за славянъ, румынъ и грековъ—одинаково. Но

главнымъ орудіемъ нашихъ дѣйствій были или сами турки или православное греческое духовенство, преобладавшее тогда надъ всѣмъ восточно-христіанскимъ міромъ... ...Самая война 53-го года возгорѣлась *не изъ-за политической свободы единоплеменниковъ нашихъ, а изъ-за требованій преобладанія самой Россіи въ предѣлахъ Турціи* (Кур. Леонтьева). Самъ государь считалъ себя въ правѣ подчинить себѣ султана, какъ монарха монарху,— а потомъ уже по своему усмотрѣнію (по усмотрѣнію *Россіи, какъ великой православной державы)* сдѣлать *для единовѣрцевъ то, что заблагоразсудится намъ, а не то, что они пожелаютъ для себя сами...»* Николай I «не терпѣлъ славянофильской агитаціи» и выступалъ только, какъ покровитель православія.

Русская политика на Востокѣ въ 70-хъ г.г., утверждаетъ Леонтьевъ, «уклонилась отъ этого истиннаго вѣроисповѣднаго принципа, и пошла по ложному племенному пути. Въ 77 г. Россія начала войну *за избіенныхъ славянъ,* не за само *православіе,* а за православныхъ *славянъ.* Сочувствіе племенное, а *не страхъ за дальнѣйшее разстройство церкви* вынудили насъ обнажить мечъ. Либерализмъ и желаніе сохранить популярность одушевило насъ въ 77-мъ году, а *не вѣра...* Политика наша послѣ Крымской войны приняла характеръ болѣе племенной, чѣмъ вѣроисповѣдный,—болѣе эмансипаціонный, чѣмъ національно-государственный. Православіе есть перлъ русской государственной жизни, поэтому и на юго-востокѣ, въ виду неотвратимаго нашего къ нему историческаго стремленія, важнѣе было поддерживать *само православіе, чѣмъ племена, его кое-какъ исповѣдующія».* (Леонтьевъ сочиненія. Т. 6, стр. 231—252).

Достоевскій съ его состраданіемъ и горячею любовью къ «избіеннымъ славянамъ», разумѣется, далекъ отъ прямолинейности холоднаго ума Леонтьева, но въ идейной постановкѣ Восточнаго вопроса онъ защищаетъ именно вѣроисповѣдный принципъ Леонтьева, является послѣдователемъ не славянофильской мысли, а той «теоріи офиціальной народности», которую Леонтьевъ называетъ «православнымъ руссизмомъ» и подъ знаменемъ которой велась Крымская война. Совершенно въ духѣ того времени разсуждаетъ онъ о задачахъ Россіи въ Константинополѣ: «Россія, владѣя Константинополемъ, будетъ стоять какъ бы на стражѣ свободы всѣхъ славянъ и *всѣхъ восточныхъ* народностей, не различая ихъ съ славянами. Мусульманское владѣніе было во всѣ эти столѣтія для всѣхъ этихъ народностей не единительной, но подавляющей силой, и онѣ при немъ шевельнуться не смѣли, т.-е. вовсе не жили, какъ люди. Съ уничтоженіемъ же мусульманскаго владычества можетъ наступить въ этихъ народностяхъ,

выпрыгнувшихъ вдругъ изъ гнета на свободу, страшный хаосъ. Такъ что не только правильная федерація между ними, но даже просто согласіе есть, безъ сомнѣнія, лишь мечта будущаго. А пока новой единительной силой для нихъ и будетъ Россія» (Декабрь, 1877). [1])

Совершенно въ духѣ офиціальной идеологіи Россіи Николая I, который не былъ склоненъ потворствовать освободительнымъ стремленіямъ славянъ, здѣсь Россіи приписывается охранительная роль не только въ смыслѣ охраны православія и защиты православныхъ народовъ отъ турокъ, но и въ смыслѣ опеки надъ балканскими народами, «вдругъ выпрыгнувшими на свободу» и неумѣющими ею пользоваться.

Въ отличіе отъ славянофиловъ Достоевскій не вѣритъ въ славянскую федерацію и принципіально не допускаетъ равенства между русскимъ и другими славянскими народами. Его даже возмущаетъ мысль о подобномъ равенствѣ и онъ удивляется, какъ могъ Данилевскій говорить о равныхъ правахъ на Константинополь Россіи и другихъ славянскихъ народовъ: «Н. Я. Данилевскій рѣшаетъ, что Константинополь долженъ когда-нибудь стать общимъ городомъ всѣхъ восточныхъ народностей. Всѣ народы будутъ-де владѣть имъ на равныхъ основаніяхъ вмѣстѣ съ русскими, которые будутъ тоже допущены къ владѣнію имъ на основаніяхъ, равныхъ съ славянами? Такое рѣшеніе, по-моему, удивительно. Какое тутъ можетъ быть сравненіе между русскими и славянами? И кто это будетъ устанавливать между ними равенство? Какъ можетъ Россія участвовать во владѣніи Константинополемъ на равныхъ основаніяхъ со славянами, если Россія имъ неравна во всѣхъ отношеніяхъ—и каждому народцу порознь и всѣмъ имъ вмѣстѣ взятымъ? Константинополь долженъ быть *нашъ*, завоеванъ *нами*, русскими, у турокъ и остаться нашимъ навѣки. Однимъ намъ онъ долженъ принадлежать, а мы, конечно, владѣя имъ, можемъ допустить въ него и всѣхъ славянъ и кого захотимъ еще сверхъ того, на самыхъ широкихъ основаніяхъ, но это уже будетъ не федеративное владѣніе вмѣстѣ со славянами городомъ» (Ноябрь 1877 г.).

«Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!»

---

[1]) Приведя эту цитату изъ «Дневника Писателя» П. Струве восклицаетъ: «это одно изъ поразительно вѣрныхъ пророчествъ Достоевскаго» («Рус. Мысль». Декабрь 1914 г.). Такъ какъ пророчество это и теперь еще относится къ будущему (Россія вѣдь еще не владѣетъ Константинополемъ), то очевидно, что Струве, *удостовѣряющій* «поразительную вѣрность» этого пророчества, самъ вѣщими очами уже видитъ грядущее.

Восклицалъ Хомяковъ, провозглашавшій принципъ равенства славянскихъ народовъ:

Вспомнимъ: мы родные братья,
Дѣти матери одной,
. . . .
Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ.
. . . .
Всѣ велики, всѣ свободны!

Эта идея совершенно чужда Достоевскому, очень ярко переживавшему чувства національной гордости и государственной мощи Россіи. Онъ считалъ, что Россія не равна даже всѣмъ вмѣстѣ взятымъ славянскимъ народамъ не только потому, что вѣрилъ въ особое всемірно историческое призваніе Россіи, въ ея нравственно-религіозную миссію. Вѣдь во всемірное призваніе и религіозную миссію русскаго народа вѣрили и Хомяковъ, и другіе славянофилы, не отрицавшіе, однако, равенства славянскихъ народовъ. Они не связывали этого призванія съ внѣшнимъ государственнымъ могуществомъ Россійской державы. Достоевскій въ этомъ какъ разъ рѣзче всего расходился со славянофилами и сходился съ теоретиками «офиціальной народности» (Шевыревъ, Погодинъ) и съ художниками-мыслителями, проникнутыми духомъ этой доктрины: Гоголемъ и Тютчевымъ. Другъ Погодина, дипломатъ и царедворецъ Николаевской эпохи, Тютчевъ воспѣвалъ въ образѣ Россіи два, повидимому, противоположныхъ идеала: христіанскій идеалъ кротости и смиренія («Удрученный ношей крестной, всю тебя, земля родная, въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ, благословляя») и идеалъ военной мощи и государственнаго величія. Онъ грезилъ о новыхъ завоеваніяхъ и расширеніи предѣловъ необъятной державы:

«Семь внутреннихъ морей и семь великихъ рѣкъ
Отъ Нила до Невы, отъ Эльбы до Китая,
Отъ Волги по Евфратъ, отъ Ганга до Дуная —
Вотъ царство русское»... («Русская Географія»).

Въ стихотвореніяхъ Тютчева, посвященныхъ Восточному вопросу, въ которыхъ онъ согласно съ офиціальной теоріей воспѣвалъ войну подъ знаменемъ Христа, оба его идеала, и христіанской кротости и государственной мощи, сливались въ одно цѣлое. Завоеваніе Царьграда было и расширеніемъ Царства Русскаго и исполненіемъ православной миссіи русскаго народа, получало религіозный христіанскій смыслъ:

Вставай же Русь! Ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужъ не пора ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградѣ?
. . . .

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь
И съ Богомъ исполинъ державный!
О, Русь, великъ грядущій день—
Вселенскій день и православный!

Любопытно въ этомъ отношеніи сопоставить Тютчева съ вождемъ славянофильства Хомяковымъ, который восклицаетъ въ 1854 г. въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи, посвященномъ Россіи:

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ!

«За братьевъ» это было лозунгомъ славянофильскимъ и въ 50-хъ гг., но въ то время славянофилы (Хомяковъ, Аксаковъ, Самаринъ), какъ справедливо замѣчаетъ К. Леонтьевъ, «печатали мало, они могли только говорить и проповѣдывать и то съ осторожностью и ихъ лозунги вовсе не стояли на знамени, подъ которымъ велась война 1853—1855 гг.». Въ манифестѣ о войнѣ съ Турціей 14 іюня 1853 г., говорится все время о защитѣ православія и нѣтъ ни одного слова о славянахъ, объ угнетенныхъ братьяхъ. «Пойдемъ впередъ за Вѣру православную!»—Этими словами оканчивается манифестъ. И въ глазахъ теоретиковъ офиціальной народности война эта была, дѣйствительно, войной за вѣру—«крестовымъ походомъ». «Крестовый походъ», восклицаетъ Шевыревъ въ письмѣ къ Погодину. «Настоящая война, — пишетъ Погодинъ,—есть крестовый походъ Россіи. Назначеніе ея въ Европейской исторіи: возбудить Россію, державшую свои таланты подъ спудомъ, къ принятію дѣятельнаго участія въ общемъ ходѣ потомства Іафетова на пути къ совершенствованію, гражданскому и человѣческому, что непремѣнно должно случиться, чѣмъ бы и какъ бы ни кончилась эта война. Призвать къ умственной и духовной жизни древнѣйшія многочисленныя племена славянскія, освободивъ ихъ сперва отъ Турецкаго ига, а потомъ и всякаго другого ига.... Изгнать Турокъ изъ Европейскаго стана, уничтоживъ ихъ владычество... Возстановить Патріаршій Константинопольскій престолъ во всемъ его величіи, возвратить Восточной Церкви вселенское ея значеніе, обновить обветшалую Западную Европу, которая изобрѣла Ланкастерскія батареи, Пексановы пушки и пули Минье, но утратила вѣру, погасила поэзію, лишилась человѣческаго чувства и, отрекшись отъ Бога, слила златого тельца себѣ на поклоненіе» (Н. Барсуковъ. «Жизнь и Труды Погодина». Кн. XIII, стр. 127).

Хотя здѣсь Погодинъ говоритъ, между прочимъ, и объ освобожденіи славянъ, но не оно является главной цѣлью войны, главная цѣль—религіозная: возвращеніе Восточной Церкви вселенскаго значенія. Въ этомъ отношеніи поразительное совпаде-

ніе разсужденій Погодина съ мыслями Достоевскаго, который тоже призывалъ къ освобожденію славянъ, но въ этомъ не видѣлъ главной цѣли. Въ чисто-славянофильской агитаціи освобожденіе славянъ было главнымъ дѣломъ. Славянофильская идеологія выступила открыто въ царствованіе Александра II, а на полѣ брани заявила себя въ добровольческомъ движеніи 76 г. и въ русско-турецкую войну 1877—78 г. А Достоевскій въ эти годы пытался какъ разъ воскресить идеологію прошлой войны, пѣвцомъ которой былъ Тютчевъ, а теоретикомъ Погодинъ. Я подчеркиваю это обстоятельство потому, что Достоевскаго часто называютъ славянофиломъ. Эту ошибку, между прочимъ, дѣлаютъ въ послѣднее время и Н. А. Бердяевъ въ своей монографіи о Хомяковѣ, и С. Н. Булгаковъ въ статьѣ «Терновый вѣнецъ» («Два града», т. II, 233—243), упорно называющій Достоевскаго славянофиломъ. Конечно, въ очень широкомъ неопредѣленномъ смыслѣ можно называть Достоевскаго славянофиломъ, [1] но если подъ славянофильствомъ понимать опредѣленную доктрину, то Достоевскій не былъ послѣдователемъ ея, какъ не были славянофилами Погодинъ, Гоголь и Тютчевъ.

Политическія стихотворенія Тютчева 1850—1855 годовъ проникнуты, какъ разъ, тѣми идеями, которыя Достоевскій проводилъ въ «Дневникѣ Писателя» 1876—77 годовъ. Въ своихъ статьяхъ по Восточному вопросу Достоевскій является реставраторомъ идеологіи, подъ знаменемъ которой велась война 1853—1855 гг. Въ высшей степени любопытна та полемика, которую Достоевскій въ 1876 г. ведетъ съ покойнымъ Грановскимъ по поводу его статьи «Восточный вопросъ», написанной въ 1855 г. Онъ полемизируетъ съ ней такъ страстно, нападаетъ на Грановскаго такъ сердито, какъ если бы она сейчасъ появилась, а Грановскій теперь былъ его противникомъ. Почему?

Потому что Грановскій уже тогда, двадцать лѣтъ тому назадъ, доказывалъ, что умерло то, что хочетъ теперь воскресить Достоевскій, доказывалъ призрачность, иллюзорность той идеологіи, пѣвцомъ которой явился дипломатъ и царедворецъ николаевской эпохи—Тютчевъ. «Прежде всего надо устранить,—говоритъ Грановскій,—мысль, что война эта (53—55 гг.)—священная; правительство старалось увѣрить народъ, что оно идетъ на защиту

---

[1]) Иногда Достоевскій самъ называетъ себя «славянофиломъ» («Признанія славянофила» «Дневникъ Писателя» іюль—августъ 1877 г.), но онъ устанавливаетъ свое пониманіе славянофильства, въ которое совершенно не включаетъ характерныя черты славянофильской доктрины. Для того, чтобы не стирать характерныхъ отмѣтокъ мысли, лучше Достоевскаго, какъ и Леонтьева, не относить къ славянофиламъ. Самъ Достоевскій съ настоящими славянофилами остроумно полемизировалъ въ 1861 г. въ журналѣ «Время».

правъ единовѣрцевъ и христіанской церкви. Защитники православія и славянской народности съ радостью подняли это знамя и проповѣдовали крестовый походъ противъ мусульманъ. Но вѣкъ крестовыхъ походовъ прошелъ; въ наше время никто не подвигнется на защиту гроба Господня, никто не смотрить на магометанъ, какъ на вѣчныхъ враговъ христіанства. Ключи Виѳлеемскаго храма служатъ только предлогомъ для достиженія цѣлей политическихъ».Достоевскій считаетъ «циническимъ» такой взглядъ Грановскаго, отстаиваетъ священный характеръ войны 1853—1855 г. и затѣмъ этотъ характеръ *священной* войны переноситъ на современную русско-турецкую войну, хотя послѣдняя даже и предлогомъ своимъ не имѣла религіи, велась подъ знаменемъ освобожденія братьевъ-славянъ, а не борьбы православія съ мусульманствомъ. Но Достоевскій, не смущаясь этимъ, зоветъ къ крестовому походу на Царьградъ. «Не одинъ только великолѣпный портъ, не одна только дорога въ моря и океаны связывала Россію столь тѣсно съ рѣшеніемъ судебъ рокового вопроса и даже не объединеніе и возрожденіе славянъ... Задача наша глубже, безмѣрно глубже. Мы, Россія, дѣйствительно, необходимы и неминуемы и для всего Восточнаго христіанства, и для всей судьбы будущаго православія на землѣ, для единенія его» (Мартъ, 1777 г.).

Царьградъ нуженъ для выполненія религіозной всемірной миссіи Россіи, и когда Достоевскій утверждаетъ, что рано ли поздно ли Царьградъ будетъ нашъ, то основывается онъ не на какомъ-либо политическомъ соображеніи, а на вѣрѣ во всемірную судьбу Россіи. Точь-въ-точь какъ у Тютчева:

«То, что обѣщано судьбами
Ужъ въ колыбели было ей,
Что ей завѣщано вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей
. . . .
Вѣнца и скиптра Византіи
Вамъ не удастся насъ лишить,
Всемірную судьбу Россіи
Нѣтъ, вамъ ея не запрудить!»

Въ глазахъ Достоевскаго Константинополь, именно, завѣщанъ Россіи вѣками и вѣрой всѣхъ ея царей.

«Съ самаго покоренія Константинополя, весь огромный христіанскій Востокъ невольно и вдругъ обратилъ свой молящій взглядъ на далекую Россію, только что вышедшую тогда изъ своего татарскаго рабства, и какъ бы предугадалъ въ ней будущее ея могущество, свой будущій всеединяющій центръ себѣ во спасеніе. Россія же немедленно и не колеблясь приняла знамя Востока и поставила царьградскаго двуглаваго орла выше своего

древняго герба и тѣмъ какъ бы приняла обязательство передъ всѣмъ православіемъ: хранить его и вся народы, его исповѣдующіе, отъ конечной гибели. Въ то же время и весь русскій народъ совершенно подтвердилъ новое назначеніе Россіи и царя своего въ грядущихъ судьбахъ всего Восточнаго міра. Съ тѣхъ поръ главное излюбленное наименованіе царя своего народъ твердо и неуклонно поставилъ и до сихъ поръ видитъ въ словѣ «православный», «Царь православный».

Въ утвержденіи православной миссіи, перешедшей на Россію съ паденіемъ Царьграда, конечно, нѣтъ ничего спеціально характернаго ни для Достоевскаго, ни для Тютчева. Идея эта зародилась еще въ московской Руси и вылилась въ формулу «Москва—третій Римъ» и была усвоена какъ славянофилами, такъ и теоретиками офиціальной народности». Но и эта идея не совсѣмъ одни и тѣ же идейные ростки пустила въ обоихъ направленіяхъ. Славянофилы, крѣпкіе своей связью съ Москвой, хранили въ чистотѣ принципъ: «Два Рима пали, третій—Москва стоитъ, а четвертому не бывать», поэтому они и не стремились обратно къ Царьграду[1]), они требовали перенесенія столицы изъ Петербурга въ Москву, но не въ Константинополь, какъ мечталъ Тютчевъ:

«Москва и градъ Петровъ, и Константинъ-градъ—
Вотъ царства русскаго завѣтныя столицы...»

Осторожный Погодинъ не рѣшается требовать перенесенія столицы въ Константинополь, но очень дипломатично называетъ Царьградъ *«столицею русской исторіи»*, говоря о стремленіи къ Царьграду древней Руси. Объ этомъ стремленіи Погодинъ говоритъ въ предисловіи къ своей Древней Русской исторіи, предисловіи, написанномъ въ 1854 г.

Эту идею перенесенія столицы лелѣялъ и подробно разработалъ, какъ увидимъ дальше, ресторвраторъ теоріи офиціальной народности Константинъ Леонтьевъ. У Достоевскаго тоже есть эти мечты, хотя этотъ вопросъ неясенъ у него,—повидимому Царь-

---

[1]) А. А. Кизеветтеръ справедливо подчеркиваетъ въ статьѣ «Россія и Константинополь» («Рус. Мысль» сентябрь 1914), что изъ ученія о «Москвѣ—третьемъ Римѣ» вовсе не вытекала мысль о необходимости вернуться къ Царьграду: «Вся сущность указанной теоріи какъ разъ заключалась въ признаніи того, что Москва замѣнила и затмила собой бывшую греческую столицу въ качествѣ культурно-политическаго центра православія... Наслѣдовать Византіи значило, по московскимъ понятіямъ того времени, поставить Москву *взамѣнъ* Царьграда на высоту вселенскаго центра, а вовсе не перемѣстить резиденцію московскаго государя изъ Москвы въ Царьградъ». Эта идея и сохранилась въ московскомъ славянофильствѣ. Мечты же о Царьградѣ Погодина и Тютчева являются уже отраженіемъ не теоріи московской Руси, а политическихъ плановъ императорской Россіи.

градъ ему рисовался въ видѣ только духовной столицы, притомъ уже не Россіи одной и не всеславянства, а всего православнаго Востока. Всеславянство онъ подчиняетъ православію еще рѣшительнѣе, чѣмъ Тютчевъ, который, говоря объ алтарѣ Христовомъ въ возобновленной Византіи, восклицаетъ:

Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ *всеславянскій* царь!

Это всеславянское царство по Тютчеву должно было включить не только балканскихъ славянъ:

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ
Строй вожделѣнный водворится
Какъ съ Русью Польша помирится,
А помирятся жъ эти двѣ
Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ.

Конечно, примиреніе Польши съ Русью въ Кіевѣ и Царьградѣ нужно понимать въ смыслѣ отказа Польши отъ католичества, къ которому враждебно относился Тютчевъ, и такимъ образомъ въ смыслѣ торжества православія, но все же это и торжество всеславянства. Достоевскій же подчеркиваетъ, что все дѣло въ православіи, а не въ славянствѣ!

«Теперь Россія понимаетъ, что Царьградъ можетъ быть нашъ вовсе не какъ столица Россіи... равно и не какъ столица Всеславянства, какъ мечтаютъ нѣкоторые. Всеславянство, безъ Россіи, истощится тамъ въ борьбѣ съ греками, если бы даже и могло составить изъ своихъ частей какое-нибудь политическое цѣлое... Всеславянство же съ Россіей во главѣ,—о, конечно, это дѣло совсѣмъ другое, но хорошее ли оно, опять вопросъ? И не похоже ли бы это было какъ бы на политическій захватъ славянъ Россіей, чего не надо намъ вовсе? Итакъ во имя чего же, во имя какого *нравственнаго* права могла бы искать Россія Константинополя? Опираясь на какія высшія цѣли, могла бы требовать его отъ Европы? А вотъ именно—какъ предводительница православія, какъ покровительница и охранительница его,—роль предназначаемая ей еще съ Ивана III, поставившаго въ знакъ ея и царьградскаго двуглаваго орла выше древняго герба Россіи, но обозначившаяся уже несомнѣнно лишь послѣ Петра Великаго, когда Россія сознала въ себѣ силу исполнить свое назначенье, а фактически уже и стала дѣйствительной и единственной покровительницей и православія и народовъ, его исповѣдующихъ. Вотъ эта причина, вотъ это *право* на древній Царьградъ и было бы понятно и необидно даже самымъ ревнивымъ къ своей независимости славянамъ или даже самимъ грекамъ («Днев. Пис.» іюнь 76 г.).

Послѣдняя цитата взята какъ разъ изъ той статьи, о которой Достоевскій писалъ, что въ ней онъ впервые сказалъ «послѣднее слово своихъ убѣжденій-мечтаній о роли и назначеніи Россіи». Но изъ дальнѣйшихъ статей по Восточному вопросу мы видимъ, что это еще не послѣднее слово.

Въ чемъ же всемірно-историческое призваніе Россіи? Въ томъ ли только, что Россія освободитъ балканскіе христіанскіе народы, изгонитъ турокъ изъ Европы, и Константинополь подъ ея властью превратится опять въ православный Царьградъ?

Но вѣдь освобожденіе балканскихъ народовъ само по себѣ еще не имѣетъ всемірно-историческаго значенія? Этимъ еще не рѣшаются судьбы православія, въ разрѣшеніи которыхъ сущность Восточнаго вопроса. Господство мусульманства надъ православными народами было лишь эпизодомъ въ исторіи христіанства, и судьбы православія еще не рѣшаются съ освобожденіемъ балканскихъ христіанъ и изгнаніемъ турокъ изъ Европы. Нѣтъ судьбы эти могутъ рѣшиться лишь въ спорѣ съ исконнымъ, главнымъ, самымъ страшнымъ врагомъ православія — римскимъ католичествомъ, съ торжествомъ Византіи надъ Римомъ, и это торжество можетъ дать только Россія, вотъ почему «судьбы православія слиты съ назначеніемъ Россіи».

Итакъ «Царьградъ долженъ быть нашъ» для торжества надъ Римомъ, походъ на Константинополь проповѣдуется во имя борьбы съ католичествомъ. Вотъ въ чемъ заключается оригинальность точки зрѣнія Достоевскаго въ Восточномъ вопросѣ въ 1876—1877 гг. Вотъ почему его лозунгъ «Константинополь долженъ быть нашъ» лишь по внѣшности, но не по содержанію, совпадалъ съ лозунгомъ воинствующей публицистики и патріотически настроенныхъ круговъ русскаго общества 70-хъ годовъ.

Эта оригинальная позиція Достоевскаго въ Восточномъ вопросѣ еще разъ подтверждаетъ, что его идеи были реставраціей идеологіи 1850—1855 гг. Въ то время при желаніи можно было видѣть въ походѣ на Константинополь борьбу православія не съ мусульманствомъ, а съ католичествомъ, потому что за Турціей стояла Франція, покровительница католическаго духовенства, оспаривавшаго права на святыя мѣста, потому что католическая Франція была союзницей Турціи въ войнѣ въ Россіей. «Католичество и Протестантство (Франція и Англія) возстали противъ Россіи въ защиту поклонниковъ Магомета», писалъ въ 1855 г. въ своемъ дневникѣ П. Х. Граббе. (Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина». т. XIII стр. 19). Въ 1877 г. за Турціей стояла лишь Англія, и перекинуть мостъ отъ войны съ Турціей къ борьбѣ съ католической идеей было весьма трудно.

Но для фантазіи Достоевскаго не было ничего невозможнаго, и онъ этотъ мостъ перекинулъ.

«Дорога начинается и идетъ изъ Рима, изъ Ватикана, гдѣ умирающій старикъ, глава толпы окружающихъ его іезуитовъ, намѣтилъ ее ужъ давно. Когда же разгорался Восточный вопросъ, іезуиты поняли, что наступило самое удобное время. По намѣченной дорогѣ своей они ворвались во Францію, произвели въ ней государственный переворотъ и поставили ее въ такое положеніе, что близкая война ея съ Германіей почти неминуема, даже если бы она и не желала начать». Такъ писалъ Достоевскій въ сентябрѣ 1877 г. Цѣлый рядъ главъ «Дневника писателя» посвященъ католическому заговору, который воспользуется русско-турецкой войной для того, чтобы бросить Францію на Германію и начать всеевропейскую. Зачѣмъ же это это нужно папѣ и іезуитамъ?

Дѣло въ томъ, что протестантская Германія съ Бисмаркомъ во главѣ сейчасъ самый опасный врагъ папы, Россія же самая вѣрная союзница Германіи. Нужно воспользоваться моментомъ, когда Россія не можетъ прійти на помощъ Германіи и такимъ образомъ восточный бой превратится во всеевропейскій. Въ этой всеевропейской войнѣ противъ Германіи и Россіи будутъ Франція, Англія и Турція. Неизвѣстно, какую позицію займетъ Австрія, возможно, что, какъ католическая страна, она примкнетъ къ Франціи.

Такимъ образомъ православіе въ союзѣ съ протестантствомъ вступаетъ въ бой съ католическо-турецкой коалиціей, которую поддерживаетъ не-католическая Англія. Исходъ этой борьбы не подлежитъ для Достоевскаго никакому сомнѣнію: «Самая существенная и важная часть этой послѣдней и роковой борьбы будетъ состоять, съ одной стороны, въ томъ, что ею разрѣшится тысячелѣтній вопросъ римскаго католичества и что. волею Провидѣнія, на его мѣстѣ станетъ возрожденное Восточное христіанство. Такимъ образомъ, нашъ русскій Восточный вопросъ раздвинется въ міровой и вселенскій».

Но тутъ возникаетъ такой вопросъ: вѣдь, если Россія побѣдитъ католическій міръ при помощи протестантской Германіи, то, очевидно, торжество православнаго міра въ Европѣ будетъ неполное: придется дѣлить господство со своимъ союзникомъ протестантствомъ. Достоевскій согласенъ на это и отдаетъ Германіи Западный міръ: «Что Германіи дѣлить съ нами? Объектъ ея—все западное человѣчество. Она себѣ предназначила западный міръ Европы, провести въ него свои начала вмѣсто римскихъ и романскихъ началъ и впредь стать предводительницею его,

а Россіи она оставляетъ Востокъ. Два великіе народа, такимъ образомъ предназначенныхъ измѣнить ликъ міра сего»... «Надо считать,—продолжаетъ дальше Достоевскій:—что дружба Россіи съ Германіей нелицемѣрна и тверда и будетъ укрѣпляться чѣмъ дальше, тѣмъ больше, распространяясь и укрѣпляясь постепенно въ народномъ сознаніи обѣихъ націй, а потому, можетъ быть, даже не было и момента для Россіи выгоднѣе для разрѣшенія Восточнаго вопроса окончательно, какъ теперь. Въ Германіи, можетъ быть, даже нетерпѣливѣе нашего ждутъ окончанія нашей войны... Кончимъ ли мы войну раньше, чѣмъ начнутся послѣднія и роковыя волненія Европы? Все это неизвѣстно. Но поспѣшимъ ли мы на помощь Германіи, нѣтъ ли, Германія во всякомъ случаѣ разсчитываетъ на насъ не какъ на *временныхъ* союзниковъ, а какъ на *вѣчныхъ*» («Дневникъ писателя» за ноябрь 1877 г.).

Разсужденія Достоевскаго о вѣчной дружбѣ съ Германіей являются однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ тѣхъ прорицаній въ политикѣ, которыя дѣлаются не на основаніи реальныхъ фактовъ и интересовъ, а на основаніи отвлеченныхъ началъ, носителями которыхъ яко бы являются тѣ или иныя націи или государства.

Германія въ глазахъ Достоевскаго является носительницей начала *протеста* противъ началъ крайняго Запада, т.-е. романской культуры (протестующая, протестантская страна). Во второй половинѣ 70-хъ годовъ это протестующее начало Германіи воплотилось въ лицѣ Бисмарка, котораго Достоевскій называетъ «единственнымъ политикомъ въ Европѣ, проникающимъ геніальнымъ взглядомъ своимъ въ самую глубь фактовъ» и который «прозрѣлъ самого страшнаго врага Германіи въ католицизмѣ и порожденномъ имъ соціализмѣ».

А такъ какъ соціализмъ и католицизмъ въ то же время величайшіе враги человѣчества вообще, по мнѣнію Достоевскаго, то отсюда понятны идейныя симпатіи его къ Бисмарковской Германіи, симпатіи, которыя раздѣлялись всѣмъ реакціоннымъ лагеремъ политиковъ его времени.

На излюбленной идеѣ Достоевскаго о связи соціализма съ католицизмомъ намъ необходимо остановиться здѣсь, потому что эта идея находится въ тѣсной связи съ его мечтами о Царьградѣ и рѣшеніи судебъ православія на востокѣ.

«Католичество, продавшее давно уже Христа за земное владѣніе, заставившее отвернуться отъ себя человѣчество и бывшее, такимъ образомъ, главнѣйшей причиной матеріализма и атеизма Европы, это католичество естественно породило въ Европѣ и соціализмъ. Ибо соціализмъ имѣетъ задачей разрѣшеніе судебъ

человѣчества уже не по Христу, а внѣ Бога и внѣ Христа, и долженъ былъ зародиться въ Европѣ естественно взамѣнъ упадшаго христіанскаго въ ней начала».

Самая католическая по традиціямъ своимъ изъ странъ—Франція является въ то же время родиной новѣйшаго соціализма. Обѣ идеи и римскаго католичества и соціализма являются продолженіемъ идеи римской имперіи насильственнаго объединенія человѣчества на землѣ. Обѣ онѣ—отрицаніе Христа и путь антихриста.

Идея римскаго католичества, выразившаяся въ свѣтской власти папы, зародилась въ головѣ дьявола, искушавшаго Христа въ пустынѣ и предлагавшаго камни обратить въ хлѣба, въ этой мечтѣ земного рая: камней, обращенныхъ въ хлѣба,—суть соціализма. Разсужденія эти вводятъ насъ въ самую глубь міросозерцанія Достоевскаго послѣдняго десятилѣтія его жизни и творчества, этими идеями имъ окрашенъ весь «Дневникъ писателя» и художественныя произведенія отъ «Бѣсовъ» до «Братьевъ Карамазовыхъ». Знаменитая «легенда о Великомъ Инквизиторѣ», разсказанная Иваномъ Карамазовымъ, это — облеченныя въ художественныя формы мысли, разсѣянныя въ «Дневникѣ Писателя» за 1876—1877 г.

Достоевскій въ эти годы съ тревогой слѣдитъ за дѣятельностью преемниковъ «Великаго Инквизитора»—«черной арміей», предводительствуемой іезуитами, не только потому, что они въ его глазахъ являются главными покровителями турокъ и врагами Россіи, но и потому, что они подготовляютъ новый идейный заговоръ противъ всего человѣчества. Католичество вступаетъ въ новый фазисъ существованія, и идея антихриста, выразившаяся въ земной свѣтской власти папы, вспыхнетъ съ новой, небывалой еще силой. Дѣло въ томъ, что папа римскій, потерявъ надежды на королей и правительства, обратится къ народнымъ массамъ съ проповѣдью соціализма. Эту мысль, которую неоднократно повторяетъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя»:

«Папа выйдетъ ко всѣмъ нищимъ пѣшъ и босъ и скажетъ, что все, чему они учатъ и чего хотятъ, давно уже есть въ Евангеліи, что до сихъ поръ лишь время не наступило имъ про это узнать, а теперь наступило, и что онъ, папа, отдаетъ имъ Христа и вѣритъ въ муравейникъ. Римскому католичеству нуженъ не Христосъ, а всемірное владычество: «Вамъ-де надо единеніе противъ врага— соединитесь подъ моею властью, ибо я одинъ *всеміренъ* изъ всѣхъ властей и властителей міра, и пойдемъ вмѣстѣ».

«Эту картину,—думаетъ Достоевскій,—предвидитъ князь Бисмаркъ, ибо онъ одинъ изъ всѣхъ дипломатовъ возымѣлъ настолько

зоркій взглядъ, чтобы провидѣть живучесть римской идеи и всю ту энергію, съ которой она готова себя отстоять, не различалъ уже средствъ. Жить ей хочется адски, а убить ее трудно, это змѣя!—вотъ что понимаетъ во всей силѣ одинъ лишь князь Бисмаркъ—главный врагъ папства и римской идеи!»

Но какъ ни зорокъ взглядъ геніальнаго Бисмарка, какъ ни рѣшителенъ онъ въ борьбѣ съ католицизмомъ и соціализмомъ, онъ самъ, опираясь только на силы Германіи, не сможетъ одолѣть этихъ враговъ человѣчества. Правда, раздавивъ еще разъ Францію, онъ какъ-будто бы сможетъ однимъ ударомъ сразу раздавить обоихъ враговъ человѣчества. Но это только такъ кажется. Папа будетъ побѣжденъ только политически, лишившись поддержки Франціи и ея меча, онъ начнетъ подземную работу при помощи соціалистовъ. «Католичество обратится именно къ предводителямъ наиболѣе подвижного и подымчиваго элемента въ народѣ, соціалистамъ. Народу оно скажетъ, что все, что проповѣдуютъ имъ соціалисты, проповѣдывалъ и Христосъ. Оно исказитъ и продастъ имъ Христа еще разъ»...

Но для того, чтобы этотъ искаженный образъ Христа не увлекъ за собой массы, нужно, чтобы возсіялъ во всемъ блескѣ истинный образъ Христа, а для этого нужно, чтобы возродился православный Востокъ. Востокъ, а не Германія спасетъ человѣчество, отъ лжи антихриста и соціализма.

«Съ Востока и пронесется новое слово міру навстрѣчу грядущему соціализму, которое можетъ вновь спасти европейское человѣчество. Вотъ назначеніе Востока, вотъ въ чемъ для Россіи заключается Восточный вопросъ... Но для такого назначенія Россіи нуженъ Константинополь, такъ какъ онъ центръ Восточнаго міра».

Итакъ православный крестъ на храмѣ Св. Софіи долженъ вновь возсіять для того, чтобы спасти міръ отъ соціализма. Война съ Турціей и завоеваніе Царьграда нужны для борьбы съ соціализмомъ. Вотъ та послѣдняя цѣль, ради которой «Царьградъ рано ли поздно ли долженъ быть нашъ». Вотъ доведенная до конца мысль Достоевскаго.

Мысль эта, однако, была доведена до логическаго конца и высказана до послѣдняго слова уже давно и опять-таки тѣмъ поэтомъ и философомъ Николаевской эпохи, съ которыми такъ много идейнаго общаго имѣетъ Достоевскій. Я говорю о Тютчевѣ. Еще въ 1848 г., то есть, когда Достоевскій еще посѣщалъ собранія петрашевцевъ и знакомился съ соціализмомъ въ его утопической формѣ, съ системой Фурье, за что онъ такъ жестоко поплатился, уже тогда Тютчевъ въ статьѣ «Россія и революція» формулиро-

валъ въ сжатой формѣ тѣ положенія, которыя и составляютъ суть ученія Достоевскаго о всемірно-историческомъ призваніи Россіи, спасающей Европу отъ антихристіанскихъ революціонныхъ идей.

«Давно уже въ Европѣ, пишетъ Тютчевъ,—существуютъ только двѣ дѣйствительныхъ силы—революція и Россія.[1]) Эти двѣ силы теперь противопоставлены одна другой и, можетъ быть, завтра онѣ вступятъ въ борьбу; между ними никакіе переговоры, никакіе трактаты невозможны; существованіе одной изъ нихъ равносильно смерти другой! Отъ исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо міръ былъ свидѣтелемъ, зависитъ на многіе вѣка вся политическая и религіозная будущность человѣчества».

И эта основная противоположность сводится къ христіанству Россіи и антихристіанству революціи.

«Россія прежде всего христіанская имперія, русскій народъ—христіанинъ не только въ силу православія своихъ убѣжденій, но еще благодаря чему-то болѣе задушевному, чѣмъ убѣжденія. Онъ—христіанинъ въ силу своей способности къ самоотверженію и самопожертвованію, которая составляетъ какъ бы основу его нравственной природы. Революція—прежде всего врагъ христіанства! Антихристіанское настроеніе есть душа революціи, это ея особенный, отличительный характеръ. Тѣ видоизмѣненія, которымъ она послѣдовательно подвергалась, тѣ лозунги, которые она попеременно усваивала, все даже ея насилія и преступленія были второстепенны и случайны; но одно, что въ ней не таково, это именно антихристіанское настроеніе, ее вдохновляющее и оно-то (нельзя въ томъ не сознаться) доставило ей это грозное господство надъ вселенною. Тотъ, кто этого не понимаетъ, не болѣе, какъ слѣпецъ, присутствующій при зрѣлищѣ, которое міръ ему представляетъ» (Тютчевъ. Сочиненія стр.457. Изд. Маркса).

Въ числѣ другихъ «слѣпцовъ» въ то время былъ и Достоевскій, которому вскорѣ суждено было за эту «слѣпоту» стоять на эшафотѣ и ждать смертной казни. «Прозрѣлъ» Достоевскій не сразу, но спустя годы мученической жизни.

Когда же онъ прозрѣлъ и при свѣтѣ христіанскаго ученія окинулъ взоромъ и жизнь человѣчества и свою личную судьбу, то ему стало казаться, что онъ, дѣйствительно, былъ виновенъ

---

[1]) Противопоставленіе Россіи и революціи, какъ двухъ полюсовъ политическаго міра, не является изобрѣтеніемъ Тютчева, оно встрѣчается и въ западной литературѣ и является лишь обобщеніемъ тѣхъ реальныхъ политическихъ актовъ, когда Россія Николая I выступала въ роли стража законнаго порядка въ Европѣ.

и заслужилъ кару, потому что увлекался ложной и опасной идеей и если не совершилъ преступленія, то *могъ бы* совершить.

Вспоминая въ 1873 г. петрашевское дѣло Достоевскій находитъ, что «петрашевцы» могли бы стать «нечаевцами»:

«Я самъ старый «нечаевецъ», я тоже стоялъ на эшафотѣ, приговоренный къ смертной казни», пишетъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя» въ 1873 г. И на возраженіе, что петрашевцы не нечаевцы, онъ отвѣчаетъ:

«Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли бы стать нечаевцами, то есть стать на нечаевскую дорогу, *въ случаѣ если бъ такъ обернулось дѣло*?» И онъ разсказываетъ о своемъ быломъ увлеченіи революціонными идеями:

«Мы еще задолго до парижской революціи 48 года были захвачены обаятельнымъ влеченіемъ этихъ идей. Я уже въ 46 году былъ посвященъ во всю *правду* этого грядущаго «обновленнаго міра» и во всю *святость* будущаго коммунистическаго общества еще Бѣлинскимъ. Всѣ эти убѣжденія о безнравственности самыхъ основаній (христіанскихъ) современнаго общества, о безнравственности религіи семейства, о безнравственности права собственности, всѣ эти идеи объ уничтоженіи національности во имя всеобщаго братства людей, о презрѣніи къ отечеству какъ тормозу во всеобщемъ развитіи,—все это были такія вліянія, которыхъ мы преодолѣть не могли и которыя захватывали, напротивъ, наши сердца и умы во имя какого-то великодушія... Тѣ изъ насъ, то есть не то что изъ однихъ петрашевцевъ, а вообще изъ всѣхъ тогда *зараженныхъ*, но которые отвергли впослѣдствіи весь этотъ бредъ радикально, весь этотъ мракъ и ужасъ, готовимый человѣчеству, въ виду обновленія его и воскресенія,—тѣ изъ насъ тогда еще не знали причины болѣзни своей, а потому и не могли еще съ нею бороться. Итакъ почему же вы думаете, что даже убійство à la Нечаевъ остановило бы, если не всѣхъ, конечно, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ насъ въ то горячее время, среди захватывающихъ душу ученій и потрясающихъ тогдашнихъ европейскихъ событій, за которыми мы, совершенно забывъ отечество, слѣдили съ лихорадочнымъ напряженіемъ?»

Вотъ съ этимъ-то соблазномъ, которому онъ поддался въ юности, Достоевскій и борется всю жизнь. Тотъ соціализмъ, съ которымъ борется Достоевскій въ «Дневникѣ писателя», вѣдь это не подлежитъ сомнѣнію, это старый соціализмъ до 1848 г. Подобно тому какъ въ Восточномъ вопросѣ онъ полемизировалъ съ Грановскимъ, точно такъ же и въ общихъ соціально-политическихъ вопросахъ онъ сводитъ счеты съ идеями 40-хъ годовъ,

которыми увлекался раньше и ложь которыхъ познал теперь; онъ возвращается къ той жизни, изъ которой вырвали его смертный приговоръ и каторга. Вопросы о соціализмѣ, политикѣ, національности онъ ставитъ въ той романтической плоскости, въ какой они ставились до 1848 г. Онъ остался романтикомъ и воскрешаетъ романтическую антитезу антихристіанской революціи и христіанской Россіи. Идея не нова, но Достоевскій расцвѣчиваетъ ее всѣми красками своего воображенія, одѣваетъ ее въ художественные образы. И сквозь призму этой вынесенной изъ 40-хъ годовъ, расцвѣченной красками воображенія, идеи онъ и разсматриваетъ современную ему дѣйствительность и современную борьбу идей; и дѣйствительность и идеи принимаютъ странныя фантастическія сказочныя формы. Этотъ *Царьградъ*, который «долженъ быть нашъ», и изъ котораго должно прозвучать новое, спасающее міръ слово—развѣ это реальный *Константинополь*, дѣйствительно существующій на берегахъ Босфора городъ? Развѣ русскій народъ долженъ непремѣнно именно въ этомъ азіатскомъ разноплеменномъ городѣ найти самаго себя и сказать міру свое русское слово? Вѣдь русская идея не родится въ современномъ Константинополѣ, если русскій народъ несетъ ее съ собой, то почему же ее непремѣнно тамъ провозглашать. Почему не въ Москвѣ, не въ Кіевѣ, не въ Прагѣ?

Нѣтъ, Царьградъ это не-реальный Константинополь на берегахъ Босфора, это—городъ-греза. Конечно, Достоевскій, говоря о Константинополѣ въ связи съ турецкой войной, требовалъ географически опредѣленнаго, реальнаго Константинополя, и былъ огорченъ, когда Константинополь не былъ взятъ, но когда онъ пускался въ размышленія о его значеніи для Россіи, то реальный, существующій на берегахъ Босфора, городъ превращался въ легендарный, сказочный городъ, всплывающій со своими златоглавыми церквами со дна сказочнаго моря. Это—тотъ же Китежъ-градъ, который виденъ не всякому взору, и звонъ колоколовъ котораго не до всякаго доходитъ слуха.

По этому Китежу-граду тоскуетъ душа Достоевскаго, туда она совершаетъ свое паломничество, тамъ она надѣется обрѣсти покой чистой вѣры, отдохнуть отъ мукъ и ранъ, нанесенныхъ жизнью:

> Кто ихъ излечитъ, кто прикроетъ?—
> Ты, риза чистая Христа...

Въ Царьградѣ эта «риза чистая».

Но развѣ этотъ Царьградъ не можетъ оказаться въ Россіи же? Развѣ нужно переходить Балканы, чтобы добраться до него и нужна армія, чтобы овладѣть имъ?

Въ іюлѣ 1878 г. во время Берлинскаго конгресса, когда стало очевиднымъ, что тотъ Царьградъ, къ которому шли русскія войска, уплываетъ все дальше и дальше, когда пришлось махнуть рукой на Бисмарка, на котораго авторъ «Дневника писателя» возлагалъ такія большія надежды, Достоевскій ... самъ отправляется на завоеваніе Царьграда. Онъ начинаетъ создавать свой грандіозный неоконченный романъ «Братья Карамазовы» и открываетъ Царьградъ въ Россіи въ скиту, въ которомъ живетъ «русскій инокъ» старецъ Зосима.

Въ образѣ этого русскаго инока истинное православіе, восточное византійское христіанство и въ устахъ его то новое слово, которое должно было съ Востока изъ Царьграда пронестись навстрѣчу соціализму и спасти міръ. Въ поученіи старца Зосимы тотъ «русскій соціализмъ», въ которомъ истинный духъ Христа и который противоположенъ западному соціализму, порожденію антихриста.

Разбирая эти поученія старца Зосимы, мы видимъ, что этотъ— хорошо знакомый и западу христіанскій соціализмъ, построенный не на борьбѣ классовъ, а на братской любви господъ къ слугамъ и освященный религіей; его Достоевскій устами Зосимы противопоставляетъ, какъ чисто-русскій—западному, построенному на борьбѣ:

«Въ Европѣ возстаетъ народъ на богатыхъ уже силой и народные вожаки повсемѣстно ведутъ его къ крови и учатъ, что правъ гнѣвъ его. Но «проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ». А Россію спасетъ Господь, какъ спасалъ уже много разъ. Изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры и смиренія его... Мечтаю видѣть и какъ бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будетъ такъ, что даже самый развращенный богачъ нашъ кончитъ тѣмъ, что устыдится богатства своего передъ бѣднымъ, а бѣдный, видя смиреніе, пойметъ и уступетъ ему съ радостью и лаской отвѣтитъ на благолѣпный стыдъ его... Лишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство и сіе поймутъ лишь у насъ. Были бы братья, будетъ и братство, а раньше братства никогда не раздѣлятся. Образъ Христовъ хранимъ и возсіяетъ, какъ драгоцѣнный алмазъ всему міру»... («Братья Карамазовы» ч. II кн. 6. Русскій инокъ[1]).

---

[1]) Ту же идею уже отъ своего имени Достоевскій развиваетъ въ возобновленномъ въ 1881 г. «Дневникѣ писателя» въ главахъ объ «оздоровленіи корней». Онъ говоритъ о русскомъ соціализмѣ, который коренится въ религіозномъ сознаніи русскаго народа: «Не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается соціализмъ народа русскаго: онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концовъ *всесвѣтнымъ единеніемъ во имя Христово.* Вотъ — нашъ русскій соціализмъ!»

Такой «соціализмъ» исповѣдывался и на западѣ многими религіоз-

Итакъ, и безъ Царьграда и св. Софіи можетъ возсіять тотъ свѣтъ, которымъ Россія призвана разсѣять мракъ, нависшій надъ западомъ; и безъ похода на Царьградъ можетъ, стало быть, Россія сказать новое слово, которое пронесется навстрѣчу западному соціализму. И если война съ турками и походъ этотъ нужны были для того, чтобы русскій народъ, проливавшій кровь свою за единовѣрныхъ братьевъ, явилъ примѣръ безкорыстнаго подвига, воплотилъ въ политическомъ дѣйствіи христіанское безкорыстіе, то значеніе этого дѣйствія ничуть, казалось бы, не измѣняется отъ того, что Константинополь не сталъ «нашимъ», что Царьградъ не былъ завоеванъ Россіей... Казалось бы, этотъ фактъ не долженъ былъ огорчать Достоевскаго, и однако онъ былъ огорченъ, разочарованъ, былъ обиженъ на Европу, которая помѣшала взять Константинополь, въ особенности обиженъ онъ на Германію, которая, какъ мы видѣли выше, должна была, по-Достоевскому, пребывать въ вѣчномъ союзѣ съ Россіей и подѣлить съ ней міръ (Россіи—Востокъ, Германіи—Западъ). Въ 1881 г. въ послѣдней главѣ «Дневника писателя», писанной уже незадолго до смерти («Геокъ-Тепе. Что такое для насъ Азія»), Достоевскій съ разочарованіемъ говоритъ уже о Германіи и считаетъ ошибкой, что Россія не подѣлила въ свое время міра съ Наполеономъ, тогда ужъ, навѣрное, былъ бы рѣшенъ Восточный вопросъ, но вмѣсто этого Россія способствовала укрѣпленію Германіи, что теперь онъ считаетъ ошибкой.

«Не мы ли способствовали укрѣпленію германскихъ державъ, не мы ли создали имъ силу до того, что онѣ, можетъ быть, теперь и сильнѣе насъ стали? Не мы ли по ихъ зову ходили укрощать ихъ междоусобіе, не мы ли оберегали ихъ тылъ, когда имъ могла угрожать бѣда? И вотъ не они ли, напротивъ, выходили къ намъ въ тылъ, когда намъ грозила другая бѣда? Кончилось тѣмъ, что теперь всякій-то въ Европѣ, всякій тамъ образъ и языкъ держитъ у себя за пазухой давно уже припасенный на насъ камень и ждетъ только перваго столкновенія. Вотъ что мы выиграли въ Европѣ, столь ей служа? Одну ея ненависть! Мы сыграли тамъ роль Репетилова, который гоняясь за фортуной,

Приданаго взялъ шишъ, по службѣ ничего»...

И теперь ничего не остается какъ уйти въ Азію и забыть о Константинополѣ, по крайней мѣрѣ, на время:

ными писателями мистико-романтическаго направленія и вылился и въ католическихъ странахъ, и въ протестантскихъ странахъ въ движеніе, такъ называемаго, «христіанскаго соціализма». Достоевскій игнорируетъ эти явленія.

«Насчетъ Восточнаго вопроса я бы вотъ что сказалъ въ эту минуту: вѣдь въ эту минуту у насъ въ политическихъ сферахъ не найдется, можетъ быть, ни единаго политическаго ума, который бы признавалъ за здравое, что Константинополь долженъ быть нашъ (кромѣ развѣ какъ въ отдаленномъ, загадочномъ еще нашемъ грядущемъ). А коли такъ, такъ чего же намъ больше ждать? Вся суть Восточнаго вопроса въ эту минуту заключается въ союзѣ Германіи съ Австріей, да еще въ австрійскихъ захватахъ въ Турціи, поощряемыхъ княземъ Бисмаркомъ»...

Забыть о Константинополѣ и устремиться въ Азію, отъ Ближняго Востока обратить взоры къ Дальнему Востоку, вотъ новая программа, завѣщанная Достоевскимъ въ его послѣдней предсмертной статьѣ «Наше будущее въ Азіи», — вотъ его новый лозунгъ:

«Создалась бы Россія новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временемъ и ей же пути разъяснила... Пусть только хоть немного проникнутся, что въ будущемъ Азія нашъ исходъ, что тамъ наши богатства, что тамъ у насъ океанъ»...

Эта послѣдняя глава «Дневника писателя»—настоящій гимнъ въ честь Азіи! Достоевскій говоритъ о золотѣ и другихъ богатствахъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ ея необъятныхъ пространствъ, предлагаетъ строить желѣзныя дороги: одну въ Сибирь, другую въ среднюю Азію...[1])

Все это такъ неожиданно послѣ всего того, что писалъ Достоевскій о задачахъ Россіи въ Царьградѣ, о рѣшеніи Восточнаго вопроса, послѣ рѣчей старца Зосимы...

Это объясняется особенностью національной идеологіи и національнаго чувства Достоевскаго. Въ отличіе отъ славянофиловъ, которые преклонялись только передъ идеальной «святой Русью», Достоевскій такъ же, какъ и Тютчевъ, преклонялся, употребляя современную терминологію П. Б. Струве, и передъ «великой Россіей». Тютчевъ, какъ уже я говорилъ, воспѣвалъ не только христіанскій, смиренный русскій народъ, но и грозную мощь *царства русскаго*. Такъ и Достоевскій, при всемъ своемъ увлеченіи смиреніемъ и безкорыстіемъ русскаго народа, умѣлъ пѣть гимны и силѣ русскаго царства совершенно въ стилѣ Тютчевской «русской географіи».—Такимъ гимномъ и является его статья по поводу побѣды Скобелева при «Геокъ-Тепѣ»: «Пусть по всей Азіи пронесется гулъ о побѣдахъ русскаго оружія!

---

[1]) Эти планы Достоевскаго какъ будто говорятъ о томъ, что онъ мыслью предвосхищалъ будущее, а не возвращался къ прошлому. Но вспомнимъ, что еще у Погодина была идея постройки желѣзной дороги изъ Россіи въ Индію (Барсуковъ, т. XIV, 446).

Пусть въ этихъ милліонахъ народовъ до самой Индіи, даже и въ Индіи, пожалуй, растетъ убѣжденіе въ непобѣдимости Бѣлаго царя и въ несокрушимости меча его».

Способность увлекаться поэзіей войны сказывается въ «Дневникѣ писателя» 1876—77 г.; мы находимъ тамъ цѣлыя главы о духовномъ смыслѣ войны и облагораживающемъ ея значеніи, и совершенно не говорится о прозѣ ея. При всемъ своемъ народолюбіи, Достоевскій въ «Дневникѣ писателя» ни разу не разсматриваетъ войны съ точки зрѣнія тѣхъ страданій и тяжести, которыя выноситъ на плечахъ народъ въ войнѣ. Салтыкову при мысли о Плевнѣ и Шипкинскомъ проходѣ чудятся «стоны и стоны безъ конца», рисуется картина, какъ «мретъ русскій мужикъ, мужикъ, одѣвшійся въ солдатскую форму, мретъ поилецъ-кормилецъ русской земли». Гаршинъ, читая отчетъ съ поля сраженія, видитъ «безконечную ленту лежащихъ рядомъ труповъ», содрогается при мысли о массѣ пролитой крови... Достоевскій пишетъ разсужденія о томъ, что «не всегда война бичъ—а иногда и спасеніе», и восклицаетъ, что «всѣ эти казенныя фразы о крови подчасъ только наборъ самыхъ ничтожнѣйшихъ высокихъ словъ»...

Достоевскаго интересуетъ *цѣль* войны и утверждая, что иногда спасаетъ пролитая кровь, онъ спѣшитъ оговориться: «Но все-таки полезною оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшаго и великодушнаго принципа, а не для матеріальнаго интереса, не для жаднаго захвата, не изъ гордаго насилія. Такія войны,—добавляетъ онъ,—только сбивали націи на ложную дорогу и всегда губили ихъ».

Турецкая война имѣла этотъ высшій принципъ: для однихъ защиту славянъ, для Достоевскаго торжество православной идеи и выполненіе всемірно-историческаго призванія Россіи. Освящается ли высшимъ принципомъ завоеваніе Азіи? Въ глазахъ Достоевскаго несомнѣнно, но развить свою точку зрѣнія на дальневосточную политику и связать ее со всемірно историческимъ призваніемъ Россіи онъ не успѣлъ. Изъ того однако, что онъ успѣлъ сказать въ своей предсмертной статьѣ, можно сдѣлать заключеніе, что для Достоевскаго завоеваніе Азіи имѣетъ тотъ же идейный смыслъ, что и завоеваніе Константинополя, хотя въ Азіи православныя русскія войска и не шли освобождать единовѣрныхъ братьевъ, а лишь покоряли мусульманъ. Смыслъ этотъ въ борьбѣ христіанской Россіи съ антихристіанскимъ соціалистическимъ западомъ. Говоря, что будущее Россіи въ Азіи, Достоевскій поясняетъ:

«Когда въ Европѣ уже отъ одной тѣсноты только заведется неизбѣжный и претящій имъ самимъ унизительный комму-

низмъ, когда цѣлыми толпами станутъ тѣсниться около одного очага и, мало-по-малу, пойдутъ разрушаться отдѣльныя хозяйства, и семейства начнутъ бросать свои углы и заживутъ сообща коммунами, когда дѣтей будутъ растить въ воспитательныхъ домахъ (на три четверти подкидышами), тогда—тогда у насъ все еще будетъ просторъ и ширь, поля и лѣса, и дѣти наши будутъ расти у отцовъ своихъ, не въ каменныхъ мѣшкахъ, а среди садовъ и засѣянныхъ полей, видя надъ собою чистое небо».

Итакъ въ Азіи Достоевскій ищетъ спасенія отъ соціализма, при чемъ онъ рисуется ему въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ онъ знакомъ былъ ему въ 40-хъ годахъ, въ видѣ утопическаго коммунизма съ разрушеніемъ семейства. И здѣсь онъ борется съ тѣмъ соблазномъ антихриста, подъ власть котораго самъ въ юности подпалъ. Этотъ свой юношескій грѣхъ онъ искупилъ въ Азіи въ омской каторгѣ и семипалатинской казармѣ, тамъ началось его перерожденіе, освобожденіе отъ власти вредныхъ идей запада, и онъ зоветъ въ Азію русскій народъ въ надеждѣ, что тамъ онъ окрѣпнетъ для борьбы съ западомъ, станетъ духовно независимымъ.

Соблазняя Россію богатствомъ Азіи, онъ спѣшитъ добавить, что «не одно только золото тамъ въ почвѣ спрятано», что «нуженъ новый принципъ и поворотъ», что много тамъ надеждъ заключено, много возможностей, о которыхъ мы здѣсь и понятія еще составить не можемъ во всемъ объемѣ»... Въ Европѣ мы были приживальщики и рабы, а въ Азіи явимся господами»...

«Азія—да вѣдь это и впрямь можетъ быть нашъ исходъ въ нашемъ будущемъ. И если бы совершилось у насъ хоть отчасти усвоеніе этой идеи—о, какой бы корень былъ тогда оздоровленъ! Азія, Азіатская наша Россія,—вѣдь это тоже нашъ больной корень, который не то что освѣжить, а совсѣмъ воскресить и пересоздать надо!» [1]).

Можно сказать, что и въ вопросѣ объ Азіи, какъ и въ Восточномъ вопросѣ, у Достоевскаго внѣшняя политика служитъ цѣлямъ внутренней политики. Слѣдя за внѣшними политическими событіями, строя международныя комбинаціи, разсуждая о Востокѣ

---

[1]) Для тѣхъ, кто склоненъ былъ бы въ этихъ размышленіяхъ Достоевскаго о будущемъ Россіи въ Азіи увидѣть «одно изъ поразительно вѣрныхъ пророчествъ», спѣшу сдѣлать примѣчаніе, что такія же пророчества въ 1854 г. дѣлалъ генералъ Граббе: «Если суждено намъ сдѣлаться царствомъ восточнымъ, то тамъ, быть можетъ, настоящій театръ истиннаго прочнаго могущества Россіи. Въ Европѣ намъ давно уже нечего дѣлать. Она намъ враждебна». Указывая на Уралъ, Сибирь, какъ ручательство прочнаго могущества, Граббе, совсѣмъ какъ Достоевскій, восклицаетъ: «Всего болѣе боялись мы и стыдились быть русскими! Обезьяны Европы!» (Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина», т. XIII, стр. 37).

и Западѣ, Достоевскій остается во власти тѣхъ же думъ, которыя владѣютъ имъ въ «Бѣсахъ» и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», думъ объ «оздоровленіи корней», объ оздоровленіи русской души вообще и спасеніи своей собственной души въ частности.

С. Н. Булгаковъ въ уже упоминавшейся статьѣ о Достоевскомъ говоритъ по поводу его политическихъ мнѣній: «Извѣстно, что онъ былъ политическимъ славянофиломъ и отрицалъ конституціонализмъ во имя идеальнаго самодержавія. Исходя изъ этого общаго принципа, въ роли политическаго публициста, которую, по странному пристрастію, онъ охотно бралъ на себя, онъ развивалъ идеи внѣшней и внутренней политики, приближающія къ тому, что можно назвать націоналистическимъ имперіализмомъ. Каждая основная ошибка имѣетъ свою логику и пройденная до конца въ своихъ отдаленнѣйшихъ заключеніяхъ приводитъ къ явному абсурду. Подобные абсурды, на ряду съ глубочайшими прозрѣніями, встрѣчаются и въ публицистикѣ Достоевскаго, и они представляютъ благодарный матеріалъ для враждебной и поверхностной критики, пользующейся ими, чтобы, посредствомъ политическаго изобличенія, скомпрометировать и ненавистное не только въ этихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, но еще болѣе во внутреннихъ основахъ міровоззрѣніе». С. Н. Булгаковъ правъ, когда онъ протестуетъ противъ враждебной поверхностной критики Достоевскаго, но точно такъ же не должно быть и поверхностной апологетической критики великаго писателя. Достоевскій въ защитѣ не нуждается. Его нужно брать такимъ, каковъ онъ есть. А какъ разъ образецъ такой поверхностной защиты дастъ въ этой статьѣ самъ С. Н. Булгаковъ, когда онъ объясняетъ, почему Достоевскій не сочувствовалъ конституціонализму. «Въ отрицательномъ настроеніи Достоевскаго къ освободительному движенію 60-хъ и 70-хъ годовъ,—говоритъ Булгаковъ,—сказывается и своеобразный душевный вывихъ, нѣкоторая аберрація, слѣпота». Въ чемъ ея причина?—спрашиваетъ Булгаковъ и отвѣчаетъ, что причина эта въ недоразумѣніи: освободительное движеніе происходило «подъ флагомъ философскаго нигилизма и матеріализма», а такъ какъ этотъ флагъ былъ ненавистенъ Достоевскому, то онъ перенесъ свою ненависть и на освободительныя идеи. «Отъ философской идеи противниковъ Достоевскій не сумѣлъ отдѣлить относительную политическую правду и связать ее съ своей религіозной правдой» (С. Н. Булгаковъ, «Два града», 238—239).

Это объясненіе мнѣ кажется поверхностнымъ. Соціально-политическія идеи Достоевскаго настолько тѣсно срослись съ его душевной драмой, со всѣмъ его міровоззрѣніемъ, всѣмъ твор-

чествомъ второй половины его жизни, что совершенно невозможно было механически вынуть ихъ и вложить вмѣсто нихъ политическую правду идейныхъ его противниковъ.

«Конечно, говоритъ Булгаковъ, если бы Достоевскій, И. С. Аксаковъ и другіе славянофилы дожили до послѣднихъ дней внутренней и внѣшней Цусимы» (статья Булгакова написана въ 1906 г.), они примкнули бы, я въ этомъ совершенно убѣжденъ, къ общему антибюрократическому движенію»... Аксакова мы оставимъ въ сторонѣ, но относительно Достоевскаго, я убѣжденъ въ противномъ: Цусима такъ же не измѣнила бы идей Достоевскаго, какъ не измѣнила идей Толстого.

Цусима можетъ быть заставила бы Достоевскаго измѣнить свой взглядъ на дальневосточную политику завоеванія въ Азіи и надежды на будущее Россіи на берегахъ Тихаго океана, но вѣдь эта политика не имѣла самодовлѣющей цѣли въ его глазахъ, она подчинялась у него болѣе постоянной внутренней цѣли.

Завоеваніе Азіи въ конечномъ счетѣ служитъ той же цѣли, что и разрѣшеніе Восточнаго вопроса и завоеваніе Константинополя—борьбѣ съ ложной мудростью запада, выразившеюся въ антихристіанской идеѣ соціализма. Разница въ томъ, что въ Восточномъ вопросѣ было наступленіе, здѣсь—отступленіе. Россія шла на Царьградъ, а изъ Царьграда навстрѣчу соціализму должно было пронестись новое слово. Теперь она удаляется въ Азію, уходитъ отъ «унизительнаго коммунизма», но уходитъ она лишь для того, чтобы собраться съ силами, это временное отступленіе для болѣе усиленной борьбы въ будущемъ. «Пусть Европа думаетъ: «la Russie опять se recueille». А дома бы тѣмъ временемъ собираться, внутри бы тѣмъ временемъ созидаться».[1])

Собираться и созидаться для все той же цѣли, для той борьбы, о которой говорилъ еще Тютчевъ въ 1848 г.—«величайшей борьбѣ, какой когда-либо міръ былъ свидѣтелемъ и отъ исхода которой зависитъ вся политическая и религіозная будущность человѣчества».

Отъ этой борьбы не уйдетъ Европа, какъ не уйдетъ въ концѣ концовъ отъ Россіи и Царьградъ... Нужно только выждать моментъ. «Намъ стоитъ только дождаться и не вмѣшиваться даже, когда звать начнутъ, и чуть только грянетъ тамъ у нихъ распря,

---

[1]) «Еще поразила меня своею вѣрностью та мысль, что наше дѣло теперь—сторона, что намъ слѣдуетъ уединиться, не дружась и не сводя дружбы, да и не дразня никого; это я давно думаю и говорю, да и князь Горчаковъ, кажется, придерживается того же мнѣнія въ знаменитой фразѣ: «La Russie ne boude pas, elle se recueille». Такъ писала въ 1856 г. по поводу статьи Погодина графиня Е. П. Ростопчина (Барсуковъ т. XV, стр. 74). Любопытное совпаденіе въ настроеніяхъ. Достоевскій въ своомъ чувствѣ обиды противъ Европы переживалъ настроенія идеолгеовъ офиціальной народности 50-хъ годовъ, идеи которыхъ онъ воскрешалъ.

и затрещитъ ихъ политическое равновѣсіе,—разомъ покончить и Восточный вопросъ»...

Призывая на время уйти въ Азію и перестать заниматься ближневосточными дѣлами, Достоевскій не разставался съ мыслью, что «рано ли поздно ли Царьградъ будетъ нашъ!»

«*А мы его взять должны и возьмемъ, ибо другого исхода* намъ нѣтъ ни изъ лабиринта Восточнаго вопроса, ни изъ трясины нашихъ внутреннихъ неустройствъ»,—это говоритъ уже не Достоевскій, а К. Леонтьевъ, который мечту о Царьградѣ положилъ въ основу стройной, законченной реакціонной идеологіи, довелъ ее до такого конца, до котораго въ самыхъ смѣлыхъ своихъ «парадоксахъ» никогда не доходилъ Достоевскій. Нѣсколько неясной и противорѣчной грезѣ Достоевскаго онъ придалъ опредѣленную, твердую и застывшую форму, грезу свелъ на землю. Въ его глазахъ Царьградъ никогда не превращался въ сказочный Китежъ-градъ, какъ у Достоевскаго, а всегда оставался реальнымъ Константинополемъ на берегахъ Босфора; въ отличіе отъ Достоевскаго, онъ зналъ хорошо этотъ Константинополь, зналъ и турокъ, и грековъ, и балканскихъ славянъ; въ качествѣ русскаго консула въ Турціи, онъ непосредственно въ теченіе 10 лѣтъ знакомился и съ Востокомъ и съ русской политикой на Востокѣ. Его охлажденный умъ, наблюдательность, политическія знакомства съ закулисной стороной политики, позволяли ему видѣть людей, народъ и событія такими, каковы они есть, и этотъ реальный политикъ питалъ въ то же время самую фантастическую и химерическую мечту перенести въ реальный Константинополь на берега Босфора столицу русскаго государства и создать тамъ центръ восточной культуры для борьбы съ ненавистной ему демократической культурой запада. Человѣкъ, вопреки очевидности, вѣритъ часто въ то, чего онъ очень хочетъ, а этотъ мрачный отшельникъ и убѣжденный идеологъ реакціи страстно и сильно хотѣлъ, во что бы то ни стало, остановить и Россію, и все человѣчество, если не навсегда, то хоть на время затормозить въ движеніи къ равенству и свободѣ. И отсюда его тяга къ Царьграду, какъ былому центру *византизма*, въ которомъ онъ видѣлъ «сильнѣйшую антитезу идеѣ всечеловѣчества въ смыслѣ земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства».

Тоска по этому византійскому идеалу и вдохновляетъ Леонотьева въ его писаніяхъ по Восточному вопросу, представляющихъ причудливую ткань, въ которой мечта романтика-реакціонера переплетается съ мятежными наблюденіями реальнаго политика и холоднаго наблюдателя жизни. Къ этимъ писаніямъ Леонтьева мы и переходимъ въ слѣдующей главѣ.

Л. Козловскій.

Изъ воспоминаній.

Въ памяти немногочисленныхъ теперь представителей поколѣнія, вступившаго въ общественную жизнь въ концѣ 50-хъ или началѣ 60-хъ годовъ, недавній юбилей судебныхъ уставовъ вызываетъ картины первыхъ шаговъ новаго суда. Это было хорошее, хотя во многихъ отношеніяхъ тяжелое время,—хорошее въ особенности потому, что открывались новыя дороги, рисовались свѣтлыя перспективы. Возможной становилась открытая дѣятельность, съ широкимъ просторомъ для столкновенія противоположныхъ взглядовъ. Конечно, борьба, горячая, упорная и часто глубоко принципіальная, давно велась въ русской литературѣ, но удары не слѣдовали здѣсь непосредственно одинъ за другимъ, наносились, сплошь и рядомъ, не при однихъ и тѣхъ же свидѣтеляхъ; нельзя было установить съ точностью, на чьей сторонѣ осталась, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, побѣда. Ареной для состязаній могли служить и только что созданныя земскія собранія, но на первыхъ порахъ они мало привлекали къ себѣ вниманіе общества; активное участіе въ нихъ было, притомъ, обусловлено высокимъ имущественнымъ цензомъ. Къ преобразованному суду влекли серьезныя, высокія его задачи, влекла и обстановка, въ которой ему предстояло дѣйствовать. Для натуръ сколько-нибудь боевыхъ—или считавшихъ себя боевыми—особенно заманчивымъ казалось участіе въ обвиненіи и защитѣ, въ активныхъ выступленіяхъ по дѣламъ гражданскимъ. Адвокатура, самоуправляющаяся и независимая, обѣщала, сверхъ того, просторъ для организаціонной работы и даже нѣчто похожее на политическую дѣятельность.

Введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ застало меня на одномъ изъ поворотныхъ пунктовъ моей жизни. Семейныя обстоя-

тельства помѣшали мнѣ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, продолжать начатое мною приготовленіе къ экзамену на степень кандидата историко-филологическаго факультета, т.-е. сдѣлать первый шагъ къ исполненію моей мечты о профессурѣ. Сначала оставаясь на службѣ въ министерствѣ юстиціи, потомъ выйдя въ отставку, я много писалъ для «Русскаго Вѣстника» и «Отечественныхъ Записокъ», еще больше—для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (В. Ѳ. Корша), гдѣ около двухъ лѣтъ завѣдывалъ отдѣломъ иностранной политики. Съ этой работой, оставлявшей мнѣ очень мало досуга для самообразованія, я мирился лишь потому, что считалъ ее временною. Какъ только это оказалось возможнымъ, я уѣхалъ за границу, чтобы тамъ, съ помощью университетскихъ лекцій, возобновить прерванное изученіе исторіи. Два семестра я провелъ въ Боннѣ, но не могъ сосредоточиться на научныхъ занятіяхъ; приходилось и оттуда писать для газеты, чтобы имѣть средства къ жизни. Осенью 1865 года я вернулся въ Россію, окончательно убѣдясь въ неосуществимости моихъ надеждъ. Газетной работой я тяготился еще больше прежняго. Толстые журналы переживали тогда тяжелый кризисъ. «Русскій Вѣстникъ» становился рѣшительно реакціоннымъ; «Отечественныя Записки» падали все больше и больше; отъ «Современника» и «Русскаго Слова» я стоялъ далеко; «Вѣстникъ Европы», въ которомъ я скоро сталъ писать, выходилъ только четыре раза въ годъ и имѣлъ скорѣе научный, чѣмъ журнальный характеръ.

Все это отдаляло меня отъ литературной дѣятельности и приближало къ судебному міру, съ которымъ я былъ связанъ въ прошломъ и въ которомъ имѣлъ много товарищей и друзей. Неудивительно, что меня захватила всецѣло тяга къ новымъ горизонтамъ, открывавшимся въ этомъ мірѣ. Съ 1859 года я былъ дѣятельнымъ членомъ небольшого юридическаго кружка, основаннаго подъ вліяніемъ первыхъ слуховъ о предстоящей судебной реформѣ. На его еженедѣльныхъ собраніяхъ не только обсуждались юридическіе вопросы, но и произносились цѣлыя рѣчи. Канвою для нихъ служилъ какой-нибудь процессъ, русскій или иностранный; одни брали на себя роль адвокатовъ (въ уголовномъ процессѣ—роль обвинителя и защитника), другіе—роль судей или присяжныхъ; кто-нибудь исполнялъ обязанности предсѣдателя. Пріобрѣталась, такимъ образомъ, привычка говорить публично, иногда экспромтомъ; преодолѣвалась застѣнчивость, боязнь критики (въ обычай у насъ вошла полная откровенность сужденій). Не мнѣ одному участіе въ этомъ кружкѣ—или въ другихъ, такихъ же,—послужило полезной школой; изъ

нашей среды не было почти никого, кто бы не пріобщился, такъ или иначе, къ работѣ новыхъ судебныхъ учрежденій.

Возвращаться на службу, хотя бы и при радикально измѣнившихся ея условіяхъ, я не хотѣлъ, и безъ колебаній рѣшился сдѣлаться адвокатомъ. Принятіе въ присяжные повѣренные судебные уставы предоставили ихъ совѣту, учреждаемому въ округѣ каждой судебной палаты. Сформированію перваго совѣта должно было, по необходимости, предшествовать созданіе хотя бы небольшой группы, уполномоченной приступить къ выборамъ. Составленіе ея было поручено особому комитету при министерствѣ юстиціи. Весьма правильно введя свою задачу въ тѣсныя рамки, чтобы сохранить достаточный просторъ за будущею дѣятельностью совѣта, комитетъ ограничился принятіемъ въ присяжные повѣренные (С.-Петеребургскаго округа) двадцати восьми лицъ, которыя (кромѣ одного, утонувшаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ) и принесли присягу 17 апрѣля 1866 г., при торжественномъ открытіи новыхъ судебныхъ установленій.

На 2-е мая назначены были выборы въ совѣтъ. Началась избирательная агитація; обсуждались не столько личныя кандидатуры, сколько общіе вопросы о будущей дѣятельности всего сословія и его уполномоченныхъ. Мы знали другъ друга очень мало; уже поэтому одному въ нашей средѣ не было ни кружковъ, ни партій. Не было, на первыхъ порахъ, и крупныхъ столкновеній во взглядахъ. Общее желаніе клонилось къ тому, чтобы совѣтъ сразу сталъ на твердую почву, широко понялъ свои обязанности и широко пользовался своими правами. Выборы прошли быстро; почти всѣ избранные (совѣтъ на первый разъ рѣшено было составить изъ семи членовъ) получили большинство голосовъ, близкое къ единогласію. Не было принципіальныхъ разногласій и въ средѣ совѣта. Въ первыхъ же засѣданіяхъ ему пришлось рѣшить вопросъ, отъ котораго въ значительной степени зависѣла будущность присяжной адвокатуры. Законъ, опредѣливъ условія, которымъ долженъ удовлетворять желающій вступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, предоставилъ совѣту не только удостовѣряться въ наличности этихъ условій, но и принимать въ соображеніе всѣ свѣдѣнія, которыя онъ признаетъ нужными. Толковать этотъ законъ можно было различно: достаточнымъ поводомъ къ непринятію кандидата, удовлетворяющаго прямо выраженнымъ требованіямъ закона, можно было считать основанное на совокупности данныхъ убѣжденіе, неблагопріятное для просителя,—или, наоборотъ, только формально доказанный предосудительный его поступокъ. Послѣднее толкованіе было бы удобнѣе для совѣта, освобождая его, въ большинствѣ случаевъ, отъ тяжелой, отвѣтственной обязан-

ности, но оно шло бы въ разрѣзъ съ интересами тяжущихся и подсудимыхъ, съ интересами общества, имѣвшаго право ожидать, что въ присяжные повѣренные не будутъ допускаться лица, завѣдомо не заслуживающія довѣрія. Совѣтъ, не колеблясь, призналъ, что снисходительность, особенно въ началѣ дѣятельности сословія, была бы опаснѣе строгости, и въ продолженіе перваго года своего существованія отказалъ, на основаніи собранныхъ свѣдѣній, восьми просителямъ. Судебная палата, въ то время солидарная съ совѣтомъ, видимо сочувствовала усвоенному имъ взгляду. Въ числѣ получившихъ отказъ были люди безспорно способные, составившіе себѣ, въ до-реформенные годы, довольно прочное положеніе; нелегко было постановлять и объявлять рѣшеніе, если и не прекращавшее, то во всякомъ случаѣ затруднявшее ихъ дѣятельность. Скоро начали поступать въ совѣтъ жалобы на присяжныхъ повѣренныхъ, большею частью неосновательныя, но возбуждавшія вопросы, разрѣшеніе которыхъ должно было отозваться на будущности сословія. Одна изъ жалобъ оказалась весьма серьезной и достаточно доказанной: дѣло шло о «благодарности», предложенной присяжнымъ повѣреннымъ судебному приставу. Необходимо было рѣшительно возстать противъ перенесенія въ новый судъ одного изъ самыхъ печальныхъ обычаевъ стараго времени—и совѣтъ не остановился передъ примѣненіемъ къ виновному суровой дисциплинарной мѣры: запрещенія на время адвокатской практики.

Несмотря на непріятныя минуты, которыя приходилось переживать членамъ перваго совѣта, они не тяготились своимъ положеніемъ: ихъ ободряло сознаніе, что они участвуютъ въ возведеніи фундамента, на которомъ должна держаться постройка небывалаго до тѣхъ поръ въ Россіи типа. Организаціонная работа, производимая не по приказу власти, а по уполномочію корпораціи, была въ то время большою рѣдкостью. Устройство присяжной адвокатуры было опредѣлено судебными уставами только въ общихъ чертахъ; многое, очень многое зависѣло отъ того, какъ будетъ приступлено къ его осуществленію. Поддерживала энергію и борьба, происходившая въ собраніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ и усиливавшаяся по мѣрѣ приближенія новыхъ выборовъ. Она велась открыто, безъ интригъ и подкоповъ; дѣятельность совѣта находила и защитниковъ, и противниковъ, и въ столкновеніяхъ, рѣдко переходившихъ на личную почву, все больше и больше выяснялись спорные вопросы адвокатской этики. Среди многихъ хорошихъ воспоминаній, которыя оставилъ во мнѣ «медовый мѣсяцъ» новаго суда, большую роль играютъ тѣ, которыя непосредственно связаны съ корпоративной жизнью.

Въ основѣ закона о печати, утвержденнаго 6 апрѣля 1865 г., лежало предположеніе, что дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ печати, со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, будутъ разсматриваться общимъ судомъ, съ соблюденіемъ общихъ процессуальныхъ правилъ. Рядомъ съ судебными карами устанавлялась, правда, административная расправа; но, по мысли составителей устава, примѣненіе ея должно было ограничиваться тѣми случаями, когда имѣлось въ виду не конкретное нарушеніе той или другой уголовно-правовой нормы, а такъ-называемое «вредное направленіе», уловимое только для бюрократическаго слуха. Сообразно съ этимъ въ составъ закона было включено нѣсколько новыхъ карательныхъ постановленій. Самое важное, вошедшее въ составъ ст. 1035-й улож. о наказ., предусматривало напечатаніе «оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій», а также «оспариванье въ печати обязательной силы законовъ и оправданіе воспрещенныхъ ими дѣйствій».

На основаніи этой статьи былъ возбужденъ весною 1866 года первый по времени процессъ печати. Объектомъ его послужила книга Суворина: «Всякіе. Очерки современной жизни», составившаяся, отчасти, изъ фельетоновъ, помѣщенныхъ авторомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Съ самаго перехода этой газеты, въ 1863 г., въ руки Валентина Ѳедоровича Корша, Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ сталъ постояннымъ ея сотрудникомъ и занялъ мѣсто секретаря редакціи. Поступивъ въ присяжные повѣренные, я сохранилъ добрыя отношенія къ «Спб. Вѣдомостямъ» и писалъ для нихъ замѣтки по судебнымъ вопросамъ. Лично съ Суворинымъ меня сблизило не только участіе въ одномъ и томъ же, дорогомъ намъ, дѣлѣ: въ немъ было много простоты, искренности, задушевности, а на тогдашніе очередные вопросы мы смотрѣли болѣе или менѣе одинаково. Неудивительно, что, узнавъ о преданіи его суду, онъ предложилъ мнѣ быть его защитникомъ. День разбора его дѣла въ окружномъ судѣ—18 августа 1866 года—былъ важенъ не только для насъ обоихъ: въ широкихъ сферахъ былъ возбужденъ живой интересъ къ тому, такъ отнесется новый судъ къ новой задачѣ. Публичныхъ засѣданій въ уголовныхъ отдѣленіяхъ суда до тѣхъ поръ притомъ было мало; безъ участія присяжныхъ было разсмотрѣно, если я не ошибаюсь, лишь одно дѣло — В. О. Люстиха, тогда только что вступившаго въ число помощниковъ (прис. повѣреннаго В. П. Гаевскаго); онъ обвинялся въ оскорбле-

ніи въ дѣловой бумагѣ судебнаго слѣдователя Бильбасова. Первая сессія съ присяжными, въ концѣ іюля, прошла неудачно, вслѣдствіе неопытности предсѣдательствовавшаго; да и дѣла, подлежавшія разбору, были заурядныя, сѣрыя. Составъ суда по дѣлу Суворина былъ приблизительно тотъ же, но веденіе дѣла никакихъ трудностей не представляло: послѣ прочтенія обвинительнаго акта и послѣ опроса подсудимаго, конечно не признавшаго себя виновнымъ, немедленно было приступлено къ судебнымъ преніямъ. Обвинялъ товарищъ прокурора Стадольскій (умершій въ девятидесятыхъ годахъ въ должности старшаго предсѣдателя виленской судебной палаты); его рѣчь носила чисто дѣловой, сдержанный характеръ. Въ моей защитительной рѣчи, отрицая вполнѣ примѣнимость къ Суворину ст. 1035 уложенія, я возбудилъ, между прочимъ, вопросъ о томъ, можетъ ли подлежать личной отвѣтственности авторъ книги, задержанной (какъ было въ данномъ случаѣ) до выхода ея въ свѣтъ. Я доказывалъ, что при такихъ условіяхъ можно говорить не о совершеніи преступленія, даже о не покушеніи совершить его, а только о приготовленіи къ нему, ненаказуемомъ на основаніи общаго закона. Тотъ же тезисъ я отстаивалъ и въ другихъ моихъ защитахъ по дѣламъ печати, но провести его въ судебную практику мнѣ удалось только черезъ три года, когда онъ былъ принятъ Сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Павленкова. Окружный судъ призналъ Суворина виновнымъ въ оконченномъ преступленіи и присудилъ его къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы. 20-го декабря судебная палата, куда дѣло перешло по жалобѣ Суворина, усмотрѣла въ его дѣйствіяхъ покушеніе на преступленіе и замѣнила тюремное заключеніе тремя недѣлями ареста. Обѣ инстанціи, такимъ образомъ, нашли возможнымъ покарать писателя за «образъ мыслей», оставшійся извѣстнымъ только наборщикамъ, корректору и читавшимъ книгу ex officio чинамъ цензурнаго и судебнаго вѣдомства...

Недѣлю спустя, 25-го августа, въ томъ же составѣ суда разсматривалось дѣло Юлія Галактіоновича Жуковскаго и Александра Николаевича Пыпина, преданныхъ суду, первый—какъ авторъ, второй—какъ редакторъ, за статью: «Вопросъ молодого поколѣнія», напечатанную въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Современника» (запрещеннаго весною 1866 г.). Они обвинялись по ст. 1039 и 1040 уложенія о наказаніяхъ, предусматривающихъ «оглашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи, такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени» (т.-е. диффамацію), и «оскорбленіе, злословіемъ или бранью, частнаго или

должностного лица, или общества, или установленія» (т.-е. простую обиду). Пыпина въ то время я зналъ очень мало, но давно уважалъ его какъ ученаго, какъ одного изъ руководителей «Современника», какъ одного изъ пяти профессоровъ, покинувшихъ спб. университетъ изъ-за репрессій 1861-го года. Жуковскій былъ моимъ старшимъ товарищемъ по училищу правовѣдѣнія; статьи его въ «Современникѣ» были мнѣ хорошо знакомы. До крайности заинтересованный въ это время вопросами, относящимися къ дѣламъ печати, я съ радостью принялъ на себя защиту симпатичныхъ мнѣ людей противъ совершенно неосновательнаго обвиненія.

Въ статьѣ Жуковскаго прокуратура (представителемъ ея на судѣ явился Н. Б. Якоби, не блестящій ораторъ, но дѣльный юристъ) усмотрѣла диффамацію дворянства—не какого-нибудь опредѣленнаго дворянскаго собранія или учрежденія, а дворянства вообще, какъ сословія, какъ совокупности лицъ, пользующихся извѣстными правами. Для меня было очевидно и продолжаетъ быть очевиднымъ и теперь, что такое обвиненіе шло вразрѣзъ не только съ буквой ст. 1039, говорящей объ обществахъ и установленіяхъ, а не о сословіяхъ, но и съ ея внутреннимъ смысломъ. Диффамаціей признается оглашеніе обстоятельствъ, могущихъ повредить чьей-либо чести и доброму имени. Такими обстоятельствами могутъ быть только дѣйствія, а дѣйствія могутъ быть совершаемы только лицами, физическими и юридическими: послѣдними—потому, что у нихъ есть представители, дѣеспособные и отвѣтственные. Дворянство той или другой губерніи образуетъ общество, т.-е. юридическое лицо; его представители (губернскій и уѣздные предводители, дворянскіе депутаты), дѣйствуя отъ его имени, могутъ совершить поступки, несовмѣстные съ его достоинствомъ, и гласное приписыванье имъ подобныхъ поступковъ можетъ, поэтому, быть подведено подъ понятіе о диффамаціи. Дворянство, какъ цѣлое, юридическимъ лицомъ считаться не могло и не можетъ; у него не было тогда, нѣтъ, въ сущности, и теперь [1]) представителей, дѣйствія которыхъ могли бы считаться какъ бы исходящими отъ него и его обязывающими. Оглашеніе какихъ-либо «обстоятельствъ», касающихся всего дворянства, совершенно немыслимо; немыслима, слѣдовательно, и его диффамація. *Отзывъ*, неблагопріятный для дворянства, могъ вызвать уголовное преслѣдованіе только въ такомъ случаѣ, если бы онъ подходилъ подъ дѣйствіе ст. 1036 уложенія, т.-е. имѣлъ характеръ «воззванія, возбуждающаго вражду въ одной части населенія

[1]) «Общедворянскіе съѣзды» существуютъ въ настоящее время de facto, но не de jure; правами юридическаго лица они не облечены и юридическихъ дѣйствій совершать не могутъ.

государства противъ другой или въ одномъ сословіи противъ другого»; но ничего подобнаго въ статьѣ Жуковскаго усмотрѣно не было. Исходя изъ этихъ соображеній, я утверждалъ, что въ статьѣ Жуковскаго нѣтъ признаковъ преступленія. Окружный судъ оправдалъ обоихъ подсудимыхъ. Приговоръ его былъ опротестованъ прокуроромъ. Судебная Палата поспѣшила назначить дѣло къ слушанію и съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, 4-го октября, отмѣнила рѣшеніе суда. Оба подсудимые были признаны виновными и присуждены къ аресту на три недѣли и денежному штрафу въ сто рублей.

Теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, до крайности страннымъ можетъ показаться впечатлѣніе, произведенное въ правительственныхъ сферахъ оправдательнымъ приговоромъ Окружнаго суда по дѣлу Жуковскаго и Пыпина. Обвиненіе, къ нимъ предъявленное, не имѣло, собственно говоря, политическаго характера; диффамація къ разряду политическихъ преступленій не принадлежитъ. Чисто юридическими были и соображенія, которыми опровергалось обвиненіе. Передавая дѣла о проступкахъ печати въ вѣдѣніе суда, независимаго и дѣйствующаго по внутреннему убѣжденію, нельзя же было ожидать, что они непремѣнно и всегда будутъ оканчиваться обвинительными приговорами. Что петербургскій судъ вовсе не расположенъ оправдывать, во что бы то ни стало, обвиняемыхъ по дѣламъ печати, это онъ только что передъ тѣмъ доказалъ, осудивъ Суворина. Между тѣмъ, одного оправдательнаго рѣшенія оказалось достаточнымъ для того, чтобы изъять дѣла о печати (кромѣ маловажныхъ нарушеній и дѣлъ объ оскорбленіи или опозореніи частныхъ лицъ) изъ вѣдѣнія Окружнаго суда. Новелла, измѣнившая въ этомъ смыслѣ текстъ судебныхъ уставовъ, получила силу закона 12 декабря 1866 года, открывъ собою длинный рядъ отступленій отъ основныхъ началъ судебной реформы.

Объясненіе этому слѣдуетъ искать, прежде всего, въ общемъ настроеніи власти, крайне враждебномъ радикальной печати. Уже въ 1862 г., вслѣдъ за первыми проявленіями политической агитаціи, было остановлено на восемь мѣсяцевъ изданіе «Современника» и «Русскаго Слова». Въ маѣ мѣсяцѣ 1866 г., послѣ покушенія на жизнь императора, противъ обоихъ журналовъ была принята мѣра, не предусмотрѣнная законодательствомъ о печати: они были запрещены совершенно. Это устраняло, повидимому, надобность въ репрессіяхъ другого рода, болѣе мягкихъ; редакторы и сотрудники опальныхъ изданій были, на время, лишены слова, и судебное ихъ преслѣдованіе могло показаться чѣмъ-то въ родѣ плеоназма. Если, тѣмъ не ме-

нѣе, оно было возбуждено противъ Жуковскаго и Пыпина, то это могло быть вызвано желаніемъ подкрѣпить административное усмотрѣніе авторитетнымъ голосомъ суда: обвинительный приговоръ—такъ могло казаться—долженъ раскрыть со всею яркостью предосудительность направленія, котораго держался прекращенный журналъ. Рѣшеніе Окружнаго суда, разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, являлось тѣмъ, чѣмъ оно вовсе не было на самомъ дѣлѣ: частичной реабилитаціей «неблагонадежныхъ» людей и «вредныхъ» тенденцій.

Могла быть и другая причина неудовольствія. Въ теоріи, конечно, всѣмъ было ясно, что правомъ оправданія судъ обладаетъ въ той же мѣрѣ, какъ и правомъ осужденія; но на практикѣ это нисколько не исключало мысли объ обязанности суда сообразоваться—особенно въ процессахъ, несвободныхъ отъ политическаго характера,—съ намѣреніями и «видами» правительства. Судебная Палата отмѣнила приговоръ Окружнаго суда; отсюда повышеніе довѣрія къ первой и упадокъ довѣрія ко второму... Нѣсколько лѣтъ спустя, также изъ-за частнаго случая, поколебался, въ глазахъ правительства, и авторитетъ Судебной Палаты. Въ 1871 г. С.-Петербургская Судебная Палата, разсмотрѣвъ такъ называемое нечаевское дѣло, постановила приговоръ, признанный въ высшихъ сферахъ слишкомъ снисходительнымъ (многіе подсудимые были оправданы, къ тяжкому наказанію приговорены только участвовавшіе въ убійствѣ Иванова). Это имѣло послѣдствіемъ изданіе закона 1872 года, которымъ къ разбору дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ было призвано, наравнѣ съ Судебной Палатой, особое присутствіе Прав. Сената, если о томъ состоится Высочайшее повелѣніе. Фактически, послѣ изданія этого закона, дѣла о государственныхъ преступленіяхъ на много лѣтъ были изъяты изъ вѣдѣнія Судебныхъ Палатъ.

Выступить передъ присяжными мнѣ пришлось въ первый разъ въ декабрѣ 1866 года, въ качествѣ назначеннаго судомъ защитника по дѣлу о дѣтоубійствѣ (въ специфическомъ значеніи этого слова, т.-е. убійствѣ матерью незаконно-рожденнаго ребенка, при самомъ его рожденіи, подъ вліяніемъ стыда и страха). Къ этому преступленію, когда-то на Руси и еще недавно во Франціи считавшемуся особенно тяжкимъ, наше уложеніе о наказаніяхъ отнеслось съ мало свойственною ему мягкостью, установивъ, какъ минимумъ наказанія (при отсутствіи предумышленности), ссылку на посе-

леніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири [1]). На самомъ дѣлѣ, однако, и эта кара является черезчуръ суровой; въ огромномъ большинствѣ случаевъ убійство внѣ-брачнаго ребенка, вслѣдъ за его рожденіемъ, совершается матерью при такомъ болѣзненномъ состояніи, при такой психической подавленности, которыя оставляютъ мало мѣста для сознанія. Этимъ, вѣроятно, объясняется включеніе въ уложеніе, рядомъ съ послѣдней частью ст. 1451, относящейся къ дѣтоубійству, ст. 1460, предусматривающей оставленіе матерью младенца безъ помощи, отъ чего послѣдовала его смерть (наказаніе—ссылка на житье или тюрьма отъ $1^1/_2$ года до $2^1/_2$ лѣтъ), и сокрытіе ею его трупа, если онъ родился мертвымъ (тюрьма отъ 2 до 4 лѣтъ). При необходимости скрывать наступленіе родовъ, они происходятъ, сплошь и рядомъ, въ самой тяжелой, иногда ужасной обстановкѣ, вполнѣ достаточной для того, чтобы безъ всякихъ активныхъ дѣйствій со стороны матери положить конецъ только что зародившейся жизни. Трудность опредѣленія причинъ смерти младенца усугубляется тѣмъ, что не всегда изслѣдованіе трупа производится скоро послѣ родовъ, а въ прежнее время усугублялось, вдобавокъ, неопытностью или небрежностью уѣздныхъ и городовыхъ врачей, производившихъ судебно-медицинское вскрытіе.

Не знаю, какъ часто при старомъ судопроизводствѣ дѣла, начатыя по ст. 1451, завершилась примѣненіемъ той или другой части ст. 1460; не знаю также, какова новѣйшая судебная практика по этому предмету,—но въ первое время дѣйствія судебныхъ уставовъ, по крайней мѣрѣ въ округѣ петербургскаго окружнаго суда, дѣла о дѣтоубійствѣ оканчивались обыкновенно либо оправданіемъ подсудимыхъ, либо признаніемъ ихъ виновными лишь въ сокрытіи трупа мертворожденнаго младенца. Черезъ мои руки такихъ дѣлъ, между 1866 и 1873 гг., прошло шесть; объ одномъ изъ нихъ я не нахожу точныхъ свѣдѣній въ моемъ архивѣ (строгимъ состоявшійся по этому дѣлу приговоръ несомнѣнно не былъ); изъ остальныхъ пяти подсудимыхъ двѣ (Сидорова и Каллистова) были оправданы, три (Карваненъ, Артемьева и Пейра) признаны виновными только въ сокрытіи трупа. Четыре дѣла изъ шести слушались въ Петербургѣ, два—внѣ Петербурга (дѣло Артемьевой—въ Петергофѣ, дѣло Пейра—въ Кронштадтѣ). Я остановлюсь здѣсь только на двухъ дѣлахъ, относящихся къ первому году моей адвокатской

---

[1]) По уголовному уложенію 1903 г. (въ этой части еще не вступившему въ дѣйствіе) мать, за убійство прижитаго ею внѣ брака ребенка при его рожденіи, наказывается заключеніемъ въ исправительномъ домѣ (которое, въ случаѣ признанія виновной заслуживающею снисхожденія, можетъ быть замѣнено заключеніемъ въ тюрьмѣ).

дѣятельности. Финляндская уроженка Карваненъ, по профессіи, сколько мнѣ помнится, горничная, женщина уже не очень молодая, болѣзненная, робкая, точно забитая, не давала себѣ, повидимому, яснаго отчета въ томъ, что случилось вслѣдъ за рожденіемъ ея ребенка. Врачъ, производившій вскрытіе трупика, нашелъ, что младенецъ родился живымъ и былъ лишенъ жизни, и настаивалъ на этомъ и во время судебнаго слѣдствія; но достаточно было весьма немногихъ судебно-медицинскихъ свѣдѣній, чтобы усомниться въ правильности этого заключенія. При старомъ порядкѣ судопроизводства оно осталось бы непровѣреннымъ и могло бы послужить основаніемъ для обвиненія въ дѣтоубійствѣ; при новомъ порядкѣ перекрестный допросъ легко разрушилъ его авторитетность. При старомъ порядкѣ дѣло, по всей вѣроятности, покатилось бы само собою по проложенной для него дорожкѣ; при новомъ порядкѣ предоставленное сторонамъ право просить о дополненіи вопросовъ открыло возможность другого исхода, болѣе соотвѣтствовавшаго требованіямъ справедливости. Предсѣдательствовалъ въ этотъ день Иванъ Ивановичъ Шамшинъ, состоявшій тогда товарищемъ предсѣдателя въ одномъ изъ уголовныхъ отдѣленій окружнаго суда [1]). Если я не ошибаюсь, это былъ его дебютъ въ роли предсѣдательствующаго на судѣ присяжныхъ. Образованный, гуманный юристъ, проникнутый духомъ судебныхъ уставовъ, онъ сразу освоился съ своимъ положеніемъ и велъ дѣло образцово. Руководимый имъ судъ не встрѣтилъ препятствій къ постановкѣ, согласно просьбѣ защитника, дополнительнаго вопроса по признакамъ второй части ст. 1460. Не противился этому, кажется, и обвинявшій, безъ большой настойчивости, товарищъ прокурора Демидовъ. Присяжные, старшиной которыхъ при разсмотрѣніи этого дѣла былъ А. А. Краевскій (тогдашній издатель «Отечественныхъ Записокъ»), оправдали Карваненъ по обвиненію въ дѣтоубійствѣ и признали ее виновной въ сокрытіи трупа мертворожденнаго младенца. Судъ приговорилъ ее къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы.

Десять дней спустя, 15-го декабря, я выступилъ по аналогичному дѣлу крестьянки Артемьевой. Поѣздки для защиты въ уѣздные города не были обязательны для присяжныхъ повѣренныхъ, но многіе изъ насъ, увлекаясь новыми занятіями и желая, чтобы въ уѣздной глуши серьёзныя уголовныя дѣла шли, по возможности, при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ столицѣ, охотно

---

[1]) И. И. Шамшинъ былъ, послѣ Г. Н. Мотовилова, предсѣдателемъ спб. окружнаго суда, позднѣе—сенаторомъ (въ этомъ званіи онъ ревизовалъ, въ 1880—81 гг., губерніи Саратовскую и Самарскую) и, наконецъ, членовъ Госуд. Совѣта. Онъ скончался въ 1912 г.

принимали на себя, по соглашенію съ судомъ, защиту подсудимыхъ и внѣ Петербурга. Артемьева, живя (кажется, работницей) въ деревнѣ Бобыльскомъ, между Петербургомъ и Ораніенбаумомъ, тайно родила ребенка, котораго нашли мертвымъ въ свинятникѣ (тамъ и происходили роды). Противъ нея говорила судебно-медицинская экспертиза, столь же мало обоснованная, какъ и въ дѣлѣ Карваненъ. Сомнѣнія въ виновности ея напрашивались сами собою и, несмотря на талантливость обвинителя (товарища прокурора Роде, вскорѣ послѣ того назначеннаго прокуроромъ спб. окружного суда), исходъ дѣла получился такой же, съ тою только разницей, что нѣсколько менѣе снисходительнымъ оказался судъ, присудившій Артемьеву къ шести мѣсяцамъ тюрьмы. Присяжные провинціальнаго городка, ничего, конечно, не знавшие о дѣлѣ Карваненъ, пошли по тому же пути, на который вступили ихъ петербургскіе собратья. Предсѣдательствовавшій, В. И. Богаевскій (впослѣдствіи предсѣдатель курскаго окружнаго суда, затѣмъ присяжный повѣренный въ Петербургѣ), велъ дѣло съ такимъ же искусствомъ, какъ и И. И. Шамшинъ.

Въ мартѣ 1867 г. ко мнѣ обратился одинъ изъ видныхъ петербургскихъ старообрядцевъ, Дмитріевъ (котораго я лѣтъ шесть спустя защищалъ по дѣлу объ устройствѣ въ его домѣ раскольничьей моленной), съ просьбою взять на себя защиту одного изъ двухъ его единовѣрцевъ, преданныхъ суду по обвиненію въ покушеніи на кражу изъ ризницы Александро-Невскаго монастыря. Въ этой ризницѣ хранились вещи, незадолго передъ тѣмъ конфискованныя, при обыскѣ, у старообрядцевъ, какъ имѣющія отношеніе къ ихъ богослуженію. Одинъ изъ монастырскихъ служителей, желая, повидимому, отличиться особымъ усердіемъ въ охраненіи монастыря, сталъ склонять Данилова и Никифорова къ похищенію этихъ вещей, апеллируя, конечно, къ ихъ благочестивому чувству, оскорбленному отобраніемъ священныхъ для нихъ предметовъ, и затѣмъ сообщившій кому слѣдуетъ о готовящемся преступленіи. Я принялъ на себя защиту Данилова; Никифорова защищалъ присяжный повѣренный Г. Г. Принтцъ (скончавшійся недавно на 92-мъ году жизни). Дѣло слушалось 13-го марта; обвинялъ даровитый (давно умершій) товарищъ прокурора Плецъ, предсѣдательствовалъ, съ обычнымъ безпристрастіемъ и мастерствомъ, Андрей Александровичъ Сабуровъ (въ 1880—81 гг. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, теперь членъ Государственнаго Совѣта). Судебное слѣдствіе было чрезвычайно интересно: оно выяснило съ большою яркостью отвратительныя черты провокаторства, тогда пускавшаго лишь первые свои ростки, позднѣе, на другой почвѣ, достигшаго всѣмъ извѣстныхъ колос-

сальнымъ размѣровъ (года два спустя я встрѣтился съ тѣмъ же явленіемъ въ сыщико-полицейской сферѣ, при защитѣ Ветхова, обвинявшагося въ похищеніи бланковъ для кредитныхъ билетовъ изъ экспедиціи государственныхъ кредитныхъ бумагъ). Раскрытіе этого обстоятельства, ставшее возможнымъ опять таки благодаря перекрестному допросу, не могло не повліять на исходъ дѣла: присяжные признали фактъ покушенія на кражу, но нашли, что оно было остановлено по собственной волѣ подсудимыхъ. Судъ, на основаніи ст. 113 уложенія, освободилъ Никифорова и Данилова отъ всякой отвѣтственности.

Прошло съ тѣхъ поръ безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ, но я и теперь живо помню глубокое чувство радости, которымъ наполнило меня счастливое окончаніе дѣлъ Данилова, Артемьевой и Карваненъ. Такія минуты примиряютъ адвоката со многимъ тяжелымъ въ его профессіональной дѣятельности.

К. Арсеньевъ.

Во второй половинѣ XIX вѣка.

Студенческие годы [1]).

II.

Въ Петербургскомъ университетѣ.

Учащаяся молодежь въ первое десятилѣтіе царствованія Александра Второго. — Начало студенческихъ безпорядковъ. — Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. Путятинъ. — Попечитель Филипсонъ.—Закрытіе университета. — Испытательныя комиссіи. — Прокламаціи. — Петербургскіе пожары.—Слѣдственная комиссія.—Фокинская вакханалія.—Успокоеніе.— Открытіе университета. — Новые порядки.

Хотя я вступилъ впервые въ стѣны университета въ 1865 г., но съ тѣмъ, что такое университетъ и студенчество, былъ, благодаря моей семейной обстановкѣ, хорошо знакомъ еще на гимназической скамьѣ. Воспитываясь въ домѣ дѣда, гдѣ запросы моего воспитанія и умственнаго развитія стояли на второмъ планѣ и были вполнѣ подчинены интересамъ брата Венцеслава, который по возрасту и классу былъ старше меня на три года, я по необходимости вращался болѣе въ средѣ сверстниковъ брата, нежели своихъ, принималъ дѣятельное участіе въ ихъ затѣяхъ и развлеченіяхъ, часто несоотвѣтствовавшихъ моему «нѣжному возрасту», шутя заучивалъ то, что учили они, и не училъ того, что полагалось мнѣ знать по гимназической программѣ.

Братъ Венцеславъ поступилъ въ университетъ въ 1863 г., т.-е. въ первый годъ введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, кореннымъ образомъ измѣнившаго весь строй университетскаго преподаванія и придавшаго студенчеству совершенно новую физіономію. Вопросъ о томъ, что дѣлать брату съ собою по окончаніи гимназіи, сталъ подвергаться, какъ только братъ перешелъ въ пятый классъ, нескончаемымъ семейнымъ обсужденіямъ. Мечтой брата всегда было стать хирургомъ, пойти по стопамъ дѣда. Отецъ убѣждалъ его избрать юридическій факультетъ, а дѣдъ твердилъ: «иди, куда хочешь, только не во врачи». Будучи самъ всѣмъ обязанъ медицинской карьерѣ, достигнувъ самой ея вершины, дѣдъ считалъ ее самою изъ всѣхъ

[1]) См. «Гол. Мин.» № 1.

тяжелою и неблагодарною. Кончилось тѣмъ, что братъ сдался на компромиссъ и поступилъ на естественный факультетъ, съ затаенной мыслью перейти оттуда въ медицинскую академію, что и исполнилъ по окончаніи перваго учебнаго года.

Въ то время жизнь студентовъ и гимназистовъ протекала въ совершенно иныхъ условіяхъ, нежели нынѣ. Мы кончали гимназію 17—18 лѣтъ, часто ранѣе, рѣдко позднѣе. Наши головы не загромождали, подъ предлогомъ необходимости ихъ умственнаго дисциплинированія, никуда непригоднымъ баластомъ всякихъ свѣдѣній, что не мѣшало намъ съ успѣхомъ работать на такихъ поприщахъ, на которыхъ требовались и образованность, и умственное развитіе, и значительный запасъ положительныхъ знаній. У насъ было много свободнаго времени и для свободнаго чтенія, и для занятія искусствомъ, ремеслами и спортомъ. Начальство у насъ было сносное, склонное къ гуманности, прежніе свирѣпые педагоги были обузданы, а типы бездушныхъ дрессирователей молодежи временъ графа Д. А. Толстого и преслѣдователей «кухаркиныхъ сыновей» не успѣли еще выработаться и занять въ школѣ господствующее положеніе. Тѣмъ не менѣе, мы всѣми силами души ненавидѣли наши гимназіи и лихорадочно считали, сколько намъ остается дней до того счастливаго момента, когда и для насъ, наконецъ, откроются университетскія двери. Многіе изъ насъ до такой степени тяготились гимназіей, что уходили изъ нея, если къ тому родители не оказывали препятствій, не окончивъ курса, въ надеждѣ сдать, ранѣе своихъ сверстниковъ, на правахъ экстерновъ, выпускные экзамены, что имъ въ большинствѣ случаевъ и удавалось, такъ какъ экзаминаціонныя требованія были разумны, а произволу экзаминаторовъ не было мѣста. Болѣе всего, конечно, усиливала наше желаніе скорѣй отдѣлаться отъ гимназіи относительная свобода и самостоятельность, которыми пользовалась университетская молодежь. Но были и другія причины, болѣе еще побудительныя.

Благодаря тому, что мы росли въ такъ-называемый «освободительный періодъ», наше умственное развитіе шло ускореннымъ темпомъ и не по торной дорогѣ. Мы оказались вполнѣ подготовленными къ слушанію университетскихъ лекцій, несмотря на то, что намъ до окончанія гимназіи оставалось еще одинъ, два и даже три года. Въ обществѣ тогда открыто и смѣло обсуждались различные запросы жизни, цѣнности прошлаго переоцѣнивались, и устои, на которыхъ прошлое продолжало самоувѣренно опираться, сильно колебались. Мы внимательно прислушивались къ тому, что говорили старшіе, требовали и обязательно получали объясненіе всего намъ непонятнаго, прини-

мали участіе въ спорахъ, съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ прочитывали въ газетахъ отчеты о засѣданіяхъ французской палаты депутатовъ, печатавшіеся тогда со всею полнотою и подробностью во всѣхъ газетахъ, а также отчеты о всѣхъ выдающихся въ то время въ Западной Европѣ уголовныхъ процессахъ, знакомились въ подлинникахъ и переводахъ съ выдающимися сочиненіями по новѣйшей исторіи передовыхъ странъ запада и, наконецъ, обсуждали такія стороны нашего общественнаго и государственнаго быта, интересоваться которыми большинству нашихъ предшественниковъ и въ голову не приходило, а послѣдующимъ поколѣніямъ было и некогда и опасливо. Отсюда пылкія выступленія въ защиту правъ личности, бурные протесты противъ злоупотребленій власти, глумленія надъ авторитетами и паче всего дебаты съ приверженцами старыхъ порядковъ, растерянно пассовавшими предъ нашими, подчасъ даже слишкомъ ужъ прямолинейными выпадами, и въ результатѣ огульное обвиненіе нашего поколѣнія въ умственной незрѣлости и въ обусловленномъ этою незрѣлостью подчиненіи гибельному вліянію той части нашей печати, которая якобы слѣдовала анархическому, растлѣвающему умы направленію.

До 1857 г., когда впервые произошли такъ-называемые «студенческіе безпорядки», правительство учащейся молодежи не опасалось. Оно относилось подозрительно лишь къ самымъ университетамъ и къ дѣятельности отдѣльныхъ профессоровъ. Оно охотно соглашалось способствовать процвѣтанію университетовъ, но при условіи, чтобы они культивировали только «истинную науку», т.-е. такую, которая съ точки зрѣнія даннаго момента, подвергавшейся постояннымъ колебаніямъ, въ своихъ выводахъ и положеніяхъ основывается «на познаніи Бога, человѣка и природы», а отнюдь не «на дерзкихъ мудрованіяхъ, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію». Такъ какъ наука въ отмежеванныхъ ей предѣлахъ, несмотря на то, что къ услугамъ начальства всегда находились покладистые профессора, въ родѣ профессора А. А. Фишера, переводчика на нѣмецкій языкъ катехизиса Филарета, утверждавшаго, что преподаваемая имъ въ университетѣ «педагогика» дѣлится на три неравныя половины, не укладывалась и отъ времени до времени выходила изъ указанныхъ ей границъ, то на университеты воздвигались гоненія, на профессоровъ сыпались напасти, а наука бралась въ ежевыя рукавицы...

Съ своей стороны и студенчество ничего непростительнаго съ точки зрѣнія попечительнаго начальства не учиняло, никакихъ основъ не потрясало и скопомъ протестовъ не заявляло.

Если студенчество и давало подчасъ предержащей власти поводы къ недовольству, то въ поводахъ этихъ ничего «политическаго» не заключалось. Студенты не исполняли правила о ношеніи форменной одежды, не стригли, какъ полагалось, волосъ, дерзили профессорамъ и инспекціи, буйствовали и дебоширничали въ пьяномъ видѣ въ публичныхъ мѣстахъ, чинили разныя продѣлки надъ обывателями, глумились надъ полицейскими чинами, сочиняли и распространяли неприличныя стихотворенія. За такіе поступки начальство ихъ отечески распекало, сажало въ карцеръ, иногда исключало и только въ рѣдкихъ случаяхъ, которые всѣ наперечетъ, имъ «забривали лобъ», т.-е. отдавали въ солдаты, съ правомъ или безъ права выслуги.

Съ перемѣной царствованія тяготѣвшій надъ университетами съ 1848 г. гнетъ былъ немедленно снятъ, при чемъ первымъ дѣломъ былъ вновь разрѣшенъ неограниченный пріемъ въ студенты, и число послѣднихъ стало быстро возрастать. Такъ, въ петербургскомъ университетѣ въ 1854 г. студентовъ, при нормѣ въ 300 человѣкъ, было всего 159, а въ 1859 г. ихъ насчитывалось около 1000 вмѣстѣ съ вольнослушателями. Въ вольнослушатели принимались молодые люди, не имѣющіе аттестатовъ объ окончаніи гимназіи. Если въ послѣдующіе годы они представляли свидѣтельства о сдачѣ въ гимназіяхъ экзаменовъ на правахъ экстерновъ, то ихъ зачисляли въ студенты перваго курса или допускали прямо къ выпускнымъ экзаменамъ, но съ обязательствомъ сдать таковые на кандидата. Невыдержавшимъ на кандидата одно время выдавались свидѣтельства въ томъ, что такой-то подвергался экзамену при университетѣ, при чемъ обнаружилъ такіе-то успѣхи. Обладателей такихъ свидѣтельствъ въ шутку называли «любителями просвѣщенія». Кромѣ студентовъ и вольнослушателей, посѣщавшихъ университеты по праву, на лекціяхъ популярныхъ профессоровъ можно было встрѣтить немало посторонних посѣтителей обоего пола, не исключая сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ.

Съ новымъ режимомъ явилась и относительная свобода. Студенты получили возможность собираться на сходки, выбирать для переговоровъ съ начальствомъ по вопросамъ, касающимся всего студенчества, депутатовъ, имѣть свои кассу, библіотеку и пр. студенческія организаціи. По справедливому замѣчанію Н. И. Пирогова, университеты суть лучшіе барометры общества, «и только тамъ, гдѣ политическія стремленія проникли глубоко черезъ всѣ слои общества, они уже неясно отражаются на университетахъ». Такими именно барометрами университеты и были въ то время. Поэтому немудрено, что и тонъ у тогдашней моло-

дежи былъ повышенный, что прежде всего сказалось на отношеніяхъ учащейся молодежи къ академическому начальству и къ полиціи. Педеля жаловались на непочтительное отношеніе къ нимъ студентовъ и на нежеланіе послѣднихъ подчиняться установленнымъ правиламъ, часть профессоровъ жаловалась, что «мальчишки осмѣливаются разсуждать объ относительныхъ ихъ достоинствахъ», выражать однимъ одобреніе аплодисментами, другимъ неодобреніе—шиканьемъ; наконецъ, полиція ссылалась на сильно участившіеся случаи буйства. Вначалѣ правительство отнеслось къ бурнымъ выступленіямъ студенчества по разнымъ, въ большинствѣ случаевъ маловажнымъ, поводамъ снисходительно. Но съ теченіемъ времени университетскіе безпорядки приняли затяжной характеръ. Къ веснѣ 1861 г. они настолько усилились, что вызвали гнѣвъ государя. Онъ объявилъ министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому, что дальнѣйшіе безпорядки не могутъ быть терпимы и что онъ не остановится передъ крайнею мѣрою: закрытіемъ университетовъ. Ковалевскій сталъ доказывать, что никакія репрессивныя мѣры не помогутъ и долженъ былъ выйти въ отставку. На его мѣсто былъ назначенъ адмиралъ гр. Путятинъ, а попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа—боевой кавказскій генералъ Филипсонъ.

Тотчасъ же по вступленіи въ должность, гр. Путятинъ проектировалъ рядъ преобразованій, имѣвшихъ цѣлью положить конецъ безпорядкамъ. Предположенныя имъ мѣры, получившія высочайшее утвержденіе, были слѣдующія: возстановленіе въ ближайшемъ будущемъ классическаго образованія въ гимназіяхъ; производство пріемныхъ испытаній желающимъ поступить въ университетъ въ гимназіяхъ вмѣстѣ съ оканчивающими гимназистами; строжайшее подчиненіе учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ университета; воспрещеніе какихъ бы то ни было сходокъ безъ разрѣшенія начальства и объясненій съ нимъ черезъ депутатовъ или сборищемъ; установленіе правилъ относительно точнаго посѣщенія студентами лекцій съ воспрещеніемъ какихъ бы то ни было съ ихъ стороны выраженій одобренія или порицанія профессорамъ; возстановленіе переходныхъ экзаменовъ для студентовъ первыхъ двухъ курсовъ; запрещеніе принимать въ студенты лицъ, не достигшихъ 17-лѣтняго возраста; отмѣна форменной одежды и запрещеніе носить какіе-либо знаки отдѣльной народности, товарищества или общества; освобожденіе отъ ежегоднаго взноса платы за слушаніе лекцій только тѣхъ изъ дѣйствительно бѣдныхъ студентовъ, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, и то не болѣе двухъ для каждой губерніи, принадлежащей

къ университетскому округу, и не допуская изъ сего, ни подъ какимъ предлогомъ, исключеній; назначеніе пособій и стипендій только отличнѣйшимъ бѣднымъ студентамъ; обращеніе денегъ, взыскиваемыхъ за право слушанія лекцій, на увеличеніе содержанія профессоровъ и доцентовъ, а также на пособія и стипендіи бѣднѣйшимъ отличившимся студентамъ.

Занятія въ университетѣ въ 1861—1862 учебномъ году должны были начаться 18-го сентября. Прибывшіе въ этотъ день студенты узнали, что имъ запрещено собираться на сходки, что касса ихъ отобрана, и пособія изъ нея будутъ назначаться не студентами, а правленіемъ, что снова будуть возстановлены экзамены, что всѣмъ придется вносить плату за ученье и, наконецъ, что всѣмъ будутъ выданы какія-то матрикулы. Въ теченіе цѣлой недѣли студенты и толпа сочувствовавшихъ имъ постороннихъ лицъ собирались на сходки, безъ малѣйшаго препятствія со стороны начальства, если не считать неудачную попытку запереть актовый залъ, чтобъ не дать тамъ собраться на сходку. 24-го сентября была вынесена, наконецъ, резолюція: новымъ правиламъ не подчиняться, платы за ученье не вносить, матрикулы и билеты для входа въ университетъ, какъ только таковые будутъ выданы, уничтожить.

Правительство на это постановленіе сходки отвѣтило закрытіемъ университета. Явившіеся 25-го сентября на лекціи студенты нашли на университетскихъ дверяхъ объявленіе, гласившее: «чтеніе лекцій въ университетѣ прекращено впредь до дальнѣйшихъ распоряженій». Обширный дворъ университета оказался незапертымъ, и на немъ тотчасъ же состоялась многолюдная сходка. Рѣшено было отправиться всей сходкой къ попечителю Филипсону, жившему на Колокольной улицѣ, и итти не толпою, а парами и тройками, не посреди улицы, а по тротуару, соблюдая между идущими интервалы. Благодаря этому, идущіе къ попечителю ничѣмъ не отличались отъ гуляющей по Невскому публики, и полиція не имѣла основаній къ вмѣшательству. Шествіе растянулось болѣе чѣмъ на версту и имѣло весьма внушительный видъ. Во время переговоровъ съ попечителемъ, соглашавшимся дать требуемыя отъ него объясненія только въ университетѣ, на Колокольную улицу прибыли жандармы и рота стрѣлковаго батальона, но Филипсонъ отвратилъ столкновеніе, ставъ между студентами и войсками. Стрѣлки и жандармы разступились и пропустили толпу студентовъ съ попечителемъ во главѣ, направившуюся обратно въ университетъ.

Вѣсть о томъ, что студенты «бунтуютъ» у дома попечителя, на Колокольной улицѣ, недалеко отъ первой гимназіи, стала

извѣстна намъ, гимназистамъ, передъ концомъ уроковъ, около половины третьяго. Мы устремились тотчасъ же къ мѣсту демонстраціи, и мнѣ удалось догнать процессію на Аничкиномъ мосту, когда она двигалась обратно къ университету. Ее сопровождало множество народа, видимо ей сочувствовавшаго. Позади университета и на площади между университетомъ и академіей наукъ стояли войска. Послѣ долгихъ переговоровъ съ попечителемъ и высшими полицейскими властями, студентамъ было обѣщано: если они немедленно разойдутся и возьмутъ матрикулы, то университетъ будетъ открытъ 2-го октября и никто изъ нихъ арестованъ не будетъ.

На другой день стало извѣстно, что въ ночь было арестовано 42 человѣка. Студенты снова собрались на сходку и составили петицію на имя министра, требуя въ ней освобожденія задержанныхъ. Появленіе финляндскаго полка, прибывшаго съ барабаннымъ боемъ, разогнало сходку, но прежде чѣмъ разойтись, было рѣшено собраться на другой день на Невскомъ проспектѣ, чтобъ сговориться тамъ насчетъ дальнѣйшаго плана дѣйствій, при чемъ условлено было ходить по Невскому небольшими группами, обмѣниваясь по временамъ членами этихъ группъ.

2-го октября университетъ открытъ не былъ, и это дало поводъ къ новымъ демонстраціямъ и къ новымъ арестамъ. Слѣдующая сходка была разсѣяна войсками, были раненые, и демонстрантовъ почти поголовно арестовали и отвели въ Петропавловскую крѣпость. Въ результатѣ 5 человѣкъ, признанныхъ наиболѣе виновными, выслали въ отдаленныя губерніи подъ надзоръ полиціи, 32 человѣка исключили изъ университета, съ правомъ держать экзаменъ на правахъ вольнослушателей. Университетъ открытъ не былъ. Безпорядки прекратились.

Государь остался очень недоволенъ дѣйствіями властей и неумѣлыми распоряженіями, приведшими къ столкновенію студентовъ съ полиціей и войсками, къ массовому аресту ихъ и къ заключенію сначала въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ въ казематахъ въ Кронштадтѣ. С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ П. П. Игнатьевъ былъ уволенъ отъ должности и на его мѣсто былъ назначенъ князь Суворовъ, мѣсто петербургскаго оберъ-полицеймейстера занялъ извѣстный впослѣдствіи гр. П. П. Шуваловъ; И. Д. Деляновъ снова былъ назначенъ попечителемъ, а затѣмъ былъ уволенъ и графъ Путятинъ, пробывшій у власти всего пять мѣсяцевъ.

Сочувствіе общества всецѣло было на сторонѣ студентовъ, въ ихъ пользу раздавались голоса и изъ реакціоннаго лагеря; тогда никому въ голову не приходило обвинять ихъ въ анархизмѣ

и стремленіи къ ниспроверженію государственнаго строя. На нихъ смотрѣли, какъ на цвѣтъ и надежду Россіи, находили, что ихъ надо беречь, а не разсылать по дальнимъ губерніямъ подъ надзоръ полиціи.

Университетъ было рѣшено не открывать впредь до введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, который предполагалось обнародовать въ 1863 г.; для завѣдыванія же дѣлами петербургскаго университета въ январѣ 1862 г. была учреждена временная комиссія, съ правами и обязанностями совѣта и правленія, а для лицъ, желавшихъ сдать окончательный экзаменъ, были учреждены испытательныя комиссіи. На экзамены явилась масса народу, и всѣ экзаменъ выдержали, такъ какъ экзаменовали съ небывалой до того и послѣ того снисходительностью. Масса изъ выдержавшихъ тогда экзаменъ не только по юридическому, но и по другимъ факультетамъ, посвятила себя новой судебной дѣятельности и съ честью оправдала снисходительное довѣріе къ нимъ экзаминаторовъ.

Вопросъ о средствахъ къ предупрежденію студенческихъ безпорядковъ не разъ ставился на обсужденіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, при чемъ дѣлались предложенія, одно другое исключающія. Извѣстный и вліятельный графъ С. Г. Строгановъ совѣтовалъ открыть доступъ къ высшему образованію одному только дворянству и имущимъ классамъ; баронъ М. А. Корфъ полагалъ, что преподаваніе въ университетахъ слѣдуетъ объявить свободнымъ, отмѣнивъ экзамены какъ пріемные, такъ и переходные, допуская на лекціи и къ окончательнымъ испытаніямъ на ученыя степени всѣхъ желающихъ, независимо отъ числа лѣтъ, проведенныхъ въ университетѣ и не требуя отъ нихъ какихъ бы то ни было аттестатовъ или свидѣтельствъ; наконецъ, министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій находилъ возможнымъ ограничиться установленіемъ особыхъ, строгихъ пріемныхъ экзаменовъ для всѣхъ желающихъ поступить въ университетъ. Мнѣніе Ковалевскаго было внесено на воззрѣніе государя и имъ утверждено 22 февраля 1860 г. Предложеніе барона Корфа также было принято во вниманіе, и при учрежденіи Петровско-Разумовской академіи было, въ видѣ исключенія, постановлено принимать въ слушатели всѣхъ желающихъ, не требуя отъ нихъ доказательствъ прохожденія гимназическаго курса и не подвергая ихъ пріемнымъ испытаніямъ.

Въ 1862 г. студенчество снова было взято въ подозрѣніе. Нашлись охотники ставить студенческія волненія въ связь съ появившимися прокламаціями, съ обнаруженной въ печати и въ воскресныхъ школахъ пропагандой началъ, признанныхъ

разрушительными, и даже съ принявшими грандіозные размѣры петербургскими пожарами.

Появившіяся въ большомъ количествѣ, въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 г., прокламаціи въ той, по крайней мѣрѣ, средѣ, въ которой я вращался и которая по числу и разнообразію входившихъ въ ея составъ общественныхъ элементовъ имѣла полную возможность такъ или иначе реагировать на подобнаго рода къ ней обращенія, были встрѣчены только съ любопытствомъ и удивленіемъ, какъ неслыханное до того времени явленіе. Получившіе прокламаціи не таили ихъ, а, не стѣсняясь, показывали другъ другу. До меня съ братомъ онѣ доходили разными путями. Чаще всего мы находили ихъ просунутыми въ парадныя двери нашей квартиры, иногда обнаруживали въ карманахъ нашей верхней одежды; бывали случаи, что намъ показывали и передавали ихъ товарищи. Прокламаціи эти мы первымъ дѣломъ прочитывали, а затѣмъ шли къ дѣду и требовали у него объясненія того, что казалось намъ въ прочитанномъ непонятнымъ. Дѣдъ охотно давалъ намъ требуемыя объясненія, а когда нами была принесена прокламація «Молодая Россія», прочелъ намъ цѣлую лекцію о томъ, что въ свое время представляла изъ себя «Молодая Германія». Разъясненія дѣда обогащали нашъ умъ разносторонними свѣдѣніями и значительно расширяли нашъ умственный горизонтъ, но враждебныхъ къ кому бы то ни было и къ чему бы то ни было настроеній не вызывали. Прочитанныя и разъясненныя прокламаціи дѣдъ немедленно бросалъ въ пылающій каминъ. За насъ, что мы не примемъ участія въ распространеніи прокламацій, онъ былъ увѣренъ. Лично на насъ съ братомъ ни прокламаціи, ни запрещенныя заграничныя изданія, ни статьи въ журналахъ тогдашняго передового направленія, которыми мы зачитывались, никакого вліянія не оказали, да и оказать не могли. Если кадры революціонеровъ 70-хъ г.г. и пополнялись главнымъ образомъ моими сверстниками, то это объясняется отнюдь не тѣмъ, что ихъ «незрѣлые умы были распропагандированы пагубнымъ вліяніемъ передовой и нелегальной печати», а болѣе могучими факторами, и прежде всего нелѣпой системой графа Д. А. Толстого, незадумавшагося выбросить за бортъ тысячи молодежи, лишивъ ее возможности закончить свое образованіе. Отъ себя я долженъ сказать, что за все время моего пребыванія въ гимназіи и трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ ни съ чьей стороны попытокъ «распропагандировать» меня или ближайшихъ товарищей не было.

Только въ 1873 г., въ годъ окончанія мною университета, одинъ изъ моихъ партнеровъ по игрѣ въ шахматы, въ одной изъ студенче-

скихъ «кухмистерскихъ» въ Харьковѣ, далъ мнѣ прочесть двѣ запрещенныя брошюры: «Проповѣдь аббата Ламеннэ»—содержанія не помню, и «Рѣчь Кастеляра»—въ оправданіе парижской коммуны. Много лѣтъ спустя, по возвращеніи уже моемъ изъ Японіи, кто-то изъ старыхъ университетскихъ товарищей сообщилъ мнѣ, что моего бывшаго партнера въ шахматы повѣсили въ концѣ 70-хъ гг. въ Кіевѣ за вооруженное сопротивленіе при обыскѣ и арестѣ. Помню, что это былъ человѣкъ лѣтъ 30, угрюмый, нелюдимый, очень начитанный, и никакихъ поводовъ предполагать въ немъ агитатора не дававшій.

Май мѣсяцъ 1862 г. закончился грандіозными въ Петербургѣ пожарами. Обстоятельство это не было бы способно вызвать особенную тревогу въ народѣ, пожары повсюду въ Россіи, не исключая и Петербурга, составляли обычное, вполнѣ привычное явленіе, если бы не пожаръ Толкучаго рынка, или по просту «Толкучки». Такъ называлась въ то время мѣстность внутри Апраксина и Щукина дворовъ, занимавшая пространство не менѣе 20 т. кв. саж., гдѣ помѣщалось, не считая многочисленныхъ ларей, не менѣе 6 т. деревянныхъ лавченокъ, набитыхъ всевозможною старою рухлядью, представлявшую обильную пищу для огня.

28 мая, въ шестомъ часу вечера, когда рынокъ былъ закрытъ для торговли и все мѣстное купечество, расфранченное и расфуфыренное, находилось, по случаю Духова дня, на традиціонныхъ смотринахъ въ Лѣтнемъ саду, вдругъ раздались неистовые крики: «Толкучка горитъ». Охваченная паникой публика, стремительно бросилась къ выходу, что находится у Цѣпного моста, при чемъ произошла давка, а съ нею и неподдающійся описанію, превосходящій по своей дерзости всякое представленіе грабежъ. Оказавшіеся въ саду въ значительномъ числѣ любители чужой собственности, пользуясь паникой и давкой, принялись безнаказанно срывать съ потерявшихъ голову купцовъ и купчихъ часы, цѣпочки, шали, браслеты, отнимать у мужчинъ бумажники, а у женщинъ изъ ушей серьги, разрывая при этомъ мочки.

Я попалъ на пожаръ однимъ изъ первыхъ, еще задолго до сбора всѣхъ пожарныхъ частей, такъ какъ жилъ недалеко отъ мѣста пожара, на углу Итальянской и Фонтанки. Расположился я на площади, у Чернышева моста, у угла выходящаго на площадь зданія министерства внутреннихъ дѣлъ, и тотчасъ же принялся качать воду. Здѣсь, подъ защитой каменнаго зданія министерства, отдѣлявшаго площадь отъ рынка, я могъ оставаться довольно долго, пока не начался пожаръ внутри зданія, вынудившій меня перебраться на другую сторону площади, гдѣ я и оставался до самаго конца пожара. Министерство загорѣлось потому, что

соприкасалось съ моремъ огня, въ которое не замедлилъ обратиться рынокъ. Сильный вѣтеръ дулъ со стороны Невскаго, и это спасло отъ огня государственный банкъ, гостиный дворъ, пажескій корпусъ и министерство народнаго просвѣщенія. Вся сила огня направилась въ сторону Апраксина пер. и набережной Фонтанки. По Апраксину пер. были расположены значительные лѣсные и дровяные склады. Сила вѣтра и огня тамъ была такъ велика, что пылавшія доски и бревна, перекидываясь черезъ Фонтанку, воспламенили расположенные тамъ лѣсные склады и ветхія, въ прилегающихъ къ Фонтанкѣ узкихъ переулкахъ, деревянныя строенія, занятыя многочисленными домами терпимости самаго низшаго разряда. Благодаря направленію вѣтра, удалось, при помощи прибывшихъ на пожаръ военныхъ частей, вынести изъ огня и сложить на Царицыномъ лугу и прилегающихъ къ нему улицахъ массу всевозможнаго рода вещей, преимущественно старыхъ. На другой день городъ нельзя было узнать. Въ самомъ его центрѣ оказалось огромное пепелище, съ окружностью почти въ три версты. Жизнь въ немъ, казалось, совсѣмъ замерла, только на Царицыномъ лугу, Семеновскомъ плацу и другихъ ближайшихъ къ пожарищу площадяхъ груды сложенныхъ вещей и около нихъ горько рыдающіе и причитающіе погорѣльцы. Всюду военные патрули и часовые [1])...

29 и 30 мая новые пожары въ разныхъ частяхъ города. Слухи о томъ, что въ городѣ орудуетъ шайка поджигателей, становились все настойчивѣе и настойчивѣе. Явились охотники ставить пожары въ связь съ послѣдними студенческими волненіями и съ распространенными прокламаціями. Учащейся молодежи становилось опасно ходить по улицамъ, такъ какъ простонародье начинало относиться къ ней подозрительно. Говорили, что не мало молодыхъ людей, заподозрѣнныхъ въ поджигательствѣ, уже сдѣлалось жертвой народной ярости, было брошено живьемъ въ огонь. Къ счастью все это оказалось бредомъ разстроеннаго воображенія разсказчиковъ.

31 мая было объявлено военное положеніе, съ раздѣленіемъ города на три генералъ-губернаторства. Всѣхъ подстрекателей къ безпорядкамъ и задержанныхъ съ поджигательными средствами приказано судить въ 24 часа военнымъ судомъ и вѣшать безъ малѣйшаго послабленія. Никого, однако, не повѣсили и военнымъ судомъ не судили. Высочайше учрежденной слѣдственной

---

[1]) Ср. *Л. Ѳ. Пантелѣевъ.* «Изъ воспоминаній о 60-хъ годахъ» въ литер. сборникѣ, посвященномъ Н. К. Михайловскому «На славномъ посту». Спб. 1900 г., или въ книгѣ того же автора: «Изъ воспоминаній прошлаго», Спб. 1905 г., статья: «Петербургскіе пожары». *Ред.*

комиссіи не пришлось обнаружить злоумышленниковъ. Вотъ что писалъ по этому поводу кн. Горчаковъ нашимъ представителямъ за границей: «Пожары въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ имперіи, конечно, несчастья, тѣмъ болѣе, что они коснулись въ особенности наименѣе достаточныхъ классовъ. Возможно, даже вѣроятно, что въ нихъ проявилось злоумышленіе, но слѣдствіе не собрало доселѣ достаточныхъ данныхъ для смертныхъ приговоровъ, которые, еслибы существовали улики, были бы произнесены безъ малѣйшаго колебанія».

Зато слѣдственная комиссія собрала матеріалы для обвиненія нѣкоторыхъ литераторовъ и студентовъ во вредномъ вліяніи на низшіе слои населенія посредствомъ возникшихъ къ тому времени въ значительномъ числѣ воскресныхъ школъ. Въ результатѣ воскресныя школы были закрыты. Вмѣстѣ съ тѣмъ были закрыты и два наиболѣе популярные въ то время журнала: «Современникъ» и «Русское Слово», и учреждена особая, подъ предсѣдательствомъ кн. А. Ф. Голицына, слѣдственная комиссія. Вскорѣ стало извѣстно, что арестованы Чернышевскій, Н. Серно-Соловьевичъ и др. видные представители передового направленія.

Поднявшаяся въ петербургскомъ обществѣ, по поводу майскихъ пожаровъ, тревога быстро угомонилась, и жизнь не замедлила войти въ свою колею. Съ своей стороны правительство, придерживаясь девиза: «ни слабости, ни реакціи», неуклонно стремилось къ осуществленію намѣченныхъ преобразованій. Введеніе въ дѣйствіе земскихъ и новыхъ судебныхъ учрежденій открыло университетской молодежи широкій доступъ къ участію въ дѣлахъ управленія. Кромѣ того, вниманіе части молодежи было увлечено и въ другую сторону. Утверждали, что Наполеонъ III, ради отвлеченія парижанъ отъ политики, широко покровительствовалъ самому необузданному разгулу. Петербургъ не замедлилъ вступить въ этомъ отношеніи съ Парижемъ, тогда уже называвшимся Новымъ Вавилономъ, въ состязаніе. Наша публика всегда была большой охотницей до сальностей. Въ Россіи романы Поль де Кока, благодаря ихъ сальности и безусловной благонамѣренности во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, имѣли большій кругъ читателей, нежели въ самой Франціи. Ими буквально зачитывались и старцы, и юноши, и дамы, и дѣвицы. На сценѣ Михайловскаго театра, гдѣ поочередно играли придворные французскіе и нѣмецкіе артисты, французы, отъ времени до времени, ставили водевили, сильно приправленные саломъ. Русскимъ и нѣмцамъ это не разрѣшалось. Увѣряли, что французы одни обладаютъ исключительнымъ даромъ придавать сальностямъ и скабрезностямъ изящный и остроумный отпечатокъ. Но скабрезность, хотя бы и

въ видѣ оперетки, на французскую сцену до половины 50-хъ годовъ не проникала. Насадителемъ этого жанра въ Петербургѣ явился знаменитый въ лѣтописяхъ веселящагося Петербурга Ив. Ив. Излеръ, содержатель новодеревенскаго заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, или по просту «Минерашекъ». До начала 60-хъ гг. увеселенія у Излера разнообразіемъ не отличались. Главной приманкой были цыгане. Въ саду играли два оркестра музыки, струнный и военный, подвизались акробаты, сжигались фейерверки, пѣли и плясали пѣсенники, вольные и военные. Вольные исполняли свои номера на эстрадѣ, а военнымъ отводилась въ задней сторонѣ сада особая площадка, на которой солдаты становились кругомъ, а плясуны и запѣвалы выходили въ средину круга. Ранѣе исполнялись солдатскія патріотическія пѣсни, въ родѣ:

«Нашъ Башкевичъ Ариванскій,
«Подъ Аршавою стоялъ.

или

«Молодцамъ солдатамъ,
«Славно, братцы, жить,
«Съ командиромъ хватомъ
«Весело служить.
«Онъ насъ не неволитъ,
«Онъ насъ не бранитъ,
«Онъ за дѣло хвалитъ,
«За бездѣлье бьетъ».

Въ началѣ 60-хъ гг. солдатскій репертуаръ рѣзко измѣнился. Вмѣсто «Башкевича Ариванскаго» и «Было дѣло подъ Полтавой» солдаты-пѣсенники стали исполнять игривыя пѣсенки въ родѣ: «Ахъ, ты, Грунюшка игрунья. Ахъ, ты, дѣвушка шалунья, такъ безъ юбки осталась» или «Ныньче мальчикъ не дуракъ, въ двадцать лѣтъ все знаетъ, табакъ куритъ, пьетъ вино, съ дѣвками играетъ». Въ началѣ 60-хъ гг. программа у Излера значительно расширилась. Большая часть зала, въ которомъ полагалось пить искусственныя минеральныя воды, была отдѣлена подъ «концертный» залъ, устроена сцена, и на ней стали подвизаться заѣзжіе исполнители и исполнительницы французскихъ шансонетокъ и надолго акклиматизировалась въ Петербургѣ капелла швейцарскихъ пѣвцевъ и пѣвицъ подъ управленіемъ Декеръ Шенка. Въ залѣ этомъ впервые въ предѣлахъ Россійской имперіи стали исполняться развеселые, на мотивъ польки «Фолишонъ», куплеты, сопровождавшіеся выразительными жестами и самымъ разухабистымъ канканомъ. Успѣхъ канканеровъ былъ колоссальный. Публика валомъ повалила къ Излеру. Шли туда дамы свѣта и полусвѣта, отцы и дѣти. Я, грѣшный, былъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей этого увеселительнаго сада. Я жилъ

тогда на дачѣ на островахъ, и одинъ изъ моихъ многочисленныхъ дядюшекъ и безчисленныхъ доброжелателей Излера добылъ мнѣ «почетный паспарту». Благодаря этому, я въ теченіе двухъ или трехъ сезоновъ, пока къ Излеру не запрещено было пускать подростковъ, былъ тамъ чуть не ежедневнымъ посѣтителемъ. Вскорѣ въ Петербургѣ стали открываться и другія увеселительныя заведенія: «Вилла Боргезе», на берегу Малой Невки, на углу Каменноостровскаго пр. и Песочной набережной, гдѣ теперь богадѣльня С.-Петербургскаго купеческаго общества, и «Шато-де-Флеръ», тамъ же на Аптекарскомъ островѣ, около Песочной улицы. Вскорѣ и въ томъ, и въ другомъ стали устраиваться танцевальные вечера съ канканомъ. Входъ подросткамъ туда не запрещался, а потому я и старшіе товарищи были тамъ частыми посѣтителями. Въ танцахъ принимали участіе только что народившіеся и быстро достигшіе высокой степени совершенства доморощенные канканеры и канканерши: Фокинъ, Анибалъ, Катька Ригольбошъ, Катя Чижикъ и многія др. Фокинъ былъ, строго говоря, не танцоръ, а гротескъ. При крайне высокомъ ростѣ и уродливомъ сложеніи, онъ пользовался успѣхомъ, благодаря главнымъ образомъ циничнымъ и смѣшнымъ позамъ, Аннибалъ былъ негръ и успѣхомъ былъ обязанъ неприличному выраженію своего лица во время танцевъ. Катя Ригольбошъ и Катя Чижикъ попали въ канканныя знаменитости прямо съ панели Невскаго проспекта.

Фокинская вакханалія продолжалась, однако, недолго. Изъ Виллы Боргезе и Шато-де-Флера они перешли въ зимнія помѣщенія—танцевальные классы Марцинкевича и пр. Полиція, относившаяся къ ней первоначально благосклонно и смотрѣвшая на фокинскія жестикуляціи сквозь пальцы, вдругъ прозрѣла и проявила непомѣрную строгость. Разомъ были запрещены не только канканъ, но и малѣйшая развязность въ жестахъ и движеніяхъ. Приличная публика тотчасъ же перестала посѣщать публичные танцевальные классы, такъ какъ они утратили всякій интересъ. Но канканъ не умеръ. Онъ изъ танцъ-класса и шантана перекочевалъ на сцену. Въ то время министерство двора пользовалось театральной монополіей, и никакія зрѣлища безъ спеціальнаго его разрѣшенія не допускались, благодаря этому частные театры находились подъ безусловнымъ запретомъ. Несмотря на это, Излеру и Декеръ Шенку удалось превратить свой концертный залъ въ первый частный театръ. Опираясь на покровительство своихъ высокихъ посѣтителей, они, не испрашивая у министерства двора иного разрѣшенія, кромѣ разрѣшенія печатать афишу, объявляли въ послѣдней: «сегодня въ большомъ концертномъ

залѣ будутъ исполнены музыка и пѣніе изъ оперетки: «Разбойники», «Синяя Борода», «Простреленный глазъ» и пр. Успѣхъ, несмотря на исполненіе болѣе чѣмъ посредственное, былъ колоссальный... Примѣръ заразителенъ, и оперетки вслѣдъ за Излеромъ стали давать и на казенной сценѣ. Выдающіеся артисты и артистки русской, французской и нѣмецкой труппъ принялись соперничать другъ съ другомъ въ искусствѣ канканированія... Одна артистка, вся цѣна которой по свидѣтельству одной неприличной эпиграммы П. А. Каратыгина, была «Серія», благодаря исполненію «Прекрасной Елены» настолько поднялась сразу въ цѣнѣ, что ей было отдано золотое блюдо, на которомъ она была подана въ голомъ видѣ на одномъ великосвѣтскомъ ужинѣ. Но казенные театры не могли посвящать достаточно времени опереткѣ, требованія же публики на оперетку сдѣлались до такой степени настоятельными, что пришлось хоть отчасти пожертвовать театральной монополіей и разрѣшить первый частный театръ въ Петербургѣ—«Театръ Буффъ», съ тѣмъ, чтобы на его сценѣ ставились однѣ только оперетки.

Вполнѣ закрытымъ университетъ оставался только до осени 1862 г., когда были открыты только физико-математическій факультетъ и восточный факультетъ, имѣвшіе весьма мало слушателей. Въ 1863 г., одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, были открыты и остальные факультеты. Молодежь къ этому времени совершенно успокоилась, университетская жизнь вошла въ норму, и о студенческихъ безпорядкахъ ничего не было слышно до конца 1868 г. Столкновенія съ инспекціей стали происходить лишь по поводу нарушенія разныхъ мелкихъ запретовъ и прежде всего изъ-за ношенія, несмотря на отмѣну форменной одежды, студенческихъ фуражекъ, съ которыми значительная часть молодежи не хотѣла разстаться. Кончилось тѣмъ, что студенческія фуражки были даны гимназистамъ, и тогда ношеніе студентами бывшихъ студенческихъ фуражекъ само собой прекратилось.

Одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, были приняты строжайшія мѣры къ тому, чтобы на лекціи, вмѣстѣ со студентами, не могли проникать посторонніе университету лица. Съ этою цѣлью каждому студенту и вольнослушателю для верхняго платья было отведено опредѣленное мѣсто на вѣшалкахъ, и приставленнымъ къ вѣшалкамъ сторожамъ было вмѣнено въ строжайшую обязанность знать въ лицо всѣхъ студентовъ, вѣшающихъ у нихъ платье, и не пропускать въ университетъ лицъ, имъ неизвѣстныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по новому уставу отмѣнялась искони суще-

ствовавшая подвѣдомственность студентовъ университетскому начальству за дѣянія, учиненныя внѣ зданія университета. За такія дѣянія ихъ постановлено привлекать къ отвѣтственности въ томъ же порядкѣ, какъ и всѣхъ прочихъ жителей имперіи. Этимъ былъ положенъ конецъ безконечнымъ препирательствамъ университетскаго начальства съ полиціей изъ-за студентовъ. Съ значительнымъ приливомъ студентовъ въ университетъ послѣ отмѣны нормы, случаи безчинствъ и оскорбленій полиціи значительно возрасли, и полиція уже не могла примиряться, какъ это было ранѣе, съ милостивымъ отношеніемъ къ студентамъ ихъ инспекціи. Она требовала примѣрныхъ взысканій, а инспекція старалась не вчинать дѣла, что ей въ большинствѣ случаевъ и удавалось.

О томъ, что являлъ изъ себя петербургскій университетъ въ первые годы дѣйствія новаго устава, я поговорю въ слѣдующей главѣ.

А. А. Пеликанъ.

Остзейскій Комитетъ въ Петербургѣ въ 1856—57 гг. [1]

Изъ воспоминаній Павла Антоновича Шульца.

Лиліенфельдъ.—Гр. Кейзерлингъ.—Вѣрноподданныя чувства нѣмцевъ.—Эттингенъ.—Отношенія Правительства къ Остзейскому краю.—Остзейскія партіи и ихъ интриги.—Значеніе Остзейскаго Комитета.—Мои pia desideria по остзейскому вопросу.—Поѣздка въ Костромскую губернію.—Наше имѣніе.—Запасные сельскіе магазины.

Изъ бывшихъ, за мое время, въ Остзейскомъ Комитетѣ представителей дворянства я упомяну здѣсь только о трехъ; о первомъ — по случаю вышедшаго съ нимъ qui pro quo, а объ остальныхъ двухъ, какъ о наиболѣе умныхъ и замѣчательныхъ.

Еще въ первое время моей службы по Комитету, пришлось мнѣ имѣть дѣло съ ландратомъ Лиліенфельдомъ, почтеннымъ старцемъ изъ феодальной партіи, не говорившимъ ни по-русски, ни даже по-французски. Мнѣ пришлось развивать ему, съ грѣхомъ пополамъ, на плохомъ моемъ нѣмецкомъ языкѣ, полезное значеніе какой-то мѣры. Онъ меня прервалъ восклицаніемъ: «Sie wollen ja den Adel aufheben». Зналъ я, что *heben* значитъ *поднять*. Изъ этого я заключилъ, что aufheben значитъ возвысить и что Лиліенфельдъ до того убѣдился моими доводами, что признаетъ самъ мою мѣру способною возвысить значеніе дворянства. Обрадовавшись такому успѣху моего краснорѣчія, я хотѣлъ поддержать его и отвѣчалъ — *ja wohl!* Онъ какъ будто былъ очень озадаченъ и прекратилъ разговоръ. На другой день Ланской встрѣтилъ меня словами: что вамъ вздумалось пугать Лиліенфельда и сказать ему, что вы хотите уничтожить дворянство! Я вытаращилъ глаза отъ удивленія и могъ только выговорить: какъ, когда я это сказалъ? Дѣло объяснилось тѣмъ, что хотя *heben* значитъ *поднять*, но *aufheben* значитъ не возвысить, а напротивъ — уничтожить. Все кончилось тогда общимъ смѣхомъ; а случись со мной такая оказія пять или десять лѣтъ позже,

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 1.

при другомъ министрѣ, — я бы и не узналъ о возведенномъ на меня обвиненіи, а прямо былъ бы зачисленъ, заглазно и безъ объясненій, въ разрядъ неблагонамѣренныхъ и только замѣчая, что мнѣ вообще не везетъ и ловкіе люди меня сторонятся, понялъ бы, что надо мною тяготѣетъ какое-то таинственное обвиненіе. Я убѣжденъ, что многіе изъ тѣхъ, кого нынѣшніе охранители зовутъ красными, столько же повинны въ приписываемыхъ имъ этой кличкой словахъ, дѣйствіяхъ, а главное *намѣреніяхъ*, сколько я былъ повиненъ въ желаніи напугать Лиліенфельда и уничтожить лифляндское дворянство.

Первый *Эстляндскій* губ. предводитель, съ кѣмъ мнѣ пришлось имѣть дѣло, — былъ графъ Кейзерлингъ, человѣкъ очень умный, ученый, знавшій не только свой край и Европу, но и Россію, которую онъ всю изъѣздилъ, но хитрый, лукавый и неразборчивый на средства, чтобы сбить кого нужно съ толку для достиженія своихъ цѣлей. Скрыть часть истины, выставить дѣло въ ложномъ свѣтѣ, а неподходящаго человѣка съ невыгодной стороны, не прибѣгая даже къ явной лжи или клеветѣ — ему ничего не стоило. Не только для серьезныхъ цѣлей, но и для забавы и эффекта онъ не щадилъ ни недруга, ни друга. Не забуду, какъ онъ разъ въ засѣданіи Остзейскаго Комитета оконфузилъ генералъ-губернатора, барона Ливена, который, не говоря о своихъ личныхъ достоинствахъ какъ добрѣйшій и благороднѣйшій и притомъ старый и заслуженный человѣкъ, но уже за одну свою покорность его внушеніямъ, заслуживалъ отъ него нѣкоторыхъ ménagements, если не уваженія. Дѣло шло о поселенныхъ на островѣ Рогe, у береговъ Эстляндіи, крестьянахъ шведскаго происхожденія, которые пользовались дарованною имъ шведскими королями въ XVII вѣкѣ и сохраненною русскимъ закономъ привилегіею— владѣть участками своими за опредѣленныя разъ навсегда неизмѣнныя повинности. Возникъ вопросъ о переложеніи на деньги, при отмѣнѣ барщины, рабочихъ дней и вещественныхъ даней, обозначенныхъ въ древней грамотѣ и въ приложеніи по положенію 1856 года. Помѣщикъ не признавалъ нормированія денежной повинности и считалъ, что съ отмѣной прежняго вида повинностей, отмѣняется и всякое законное ограниченіе въ опредѣленіи размѣра повинностей. Крестьяне же не соглашались на уплату требуемаго помѣщикомъ высокаго оброка. Споры тянулись долго и довели до посылки крестьянами депутаціи въ Ригу, а при безуспѣшности ея — къ шведскому королю; дошло дѣло до толковъ въ шведскихъ газетахъ и до безпорядковъ на островѣ Рогe. Генералъ-губернаторъ, въ своемъ представленіи, держалъ сторону помѣщика. Графъ Кейзерлингъ, съ коимъ я говорилъ

до засѣданія, выражался уклончиво. Ему неловко было идти противъ своего брата-дворянина; неловко было защитнику дворянскихъ привилегій настаивать и на явномъ нарушеніи привилегіи крестьянской. Но когда, въ засѣданіи Комитета, маститый предсѣдатель графъ Паленъ самъ отлично резюмировалъ юридическую сторону дѣла, доказалъ правоту домогательствъ крестьянъ, доведенныхъ до безпорядковъ только отказомъ мѣстныхъ властей въ удовлетвореніи законной ихъ претензіи, и когда члены Комитета (кромѣ генералъ-губернатора, весьма плохо защищавшаго свое мнѣніе) стали на сторону предсѣдателя, — къ нимъ присоединился и Кейзерлингъ. Тогда баронъ Ливенъ вздумалъ опереться на то, что если бы, по смыслу закона, и слѣдовало нормировать оброкъ, то это практически невозможно, ибо нельзя, будто бы, переоцѣнить натуральныя повинности на деньги. Пока баронъ Ливенъ распространялся десять минутъ на эту тему, графъ Кейзерлингъ взялъ лежавшее на столѣ передъ барономъ (принесенное имъ съ собой для справокъ во время засѣданія) дѣлопроизводство канцеляріи генералъ-губернатора о шведскихъ крестьянахъ и сталъ его перечитывать. Когда же баронъ Ливенъ кончилъ и члены комитета были озадачены практическими затрудненіями, сопряженными съ исполненіемъ рѣшенія Комитета, — графъ Кейзерлингъ обратился къ предсѣдателю съ словами: «генералъ-губернаторъ сомнѣвается въ возможности составленія расчета о переложеніи повинностей на деньги; между тѣмъ расчетъ этотъ уже составленъ на мѣстѣ особою комиссіею и представленъ генералъ-губернатору такого то числа, за нумеромъ такимъ, и вотъ онъ на лицо въ дѣлѣ канцеляріи генералъ-губернатора». Оказалось, что бѣдный баронъ Ливенъ говорилъ вздоръ, не зная содержанія существенной бумаги, ему же представленной и находившейся въ дѣлѣ, имъ же самимъ принесенномъ въ засѣданіе Комитета. Такъ то онъ провалился со скандаломъ, тогда какъ графу Кейзерлингу ничего не стоило, если онъ зналъ дѣло лучше генералъ-губернатора, остановить его сначала и не давать ему договариваться до абсурда.

Впослѣдствіи графъ Кейзерлингъ былъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, гдѣ онъ, какъ умный и ученый человѣкъ, могъ бы быть полезенъ въ чисто научномъ и культурномъ отношеніи, но гдѣ онъ, какъ истый и хитрый остзеецъ, едва ли способствовалъ сближенію и объединенію, посредствомъ образованія, прибалтійскихъ губерній съ Россіею, а не вящшему обособленію ихъ и сближенію съ германскимъ гезамт-фатерландомъ. Вотъ если бы онъ служилъ въ Эльзасѣ, то онъ искренно и успѣшно потрудился бы надъ ассимиляціей окраинъ государства съ цент-

ромъ и надъ внушеніемъ мѣстному населенію уваженія, любви и преданности къ новому отечеству. Въ отношеніи же къ Россіи у нашихъ нѣмцевъ, даже сдѣлавшихся русскими сановниками, — особый кодексъ чувствъ и воззрѣній. Вѣрноподданническія чувства сосредоточиваются на одной личности государя, не обнимая общихъ интересовъ отечества, т.-е. Россіи; а то случается, что и личная преданность эта государю бываетъ какъ то *условна*, поддерживаясь во всей силѣ лишь до тѣхъ поръ, пока государь блюдетъ мѣстные интересы и уважаетъ мѣстныя остзейскія особенности, отнюдь не жертвуя ими общимъ государственнымъ интересамъ. Мысль же о тѣснѣйшемъ сближеніи и скрѣпленіи Прибалтійскихъ губерній (гдѣ хотя меньшинство населенія можетъ гордиться высшей нѣмецкой культурой) съ сравнительно варварскою Россіею — въ ихъ головѣ уложиться не можетъ. Довольно съ насъ и того, что они не заявляютъ прямо желанія политически отъ насъ отдѣлиться и отвалиться къ Пруссіи, пока наше правительство почти во всемъ ихъ слушается и имъ угождаетъ. Этимъ ограничивается ихъ патріотизмъ и пресловутая ихъ преданность престолу и отечеству, — которые они, однако, высоко цѣнятъ и ставятъ за образецъ вѣрноподданническихъ чувствъ, недоступныхъ, будто бы, большинству русскихъ, зараженныхъ зловредными либеральными идеями. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія и, не говоря уже о доблестныхъ и преданныхъ Россіи офицерахъ и генералахъ изъ остзейцевъ, на гражданскомъ поприщѣ были и есть еще вполнѣ и безусловно вѣрные Россіи остзейцы, даже между лютеранами, сохранившими свою нѣмецкую національность. Между прежними генералъ-губернаторами рижскими прямѣе и безусловнѣе охранялъ русскіе интересы баронъ Паленъ, чѣмъ князь Суворовъ. Первый, несмотря на мѣстное происхожденіе, менѣе поддавался мѣстнымъ вліяніямъ. Но все же это исключенія, не измѣняющія общаго характера воззрѣній не только мѣстной интеллигенціи, но и могущественной партіи остзейцевъ, занимающихъ видныя мѣста при дворѣ и въ администраціи.

Другой предводитель дворянства, съ коимъ пришлось мнѣ познакомиться въ первые годы моей службы по остзейскимъ дѣламъ, съ кѣмъ я больше всего работалъ и болталъ между дѣломъ, съ кѣмъ я даже сблизился нѣсколько въ частномъ знакомствѣ и кто всѣхъ болѣе посвятилъ меня въ тайны остзейской премудрости, — былъ Августъ Александровичъ фонъ *Эттингенъ*, человѣкъ замѣчательно умный и ловкій, пользующійся (по крайней мѣрѣ, долго пользовавшійся) у себя въ Лифляндіи большимъ вліяніемъ; человѣкъ дѣловой, энергическій, пріятный въ

обращенiи не церемонною и сдержанною вѣжливостью, общею его коллегамъ, но своеобразною прямотою и откровенностью, которая не мѣшала ему, однако, преловко провести Остзейскiй Комитетъ, отвести кому нужно глаза, сбить съ толку кого слѣдуетъ; а потомъ, добившись цѣли такъ хитро, что и мнѣ самому казалось, что дѣло рѣшено какъ слѣдовало, а не въ исключительныхъ интересахъ дворянства, — онъ откровенно мнѣ высказывалъ всю суть и подноготную, которая дотолѣ была тщательно замаскирована и являла мнѣ дѣло въ новомъ свѣтѣ. И за это я былъ ему искренно благодаренъ, ибо это мнѣ служило урокомъ на будущее время и помогало вѣрнѣе понимать остзейскiя дѣла, каковаго пониманiя часто недостаетъ у нашихъ государственныхъ людей, — чѣмъ и пользуются защитники мѣстныхъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что въ рѣшенiи дѣлъ и избранiи мѣръ, относящихся къ Остзейскому краю, правительству нужно согласить по возможности два интереса: *мѣстный* и *общiй государственный*. Съ одной стороны, не слѣдуетъ уничтожать существующiе мѣстные порядки *только потому*, что они несходны съ общими русскими порядками, коль скоро мѣстныя узаконенiя дѣйствительно обусловливаются мѣстными особенностями, соотвѣтствуютъ мѣстнымъ потребностямъ и упраздненiе ихъ могло бы поколебать экономическое развитiе края или нарушить законныя права какой-либо части населенiя. Но съ другой стороны, нельзя поддерживать, въ угоду меньшинству населенiя, особыя мѣстныя учрежденiя, носящiя на себѣ характеръ произвола съ одной стороны и безправiя съ другой, учрежденiя, подобiе коихъ можно отыскать только въ средневѣковой феодальной Европѣ, противныя справедливости, духу времени и общему государственному строю Россiи и другихъ европейскихъ государствъ. Нельзя останавливать примѣненiя общихъ государственныхъ реформъ на рубежѣ Остзейскаго края потому только, что онѣ неугодны тамъ меньшинству населенiя, но, при опредѣленiи способа примѣненiя тамъ этихъ реформъ, надо принимать въ соображенiе мѣстныя юридическiя, историческiя и экономическiя особенности, дабы не потрясти существующихъ экономическихъ условiй и не нарушить обезпеченныхъ закономъ частныхъ правъ и въ особенности права собственности. Наконецъ, не слѣдуетъ останавливаться передъ такими особенностями, которыя, не будучи вредны сами по себѣ, не имѣютъ и полезнаго мѣстнаго значенiя, но которыя поддерживаются мѣстными влiятельными сословiями только потому, что онѣ способствуютъ обособленiю остзейскихъ губернiй отъ остальной Россiи. Въ особенности отнюдь не слѣдуетъ допускать введенiя вновь какихъ бы то ни было правилъ или учрежденiй, которыя,

вводя какія-либо отличія для Прибалтійскихъ губерній, не оправдываемыя исключительными экономическими потребностями, клонились бы только къ вящшему обособленію этихъ губерній отъ Россіи. Эти общія основанія отношеній нашего правительства къ Прибалтійскимъ губерніямъ сознаются, отчасти или вполнѣ, нашими государственными людьми, но далеко не всегда примѣняются на практикѣ, ибо, для установленія способа примѣненія ихъ, нужно, прежде всего, при обсужденіи каждаго проекта реформы, при принятіи каждой общей и даже частной административной мѣры, — провести правильно черту, отдѣляющую, въ данномъ случаѣ, дѣйствительные экономическіе интересы края отъ частныхъ, своекорыстныхъ интересовъ меньшинства населенія, законныя права отъ притязаній, основанныхъ на феодальныхъ привилегіяхъ, противныхъ справедливости и не оправдываемыхъ часто даже съ формальной, юридической стороны; историческія и фактическія особенности края — отъ фиктивныхъ, измышленныхъ въ видахъ вящшаго обособленія его отъ Россіи и постепеннаго созданія изъ него чего-то въ родѣ полусамостоятельнаго нѣмецкаго герцогства, подъ олигархическою ферулою дворянства и бюргерства. Но чтобы провести эту черту безошибочно, нужно ясно понимать мѣстныя условія, права и стремленія каждаго класса населенія. Это то пониманіе и является у нашихъ государственныхъ людей довольно смутнымъ, да и трудно ему быть вполнѣ яснымъ. Свѣдѣнія объ условіяхъ, потребностяхъ и стремленіяхъ мѣстнаго населенія получаются правительствомъ только изъ среды дворянства, а изрѣдка бюргерства; мѣстныя начальства повторяютъ только то, что имъ внушено изъ тѣхъ же источниковъ; большинство населенія безгласно. Если въ литературѣ («Окраины» —Ю. Ѳ. Самарина и нѣкоторыя газетныя статьи) появляются свѣдѣнія и доводы, разъясняющіе дѣло съ противоположной стороны, — то эти источники заранѣе выставляются въ глазахъ правительства неблагонамѣренными, односторонними, наконецъ, просто клеветой на вѣрноподданныхъ нѣмцевъ. Въ тонѣ газетныхъ статей, а въ особенности заграничныхъ изданій, всегда отыщется что-нибудь оскорбительное для правительства; въ сообщаемыхъ фактахъ отыщется какая-нибудь невѣрная подробность. Этого довольно, чтобы уничтожить значеніе всѣхъ статей этихъ въ глазахъ предубѣжденнаго правительства, не привыкшаго выслушивать рѣзкое и иногда желчное слово правды, и даже односторонними и преувеличенными обвиненіями пользоваться безпристрастно, для извлеченія изъ нихъ того, что можетъ служить полезнымъ указаніемъ. Самыя юридическія права привилегированныхъ остзейскихъ сословій являются часто довольно

неясными. Основаніемъ ихъ служитъ Ништадтскій миръ 1710 года, утвердившій древнія привилегіи сословій и существовавшія тогда учрежденія, *územ* поколику оныя согласуются съ общими россійскими учрежденіями. Это *поколику* для нѣмцевъ ножъ острый и они о немъ стараются забыть и заставить забыть правительство. Но гдѣ же указаны и въ чемъ заключаются эти привилегіи? Представленныя сословіями грамоты и хартіи были разобраны во II отдѣленіи Собств. Канцеляріи и вошли въ Сводъ мѣстныхъ узаконеній, при чемъ вліяніе нѣмецкой партіи взяло таки свое и въ Сводъ вошли нѣкоторыя преимущества, которыя нельзя оправдать даже древними грамотами. Пусть бы хоть этимъ дѣло кончилось; пусть бы соблюдалось, по крайней мѣрѣ, помѣщенное въ мѣстномъ Сводѣ правило, что въ тѣхъ случаяхъ, на кои спеціальнаго мѣстнаго закона не указано, вполнѣ примѣняются общіе законы Имперіи. И то нѣтъ, — при каждомъ новомъ вопросѣ, новомъ притязаніи или сомнительномъ случаѣ, вытаскиваются изъ средневѣковыхъ архивовъ еще какія-то грамоты и хартіи, дѣлаются ссылки на узаконившіеся мѣстные обычаи, и все это принимается въ руководство наперекоръ какъ мѣстному, такъ и общему Своду Законовъ; на все это пресерьезно ссылаются высшіе представители мѣстной администраціи, — ссылаются не въ вопросахъ частнаго интереса, гдѣ суды, пожалуй, могли бы еще принять во вниманіе древніе источники права и мѣстные обычаи, а въ вопросахъ общихъ, законодательныхъ и административныхъ, когда оспаривается право правительства принять ту или другую мѣру, признанную общеполезною! Какъ не произойти тутъ путаницѣ, сбивчивости и туманности понятій правительства на счетъ мѣстныхъ остзейскихъ правъ и особенностей? Надо прибавить къ этому, что въ средѣ высшихъ правительственныхъ учрежденій есть не мало остзейцевъ, горячихъ сторонниковъ мѣстныхъ остзейскихъ интересовъ въ ущербъ общимъ государственнымъ; есть поверхностно смотрящіе на вещи, убѣжденные въ превосходствѣ и благонамѣренности (въ монархическомъ и консервативномъ смыслѣ) остзейцевъ или нуждающіеся въ поддержкѣ сильной при дворѣ и въ администраціи, правильно организованной и тѣсно сплоченной нѣмецкой партіи,—русскіе люди, безусловно и неразборчиво вторящіе нѣмцамъ. Эти то двѣ категоріи людей дружно напускаютъ туманъ на всякое дѣло и отводятъ глаза остальнымъ, искренно русскимъ государственнымъ дѣятелямъ, которые хотя и сознаютъ, что что̀-то не ладно, что надо что̀-то сдѣлать и чему-то помѣшать въ Остзейскомъ краѣ, вывести что̀-то на чистую воду, но не умѣютъ или не въ силахъ это сдѣлать, а, становясь въ оппозицію нѣмецкимъ притязаніямъ, иногда за-

являютъ требованія не совсѣмъ своевременныя и удобоисполнимыя, иногда противодѣйствуютъ тамъ, гдѣ скорѣе можно бы уступить,—чѣмъ даютъ оружіе противъ себя, а еще чаще поневолѣ уступаютъ тамъ именно, гдѣ не слѣдовало, и не замѣчаютъ нѣмецкихъ подходовъ тамъ, гдѣ всего важнѣе было бы ихъ разоблачить и парализировать. Изъ этого выработалось между двумя противоположными лагерями то взаимное неуваженіе и недовѣріе, которое окончательно убѣдило остзейцевъ въ томъ, что отъ русскаго правительства, благодаря недоброжелательству къ нѣмцамъ и своеобразнымъ взглядамъ и предубѣжденіямъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ русскихъ людей, ничего прямымъ путемъ не добиться, а необходимо дѣйствовать хитростью, напускать туману, отводить глаза, кому слѣдуетъ, отъ дѣйствительныхъ фактовъ, чернить и сдѣлать подозрительною въ глазахъ правительства такъ называемую русскую партію вообще, приписывая ей слѣпую вражду и несправедливость къ нѣмцамъ, изнемогающимъ, будто бы, отъ ея преслѣдованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ приписать этой русской партіи ультра-либеральныя, демократическія стремленія, вооружившія ее, будто бы, противъ консервативной остзейской аристократіи, служащей вѣрнѣйшею опорою престолу, въ особенности же чернить и устранять, per fas aut nefas, тѣхъ, даже второстепенныхъ, дѣятелей, которые, ближе ознакомившись съ остзейскими дѣлами и не поддавшись при этомъ, подобно большинству, остзейскому вліянію, — могли бы во время открыть глаза правительству и разсѣять искусно напущенный туманъ.

Всѣ эти понятія и взгляды, выработавшіеся и укрѣпившіеся во мнѣ постепенно, въ теченіе десяти лѣтъ, когда я былъ въ постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ со всѣми чиновными и сословными остзейскими представителями, когда чрезъ мои руки проходили почти всѣ бумаги, касавшіяся остзейскихъ вопросовъ, когда я, искренно желая ознакомиться съ дѣломъ, читалъ все и выслушивалъ всякаго, коль скоро могъ чрезъ то дополнить свои познанія о прошедшемъ и о настоящемъ остзейскаго края, — все это я резюмировалъ выше и частью буду еще излагать ниже, чтобы сохранить память о результатахъ десятилѣтняго изученія и размышленія объ этомъ предметѣ, а кстати и для того, чтобы объяснить: почему въ отношеніяхъ остзейцевъ къ русскому правительству выработалась та традиціонная политика, которая людей. отъ природы прямыхъ, честныхъ и откровенныхъ, какъ Эттингенъ, дѣлала способными къ разнымъ ухищреніямъ и изворотамъ, весьма близкимъ къ обману.

Но къ чему же, однако, клонятся въ дѣйствительности остзейскія интриги, какая ихъ конечная цѣль? Отвѣтъ на этотъ вопросъ

былъ очень простъ до конца пятидесятыхъ годовъ, т.-е. до начала реформъ въ Россіи. Тогда дворянство каждой губерніи, привилегированное бюргерство каждаго города хотѣли только одного: сохраненія statu quo, т.-е. тѣхъ привилегій, которыя доставляли имъ владычество надъ большинствомъ мѣстнаго населенія и немалыя матеріальныя выгоды. Когда обстоятельства и настроеніе правительства настоятельно требовали смягченія и ограниченія произвола и преимуществъ привилегированныхъ сословій въ интересахъ безправнаго большинства населенія, — сословія эти съ одной стороны пускали въ ходъ всѣ свои извороты для поддержанія statu quo, а съ другой, когда видѣли уже неизбѣжность нѣкоторыхъ уступокъ, умѣли сдѣлать ихъ во время и притомъ такъ, чтобы не ослабить существенно своего авторитета и prestige, выгородить свои матеріальные интересы, даже извлечь иногда выгоду изъ реформъ съ виду либеральныхъ (какъ при безземельномъ освобожденіи крестьянъ, устранившемъ ограниченія въ правѣ помѣщиковъ возвышать крестьянскія повинности) и вмѣстѣ съ тѣмъ дать дѣлу такой видъ, будто уступка дѣлается по непосредственному усмотрѣнію и даже по иниціативѣ дворянства, дабы не поколебать своего пресловутаго, но не оправдываемаго никакимъ закономъ и никакою грамотою, Verfassungs-Recht, т.-е. присвоенія дворянствомъ исключительнаго права иниціативы въ законодательныхъ преобразованіяхъ, — тогда какъ это право вездѣ принадлежитъ центральной власти и оспаривается у правительства только въ Остзейскомъ краѣ. Конечно, были и прежде въ Остзейскомъ краѣ личности, желавшія искренно улучшенія положенія крестьянъ, каковы: Самсонъ фонъ-Гиммельштирнъ и Шульцъ фонъ-Ашераденъ; но эти отдѣльные голоса немногихъ увлекали и не образовали даже партіи, которая составила бы сколько-нибудь значительное меньшинство. Реформы если и проектировались, то только по необходимости, какъ сказано выше, и на первомъ планѣ оставалось одно стремленіе — охраненіе привилегій. Защитниками привилегій являлись заинтересованныя въ нихъ сословія. Правительство наше имѣло дѣло поодиночкѣ съ дворянствомъ той или другой губерніи, съ магистратомъ того или другого города. Но когда Россія стала рѣшительно на путь реформъ, неминуемо долженствовавшихъ, рано или поздно, въ той или другой формѣ, коснуться прибалтійскихъ губерній; когда, между тѣмъ, между заграничными нѣмцами усилилось развитіе идеи германскаго племенного единства и превосходства германской расы и нѣмецкой культуры, когда идея эта стала воплощаться въ объединеніи Германіи подъ гегемоніею непомѣрно усилившейся Пруссіи, — тогда возродились въ средѣ

многихъ образованныхъ остзейцевъ понятія совершенно новаго свойства. Они поняли, что при современныхъ условіяхъ Россіи и всей Европы нельзя уже попрежнему упорно держаться на почвѣ средневѣковыхъ привилегій; что если нѣмецкая интеллигенція хочетъ удержать за собою господство въ прибалтійскихъ губерніяхъ, то она должна опереться на новыя начала: а именно на превосходство нѣмецкой культуры; что дворяне и бюргеры могутъ остаться у себя хозяевами, господствуя надъ латышами и эстами и устраняя, по возможности, русскихъ,—уже не въ силу грамотъ шведскихъ королей, а въ качествѣ культуртрегеровъ, *образованныхъ нѣмцевъ*; что поэтому, вмѣсто пассивнаго сопротивленія реформамъ и пустыхъ уступокъ, нужно нѣмецкой интеллигенціи взять дѣло въ свои руки, принять смѣло иниціативу въ реформахъ и повести ихъ такъ (пока правительство, по привычкѣ, будетъ слушаться остзейской партіи, еще всесильной въ Петербургѣ), чтобы реформы эти послужили не къ сближенію и объединенію Остзейскаго края и остальной Россіи, а къ объединенію, въ предѣлахъ этого края, нѣмецкаго элемента и къ доставленію ему тамъ прочнаго господства. Для достиженія этой цѣли нужно было привлечь къ новой идеѣ большинство привилегированныхъ сословій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, дабы отрѣшить ихъ отъ привязанности къ старымъ привилегіямъ и объединить ихъ между собою, сливъ съ ними непользовавшуюся тѣми же привилегіями часть мѣстнаго нѣмецкаго населенія — такъ называемыхъ *литератовъ*, т.-е. образованныхъ разночинцевъ: чиновниковъ, адвокатовъ, докторовъ, учителей и проч., — въ средѣ коихъ, весьма естественно, новая идея нашла прежде всего горячихъ адептовъ. Въ этихъ видахъ нужно было опереться на общественное мнѣніе въ Германіи и чрезъ него воздѣйствовать на общественное мнѣніе въ Остзейскомъ краѣ. Вотъ что вызвало кампанію остзейскихъ и нѣмецкихъ журналистовъ въ защиту *угнетенной* будто бы въ Остзейскомъ краѣ нѣмецкой національности.

Прежде всего, сколько мнѣ извѣстно, новая идея привилась въ Лифляндской губерніи, гдѣ дворянство раздѣлилось на двѣ партіи: феодально-консервативную, вѣрную прежнему взгляду, и либеральную или, вѣрнѣе, прогрессивно-нѣмецкую, ибо настоящихъ либеральныхъ стремленій, т.-е. желанія поднять большинство населенія до равноправности съ меньшинствомъ—и у этой партіи не было. Первую партію звали *Нолькеновскою*, по имени самой феодальной фамиліи въ губерніи, а вторую — *Эттингеновскою*, по имени главы ея, того самаго Эттингена, съ коимъ мнѣ пришлось имѣть дѣло. Онъ началъ съ частной службы,

кажется, секретаремъ банка; онъ имѣлъ участіе, съ многими сонаслѣдниками, въ большомъ имѣніи Калькуны, близъ Динабурга и у узла устроенныхъ теперь желѣзныхъ дорогъ. Съ помощью весьма развитого въ Лифляндіи земельнаго кредита, онъ скупилъ все это имѣніе, обремененное такимъ образомъ громаднымъ долгомъ, на погашеніе коего, съ процентами, шла большая часть его доходовъ. Имѣніе это много обѣщало въ будущемъ; но сперва требовало большой энергіи и умѣнья со стороны владѣльца, чтобы не запутаться и быть исправнымъ въ платежахъ. Несмотря на эти заботы, Эттингенъ успѣлъ пріобрѣсть довѣріе большинства дворянства и въ качествѣ неимѣющаго чина дворянина долго былъ самымъ дѣятельнымъ предводителемъ дворянства. Въ то время правительство не разъ находило въ немъ поддержку мѣрамъ, направленнымъ къ огражденію хоть сколько-нибудь положенія безземельныхъ лифляндскихъ крестьянъ, хотя онъ, разумѣется, могъ дѣлать уступки лишь въ предѣлахъ, указанныхъ ему дворянствомъ. Но потомъ его вдругъ сдѣлали, изъ неимѣющихъ чина, статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ и лифляндскимъ губернаторомъ. Это была непонятная ошибка. О дѣятельности его, какъ губернатора, мнѣ придется говорить ниже; но не могу здѣсь не удивляться: какъ представителемъ и органомъ русской власти сдѣлали перваго поборника обособленія прибалтійскихъ губерній во имя нѣмецкой національности? Вначалѣ, какъ предводитель и человѣкъ сравнительно либеральный, резонный, Эттингенъ могъ быть угоденъ правительству, но потомъ нельзя было не видѣть, что для будущаго, въ политическомъ отношеніи, его тенденціи опаснѣе, чѣмъ феодальное упорство. Прежде правительство имѣло дѣло съ разъединенными между собою корпораціями, отстаивавшими отжившие свой вѣкъ порядки, неспособные долго еще удерживать за собою общее сочувствіе даже въ средѣ остзейскихъ дворянъ. Тутъ былъ вопросъ во времени: можно было задержать паденіе старыхъ порядковъ, но оживить и увѣковѣчить ихъ не могла никакая сила. Между тѣмъ, прежде защитники привилегій, въ самой оппозиціи правительству, могли возлагать свои надежды лишь на благодушие и слабость того же правительства, ибо нигдѣ болѣе феодальныя понятія не могли встрѣтить сочувствія. Общественное мнѣніе было противъ нихъ и у насъ и за границей, исключая развѣ какихъ-нибудь мекленбургскихъ юнкеровъ, давно всѣми осмѣянныхъ. Ни о какомъ сепаратизмѣ не могло быть рѣчи. Между различными привилегированными сословіями не было единства и полной солидарности, но всѣ они сознавали, что, въ случаѣ присоединенія къ Пруссіи, новое правительство гораздо менѣе

будетъ церемониться съ ихъ привилегіями, чѣмъ русское, а отдѣльное, самостоятельное существованіе Прибалтійскаго края было немыслимо, да и для поддержки привилегій нужны были русскіе штыки и казацкія нагайки, къ коимъ прибѣгали, коль скоро страхъ мѣстныхъ розогъ не въ силахъ былъ удерживать выведенныхъ изъ терпѣнія крестьянъ. Теперь положеніе начинаетъ измѣняться. Въ шестидесятыхъ годахъ мы видимъ попытку къ объединенію всего нѣмецкаго населенія трехъ губерній и къ созданію общаго для края нѣмецкаго сейма. Въ этой попыткѣ замѣшаны больше всѣхъ нѣмцы-чиновники, получающіе жалованье отъ русскаго правительства. Идея солидарности и единства остзейскихъ нѣмцевъ съ подданными германской имперіи громко пропагандировалась устно и печатно и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и между нѣмцами по всей Россіи и за границею. Къ чему все это поведетъ, если управленіе краемъ останется всецѣло въ рукахъ нѣмцевъ-дворянъ, бюргеровъ и чиновниковъ; если вмѣсто всесословнаго земства, съ полнымъ участіемъ латышей и эстовъ, явятся тѣ же дворянскія собранія, переименованныя въ земскія по случаю присоединенія къ составу ихъ двухъ-трехъ помѣщиковъ изъ крестьянскаго сословія, удовлетворяющихъ высокому цензу; если мировая юстиція будетъ исключительно помѣщичья — нѣмецкая; а въ общихъ судахъ, въ городскомъ управленіи, въ, soi-disant, земскихъ учрежденіяхъ и въ самыхъ правительственныхъ мѣстахъ будетъ господствовать нѣмецкій языкъ? Тогда большинство населенія — эсты и латыши, возлагающіе до сихъ поръ свои надежды на русское правительство и весьма склонные къ изученію русскаго языка, — убѣдится въ томъ, что оно окончательно отдало ихъ на жертву нѣмецкому элементу; болѣе состоятельная и развитая часть сельскаго населенія (крестьяне собственники и арендаторы) станутъ склоняться къ усвоенію нѣмецкой національности, подобно горожанамъ; часть батраковъ выселится внутрь Россіи и будетъ замѣнена наемными рабочими изъ Пруссіи. Наконецъ, край окончательно онѣмечится подъ усиліями образованныхъ классовъ и духовенства, которые раскаиваются уже въ томъ пренебреженіи къ эстамъ и латышамъ, которое не дало имъ раньше озаботиться ихъ онѣмеченіемъ. Не сословія даже, дорожившія своими привилегіями, а масса населенія будетъ проникнута въ прибалтійскихъ губерніяхъ нѣмецкимъ духомъ и будетъ естественно тяготѣть къ своимъ заграничнымъ братіямъ по вѣрѣ, языку и общему строю культуры. Вотъ къ чему ведутъ дѣло представители нѣмецкой партіи. Но они прямо въ томъ не сознаются, отрицаютъ передъ правительствомъ сепаратизмъ, завѣряютъ въ своихъ вѣрноподданническихъ

чувствахъ и обвиняютъ въ клеветѣ и зловредномъ, ультра-русскомъ демократическомъ направленіи своихъ обличителей. Положимъ, что эти господа и не замышляютъ *теперь* политическаго отдѣленія отъ Россіи; что они довольны русскимъ правительствомъ, пока оно не будетъ мѣшать имъ распоряжаться по-своему; что они никогда не рѣшатся поднять знамя вооруженннаго бунта и что *теперь* Пруссія и сама не расположена къ завоеванію прибалтійскихъ губерній. Но развѣ можно ручаться за будущее? А если когда-нибудь вспыхнетъ война съ Германіей, каково будетъ Россіи имѣть на окраинѣ, близъ столицы, провинціи, готовыя къ радушному пріему непріятеля, вмѣсто оказанія ему патріотическаго отпора? Провинціи, гдѣ всѣ учрежденія, вся администрація готовы будутъ служить новому правительству, и начальнику окупаціоннаго корпуса останется только смѣнить генералъ-губернатора и двухъ-трехъ русскихъ чиновниковъ. Неужели правительству не слѣдуетъ заблаговременно предусматривать такую случайность и принимать заранѣе соотвѣтствующія мѣры? Не такъ судятъ у насъ многіе мудрые правители, называющіе разсужденія, подобныя нашимъ, алармистскими бреднями, клеветой и интригой русскихъ демократовъ противъ вѣрноподданныхъ консерваторовъ-нѣмцевъ! Потому-то коноводы нѣмецкой партіи Эттингена сдѣлали лифляндскимъ губернаторомъ. Кто устроилъ это назначеніе — я не знаю, но Валуевъ, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, впослѣдствіи увѣрялъ меня, что выборъ этотъ состоялся помимо него.

Не могу, кончая съ моими воспоминаніями объ Остзейскомъ Комитетѣ, не назвать еще курляндскаго предводителя, барона *Рекке*, честно и прямо отстаивавшаго свои убѣжденія въ необходимости содѣйствовать выкупу крестьянами арендуемыхъ ими участковъ и подавшаго тому примѣръ въ своемъ имѣніи, съ нѣкоторымъ даже матеріальнымъ для себя ущербомъ.

Высказавъ вообще мои взгляды на остзейскія дѣла и отношенія правительства къ Прибалтійскому краю, я хочу выразить, въ частности, мое мнѣніе о значеніи самого Остзейскаго Комитета.

Какъ я ни обязанъ лично Остзейскому Комитету, служба въ которомъ выдвинула меня изъ ряда департаментскихъ столоначальниковъ и сдѣлала меня лично извѣстнымъ особамъ, отъ коихъ зависѣла моя дальнѣйшая карьера, но amicus Plato, sed magis amica veritas, и я долженъ сознаться, что при тѣхъ условіяхъ, въ какія поставленъ Остзейскій Комитетъ, онъ не можетъ принести большой пользы, ибо почти не имѣетъ иниціативы въ возбужденіи законодательныхъ мѣръ и, получая сложные готовые проекты, составленные самимъ дворянствомъ, можетъ только

исправить нѣкоторыя частности, не улучшая почти общаго характера проекта. Лучшее и благодѣтельнѣйшее для Лифляндскихъ крестьянъ Положеніе *19 февраля* (знаменательное число) *1804* года, закрѣпившее за ними наслѣдственное пользованіе участками и ограничившее размѣръ ихъ повинностей (чего крестьяне лишились потомъ при безземельномъ освобожденіи въ 1819 году), было составлено не самимъ дворянствомъ и не въ Ригѣ, а въ Петербургѣ особымъ комитетомъ изъ правительственныхъ чиновъ, съ участіемъ только депутатовъ дворянства. Когда же вся иниціатива и самая выработка какъ общихъ основаній, такъ и подробностей положеній и правилъ о крестьянахъ отданы въ руки одной изъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ — дворянства въ силу мнимаго Verfassungsrecht'а, — трудно ожидать чего-нибудь существенно полезнаго для крестьянъ. Съ другой стороны внесеніе законодательныхъ мѣръ этимъ путемъ въ Остзейскій Комитетъ и поднесеніе ихъ, по разсмотрѣніи въ Комитетѣ, непосредственно на Высочайшее утвержденіе въ видѣ временныхъ будто бы правилъ (срокъ дѣйствія коихъ потомъ продляется тѣмъ же путемъ) дало возможность обходить вовсе Государственный Совѣтъ и чрезъ это избѣжать исправленій, какія могли бы быть сдѣланы въ проектахъ Госуд. Совѣтомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ обособить еще Остзейскій край даже въ порядкѣ утвержденія законодательныхъ мѣръ и косвенно закрѣпить за нимъ, на дѣлѣ, Verfassungsrecht, противорѣчащій общему строю законодательства и отдающій меньшинству населенія въ руки судьбы большинства, безъ подлежащаго даже руководящаго участія высшей правительственной власти. Въ этомъ отношеніи Остзейскій Комитетъ положительно вреденъ. Не спорю, что для спеціальнаго разсмотрѣнія и согласованія между собою особыхъ мѣръ, вызванныхъ исключительными условіями какой-либо мѣстности, и для постояннаго направленія мѣръ этихъ къ одной цѣли — особый Комитетъ можетъ быть полезенъ. Но мнѣ кажется, что въ этихъ видахъ лучше бы учредить одинъ комитетъ для высшаго наблюденія за направленіемъ административныхъ мѣръ и для предварительной выработки основанія законодательныхъ мѣръ, касающихся *всѣхъ западныхъ окраинъ*, т.-е. 9 западныхъ, всѣхъ привислинскихъ и 3-хъ прибалтійскихъ губерній. Комитетъ этотъ и его канцелярія были бы поставлены выше и самостоятельнѣе, личныя вліянія остзейцевъ были бы менѣе сильны, а между тѣмъ выработалась бы и сохранилась бы раціональная общая система управленія окраинами и ассимиляціи ихъ съ центромъ, съ допущеніемъ мѣстныхъ изъятій лишь тамъ, гдѣ они дѣйствительно оправдываются мѣстными условіями и безопасны, какъ въ настоя-

щемъ, такъ и въ будущемъ, для единства и цѣлости государства. Но и этотъ комитетъ не долженъ бы обходить Госуд. Совѣтъ при утвержденіи законодательныхъ проектовъ и могъ бы принимать заявленія заинтересованныхъ въ дѣлѣ сословій лишь къ соображенію, а не отдавать имъ въ руки инициативу въ законодательныхъ мѣрахъ и выработку подробныхъ проектовъ, особенно тамъ, гдѣ обсужденіе мѣръ мѣстнаго интереса не можетъ быть ввѣрено всесословному земству. Такой комитетъ замѣнилъ бы съ пользою и генералъ-губернаторовъ.

Я изложилъ здѣсь всѣ тѣ мнѣнія по Остзейскому вопросу, которыя постепенно сложились и укоренились во мнѣ въ теченіе десятилѣтнихъ занятій моихъ по остзейскимъ дѣламъ и которыя въ моемъ умѣ составляютъ плодъ и окончательный результатъ этихъ занятій. Я старался при этомъ, какъ и всегда, быть безпристрастнымъ и избѣгать крайностей и увлеченій. Я и вообще держусь среднихъ и умѣренныхъ мнѣній, но держусь ихъ твердо, и если отношусь страстно къ вопросамъ, затрогивающимъ глубоко не только мои личные, но и общественные интересы, не будучи въ состояніи по своему темпераменту относиться къ такимъ вопросамъ спокойно и равнодушно,—то эта страстность выражается именно въ ненависти къ крайностямъ, вреднымъ, по моему мнѣнію, для государства. Я равно ненавижу реакціонеровъ и нигилистовъ. Ко мнѣ можно бы примѣнить эпитетъ, данный якобинцами жирондистамъ — *ces enragés de modérés*. Въ отношеніи къ нѣмцамъ, я не имѣю личнаго повода ихъ ненавидѣть. Они, за время моей службы въ Остзейскомъ Комитетѣ, не причиняли мнѣ лично существенныхъ непріятностей и были очень вѣжливы и любезны. За всѣмъ тѣмъ, завзятый нѣмецъ изъ остзейцевъ или нѣмцефилъ изъ русскихъ, служащихъ нѣмцамъ послушнымъ и слѣпымъ орудіемъ, прочтя все вышеизложенное, вѣроятно не только осудилъ бы, но и *перетолковалъ* бы мои взгляды, приписалъ бы мнѣ кстати стремленія, вовсе мнѣ чуждыя, и нашелъ бы въ моихъ словахъ новое подтвержденіе созданной ими мнѣ репутаціи *краснаго нѣмцефоба*. Не знаю, прочтетъ ли кто когда-либо, кромѣ моихъ близкихъ, эти строки. Но и близкіе мнѣ люди, подъ вліяніемъ слышаннаго ими о моей нѣмцофобіи, могутъ ошибиться въ оцѣнкѣ моихъ воззрѣній, если мои окончательные выводы и pia desideria не будутъ положительно и категорически выражены. Потому, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, въ отвѣтъ на приписываемыя мнѣ стремленія къ насильственному нивелированію и обрусѣнію прибалтійскихъ губерній, къ истребленію плодовъ высшей нѣмецкой культуры, къ религіозной нетерпимости и проч. и для сличенія, впослѣдствіи, моихъ нынѣшнихъ

и прошедшихъ pia desideria съ тѣмъ, что дѣйствительно будетъ сдѣлано со временемъ и что я самъ черезъ нѣсколько лѣтъ (если доживу до перемѣнъ этихъ) буду объ этомъ думать, — я хочу, прежде чѣмъ покончить съ остзейскими дѣлами, изложить здѣсь, въ сжатой и категорической формѣ, что̀ именно, по моему крайнему разумѣнію, надлежитъ правительству нашему сдѣлать въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Политическая программа наша должна бы, мнѣ кажется, резюмироваться въ томъ: а) чтобы, не касаясь тѣхъ мѣстныхъ порядковъ и обычаевъ, которые имѣютъ практически полезное для края и для всего населенія значеніе, постепенно устранить тѣ исключительныя правила, которыя вредны для большинства мѣстнаго населенія или которыя, не имѣя прямого полезнаго значенія, напрасно клонятся къ обособленію прибалтійскихъ губерній отъ прочихъ частей имперіи; а въ особенности не допускать *новыхъ* различій между общими и мѣстными узаконеніями, кромѣ частныхъ изъятій, какія, по мѣстнымъ условіямъ, окажутся дѣйствительно необходимыми, при примѣненіи къ Остзейскому краю новыхъ судебныхъ уставовъ, земскихъ учрежденій и другихъ реформъ; б) чтобы, не стѣсняя изученія и употребленія въ краѣ нѣмецкаго языка, отвести въ официальныхъ сношеніяхъ подобающее мѣсто какъ нарѣчіямъ большинства мѣстнаго населенія (эстскому и латышскому), такъ въ особенности государственному русскому языку; в) чтобы, не нарушая правилъ вѣротерпимости, поддержать значеніе, достоинство и матеріальное благосостояніе православной церкви; г) чтобы, не оскорбляя мѣстной интеллигенціи преждевременными подозрѣніями, не дразня нѣмцевъ такими распоряженіями, которыя, безъ существенной необходимости, могутъ быть поняты въ смыслѣ придирокъ къ преимуществамъ высшаго сословія, къ городскому самоуправленію, къ нѣмецкому языку или къ самостоятельности лютеранской церкви,— зорко слѣдить за дѣйствіями и происками нѣмецкой партіи: не поддаваться ей, когда дѣло клонится къ уступкѣ со стороны правительства въ тѣхъ требованіяхъ, какія оно признаетъ, на указанномъ выше основаніи, необходимыми; строго и неуклонно держаться закона, допуская изъ общаго закона лишь тѣ изъятія, какія установлены въ утвержденныхъ нашимъ правительствомъ, изданныхъ или не отмѣненныхъ позднѣйшими постановленіями *мѣстныхъ узаконеніяхъ*; но не допуская, со стороны мѣстной администраціи, никакихъ отступленій отъ общихъ и мѣстныхъ *обнародованныхъ узаконеній* въ силу какихъ-то отысканныхъ въ архивахъ грамотъ и привилегій или обычаевъ, произвольно установленныхъ, вопреки закону, мѣстными судами и обществен-

ными учрежденіями. Для постояннаго за этимъ наблюденія, для поддержанія въ краѣ авторитета и достоинства власти русскаго правительства, для того, наконецъ, чтобы имѣть всегда о положеніи дѣлъ въ краѣ точныя и вѣрныя, а не одностороннія, внушенныя нѣмецкою партіею свѣдѣнія и мнѣнія,—держать на вліятельныхъ въ краѣ должностяхъ (губернаторовъ, правителей ихъ канцелярій, вице-губернаторовъ, управляющихъ отдѣльными частями другихъ вѣдомствъ) исключительно людей разумныхъ, искренно преданныхъ интересамъ Россіи и неспособныхъ поддаться исключительно мѣстному нѣмецкому вліянію, — тогда какъ до сихъ поръ большинство правительственныхъ агентовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, принадлежа къ мѣстному дворянству, бюргерству или къ разряду нѣмцевъ-литератовъ, считаетъ своимъ отечествомъ собственно Остзейскій край и служитъ въ видѣ агентовъ нѣмецкой партіи передъ правительствомъ, заботясь только о прикрытіи неурядицъ сословнаго нѣмецкаго самоуправленія и о преслѣдованіи всякаго обличенія этихъ неурядицъ.

Если эти общія основанія примѣнить, въ частности, къ главнѣйшимъ questions pendantes Остзейскаго края, то мнѣ остается сказать слѣдующее:

1. По крестьянскому вопросу, я высказалъ подробно мой взглядъ въ статьѣ о Лифляндскихъ крестьянахъ, напечатанной въ 1863 году въ «Журналѣ Министерства Государств. Имуществъ». но написанной еще раньше, вскорѣ послѣ изданія Положеній 19 февраля 1861 года. Статью эту еще въ 1861 году прочелъ въ рукописи Н. А. Милютинъ и, по его рекомендаціи, ее пожелала прочесть великая княгиня Елена Павловна. Потомъ я ее отдалъ Каткову для напечатанія въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но ее не напечатали тамъ, и я черезъ годъ взялъ ее обратно. Послѣ напечатанія ея, я видѣлъ въ нѣмецкой, остзейской газетѣ [1]) отзывъ о ней, гдѣ отдавалась полная справедливость ея безпристрастію; но въ русской печати о ней я долго не встрѣчалъ ни слова, и лишь спустя почти годъ послѣ ея появленія [2]) явилась о ней весьма лестная для меня статья въ газетѣ «День», И. С. Аксакова, гдѣ приведены были цѣликомъ главные мои выводы и взгляды. Если статья сперва не обратила на себя вниманія, а потомъ заслужила хорошіе отзывы въ умѣренныхъ органахъ двухъ противоположныхъ лагерей, то это самое доказываетъ ея безпристрастіе, ибо горячія одностороннія статьи сразу вызываютъ одобреніе сторонниковъ и порицанія противниковъ. Перечитавъ теперь (въ 1875 году), 14 лѣтъ спустя, то, что я писалъ въ то время, я остаюсь,

[1]) Rigasche Zeitung 24 Decemb. 1863 г. № 300.
[2]) Въ маѣ 1864 г.

въ главныхъ чертахъ, при прежнемъ мнѣніи. Осуждая, въ принципѣ, безземельное освобожденіе и считая, что освобожденіе лифляндскихъ крестьянъ, въ 1819 году, безъ земли, съ лишеніемъ ихъ закрѣпленнаго за ними Положеніемъ 1804 года права наслѣдственнаго пользованія участками земли за опредѣленныя вакенбухами повинности было несчастіемъ для крестьянъ, выгодною аферою для помѣщиковъ и большою ошибкою со стороны правительства, — я сознаю, однако, что ошибка эта не можетъ уже теперь быть исправлена; что крестьяне потеряли юридическую и бытовую связь съ землею, которая въ теченіе 50 лѣтъ переходила изъ рукъ въ руки по *срочнымъ* арендным контрактамъ. Нельзя уже теперь эти, добровольно и на законномъ основаніи заключенные *на опредѣленный срокъ* контракты обратить почеркомъ пера въ *вѣчные*, закрѣпивъ участки *навсегда* за *наличными* ихъ арендаторами (изъ коихъ многіе вчера еще были батраками) и лишить чрезъ то наличныхъ батраковъ шанса сдѣлаться опять хозяевами. Можно только косвенно содѣйствовать переходу участковъ въ собственность крестьянъ и положить предѣлы непомѣрному возвышенію арендной платы выдачею ссудъ при выкупѣ участковъ и постановленіемъ правилъ о вознагражденіи хозяевъ, удаляемыхъ изъ участковъ по истеченіи сроковъ арендныхъ контрактовъ, дабы удаляемый арендаторъ воспользовался частью выгодъ отъ возвышенія доходности земли, обусловленной его же трудами по лучшей обработкѣ оной, а помѣщикъ имѣлъ бы побужденіе вмѣсто того, чтобы прогнать прежняго арендатора, съ выдачею ему единовременно денежной суммы и съ отдачею участка другому за высокую плату, оставить его прежнему арендатору за болѣе умѣренный оброкъ или продать участокъ въ собственность прежнему хозяину. Все это отчасти сдѣлано и начинаетъ приноситъ нѣкоторые плоды, ибо выкупъ участковъ идетъ, сколько мнѣ извѣстно, быстрѣе. Жаль только, что, какъ слышно, не мало участковъ продано приписавшимся къ волостямъ нѣмцамъ-бюргерамъ, вмѣсто коренныхъ крестьянъ — латышей и эстовъ. Конечно, постановленія о вознагражденіи арендаторовъ и о выкупѣ участковъ могли бы быть еще нѣсколько расширены, изложены болѣе опредѣлительно, ясно и однообразно для трехъ губерній; но главное дѣло въ обезпеченіи правильнаго, безобиднаго для крестьянъ исполненія изданныхъ для нихъ постановленій и въ устраненіи того безправія, какое царило въ Прибалтійскомъ краѣ, когда вотчинная полиція помѣщика подавляла всякую самостоятельность крестьянскаго общественнаго управленія и когда (чему я видѣлъ въ дѣлахъ рѣзкіе примѣры) самыя законныя домогательства крестьянъ отклонялись мѣстными по

крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями во всѣхъ инстанціяхъ, не исключая иногда и генералъ-губернатора, съ которымъ министерствамъ приходилось вести полемику по частнымъ жалобамъ обиженныхъ крестьянъ. Это (т.-е. устраненіе безправія крестьянъ), отчасти, сдѣлано въ отношеніи приданія бо̀льшей самостоятельности крестьянскому общественному управленію Положеніемъ 19 февраля 1866 года, сохранившимъ, однако, за вотчинною полиціею гораздо болѣе вліянія, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Для ограниченія этого вліянія и возвышенія значенія волостного управленія, не мѣшало бы увеличить районы волостей, не придерживаясь границъ отдѣльныхъ помѣстій, что̀ устранило бы прежній порядокъ, когда помѣщикъ былъ царькомъ въ границахъ своего имѣнія, и дало бы возможность усилить средства содержанія волостныхъ должностныхъ лицъ. Для огражденія же крестьянъ въ области суда, нужно бы замѣнить сословные суды общими, безпристрастными и чуждыми сословнаго вліянія мировыми судьями. Но нелегко придумать вѣрный способъ къ пріисканію такихъ судей въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

2. Вопросъ о мировыхъ судьяхъ находится въ связи съ общей судебной реформой въ прибалтійскихъ губерніяхъ, ибо только при правильной, чуждой сословнаго вліянія организаціи высшихъ и среднихъ судебныхъ инстанцій и прокурорскаго надзора — можно надѣяться на удовлетворительное устройство мирового института. Желательно, разумѣется, возможно полное примѣненіе по прибалтійскимъ губерніямъ общихъ началъ судебныхъ уставовъ 1864 года; желательно, при этомъ, назначеніе судей не исключительно и даже не преимущественно изъ прежняго состава мѣстныхъ юристовъ, дабы сразу обезпечить искреннее стремленіе судовъ къ справедливости и къ равноправности; желательно, наконецъ, при сохраненіи права нѣмцевъ объясняться по-нѣмецки, дать русскимъ право говорить на судѣ и подавать прошенія по-русски и выслушивать рѣшенія суда на русскомъ языкѣ. Вѣроятно, что нѣмцамъ не удастся-таки повернуть судебную реформу по-своему, иначе она давно была бы введена. Видно, протекція гр. Палена пригодилась только къ тому, чтобы затянуть дѣло и отдалить осуществленіе непріятной реформы.

3. Вопросъ о преобразованіи городского управленія кажется приближается къ разрѣшенію [1]). Остается желать, чтобы скорѣе рушилось владычество средневѣковыхъ нѣмецкихъ магистратовъ, составленныхъ изъ представителей привилегированныхъ бюрге-

---

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ это было написано (въ 1875 г.) въ Прибалтійскихъ губерніяхъ введено уже городовое Положеніе. *Ред.*

ровъ, и чтобы русскіе купцы и домовладѣльцы имѣли голосъ въ новыхъ думахъ, съ правомъ говорить тамъ и на русскомъ языкѣ.

4. Наконецъ, необходимо ввести въ Прибалтійскомъ краѣ, наподобіе прочихъ губерній, земскія учрежденія, допустивъ къ участію въ нихъ не одних крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ (т.-е. 90% нѣмецкихъ дворянъ, съ примѣсью 10% русскихъ помѣщиковъ, нѣмецкихъ бюргеровъ и крестьянъ-собственниковъ, купившихъ уже не участки крестьянскіе, а цѣлыя маленькія помѣстья, удовлетворяющія высокому цензу), — а на ряду съ ними представителей отъ городовъ и отъ волостныхъ обществъ крестьянъ, хотя бы не выкупившихъ еще въ собственность арендуемыхъ земель. Между тѣмъ, нѣмецкой партіи этого именно не хочется и дворянство, допустивъ въ свои собранія, для участія въ раскладкѣ земскихъ повинностей, нѣсколькихъ русскихъ помѣщиковъ, нѣмецкихъ бюргеровъ и трехъ-четырехъ помѣщиковъ, вышедшихъ изъ крестьянскаго сословія, называетъ свои собранія *дворянско-земскими* и хотѣло бы увѣрить правительство, что этимъ удовлетворительно замѣняются земскія наши учрежденія.

Вотъ мои pia desideria относительно Остзейскаго края. Гдѣ же тутъ нѣмцефобія? Большая часть того, чего я желалъ 14 лѣтъ тому назадъ, теперь уже сдѣлано или формально проектировано самимъ правительствомъ, при такомъ составѣ министровъ (Паленъ, Валуевъ и проч.), которые очень расположены къ нѣмцамъ. Введеніе же земскихъ учрежденій можно оспаривать развѣ съ точки зрѣнія привилегій; но онѣ дѣйствительны, въ этомъ случаѣ, лишь поколику онѣ сообразны съ общими государственными постановленіями.

Возвращаясь къ личнымъ моимъ воспоминаніямъ, относящимся къ описываемому мною періоду моей жизни, предшествовавшему началу (въ концѣ 1857 года) моихъ занятій по крестьянскому дѣлу, мнѣ остается упомянуть о поѣздкѣ моей, въ концѣ лѣта 1857 года, въ Костромскую губернію[1]). Дѣла наши по имѣнію не были въ удовлетворительномъ состояніи. Управлялъ ими издали, со смерти моего отца, дядя мой, Дмит. Пав. Шиповъ, заѣзжая туда изрѣдка самъ и полагаясь на правильность введеннаго имъ учета доходовъ по двойной бухгалтеріи. Имѣніе, по мѣстнымъ усло-

---

[1]) Хотя эта часть воспоминаній выходитъ за предѣлы главной темы этой части воспоминаній, но сохраняемъ ихъ, такъ какъ они имѣютъ значительный интересъ. *Ред.*

віямъ, было чисто оброчное, ибо при скудости почвы и низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, привозимый съ Волги, земледѣліе не могло окупаться. Однако, дядя считалъ нужнымъ держать небольшую запашку, чтобы можно было недоимщиковъ переводить на барщину и тѣмъ побуждать остальныхъ къ исправному взносу оброка. Для запашки нужно было удобреніе, т.-е. приходилось держать скотъ, для котораго нужна была барда, а для барды—винокуренный заводъ. Благодаря двойной бухгалтеріи было ясно, что каждая статья хозяйства, т.-е. земледѣліе, скотоводство и заводъ, даетъ ежегодно убытокъ, не говоря объ общихъ расходахъ на управленіе. Моя мать получала съ имѣнія по 1200 р., а я съ братомъ по 600 руб. въ годъ. Но имѣніе въ 900 душъ не всегда давало и 2400 руб. чистаго дохода. Приплаты къ доходу, расходы на устройство винокуреннаго завода, на прикупку маленькаго сосѣдняго имѣнія, на возобновленіе павшаго скота дѣлались на счетъ Дмитрія Павловича и записывались долгомъ на имѣніи. Долгъ этотъ постоянно росъ и достигъ къ 1857 году 30.000 рублей. Если бы идти далѣе тѣмъ же путемъ, слѣдовало намъ ожидать потери всего состоянія, когда долгъ сравняется съ полною стоимостью имѣнія. Я убѣдилъ маменьку просить, чрезъ императрицу, о покупкѣ имѣнія въ казну, и, когда дѣло было рѣшено въ принципѣ и оставалось выждать, для совершенія купчей, нѣкоторыхъ формальностей, которыя могли, однако, затянуть дѣло на годы, я рѣшился съѣздить въ имѣніе, чтобы заранѣе ликвидировать дорого стоившее хозяйство и управленіе. Но такъ какъ я воспользовался отпускомъ въ предыдущемъ году, то я просилъ командировки въ Костромскую губернію, и мнѣ было поручено осмотрѣть запасные сельскіе магазины. Въ имѣніи я созвалъ сходъ, объявилъ крестьянамъ о предстоящей продажѣ имѣнія въ казну и предложилъ имъ: упразднить запашку и барщину; отдать имъ, безъ особой за то платы, всѣ господскія угодья, но съ тѣмъ, чтобы они обезпечили круговою порукою исправный взносъ, впредь до продажи имѣнія, полной суммы прежняго оброка. Они на это охотно согласились, и въ этотъ годъ мы, безъ хлопотъ и расходовъ на управленіе, получили съ имѣнія больше доходу, чѣмъ прежде, ибо полный оброкъ былъ уплоченъ исправно. При этомъ я имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости мірской раскладки оброка. Въ бывшемъ нашемъ имѣніи оброкъ, составлявшій 21 рубль съ тягла, распредѣлялся между семьями пропорціонально рабочимъ силамъ каждой, для чего самими крестьянами было придумано раздѣленіе тягла на семь податныхъ единицъ, названныхъ ими *копейками*. Полное тягло, состоявшее изъ способныхъ къ работѣ мужа и жены, составляло 7 коп., изъ

коихъ 4 на долю мужа, а 3 на долю жены. Если въ семьѣ были, сверхъ того, отчасти годные къ работѣ подростки или старики, то на нихъ прибавлялось отъ 1 до 3 коп. на каждаго, а если жена хозяина была болѣзненна, или на рукахъ у него были неспособные вовсе къ работѣ старики или старухи,—то съ него сбавлялись копейки. Накидка или скидка копейки съ семейства равнялась прибавкѣ или сбавкѣ 3-хъ рублей годового оброка. Каждая семья или дворъ были обложены оброкомъ не ровно съ одного или двухъ тяголъ, а съ прибавкой или скидкой стольkихъ-то *долей тягла* или копеекъ. При передѣлѣ земель, каждому двору отводилось количество земли пропорціональное числу копеекъ, т.-е. долей тягла, коими онъ былъ обложенъ. Но такъ какъ оброкъ, часто превышая чистый доходъ съ земли, платился отчасти съ личнаго труда, то скидка копеекъ, хотя и сопряженная съ уменьшеніемъ надѣла, была для крестьянъ выгодна. Въ прежніе годы, когда я пріѣзжалъ въ имѣніе съ маменькой или съ дядей, всегда являлось до 20 мужиковъ, а больше бабъ, съ просьбами скинуть съ ихъ семей копеечки, по случаю болѣзни или слабости членовъ семейства, падежа скота и т. под. Бурмистръ поддерживалъ или слабо опровергалъ жалобныя просьбы старухъ, и всякій разъ пріѣздъ въ имѣніе сопровождался скидкою 15 и болѣе копеекъ, т.-е. потерею въ годовомъ доходѣ 45 и болѣе рублей. Прибавка копеекъ на подраставшихъ работниковъ никогда не возмѣщала сбавокъ этихъ, и общее число тяголъ шло diminuendo, тогда какъ общее число душъ возрастало. Ясно было, что тутъ примѣшивалась немножко эксплоатація помѣщичьяго благодушія и незнанія нами дѣйствительнаго положенія семей. Въ этотъ же разъ, съ возложеніемъ на крестьянъ круговой поруки въ уплатѣ общей суммы прежняго оброка, скидка копѣекъ съ нѣкоторыхъ семей потребовала бы соотвѣтственной накладки на другихъ. Потому, устранивъ себя въ разборѣ просьбъ о скидкѣ копеекъ, я предоставилъ міру самому разобрать и рѣшить это дѣло. Что же вышло? Вмѣсто обычныхъ 20 и болѣе просьбъ, было ихъ заявлено 4, ибо просители знали, что міръ не проведешь. Изъ нихъ 3 были удовлетворены, а одна отклонена. Любопытно было видѣть, какъ, вслѣдъ за изложеніемъ основательной просьбы, отовсюду раздавались сочувственные голоса, подтверждавшіе ея справедливость; просьба удовлетворялась единогласно и проситель или просительница удалялись, кланяясь міру за справедливое рѣшеніе. Когда же заговорила та баба, которой было отказано, отовсюду послышались возраженія, упреки ей за ложь и вымогательство, насмѣшки, и она поспѣшила спрятаться въ толпѣ, очевидно болѣе сконфуженная, чѣмъ огорченная. Вотъ единственный разъ, что я былъ

въ имѣніи безъ дяди и матери и что мнѣ пришлось лично самому распоряжаться, въ силу помѣщичьей власти. Я воспользовался этою властью, чтобы передать ее міру и остался результатомъ очень доволенъ. Въ крестьянахъ я кажется оставилъ о себѣ тоже благопріятное впечатлѣніе. Гораздо позже, когда они были давно государственными, они не разъ, по старой памяти, приходили ко мнѣ за совѣтами, чрезъ тѣхъ изъ среды ихъ, кто жилъ въ Петербургѣ или кого міръ присылалъ ходоками, или же письменно обращались ко мнѣ...

Проѣздомъ въ имѣніе и обратно я осматривалъ запасные хлѣбные магазины и убѣдился въ несостоятельности принятой системы въ примѣненіи къ Костромской губерніи. Часть магазиновъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ была пуста или въ такомъ видѣ, что, при отсутствіи мѣрныхъ закромъ, нельзя было провѣрить количество наличнаго хлѣба, хотя по книгамъ хлѣбъ былъ весь налицо. Другая часть магазиновъ была полна большею частью залежалымъ зерномъ, и по книгамъ почти не видно было выдачи ссудъ. Дѣло въ томъ, что въ Костромской губерніи запасные хлѣбные магазины не могутъ служить главнымъ и необходимымъ источникомъ для полученія зерна на посѣвъ, въ случаѣ нужды. Крестьяне и въ урожайные годы не только не продаютъ хлѣба, но частью прикупаютъ хоть немного хлѣба на домашнія надобности, обезпечивая себя преимущественно мѣстными и отхожими промыслами. Продажный хлѣбъ привозится большею частью снизу по Волгѣ, и цѣна его въ Костромской губерніи болѣе зависитъ отъ урожая въ низовыхъ губерніяхъ, чѣмъ на мѣстѣ. Съ другой стороны, полученіе ссудъ изъ запасныхъ магазиновъ было сопряжено съ такими формальностями, что крестьяне этимъ правомъ вовсе не пользовались, а иногда даже (какъ въ нашемъ имѣніи) устраивали, для своего удобства, помимо такъ-называемаго *казеннаго* магазина, свой *общественный* магазинъ, откуда и брали хлѣбъ на посѣвъ, возвращая его послѣ уборки; въ иныхъ имѣніяхъ помѣщики ссужали крестьянамъ хлѣбъ изъ своихъ запасовъ; казенные же магазины сдѣлались какою-то формальною декораціею; а ссыпка въ нихъ хлѣба обратилась въ особую повинность, не имѣвшую ничего общаго съ удовлетвореніемъ потребности населенія,—тѣмъ болѣе, что сборъ хлѣба въ магазины, по странному административному недоразумѣнію, продолжался и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ запасы давно достигли и превысили узаконенную на душу пропорцію, такъ что лишнему хлѣбу не было мѣста въ магазинахъ, построенныхъ для вмѣщенія только узаконеннаго количества хлѣба. Изъ этого выходило то, что въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ надзоръ былъ строже, магазины были пере-

полнены, а книги о выдачѣ изъ нихъ ссудъ были чисты; тамъ же, гдѣ смотритель магазиновъ не занимался своимъ дѣломъ, а помѣщики, по своимъ связямъ съ начальствомъ, не боялись преслѣдованія за недоимки въ сборѣ хлѣба и за самовольное распоряженіе прежде собраннымъ хлѣбомъ, магазины были пусты, или же общественные запасы были смѣшаны съ помѣщичьими, такъ что нельзя было провѣрить количество наличнаго хлѣба, а по книгамъ все-таки не значилось раздачи хлѣба въ ссуду крестьянамъ. Все это привело меня къ убѣжденію, что прежде всего нужно прекратить сборъ хлѣба сверхъ узаконенной пропорціи; ограничивъ затѣмъ количество хлѣбныхъ запасовъ дѣйствительною потребностью населенія при среднемъ или слабомъ урожаѣ,— облегчить порядокъ разрѣшенія выдачи хлѣбныхъ ссудъ, не испрашивая разрѣшенія губернской власти на выдачу въ ссуду свыше одной четверти запаса; а въ случаѣ общаго или полнаго неурожая, выдавать ссуды деньгами или покупать для ссудъ хлѣбъ, по распоряженію губернской власти, на счетъ продовольственнаго капитала, продолжая сборъ деньгами въ этотъ капиталъ, ибо при полной возможности всегда купить хлѣбъ на Волгѣ, въ случаѣ нужды, лучше копить деньги, приносящія проценты, чѣмъ гноить въ магазинахъ лишній запасный хлѣбъ. Все это я изложилъ въ донесеніи, представленномъ мною, по возвращеніи въ Петербургъ, въ министерство внутр. дѣлъ; но тамъ, въ то время, не дали хода этому вопросу, да и донесеніе мое, взятое на домъ начальникомъ отдѣленія для серьезнаго обдумыванія, чуть ли не затерялось, такъ какъ, года полтора спустя, когда вопросъ о запасахъ былъ возбужденъ вновь съ другой стороны, вспомнили о моемъ донесеніи и просили дать черновой, если у меня есть онъ, для списанія копіи. Не помню, отыскалъ ли я у себя черновой экземпляръ, и что дальше было,—не знаю. Въ тѣ времена и не такія были странности по запаснымъ магазинамъ. Читалъ я какъ-то, въ дѣлахъ министерства, донесеніе служившаго прежде тамъ и командированнаго въ Бессарабію, кажется въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, Ивана Сергѣевича Аксакова, тоже по запаснымъ магазинамъ. Въ Бессарабіи, гдѣ сѣютъ преимущественно озимую пшеницу и кукурузу и не сѣютъ вовсе тѣхъ яровыхъ хлѣбовъ, какіе требуются по закону для запасовъ, приходилось нарочно *сѣять эти хлѣба, собственно для казенныхъ запасныхъ магазиновъ,* безъ малѣйшей въ томъ надобности для населенія. Кажется, и по этому донесенію въ свое время ничего не было сдѣлано. Зато теперь говорятъ о замѣнѣ хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами даже въ хлѣбородныхъ, удаленныхъ отъ водяныхъ и желѣзныхъ

путей сообщенія мѣстностяхъ, гдѣ въ случаѣ голода трудно купить хлѣбъ для прокормленія и посѣва.

По возвращеніи изъ этой командировки, началась для меня новая эпоха служебной дѣятельности по крестьянскому вопросу, сильно меня заинтересовавшему и поглотившему всѣ мои мысли и стремленія въ продолженіе слѣдующихъ за тѣмъ лѣтъ.

П. Шульцъ.

Изъ недавняго прошлаго [1]).

II.

Съ перваго года ссылки моего сына я уже начала мечтать о томъ, чтобы ему дозволено было прiѣхать держать государственные экзамены. Это заставляло меня усердно разспрашивать у знакомыхъ, не знаютъ ли они примѣра, чтобы высланному студенту дозволено было прiѣзжать изъ ссылки держать выпускные экзамены университетскаго курса. Многихъ поражалъ этотъ вопросъ своею наивностью, и мнѣ старались объяснить всю глубину моего непониманiя основы и цѣли, на которыхъ у насъ существуетъ и держится административная ссылка. А Сергѣй Николаевичъ Южаковъ всѣмъ говорилъ, что это у меня навязчивая идея, что меня не слѣдуетъ разочаровывать въ несбыточности этой надежды. Я прекрасно понимала всю трудность добиться желаемаго, но дала себѣ слово отдать всѣ мои силы для осуществленiя моей мечты.

Прошло уже болѣе года, но мнѣ никто не могъ подать совѣта, какъ приступить къ дѣлу. А собранныя свѣдѣнiя все болѣе краснорѣчиво говорили мнѣ, что мои мечты безсмысленны и безпочвенны. Минутами я приходила въ отчаянiе, но только минутами, а затѣмъ подбадривала себя и давала слово не падать духомъ.

Осуществленiе моего желанiя зависѣло прежде всего отъ разрѣшенiя министра народнаго просвѣщенiя, министра внутреннихъ дѣлъ и департамента полицiи: и я раздумывала, съ кого изъ нихъ начинать хлопоты. Вдругъ какъ-то читаю въ газетѣ извѣстiе, что кн. Голицынъ, архангельскiй губернаторъ, прiѣхалъ въ Петербургъ и остановился тамъ-то. На другой же день отправляюсь къ нему. Ко мнѣ вышелъ человѣкъ, по виду, среднихъ лѣтъ, съ интеллигентнымъ лицомъ, изящный, воспитанный, въ выраженiи физiономiи котораго совершенно отсутствовала офицiальная или чиновничья печать. Это дало мнѣ возможность, не конфузясь и безъ страха, изложить ему мое дѣло. На его вопросъ, были-ли примѣры такого дозволенiя, я отвѣчала, что до

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 1.

сихъ поръ, сколько я знаю, ихъ не было, но что въ виду все учащающихся случаевъ самоубійствъ и психическихъ разстройствъ среди сосланныхъ, а также и потому, что нельзя же всю жизнь карать человѣка за одну ошибку, я разсчитываю, что администрація приметъ все это во вниманіе и снизойдетъ къ моей просьбѣ.

— За одну ошибку, какъ вы говорите, а по понятіямъ администраціи—за политическое преступленіе, она вовсе не караетъ всю жизнь: напримѣръ вашъ сынъ сосланъ только на пять лѣтъ. И если онъ въ это время не совершитъ новаго политическаго преступленія, а, по вашей терминологіи, ошибки, онъ будетъ освобожденъ и можетъ держать какіе угодно экзамены.

— Ссылку обыкновенно приходится считать вдвое сравнительно съ срокомъ, первоначально назначеннымъ администраціею. Если такой срокъ опредѣленъ въ пять лѣтъ, то по истеченіи этого времени ссыльнаго, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, освобождаютъ еще не совсѣмъ, а лишь дозволяютъ передвинуться въ мѣстность съ нѣсколько болѣе благопріятными условіями для жизни, гдѣ ему приходится провести еще два-три года; затѣмъ ему разрѣшаютъ переѣхать въ еще болѣе культурный пунктъ, гдѣ онъ опять проводитъ столько же. А черезъ лѣтъ десять, когда ему уже не помѣшаютъ жить въ провинціальныхъ университетскихъ городахъ, молодой человѣкъ обыкновенно до такой степени изстрадается въ ссылкѣ, выпьетъ до дна всю чашу всевозможныхъ ужасовъ, сопряженныхъ съ нею, что уже совершенно теряетъ стремленіе къ научной дѣятельности, при этомъ нервы его въ конецъ расшатались, здоровье ослабѣло. Въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ оторванный отъ всего близкаго и родного, онъ чаще всего обзаводится семьею, а между тѣмъ найти заработокъ безъ университетскаго диплома въ настоящее время чрезвычайно трудно.

На вопросъ князя, чѣмъ онъ можетъ мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ, я просила его, если у него будетъ запросъ о моемъ сынѣ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ или изъ министерства народнаго просвѣщенія, не ставить ему препятствій для временнаго отпуска его изъ ссылки.

— Если мѣстная администрація не укажетъ на какія нибудь неблаговидные поступки по отношенію къ ней съ его стороны, я даю вамъ слово не ставить ему ни малѣйшихъ препятствій, а указать даже на его склонность къ серьезнымъ занятіямъ, о чемъ мнѣ сообщали уже не разъ. Я сдѣлаю это охотно потому, что вполнѣ сочувствую вашему предпріятію и искренно желаю вамъ успѣха.

Я просила его о дозволеніи прислать ему по почтѣ

изложеніе на бумагѣ всего дѣла, но онъ отклонилъ это, обѣщавъ не забыть. По прекрасному впечатлѣнію, произведенному на меня княземъ Голицынымъ, я вполнѣ повѣрила его слову, и не ошиблась. Впослѣдствіи ему, дѣйствительно, былъ сдѣланъ такой запросъ, и онъ далъ вполнѣ хорошій отзывъ.

Господи, какимъ восторгомъ билось мое сердце, когда я возвращалась домой! Первая попытка увѣнчалась успѣхомъ,—это очень подбадривало меня при многихъ послѣдующихъ препятствіяхъ. Я не разъ слышала о томъ, какую массу хлопотъ приходится предпринимать и какъ долго длятся онѣ, пока добиваются перевода даже крайне больного ссыльнаго для леченія у спеціалиста, хотя бы даже и въ мѣстность весьма удаленную отъ культурныхъ центровъ. Подобныя разрѣшенія получались нерѣдко уже тогда, когда ссыльный умиралъ или по слабости здоровья совершенно не могъ предпринимать никакого путешествія. Это заставило меня вплотную приступить къ хлопотамъ уже въ 1889 г.; начать ихъ я рѣшила съ департамента полиціи.

Порядки въ этомъ учрежденіи, въ періодъ его управленія Петромъ Николаевичемъ Дурново въ качествѣ директора, были образцовые. Такое сужденіе я высказываю не какъ спеціалистъ, понимающій механизмъ чиновничьей машины, а только какъ человѣкъ, которому приходилось нерѣдко обращаться въ учрежденія, имѣющія цѣлью, какъ говорилось тогда на офиціальномъ языкѣ, уничтоженіе крамолы, или искорененіе неблагонадежныхъ элементовъ. Только въ департаментѣ полиціи, начальникомъ котораго былъ въ то время П. Н. Дурново, можно было скоро добиться необходимыхъ свѣдѣній, только въ этомъ учрежденіи не прибѣгали къ ненужнымъ обманамъ родственниковъ арестованныхъ или осужденныхъ за такъ называемыя политическія преступленія. Въ остальныхъ учрежденіяхъ этого рода безъ церемоніи прибѣгали къ совершенно безцѣльнымъ обманамъ, что́ страшною болью отзывалось въ сердцахъ людей, близкихъ осужденному, уже и безъ того измученныхъ его печальною участью. Такъ, напримѣръ, получается извѣстіе, что арестованный будетъ отправленъ въ ссылку черезъ столько-то времени, нерѣдко съ точнымъ обозначеніемъ дня отправки. Несчастныхъ родителей ради этого случая очень часто выписывали изъ отдаленной провинціи. Бросивъ всѣ дѣла, они пріѣзжали въ назначенный срокъ, надѣясь повидать своего сына или брата, а то и для того, чтобы проститься съ нимъ навсегда передъ вѣчной разлукой, между тѣмъ этого сына или брата уже отправили въ ссылку за нѣсколько дней до назначеннаго родственникамъ срока. Но директоръ департамента полиціи П. Н. Дурново не прибѣгалъ къ

такимъ безсмысленнымъ средствамъ, и чиновники держались при немъ корректно, наводили надлежащія справки даже тогда, когда родственникамъ политическихъ случалось приходить за ними въ непріемные дни директора. Что Дурново держалъ ихъ всѣхъ въ струнѣ, видно изъ того, что, какъ только онъ ушелъ изъ департамента, всѣ порядки въ немъ сразу измѣнились къ худшему для родственниковъ политическихъ.

П. Н., поскольку мнѣ приходилось сталкиваться съ нимъ въ этомъ учрежденіи, былъ человѣкъ вспыльчивый, но отходчивый, относился къ намъ—родителямъ съ непоколебимою прямотою, доходящей нерѣдко до невѣроятной грубости, но характеръ его въ извѣстной степени не лишенъ былъ своего рода благородства. Правда, онъ нерѣдко утѣшалъ убитую горемъ старуху-мать такими словами: «Ваше свѣдѣніе вполнѣ справедливо о томъ, что вашего сына хотѣли отправить въ ссылку на три года, а я подалъ голосъ за пятилѣтній срокъ,—за содѣянное имъ и этого еще мало...» Но напрасно заставлять терять время за какой-нибудь справкой, давать завѣдомо облыжное указаніе—этого не водилось при немъ въ деп. полиціи. П. Н. былъ такимъ же врагомъ ненужной жестокости, хитрости и двоедушія, какимъ онъ былъ врагомъ «политическихъ авантюристовъ», какъ онъ называлъ арестованныхъ и осужденныхъ по политическимъ дѣламъ. Если врагъ былъ у него въ рукахъ и «сидѣлъ смирно», какъ онъ выражался, онъ не прочь былъ исполнять маленькія просьбы его родственниковъ: дозволялъ имъ иногда лишнее свиданіе, давалъ разрѣшеніе двумъ, а то и тремъ лицамъ, въ экстраординарныхъ случаяхъ, ходить на свиданія къ заключеннымъ, допускалъ съ воли врача къ сильно занемогшему и дозволялъ кое что другое въ такомъ же родѣ. Конечно, онъ былъ всегда на стражѣ, чтобы его даже и такая снисходительность не переходила границъ. Иногда во время пріема, строго соблюдая очередь, онъ подходилъ къ дѣвушкѣ, которая просила его разрѣшить ей свиданіе съ такимъ-то арестованнымъ, такъ какъ она его невѣста. Директоръ тутъ же приказывалъ немедленно справиться, сколько лицъ приходитъ на свиданіе къ такому-то политическому. Если оказывалось, что ихъ уже двое или трое, онъ обращался къ дѣвушкѣ съ словами въ родѣ слѣдующихъ: «Невѣстъ то у него еще много будетъ! Я не могу дозволить переполнять пріемную». Если же къ заключенному приходило мало посѣтителей, онъ обыкновенно не отказывалъ въ просьбѣ желающимъ. Бывали и такіе случаи: смотритель спрашиваетъ насъ, ожидающихъ свиданія съ заключенными, не можетъ ли кто-нибудь изъ насъ найти для такого-то политическаго товарища или знакомаго, который пожелалъ бы

его навѣщать: «Директоръ далъ знать, что онъ дозволитъ свиданія». Когда мы разспрашивали смотрителя о заключенномъ, котораго никто не навѣщалъ, онъ разсказывалъ намъ, что его родные въ провинціи, а онъ заскучалъ и мало ѣстъ. Неизвѣстно, конечно, вытекало ли это изъ чувствъ человѣколюбія или изъ боязни все бо́льшей смертности въ тюрьмахъ.

Хотя П. Н. и мнѣ дѣлалъ немало подобныхъ одолженій, но я чрезвычайно побаивалась итти къ нему въ этотъ разъ, такъ какъ дѣло шло объ одолженіи несравненно болѣе серьезномъ, чѣмъ всѣ предыдущія; особенно опасалась я его гнѣвной вспышки и того, что онъ, выслушавъ первую фразу, не дастъ мнѣ до конца изложить мою просьбу. И вотъ въ день и часъ его пріема я стояла среди просителей, которыхъ у него всегда было очень много. Когда очередь дошла до меня, то, прежде чѣмъ я успѣла открыть ротъ, гнѣвъ внезапно охватилъ его въ такой степени, что все лицо его покрылось красными пятнами.

— Какъ, опять вы? Чего же вы, наконецъ, хотите отъ меня? Развѣ для васъ мало было сдѣлано? Несмотря на серьезное политическое преступленіе, вашъ сынъ отдыхалъ у васъ на дачѣ; вмѣсто того, чтобы опять посадить его въ тюрьму, я отправилъ его въ деревню. Но и тамъ ему не пожилось! Для него все слишкомъ плохо и всего мало! Да чего же вы, наконецъ, желаете? Если вы такъ дрожите надъ своимъ сыномъ, вы и должны были такъ воспитать его, чтобы онъ не занимался политическими авантюрами.

Въ продолженіе всей этой рѣчи я только и думала о томъ, какъ бы улизнуть. Какъ только онъ подвинулся впередъ, я тихонько выскользнула изъ круга посѣтителей. Онъ не спросилъ меня даже, зачѣмъ я приходила. А между тѣмъ, исполнялъ онъ или нѣтъ просьбу посѣтителей, онъ всегда внимательно выслушивалъ каждаго. Однако на этотъ разъ вспышка гнѣва заставила его забыть о томъ, что онъ не далъ мнѣ высказать моей просьбы. Но я была безконечно рада этому: если бы онъ тогда спросилъ меня, въ чемъ моя просьба, я должна была бы ему объяснить задуманное мною, а такъ какъ онъ былъ не въ духѣ, то это вызвало бы съ его стороны еще несравненно бо́льшій гнѣвъ. Неудавшаяся попытка заставила меня не показываться директору на глаза довольно продолжительное время, но когда я снова пришла къ нему, то по выраженію его лица мнѣ показалось, что онъ настроенъ болѣе благодушно, чѣмъ въ послѣднее наше свиданіе.

— Вы вѣдь какъ-то совсѣмъ недавно приходили сюда? О чемъ вы тогда просили?

— Въ послѣдній разъ я не рѣшилась высказать вамъ свою просьбу, ваше превосходительство.

— Почему же? Я, кажется, всѣхъ выслушиваю! Я не могу выполнять всѣхъ фантазій просителей относительно политическихъ преступниковъ, но разумную просьбу я по возможности стараюсь удовлетворять. Въ чемъ же дѣло?

Но голосъ мой, несмотря на мои усилія, не слушался меня, языкъ не поворачивался.

— Если вы чѣмъ нибудь стѣсняетесь, войдите въ кабинетъ послѣ пріёма.

Я такъ и сдѣлала, но, и оставшись съ нимъ съ глазу на глазъ, долго собиралась съ силами: прокашливалась, заикалась, путалась. Наконецъ, у меня вырвалось какъ-то само собой: «Хочу просить о дозволеніи моему сыну держать государственные экзамены, а для этого прошу разрѣшить ему на время пріѣхать изъ ссылки».

Директоръ сидѣлъ черезъ столъ напротивъ меня и наклонился, чтобы лучше вслушаться въ мои слова.

— Совершенно не понимаю, что такое: говорите громче.

Наконецъ, я высказала то, что хотѣла, и настолько опредѣленно, что для него уже не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, о чемъ я прошу. Директоръ весело и добродушно расхохотался.

— Съ такими просьбами еще никто ко мнѣ не обращался! Ну и фантазерка же вы! Вѣдь вотъ что выдумали! Только этого и недоставало. Развѣ вы не понимаете даже и того, что это гораздо болѣе зависитъ отъ другихъ, чѣмъ отъ меня.

— Но если бы всѣ лица, отъ которыхъ зависитъ такое разрѣшеніе, согласились исполнить мою просьбу, могу ли я разсчитывать, ваше превосходительство, что вы съ своей стороны не будете этому препятствовать?

Быстро выговоривъ все это, я рѣшила, что теперь уже долготерпѣніе директора лопнетъ и надо мною разразится гроза. Я встала съ кресла, чтобы ретироваться при первой возможности. Но вдругъ П. Н. опять раскатисто расхохотался и, махнувъ рукой, проговорилъ: «Не буду, не буду мѣшать!»

Всѣ отношенія П. Н. Дурново какъ ко мнѣ, такъ и къ другимъ родственникамъ «политиковъ» вполнѣ свидѣтельствовали о томъ, что онъ честно держитъ свое слово, но я понимала, что обѣщаніе, данное мнѣ, скорѣе носило насмѣшливый, чѣмъ серьёзный характеръ; его смѣхъ и слова при этомъ звучали издѣвательствомъ надъ моею наивностью. Но что же дѣлать! Если бы въ нихъ было еще болѣе яда, не могу же я изъ-за этого похерить надежду, которая такъ поддерживаетъ меня? Не могу же я не итти дальше

не добиваться достиженія своей цѣли? И я рѣшила, что если и не добьюсь успѣха, то, по крайней мѣрѣ, буду чиста передъ своею совѣстью, что, несмотря ни на что, сдѣлала рѣшительно все, что только могла.

Послѣ этого я начала всѣхъ разспрашивать о Деляновѣ и о томъ, какъ онъ принимаетъ посѣтителей. Наконецъ, я встрѣтила знакомаго С., который лично хорошо зналъ Делянова. Онъ мнѣ сообщилъ слѣдующее: на пріемахъ у министра онъ не бывалъ, но ему не разъ приходилось бесѣдовать съ нимъ и слышать его разсужденія о многихъ современныхъ вопросахъ. «Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ», сказалъ онъ мнѣ, «что, по мнѣнію министра, удовлетворять подобныя домогательства, какъ ваше,— значило бы поощрять студентовъ къ политическимъ преступленіямъ. Деляновъ человѣкъ не злой, иногда выказываетъ даже мягкосердечіе, но на рѣдкость слабохарактерный. Если бы и была какая нибудь возможность уломать его исполнить вашу просьбу, то уже затѣмъ вамъ пришлось бы встрѣтиться съ такимъ препятствіемъ, преодолѣть которое совершенно немыслимо. Дѣло въ томъ, что у Делянова два докладчика: Аничковъ и Эзовъ. Все, о чемъ у него просятъ, должно быть изложено на бумагѣ. Аничковъ, главный и почти единственный докладчикъ, разсматриваетъ всѣ просьбы и докладываетъ ихъ министру, дѣлая при этомъ свои замѣчанія, высказывая о нихъ свои мнѣнія. Это человѣкъ съ непреклонною волею и настоящій злопыхатель, съ самыми закорузлыми реакціонными взглядами,—вотъ онъ-то и оказываетъ на Делянова громадное вліяніе, и, конечно, въ самомъ консервативномъ смыслѣ. Если бы и возможно было такое чудо, что министръ былъ бы не прочь благосклонно отнестись къ вашей просьбѣ, то Аничковъ счелъ бы своимъ долгомъ напомнить ему, что относительно политическихъ всѣ подобныя поблажки—антигосударственный проступокъ. Повидимому, Деляновъ сильно побаивается Аничкова, но въ то же время крѣпко прицѣпился къ нему. Если бы доклады министру дѣлалъ Эзовъ, я бы посовѣтовалъ вамъ попытать счастья, хотя и тогда едва-ли ваша просьба могла бы имѣть успѣхъ. Но при Эзовѣ все-таки была бы какая-нибудь надежда: это весьма образованный, порядочный и вполнѣ благожелательный человѣкъ. Я увѣренъ, что онъ сдѣлалъ бы все, чтобы поддержать вашу просьбу передъ министромъ. Но ему поручаются доклады лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Аничковъ по дѣламъ куда-нибудь уѣзжаетъ или когда онъ хвораетъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, онъ всегда здравствуетъ и крайне рѣдко куда-нибудь уѣзжаетъ».

Я просила моего знакомаго извѣстить меня, если вдругъ,

совершенно неожиданно, Эзовъ явится докладчикомъ. Мнѣ интересно было также узнать мнѣніе С., почему Деляновъ, побаиваясь Аничкова, держится за него болѣе крѣпко, чѣмъ за Эзова.

— Вѣроятно потому, что Аничковъ болѣе соотвѣтствуетъ какъ его взглядамъ, такъ и современному положенію вещей: вдохновляемый имъ, министръ не боится совершить какую-нибудь оплошность относительно правительства при его современномъ направленіи. Что же касается самого Аничкова, то, зная слабость министра просвѣщенія, котораго вслѣдствіе безхарактерности можно хотя изрѣдка чѣмъ-нибудь разжалобить или склонить на что-нибудь болѣе или менѣе либеральное, онъ и старается быть у него единственнымъ докладчикомъ.

Я рѣшила пока выжидать. Вдругъ въ Петербургѣ появилась какая-то неизвѣстная до тѣхъ поръ эпидемія, которая валомъ валила съ ногъ массу народа. Въ газетахъ то и дѣло появлялись извѣстія о томъ, что на той или другой фабрикѣ, въ школѣ, въ казармахъ внезапно заболѣло множество людей; немало больныхъ оказывалось и среди всѣхъ классовъ общества. Доктора назвали эту эпидемію инфлюэнціей. Я немедленно написала моему знакомому, чтобы онъ справился, не захворалъ ли Аничковъ. Какого же было мое удивленіе и мой восторгъ, когда мой знакомый черезъ 2—3 дня послѣ этого пріѣхалъ сказать мнѣ, что Аничковъ дѣйствительно захворалъ, что доклады министру, по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, будетъ дѣлать Эзовъ. И я отправилась къ Делянову въ домъ армянской церкви, гдѣ онъ жилъ тогда. Въ вестибюлѣ швейцаръ взялъ мою верхнюю одежду, и я, поднявшись на одну лѣстницу, очутилась въ крошечной передней, которую скорѣе можно было назвать узенькимъ коридорчикомъ. Налѣво была дверь въ кабинетъ министра, а противъ входа—дверь въ пріёмную. Въ передней у окна стоялъ человѣкъ и усердно читалъ газету. Онъ стоялъ спиной къ окну, такъ что ему видно было и ожидающихъ въ пріемной, и тѣхъ, кто выходилъ отъ министра. Онъ былъ одѣтъ въ обычное штатское платье, и я не могла понять, какую должность онъ могъ занимать. По отсутствію форменной одежды и по весьма интеллигентному выраженію лица я не могла представить себѣ, чтобъ это былъ простой лакей.

Въ пріемной, куда я вошла, несмотря на полдень, стоялъ полумракъ: публика—дамы и мужчины сидѣли, не двигаясь и не разговаривая между собой, напоминая не живыхъ людей, а каменныя изваянія. Я думала, что, когда наступитъ время, назначенное для пріёма, министръ войдетъ въ общую комнату и будетъ выслушивать насъ по очереди, какъ это я видѣла у министра

юстиціи и въ департаментѣ полиціи. Однако прошло около часа, а до насъ не доносилось ни звука, стояла попрежнему гробовая тишина: никого не вызывали изъ пріемной, и никто не выходилъ отъ министра. Секретарь, лакей, или лучше назову его «любитель газетъ» стоялъ у окна, не мѣняя своего занятія: бралъ газету изъ одной пачки, быстро просматривалъ ее и, тщательно сложивъ, клалъ на другую сторону. Я подошла къ нему съ словами: «Простите, что я васъ безпокою, но очень прошу васъ сказать мнѣ, приметъ-ли меня сегодня министръ?»

— Я это знаю столько же, сколько и вы,—отвѣчалъ онъ холодно, продолжая и въ эту минуту читать, а, можетъ быть, только смотрѣть въ газету.

— А въ данную минуту министръ принимаетъ кого-нибудь?

— Конечно.

— Будьте любезны, скажите мнѣ, можетъ быть я должна послать министру мою визитную карточку?

Онъ на минуту поднялъ голову отъ газеты и, иронически скрививъ губы, отвѣчалъ:

— Вы сами должны знать, имѣете ли право посылать министру свою карточку.

Презрительный тонъ «любителя газетъ» и его высокомѣріе убѣдили меня, что послать министру визитную карточку было бы съ моей стороны величайшею безтактностью, а можетъ быть и дерзостью. Очевидно, и для исполненія такого простого обычая нужно имѣть извѣстныя права.

Я опять усѣлась на свое мѣсто, еще просидѣла нѣсколько минутъ, но ненарушимая тишина стояла попрежнему. Я спустилась внизъ поговорить со швейцаромъ. Прежде чѣмъ открыть ротъ, я протянула ему нѣсколько серебряныхъ монетъ, и онъ опрометью бросился подавать мнѣ пальто.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я еще не ухожу. Я хочу съ вами поговорить.

— Съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ, ваше превосходительство.

Я хотѣла возразить ему, что я не превосходительство, но сочла это невыгоднымъ для данной минуты.

— Скажите, пожалуйста, есть у министра пріемъ сегодня. А если есть, то почему же изъ пріемной никого не вызываютъ къ нему, и онъ самъ не выходитъ къ посѣтителямъ?

— У него сидитъ военный генералъ, вонъ и ихнее пальто.

— Но вѣдь прошло уже болѣе часа. Когда же министръ успѣетъ всѣхъ принять?

— Это вы вѣрно сказали: его сіятельство никакъ не успѣетъ всѣхъ принять. У насъ сегодня до 30 человѣкъ. Все жъ приметъ

двоихъ-троихъ. А тѣ, съ кѣмъ не успѣетъ переговорить въ этотъ разъ, придутъ въ слѣдующій пріемный день. Его сіятельство, графъ нашъ, добрѣйшей души человѣкъ. Онъ ко всѣмъ снисходитъ. Мнѣ нерѣдко говариваетъ: «Смотри, всѣхъ ко мнѣ принимай: одёжа ли у кого простая, значитъ бѣдная, отъ моей двери никого не гнать». И какъ ужъ нашъ графъ простъ со всѣми въ обхожденіи! Точно онъ и не графъ, точно онъ и не министръ, точно онъ и не первѣющее лицо въ государствѣ.

— Однако, какъ же долго приходится ходить къ министру, чтобы наконецъ быть принятымъ имъ?

— А какъ же быть-то, ваше прев.? Вѣдь ежели, примѣрно сказать, придетъ къ нему полный генералъ, либо придворный важный чинъ, вѣдь такого-то нужно отличить отъ другихъ? Не можетъ же его сіятельство 2—3 слова сказать съ важнѣющимъ лицомъ, да и по шапкѣ его!

Но въ эту минуту мнѣ послышался сверху какой-то шумъ, и я бросилась на лѣстницу. Оказалось—пустая тревога. Я очень пожалѣла, что не успѣла спросить у швейцара, какую должность занимаетъ при министрѣ «любитель газетъ», столь нелюбезно отвѣчающій на вопросы. Посидѣла я въ пріемной еще нѣсколько минутъ, и такъ какъ попрежнему не было ни малѣйшаго движенія, то я подумала, что мнѣ придется много и много разъ приходить къ министру прежде, чѣмъ удастся переговорить съ нимъ, и что за это время, пожалуй, Аничковъ успѣетъ выздоровѣть. Эта мысль придала мнѣ такую отчаянную смѣлость, что я рѣшительно подошла къ «любителю газетъ», продолжавшему свое чтеніе, и положила поверхъ пачки трехрублевую бумажку, стараясь при этомъ загородить собою дверь въ пріемную, чтобы мой фортель не былъ замѣченъ сидящими въ ней.

— Не сочтите это за дерзость... Пожалуйста, возьмите, простите, что мало... Объясните, Бога ради, какъ добиться аудіенціи у министра?

Любитель газетъ быстро обернулся ко мнѣ, преспокойно взялъ трехрублевую бумажку, сунулъ ее въ карманъ, вошелъ въ пріемную, вынесъ оттуда стулъ, прикрывая свободною рукой половинку открытой двери, и сказалъ, наклоняясь ко мнѣ: «Садитесь и пишите, что я вамъ продиктую». При этомъ онъ досталъ изъ стола письменныя принадлежности, нажалъ пружинку чернильницы и, подавая мнѣ перо, спросилъ: «Ваше имя, фамилія и званіе?»

— Писательница Е. Н. Водовозова.

— Писательница? Вы пишете въ газетахъ или журналахъ?

— Я пишу книги и сама ихъ издаю.

— Такъ это же прекрасно!—и онъ, быстро наклонившись

къ самому уху, началъ диктовать приблизительно слѣдующее: «Ваше сіятельство, г-нъ министръ, простите, что я рѣшаюсь безпокоить васъ своею покорнѣйшею просьбою принять меня сегодня же,—меня вынуждаетъ къ этому неотложное дѣло». Когда я хотѣла подписать свою фамилію, онъ остановилъ меня: «назовите ваши сочиненія», и когда я назвала, онъ продиктовалъ: писательница и издательница, авторъ книгъ: «Жизнь европейскихъ народовъ», въ 3-хъ томахъ, и педагогическаго сочиненія «Нравственное и умственное развитіе дѣтей».

Только что я успѣла встать со стула, какъ послышались голоса у двери кабинета министра. Я вскочила въ пріемную и увидѣла, какъ высокій военный генералъ проходилъ по кабинету. Не прошло и пяти минутъ послѣ этого, какъ мой теперешній «благожелатель» вошелъ въ пріемную съ словами: «Его сіят., министръ народнаго просвѣщенія приглашаетъ къ себѣ г-жу Водовозову». Я вышла изъ пріемной, но онъ опередилъ меня и раскрылъ передо мною дверь кабинета министра. Когда я подошла къ письменному столу, у котораго сидѣлъ Деляновъ, онъ всталъ и протянулъ мнѣ руку съ словами:

— Я зналъ вашего покойнаго мужа. Какъ же, какъ же... Я прекрасно зналъ Василія Ивановича. Мнѣ нерѣдко приходилось бесѣдовать съ нимъ еще въ ту пору, когда я былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа. Очень радъ съ вами познакомиться. Но скажите, пожалуйста, зачѣмъ это вы три тома написали о жизни еврейскихъ народовъ?

— Я не писала, ваше сіят., о жизни еврейскихъ народовъ: три тома моего труда носятъ названіе «Жизнь европейскихъ народовъ».

Онъ взялъ со стола листъ, написанный мною, и бѣгло взглянулъ на него.—Ну да... ну да... я знаю, вы написали жизнь европейскихъ народовъ, но вѣдь у васъ тоже есть и трудъ «Жизнь еврейскихъ народовъ»,—настаивалъ онъ, видимо, желая какъ-нибудь вывернуться.

Мнѣ пришлось повторить сказанное.

— Я знаю, у васъ много книгъ... Въ качествѣ министра просвѣщенія мнѣ приходится знакомиться съ огромнымъ количествомъ выходящихъ изданій.

Весь этотъ разговоръ шелъ стоя, но тутъ министръ указалъ мнѣ на кресло, приглашая сѣсть, и самъ, усаживаясь къ столу противъ меня, подвигая ко мнѣ коробку съ папиросами, спросилъ: «Вы курите?» Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ продолжалъ.

— А то, пожалуйста, не стѣсняйтесь! Не въ моемъ характерѣ стѣснять кого бы то ни было. Я человѣкъ простой. Ко мнѣ каждый

можетъ прійти: и богатый, и бѣдный, и человѣкъ, занимающій высокое положеніе, и совершенно простой. Для меня рѣшительно всѣ равны. Каждый можетъ изложить мнѣ свои желанія,— я всѣхъ выслушиваю съ одинаковымъ вниманіемъ.

— Это и дало мнѣ смѣлость явиться къ вашему сіятельству.

Деляновъ, дѣйствительно, держалъ себя совершенно просто: ни въ тонѣ рѣчи, ни въ его манерахъ не было ничего начальственнаго, никакой напускной важности или искусственности. Вотъ эта-то простота обращенія и дала мнѣ возможность разговаривать съ нимъ безъ малѣйшаго стѣсненія. Въ то время ему, по виду, было за 60 лѣтъ. Въ его внѣшности меня поразило только необыкновенно круглая форма его головы.

— Вы получаете пенсію послѣ смерти вашего мужа?

Я отвѣчала, что пенсіи не получаю, такъ какъ мой покойный мужъ прослужилъ въ гимназіи лишь 21 годъ, но что я пришла къ нему совсѣмъ по другому дѣлу.

— Въ виду заслугъ Василія Ивановича на пользу просвѣщенія, что вполнѣ признано министерствомъ народнаго просвѣщенія, вы смѣло могли бы хлопотать о полученіи пенсіи, или, по крайней мѣрѣ, полупенсіи. Что же касается затрудненій, вслѣдствіе упущенія времени и другихъ препятствій, я счелъ бы своею обязанностью посодѣйствовать вамъ, насколько это для меня возможно.

— Отъ всей души благодарю, ваше сіятельство, но не объ этомъ я пришла васъ просить.

— Какъ, вы отказываетесь отъ пенсіи. Слѣдовательно вы имѣете хорошія матеріальныя средства?

— Я рѣшительно не имѣю никакихъ средствъ и живу исключительно литературнымъ трудомъ.

— Странно! Очень странно! Какъ-то не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь упускалъ случай получать пенсію, когда для этого есть какая-нибудь возможность. Чѣмъ же я тогда могу быть вамъ полезнымъ?

Я вкратцѣ разсказала ему о ссылкѣ моего сына и просила его дозволить ему пріѣхать въ Петербургъ держать государственные экзамены.

— О чемъ вы могли бы просить и относительно чего я предлагаю вамъ мои услуги, вы категорически уклоняетесь... Какъ же вы, сударыня, не принимаете въ расчетъ, что я, какъ министръ просвѣщенія, обязанъ беречь молодое поколѣніе отъ нравственной порчи, отъ политической заразы? Исполнивъ вашу просьбу, я допущу политическаго преступника въ общество студентовъ, въ аудиторію съ остальными... Онъ опять начнетъ развращать молодежь, какъ и прежде.

На мой вопросъ, какимъ образомъ мой сынъ развращалъ студентовъ, Деляновъ настойчиво отвѣчалъ:

— Да-съ, развращалъ, это мнѣ доподлинно извѣстно! Университетское начальство и профессора прямо говорили мнѣ объ этомъ. Вѣдь за это-то его и сослали.

Я возражала, что онъ высланъ за переводъ Туна и за примѣчанія къ нему.

— Очень возможно, что это было уже послѣднею каплею. Но онъ развращалъ студентовъ своими рѣчами и разглагольствованіями въ «научно-литературномъ обществѣ», вся научность котораго заключалась въ томъ, чтобы вести противоправительственную пропаганду. Рѣчи, рефераты молодыхъ людей въ этомъ обществѣ носили характеръ исключительно недозволенной пропаганды, дерзкой и крайне вредной.

— Насколько мнѣ извѣстно, на собраніяхъ этого общества обыкновенно присутствовалъ кто-нибудь изъ профессоровъ.

— Что же изъ этого? Немало оказалось и такихъ профессоровъ, которые даже съ каѳедры вели революціонную пропаганду. Вотъ, напримѣръ, г-нъ С.: онъ считается историкомъ, а міропониманіе этого ученаго чисто революціонное, сплошное осужденіе правительства, даже въ прошломъ. Съ его точки зрѣнія основа нашей исторической жизни никуда негодна: наши финансы, экономическое положеніе народа, все это было отчаянное, неправда царила всюду, жестокости происходили такія, какихъ въ то время нигдѣ не бывало. И вотъ, изволите ли видѣть, несмотря на то, что въ нашемъ прошломъ ничего не было, кромѣ ужаса и мрака, Россія, слава Богу, живетъ, и не только живетъ, но во всемъ мірѣ считается могущественнѣйшею державою. Нѣтъ-съ... такихъ вредныхъ господъ я не допущу на каѳедру. Пускай пишетъ, что угодно, это не мое дѣло. А вы, сударыня, сознайтесь чистосердечно, такъ же чистосердечно, какъ я съ вами бесѣдую, что вы рѣшились вырвать у меня дозволеніе для вашего сына держать государственные экзамены съ цѣлью, чтобы затѣмъ потихоньку да полегоньку вытащить его на каѳедру?

— Вполнѣ чистосердечно сознаюсь вамъ, ваше сіят., что я никогда не читала и не слыхала, чтобы какая-нибудь мать могла втащить своего сына на каѳедру. Можетъ быть, это возможно при могущественныхъ связяхъ. Я же не имѣю никакой протекціи, и даже къ вамъ явилась по простому указанію въ газетахъ о времени вашего пріема.

— Для того, чтобъ явиться ко мнѣ, никому не нужно за-

пасаться ни протекціями, ни рекомендаціями: и бѣднымъ, и богатымъ, и знатнымъ, и простымъ смертнымъ для всѣхъ широко открыта моя дверь.

— Вы только что сказали, ваше сіят., что заслуги моего покойнаго мужа признаны министерствомъ просвѣщенія и даютъ ему право на полученіе если не пенсіи, то полупенсіи. Я вмѣсто этого прошу лишь объ одномъ—дозволить моему сыну держать экзамены. Только объ этомъ прошу, и больше ни о чемъ я не посмѣю утруждать васъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—заговорилъ министръ даже съ какимъ-то испугомъ, точно я прижимала его къ стѣнѣ.—Это даже очень нехорошо съ вашей стороны, что вы такъ настаиваете на одномъ и томъ же! Это просто какое-то нравственное насиліе! Поймите же: я не могу отказаться отъ своихъ взглядовъ на политическихъ преступниковъ. Мнѣ изъ-за этого могутъ даже сдѣлать запросъ, почему я начинаю мирволить такимъ господамъ, какъ революціонеры, которыхъ я всегда считалъ величайшими врагами государства.

— Но вѣдь мой сынъ пострадалъ только за переводъ сочиненія нѣмецкаго профессора Туна. Ваше сіят., прошу васъ, исполните мою просьбу.

— Нѣтъ, пожалуйста, прекратите этотъ разговоръ. Вы такъ настоятельно... такъ горячо объ этомъ просите, что меня это даже волнуетъ.—Онъ опять произносилъ это какъ-то по-дѣтски, жалобно и точно испуганно.—Но я желаю отъ души быть вамъ полезнымъ, а потому прошу васъ, объясните мнѣ чистосердечно причину, почему вы отказываетесь отъ пенсіи.

Я отвѣчала, что могу изложить все дѣло вполнѣ откровенно, но въ виду его посѣтителей очень боюсь его задерживать. Къ тому же я человѣкъ не свѣтскій, не сумѣю облечь въ надлежащую форму то, что я желаю сказать, не сумѣю найти тѣ обороты рѣчи, въ какихъ я только и могла бы все изложить ему, какъ министру.

— Насчетъ посѣтителей это уже моя забота. Повторяю, я всегда доступенъ для каждаго: для меня нѣсть эллинъ, нѣсть іудей. Что же касается выраженій, которыхъ вы боитесь не найти въ вашемъ лексиконѣ, чтобы достаточно почтить меня, какъ министра просвѣщенія, то я врагъ офиціальнаго чинопочитанія. Да и вы, сударыня, не чиновникъ, числящійся на службѣ по моему вѣдомству.

И я правдиво и откровенно изложила ему слѣдующее: когда разразилось дѣло Каракозова, у насъ въ домѣ не было ника-

кого обыска, не призывали и моего покойнаго мужа къ какому бы то ни было допросу или объясненію. Это было вполнѣ естественно: онъ ни въ каракозовскомъ и ни въ какомъ другомъ политическомъ дѣлѣ не участвовалъ. А потому, когда весною кончились уроки въ гимназіи, онъ совершенно покойно уѣхалъ съ семьею въ деревню. Возвратился онъ въ Петербургъ въ половинѣ августа, наканунѣ начала своихъ занятій. На другой день онъ отправляется въ гимназію на урокъ и вдругъ узнаетъ отъ швейцара, что его мѣсто занято другимъ учителемъ, который сегодня въ первый разъ только что явился на урокъ. Не вѣря своимъ ушамъ, Вас. Ив. бросается къ директору гимназіи. Тотъ заявляетъ ему, что изъ министерства просвѣщенія очень недавно получено официальное извѣщеніе о томъ, что Вас. Ив. Водовозовъ увольняется отъ занимаемой имъ должности въ гимназіи безъ объясненія причинъ. При этомъ директоръ добавилъ, что до полученія этого заявленія у него о Вас. Ив. рѣшительно никто ничего не спрашивалъ, никто не собиралъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Онъ, директоръ, самъ пораженъ этимъ инцидентомъ и разсчитывалъ выяснить причину этого загадочнаго увольненія изъ личныхъ объясненій Вас. Ив—ча.

Выгнанный безъ всякой причины такъ неожиданно и безцеремонно изъ гимназіи, мой покойный мужъ прямо отъ директора гимназіи отправился въ пиротехническое и аудиторское училища, разсчитывая, что хотя въ этихъ двухъ учрежденіяхъ у него сохранились еще занятія. Но и изъ этихъ двухъ заведеній онъ тоже оказался уволеннымъ безъ объясненія причинъ. Итакъ, моего покойнаго мужа уволили въ 1866 г. изъ всѣхъ заведеній, гдѣ онъ преподавалъ, уволили безъ всякаго предупрежденія, какъ не увольняютъ даже кухарку въ порядочномъ домѣ. Такимъ образомъ вся моя семья буквально была вышвырнута на улицу безъ куска хлѣба. Но это еще далеко не все: когда черезъ 2—3 года послѣ этого то одно, то другое частное заведеніе предлагали ему учительское мѣсто: онъ предупреждалъ, что уволенъ изъ казенныхъ заведеній, но его уговаривали согласиться, взявъ на себя хлопоты о разрѣшеніи. Однако ему не разрѣшали преподаванія и въ частныхъ заведеніяхъ. А принцъ Ольденбургскій, узнавъ, что начальница одной изъ частныхъ гимназій предложила Вас. Ив—чу мѣсто учителя литературы, сказалъ ей: «Какъ могли вы даже подумать о томъ, чтобы пригласить къ себѣ такую политически скомпрометированную личность? Водовозовъ—Каракозовъ; обѣ фамиліи не даромъ риѳмуютъ другъ съ другомъ!»

Въ это время я тоже не могла помочь ничѣмъ моей семьѣ.

За полгода передъ этимъ Александръ Карловичъ Пфель [1], по желанію одной высокопоставленной особы, рѣшилъ устроить новый классъ съ программою женской гимназіи, въ который допускались бы лучшія ученицы различныхъ училищъ и женскихъ пріютовъ. Преподавательскія мѣста въ этомъ вновь открывающемся учрежденіи могли, между прочимъ, занимать и женщины, выдержавшія экзамены на младшаго учителя гимназіи. Вмѣстѣ съ тремя другими женщинами, я была допущена къ экзаменамъ, выдержала ихъ, была принята преподавательницею и должна была начать уроки со второй половины августа. Въ назначенное время я явилась на уроки, но Пфель заявилъ мнѣ, что учрежденіе этого новаго класса затягивается [2], но во всякомъ случаѣ я не была утверждена въ качествѣ преподавательницы, и мнѣ не дозволяется преподаваніе потому, что въ 1861 г., во время студенческихъ волненій, я произнесла рѣчь студентамъ, для чего будто бы даже взобралась на дрова. Я немедленно представила мой институтскій аттестатъ, изъ котораго видно было, что я окончила курсъ въ Смольномъ институтѣ лишь въ 1862 г., т.-е. черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ означеннаго событія, слѣдовательно въ то время, когда меня обвиняли въ произнесеніи рѣчи, я безотлучно находилась въ четырехъ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія. Но это не помогло. Видимо, уже рѣшено было напередъ, во что бы то ни стало, изморомъ извести мою семью. Какъ же мнѣ послѣ этого принять пенсію отъ министерства просвѣщенія, которое такъ безпощадно губило жизнь моей семьи? Я не только не думала въ настоящее время о пенсіи, но даже немедленно послѣ смерти моего покойнаго мужа, когда одно лицо предложило мнѣ хлопотать объ этомъ, я наотрѣзъ отказалась. Мнѣ казалось, что если бы я поступила иначе, кости моего покойнаго мужа перевернулись бы въ гробу.

И вдругъ я тутъ только спохватилась и сообразила, что совсѣмъ не такъ должна была излагать это дѣло министру, который, насупившись, сидѣлъ молча, не проронивъ ни слова во время моего разсказа.

— Я терпѣливо выслушалъ васъ, но не какъ министръ народнаго просвѣщенія, а какъ частное лицо. Прошу васъ помнить объ этомъ, сударыня. Вотъ что я замѣчу относительно вашего длиннаго повѣствованія о всѣхъ жестокихъ преслѣдованіяхъ и несправедливостяхъ къ вамъ правительства. Конечно, ошибки

[1] Чиновникъ особыхъ порученій при 4-мъ отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, который черезъ 2 года послѣ этого получилъ званіе почетнаго опекуна и управляющаго московскимъ воспитательнымъ домомъ съ его округами, Николаевскимъ сиротскимъ институтомъ и др.

[2] Въ концѣ концовъ это учрежденіе не устроилось.

вездѣ возможны, но простите, сударыня,—не относительно покойника. А между тѣмъ вы говорите объ его увольненіи съ такою злобою и раздраженіемъ даже теперь... Вы стараетесь указать, какъ на величайшую несправедливость, на то, что Вас.Ив. уволили изъ гимназіи безъ объясненія причинъ, и вы, видимо, не допускаете даже мысли, что власти имѣли полное моральное право такъ поступить. Не я былъ тогда министромъ просвѣщенія, но, будучи лично знакомъ съ Вас.Ив.,я интересовался имъ и прекрасно знаю, что онъ, во время всей своей преподавательской дѣятельности, то и дѣло выступалъ на педагогическихъ учительскихъ совѣщаніяхъ съ различными своими протестами противъ общаго рѣшенія своихъ же товарищей-учителей, особенно, когда дѣло шло объ исключеніи какого-нибудь негоднаго ученика.

— Это дѣйствительно случалось, но онъ протестовалъ лишь тогда, когда увольняли лучшихъ учениковъ за какую-нибудь шалость или за ничтожный проступокъ. Совѣсть не позволяла ему присоединяться къ мнѣнію товарищей, которые съ легкимъ сердцемъ портили жизнь тому или другому юношѣ.

— Я уважалъ покойнаго Вас. Ив., но простите, сударыня, не думаю, чтобы, кромѣ него, всѣ остальные учителя были люди безсовѣстные. Вы изволили сказать, что онъ протестовалъ тогда, когда учениковъ увольняли за простыя шалости и ничтожные проступки. А я до сихъ поръ вспоминаю случай, когда Вас. Ив. остался при особомъ мнѣніи даже тогда, когда проступокъ одного гимназиста возмутилъ всѣхъ порядочныхъ людей и когда всѣ требовали строгой кары провинившемуся. Я говорю про гимназиста, который пустился отплясывать въ присядку передъ своимъ священнослужителемъ, передъ своимъ законоучителемъ.

— Это было не совсѣмъ такъ, ваше сіят.: священникъ опоздалъ на урокъ, ученики думали, что онъ уже не придетъ, и одинъ изъ нихъ, дѣйствительно, началъ плясать, но какъ только замѣтилъ входящаго священника, сейчасъ побѣжалъ на свое мѣсто.

— Танцы и пляска не запрещены, но не въ классѣ. Неумѣстны они особенно передъ урокомъ Закона Божія, когда умъ ученика долженъ быть направленъ на соображенія высшаго характера. Негодный мальчишка устроилъ эту дерзость, чтобы похвастать передъ товарищами, показать имъ, какъ онъ пренебрежительно относится къ такимъ предметамъ, какъ Законъ Божій, и къ такимъ преподавателямъ, какъ его законоучитель. А Вас. Ив. одобрялъ и такіе поступки учениковъ и находилъ, что удаленіе изъ заведенія и самыхъ безнравственныхъ мальчишекъ—преступленіе. Вотъ, сударыня, подобные-то протесты противъ общаго рѣшенія товарищей-учителей и заставили смотрѣть начальство на Вас. Ив.,

какъ на человѣка безпокойнаго и неблагонадежнаго. Именно неблагонадежнаго: это слово прекрасно опредѣляетъ поведеніе человѣка. Кромѣ протестовъ, несомнѣнно за покойникомъ числились и другія немалыя прегрѣшенія, но подымать всю эту исторію при его увольненіи, выяснять все это, какъ вы желаете, немыслимо. Что Вас. Ив. былъ человѣкомъ, дѣйствительно, неблагонадежнымъ и что этотъ эпитетъ вполнѣ къ нему подходилъ, онъ вполнѣ доказалъ, когда у насъ введенъ былъ классицизмъ, который благополучно господствуетъ и въ другихъ культурныхъ государствахъ запада и всѣми признается полезнымъ при образованіи юношества. Но Вас. Ив., конечно, оказался этимъ недоволенъ и всюду разносилъ правительство, всюду кричалъ о смертоносности классицизма, писалъ объ этомъ, читалъ рефераты. Съ вашей стороны, сударыня, неблагоразумно возмущаться тѣмъ, что его уволили, и уволили безъ объясненія причинъ. Нечего удивляться, сударыня, и тому, что его сынъ оказался революціонеромъ. Исполнить вашу просьбу—не могу: я не потатчикъ юношамъ такого сорта. Къ сожалѣнію, къ сердечному моему сожалѣнію, рѣшительно ничего не могу сдѣлать для васъ.

Я медленно спускалась по лѣстницѣ, утративъ всякую надежду, сознавая, что мои дальнѣйшія шаги въ этомъ направленіи совершенно безполезны.

— Вотъ, ваше превосходительство, какой продолжительной бесѣды вы удостоились! Его сіятельство умѣетъ отличать достойныхъ людей! Почти цѣлый часъ имѣли счастье провести съ его сіятельствомъ съ глазу на глазъ!—говорилъ швейцаръ, указывая мнѣ на часы и подавая пальто. Вдругъ съ верхней площадки меня окликнулъ мой «благожелатель».

— Какъ же ваше дѣло? Въ чемъ оно заключается? Исполнилъ ли министръ вашу просьбу?—торопливо спрашивалъ онъ меня, когда я опять поднялась на лѣстницу. При этомъ онъ чуть пріоткрылъ дверь передней, высунулъ голову и такимъ образомъ разговаривалъ со мною. Въ нѣсколькихъ словахъ я сообщила ему, о чемъ просила министра и о результатѣ моего ходатайства.

— Сдается мнѣ, что этого очень трудно добиться! Но вы все-таки еще попытайтесь: напишите прошеніе какъ можно убѣдительнѣе. Только не упоминайте въ немъ о томъ, что онъ вамъ отказалъ. Принесите прошеніе сюда, сегодня же въ 9 ч. и легонько постучите въ эту дверь. «Его» не будетъ въ это время, и я немедленно выйду къ вамъ. Завтра утромъ всѣ прошенія я долженъ отнести г-ну Эзову, который читаетъ ихъ, дѣлаетъ докладъ о нихъ министру и при этомъ можетъ замолвить за васъ словечко.

Вы сами къ нему отправляйтесь завтра же въ его пріемные часы. Г-нъ Эзовъ—человѣкъ очень обходительный.

Я съ точностью исполнила эти совѣты и въ назначенный часъ передавала моему «благожелателю» прошеніе, предварительно положивъ на него, уже безъ всякаго страха, скромную мзду.

Когда я на другой день вошла въ пріемную Эзова, его немногочисленные посѣтители уже расходились, и онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ. Это былъ человѣкъ очень небольшого роста, худощавый до истощенія, съ печатью тяжкаго недуга во всѣхъ чертахъ чрезвычайно симпатичнаго и интеллигентнаго лица. Онъ сказалъ мнѣ, что уже успѣлъ прочитать мое прошеніе, вполнѣ сочувствуетъ матерямъ, стремящимся, чтобы ихъ сыновья кончали университетскій курсъ, что онъ въ такомъ духѣ и будетъ говорить съ министромъ. Но въ виду того, что министръ при личномъ свиданіи со мной такъ категорически отклонилъ мою просьбу, онъ, Эзовъ, очень сомнѣвается въ успѣхѣ. Но это не помѣшало ему подробно разспросить меня о высылкѣ сына, о моемъ разговорѣ съ министромъ, о моихъ занятіяхъ, о моихъ изданіяхъ.

Я утратила всякую надежду на благопріятный исходъ этого дѣла; формальный отказъ, который я разсчитывала получить еще не скоро, казался мнѣ даже лишней затяжкой, напрасно обременяющей мое и безъ того тяжелое, неопредѣленное положеніе. Вотъ потому-то и не было предѣловъ моему изумленію, когда черезъ нѣсколько дней М. И. С. пріѣхалъ сказать мнѣ, что Деляновъ далъ разрѣшеніе моему сыну держать государственный экзаменъ, бумага имъ уже подписана, и на дняхъ я получу объ этомъ офиціальное увѣдомленіе. Такъ какъ все это М. И. С. узналъ отъ самого Эзова, то члены моей семьи очень заинтересовались, какимъ образомъ ему удалось уломать министра.

Вотъ что мы узнали. Когда дошла очередь до изложенія моей просьбы, Эзовъ началъ говорить министру о томъ, какъ много молодыхъ людей лишены теперь возможности кончить университетскій курсъ. Отчасти, говорилъ онъ, это происходитъ вслѣдствіе трудностей, сопряженныхъ для ученика съ классицизмомъ: для бѣдняка, не имѣющаго репетитора, трудно одолѣть гимназическій курсъ со всѣми этими экстемпораліями, но отчасти и вслѣдствіе того, что за политическія провинности, иногда совершенныя по простому легкомыслію юношей, ихъ исключаютъ изъ университетовъ. Министръ отвѣчалъ, что онъ прекрасно знаетъ всю трудность классицизма для учащихся, что на это ему жалуются учителя, но не онъ его ввелъ. Что же касается

политическихъ провинностей молодежи, то это дѣло уже полицейскихъ учрежденій. Конечно, онъ, министръ, находитъ, что революціонный элементъ необходимо искоренять самыми энергичными мѣрами, но если проступокъ юноши не изъ тяжелыхъ, онъ согласенъ, что такого не слѣдуетъ лишать образованія, не дозволяя ему держать экзамены: «выслать куда-нибудь на сѣверъ подальше на годъ-другой, чтобы охладить горячую голову, вотъ и все». За суровыя мѣропріятія онъ, министръ, нигдѣ не возвышалъ своего голоса. «Я никогда не забываю, что моя задача—распространять образованіе, а не тормозить его».

— А между тѣмъ, при томъ положеніи вещей, какое у насъ теперь создалось въ различныхъ областяхъ жизни, можетъ скоро оказаться недостатокъ въ людяхъ, окончившихъ университетское образованіе. Вотъ, напримѣръ, г-жа Водовозова: она проситъ ваше сіятельство разрѣшить держать государственные экзамены ея сыну, который былъ уволенъ изъ университета только за то, что далъ отлитографировать переводъ нѣмецкаго профессора Туна, котораго, кстати сказать, не разошлось ни одного экземпляра. Что касается самаго произведенія Туна, то могу смѣло увѣрить васъ, что въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего, могущаго зажигать политическія страсти.

— Я знакомъ, я, конечно, знакомъ съ произведеніемъ Туна. Но видите, разъ начальство что-нибудь запрещаетъ, то рѣшительно всѣ, а тѣмъ болѣе студенты обязаны вполнѣ подчиняться такому постановленію.

Кстати замѣчу, что Деляновъ, по разсказамъ лицъ, имѣвшимъ случай бесѣдовать съ нимъ и встрѣчать его, когда при немъ упоминали о какомъ-нибудь произведеніи, всегда утверждалъ, что прекрасно съ нимъ знакомъ, хотя это ничѣмъ не подтверждалось. Очень любилъ онъ и повторять излюбленную фразу о томъ, что онъ никогда не забываетъ свою задачу распространять просвѣщеніе, а не тормозить его. Онъ вспоминалъ ее и тогда, когда его министерство повысило плату за университетское образованіе, говорилъ о своей любви къ просвѣщенію и въ самую горячую пору своего похода противъ «кухаркиныхъ дѣтей» (какъ окрестило общество его циркуляръ противъ поступленія въ среднія учебныя заведенія дѣтей низшихъ сословій), произносилъ онъ свою излюбленную фразу и тогда, когда ограничилъ пріемъ въ учебныя заведенія инородцевъ, когда для евреевъ была установлена процентная норма. Сознавая непосильную трудность классицизма для большинства учащихся и ничтожную роль, какую во время его господства играли всѣ остальные учебные предметы, Деляновъ, однако, крѣпко держался этой системы

за весь періодъ своего управленія министерствомъ просвѣщенія. Но перейду къ разсказу.

Лишь только въ разговорѣ съ Эзовымъ Деляновъ упомянулъ о томъ, что студентъ обязанъ повиноваться распоряженіямъ начальства, его докладчикъ замѣтилъ ему:

— Это несомнѣнно такъ, ваше сіятельство. Но вѣдь студентъ Водовозовъ за содѣянное и понесъ весьма чувствительную кару: предварительное тюремное заключеніе и пять лѣтъ ссылки. Я рѣшаюсь вамъ указать и на другую причину, которая заставляетъ меня поддерживать просьбу г-жи Водовозовой: я не имѣю ни съ нею, ни съ ея сыномъ никакого личнаго знакомства, но она писательница для юношества, книги ея имѣютъ весьма значительное распространеніе, сама она вращается въ извѣстномъ литературномъ кругу, и при отказѣ ей всѣ эти писатели начнутъ всюду кричать и распространять совершенно неправильную молву о вашемъ сіятельствѣ, доказывать, что ваше министерство тормозитъ дѣло просвѣщенія.

— Да Боже меня сохрани! Вамъ-то уже извѣстно, что я всѣми силами стараюсь распространять его.

— Такъ вотъ, ваше сіятельство: во избѣжаніе кривотолковъ подтвердите это вашею подписью.—И Эзовъ въ ту же минуту подалъ министру перо для подписи.—Если бы я,—говорилъ онъ,—пришелъ къ министру за подписью черезъ нѣсколько часовъ, онъ бы, вѣроятно, уже раздумалъ дать ее.

Получивъ офиціальное разрѣшеніе отъ министра народнаго просвѣщенія, я отправилась къ директору департамента полиціи въ его пріемный день. Среди многочисленныхъ просителей я стояла послѣднею. Когда дошла очередь до меня, директоръ, съ нескрываемою ироніею, обратился ко мнѣ: «Что скажете новенькаго?»

— Вы обѣщали, ваше превосходительство, если лица, отъ которыхъ зависитъ дозволить моему сыну держать экзамены, согласятся на это, то и вы не будете препятствовать...

— Ахъ, Боже мой! Да что вамъ, наконецъ, надо отъ меня? Вы опять съ вашими нелѣпыми фантазіями! Это даже довольно неделикатно съ вашей стороны! Мало вы предъявляли мнѣ всякихъ просьбъ, мало вы надѣлали хлопотъ департаменту полиціи?.. А теперь вы, во что бы то ни стало, желаете втянуть меня въ ваши фантастическіе планы, въ ваши авантюры!..

— Но я получила формальное разрѣшеніе.—И я протянула ему бумагу съ означеннымъ увѣдомленіемъ.

— Что? Что вы говорите?—расширивъ зрачки и въ упоръ глядя на меня, спрашивалъ директоръ. Его необыкновенное

изумленіе и суровая отповѣдь, какъ и всегда, напугали меня. Въ такихъ случаяхъ мнѣ казалось, что я что-нибудь сказала не такъ, какъ слѣдуетъ. Испуганная, я машинально повторяла уже сказанное и протягивала все ту же бумагу. Но онъ отстранилъ ее и послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, произнесъ: «Зайдите въ мой кабинетъ».

На мое счастье мнѣ пришлось не сейчасъ войти къ нему,—его отвлекли какіе-то посѣтители. Это дало мнѣ возможность обдумать, что говорить, и я твердо рѣшила не сообщать ему, какимъ простымъ способомъ я добилась осуществленія разъ поставленной себѣ цѣли. Когда я, наконецъ, вошла въ его кабинетъ, я подала ему бумагу, которую онъ внимательно прочиталъ.

— Вы получили разрѣшеніе отъ его сіятельства гр. Делянова! За мое директорство это первый случай такого разрѣшенія. Я обѣщалъ вамъ не ставить препятствій, если другіе разрѣшатъ, но такого оборота дѣла я никакъ не могъ предвидѣть. Впрочемъ, отъ своего слова я не отказываюсь. Да это было бы и безполезно. Если вамъ удалось добиться разрѣшенія отъ министра народнаго просвѣщенія, вы сумѣете выхлопотать и все остальное. Да-съ!.. Могущественныя у васъ связи!—И онъ всталъ, подавая мнѣ руку.

Мой сынъ пріѣхалъ въ мартѣ 1890 г. держать экзамены, которые растянулись на весьма продолжительный срокъ: нѣкоторые изъ нихъ происходили до лѣта, остальные—послѣ его окончанія. Такимъ образомъ мой сынъ, пріѣхавъ изъ ссылки, прожилъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ до 9 мѣсяцевъ. Вышло такъ, что даже во время лѣта департаментъ полиціи не потребовалъ его возвращенія въ ссылку, такъ какъ сроки экзаменовъ были крайне неопредѣленные. Но мнѣ выдавали лишь недолгосрочныя отсрочки на право жительства моего сына въ Петербургской губерніи, а потому мнѣ то и дѣло приходилось являться въ департаментъ полиціи. Въ такомъ случаѣ я всецѣло подвергалась то суровому, то болѣе снисходительному обращенію со стороны директора. Въ первомъ случаѣ онъ бросалъ не то гнѣвные, не то раздраженные окрики, въ родѣ слѣдующихъ: «Когда же этому будетъ конецъ?», или упрекалъ меня за то, что я, заручившись всевозможными связями, поставила моего сына въ особыя условія, при которыхъ ссылка не будетъ надлежащею карою за его преступленіе. Но я была уже обстрѣленной птицей: молчала, какъ убитая, чтобы дать пройти вспышкѣ. И, дѣйствительно, черезъ минуту директоръ, обращаясь къ чиновнику, уже давалъ надлежащее распоряженіе на новую отсрочку.

Въ слѣдующемъ году надо мной стряслась новая бѣда: мой второй сынъ, Николай, въ то время студентъ юридическаго

факультета, за присутствіе на похоронахъ Н. В. Шелгунова, въ апрѣлѣ 1891 г., былъ подвергнутъ непродолжительному аресту, а затѣмъ исключенъ изъ петербургскаго университета. Скоро послѣ этого до меня дошли слухи, что кому-то изъ уволенныхъ студентовъ министръ просвѣщенія разрѣщилъ продолжать курсъ въ провинціальномъ университетѣ. И я во второй разъ отправилась къ Делянову, предварительно письменно изложивъ мою просьбу о дозволеніи моему сыну перейти въ дерптскій университетъ. Мой «благожелатель», попрежнему дежурившій въ передней министра, встрѣтилъ меня по-пріятельски, внимательно разспросилъ, въ чемъ состоитъ мое новое дѣло, и подтвердилъ, что двое или трое, хлопотавшіе о томъ же, получили дозволеніе. Но когда я спросила его, нельзя ли мнѣ ограничиться подачею прошенія, онъ запротестовалъ, говоря, что при личномъ свиданіи дѣло будетъ вѣрнѣе.

Здороваясь съ министромъ и еще стоя съ нимъ посреди комнаты, я изложила ему мою просьбу.

— Скажите, пожалуйста, сколько же наконецъ у васъ сыновей?—ворчливымъ тономъ спросилъ Деляновъ, знакомъ приглашая садиться. Я отвѣчала ему, что у меня два сына.

— И оба революціонеры?

— Помилуйте, ваше сіятельство, какая же революція въ томъ, что мой сынъ, будучи лично знакомъ съ Шелгуновымъ, отправился на его похороны?

— А я утверждаю, что онъ отправился исключительно съ цѣлью протеста, съ желаніемъ публично заявить правительству: «вы угнетали покойнаго, гоняли его по ссылкамъ (хотя онъ заслужилъ несравненно болѣе суровое къ нему отношеніе), а мы, молодое поколѣніе, за это-то и преклоняемся передъ нимъ». Вѣдь я прекрасно знаю, что ваши сыновья не могутъ быть религіозными людьми: я лично былъ знакомъ съ покойнымъ Вас. Ив. и съ вами имѣлъ честь достаточно познакомиться, чтобы судить о томъ, что вашъ сынъ отправился на похороны Шелгунова не для того, чтобы помолиться за душу усопшаго раба Божія, а чтобы вмѣстѣ съ другими студентами устроить революціонную манифестацію. И какъ наивны эти молодые люди! Ну, сколько ихъ тамъ было? Для примѣра скажемъ 300, 500, допустимъ даже, что ихъ пришло бы, наконецъ, три и четыре тысячи... Скажите, пожалуйста, что такое для правительства три-четыре тысячи революціонеровъ? Да рѣшительно ничего! Появляется эскадронъ жандармовъ и...—при этомъ министръ вдругъ поднялъ руку къ своему лицу, повернулъ ее ладонью вверхъ и дунулъ. Этимъ пріемомъ онъ, очевидно, желалъ наглядно показать мнѣ, какъ при

одномъ только появленіи жандармовъ моментально исчезнутъ съ лица земли всѣ революціонеры, точно пылинка при легкомъ дуновеніи вѣтра.—Да еще пусть Бога благодарятъ, что ихъ только разгонятъ и разсадятъ по участкамъ. Правительство, по обыкновенію, дѣйствовало въ высшей степени милостиво и снисходительно: оно могло бы повернуть дѣло и такъ, что только мокренько бы осталось. А почему плодятся у насъ эти несчастные, устраивающіе демонстраціи-манифестаціи? Только потому, что семейныя начала крайне неустойчивы. У насъ все сваливаютъ на школу,—нѣтъ-съ, извините-съ... тутъ во всемъ виновата семья, въ которой исчезли всѣ устои, всѣ добрыя, старыя семейныя традиціи и добропорядочные принципы. Вмѣсто того, чтобы почаще повторять вашему сыну: «Остерегайся манифестантовъ, держи себя отъ нихъ подальше, переходи на другую сторону улицы, какъ только ихъ завидишь», а вы, сударыня, даже при отсутствіи религіозныхъ чувствъ, изволите отправлять своего сына молиться за душу усопшаго раба Божьяго, подъ предводительствомъ г-на Михайловскаго.

— Михайловскій шелъ за гробомъ не въ качествѣ предводителя, а какъ ближайшій другъ Шелгунова.

— А! Вы значитъ знакомы съ г-номъ Михайловскимъ! Прекраснымъ обществомъ вы окружаете вашихъ сыновей! Чего же удивляться, что они революціонеры! И меня вотъ еще что интересуетъ: скажите, пожалуйста, почему это вы, сударыня, вмѣсто здоровой, духовной пищи пичкаете вашихъ сыновей произведеніями г-на Михайловскаго, этого памфлетиста?—вдругъ огорошилъ меня Деляновъ совершенно неожиданнымъ мною даже отъ него обвиненіемъ. И высказалъ онъ это въ такой странной формѣ, что у меня мелькнуло въ головѣ: «тутъ дѣло не обошлось безъ какого-нибудь доноса или, по крайней мѣрѣ, нелѣпой передачи». Я не разъ слыхала, что любовь Делянова къ болтовнѣ заставляетъ его при всякомъ удобномъ случаѣ задерживать у себя людей различнаго общественнаго положенія и выспрашивать у нихъ о томъ, что дѣлается въ городѣ, о слухахъ и людяхъ. Его добродушное обращеніе съ собесѣдниками располагало многихъ изъ нихъ къ сплетнямъ. Вопросъ Делянова повергъ меня въ недоумѣніе, и у меня вырвалось какъ-то само собою:

— Мои сыновья читаютъ не исключительно Михайловскаго, а столько же его произведенія, сколько и каждаго выдающагося, крупнаго писателя.

— Какъ? Михайловскій—крупный, выдающійся писатель?—и министръ при этомъ, какъ ужаленный вскочилъ съ своего мѣста.—И вы, сударыня, писательница, образованная женщина,

можете называть этого жалкаго памфлетиста выдающимся писателемъ?

— Простите, ваше сіятельство, но на Михайловскаго въ литературѣ уже давно установился взглядъ, даже среди тѣхъ писателей, которые раздѣляютъ не всѣ его идеи, какъ на замѣчательнаго соціолога, публициста и критика.

— Очень сожалѣю и современную литературу, и васъ, сударыня, и всѣхъ, придерживающихся подобныхъ взглядовъ на такого вреднаго писателя, какъ Михайловскій, снискавшаго себѣ извѣстность только своимъ популярничаньемъ среди молодежи, выступая ея предводителемъ въ антиправительственныхъ сборищахъ. Что же касается вашей просьбы относительно вашего сына, то считаю долгомъ заявить вамъ, что я по совѣсти не могу наполнять университеты, хотя бы и провинціальные, завѣдомыми революціонерами.—И съ этими словами министръ всталъ и подалъ мнѣ руку, показывая, что аудіенція окончена.

Открывая при моемъ выходѣ дверь, мой «благопріятель» сдѣлалъ мнѣ едва замѣтный знакъ глазами, который подсказалъ мнѣ, что я должна подождать его. И, дѣйствительно, я остановилась за дверью, а онъ черезъ нѣсколько минутъ вышелъ ко мнѣ на площадку со словами: «Неудача? Да вы не смущайтесь! Другимъ дозволено, и вамъ разрѣшатъ! Это онъ сегодня поразстроился съ вами! Я слышалъ вашъ разговоръ: вѣдь съ нимъ умѣючи надо говорить. Да ничего, нужно только нѣсколько деньковъ задержать прошеніе. Это я устрою».

Но, вѣроятно, не старанію моего «благопріятеля» я обязана была тѣмъ, что моему сыну разрѣшили продолжать университетскій курсъ въ дерптскомъ (юрьевскомъ) университетѣ: многіе студенты, уволенные за присутствіе на похоронахъ Шелгунова, точно также были приняты въ провинціальные университеты.

Послѣ моего второго и послѣдняго свиданія съ Деляновымъ я долго не получала ни отказа на мою просьбу, ни извѣстія объ ея удовлетвореніи. Тяжелое настроеніе мѣшало работѣ, и я рѣшила отправиться къ Ник. Конст. Михайловскому. Издавна уже какъ-то повелось, что въ трудныя минуты жизни, въ періоды житейскихъ невзгодъ и треволненій хорошіе знакомые Ник. Конст. отправлялись посовѣтоваться съ нимъ, а то и просто разсказать ему о томъ, что съ ними случилось. Трудно представить, какъ безконечно внимателенъ онъ былъ въ такихъ случаяхъ. Онъ всегда умѣлъ дать хорошій совѣтъ, привести въ примѣръ какой-нибудь аналогичный случай изъ жизни, который окончился благопріятно, а то и совсѣмъ разогнать тоску, если какое-нибудь обычное житейское затрудненіе или недоразумѣніе его

собесѣдникъ принималъ къ сердцу болѣе трагично, чѣмъ оно того заслуживало.

Михайловскій въ это время жилъ въ Любани, гдѣ онъ поселился, когда былъ высланъ изъ Петербурга. До невозможности жалкое помѣщеніе занималъ онъ въ это время: оно не напоминало ни дачу, ни домъ, а представляло какую-то полутемную хибарку съ крылечкомъ, которое въ шутку называли террасой. У Ник. Конст. я застала его сына, племянника и одну общую знакомую. Мы провели время, какъ и всегда, въ самой непринужденной болтовнѣ, а молодежь и въ школьничествахъ, въ которыя отъ времени до времени втягивали и Ник. Конст.

На возвратномъ пути въ вагонѣ мнѣ пришлось сидѣть около пожилой дамы, съ которою я встрѣчалась въ знакомыхъ домахъ, возвращавшеюся въ Петербургъ изъ провинціи. Когда она узнала, что я ѣду отъ Михайловскаго, она заговорила о немъ съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія и горячей признательности. «Чтобы вполнѣ оцѣнить его», говорила она, «узнать его благороднѣйшее сердце и нѣжную душу, нужно попасть въ бѣду. Онъ былъ очень друженъ съ моимъ мужемъ, нѣсколько лѣтъ сряду часто бывалъ у насъ, и я, какъ и всѣ люди нашего круга, считала его крупнымъ писателемъ и весьма порядочнымъ человѣкомъ. Но если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ тогда, что онъ можетъ глубоко проникнуться чужимъ горемъ и несчастьемъ, окружить человѣка, попавшаго въ бѣду, самыми нѣжными, самыми деликатными заботами, я бы нашла это большимъ преувеличеніемъ, приписала бы это обычному свойству нашей интеллигенціи, которая—разъ уже выдающійся писатель, награждаетъ его несуществующими душевными качествами. Но вотъ надо мной стряслась бѣда: мой мужъ отправленъ былъ въ ссылку, и Ник. Конст. сталъ такъ заботиться о моей семьѣ, точно о своей собственной. Что же касается матеріальной помощи, то онъ оказывалъ ее съ невыразимо тонкою деликатностью. Да, это настоящій человѣкъ, истинный джентльмэнъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова!»—закончила она.

Е. Водовозова.

Редакція „Современника“ въ 1866 г.

(По поводу статьи г. Евгеньева).

Прежде всего по поводу статьи г. Евгеньева подъ этимъ заглавіемъ, напечатанной въ 1 № «Голоса Минувшаго» за 1915 г., нужно сказать, что она не даетъ точнаго и полнаго представленія о редакціи «Современника» послѣ Добролюбова и Чернышевскаго. Авторъ статьи, во всемъ и безъ всякой критики соглашаясь съ Елисеевымъ, освѣщаетъ эту редакцію какимъ-то страннымъ свѣтомъ и рѣзко выставляетъ только одну тѣневую сторону ея. И Елисеевъ, и авторъ статьи игнорируютъ или замалчиваютъ тотъ важный фактъ, что во главѣ и новой редакціи стоялъ попрежнему самъ Некрасовъ, какъ всеправный собственникъ журнала. Онъ имѣлъ въ редакціи первый, не только преобладающій, но и рѣшающій голосъ. Это былъ властный президентъ редакціи. Другіе члены редакціи высказывали только свои мнѣнія и совѣты, а онъ постановлялъ по нимъ свои рѣшенія. Словомъ, онъ былъ главнымъ руководителемъ журнала. Можетъ быть, при Чернышевскимъ и Добролюбовѣ онъ не считалъ себя въ правѣ удерживать первенство въ редакціи и не признавалъ себя столь компетентнымъ и опытнымъ, какъ и они, потому, вѣроятно, соглашался и съ тѣми ихъ мнѣніями, которыя онъ можетъ быть и не раздѣлялъ. Но и въ это время онъ внимательно слѣдилъ за журналомъ и прочитывалъ въ корректурѣ всѣ статьи не только крупныя и серьезныя, публицистическія, но и всякія мелкія замѣтки, рецензіи, какія бы то ни было, и т. п. Я имѣю много доказательствъ этого.

Очевидно, что послѣ Чернышевскаго и Добролюбова вниманіе Некрасова къ журналу еще болѣе усилилось, и онъ еще пристальнѣе сталъ слѣдить за его редакціей, за «новыми руководителями журнала», какъ ихъ называетъ г. Евгеньевъ. Некрасовъ и этихъ новыхъ руководителей, конечно, не считалъ ничтожествами, но во всякомъ случаѣ совершенно основательно ставилъ ихъ ниже прежнихъ руководителей. И онъ имѣлъ поэтому полное право усилить свою редакторскую власть и дать преобладающее и рѣ-

шающее значеніе въ дѣлахъ редакціи своему голосу. За этими начинающими птенцами редакціи, думалъ Некрасовъ, нужно смотрѣть да смотрѣть въ оба глаза, а то они по неопытности могутъ натворить много неловкостей и ошибокъ. И новые руководители это сознавали, понимали и считали основательнымъ и справедливымъ. У меня была написана статья, въ которой я проводилъ параллель и показывалъ сходство, доходившее въ нѣкоторыхъ пунктахъ до тожества, между взглядами по литературно-эстетическому вопросу Прудона и Чернышевскаго. Некрасовъ забраковалъ эту статью, и она не была напечатана. Однимъ словомъ и послѣ Чернышевскаго и Добролюбова при новыхъ руководителяхъ главный руководитель остался прежній. По существу редакція не измѣнилась.

Вотъ эту-то характерную черту положенія новой редакціи «Современника» и Елисеевъ и г. Евгеньевъ игнорируютъ или замалчиваютъ. И вслѣдствіе этого они, порицая недостатки, промахи и ошибки журнала, приписываютъ ихъ только новымъ членамъ редакціи, только ихъ однихъ обвиняютъ во всемъ, не привлекая къ отвѣтственности ни самого Некрасова, ни его ближайшаго единомышленника Елисеева. Новые руководители, говоритъ г. Евгеньевъ, не удержали журналъ на прежней высотѣ, понизили его публицистическій уровень, хотя самъ же онъ до знакомства съ записками Елисеева въ своихъ статьяхъ находилъ, что уровень журнала не очень понизился противъ прежняго,—что косвенно подтверждается и тѣмъ, что и при новыхъ руководителяхъ существованіе журнала оказалось невозможнымъ. Но если мы согласимся, что при новыхъ руководителяхъ журналъ дѣйствительно упалъ низко, кто же въ этомъ виноватъ? Прежде всего и больше всего прежній руководитель журнала—Некрасовъ и потомъ его ближайшій единомышленникъ—Елисеевъ. Новые руководители, говоритъ Елисеевъ, ничего не писали по польскому вопросу, замалчивали его [1]). А что же смотрѣлъ Некрасовъ, почему онъ терпѣлъ это молчаніе и не потребовалъ отъ новыхъ руководителей статей по этому вопросу? Почему же молчалъ Елисеевъ, котораго и Евгеньевъ называетъ «однимъ изъ членовъ редакціонной коллегіи, находившей это молчаніе величайшей ошибкой»? Почему же онъ не постарался убѣдить Некрасова и своихъ сочленовъ, что ихъ молчаніе есть величайшая ошибка? И если они не убѣдились его словами, то онъ самъ долженъ былъ возвысить свой голосъ, исправить эту ошибку и писать статьи по польскому вопросу,

---

[1]) Это могло отчасти объясняться цензурными препятствіями. Извѣстно, что «Время» было запрещено 23 мая 1863 г. за статью Страхова именно по польскому вопросу. *Ред.*

говорить о немъ въ своихъ обозрѣніяхъ, гдѣ было надлежащее мѣсто этому вопросу. Поэтому, обличая Елисеева, новые руководители могли бы сказать ему: врачу, исцѣлися самъ!—Здѣсь мимоходомъ можно припомнить, что польскій вопросъ началъ разгораться еще при Чернышевскомъ. Аксаковъ въ своей газетѣ напечаталъ воззваніе къ полякамъ, начинавшееся такъ: «Безумные поляки» [1]). На одномъ изъ общихъ обѣдовъ въ тогдашнемъ литературномъ клубѣ, который назывался шахматнымъ, Чернышевскій читалъ съ особеннымъ удареніемъ эту статью, обращаясь къ литераторамъ-полякамъ, Спасовичу и др. А въ «Современникѣ» умолчалъ объ ней, не отозвался на нее. Поэтому и Чернышевскаго можно обвинять въ редакціонной величайшей ошибкѣ.

Далѣе г. Евгеньевъ обвиняетъ дѣятелей «Современника» въ отсутствіи солидарности во взглядахъ и въ подтвержденіе этого обвиненія ссылается на несомнѣнное для него свидѣтельство Елисеева, который утверждаетъ, что въ «Современникѣ» была помѣщена статья Жуковскаго по женскому вопросу, въ которой онъ относится отрицательно къ соціологическимъ мечтамъ героини романа «*Что дѣлать*», а можетъ быть и самого автора его. Помѣщеніе этой статьи, утверждаетъ Елисеевъ, было прямо безтактно послѣ помѣщенія романа Чернышевскаго, вслѣдствіе ея существеннаго противорѣчія съ романомъ. И здѣсь опять-таки Елисеевъ неточно и невѣрно освѣщаетъ сообщаемый имъ фактъ. Жуковскій увѣрялъ, что женское дѣло нужно начинать не съ отвлеченныхъ мечтаній Вѣры Павловны. Какъ извѣстно было, вѣроятно, и самому Елисееву, въ основѣ всего соціологическаго міровоззрѣнія Жуковскаго лежало знаменитое, но перевернутое вверхъ ногами изреченіе: не объ одномъ только хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ. Основное же убѣжденіе Жуковскаго было, что человѣкъ безъ хлѣба не только не можетъ дѣйствовать планомѣрно, но вовсе не можетъ жить, что ему, мучимому голодомъ, не удастся никакое начинаніе и предпріятіе. Это, повидимому, трюизмъ. Но какъ часто объ немъ забываютъ послѣдователи принципа не объ одномъ только хлѣбѣ. Ту же мысль проводилъ Жуковскій и въ своей статьѣ по вопросу молодого поколѣнія и тоже говорилъ, что и для ученія хлѣбъ, матеріальныя средства нужны прежде всего, что даже научныя дисциплины имѣютъ въ виду заработокъ хлѣба. И онъ былъ правъ, такъ какъ изъ-за недостатка хлѣба, т.-е. матеріальныхъ средствъ, около тысячи юношей исключаются изъ учебныхъ заведеній за невзносъ платы. Туже мысль онъ про-

---

[1]) По поводу ихъ притязаній на сѣверо-западную и юго-западную Русь; см. «День» 1861 г., № 2 (21 октября), стр. 14. *Ред.*

водилъ и въ указанной статьѣ по женскому вопросу, который по его мнѣнію, прежде всего, сводится къ вопросу о хлѣбѣ, т.-е. матеріальномъ достаткѣ и обезпеченіи. И просто непонятно, откуда это взяли г. Евгеньевъ и Елисеевъ, будто бы тогда нашлись интеллигентныя учащіяся женщины, которыхъ статья Жуковскаго свела съ ума, и онѣ бросили учиться. Развѣ Жуковскій говорилъ, что не надо учиться?

Но признаемъ статью Жуковскаго дѣйствительно направленной противъ «Что дѣлать» и согласимся, что напечатаніе ея было безтактно. А все-таки и при этомъ возникаетъ вопросъ: кто же виноватъ въ этомъ? Вѣдь Жуковскій тогда не входилъ еще въ составъ редакціи. Значитъ статью приняли и помѣстили все тѣ же руководители Некрасовъ и Елисеевъ и значитъ они главные виновники допущенной безтактности.—Въ довершеніе всего, помѣщенная въ статьѣ замѣтка Елисеева, напечатанная имъ въ его обозрѣніи, по духу и тенденціи много смахиваетъ на статью Жуковскаго и не согласуется съ общимъ направленіемъ «Современника», на что и было указано ему лицами, близкими къ редакціи «Современника». И вотъ строгій обличитель другихъ принужденъ былъ признать «всю нелѣпость» своей замѣтки и такимъ образомъ обвинить себя и въ безтактности и въ отсутствіи солидарности во взглядахъ съ своими соредакторами.

Но помимо всего этого, въ разсматриваемыхъ дѣлахъ есть одно важное обстоятельство, о которомъ Елисеевъ ничего не сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Самъ Елисеевъ въ одномъ изъ своихъ обозрѣній (1863 г., т. 98, внутрен. обозр., стр. 399—403) отнесся скептически и отчасти иронически къ *«Что дѣлать»*, гораздо строже, рѣзче и неодобрительнѣе, чѣмъ Жуковскій, и посвятилъ на это нѣсколько страницъ. Указавъ на то, что нѣкоторые наши беллетристы пытались черезчуръ идеализировать русскую женщину, Елисеевъ говоритъ, что ихъ можно простить за это. «Мы», продолжаетъ Елисеевъ, «*не можемъ простить* за поддержку общественной идеализаціи въ этомъ случаѣ, а слѣдовательно, и за распространеніе *безчисленныхъ иллюзій только автору «Что дѣлать?» — Чернышевскому*. Онъ такъ далеко пошелъ въ идеализаціи женщинъ, какъ далеко у насъ никто не заходилъ никогда». Въ романѣ описывается, какъ развивалась любовь и красота изъ просто половой формы въ высшія идеальныя формы. На это Елисеевъ возражаетъ такъ. «Но это постепенное развитіе красоты и ея пониманія происходило не у насъ,—потому то расчлененіе красотъ, которое представляетъ авторъ, совершенно чуждо нашего общественнаго сознанія. Но Чернышевскій не довольствуется и этою *выходящею изъ всякой*

мѣры идеализаціею. Онъ идетъ гораздо далѣе». Выписавъ изъ романа изображеніе царицей міра ея идеаловъ, Елисеевъ на это отвѣчаетъ такъ: «Конечно, все это въ абстрактѣ мысли, въ идеалѣ фантазіи прекрасно; но покорнѣйше прошу васъ отыскать что-нибудь похожее на это въ дѣйствительности». Далѣе Елисеевъ иронизируетъ такимъ образомъ. Онъ предполагаетъ, что всякая окончившая курсъ институтка, прочитавши романъ, вообразитъ, что она и есть царица міра. А какой-нибудь молодой человѣкъ увлечется ею и женится на ней. Тогда-то и окажется, что царица міра есть низменная Ѳедора или Лукерія, которая на всѣ идеалы только «будетъ огрызаться». Это очень похоже на то, что учащіяся женщины, прочитавъ статью Жуковскаго, перестанутъ учиться. Таковы, заключаетъ Елисеевъ, «бываютъ *печальныя послѣдствія* всѣхъ идеализацій». Къ числу такихъ печальныхъ идеализацій онъ относитъ и реформы Петра I. Дѣйствительно, сходство между этими печальными идеализаціями поразительное. Вотъ видите, какъ неубѣдительна критика Елисеева на романъ Чернышевскаго. И это еще самый снисходительный приговоръ надъ нею, съ которымъ, навѣрное, согласится въ душѣ и самъ г. Евгеньевъ. И это сдѣлалъ Елисеевъ, состоявшій членомъ редакціонной комиссіи! Какъ назвать этотъ поступокъ: отсутствіемъ солидарности, безтактностью, величайшею ошибкою или нелѣпостью? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ несомнѣнный отвѣтъ.

Вообще, какое бы обвиненіе ни выдвинули противъ новыхъ членовъ редакціи г. Евгеньевъ и Елисеевъ, всегда оказывалось, что оно вполнѣ примѣнимо и къ Елисееву. Вотъ еще маленькій примѣръ. Евгеньевъ доказываетъ, что Чернышевскій и Добролюбовъ были близкими, сердечными и преданными друзьями Некрасова, а изъ новыхъ редакторовъ ни одинъ не только не питалъ къ нему дружескихъ чувствъ, но не желалъ лично сблизиться съ нимъ по-пріятельски. А всѣ они, напротивъ, не только относились къ нему очень холодно, но иногда дѣлали ему личныя непріятности и оскорбленія своими неосновательными подозрѣніями. Въ одномъ изъ такихъ оскорбленій участвовалъ и Елисеевъ, въ чемъ онъ горько раскаивается въ своихъ воспоминаніяхъ. На эти обвиненія и укоризны новые редакторы въ свое оправданіе могли бы указать на то, что такіе люди, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, весьма рѣдки, и съ ними никакъ не могли равняться заурядные люди, новые редакторы. А потому и Некрасовъ естественно не могъ чувствовать къ нимъ такого влеченія, какъ къ старымъ редакторамъ. Значитъ, отсутствіе дружбы могло зависѣть и отъ самого Некрасова. Да и дружба

самого Елисеева съ Некрасовымъ ничѣмъ еще не доказана. А такая дружба была для него болѣе вѣроятна и возможна, чѣмъ для новыхъ редакторовъ, такъ какъ они находились въ близкомъ литературномъ общеніи съ Некрасовымъ въ теченіе лишь трехъ или четырехъ лѣтъ, а Елисеевъ находился въ близкихъ и постоянныхъ литературныхъ сношеніяхъ, сотрудничалъ и редакторствовалъ съ Некрасовымъ въ теченіе гораздо болѣе продолжительнаго времени. Значитъ, опять можно было бы воскликнуть: врачу, исцѣлися самъ!

По поводу этихъ разглагольствованій о дружбѣ невольно вспоминается слѣдующій фактъ. Передъ отправленіемъ Чернышевскаго въ ссылку въ Сибирь, Елисеевъ рѣшилъ и убѣдилъ меня ходатайствовать о разрѣшеніи намъ прощальнаго свиданія съ Чернышевскимъ. Узнавъ объ этомъ, Некрасовъ уговаривалъ насъ отказаться отъ этого ходатайства, которое Чернышевскому не принесетъ никакой пользы, а намъ можетъ очень повредить. Но, несмотря на это устрашеніе, мы возбудили ходатайство, которое увѣнчалось успѣхомъ, и свиданіе было намъ разрѣшено. На свиданіи Чернышевскій сказалъ намъ, что ему хотѣлось бы повидать Некрасова, чтобы условиться относительно статей, которыя онъ будетъ присылать изъ ссылки подъ псевдонимомъ, и спросилъ, явится ли къ нему на прощаніе Некрасовъ. Мы откровенно отвѣчали, что не только не явится самъ, но и насъ отговаривалъ не являться на свиданіе.

Въ доказательство оскорбленій, нанесенныхъ Некрасову новыми редакторами, Елисеевъ приводитъ въ своихъ запискахъ одинъ случай, который онъ называетъ *ревизіей* счетоводства «Современника»—названіе очень неточное и вовсе неподходящее для этого случая. И этотъ случай онъ описываетъ невѣрно, тенденціозно и съ предвзятою цѣлью, и невѣрно представляетъ мотивъ, которымъ былъ вызванъ этотъ случай. Елисеевъ говоритъ, что Некрасовъ будто бы «жаловался на бѣдность доходовъ журнала, на недостатокъ денегъ» и на возраженія ему предложилъ будто бы соредакторамъ произвести ревизію конторскихъ книгъ журнала, и они будто бы произвели эту ревизію, которую онъ называетъ *неприличной*, и при воспоминаніи о которой у него выступаетъ краска на лицѣ. Прежде всего, спрашивается, почему, по какому мотиву и съ какою цѣлью Некрасовъ сдѣлалъ указанное сообщеніе. Потомъ, что значитъ бѣдность доходовъ журнала и недостатокъ денегъ и какъ сотрудники поняли эти неопредѣленныя жалобы и почему они заинтересовались этимъ заявленіемъ? Далѣе, что же оказалось въ результатѣ ревизіи, убѣдились ли или не убѣдились ревизоры въ бѣдности доходовъ,

спрашивалъ ли Некрасовъ у нихъ отвѣтъ или не спрашивалъ, и они дали ему какой-нибудь отвѣтъ или ничего не отвѣчали? Наконецъ, каковъ же былъ окончательный результатъ всего этого случая, или же случай окончился ничѣмъ? Ни на одинъ изъ этихъ естественныхъ и напрашивающихся вопросовъ Елисеевъ не далъ отвѣта. Уже одно это не можетъ не вызвать подозрѣнія, что въ повѣствованіи Елисеева что-нибудь да не такъ. И, дѣйствительно, многое не такъ.

Ни самъ Некрасовъ, ни завѣдывавшій хозяйственною частью журнала, инженеръ Панаевъ, никогда не жаловались на бѣдность доходовъ, на убыточность журнала, «на значительные дефициты», о которыхъ съ непреложностью утверждаетъ г. Евгеньевъ, но которые на дѣлѣ не существовали. Пусть г. Евгеньевъ сообразитъ, каковы могли быть дефициты у «Современника» въ тѣ годы, когда онъ получалъ годичную подписку, а издавался только нѣсколько мѣсяцевъ. При заключеніи условій съ соредакторами въ концѣ каждаго года на слѣдующій годъ Некрасовъ назначалъ имъ гонораръ за статьи и за редакторство, по тому времени очень удовлетворительный. Затѣмъ при слѣдующемъ свиданіи говорилъ: «а вотъ что, господа, я долженъ сказать вамъ по зрѣломъ размышленіи: наши условія будутъ имѣть силу только въ томъ случаѣ, если число подписчиковъ на слѣдующій годъ не будетъ меньше, чѣмъ въ этомъ году». Но ни разу эти условія не измѣнялись и тогда, когда число подписчиковъ было больше. И въ данномъ случаѣ Некрасовъ ни слова не говорилъ о бѣдности доходовъ и о значительныхъ дефицитахъ, а такъ просто, среди другого разговора, какъ будто мимоходомъ, сказалъ, что у «Современника» много должниковъ, что вотъ посмотрите сами составленный Панаевымъ списокъ должниковъ, и больше ни слова. Въ это время у него были Елисеевъ, Жуковскій и я. Елисеевъ взялъ списокъ и, не взглянувъ на него, положилъ въ карманъ, и разговоръ продолжался прежній, какъ ни въ чемъ не бывало. Затѣмъ мы отправились къ Елисееву для разсмотрѣнія полученнаго отъ Некрасова документа. Взглянувъ на документъ, Елисеевъ страшно расхохотался и едва могъ выговорить: «да это вовсе не отчетъ, который я предполагалъ и который можно было бы провѣрять, а списокъ должниковъ журнала, и во главѣ ихъ вы», сказалъ Елисеевъ, обращаясь ко мнѣ. Это былъ листъ бумаги, исписанный крупнымъ писарскимъ почеркомъ и имѣвшій такое заглавіе: «Редакціи должны къ 1-му Генваря 1865 года». Елисеевъ продолжалъ смѣяться и иронизировать надъ этимъ документомъ. «А я думалъ», говорилъ онъ, «что это годовой отчетъ, балансъ журнала, что въ немъ будетъ показано, сколько

получено отъ подписчиковъ, сколько израсходовано и сколько осталось или нехватило, а вотъ оказывается, что это списокъ должниковъ». Въ этомъ спискѣ, дѣйствительно, значился между прочими и я, задолжавшій будто бы 39 р. $5^1/_2$ к., и Головачевъ въ суммѣ 8 р. $27^1/_2$ к.—вотъ какова точность. Долго подтрунивалъ надо мною Елисеевъ; этотъ, молъ, документъ направленъ противъ васъ! Это вамъ напоминаніе и упрекъ, что вы скаредничаете, не хотите платить долговъ и ждете, чтобы вамъ громко напомнили объ нихъ, и т. д. Я рѣшительно не зналъ, что такое этотъ долгъ, но объясненія его не спрашивалъ ни у Некрасова, ни у Панаева. Между прочимъ, Елисеевъ, полушутя, полусерьезно, сказалъ: «А знаете что,—возьмемъ эти долги на себя, уплатимъ ихъ Некрасову, но съ условіемъ, чтобы онъ передалъ намъ весь журналъ». Это замѣчаніе Елисеева послужило переходомъ и поводомъ къ серьезнымъ обсужденіямъ о денежной сторонѣ журнала. Елисеевъ и Жуковскій, вооружившись карандашами, стали проектировать смѣты изданія журнала, составлять балансъ, высчитывать возможные прибыли и убытки и нѣсколько листовъ исписали цифрами и выкладками. Эти листы, такъ же, какъ и списокъ должниковъ, какимъ-то образомъ сохранились у меня до сихъ поръ. Дальнѣйшее обсужденіе предполагалось у меня, поэтому и документы были вручены мнѣ. Но это обсужденіе не состоялось. Мы не придали значенія этой исторіи, отвлекли отъ нея наше вниманіе и скоро совсѣмъ ее забыли.

И вотъ фантазія Елисеева изъ этой простой невинной и незначительной исторіи нарисовала въ его воспоминаніяхъ такую картину: «И вотъ гурьбой всѣ мы, сотрудники... отправились къ Панаеву». Гурьба состояла изъ пяти или шести человѣкъ и въ томъ числѣ оказался почему-то Слѣпцовъ, вовсе не принадлежавшій къ составу редакціи, и Головачевъ, дѣйствительно состоявшій при редакціи, но не въ качествѣ члена ея, а въ качествѣ только секретаря. Кто же и на какомъ основаніи далъ имъ право втиснуться въ составъ ревизіонной комиссіи? Отвѣта нѣтъ. «Панаевъ принялъ насъ любезно, раскрылъ всѣ книги... Мы, *незнакомые съ бухгалтерскимъ счетоводствомъ*, шутили, спорили, смѣялись надъ тѣми qui pro quo, которыя получались въ нашихъ понятіяхъ по объясненіямъ Панаева къ терминамъ бухгалтеріи». Кто придумалъ и призналъ необходимымъ для ревизіи цѣлую гурьбу ревизоровъ? Гораздо цѣлесообразнѣе было бы послать на ревизію одного Жуковскаго, знавшаго терминологію бухгалтеріи. Наконецъ, и здѣсь непрерывно звучитъ все тотъ же неотвязчивый вопросъ: что же было результатомъ ревизіи, сдѣлали ли ревизоры Некрасову докладъ о ней и какую

резолюцію на этомъ докладѣ положилъ Некрасовъ? Такимъ образомъ, въ разсказѣ Елисеева о ревизіи есть черты, не говорящія въ пользу его достовѣрности.

Другой примѣръ «униженія» Некрасова «его сотрудниками», по разсказу Елисеева, состоялъ въ томъ, что онъ и я, узнавъ о томъ, что Некрасовъ послѣ временнаго закрытія «Современника» рѣшилъ измѣнить направленіе журнала и разстаться съ прежними сотрудниками. Въ своемъ разсказѣ Елисеевъ вполнѣ отожествляетъ меня съ собою и всѣ свои мысли, чувства, требованія и рѣшенія приписываетъ мнѣ, что совсѣмъ невѣрно. По разсказу Елисеева, къ Некрасову со всѣхъ сторонъ приставали съ вопросомъ, за что пріостановленъ его журналъ. Вѣроятно, эти вопрошатели были очень наивные люди, незнавшіе и нечитавшіе «Современникъ» и вовсе несвѣдующіе въ офиціальныхъ печатныхъ дѣлахъ. А иначе Некрасовъ могъ бы имъ отвѣчать: «да вы сами должны знать, за что!» А онъ будто бы отвѣчалъ, что не знаю, «вѣрно, моя консисторія что-нибудь въ немъ напутала». Но онъ не всегда давалъ такой отвѣтъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ это узналъ Елисеевъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, заявлялъ, что онъ рѣшился измѣнить направленіе журнала, разстаться съ нынѣшними сотрудниками. Когда мы узнали объ этомъ, то будто бы, по его разсказу, «очень этимъ обидѣлись, обидѣлись до того, что порѣшили не участвовать въ «Современникѣ», если бы онъ и открылся». Можетъ быть, Елисеевъ и обидѣлся, но я, говоря по чистой совѣсти, не только не обидѣлся *очень*, но и вовсе не обидѣлся, и не давалъ зарока: ни подъ какимъ условіемъ не работать въ «Современникѣ». Я даже не понимаю, чѣмъ тутъ можно обижаться, да еще очень. Вѣдь Некрасовъ полный хозяинъ журнала и воленъ дѣлать съ нимъ, что ему угодно. Вѣдь онъ могъ продать журналъ другому издателю, который могъ безъ церемоніи выдворить насъ изъ журнала, и мы тоже должны были очень обижаться. Я принялъ предложеніе Елисеева участвовать въ «Очеркахъ», гдѣ онъ былъ редакторомъ, не по чувству обиды, а просто изъ опасенія лишиться заработка. Елисеевъ утверждаетъ, что онъ и я не обидѣлись бы, если бы Некрасовъ исполнилъ такое наше желаніе или требованіе. «Наша честность желала, чтобы Некрасовъ явился *подвижникомъ первыхъ временъ христіанства*, т.-е. предсталъ предъ подлежащимъ начальствомъ, объявилъ ему, что ничего напутаннаго въ «Современникѣ» нѣтъ, что все, что тамъ напечатано, и есть сама святая истина.., и что *членъ консисторіи*, который написалъ и позволилъ другимъ написать, все это *сдѣлалъ по его желанію и по требованію*». Вотъ какія свои странныя чувства

и желанія онъ совершенно произвольно приписываетъ и мнѣ. Я увѣренъ, что всякій повѣритъ мнѣ, что ничего подобнаго тому, что чувствовалъ и желалъ Елисеевъ, мнѣ и въ голову не приходило, что это—наборъ напыщенныхъ фразъ. Единственное мое желаніе и требованіе отъ Некрасова было то, чтобы онъ продолжалъ журналъ попрежнему. И когда онъ увѣрилъ меня, что журналъ будетъ продолжаться при прежнихъ сотрудникахъ, то я съ удовольствіемъ заявилъ, что его рѣшеніе меня успокоило и обрадовало, что мнѣ нечего больше желать. И даже пожалѣлъ, что далъ согласіе участвовать въ «Очеркахъ». Елисеевъ, несмотря на свой зарокъ, ни въ какомъ случаѣ, даже при возобновленіи журнала, не участвовать въ немъ, тоже охотно согласился продолжать свое участіе. И вотъ какъ онъ мотивируетъ свое рѣшеніе: «Мы, наконецъ, смиловались надъ бѣднымъ Некрасовымъ». И здѣсь опять Елисеевъ вмѣсто *я* написалъ *мы* совершенно неосновательно. Я, совсѣмъ напротивъ, не «смиловался» надъ Некрасовымъ, а почувствовалъ къ нему благодарность и еще большее уваженіе, и притомъ не къ «бѣдному», а къ мужественному и великодушному.

Вотъ еще одинъ и послѣдній изъ описанныхъ Елисеевымъ примѣровъ жестокихъ оскорбленій, нанесенныхъ будто бы Некрасову его постоянными сотрудниками. Некрасовъ въ клубѣ привѣтствовалъ графа Муравьева стихами. «Насъ», говоритъ Елисеевъ, «эта исторія повергла въ великое уныніе. Въ первый редакціонный день мы явились въ редакцію съ мрачными лицами. Напрасно Некрасовъ хотѣлъ передъ нами оправдаться... Но намъ претила самая иниціатива и фактъ этого привѣтствія...» Значитъ, Некрасовъ не былъ оправданъ. А какой же приговоръ ему вынесли его сотрудники и къ какому наказанію его присудили? Ушли изъ журнала или дали ему снисхожденіе и остались работать въ журналѣ? Елисеевъ утверждаетъ, что «сотрудники, возмущенные одой Муравьеву, покинули Некрасова». Это невѣрно. На дѣлѣ, фактически этотъ строгій судъ кончился тѣмъ, что сотрудники единогласно рѣшили попрежнему продолжать работу въ журналѣ. И они, дѣйствительно, продолжали ее до тѣхъ поръ, пока самъ Некрасовъ не попросилъ сотрудниковъ удалиться изъ его журнала. И, какъ я писалъ въ свое время, и какъ это приведено въ статьѣ г. Евгеньева, сотрудники разстались съ нимъ мирно, по-хорошему. Если бы они вздумали дерзить и грубить ему и упорно отказываться отъ сотрудничества, въ такомъ случаѣ Некрасовъ сказалъ бы имъ: «не хотите сотрудничать,—ваша воля, прощайте!» Но онъ объяснилъ имъ свой планъ и мотивъ отказа сотрудниковъ; призналъ, что онъ нарушаетъ заключенныя

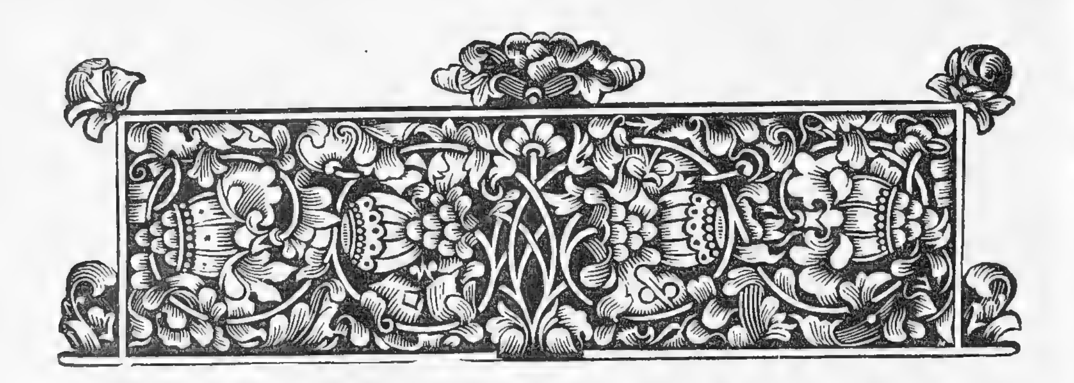
съ ними условія, лишаетъ ихъ работы и потому чувствуетъ себя обязаннымъ выдать имъ отступного и, дѣйствительно, выдалъ. Ничего этого не было бы, если бы возмущенные сотрудники сами ушли, перегрызшись съ Некрасовымъ, какъ это настоятельно утверждаетъ Елисеевъ.

Впослѣдствіи у самого Елисеева улеглось и погасло возмущеніе литературными преступленіями Некрасова, которыя онъ простилъ, «наконецъ, сжалился надъ бѣднымъ Некрасовымъ» и вмѣстѣ съ нимъ принялся работать въ «Отечественныхъ Запискахъ». Изъ трехъ другихъ новыхъ редакторовъ «Современника» Некрасовъ не пригласилъ въ «Отечественныя Записки» ни одного и ни одному изъ нихъ Елисеевъ не сообщилъ о своемъ соглашеніи съ Некрасовымъ, что заставило ихъ признать, что Елисеевъ поступилъ не по-товарищески.

Говорить о воспоминаніяхъ супруги Елисеева я не буду, хотя и въ нихъ есть много невѣрностей и неточностей, которыя не могутъ быть поставлены въ вину лично ей, и вотъ на какомъ основаніи. При существованіи «Современника» я очень близко былъ знакомъ съ нею, видѣлся часто и потому часто разговаривалъ, бесѣдовалъ и спорилъ съ нею по разнымъ вопросамъ и, между прочими, по житейски-литературнымъ. Поэтому я отлично зналъ ея интеллигентный уровень и характерныя его черты. Зналъ также и ту вербальную, какъ теперь принято говорить, *плоскость* развитія, на которой она стояла, ея стиль и манеру передачи того, что она хотѣла сообщить. На основаніи этого знанія я съ значительною увѣренностью предполагаю, что ея воспоминанія изложены не ею самою, а кѣмъ-нибудь другимъ съ ея словъ, съ разными прикрасами, преувеличеніями, передѣлками и фактическими неточностями. Воспоминанія ея излагало, очевидно, бойкое перо, а у нея было перо не бойкое. Такое же подозрѣніе, къ слову сказать, я имѣю и относительно воспоминаній Панаевой-Головачевой. И они тоже написаны бойкимъ перомъ, а у нея перо было тоже не бойкое.

Въ заключеніе одно послѣднее замѣчаніе. Г. Евгеньевъ совершенно произвольно и невѣрно утверждаетъ, будто я съ Жуковскимъ основалъ Тибленовскій журналъ «Современное Обозрѣніе» и участвовалъ въ немъ. Я, напротивъ, утверждаю, что я ни въ основаніи журнала, ни въ веденіи его не участвовалъ.

М. Антоновичъ.

Рѣчь вел. кн. Константина Николаевича 6 апрѣля 1881 г.

Участіе в. кн. Константина Николаевича какъ въ подготовительныхъ трудахъ по освобожденію крестьянъ изъ крѣпостной зависимости,—въ качествѣ члена и предсѣдателя Главнаго Комитета по крест. дѣлу (1857—1861 г.), такъ и въ проведеніи Положеній 19 февр. 1861 г. въ жизнь,—въ должности предсѣдателя Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія (1861—1881 гг.), почти не освѣщено въ существующихъ работахъ по исторіи крестьянской реформы. Между тѣмъ, роль его въ означенные періоды движенія крестьянскаго дѣла была очень вліятельной, и въ исторіи крестьянскаго дѣла при Александрѣ II дѣятельность в. князя Константина Николаевича должна получить надлежащую оцѣнку, для чего необходимо опубликованіе матеріаловъ, относящихся къ дѣятельности его въ вышеупомянутыхъ учрежденіяхъ.

Къ такимъ матеріаламъ должна быть отнесена рѣчь в. князя Константина Николаевича по дѣлу о переводѣ на выкупъ около $1^1/_2$ мил. крестьянъ, остававшихся во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ 1881 г., и о пониженіи выкупныхъ платежей въ нечерноземныхъ губерніяхъ Россіи. Убѣжденіе въ неизбѣжности примѣненія *обязательнаго* выкупа къ тѣмъ имѣніямъ, которыя ко времени наступленія переоброчки повинностей (19 февр. 1881 г.) не приступили къ выкупу, в. кн. Константинъ Николаевичъ высказалъ еще въ 1877 г. въ Главномъ Комитетѣ объ устр. сельскаго состоянія, по поводу обнаружившагося нарастанія недоимокъ въ выкупныхъ платежахъ и замедленія въ ходѣ выкупной операціи, коренившихся въ несоразмѣрности выкупныхъ платежей съ доходностью и качествомъ надѣльныхъ земель, происходившей также и оттого, что крестьянскіе оброки, послужившіе основаніемъ для исчисленія выкупныхъ платежей, взимались не съ одной цѣнности земли, но и съ личнаго труда крестьянъ.

Идея обязательнаго выкупа встрѣтила тогда же рьянаго противника въ лицѣ мин. внутр. дѣлъ Тимашева, заявившаго въ Главномъ Комитетѣ, что «таковая мѣра была бы ничѣмъ не вызванною репрессаліею, каковою она была въ Западной Россіи» [1]). Хотя Главн. Комитетъ тогда же поручилъ министру финансовъ собрать свѣдѣнія о мѣстностяхъ, гдѣ выкупные платежи требовали бы соразмѣренія съ получаемыми крестьянами отъ нихъ выгодами, и съ своимъ заключеніемъ представить Комитету, но дѣло это пошло въ затяжку, и лишь когда состоялось повелѣніе 23 марта 1879 г. составить предположенія объ отмѣнѣ подушной подати, министерство финансовъ, придя къ заключенію, что преобразованіе системы прямыхъ податей невозможно произвести независимо отъ пониженія выкупныхъ платежей,— вопросъ этотъ получилъ движеніе. Однакожъ, только съ перемѣной царствованія, въ 1881 г., подъ вліяніемъ возникшихъ въ народѣ тревожныхъ слуховъ, съ одной стороны—о возвратѣ ко временамъ крѣпостного права, а съ другой—ожиданій отмѣны выкупныхъ платежей и увеличенія надѣловъ,—министры вн. дѣлъ Лорисъ-Меликовъ и Игнатьевъ стали настаивать на политическомъ значеніи предположенныхъ мѣръ облегченія платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и на расширеніи этихъ мѣръ сложеніемъ недоимокъ въ выкупныхъ платежахъ, съ примѣненіемъ обязательнаго выкупа къ группѣ временно-обязанныхъ крестьянъ,—и все это съ цѣлью «засвидѣтельствовать, что и въ новое царствованіе правительство не только не думаетъ отступать отъ того, что сдѣлано по крестьянскому вопросу въ царствованіе предыдущее, но твердо рѣшило продолжать, развивать и улучшать все, сдѣланное по этому вопросу» [2]). И при дальнѣйшемъ движеніи этого дѣла соображенія политическаго свойства руководили большинствомъ членовъ государственнаго совѣта, указывавшихъ, что «первый актъ начинающагося царствованія, направленный къ облегченію народныхъ тягостей», долженъ «доказать дѣйствительную заботливость о нихъ верховной власти» [3]). Благодаря тому, что общему пониженію выкупныхъ платежей было придано политическое значеніе, дѣло это проведено было съ особою поспѣшностью, и 28 декабря 1881 г. предположенныя мѣры о пониженіи выкупныхъ платежей, сложеніи недоимокъ съ нихъ и обязательномъ выкупѣ, по мнѣнію

---

[1]) Дѣло Главн. Ком. объ устр. сел. состоянія, 1877 № 160, ч. I-я, л. 8 (архивъ Госуд. Совѣта).

[2]) Заявленіе м. вн. дѣлъ Лорисъ-Меликова въ засѣданіи соедин. присутствія 6 апр. 1881. Дѣло Главн. Комит., 1881 г. № 28, л. 69 (Архивъ Госуд. Сов.).

[3]) Дѣло Главн. Комит. № 104, ч. II, л. 421 (арх. Госуд. Сов.).

большинства 27 членовъ государственнаго совѣта (противъ 20), были санкціонированы Александромъ III ([1]).

Приводимая рѣчь в. кн. Константина Николаевича печатается по изложеніи ея въ меморіи по засѣданіямъ соед. присутств. (Дѣло № 28 Главн. Ком., прилож. л. 1—12, архивъ Госуд. Сов.).

Алексѣй Попельницкій.

«Его Императорское Высочество, приглашая присутствіе приступить къ разсмотрѣнію представленія мин. финансовъ «о пониженіи окладовъ выкупныхъ платежей, взимаемыхъ въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ», обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на то, что представленіе это распадается на двѣ части: одна изъ нихъ представляетъ собою трудъ, всесторонне и вполнѣ обработанный, а другая состоитъ въ общихъ, такъ сказать, предположеніяхъ, что еще должно и предстоитъ сдѣлать для облегченія положенія сельскаго населенія.

Первая работа министерства состоитъ въ подробныхъ соображеніяхъ и вытекающихъ изъ нихъ заключеніяхъ о необходимости понизить выкупные платежи и одновременно съ этимъ принять мѣры къ предоставленію временно-обязаннымъ крестьянамъ облегченій посредствомъ выкупа ихъ надѣловъ при содѣйствіи правительства. Прежде чѣмъ соединенное присутствіе приступитъ къ подробному разсмотрѣнію проекта, августѣйшій предсѣдатель призналъ необходимымъ предпослать краткое обозрѣніе какъ самаго проекта, такъ и исторіи этого дѣла. При этомъ государь, великій князь, между прочимъ, объяснилъ, что министръ финансовъ въ своихъ предположеніяхъ о введеніи извѣстныхъ льготъ для крестьянъ подраздѣляетъ Россію на три полосы: первую изъ нихъ составляютъ губерніи *нечерноземныя*, вторую—*черноземныя*, затѣмъ Литва, Бѣлоруссія и Юго-западный край составляютъ третью полосу. Предлагаемыя мѣры относятся до губерній исключительно *нечерноземныхъ*. Мин. внутр. дѣлъ съ своей стороны вноситъ предположеніе о необходимости распространенія предположенныхъ мин. финансовъ льготъ и на губерніи полосы черноземной. Предстоитъ обсудить, въ какой мѣрѣ должно принять предположенія мин. финансовъ о льготахъ для крестьянъ губ. нечерноземныхъ, и слѣдуетъ ли

---

[1]) Исторія этого дѣла изложена по матеріаламъ архива Госуд. Сов. г. *Коваьнко* въ его справкѣ «*Освобожденіе крест. и обязательный выкупъ*» (Русская Мысль 1912 г. № 6, стр. 1—37), вышедшей частью въ его изслѣдованіи: «*Реформа 19 февр. 1881 г. и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія*». Кіевъ, 1914 г., л. V, стр. 213—240.

расширить тотъ районъ, на который имѣютъ быть распространены таковыя мѣры? Фактъ, которымъ вызвано представленіе мин. финансовъ и съ которымъ приходится нынѣ считаться, замѣченъ уже давно: это полное *несоотвѣтствіе* дѣйствительнаго качества отведенной крестьянамъ въ надѣлъ земли съ тѣмъ денежнымъ обложеніемъ, которымъ надѣлы эти обременены. Фактъ этотъ былъ очень хорошо извѣстенъ при самомъ составленіи Положеній 19 февр., но тогда Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, а затѣмъ и государственный совѣтъ, исходя изъ той мысли, дабы не привести помѣщиковъ къ значительному потрясенію ихъ благосостоянія, вынуждены были держаться statu quo и лишь заботились объ уничтоженіи особенныхъ уродливостей въ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ. Таковыя были устранены, уничтожены, но платежныя средства крестьянъ при установленіи ихъ повинностей опредѣлялись не только доходностью отводимой имъ въ надѣлъ земли, но и могущими быть поступленіями отъ заработка крестьянъ на сторонѣ и вообще отъ всякихъ промысловыхъ выгодъ и угодій. Правительство положительно желало, во избѣжаніе особенно сильныхъ потрясеній въ экономическомъ бытѣ землевладѣльцевъ, сохранить то statu quo, въ какомъ крестьянская реформа застала помѣщиковъ и крестьянъ. Въ этихъ видахъ были узаконяемы оброки не только средніе, но даже преобладающіе въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. Правительство тогда же и вполнѣ ясно сознавало, что эти оброки значительно выше той ренты, которую земля способна выносить, но именно сумма оброка составлялась не только изъ ренты съ земли, но, какъ сказано уже, изъ заработковъ и съ разныхъ промысловыхъ и прочихъ выгодъ, какими пользовались крестьяне отъ своего личнаго труда. Когда дѣло подвинулось къ выкупу надѣловъ, то несоотвѣтствіе дѣйствительной цѣнности земли съ тяготой, на нее возложенной, все рѣзче и рѣзче обозначалось, и во время управленія мин. финансовъ Михаиломъ Эристовичемъ [1]) въ Главный Комитетъ объ устр. сельск. состоянія стали поступать во множествѣ представленія отъ министерства о предоставленіи бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ всевозможныхъ льготъ по платежу выкупныхъ недоимокъ; таковы были: разсрочка, отсрочка и даже совершенное сложеніе недоимокъ, каковыя льготы и были даваемы по высочайше утвержденнымъ положеніямъ Главнаго Комитета. Съ каждымъ годомъ число таковыхъ представленій все увеличивалось и увеличивалось; наконецъ дѣло пришло къ тому, что еще въ

[1]) Рейтерномъ.

1877 г. Главный Комитетъ, при разсмотрѣніи одного изъ таковыхъ представленій мин. финансовъ, обратилъ вниманіе этого министра на то, что несоразмѣрность выкупныхъ платежей съ качествомъ надѣловъ и, вообще, со средствами крестьянъ оказывается крайне очевидною, что очевидность эта замѣтна по цѣлымъ губ., каковы: Петербургская, Новгородская, Псковская, Смоленская и нѣкоторыя другія, особенно рѣзко, и что несоразмѣрность таковая происходитъ именно оттого, что крестьянскіе оброки, послужившіе основаніемъ для исчисленія выкупныхъ платежей, взимаются не съ одной цѣнности земли, но и съ личнаго труда.

Главный Комитетъ при этомъ тогда же обратилъ вниманіе на то, что въ будущемъ, при имѣющихся въ виду правительства преобразованіяхъ въ податной и паспортной системахъ, означенная несоразмѣрность представляетъ важное затрудненіе къ достиженію того, чтобы платежи взимались собственно съ имущества, а отнюдь не съ личности плательщиковъ. Поэтому Главный Комитетъ тогда же поручилъ министру финансовъ, по собраніи свѣдѣній о тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ выкупные платежи требовали бы соразмѣренія съ получаемыми крестьянами отъ выкупленныхъ ими надѣловъ выгодами, представить эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ своими по этому предмету заключеніями, въ Главный Комитетъ. Вотъ та задача, которая задана была мин. финансовъ. Между тѣмъ одновременно и притомъ другимъ путемъ мин. финансовъ пришло къ необходимости того же устраненія несоотвѣтствія дѣйствительной цѣнности надѣловъ крестьянъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ съ платежами, за эту землю взимаемыми. А именно, комиссіи, разрабатывавшія податную реформу, убѣдились, что эта реформа не приведетъ ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, доколѣ платежи крестьянъ за отведенную имъ землю не будутъ поставлены въ болѣе справедливое соотношеніе. Такимъ образомъ Главный Комитетъ и мин. финансовъ одновременно двумя путями, пришли къ одному и тому же. Затѣмъ, когда Александръ Аггеевичъ [1]) осенью минувшаго года (1880) вступилъ въ управленіе мин. финансовъ и, между прочимъ, горячо принялся за это важное дѣло, то подъ вліяніемъ двухъ впечатлѣній, произведенныхъ на него, какъ указаніями Главнаго Комитета, такъ и работою податной комиссіи, Алекс. Агг. дошелъ до убѣжденія въ положительной необходимости прежде всего уменьшить выкупные платежи. Для достиженія этого подвергнуты были въ особой комиссіи

---

[1]) Абаза.

изученію самыя разнообразныя по этому вопросу относящіяся данныя. Собраны и разсмотрѣны были свѣдѣнія о цѣнахъ, по которымъ продавались крестьянскія земли, свѣдѣнія о цѣнахъ, по которымъ принимались имѣнія въ банкахъ, цѣны, состоявшіяся при продажѣ земель на публичныхъ торгахъ, и на основаніи этихъ и другихъ матеріаловъ сдѣланы, кажется, вполнѣ правильные выводы о дѣйствительной стоимости предоставленныхъ крестьянамъ надѣловъ.

Разъ работа была сдѣлана и выяснено относительно различныхъ губ. *нечерноземной* полосы, что дѣйствительно земля крестьянъ должна на себѣ выносить, оказалось возможнымъ сдѣлать скидку съ вносимыхъ крестьянами платежей, каковая въ среднемъ выводѣ составляла 35%. При этомъ крайніе предѣлы скидки въ различныхъ мѣстностяхъ представляются отъ 70% до 18%. Что же, однако, будетъ достигнуто въ случаѣ утвержденія таковыхъ пониженій выкупныхъ платежей? Именно то, что не было, да и не могло быть достигнуто въ 1861 г., при тогдашнемъ положеніи крестьянскаго вопроса. Является, именно, возможность значительно приблизиться къ идеальному, всѣми желаемому соотвѣтствію размѣра поземельной ренты, взимаемой съ надѣловъ, съ дѣйствительнымъ качествомъ земли, другими словами, требовать отъ нея того только, что земля можетъ дать, и освободить крестьянъ отъ необходимости изыскивать внѣ земли всякихъ другихъ источниковъ для уплаты лежащаго на нихъ за предоставленную имъ землю платежа.

И какъ же предполагается повести это дѣло? Предполагается осуществить его для крестьянъ съ полною для нихъ выгодою, для помѣщиковъ же вполнѣ безобидно.

Въ началѣ крестьянской реформы вся операція выкупного дѣла замыкалась выдачею помѣщику за землю выкупныхъ свидѣтельствъ. Выкупное свидѣтельство составляло ту непосредствующую связь, которая еще оставалась между землею, крестьянамъ отведенною, и лежащими на ней оброками, при чемъ стоимость выкупного свидѣтельства подвергалась нѣкоторымъ колебаніямъ, отчего страдали ихъ владѣльцы, но въ настоящее время выкупныя свидѣтельства, какъ извѣстно, замѣнены 5% рентою, и самое дѣло выкупныхъ платежей является въ такой обстановкѣ, что помѣщики ни на копѣйку не пострадаютъ, а именно: крестьяне платятъ, напр., 6 рублей за десятину, отнынѣ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ будутъ, напр., платить вмѣсто 6 руб.—3 руб.; но та разница, которая является въ размѣрахъ прежняго и нынѣшняго платежей, вполнѣ относится не на помѣщиковъ, ни даже на государственное казначейство, а на совершенно особый источникъ.

Второе, не менѣе важное по своимъ послѣдствіямъ, предположеніе мин. финансовъ состоитъ въ переводѣ оставшихся еще временно-обязанныхъ крестьянъ на обязательный выкупъ въ нечерноземныхъ губ. Крестьянъ временно-обязанныхъ, какъ извѣстно, осталось во всей Россіи не болѣе полутора милл., изъ нихъ въ нечерноземныхъ губ. до 800.000. Коль скоро будетъ введено въ этой полосѣ Россіи пониженіе выкупныхъ платежей, то оставленіе бокъ-о-бокъ съ крестьянами, платящими за землю, напр., 5 руб., такихъ, которые, оставаясь временно-обязанными, платятъ помѣщику отъ 9 и даже до 12 руб. за десятину, является дѣломъ совершенно невозможнымъ. Отсюда понятна настоятельная необходимость, сколь возможно скорѣе, развязать отношенія временно-обязанныхъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Для этого являются проектируемыя мин. финансовъ мѣры: немедленный выкупъ надѣловъ временно-обязанныхъ крестьянъ при содѣйствіи правительства, а по совершеніи выкупа, и распространеніе на выкупившихся крестьянъ того же пониженія исчисленныхъ выкупныхъ платежей, каковое будетъ предоставлено прочимъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. И тутъ мѣра, предлагаемая мин. финансовъ, подобно, какъ и предыдущая, является вполнѣ безобидною для помѣщиковъ. Дѣло въ томъ, что выкупныя ссуды и при обязательномъ выкупѣ будутъ назначаемы помѣщикамъ на точномъ основаніи закона 1861 г.; съ крестьянъ же выкупные платежи будутъ взыскиваться на основаніи закона, каковой состоится нынѣ, въ 1881 г. Разница между размѣромъ платежей, опредѣленныхъ по закону 1861 г., и тѣмъ, какой будетъ поступать съ крестьянъ по закону 1881 г., въ дѣйствительности опять приметъ на себя казна.

Обращаясь къ исторіи обложенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ 1861 г., Е. И. В. обратилъ вниманіе на то, что не только въ средѣ присутствія, но даже въ средѣ государственнаго совѣта, кажется, уже не осталось никого, кромѣ Его Высочества, кто бы принималъ непосредственное участіе въ разработкѣ Положеній 19 февраля въ старомъ Главномъ Комитетѣ по крест. дѣлу, а затѣмъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Остались лишь лица, и нѣсколько изъ нихъ въ настоящемъ соединенномъ присутствіи [1]), которыя работали нѣкогда въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Члены бывшаго по кр. дѣлу комитета при разработкѣ крестьянской реформы распадались на 3 главнѣйшія группы: большинство, съ графомъ

[1]) Приглашены были особо для объясненій въ засѣданіе: тов. мин. фин. Бунге, сенаторъ К. И. Домонтовичъ, т. сов. П. П. Семеновъ, Ѳ. Л. Барыковъ и государ. секретарь Е. А. Перетцъ.

В. Н. Панинымъ во главѣ, проводило мысли, составлявшія послѣднее завѣщаніе Я. И. Ростовцова, меньшинство же раздѣлялось на 2 половины, изъ которыхъ одна всячески требовала уменьшенія надѣловъ и увеличенія въ пользу помѣщиковъ повинностей, другая половина пыталась предоставить все добровольному соглашенію, почти ничего не оставляя для введенія въ законъ. Но между этими тремя группами былъ одинъ, который оставался какъ бы среди всѣхъ; то былъ гр. Дм. Ник. Блудовъ. Онъ какъ бы душою предчувствовалъ, что не будетъ другого исхода для окончательной развязки крест. вопроса, какъ обязательный выкупъ. Но покойный Государь Императоръ положительно не раздѣлялъ по этому предмету мнѣнія гр. Блудова. Государь исходилъ изъ той мысли, что помѣщики уже несли тогда слишкомъ большія потери, что жертвы, приносимыя помѣщиками при осуществленіи крестьянской реформы, весьма значительны; вотъ почему покойный Государь не выражалъ своего согласія на обязательный выкупъ. Точно такъ же, когда бывшій кіевскій ген.-губерн. Ил. Ил. Васильчиковъ въ началѣ 1860 г. представилъ Государю записку о необходимости развязки отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Юго-западномъ краѣ посредствомъ выкупа, Государь и тогда не призналъ возможнымъ согласиться на это по тѣмъ же причинамъ, и записка кн. Васильчикова въ то время не получила хода. Но вотъ, въ 1863 г. въ Литвѣ и Юго-западномъ краѣ, вслѣдствіе польскаго мятежа, является обязательный выкупъ (указы 1 марта и 1 іюля 1863), при чемъ, однако, мѣра эта не столько вызывается необходимостью экономическаго положенія края, сколько является результатомъ политическихъ соображеній, при этомъ самый выкупъ совершается уже не на основаніи закона 1861 г., но по нѣкоторымъ дополнительнымъ къ нему правиламъ, въ тѣхъ указахъ заключавшихся. При совершеніи сего выкупа, оцѣнка крестьянскихъ земель и угодій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и размѣръ выкупныхъ платежей съ нихъ являются, противъ первоначальныхъ уставныхъ грамотъ, весьма и весьма умѣренными, такъ что то, что теперь предполагается по уменьшенію выкупныхъ платежей въ губ. нечерноземныхъ, далеко не равняется еще тому, что сдѣлано въ этомъ отношеніи для крестьянъ Западной Россіи.

Все это предсѣдатель призналъ нужнымъ объяснить въ тѣхъ видахъ, дабы ни на минуту не было допущено сомнѣнія въ томъ, что нынѣ предлагаемая мин. финансовъ мѣра о переходѣ надѣловъ крестьянъ на выкупъ съ помощью правительства ничѣмъ не напоминаетъ обязательнаго выкупа 1863 г. въ Западной Рос-

сіи. Самыя выкупныя ссуды предполагается нынѣ выдавать помѣщикамъ, какъ уже сказано, по закону 1861 г., а отнюдь не по дополнительнымъ какимъ-нибудь позднѣйшимъ правиламъ. Наконецъ, вся сбавка съ крестьянъ платежей, вся разница противъ цифръ, выведенныхъ по Положенію 19 февр., обращается полностію на источникъ, указанный мин. финансовъ.

Итакъ, настоящія предположенія м. финансовъ обращаютъ правительство лишь къ мысли, выраженной въ законѣ 1861 г., но весьма и весьма въ облегченномъ видѣ для той и другой стороны. Покойный Государь Императоръ, которому мин. финансовъ докладывалъ объ этихъ предположеніяхъ, выразилъ имъ полное свое сочувствіе, и это произошло не потому, чтобы во взглядахъ Государя Императора 1861 и 1881 гг. произошло какое-либо измѣненіе, но именно потому, что 20 лѣтъ спустя послѣ обнародованія 19 февр. 1861 г. положеній самое дѣло это представляется совершенно уже въ другомъ видѣ. Ожиданія правительства, что въ истекшій періодъ времени добровольный путь соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами будетъ сполна пройденъ, какъ извѣстно, не вполнѣ осуществились. Теперь представляется возможнымъ и необходимымъ довершить это дѣло, и въ нечерноземныхъ губ. въ теченіе одного 1882 г. полностію его осуществить. Въ черноземныхъ же губ. представляется для добровольныхъ соглашеній помѣщика съ крестьянами по выкупу надѣловъ пять лѣтъ въ томъ предположеніи, что четверть вѣка со времени изданія положенія 19 февр. 1861 г. будетъ, наконецъ, достаточно, чтобы наступила развязка отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ».

Къ исторіи крестьянской реформы 1861 года.

I.

Изъ переписки дѣятелей реформы.

Исторія разработки крестьянской реформы въ царствованіе Александра II довольно обстоятельно обслѣдована въ нашей исторической литературѣ. Конечно, тутъ имѣются еще нѣкоторые существенные пробѣлы; напримѣръ, ходъ работъ во многихъ губернскихъ комитетахъ по крестьянскому дѣлу до сихъ поръ еще не освѣщенъ документально. Но все же на основаніи всего того, что обнародовано и изучено до настоящаго времени, движеніе подготовительныхъ работъ по составленію Положенія 19 февраля 1861 г., во всѣхъ послѣдовательныхъ инстанціяхъ и перипетіяхъ, рисуется уже вполнѣ опредѣленно и отчетливо. Работы редакціонныхъ коммиссій извѣстны во всѣхъ подробностяхъ. Долгое время оставались необслѣдованными подлинные документы, относящіеся до работъ секретнаго комитета, открывшагося въ 1857 г., и до обсужденія проекта Положеній въ Государственномъ Совѣтѣ. Но въ 1911 г. и эти пробѣлы были заполнены трудами гг. Попельницкаго и Лященко. Такимъ образомъ, литература офиціальныхъ документовъ разнаго рода, относящихся до исторіи выработки Положенія 19 февраля 1861 г.,— какъ то: разныхъ офиціальныхъ записокъ, докладовъ, проектовъ, отзывовъ, журналовъ и протоколовъ засѣданій комитетовъ и коммиссій, циркуляровъ и указовъ,—съ большой полнотой извлечена изъ архивовъ и предоставлена общему пользованію въ различныхъ изданіяхъ. Въ гораздо уже меньшемъ, но все же въ значительномъ количествѣ извѣстны въ печати и тѣ неофиціальные, частные матеріалы, которые, однако, самими ихъ авторами предназначались для распространенія и въ офиціальныхъ сферахъ и въ обществѣ, какъ то: многочисленные записки и проекты, составлявшіеся частными людьми, желавшими внести свою лепту въ общественное обсужденіе подготовляемой реформы. Наименѣе же обслѣдованной остается до сихъ поръ третья категорія письмен-

ныхъ памятниковъ той знаменательной поры, категорія, конечно, всего труднѣе поддающаяся приведенію въ извѣстность, но въ то же время имѣющая чрезвычайно важное значеніе для историческаго освѣщенія эпохи. Я разумѣю интимную, не предназначавшуюся для публичнаго оглашенія, переписку между современниками подготовки крестьянской реформы. Вѣдь только этотъ источникъ можетъ нарисовать намъ, во всей ихъ непосредственной свѣжести, тѣ переживанія, надежды и страхи, стремленія и разочарованія представителей различныхъ круговъ населенія, изъ совокупности которыхъ слагалось общественное мнѣніе страны наканунѣ отмѣны крѣпостнаго права. Конечно, можно было бы составить довольно обширную библіографію и частныхъ писемъ этого рода, доселѣ обнародованныхъ въ печати. Въ началѣ 90-хъ годовъ минувшаго вѣка въ «Русской Старинѣ» былъ помѣщенъ даже цѣлый этюдъ, въ которомъ, на основаніи довольно обильнаго подбора частныхъ писемъ, очерчивалась смѣна настроеній въ разныхъ кругахъ провинціальнаго общества въ годы подготовки реформы. Эта интересная статья называлась «На зарѣ свободы». Но все же всего этого еще мало для изученія этихъ настроеній въ ихъ пестромъ разнообразіи. И каждая новая публикація изъ этой области не можетъ не представлять большой цѣнности.

Ниже печатаются два письма, написанныя въ 1859 и 1860 гг. членомъ харьковскаго комитета по крестьянскому дѣлу отъ волчанскаго уѣзда и депутатомъ отъ названнаго комитета, Александромъ Григорьевичемъ Шретеромъ. Письма эти заслуживаютъ полнаго вниманія историковъ крестьянской реформы, такъ какъ въ нихъ находимъ яркіе слѣды настроенія и общественнаго міровоззрѣнія той группы дѣятелей реформы и помѣстнаго дворянства, къ которой принадлежалъ Шретеръ.

Письма адресованы Павлу Николаевичу Дубровину, члену ярославскаго комитета по крестьянскому дѣлу отъ даниловскаго уѣзда[1]). Дубровинъ такъ же, какъ и Шретеръ, попалъ въ число депутатовъ перваго призыва. Въ Петербургѣ Шретеръ и Дубровинъ оказались въ составѣ одной и той же маленькой, но очень опредѣленной по своимъ воззрѣніямъ, группы депутатовъ, которая, съ извѣстнымъ Унковскимъ во главѣ, подала Государю свой особый адресъ съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на крестьянскую реформу и на политическія задачи момента. Въ этой-то общей работѣ Шретера и Дубровина въ бытность ихъ депутатами перваго призыва и коренился, очевидно, источникъ ихъ дружескаго сближенія, выразившагося затѣмъ и въ послѣдующей ихъ переппискѣ.

[1]) Письма получены редакціей отъ дочери П. Н. Дубровина.

Итакъ, передъ нами переписка двухъ дѣятелей крестьянской реформы, изъ коихъ одинъ былъ харьковцемъ, другой ярославцемъ. Письма эти обвѣяны непосредственными впечатлѣніями отъ обостренныхъ столкновеній депутатовъ перваго призыва съ редакціонными комиссіями. Въ нихъ—немало намековъ на отдѣльные факты, которыми сопровождались эти столкновенія. Но еще важнѣе то, что въ этихъ письмахъ къ другу Шретеръ много говоритъ о своихъ соціально-политическихъ убѣжденіяхъ. Для историка общественной жизни Россіи въ эпоху реформъ эти признанія—сущій кладъ.

Чтобы понять значеніе этихъ признаній, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о той позиціи, которую занимала въ подготовкѣ реформы дворянская группа, выдвинувшая Шретера. Мы можемъ судить объ этомъ и по составленному харьковскимъ комитетомъ проекту Положенія объ освобожденіи крестьянъ и по тѣмъ замѣчаніямъ на работы редакціонныхъ комиссій, которыя дѣлалъ самъ Шретеръ, въ качествѣ депутата перваго призыва, совмѣстно съ другимъ харьковскимъ депутатомъ Хрущовымъ.

Харьковскій комитетъ по Крестьянскому дѣлу, состоявшій изъ 24 членовъ, не считая предсѣдателя и его замѣстителя, представилъ только одинъ проектъ Положенія. Это значитъ, что при сочиненіи проекта въ харьковскомъ комитетѣ не получилось раздѣленія на большинство и меньшинство, а всѣ члены сошлись на однихъ и тѣхъ основаніяхъ реформы. Что же это были за основанія?

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что харьковскій комитетъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые высказывались за окончательное прекращеніе всякихъ обязанныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками посредствомъ выкупа освобожденными крестьянами ихъ надѣльныхъ земель въ собственность. Это рѣшительное требованіе выкупа давало поводъ причислять харьковскій проектъ къ наиболѣе благожелательнымъ по отношенію къ крестьянскимъ интересамъ. Впечатлѣніе это, однако, существенно измѣняется, если обратить вниманіе на постановленія харьковскаго комитета по вопросамъ о размѣрѣ крестьянскихъ надѣловъ и повинностей. Подобно центрально-черноземнымъ и малороссійскимъ комитетамъ, харьковскій комитетъ проектировалъ совершенно недостаточныя нормы земельнаго надѣла (отъ 1,5 до 1,8 десятинъ на душу, или отъ 4,5 до 5,4 десят. на тягло). При совершенно недостаточныхъ нормахъ надѣла харьковскій комитетъ назначилъ, однако, довольно высокій размѣръ повинностей. Если бы нормы повинностей были уменьшены сравнительно съ крѣпостнымъ временемъ пропорціонально уменьшенію

размѣровъ надѣла, то въ такомъ случаѣ по Харьковской губерніи надлежало бы установить оброки за весь надѣлъ въ размѣрѣ отъ 13 р. 95 коп. до 16 р. 74 коп. съ тягла [1]); между тѣмъ харьковскій комитетъ проектировалъ оброки въ 21 р. 60 коп. съ тягла, да еще за усадьбу отдѣльно по 2 р. 16 к. съ тягла.

Очень тщательно соблюдая помѣщичьи интересы въ ущербъ крестьянскимъ въ вопросахъ, касающихся матеріально-хозяйственной выгоды, харьковскій комитетъ проявлялъ въ то же время несомнѣнный либерализмъ, лишь только рѣчь заходила объ административномъ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ. Харьковскій комитетъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые совершенно отступали отъ данной губернскимъ комитетамъ программы въ вопросѣ о вотчинной власти помѣщиковъ надъ временно-обязанными крестьянами. Отвергая эту вотчинную власть, харьковскій комитетъ высказался и противъ присвоенія помѣщикамъ званія начальниковъ крестьянскихъ обществъ, полагая, что это дало бы помѣщикамъ новый поводъ къ продолженію прежняго произвола, хотя и въ иной формѣ. Впрочемъ, харьковскій комитетъ все же стоялъ за сосредоточеніе административнаго управленія временно-обязанными крестьянами въ рукахъ мѣстнаго дворянства, проектируя для этой цѣли учрежденіе уполномоченныхъ, выбираемыхъ дворянами изъ своей среды по одному на уѣздъ.

Таковы были главнѣйшія особенности проекта харьковскаго комитета. По нимъ можно составить ясное представленіе о господствовавшемъ въ названномъ комитетѣ общемъ направленіи умовъ. То было направленіе либеральное, однако обусловленное очень опредѣленной защитой экономическихъ интересовъ землевладѣльческаго дворянства.

Александръ Григорьевичъ Шретеръ такъ же, какъ и другой харьковскій депутатъ, Дмитрій Александровичъ Хрущовъ, вполнѣ примыкали къ этому направленію и цѣликомъ поддерживали передъ редакціонными комиссіями положенія проекта своего комитета. Любопытно отмѣтить нѣкоторыя изъ высказанныхъ ими при этомъ соображеній, могущихъ служить объяснительнымъ комментаріемъ и къ печатаемымъ ниже письмамъ.

Шретеръ и Хрущовъ горячо поддерживали въ Петербургѣ идею выкупа крестьянскихъ надѣловъ въ собственность. Они доказывали, что эта мѣра подсказывается интересами и государства, и помѣщиковъ и крестьянъ. «Безъ этого,—утверждали названные депутаты, — крестьяне, несмотря на личную свободу, все-таки останутся въ тяжкой зависимости отъ земли или капитала, а обяза-

[1]) Подробности этого расчета см. у *А. А. Корнилова* «Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи», стр. 279—280.

тельныя отношенія могутъ породить непріязненныя столкновенія между ними и помѣщиками, устраненіе которыхъ составляетъ насущную потребность общаго блага и спокойствія».—«По духу нашего народа—прибавляли они—этого возможно достигнуть только въ томъ случаѣ, если крестьяне не обманутся въ своемъ ожиданіи получить свободу безъ всякихъ личныхъ обязательныхъ повинностей къ помѣщику. Для дворянъ переходное состояніе съ обязательными повинностями не принесетъ ничего добраго. Установленіе вмѣсто принудительнаго выкупа обязательныхъ повинностей срочно-обязанныхъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ поведетъ, по выраженію Шретера и Хрущова, лишь къ тому, что «дворяне-помѣщики обратятся въ безсрочно-обязанныхъ нищихъ». Право помѣщиковъ на обязательныя повинности на практикѣ явится не чѣмъ инымъ, какъ правомъ на безконечные споры и иски съ крестьянами. Эти обязательныя повинности не будутъ соблюдаться; разсчитывать на нихъ соблюденіе—значило бы проявлять наивную довѣрчивость. «Но время юношескаго довѣрія пройдетъ—писали Шретеръ и Хрущовъ,— настанетъ холодная дѣйствительность и роковой стукъ аукціоннаго молотка возвѣститъ, что не стало родового, завѣтнаго имѣнія у одного, другаго, третьяго дворянина». Только выкупъ крестьянскихъ надѣловъ предотвратитъ такія пагубныя для дворянъ послѣдствія. Только выкупъ дастъ возможность, съ другой стороны, избѣгнуть смутъ и безпорядковъ при освобожденіи крестьянъ, ибо освобожденіе крестьянъ пройдетъ спокойно лишь въ томъ случаѣ, если крестьяне останутся удовлетворены реформой, т.-е. если «имъ немедленно будетъ дарована свобода полная, безъ всякихъ обязательствъ передъ помѣщиками и если имъ будетъ предоставлена земля въ собственность». Шретеръ и Хрущовъ разумѣли при этомъ выкупъ для помѣщиковъ принудительный. Они признавали за государствомъ полное право на такую мѣру, диктуемую общегосударственными интересами. «Принудительный выкупъ земли,—писали они,—есть такая же общая государственная мѣра, какъ всѣ обязанности подданныхъ къ государству; если же признать ее несправедливою, то почему же справедливы налоги, рекрутскіе наборы, всѣ обязанности и повинности къ государству; почему тогда справедливо налагать на крестьянъ разныя повинности въ пользу помѣщиковъ, когда крестьяне, безъ сомнѣнія, этого не желаютъ? Если несправедливо одно, то несправедливо и другое» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ они такъ же доказывали, что «рѣшить крестьянское дѣло безъ выкупа земли нѣтъ никакой возможности:

---

[1]) См. *Скребицкій,* «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II», т. II, стр. 563 и слѣд.

1) потому что иначе крестьяне не будутъ свободны, а 2) потому что помѣщики лишатся своей собственности безъ вознагражденія». Выкупъ долженъ быть, по ихъ мнѣнію, произведенъ посредствомъ выкупа государственныхъ облигацій и эта мѣра должна будетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ при одномъ лишь непремѣнномъ условіи, при наличности широкаго общественнаго довѣрія къ государственному кредиту, а довѣріе это, въ свою очередь, появится и окрѣпнетъ лишь «съ хорошимъ устройствомъ администраціи, основанной на выборномъ, а не на бюрократическомъ началѣ, съ устройствомъ самостоятельнаго суда, съ личною отвѣтственностью всѣхъ и каждаго передъ судомъ, съ введеніемъ гласнаго судопроизводства и возможной свободы печати, съ устройствомъ хозяйственно-распорядительнаго управленія обществъ, основаннаго на выборномъ началѣ безъ раздѣленія вѣдомствъ, при отвѣтственности выборныхъ лицъ только передъ судомъ и обществомъ», при всѣхъ этихъ условіяхъ окажется «не только возможнымъ выкупъ земли, но явятся совершенно удобоисполнимыми коренныя преобразованія въ быту сословій и самыя смѣлыя и рѣшительныя финансовыя операціи» [1]).

Такимъ образомъ, радикальное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса посредствомъ принудительнаго выкупа связывалось для Шретера съ требованіями преобразованія всего государственнаго строя на широкихъ либеральныхъ началахъ. Основной принципъ этихъ преобразовательныхъ требованій можно формулировать такъ: «отъ господства бюрократіи къ господству общественной самодѣятельности». Филиппиками противъ всевластія бюрократіи во всѣхъ кругахъ русской жизни обильно пересыпаны письменныя замѣчанія Шретера и Хрущова на труды Редакціонныхъ Комиссій. И не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что идеаломъ Шретера, дѣйствительно, являлось, на либеральныхъ началахъ построенное, правовое государство, въ которомъ принципъ общественнаго самоопредѣленія долженъ былъ найти самое широкое примѣненіе. Въ частности это выразилось и въ замѣчаніяхъ Шретера на проекты сельскаго и волостнаго крестьянскаго самоуправленія. Онъ стоялъ во всѣхъ случаяхъ за расширеніе предѣловъ этого самоуправленія и за приданіе ему большей самостоятельности. Такъ напр., онъ высказался противъ представленія выборныхъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ на утвержденіе мѣстнаго начальства [2]); противъ предоставленія помѣщику званія начальника крестьянскаго общества [3]); онъ указывалъ на необходимость

[1]) Ibid. т. IV, стр. 327—328.
[2]) *Скребицкій*, I, стр. 511;
[3]) ib. стр. 617;

созданія всесословной волости [1]), полагая въ то же время, что эта всесословная волость должна явиться фундаментомъ для преобразованія и всего остальнаго мѣстнаго административнаго устройства на началѣ всесословнаго самоуправленія [2]). И однако, ратуя за всесословное самоуправленіе, Шретеръ отнюдь не былъ сторонникомъ самоуправленія безсословнаго. Какъ разъ наоборотъ, онъ ставилъ чрезвычайно высоко сословную роль дворянства въ преобразующейся на либеральныхъ началахъ Россіи. Мы уже видѣли, что самое требованіе принудительнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ Шретеръ обосновывалъ заботами объ интересахъ дворянскаго сословія. Тѣми же заботами опредѣлялись и границы его радикализма въ планахъ крестьянскаго освобожденія. Согласно проекту своего губернскаго комитета, Шретеръ вовсе не желалъ, чтобы освобожденіе крестьянъ поколебало экономическое господство въ деревнѣ землевладѣльческаго дворянства. И на этомъ основаніи, отстаивая принудительный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, Шретеръ въ то же время выражаетъ крайнее недовольство попытками Редакціонныхъ Комиссій увеличить для Харьковской губерніи тотъ размѣръ надѣла, который былъ проектированъ харьковскимъ комитетомъ. Шретеръ и Хрущовъ дѣятельно отстаивали комитетскія нормы надѣла, гораздо болѣе низкія, нежели тѣ, которыя были намѣчены согласно первоначальнымъ предположеніямъ Редакціонныхъ Комиссій [3]). Въ то же время названные депутаты настаивали на значительномъ повышеніи проектированныхъ Редакціонными Комиссіями размѣровъ крестьянскихъ повинностей за пользованіе надѣломъ [4]). Они подняли свой голосъ и противъ безсрочности однажды установленныхъ повинностей, горячо высказываясь за переоброчку надѣловъ [5]).

Я уже не буду входить въ дальнѣйшія подробности и не буду отмѣчать заявленій, сдѣланныхъ Шретеромъ по различнымъ частнымъ вопросамъ, касающимся порядковъ пользованія надѣлами. Интересующіеся легко могутъ прослѣдить эти заявленія по труду Скребицкаго и убѣдиться въ томъ, что при обсужденіи такихъ вопросовъ Шретеръ въ большинствѣ случаевъ выражалъ неудовольствіе Редакціонными Комиссіями въ томъ смыслѣ, что онѣ недостаточно оберегаютъ интересы помѣщиковъ и слишкомъ склоняютъ вѣсы въ пользу крестьянъ. Я отмѣчу въ заключеніе

[1]) ib. стр. 763.
[2]) *Скребицкій,* I, стр. 767—768.
[3]) ib. II, стр. 1131, 1156, 1161.
[4]) *Скребицкій,* II, стр. 25, 897.
[5]) ibid. стр. 100.

лишь одно любопытное явленіе. У Шретера, какъ и у многихъ дворянъ, участниковъ реформы, политическій либерализмъ и забота о поддержаніи интересовъ дворянскаго сословія сплетались другъ съ другомъ въ такой спутанный клубокъ, что нерѣдко бываетъ въ высшей степени трудно опредѣлять, гдѣ въ ихъ страстныхъ нападкахъ на бюрократію кончалось стремленіе къ правовому порядку и гдѣ начиналось забота объ экономическихъ выгодахъ своего сословія. Дворяне типа Шретера настойчиво и страстно доказывали, что къ торжеству пагубнаго бюрократизма ведетъ отрицаніе общественной самодѣятельности; и съ такой же настойчивостью они видѣли проявленіе того же бюрократизма въ желаніи увеличить крестьянскій надѣлъ или сократить размѣръ крестьянской повинности. Въ стремленіи Редакціонныхъ Комиссій расширить площадь крестьянскаго землепользованія и облегчить для крестьянъ его оплату, Шретеръ, какъ и другіе дворяне того же типа, видѣлъ только бюрократическую интригу, направленную на то, чтобы разорить дворянъ и тѣмъ отнять у дворянъ возможность служить для крестьянской массы естественнымъ ея оплотомъ противъ корыстнаго и деспотическаго чиновничества [1]). Такимъ-то оборотомъ мысли Шретеръ, подобно многимъ дворянамъ того времени, и приходилъ къ выводу, что защита идеала правоваго государства и защита дворянскихъ экономическихъ преимуществъ вполнѣ совпадаютъ по своимъ конечнымъ цѣлямъ и задачамъ. Таково было соціально-политическое міровоззрѣніе автора печатаемыхъ ниже писемъ. Читатель безъ труда отмѣтитъ въ этихъ письмахъ любопытные отголоски этого міровоззрѣнія.

Въ письмахъ есть намеки на отдѣльныя событія той поры. Мы раскрываемъ эти намеки, въ примѣчаніяхъ къ письмамъ. Письма печатаются съ соблюденіемъ орѳографіи и знаковъ препинанія подлинника.

А. Г. Шретеръ—П. Н. Дубровину.

Харьковъ, 8 ноября 1859 года.

Предполагая, что и Вы задушевный нашъ Павелъ Николаевичъ возвратились во своясп съ поля битвы, неизвѣстно за кѣмъ оставшагося [2]), я рѣшился Васъ атаковать посланіемъ jusque

[1]) *Скребицкій*, т. IV, стр. 808—809.

[2]) «Полемъ битвы, неизвѣстно за кѣмъ оставшимся», Шретеръ называетъ здѣсь, очевидно, возгорѣвшуюся въ Петербургѣ борьбу между дворянскими депутатами перваго приглашенія и редакціонными комиссіями при обсужденіи проектовъ Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Депутаты перваго приглашенія были вызваны въ Петербургъ въ серединѣ сентября 1859 г. Совѣщанія этихъ депута-

dans Vos foyers, только не оружіемъ и принадлежностями составляющими ultima ratio Regum—а просто повтореніемъ того, что я Вамъ такъ часто передавалъ теплымъ пожатіемъ руки. Презирая въ душѣ все, что только тѣнь хитрости имѣетъ и инстинктивно слѣдуя внутреннимъ своимъ впечатлѣніямъ, никогда еще меня не обманувшимъ, я дошелъ до нѣкоторой степени упованія людей; увы! не смотря на милліоны ихъ—они рѣдки, очень рѣдки! Жалкое, ничтожное *ego* у большей части подавляетъ всякій порывъ той частички хорошаго, которою мать природа ихъ надѣлила, затемняетъ, искажаетъ образъ мыслей, влечетъ къ дѣйствіямъ, которыя потомъ не только они сами, но и потомки оплакиваютъ, не допускаетъ до сознанія чужого превосходства, заставляетъ слѣпо поперечить оному—а самихъ тѣшиться несознаваемою своею низостью—предъ метеорами, ихъ же сожигающими! и это называется человѣки по образу Божію созданные! И изъ такихъ человѣковъ состоялъ въ большинствѣ своемъ синклитъ громкихъ Депутатовъ! Грустно подумать! И непозволительно полагать чтобы отъ обѣда приготовленнаго такими поварами желудокъ а слѣдовательно и организмъ матери нашей—Россіи—не разстроился, и она бѣдная лишенная необходимой пищи—не зачахла!!!

Хрущовъ мнѣ очень коротко (одинъ разъ всего) написалъ что Крс. вопросъ получилъ странное направленіе! Но какое? не объясняетъ. О Результатѣ *нашего* адреса Государю тоже ничего обстоятельно не сообщаетъ—только кратко—будто бы Царь оный принялъ и на немъ надписалъ: «благодарить за совѣтъ» и передалъ его въ Гос. Совѣтъ! [1]) а равно и о томъ, что I. И.

товъ съ редакціонными комиссіями начались 30 сентября 1859 г. и продолжались до 31 октября того же года.

[1]) Депутаты перваго приглашенія, недовольные работами редакціонныхъ комиссій и полагавшіе, что проекты, составленные этими комиссіями, грозятъ дворянству полнымъ уничтоженіемъ его сословнаго авторитета и его экономической силы, апеллировали къ государю въ формѣ подачи на Высочайшее имя адресовъ съ изложеніемъ своихъ желаній и опасеній. Адресовъ этихъ было нѣсколько, такъ какъ депутаты разбились на группы, въ силу различія обнаружившихся въ ихъ средѣ теченій. Подъ «*нашимъ* адресомъ» Шретеръ разумѣетъ адресъ, представленный пятью депутатами: тверскимъ—Унковскимъ, двумя ярославскими Дубровинымъ и Васильевымъ и двумя харьковскими—Хрущовымъ и самимъ Шретеромъ. Адресъ этотъ былъ датированъ 16 октября 1859 г. Въ немъ указывалось на то, что проектируемое редакціонными комиссіями увеличеніе крестьянскаго надѣла и крайнее пониженіе повинностей въ большей части губерній разоритъ помѣщиковъ, крестьянскій же бытъ не будетъ этимъ улучшенъ, такъ какъ крестьяне, хотя и получаютъ самоуправленіе, но, тѣмъ не менѣе, подпадутъ, несмотря на это, подъ широкое воздѣйствіе чиновниковъ; далѣе въ адресѣ указывалось что Россія вступитъ на путь мирнаго развитія лишь въ томъ случаѣ, если: 1) освобожденные крестьяне получатъ земельные надѣлы въ собственность посредствомъ немедленнаго выкупа по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ; 2) будетъ образовано хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ

Рост. [1]) боленъ и что вмѣсто его могутъ назначить другаго Предсѣдателя—разумѣется, олигархо-бюрократо-безземельнаго? Тогда прощай всякая надѣжда на мирное преобразованіе Россіи. Узелъ завяжется въ Питерб.—а безъ сомнѣнія, самимъ народомъ уничтоженіемъ Дворянства—развязанъ будетъ кровію! и не въ Питерб. а въ цѣлой Россіи.

Естли надѣжда на уменьшеніе надѣла Ред. Комисіей постановленнаго—такъ, какъ Ростов. мнѣ это обѣщалъ? Этотъ надѣлъ у насъ здѣсь произвелъ страшное волненіе! и справедливо! Естли надежда на выкупъ? По связямъ своимъ Вы вѣрно что нибудь положительное о всемъ помянутомъ знаете. Не откажите сообщить мнѣ! Я такъ дорожу Вашей дружбой—что кромѣ Васъ ни къ кому ни объ чемъ и относиться не хочу—ибо никому не вѣрю. А потому еще разъ повторяю мою прозьбу объясните нынѣшнее положеніе дѣла общаго—и Ваши собственныя предположенія. Къ Алексей Михайловичу [2]) я писалъ въ Тверь чтобы узнать объ Адрессѣ—потомучто выѣхавъ 17 окт. я отъ Хрущева получилъ только 5-го ноября нѣсколько строчекъ. Это почти похоже на: изъ глазъ изъ ума. Между тѣмъ нашъ Губ. Предводитель изъ какихъ то личныхъ видовъ (не зѣло благовидныхъ) разпустилъ здѣсь нелѣпые слухи о Адрессѣ, якобы полученные имъ по писму изъ Питера!

Если бы не архиплохое здоровіе—самъ бы прикатилъ Васъ видѣть—и пожать руку! На что, съ Божіей помощью хоть весною не теряю надѣжду—потому, что скажу Вамъ прямо Ваша дружба мнѣ сдѣлалась необходимостью жизненною.

да хранитъ Васъ Богъ Вашъ душею *А. Шретеръ.*

Харьковъ, Генваря 12-го дня... [3]).

Сегодня получилъ Ваше письмо (Ваше), задушевный патріотическій нашъ коноводъ Павелъ Николаевичъ—и сегодня же отвѣчаю—не смотря на Bemerkung что Вы ѣдете въ Москву—

сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) будетъ учреждена независимая отъ администраціи судебная власть, судъ присяжныхъ, гласное и словесное судопроизводство и подчиненіе мѣстныхъ должностныхъ лицъ отвѣтственности непосредственно передъ судомъ; 4) будетъ установлена печатная гласность. Полный текстъ адреса напечатанъ въ приложеніи 3 къ тому II труда *Н. П. Семенова* «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II». Всѣ эти адресы были обсуждены въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, и всѣ депутаты, подписавшіеся подъ адресами, въ томъ числѣ и Шретеръ, получили черезъ губернаторовъ замѣчанія и выговоры.

[1]) Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ, первый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, заболѣлъ въ октябрѣ 1859 г., скончался 6 февраля 1860 г.

[2]) т.-е къ Унковскому.

[3]) Обозначеніе года оторвано; нѣтъ сомнѣнія, что письмо относится къ 1860 году.

уже конечно не для того, чтобы дышать тѣмъ же воздухомъ, которымъ вздыхаетъ бывшій Московскій Депутатъ de brouillonique memoire [1])—но я надѣюсь, что письмо мое Вамъ перешлютъ въ Москву, такъ какъ Вы мнѣ своего адреса въ Бѣлокаменной (но не болѣе) не назначили, иначе я бы туда отправилъ и свой, сирѣчь предлежащій, образчикъ бюрократіи! Бюрократіи?—по всему свершившемуся вообще и съ нами въ особенности и продолжающемуся совершаться видно, что преобладаніе ее рѣшено—и вмѣсто self-gouvernment народа подъ сѣнью самодержавія—принципъ администраціи съ завязанными глазами, чернилами разольется по матушкѣ Россіи съ правомъ писать жалобы.... [2]) которыхъ до Престола благодушнаго, добраго Государя Бюрократія не допуститъ—взятки и келейное толкованіе законовъ попрежнему будутъ тормозить сліяніе сословій воедино и развитіе силъ вѣрноподданнаго своему Государю народа, порабощеннаго чиновничеству!

Описаніе пріема съ послѣдствіями, сдѣланнаго Вамъ Ярославскимъ Дворянствомъ, въ душѣ меня порадовало, смотря на значеніе этакого справедливаго пріема со стороны общаго направленія—и еще болѣе со стороны частнаго, ибо оно доказываетъ твердость въ убѣжденіи и признаніе открытое тѣмъ, кому Дворянство поручило защищать эти убѣжденія—и вѣру въ исполненіе ими этого порученія, не щадя себя. Результатъ всего этого у меня—глубокое сожалѣніе: почему и я не членъ Ярославскаго Дворянства? почему я не могу тоже отличному Павлу Николаевичу нашему—съ прочими, и свое имя вписать въ адресѣ и заявить теплое спасибо.

Далеко, очень далеко не то у насъ—въ нашемъ винегретномъ Дворянствѣ.—Вы пишете, что «общество въ массѣ всегда разумно и справедливо, если его затронутъ за живое». То что у насъ здѣсь выказывается—служитъ доказательствомъ совершенно противнаго—Personne n'a le courage de son opinion—потому, что настоящаго, обдуманнаго убѣжденія не существуетъ ни у кого, разумѣется, за исключеніемъ весьма немногихъ, которыхъ голосъ теряется въ пространствѣ; духъ партій, и эгоизмъ до того преобладаетъ что каждый только думаетъ о себѣ, что же касается до общаго, то не понимаютъ даже: какъ можно объ этомъ хло-

---

[1]) Депутатомъ отъ московскаго губернскаго комитета былъ Сергѣй Сергѣевичъ Волковъ. Другой членъ московскаго комитета, также избранный депутатомъ, Валицкій по болѣзни не прибылъ въ Петербургъ и не исполнялъ обязанностей депутата.

[2]) Точки здѣсь и въ послѣдующихъ случаяхъ означаютъ пробѣлы въ текстѣ, появляющіеся вслѣдствіе того, что края оригинала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оторваны.

потать—и еще менѣе дѣлать это съ самоотверженіемъ; сверхъ того, чиноманія, мѣстоманія и рабское какое-то желаніе выслужиться чѣмъ бы то ни было—до того развиты между доблестнымъ нашимъ Дворянствомъ, что понятію о гражданинѣ и его правахъ въ широкомъ смыслѣ—не остается ни малѣйшаго мѣста въ верхнемъ этажѣ бреннаго организма; безсмертнаго Пушкина стихъ: «а народъ, разиня ротъ, кричитъ ура! насъ бить....» не понимается. Вотъ Вамъ эскизъ не утѣшительный но вѣрный, изъ него Вы можете заключить что ни я, ни Хрущевъ по возвращеніи не могли найти въ массѣ сочувствія большаго, обратившагося по полученіи нами Высоч. замѣчанія [1]) въ какое-то изолированіе,—оно меня нисколько не огорчаетъ, — ибо самосознаніе исполненной съ чистой совѣстью обязанности успокаеваетъ меня болѣе, нежели всѣ выраженія поддѣльныя того, чего не чувствуютъ. Трагикомическія представленія со слезами въ присудствіи собранныхъ Дворянъ (.... чилъ нынѣшній губ предво) имъ очень нравятся— ....о развязкѣ настоящаго событія только по индивидуальному взгляду и судятъ—всё это факты, они меня убѣдили, до поры до времени, съ лицами доблестнаго Дворянства ни словомъ ни дѣломъ крестьянскаго вопроса не касаться, покудова тѣ, которые на то право имѣютъ, заблагоразсудятъ опять и моего мнѣнія спрашивать, то тогда я его и выскажу, конечно съ тою же смѣлою откровенностью, съ тѣмъ же убѣжденіемъ какъ однажды это уже сдѣлалъ.

О выборѣ Васъ двухъ въ Губ. Предв. я зналъ уже отъ Дмитр. Ник. Шидловскаго, бывшаго у меня въ 1-ыхъ числахъ Генваря проѣздомъ чрезъ Харьковъ въ Петербургъ; онъ мнѣ цѣлый коробъ новостей разсказалъ, изъ коихъ я ни одной не понялъ—особенно, что касается разныхъ новыхъ проектовъ Реформы, одинъ неудовлетворительнѣе другого—на всеподданнѣйше представленное имъ писмо, онъ получилъ выговоръ отъ Его Величества! [2])

Свершившееся съ Алексѣй Михайловичемъ меня очень.... желалъ бы знать подробности событія и если Вы сочтете возможнымъ и знаете ихъ, сообщите, равно и о Рязанскихъ выборахъ [3]).

---

[1]) Высочайшее замѣчаніе за подписаніе адреса—см. прим. на стр. 225. Въ высшей степени любопытна представляемая здѣсь Шретеромъ общественно-бытовая картина того, какъ мѣстное дворянство отшатнулось отъ своего депутата, лишь только онъ оказался въ опальномъ положеніи за энергичное отстаиваніе тѣхъ самыхъ началъ, которыя ему и поручено было проводить отъ мѣстнаго дворянскаго комитета.

[3]) Дмитрій Николаевичъ Шидловскій—депутатъ отъ симбирскаго комитета, аристократъ съ олигархическими тенденціями, не раздѣлявшій либеральныхъ воззрѣній Шретерскаго кружка. Шидловскій отъ себя представилъ Государю письмо въ олигархическомъ духѣ.

[3]) Разумѣется высылка Унковскаго въ Вятскую губернію за органи-

Все это верховники безъ сомненія представляютъ Государю какъ противодѣйствіе, опозицію Дворянства Его волѣ и предпринятому дѣлу—между тѣмъ какъ въ этомъ и тѣни противодѣйствія, *совершенію* переворота, въ необходимости коего дворянство убѣждено, не находится, интересъ же такого намѣреннаго воззрѣнія верховныхъ представителей бюрократическаго начала ясенъ — именно сохраненіе безотвѣтнаго произвола, опираясь всегда на Высочайшее повеленіе, а какъ мы вѣрноподданые привыкли глубоко уважать и безпрекословно повиноваться волѣ своего Царя, то и съ грустью въ душѣ терпимъ безропотно всё, что лица, искажающія священную волю Государя по властолюбивымъ своимъ замысламъ, большею частью, если не всегда безъ вѣдома Его творятъ и, стоя преградою между Имъ и народомъ, изліяній дѣтей къ Державному Отцу не допускаютъ. Вотъ противъ..... рянство во главѣ народа вопіетъ и ... тями желаніе свое; мольбу; измѣнить этакой порядокъ обнаруживаетъ! Вотъ въ чемъ, повидимому, и несогласіе въ совершеніи Реформы единственное, но отнюдь не противодѣйствіе ей—этакая преступная нелѣпость даже безземельникамъ не можетъ войти въ голову! Вѣковое правило: кто желаетъ распоряжаться, тотъ долженъ лично и отвѣчать за свои распоряженія какъ передъ Властью верховною, такъ и предъ тѣми, которыми распоряжаются и не нравится столбамъ Бюрократіи, а они хотѣли бы сами быть попрежнему безотвѣтными, а сотни тысячь дворянъ сдѣлать отвѣтственными за тѣхъ, надъ коими дворяне добровольно съ себя слагаютъ всякую власть, чтобы вполнѣ осуществить великую мысль Государя, желающаго видѣть въ народѣ Ему Богомъ врученномъ не рабовъ, а гражданъ, конечно эти граждане Его .. охранять будутъ собственною своею жизнью, нежели Бюрократы, во что бы они облечены ни были, нуженъ ли примѣръ этому разительнѣе, чѣмъ въ Англіи. Воля Государя и время вызвали эту потребность! Дворянство, по крайнѣй мѣрѣ, многіе это такъ поняли, усвоили и прямо, откровенно съ убѣжденіемъ по этому указанію идутъ, развѣ же это противодѣйствіе? Напротивъ, самое добросовѣстное, вѣрноподданное исполненіе того, что Царь повелѣлъ. Ежедневно припоминаю при этихъ обстоятельствахъ то,

---

зацію протеста отъ тверского дворянскаго собранія противъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, воспрещавшаго обсуждать на дворянскихъ собраніяхъ крестьянскій вопросъ. Тогда же другой ярославецъ, Европеусъ, былъ высланъ въ Пермскую губернію. Въ Рязани дворянское собраніе также протестовало противъ упомянутаго циркуляра и рязанскій губернскій предводитель Повалишинъ получилъ выговоръ за представленіе Государю всеподданнѣйшаго прошенія, направленнаго противъ этого циркуляра. См. *Иванюковъ* «Паденіе крѣпостного права», изд. 2, стр. 380 и слѣд.

что незабвенный мой благодѣтель Великій Князь Михаилъ Павловичъ въ подобныхъ случаяхъ часто говаривалъ: «жалуетъ Царь, не жалуетъ псарь», а покойникъ былъ вѣрнѣйшій слуга царскій! Не думаю, что насъ то-есть нашу маленькую группу, за откровенное изложеніе нашихъ убѣжденій иначе назвать можно. Въ дѣлѣ Государственномъ не *себя*, а *общее* должно имѣть въ виду—въ этомъ и состоитъ *вѣрность подданнаго*—всякое другое понятіе и пониманіе оной есть лицемѣрное пустословіе ... болѣе я усвоилъ глубокое значеніе *вѣрно* подданнаго ... откровеннѣе, смѣлѣе я *обязанъ изложить* моему Государю мысли и убѣжденія мои тогда, когда меня о томъ спрашиваютъ, какъ *призваннаго* въ участники предположенныхъ въ Отечествѣ переворотовъ, и ни на минуту не останавливаться на своемъ собственномъ интересѣ, ибо онъ не можетъ истекать иначе какъ только изъ удачнаго устройства общаго! Я по крайнѣй мѣрѣ не въ состояніи вбить себѣ въ голову другого образа мыслей, а факты на бронзовыхъ страницахъ уже неизмѣнимой Исторіи въ немъ меня убѣждаютъ. Эта же Исторія показываетъ намъ, что предначертанія Провидѣнія, несмотря на мелкую бурливость людей, независящими отъ нихъ путями совершаются и что въ минуты безвыходныя Промыселъ Божій явится на помощь—и сокрушая крамолы, осѣнитъ Своей святою десницею тѣхъ, которые съ вѣрою въ него уповаютъ. Ежедневно молю Его, да укрѣпитъ и вразумитъ Государя, котораго сердце я съ дѣтства знаю и трудности положенія коего я глубоко сочувствую, вѣдь и онъ, хотя вѣнценосный Помазанникъ Божій, не болѣе, какъ человѣкъ, зачѣмъ все бремя возлагать на Его одного!

.. .. мнѣ очень Ваше хвораніе и если бы и не мое .... здоровье, конечно, ничто бы меня не остановило полетѣть въ Москву, крѣпко пожать лояльную руку человѣка, друга, мысль о которомъ мнѣ сдѣлалась потребностью жизни—иначе я чувство мое къ Вамъ, Павелъ Николаевичъ, выразить не могу, если друзья *нынѣшняго* направленія назовутъ это глупымъ—пускай такъ, но я этою глупостью дорожу и буду дорожить всегда—очень прошу Васъ пишите мнѣ и да хранитъ Васъ Богъ! Навсегда Вашъ

А. Шретеръ.

II.

Крестьянская реформа и гр. Дмитрій Толстой.

Люди моего поколѣнія живо помнятъ то своеобразное время, когда реформа 19 февраля 1861 г. была признана опальной; когда учебнымъ заведеніямъ строжайше воспрещалось чество-

вать годовщины освобожденія крестьянъ; когда всякіе положительные отзывы о преобразованіяхъ 60-хъ годовъ XIX ст. приравнивалось правящими сферами къ проявленіямъ крайняго политическаго радикализма. Но этого мало. Даже попытки строго-научнаго изслѣдованія исторіи крестьянской реформы 1861 г. встрѣчали иной разъ неожиданныя оффиціальныя препятствія все съ той же точки зрѣнія охраненія политической благонадежности. Разительный примѣръ тому читатель найдетъ въ печатаемомъ ниже письмѣ Б. В. Струве къ гр. Дмитрію Андреевичу Толстому.

Бернгардъ Васильевичъ Струве, отецъ извѣстнаго писателя П. Б. Струве, занималъ въ свое время видные административные посты и, какъ свидѣтельствуетъ П. Б. Струве въ письмѣ къ С. П. Мельгунову, былъ сторонникомъ довольно умѣренныхъ, скорѣе консервативныхъ общественныхъ воззрѣній. Но, будучи умѣреннымъ консерваторомъ, онъ ничего общаго не имѣлъ съ реакціонерами и ему была глубоко антипатична та безудержная реакція, знамя которой такъ высоко поднялъ Толстой. Б. В. Струве, по словамъ его сына Петра Бернгардовича, относился «съ какимъ-то прямо религіознымъ чувствомъ поклоненія и восхищенія» къ крестьянской реформѣ 1861 г. Онъ собралъ богатую коллекцію различныхъ изданій, относящихся къ этой реформѣ, и не разъ видѣлся съ А. М. Унковскимъ, съ которымъ любилъ бесѣдовать о крестьянскомъ вопросѣ. Онъ былъ настолько извѣстенъ своимъ интересомъ къ исторіи крестьянской реформы, что московское юридическое общество, задумавъ издать сборникъ матеріаловъ по исторіи крестьянскаго дѣла, обратилось къ нему съ просьбой о сотрудничествѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Б. В. Струве къ Василію Юрьевичу Скалону, сохранившееся въ архивѣ послѣдняго. Вотъ это письмо:

26 Мая 1885 г.

Милостивый Государь

Василій Юрьевичъ!

Принося Вамъ глубочайшую мою благодарность за любезное увѣдомленіе Ваше о проектированномъ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ сборникѣ матеріаловъ по исторіи крестьянскаго дѣла и увѣряя Васъ, что я почту за особую честь и удовольствіе принять въ немъ посильное участіе, я позволяю себѣ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою прислать мнѣ, если возможно, одинъ экземпляръ Устава Московскаго Юридическаго Общества и сообщить мнѣ, какой цензурѣ подлежатъ

изданія этого Общества или оно само за свои изданія отвѣтственно, то есть пользуется правомъ безцензурнаго изданія, какъ, напр., Императорское Вольное Экономическое Общество? То или другое условіе, смѣю думать, должно быть непремѣнно принято въ соображеніе лицами, имѣющими желаніе принять участіе въ трудахъ Общества.

Въ ожиданіи отвѣта и присылки печатной программы, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и искренномъ уваженіи

Вашего покорнѣйшаго слуги *Б. Струве.*

Въ этомъ письмѣ Б. В. Струве не даромъ выдвигалъ вопросъ о цензурныхъ условіяхъ. Всего только за годъ передъ тѣмъ онъ имѣлъ случай лично убѣдиться въ томъ, какія цензурныя препоны грозили въ то время изслѣдователямъ исторіи крестьянскаго дѣла. Въ сентябрѣ 1884 г. Б. В. Струве обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ министру Внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. А. Толстому:

«Ваше Сіятельство

Милостивый Государь,

Графъ Дмитрій Андреевичъ!

Занимаясь составленіемъ историческаго очерка приведенія въ исполненіе положенія 19 февраля 1861 и дополнительныхъ къ нему правилъ въ области Уральскихъ горныхъ заводовъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство не отказать въ благосклонномъ Вашемъ покровительствѣ этому ничтожному труду разрѣшеніемъ мнѣ доступа къ дѣламъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, касающимся этого вопроса со дня воспослѣдованія Высочайшихъ рескриптовъ объ открытіи Дворянскихъ Комитетовъ въ Пермской и другихъ приуральскихъ губерніяхъ. При этомъ осмѣливаюсь почтительнѣйше представить благовниманію Вашего Сіятелства, что небезинтересно и въ то же время небезполезно было бы, если бы ко дню имѣющаго совершиться 25-лѣтія со дня обнародованія положенія 19 февраля 1861 г. появились въ печати подобные же очерки изо всѣхъ губерній, въ которыхъ оно подлежало приведенію въ дѣйствіе.

Если мысль эта удостоится Вашего одобренія, то я попросилъ бы разрѣшенія Вашего Сіятельства напечатать о ней въ газетахъ и журналахъ, болѣе читаемыхъ въ губерніяхъ».

Письмо это, датированное 18 сентября 1884 г., Б. В. Струве въ собственноручно сдѣланной копіи сообщилъ В. Ю. Скалону, и копія эта также сохранилась въ архивѣ послѣдняго. На копіи письма рукою Б. В. Струве сдѣлана слѣдующая надпись:

«Доступъ къ дѣламъ мнѣ не былъ разрѣшенъ, а относительно появленія въ печати очерковъ, Его Сіятельство Гр. Д. А. Толстой, черезъ управляющаго Земскимъ отдѣломъ С. С. Зыбина устно отозвался, что онъ не считаетъ возможнымъ согласиться на осуществленіе этой мысли. Преждевременно!»

Какъ сообщаетъ П. Б. Струве въ письмѣ къ С. П. Мельгунову, Б. В. Струве на лицейскомъ праздникѣ 19 октября 1886 г. произнесъ рѣчь, посвященную 25-лѣтію крестьянской реформы. Рѣчь эта очень не понравилась въ правящихъ кругахъ. Б. В. Струве напечаталъ свою рѣчь отдѣльнымъ листкомъ.

А. Кизеветтеръ.

Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ[1]).

II. Глѣбъ Успенскій въ Сербіи.

О пребываніи Г. И. Успенскаго въ Бѣлградѣ, откуда онъ писалъ въ концѣ 1876 г. «письма не военнаго человѣка» въ «Отечественныя Записки», имѣется свѣдѣній немного.

Среди мелочей, объ Успенскомъ обращаютъ на себя вниманіе замѣтки «Стараго петербуржца» (въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1902 г. № 83). Здѣсь, между прочимъ, о пребываніи Успенскаго въ Бѣлградѣ, куда онъ пріѣхалъ въ концѣ октября, сообщаются слѣдующія подробности.

«Въ бѣлградской гостиницѣ «Канъ сербскаго краля», гдѣ онъ поселился, за суетней въ ней, шумомъ, бряцаніемъ оружія—ему было не по себѣ, и онъ, большей частью, ночевалъ у меня, благо меблированныя комнаты, въ которыхъ я поселился вскорѣ послѣ пріѣзда въ Бѣлградъ (гдѣ долженъ былъ оставаться безвыѣздно на все время войны), были въ сторонѣ отъ шума, и комната, въ которой я жилъ,—просторная, въ три окна, съ видомъ на Дунай,—была снабжена двумя постелями.

Обѣдали и ужинали мы съ нимъ ежедневно вмѣстѣ, по разнымъ гостиницамъ, всегда въ обществѣ мѣняющихся пріѣзжихъ соотечественниковъ и разныхъ сербскихъ братушекъ, и, по возвращеніи домой, Глѣбъ Ивановичъ, лежа на диванѣ, говорилъ о впечатлѣніяхъ дня.

Удивительно прозорливо онъ судилъ о людяхъ, и о событіяхъ. Я это оцѣнилъ потомъ, слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ русско-сербскихъ отношеній.

На театръ военныхъ дѣйствій онъ попалъ за день или два до разгрома силъ ген. Черняева Абдулъ-Керимомъ-пашой подъ Джунисомъ и присутствовалъ при поспѣшномъ очищеніи главною сербскою квартирою и штабомъ Делиграда.

Возвратившись въ Бѣлградъ, онъ пріѣхалъ прямо ко мнѣ, заставъ меня дома, поздоровался со мною, и возгласилъ:

— Никакого славянскаго дѣла нѣтъ, а есть только *сундукъ*.

И тутъ же поправился:

— То-есть *былъ* сундукъ. Нынче онъ пустъ и, вѣроятно, выброшенъ на дворъ. Я присутствовалъ при его опустошеніи и видѣлъ, какъ золото растаскивали цѣлыми пригоршнями, клали въ жестянки отъ сардинокъ и уносили въ разныя стороны».

Вотъ также нѣсколько подробностей, не бывшихъ еще въ печати и сообщенныхъ намъ двоюроднымъ братомъ Успенскаго П. К. Кузьминымъ, добровольцемъ сербско-турецкой войны.

---

[1]) См. № 1.

«Примѣрно съ 1875—6 г.г. Глѣбъ Ивановичъ рисуется мнѣ уже постоянно задумчивымъ и серьезнымъ.

Такимъ я его встрѣтилъ въ Бѣлградѣ во время перемирія послѣ сербско-турецкой войны, въ которой я участвовалъ въ качествѣ волонтера.

Я прожилъ у Гл. Ив. въ номерѣ четыре дня—по его приглашенію, когда онъ узналъ, что я въ Бѣлградѣ.

Къ Гл. Ив-чу приходили тогда какіе-то молодые люди типа русскихъ народниковъ, въ красныхъ рубахахъ, косовороткахъ, съ большими сапогами и т. п. Кажется, онъ въ то время особенно интересовался соціалистическими вопросами.

Помню, что на мои разсужденія о поведеніи добровольцевъ, которыхъ я въ большинствѣ случаевъ оправдывалъ, и вообще на разсужденія о сербской кампаніи, Гл. Ив. почти не отзывался. Слушалъ, курилъ, иногда какъ бы въ раздумьи говорилъ: «да-да»... Но я такъ и не могъ вынести никакого заключенія, какъ онъ относился къ моимъ словамъ,—и чувствовалъ нѣкоторое неудовлетвореніе. Хотѣлось, конечно, слышать болѣе опредѣленное мнѣніе отъ такого человѣка...

Впослѣдствіи, читая записки Гл. Ив-ча о Сербіи и сербскихъ волонтерахъ, я нашелъ въ этихъ запискахъ подтвержденіе своихъ взглядовъ. Только одно, что меня непріятно поразило,—это картинка съ натуры, когда на желѣзной дорогѣ въ вагонѣ (или на пароходѣ) русскіе волонтеры покушались было щегольнуть передъ иностранцами своимъ удальствомъ и пѣснями, а вышло что-то безобразно пошлое, убогое и жалкое... Это вполнѣ съ натуры, но мнѣ показалось въ этомъ желаніе Гл. Ив-ча обобщить отзывъ о волонтерахъ, и я былъ лично уязвленъ, какъ волонтеръ. Конечно, были и другіе представители русскихъ волонтеровъ и русскаго человѣка. Раздавалась и мощная, полная своеобразной прелести русская пѣсня, въ согласномъ хорѣ и въ одиночку. Но много было, именно, такого убожества, которое такъ ярко изображено Гл. Ив-чемъ, которое живо отражало тѣ всероссійскія условія, которыя во всемъ отодвигаютъ русскій народъ назадъ передъ народами запада, живущими въ болѣе человѣческихъ условіяхъ».

Дѣйствительно, въ Бѣлградѣ у Г. Успенскаго бывалъ рядъ «народниковъ». Изъ послѣднихъ добровольцами явились въ Сербію Клеменцъ, Сажинъ, Степнякъ-Кравчинскій и другіе. Къ помощи славянамъ призывали въ это время, помимо славянофиловъ и націоналистовъ, и «Отеч. Записки», напечатавшія въ № 7 1876 года статью подъ заглавіемъ: «На всемірную свѣчу!» Это былъ очень горячо написанный обзоръ положенія славян-

скихъ народностей и призывъ къ денежнымъ сборамъ на сербское возстаніе и помощь славянамъ. «Всемірная свѣча», которую хочетъ загасить Европа, это — «славянская семья, добрая, угнетенная, мягкая, словно восковая свѣча, тающая отъ враждебнаго европейскаго дуновенія. — Пожертвуйте же, русскіе люди, на «всемірную свѣчу»!»

Глѣбъ Успенскій поѣхалъ въ Бѣлградъ осенью 1876 г. прямо изъ Парижа съ жаждой воочію увидѣть добровольческое движеніе, какъ вольное выраженіе свободнаго порыва народныхъ массъ для поддержанія этой «всемірной свѣчи» славянства. Такихъ людей, людей самоотверженнаго порыва Успенскій нашелъ среди добровольцевъ изъ низовъ, но большинство шло въ Сербію по мотивамъ личной незадачливости, честолюбивымъ и инымъ, что и было въ главной мѣрѣ причиною того, что сербское правительство, въ концѣ концовъ, просто выслало добровольцевъ изъ предѣловъ Сербіи, какъ гостей слишкомъ безпокойныхъ.

Въ собраніе сочиненій Гл. Успенскаго вошли лишь отрывки изъ «писемъ не военнаго человѣкъ» изъ Бѣлграда, печатавшихся въ «Отеч. Запискахъ»[1]). Между тѣмъ многое и здѣсь очень живо, и мѣтко и ярко рисуетъ движеніе въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ типахъ.

Письмо отъ 9 ноября 1876 г. («Отеч. Зап., № 12») разсказываетъ о возвращающихся добровольцахъ, огромное большинство которыхъ уноситъ съ собой «если не полную ненависть и отвращеніе къ тому, что было, то, во всякомъ случаѣ, въ большей степени неладное расположеніе духа, доходящее до раздраженія»...

Раздраженіе выражалось въ неоднократныхъ побоищахъ съ «штабными» и проч., «не говоря о томъ, что вообще жить въ какой бы то ни было гостиницѣ почти нѣтъ никакой возможности отъ непрерывнаго гама, постоянно затѣвающихся скандаловъ, вотъ-вотъ готовыхъ превратиться въ драку»...

«Ругая сербовъ за трусость, даже выдумывая обвиненія ихъ въ измѣнѣ, всякій русскій отлично знаетъ, что они неопытны, что они—мужики, что они отдали все, что могли, что ихъ убито въ тридцать-сорокъ разъ больше, чѣмъ русскихъ; всякій скажетъ, что они безукоризненно честны, добры, радушны, *чисто какъ дѣти*,—по выраженію одного добровольца изъ простыхъ русскихъ крестьянъ,—и все-таки всякій ругаетъ ихъ и даже говорить иной разъ не хочетъ, очевидно потому, что его обидѣли не сербы, а *все*, вся эта исторія, вмѣстѣ съ нимъ самимъ, вмѣстѣ съ его мыслью итти въ Сербію и т. д.

---

[1]) См. «От. Зап.» 1876 г. № 12 и 1877 г. № 1.

«Въ качествѣ человѣка не военнаго, я отправился въ Бѣлградъ почти только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на русскаго простого человѣка, одушевленнаго, наконецъ (въ чемъ я не имѣлъ и не имѣю никакого сомнѣнія), большою, по сердцу пришедшеюся ему задачею. Не все ему накоплять недоимку, надо пожить и *на себя*. Скажу вообще, что первая минута, когда наши сибирки и чуйки появились на асфальтовыхъ мостовыхъ и разукрашенныхъ улицахъ Пешта, была необыкновенно трогательна... Безобразія, видѣнныя мною потомъ между моими соотечественниками, во всю дорогу отъ Пешта до Бѣлграда и въ Бѣлградѣ, хотя и заставляли по временамъ почти терять терпѣніе, но были совершенно понятны... «Пришелъ за Сербію вступиться», говорилъ онъ, положимъ, хотя и въ пьяномъ видѣ, но никогда, какая бы безтолочь ни творилась вокругъ него, не отступалъ отъ этой задачи, не забывалъ, зачѣмъ онъ пришелъ...

«Разъѣло войну нѣчто другое не простонародное»...

«Разставшись съ партіею добровольцевъ, которые мнѣ встрѣтились въ Пештѣ, проводивъ однихъ къ Черняеву, другихъ на Ибаръ, третьихъ на Дрину, я остался въ Бѣлградѣ, съ цѣлью познакомиться съ сербами и съ положеніемъ дѣла вообще.

«Каждый день въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, большую часть дня мнѣ приходилось проводить въ бѣлградскихъ кафанахъ (кафе), куда собирается все, главнымъ образомъ русское населеніе Бѣлграда...

«... я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе терялъ возможность понимать, что такое дѣлается въ Сербіи, такъ какъ съ каждымъ днемъ, все меньше и меньше встрѣчалъ людей, у которыхъ бы, какъ у неинтеллигентныхъ добровольцевъ, была какая-нибудь связь съ дѣломъ, для котораго они пріѣхали»...

Успенскій не безъ юмора изображаетъ нѣкоторыхъ забубенныхъ храбрецовъ, появившихся въ Сербіи, величіемъ подвиговъ которыхъ онъ, однако, никакъ не могъ проникнуться.—«Иной разъ глядя на громадный рубецъ, оставшійся отъ громадной раны, за которую получена уже и аренда тысячъ во сто, и довольное число пособій—я испытывалъ и къ человѣку, и къ полученной имъ ранѣ почти такое же благоговѣніе, которое испытывалъ я при видѣ одного моего знакомаго, въ потьмахъ наступившаго на кочергу и раскроившаго себѣ лобъ довольно глубоко»...

Разспрашивая интеллигентныхъ добровольцевъ о побужденіяхъ, бросившихъ ихъ въ Сербію, Успенскій съ удивленіемъ убѣдился, что ими двигали причины, съ Сербіей весьма мало связанныя. «На вопросъ о причинѣ поѣздки въ Сербію почти каждый интеллигентный доброволецъ, съ которымъ бы ни при-

шлось мнѣ говорить, отвѣчалъ такъ: «Видите — надо вамъ сказать, *прежде нежели* говорить о славянскомъ дѣлѣ, что въ моей жизни было много разныхъ обстоятельствъ. Надо вамъ знать, что я женился довольно рано»... и пошла писать семейная драма... А тутъ Сербія—ну что жъ! Убьютъ, по крайней мѣрѣ, все-таки за свободу или вообще за что-то такое, что всѣ одобряютъ, чему всѣ сочувствуютъ; умереть этотъ человѣкъ готовъ хоть сейчасъ, но, идя на смерть, онъ думаетъ о своемъ, а не о сербскомъ, не о славянскомъ дѣлѣ—судите теперь, много ли вниманія къ этому дѣлу внесетъ такой человѣкъ, назначенный, напримѣръ, въ начальники значительныхъ силъ? Какая у него связь съ этими силами, съ задачами стоящихъ подъ его начальствомъ сербовъ, болгаръ и т. д. Онъ умретъ безстрашно, но не за сербское или болгарское дѣло, а за свое, за то, что «я, надо вамъ сказать, женился довольно рано» и т. д., и за свою же драму, заставившую его не дорожить жизнью, переколотитъ не одну сотню ничѣмъ неповинныхъ сербиновъ, которымъ, по ихнимъ-то расчетамъ, быть можетъ, вовсе и нежелательно было умирать»...

Отъ этой безсвязности добровольческаго движенія въ верхахъ его съ сербскимъ дѣломъ и происходило то, говоритъ Успенскій, что онъ называетъ «свалкой».—«Одинъ, командуя полкомъ русскихъ и сербскихъ пахарей и простыхъ людей, отступаетъ, когда надо наступать, потому что онъ—не эгоистъ, что лично ему ничего не стоитъ умереть, но «что будетъ съ ней»? Другой, вспоминая всѣ обиды, всѣ козни батальоннаго командира (въ Россіи), недопустившаго его до отдѣльной части, пойдетъ съ горя «на предъ» и перебьетъ кучу народа, и самъ умретъ, не потому, чтобы это было надо дѣлу, а потому что ему-то кажется, что не стоитъ жить, и что все «одинъ чортъ!» Человѣкъ, взявшій ружье, чтобы, наконецъ, *начать* что нибудь, въ ту самую минуту когда надо драться, начиналъ думать, что «но вѣдь и турецкіе солдаты—такіе же бѣдняки, такіе же несчастные, что, прогнавъ ихъ и разбивъ, не принесешь человѣчеству ничего» и т. д. И у него опустились руки. Онъ видѣлъ, что дѣло не по немъ, и уѣзжалъ, чувствуя на душѣ что-то тяжелое, а на его мѣсто, въ хлопотахъ и суматохѣ, назначался какой нибудь коллежскій совѣтникъ, которому уже по чину слѣдуетъ быть начальникомъ и у котораго на умѣ нѣтъ ничего, кромѣ провіантской части; и ходъ военныхъ дѣйствій долженъ сообразоваться уже не съ интересами славянства или человѣчества вообще, а съ интересами коллежскаго совѣтника»...

«Не вѣдомо откуда валилась груда народу, который сталъ распоряжаться по никому непонятному и невѣдомому плану;

тотъ безъ всякой надобности лѣзетъ въ огонь, и сербы бѣгутъ отъ него, какъ отъ сумашедшаго, не зная, что этому человѣку было ухъ какъ горько дома и что ему теперь все—одинъ чортъ! То является человѣкъ, долго горѣвшій желаніемъ примѣнить на дѣлѣ свои разностороннія военныя знанія, и предпринимаетъ наступленія и штурмы съ народомъ, который *знаетъ*, что лучше понемногу пуцать изъ кукурузы—и отъ него разбѣгаются. Тамъ является просто человѣкъ молодой, которому хочется свиста пуль послушать, и онъ приказываетъ палить. И отъ него уйдутъ, потому что знаютъ турчина, знаютъ, что понапрасну, безъ толку обижать его не слѣдуетъ, а то онъ и самъ задастъ. Словомъ, если у васъ есть терпѣніе, представьте себѣ изумленіе, ошалѣніе даже сербскаго народа при видѣ этихъ, по *своему* дѣйствующихъ людей, которые тащутъ народъ туда, куда каждому угодно, и вы поймете, почему сербы испугались, потеряли цѣль войны, цѣль своихъ жертвъ, смертей, и ждали-не дождались мира. Не однѣ военныя силы парализованы непонятными распорядками и непонятными людьми—на весь народъ произведено какое то тяжелое, неожиданное впечатлѣніе. Почему это, напримѣръ, вотъ этотъ русскій цѣлую ночь ругаетъ всѣ и вся, попадающая ему на пути, и безъ всякой повидимому причины... Не зная ни страны, ни людей, ни мѣстностей, ни желаній, ни средствъ—словомъ, не зная ровно ничего, самаго необходимаго, нашъ старшій братъ, только потому, что ему надо такъ или иначе дѣйствовать, просто потому, что онъ непремѣнно долженъ начальствовать и ни чему не внимать, колотилъ народъ и обыкновенными оплеухами, и оплеухами на *хорошей подкладкѣ* (новая мода), потому что это считалъ нужнымъ онъ—просто ли помѣщикъ, просто ли мордобіецъ, или жаркій защитникъ славянства, славянской идеи... Ему говорили «не можно, господинъ», говорили люди, которые знали, что *не можно*, а онъ дѣйствовалъ совершенно иначе, потому что ему самому «неможно» по совершенно другимъ своимъ причинамъ».

«Вотъ какъ мнѣ кажется, отчего изъ войны вышла свалка. Тутъ, въ Сербіи смѣшались двѣ вещи. Собственно въ Сербіи были совершенно опредѣленныя практическія цѣли, планы; у русскаго же добровольца былъ только случай—отвести собственную свою душу. Сербская свалка доказываетъ, что Россія страшно хочетъ жить—жить на тысячи ладовъ, и вотъ этотъ опытъ «попробовать» жить, она и попробовала въ Сербіи, которая для большинства нужна была только какъ мѣсто!»

О вновь прибывшихъ добровольцахъ Успенскій писалъ, что они «все-таки идутъ, какъ сонные, не слыша, забывая слышанное, голодая, злясь и вновь тотчасъ забывая; и идутъ, и идутъ только

потому, что нельзя не итти, такъ какъ надо же чѣмъ-нибудь дышать, чѣмъ-нибудь жить».

Въ концѣ второго «письма не военнаго человѣка» изъ Бѣлграда, послѣ разсказа о встрѣчѣ съ добровольцемъ-раскольникомъ, восхитившимъ Успенскаго своимъ кроткимъ и безсознательнымъ героизмомъ (этимъ эпизодомъ оканчивается статья въ собраніи сочиненій), слѣдуютъ въ «Отеч. Зап.» (1877, № 1) еще слѣдующіе эпизоды.

Успенскій описываетъ «махровые, дорого стоющіе «цвѣты» прошлаго, вдругъ распустившіеся въ сутолокѣ военнаго времени въ Сербіи. «Некрасивая, но молодая дѣвушка, лѣтъ 17, является въ Бѣлградъ съ цѣлью поступить въ какой-то эскадронъ, формируемый однимъ изъ русскихъ, для чего и носитъ мужской костюмъ, пальто, очень ей длинное и безобразное, панталоны, волочающіеся по землѣ, красную рубашку. Вообще это съ перваго взгляда—какой-то уродецъ: «куда тебѣ въ эскадронъ?» думаетъ всякій, взглянувъ на нее первый разъ и выслушавъ ея желаніе; но, при ближайшемъ знакомствѣ, то-есть почти тотчасъ же послѣ изъявленія уродцемъ желанія поступить въ эскадронъ вы начинаете убѣждаться, что уродецъ пріѣхалъ за чѣмъ-то другимъ, такъ какъ глаза уродца, какіе-то почти пьяные, говорятъ вамъ каждую минуту, что «понимай меня по-другому»... И дѣйствительно, оказывается, что этотъ 17-лѣтній ребенокъ, это маленькое, слабое созданіе, съ пискливымъ голосомъ дитяти, говорящаго стихотвореніе родителю въ день ангела, съ манерами наивнаго ребенка вырвалось въ Сербію ради необузданнаго распутства...

— Какъ же вы къ родителямъ-то покажетесь теперь?—спросилъ уродца одинъ изъ унылыхъ людей русскихъ, полагая, что не можетъ же не отразиться хотя на лицѣ обиліе добровольныхъ подвиговъ уродца.

— А вотъ отдохну въ дорогѣ и ворочусь.

— Какъ ни въ чемъ не бывало?

— Какъ ни въ чемъ не бывало.

«И это—дѣтскимъ голосомъ.

«Гдѣ, какъ не въ блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, подъ его дыханіемъ, отрицающимъ всякую *надобность* совѣсти, стыда и правды и возводящемъ въ задачу жизни *все остальное*—гдѣ могъ иначе развиться и вырасти этотъ гнилой ребенокъ?»—спрашиваетъ въ ужасѣ авторъ.

Въ параллель этой дѣвицѣ Успенскій рисуетъ и юношу, разомъ и камелію, и Плюшкина: «онъ ужасно, какъ Плюшкинъ, любитъ копить; онъ продается, чтобъ распутничать, онъ не брезгаетъ спрятать въ карманъ все, что лежитъ плохо, не говоря о спо-

собности клянчить пособія и т. д.—все только изъ-за денегъ, изъ-за любви къ монетамъ, къ звону золота»...

«Смѣлость, наглость, настойчивость и практичность этихъ людей, бьющихся изъ-за очень простыхъ цѣлей и аппетитовъ, дѣлаетъ то, что они всегда первые пробираются во всякомъ новомъ русскомъ дѣлѣ впередъ къ сундуку или къ лицу, у котораго во власти этотъ сундукъ. Черняевъ, мнѣ кажется, именно затертъ этими жадными элементами русскаго общества, и неуспѣхъ сербскаго дѣла именно произошелъ отъ того, что жадныхъ людей въ немъ участвовало очень много, и ихъ практическая суть умерщевляла всякую идею, разрушала всякіе планы людей, надѣявшихся, дѣйствительно, дѣлать дѣло».

Эти отрывки существенно поясняютъ изображенное въ письмахъ изъ Сербіи, вошедшихъ въ собраніе сочиненій. Они также освѣщаютъ многое въ такомъ произведеніи, какъ «Не воскресъ»; съ изображеннымъ здѣсь типомъ Долбежникова, который стоитъ въ ряду Черемухиныхъ, Тяпушкиныхъ и другихъ слабовольныхъ героевъ Успенскаго. Этими разновидностями русскаго интеллигента-скитальца и искателя, «лишняго человѣка» творчество Успенскаго сливается съ типами Пушкина, Лермонтова, Тургенева и проч. въ единую вязь художественнаго творчества.

Ч. Вѣтринскій.

Письмо М. А. Фонъ-Визина къ родителямъ въ 1814 г[1]).

Парижъ, Мая 1-го дня.

Милостивый Государь батюшка и Милостивая Государыня Матушка!

Послѣ шести недель плѣна возвратился я къ своимъ слава богу здоровъ. Освобожденіемъ моимъ обязанъ я щастливому обороту дѣлъ, которымъ бонопарте свергнутъ съ престола.— Я былъ взятъ въ сраженіи при Баръ сюръ Объ 24-го февраля и посланъ за 140 лье отъ Парижи въ Овернь, гдѣ и содержался.— Слава богу, что кончилось все очень хорошо и о прошедшимъ нещастьи жалѣть нечего. Здѣсь былъ принятъ моими начальниками съ знаками отличнаго уваженія. Знаю, что самъ Государь жалѣлъ о моемъ нещастіи и даже предлагалъ Наполеону меня размѣнять, но онъ не согласился.

Одно что я потерялъ симъ обстоятельствомъ есть Генеральскій чинъ, которой получилъ-бы непремѣнно, ежели бы служилъ въ дѣлахъ, которыя были подъ Парижемъ, но за то могъ въ онымъ и погибнуть. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я много вашихъ писемъ и одно отъ 2-го Марта меня очень обрадовало—деньги 200 р и вѣщи тоже нашелъ сдѣсь, за которые приношу мою покорнѣйшую благодарность.—Теперь хлопочу сдѣсь самъ и черезъ людей, которыя меня любять, чтобы отдѣлатся отъ полку и состоять по прежнему по арміи, въ чемъ надѣюсь успѣть.

На свою долю послуживъ довольно и съ хорошею репутаціей—хочется поотдохнуть.—Войска наши всѣ выходятъ изъ Франціи въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ и слѣдуютъ думаю во свояси.

Щастливы мы, что живемъ въ столь славное для Россіи время и что маленькую частичку славы любезнаго отечества всякой изъ насъ можетъ себѣ приписать. Единственной же причиной всѣхъ

---

[1]) Печатается съ оригинала, полученнаго редакціей отъ О. Н. и Е. Е. Якушкиныхъ. Въ письмѣ сохранена орѳографія, за исключеніемъ знаковъ препинанія.

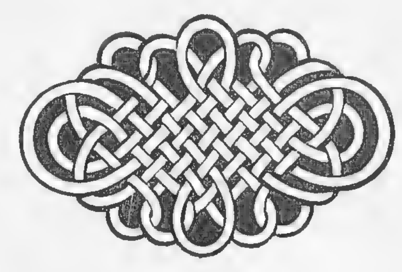
нашихъ успѣховъ можно поставить Государя, которой по всѣй справедливости назовется великимъ, мы всѣ ошибались на щетъ его; но теперь въ душѣ убѣждены, что безъ него ничего бы не было и что въ исторіи онъ не будетъ имѣть равнаго.....

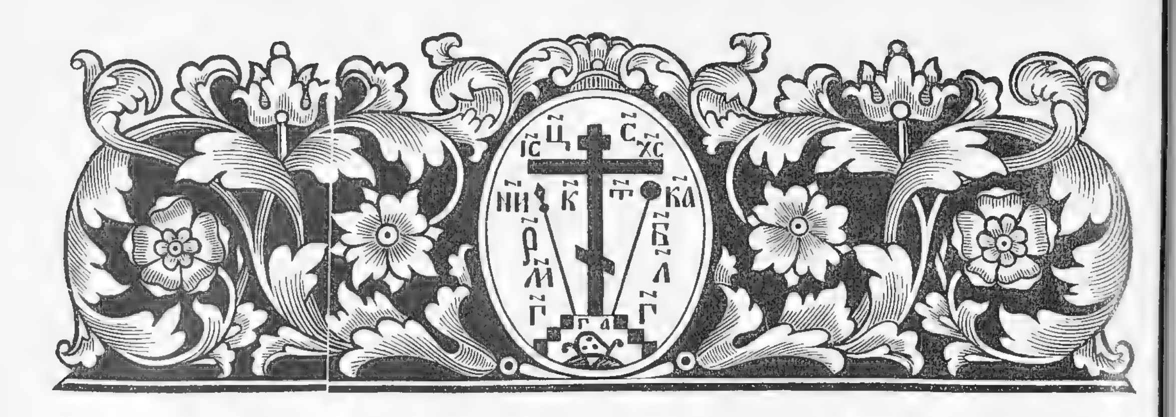
Цалую ваши ручки

вашъ покорный Сынъ *Михаило Фонъ-визинъ*

Приведенное письмо будущаго декабриста М. А. Фонъ-Визина представляетъ, между прочимъ, большой интересъ для характеристики отношенія современниковъ къ Александру I. Оно мѣнялось много разъ. Извѣстенъ тотъ нимбъ, которымъ было окружено «дней александровыхъ прекрасное начало». Лишь очень немногіе, какъ, напр., ген. С. А. Тучковъ, съ самаго начала относились съ большимъ недовѣріемъ къ «добродѣтелямъ» Александра. Половинчатость Александра быстро, однако, привела и другихъ къ разочарованію; его не одобряли и въ реакціонныхъ кругахъ и въ либеральныхъ. Престижъ Александра сильно палъ въ 1812 г.; это, очевидно, и подчеркиваетъ юношеское письмо М. А. Фонъ-Визина. Но «мы всѣ ошибались»—замѣчаетъ онъ въ 1814 г., подъ вліяніемъ происходившихъ міровыхъ событій и той роли, которую пришлось въ нихъ играть Александру.... Проходитъ, однако, всего нѣсколько мѣсяцевъ и червь сомнѣнія уже подкапываетъ это юношеское довѣріе и обожаніе. Читатель помнитъ, конечно, такъ часто цитирующееся мѣсто изъ записокъ другого декабриста И. Д. Якушкина, наблюдавшаго Александра въ Петербургѣ при встрѣчѣ первой гвардейской дивизіи, возвращавшейся въ томъ же 1814 г. изъ Франціи: «Мы имъ, Александромъ, любовались, но въ самую эту минуту, почти передъ его лошадью, пробѣжалъ черезъ улицу мужикъ. Императоръ далъ шпоры своей лошади и бросился на бѣгущаго съ обнаженной шпагой. Полиція приняла мужика въ палки. Мы не вѣрили собственнымъ глазамъ и отвернулись, стыдясь за любимаго нами царя. Это было во мнѣ первое разочарованіе на его счетъ; я невольно *вспомнилъ о кошкѣ, обращенной въ красавицу, которая однакожъ не могла видить мышь, не бросившись на нее*».

Патріархъ русскаго славяновѣдѣнія.

(Владиміръ Ивановичъ Ламанскій).

В. И. Ламанскій учился въ Петербургскомъ университетѣ; онъ ученикъ И. И. Срезневскаго. Въ 1857 г. поступилъ на службу въ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, затѣмъ перешелъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, а съ 1865 г. сталъ профессоромъ славяновѣдѣнія Петербургскаго университета, въ которомъ и читалъ до избранія въ ординарные академики.

Живой, впечатлительный, страстный и увлекающійся характеръ В. И. не позволялъ ему замкнуться въ рамкахъ одной чистой науки. На Славянскій вопросъ онъ смотрѣлъ, какъ на вопросъ политическій, и страстно отзывался на всѣ крупныя явленія въ исторіи славянскихъ народностей. Жилка публициста, пропагандиста излюбленныхъ идей била очень сильно у Ламанскаго. За исключеніемъ немногихъ, большинство его научныхъ работъ имѣютъ болѣе или менѣе выраженный публицистическій оттѣнокъ. Разнообразіе интересовъ, обиліе темъ, по которымъ ему хотѣлось высказаться, широкая постановка вопросовъ, не давали ему времени сосредоточить своего исключительнаго вниманія на отдѣльномъ научномъ вопросѣ и довести изслѣдованіе до конца.

Онъ начиналъ работу, интересную по темѣ, еще болѣе интересную по постановкѣ и изложенію, и бросалъ ее часто на самомъ интересномъ мѣстѣ, увлекшись новой, ставшей ему по чему-нибудь ближе прежней, темой. Таковы, напр., его работы: «Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка» [1]), «Видные дѣятели За-

[1]) Дѣло идетъ здѣсь о знаменитыхъ Краледворской и Зеленогорской рукописяхъ. Самое заглавіе статьи показываетъ уже отношеніе В. И. къ якобы открытымъ Ганкою древне-чешскимъ памятникамъ. В. И. считалъ ихъ поддѣлками. Работа задумана очень интересно—авторъ намѣревался дать очерки современныхъ *открытію* рукописей культурныхъ и политическихъ тенденцій тогдашняго чешскаго общества и на фонѣ ихъ объяснить цѣли, задачи и пріемы поддѣлки. Работа, къ сожалѣнію, осталась недоконченной.

падно-Славянской образованности XV—XVII в.» и др. Принимался за разныя изданія *(Слав. Обозрѣніе, Слав. Извѣстія)*, но быстро къ нимъ охладѣвалъ (прочно утвердилась только *«Живая Старина»*, органъ этногр. отдѣла Географ. Общества).

Статьи В. И. всегда интересны по оригинальности и смѣлости мысли, способу изложенія (стиль его часто небреженъ, какъ у человѣка, у котораго слово не поспѣваетъ за мыслью), частью по парадоксальности. Публицистъ онъ смѣлый, не скрывающій своихъ мыслей страха ради іудейска. Онъ глубоко вѣритъ въ великое призваніе Руси и Славянства, ярый противникъ Германизма. Въ Тевтонѣ онъ видѣлъ всегда непримиримаго врага Славянства, остерегаетъ отъ дружбы съ нимъ и давно предрекалъ неизбѣжный рѣшительный бой между Славяниномъ и Тевтономъ. Какъ всѣ страстныя натуры, онъ иногда доходилъ до исключительности въ своихъ воззрѣніяхъ, до убѣжденія, что кто не съ нимъ, тотъ противъ него.

Историческія воззрѣнія В. И. Ламанскаго, характеристика европейскаго Востока и Запада, взаимныя отношенія между Славянствомъ и Западомъ, разработаны главнымъ образомъ въ двухъ трудахъ В. И.: «Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ» (*Заря* 1870, № 1, 2, 5, 12 и отдѣльно) и «Три міра» (*Славянское Обозрѣніе* 1892, 1—3). Первая изъ этихъ работъ, хотя и давшая В. И. степень доктора славяновѣдѣнія, наименѣе научная изъ его работъ. Это отчасти исторіософія, продолженіе и развитіе мыслей И. В. Кирѣевскаго (въ его статьяхъ: о характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи), частью публицистика pur sang, переходящая порою въ историческій памфлетъ.

Тѣмъ не менѣе работа эта весьма любопытна, какъ квинтъэссенція основныхъ историческихъ воззрѣній В. И., въ нѣсколько измѣненномъ (не по существу) видѣ повторенныхъ имъ въ статьяхъ «Три міра». Работа эта, благодаря живости языка, рѣзкости сужденій, массѣ любопытныхъ и подчасъ пикантныхъ примѣчаній, читается съ большимъ интересомъ. Поражаетъ въ этомъ сочиненіи и необыкновенно разнообразная начитанность автора. Работа состоитъ изъ двухъ частей, наиболѣе интересна первая, теоретическая. Во второй собранъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ рядъ мнѣній западныхъ, преимущественно нѣмецкихъ писателей на Славянство. Критическіе пріемы автора нерѣдко поражаютъ странностью, нося иногда чисто номиналистическій характеръ. Авторъ придирается къ названію, а не къ сущности, предположенія опровергаетъ предположеніями, гипотезу гипотезой, борется съ мнѣніями, нелѣпость которыхъ слишкомъ очевидна.

Вся работа написана съ большимъ увлеченіемъ, страстью, я сказалъ бы даже, съ пристрастіемъ. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ.

А. Л. Шлецеръ одинъ изъ первыхъ раздѣлилъ Европейскій міръ въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ на двѣ части—южную и сѣверную. Географическими границами онъ взялъ Эльбу и Дунай; признавая справедливость мысли Шлецера о двойственности Европейской исторіи, Ламанскій, однако, критикуетъ выводы Шлецера и предлагаетъ свое дѣленіе на двѣ части—восточную и западную. Эти двѣ части такъ важны и внутренно различны, что справедливо именуются двумя самостоятельными мірами. Эти міры—міръ западно-европейскій, или романо-германскій, латино-нѣмецкій, или католическо-протестантскій, и міръ восточно-европейскій, греко-славянскій, восточно-христіанскій. Это дѣленіе основано на строгомъ различіи ихъ внутреннихъ существенныхъ признаковъ, географическихъ, этнографическихъ, религіозныхъ, общественныхъ, культурныхъ особенностей вообще, особенностей историческихъ задачъ, раздѣльности и противоположности интересовъ.

Несмотря на то, что міръ западно-европейскій раздѣленъ на нѣсколько государствъ, имѣющихъ каждое свои интересы, враждовавшихъ и враждующихъ между собою, борьба и антагонизмъ происходятъ тамъ отъ неравномѣрнаго распространенія извѣстныхъ стихій и идей, въ сущности общихъ и однородныхъ. Антагонизмъ романо-германскаго и греко-славянскаго міровъ, наоборотъ, коренится во взаимной племенной враждѣ при глубокой внутренней антипатіи грека и латинина, славянина и нѣмца, исходящей изъ самыхъ существенныхъ и коренныхъ разногласій идеаловъ религіозныхъ, общественныхъ и политическихъ.

Какъ въ настоящее время, такъ и въ продолженіе всей средней и новой исторіи христіанско-арійскаго человѣчества, взаимныя отношенія греко-славянскаго и романо-германскаго міра запечатлѣны гораздо болѣе всемірно-историческимъ характеромъ, чѣмъ всѣ народныя движенія и столкновенія, совершающіяся въ предѣлахъ романо-германскаго и греко-славянскаго міровъ въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ.

Поэтому въ средней и новой исторіи христіанско-арійскаго человѣчества преимущественное вниманіе историка должно сосредоточиваться на восточно-западномъ и западно-восточномъ направленіи, на горизонтальномъ потокѣ событій, народныхъ движеніяхъ и столкновеніяхъ между греко-славянской и романо-германской половинами. Исторія ихъ взаимныхъ отношеній есть главная ось, около которой обращается историческое колесо

многовѣковой, богатой и разнообразной жизни христіанско-арійскихъ племенъ Европы и Азіи.

Различіе греко-славянскаго и романо-германскаго міровъ вытекаетъ изъ многихъ, весьма важныхъ, сторонъ ихъ противоположенія. Противоположность есть уже въ географическомъ отношеніи: на греко-славянскомъ востокѣ преобладаетъ равнина и степь, материкъ господствуетъ и преобладаетъ надъ берегомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охранительно-консервативный характеръ жителей противоположенъ жадному ко всему новому, подвижному и безпокойному духу прибрежныхъ жителей.

Въ романо-германскомъ мірѣ, вслѣдствіе раздѣльности географическихъ условій, горъ и морей, несмотря на этнографическую общность, не могло образоваться и сложиться одно великое государство, а развились системы шести странъ и племенъ, которыя по очереди стремились къ политическому господству. Между тѣмъ Россія получаетъ полный видъ особаго самостоятельнаго материка только съ приложеніемъ къ ней остальныхъ восточныхъ, закарпатскихъ и задунайскихъ, греко-славянъ Европы, которые ни судьбами, ни географическими условіями и этнографическимъ составомъ не походятъ на западную романо-германскую Европу, а съ другой стороны безъ Россіи, на которую опираются, не составляютъ самостоятельнаго цѣлаго,—такъ, напр., Карпаты и Балканы въ восточной половинѣ не имѣютъ того значенія, которое принадлежитъ Альпамъ и Пиренеямъ вмѣстѣ съ Ламаншемъ и Рейномъ, раздѣляющими Европу на шесть равныхъ частей. Болгарія естественное продолженіе Бессарабіи. Балканскій полуостровъ наиболѣе открытъ и доступенъ съ сѣверо-востока, со стороны Россіи.

Къ числу особенностей греко-славянскаго міра сравнительно съ романо-германскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу причинъ болѣе медленнаго развитія образованія у насъ слѣдуетъ отнести преобладаніе села надъ городомъ, крестьянъ надъ буржуазіей, сельчанина надъ дворяниномъ, начала общиннаго, старины, привязанности къ обычаю и пошлинѣ надъ началомъ личности. Не только у насъ, но и у грековъ, албанцевъ, румынъ нѣтъ буржуазіи и аристократіи. Сельское населеніе, земщина, крестьянство преобладаютъ и господствуютъ въ политической, общественной и экономической жизни греко-славянскаго міра. Съ этимъ связанъ и государственный идеалъ верховной власти, господствующій на громадномъ пространствѣ греко-славянскаго міра, который строго отличается отъ государственныхъ идеаловъ романо-германскаго міра. Преобладаніе земщины основано въ греко-славянскомъ мірѣ на особенностяхъ просвѣтительнаго начала міра

греко-славянскаго—на православномъ ученіи, глубоко несходномъ съ ученіемъ латинянъ. Въ странѣ православной не можетъ долго держаться аристократія, и, наоборотъ, съ торжествомъ латинянъ у западныхъ славянъ падаетъ земство и крестьянство.

Исторія греко-славянскаго міра отличается отъ исторіи міра романо-германскаго и тѣмъ, что съ первыхъ временъ христіанства у огромнаго большинства нашихъ племенъ языкомъ культурнымъ и дипломатическимъ былъ языкъ національный (греч., арм., груз., слав.). На западѣ долго вся семья романо-германскаго міра имѣла одинъ общій, церковный, культурный и дипломатическій языкъ—мертвый. Это хотя и содѣйствовало успѣху наукъ и болѣе общему развитію образованія у высшихъ классовъ романо-германской Европы, но вредно отражалось на просвѣщеніи массъ. Столь же существеннымъ и кореннымъ различіемъ между греко-славянскимъ и романо-германскимъ мірами является крайнее несходство взаимныхъ отношеній между носителями началъ общаго и частнаго единства и разнообразія, представительства силъ центробѣжныхъ и центростремительныхъ.

Романо-германскій міръ распадается на пять большихъ историческихъ разновидностей—три романскихъ (Франція, Италія и Испанія) и двѣ германскихъ (Англія, Германія). Эти пять языковъ достигали большаго или меньшаго значенія всемірно-историческаго.

Въ греко-славянскомъ мірѣ рядомъ съ русскимъ народомъ находится нѣсколько малыхъ славянскихъ народностей, изъ которыхъ ни одна не восходитъ до 10 милліоновъ душъ. Современное развитіе ихъ языковъ и литературы не возвышается даже до нынѣшняго положенія языковъ голландцевъ, датчанъ и шведовъ. Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ литературныхъ и нелитературныхъ славянскихъ и инородческихъ языковъ выступаетъ въ мірѣ греко-славянскомъ могущественный и богатый языкъ русскій, языкъ міровой державы, прямой и единственный законный наслѣдникъ древне-славянскаго письменнаго языка. Въ нашемъ мірѣ (греко-славянскомъ) ни одинъ изъ современныхъ языковъ, кромѣ языка русскаго, не можетъ имѣть притязанія на значеніе всемірно-историческое, на сколько-нибудь значительное расширеніе внѣ предѣловъ своей тѣсной родины. Для всѣхъ этихъ славянскихъ народностей и многочисленныхъ инородцевъ орудіемъ обоюднаго пониманія и взаимной связи, общимъ дипломатическимъ языкомъ, и даже языкомъ высшаго образованія, можетъ быть только языкъ русскій.

Русскій народъ и языкъ преобладаютъ численно, пространственно и духовно, не только въ племени славянскомъ, но и во

В. И. Ламанскій.

всемъ греко-славянскомъ мірѣ, не только между родственными народами и языками, но и между всѣми единовѣрческими и иновѣрческими племенами, живущими на материкѣ нашемъ и его окраинахъ (греки, албанцы, румыны, армяне, грузины, литовцы, латыши, финны). Славяне *въ лицѣ русскаго народа* представляютъ собою крѣпкій кряжъ, а всѣ прочія инородческія племена его вѣтви.

Великое различіе между греко-славянскимъ міромъ и романо-германскимъ заключается также въ разности ихъ историческихъ возрастовъ. Историческая жизнь славянскаго племени начинается лишь съ конца V и начала VI в. Для огромнаго большинства славянскихъ племенъ истинная исторія настаетъ лишь со второй половины IX в. Можно поэтому сказать, что нынѣшній XIX вѣкъ для міра греко-славянскаго есть собственно то, чѣмъ были для романо-германскаго міра XIV—XV в.

Такимъ образомъ греко-славяне по природѣ страны, этнографическому составу, религіознымъ началамъ—составляютъ по отношенію къ міру романо-германскому совсѣмъ особый историческій организмъ, самобытный міръ, отъ котораго, и безъ разности времени выступленія на историческое поприще, нельзя бы было ожидать и требовать совершенно единовременнаго развитія. Большая часть греко-славянскихъ земель внѣ Россіи въ культурномъ отношеніи и въ историческихъ преданіяхъ имѣетъ очень мало общаго съ Европой и гораздо ближе подходитъ къ Россіи.

Изъ этого краткаго изложенія основныхъ положеній В. И. Ламанскаго мы видимъ, что авторъ исходитъ изъ общихъ славянофильскихъ воззрѣній и примыкаетъ къ правому крылу славянофильства, панславизму подъ гегемоніей Руси. Взгляды автора больше интересны по изложенію, чѣмъ по содержанію. Они не отличаются ни особенной глубиной, ни особенной оригинальностью. Основныя черты противоположности востока и запада гораздо глубже и интереснѣе развиты И. В. Кирѣевскимъ, географическая противоположность европейскаго востока и запада давно указана Риттеромъ, Соловьевымъ у насъ. Но Кирѣевскій противополагаетъ западу только Русь, В. И. Ламанскій—все славянство. И вотъ для стройности системы ему пришлось пожертвовать нѣкоторыми славянскими племенами, въ систему не входившими: поляки и чехи католики (Гусситское движеніе у чеховъ не было возвращеніемъ къ православію), языкъ образованности у нихъ долго былъ тотъ же, что и на западѣ, мертвый (латинскій), культуру они восприняли западную.

Государственный строй Польши менѣе всего можетъ быть названъ демократическимъ (государствомъ управляла шляхта

съ ея совершенно фиктивнымъ равенствомъ всего шляхетства—въ дѣйствительности Польшей управляло можновладство). Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ намъ преимущественно (платонически) симпатизируютъ наиболѣе отъ насъ географически удаленные чехи, но вѣдь именно въ средѣ чеховъ родился въ срединѣ прошлаго столѣтія лозунгъ—если бы Австріи не было, ее нужно бы было создать. Семейныя распри славянъ, отмѣченныя еще, какъ ихъ основное качество, писателями самаго ранняго средневѣковья, превосходно использованы нѣмцами.

Панславистическія идеи Ламанскаго недостаточно ясны. Представляетъ ли онъ себѣ въ будущемъ Славянство однимъ обширнымъ государствомъ объединенныхъ подъ скипетромъ русскимъ славянъ, или, въ духѣ идей Кирилло-Меѳодійскаго Общества, федеративнымъ союзомъ отдѣльныхъ славянскихъ государствъ подъ гегемоніей самаго мощнаго славянскаго племени, Руси? Австрійскіе политики усердно и успѣшно истолковывали славянамъ южнымъ и западнымъ идею русскаго панславизма именно въ первомъ смыслѣ. Принятое Болгаріей въ отношеніи Руси положеніе всецѣло результатъ такого толкованія панславизма. Несамостоятельнымъ славянскимъ народностямъ старались всегда доказать, что положеніе ихъ подъ Австріей гораздо выгоднѣе для нихъ, чѣмъ соединеніе съ Русью.

Такимъ образомъ В. И. Ламанскому не удалось выдѣлить ярко то общее, что связываетъ Славянство. И историки славянъ и политики-славянофилы склонны: одни—черты старой славянской общности распространять на настоящее, вторые—свои pia desideria выдавать за настоящее настроеніе Славянства. Умный человѣкъ и знатокъ исторіи славянъ, В. И. Ламанскій, перечисляя общія всѣмъ славянамъ основы, культурныя, духовныя, бытовыя, не могъ не остановиться на цѣломъ рядѣ историческихъ наслоеній, значительно видоизмѣнившихъ эти старыя основы, и въ концѣ-концовъ онъ нашелъ только одну общую всегда, и прежде, и теперь, черту у всѣхъ славянскихъ племенъ—вражду къ нѣмцамъ.

Мы имѣемъ большія основанія сомнѣваться въ возможности близкаго осуществленія панславистическихъ мечтаній В. И. Ламанскаго, даже послѣ полной побѣды надъ Германіей, и послѣ совершеннаго разгрома Австро-Венгріи. Несамостоятельныя славянскія племена, подчиненныя пока Австріи, будутъ несомнѣнно стремиться къ политической самостоятельности. Между нами и Болгаріей находится Румынія. На Балканскомъ полуостровѣ есть земли—кость вѣчнаго раздора для болгаръ, сербовъ и грековъ. Italia irredenta вѣчно будетъ предъявля тъпретензіи на

части югославянскихъ земель. Интересы матеріальные влекутъ часть славянскихъ племенъ къ нѣмцамъ, часть къ Италіи. Соперничество и земельные споры славянскихъ государствъ будутъ, конечно, усиленно поддерживаться тѣми, для кого ихъ вражда выгодна. Болгаро-сербская война, болѣе чѣмъ двусмысленное поведеніе болгаръ и румынъ въ настоящей войнѣ, ясно показываетъ, что матеріальные вопросы du jour для славянскихъ народовъ, успѣвшихъ проникнуться давними лозунгами Австрійской политики, для нихъ важнѣе соображеній идеальныхъ, сознанія племеннаго родства или дальновидныхъ плановъ на будущее.

Замѣтимъ еще слѣдующее: вѣра въ высокое призваніе славянъ, въ ихъ славное будущее не есть основная черта воззрѣній только нашихъ русскихъ славянофиловъ. Эта вѣра высказывалась постоянно поэтами и патріотами всѣхъ славянскихъ племенъ, хотя нельзя не сказать, что все же нашими родными славянофилами эта вѣра была обоснована глубже и болѣе философски; да наконецъ наши славянофилы въ русскомъ народѣ имѣли реальный примѣръ единственнаго славянскаго государства собственными силами и способностями, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, не только сохранившаго политическую самостоятельность, но и создавшаго мощь, съ которой приходится считаться всему политическому міру.

Вѣра въ высокое призваніе славянства появляется у другихъ славянъ въ эпоху ихъ возрожденія и болѣе успѣшной борьбы съ германизмомъ Это возрожденіе вызываетъ и панславистическія мечты среди поэтовъ славянства. Частныя усилія славянъ должны объединиться, и все славянство должно дать грозный отпоръ германизму, а затѣмъ, послѣ рѣшительной побѣды надъ тевтонами, наступитъ славная эра самостоятельнаго развитія всего славянства, всѣхъ славянскихъ народовъ. Славянское единство и согласіе воспѣваются на всевозможные лады поэтами разныхъ славянскихъ народностей. Но въ этомъ чаяніи великаго будущаго Славянства постоянно слышатся звуки мѣстнаго патріотизма, семейнаго соперничества за родовое старѣйшинство. Каждое славянское племя видитъ себя во главѣ этого движенія, каждое убѣждено, что истинное слово спасенія выйдетъ изъ его среды.

Хорватскій поэтъ Прерадовичъ говоритъ о гніющемъ Западѣ, имѣющемъ погибнуть отъ восточныхъ стрѣлъ, и въ этомъ бою на первомъ мѣстѣ станутъ хорваты и будутъ биться первыми.

То же мы находимъ и у Мицкевича, въ его мессіанистическихъ

чаяніяхъ. Слово спасенія выйдетъ изъ среды польскаго народа; обновится міръ, обновится славянство, и прежде всего Польша, виновница этого возрожденія. Сознательно закрывая глаза на колоссальные успѣхи русской культуры, духовной и матеріальной, поляки и теперь еще считаютъ себя самымъ культурнымъ изъ славянскихъ народовъ, свою культуру совершенно самобытной и безконечно болѣе высокой, чѣмъ наша русская культура (вспомнимъ напр. статью В. Д. Спасовича—Мицкевичъ и Пушкинъ).

Въ статьяхъ «Три міра Азійско-Европейскаго материка» (*«Слав. Обозрѣніе»* 1892, 1—3) В. И. старается раздѣлить, на основаніи разныхъ признаковъ сходства и несходства, государства и народы, населяющіе азіатско-европейскій материкъ, на 3 группы—азіатскую (народы нерусской Азіи), романо-германскую и третью, которой онъ даетъ названіе средняго міра. Въ послѣднюю Л. включаетъ, кромѣ славянъ, еще и румынъ, грековъ, населеніе всего балканскаго полуострова.

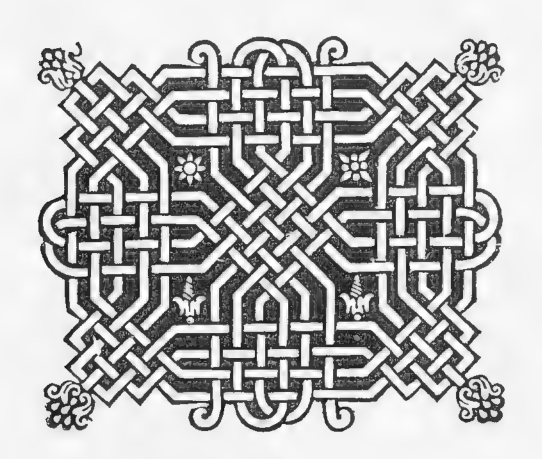
В. И. Ламанскій категорически отвергаетъ возможность культурнаго и политическаго возрожденія народовъ не Русской Азіи (это положеніе автора опровергается современной исторіей Японіи). Повторяя общія положенія, высказанныя имъ въ болѣе раннихъ статьяхъ объ отличіи міровъ романо-германскаго и славянскаго, авторъ пытается въ географическихъ и культурныхъ особенностяхъ найти черты, сближающія живущихъ на очерченной имъ территоріи народы не славянскія со славянскими въ одну группу, названную имъ среднимъ міромъ.

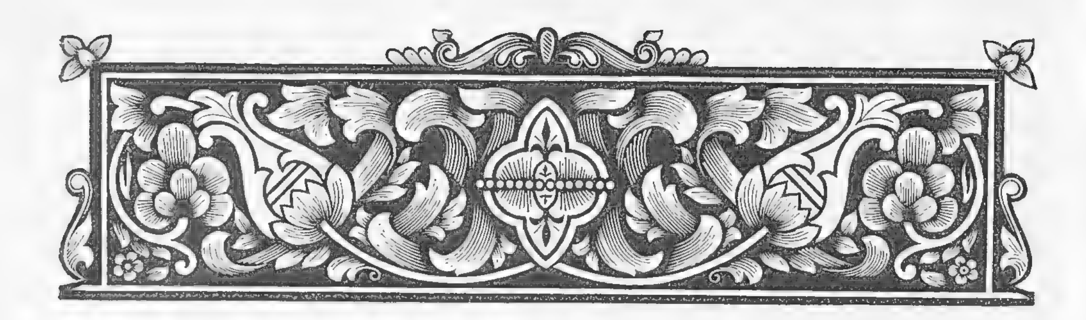
Общественное значеніе покойнаго слависта слѣдуетъ оцѣнивать не столько его исторіософическими воззрѣніями (не всегда, какъ мы видѣли, оригинальными, иногда не оправдываемыми дѣйствительностью), сколько его личностью, его вѣрой въ высокое призваніе славянъ подъ гегемонію Руси, въ великое будущее которой онъ глубоко вѣрилъ и свою вѣру умѣя передавать многочисленнымъ ученикамъ и адептамъ. Въ эпоху его интенсивной писательской и преподавательской дѣятельности я не знаю никого изъ славянофиловъ, кромѣ И. С. Аксакова, чьи идеи имѣли бы такое вліяніе на извѣстную часть нашей интеллигенціи, какъ идеи этого высоко-образованнаго знатока и поклонника славянства. Онъ создалъ цѣлую научную школу; если не всѣ его ученики выдвинулись особыми талантами, то всѣ они старались, по мѣрѣ силъ, словомъ и дѣломъ проводить идеи своего маститаго учителя.

И большой заслугой В. И. нужно признать и то, что, будучи убѣжденнымъ славянофиломъ, онъ былъ далекъ отъ шовинизма Леонтьевыхъ и Данилевскихъ. Онъ былъ гуманистомъ и въ своихъ идеяхъ, и въ своей жизни. Рѣдкая доброта, гуманность, отзывчи-

вость, готовность всегда поддержать всякое доброе начинаніе, всякій проблескъ интереса къ вопросамъ научнымъ и политическимъ въ духѣ его господствующихъ идей, заботы о матеріальномъ устройствѣ учениковъ, дѣлали изъ В. И. настоящаго патріарха славяновѣдѣнія и славянофильства, патріарха любвеобильнаго, добродушно-снисходительнаго, отечески наставительнаго, и я не знаю въ настоящее время никого, кого бы сородичи славянофильства могли единогласіемъ избрать на осиротѣвшій столъ старѣйшины русскаго славянофильства.

И. А. Линниченко.

Князь Бюловъ о современной германской политикѣ.

Князь Бюловъ, несомнѣнно, одна изъ крупныхъ фигуръ на тускломъ политическомъ горизонтѣ современной Германіи. Со времени установленія Вильгельмомъ II «личнаго режима» Бюловъ былъ единственнымъ германскимъ политическимъ дѣятелямъ, индивидуальная физіономія котораго не была заслонена непрерывными выступленіями «вѣчно говорящаго» и «вѣчно путешествующаго» императора. Ученикъ и послѣдователь Бисмарка, Бюловъ въ теченіе 9 лѣтъ (1900—1909) не безъ успѣха занималъ постъ имперскаго канцлера. Во внутренней политикѣ его управленіе ознаменовалось образованіемъ, такъ-называемаго, консервативно-либеральнаго блока и блестящей побѣдой на выборахъ 1907 года. Во внѣшней политикѣ въ его активѣ числится его побѣда надъ державами «тройственнаго согласія» во время европейскаго кризиса 1908—1909 г.г., когда, говоря его собственными словами, «мечъ Германіи, брошенный на вѣсы, спасъ европейскій миръ». Бюловъ съ честью вышелъ и изъ внутренняго политическаго кризиса, который былъ вызванъ въ Германіи чрезмѣрной словоохотливостью Вильгельма II и появленіемъ въ Daily Telegraph обиднаго для національнаго самолюбія нѣмцевъ интервью съ императоромъ. Какъ вѣрный сынъ Пруссіи, Бюловъ отвергъ, конечно, при этомъ установленіе въ Германіи парламентскаго министерства, но во всякомъ случаѣ добился отъ Вильгельма II обѣщанія не производить впредь публичныхъ выступленій безъ предварительныхъ обсужденій съ отвѣтственными совѣтниками. Вильгельмъ II не могъ простить такой обиды тому, кого онъ привыкъ называть «своимъ Бернгардомъ» и воспользовался первымъ подходящимъ предлогомъ (распаденіемъ консервативно-либеральнаго блока) для того, чтобы замѣнить Бюлова безусловно послушнымъ и абсолютно безцвѣтнымъ Бетманомъ-Гольвегомъ. Со времени своей отставки Бюловъ жилъ въ Италіи частнымъ человѣкомъ. Но это было только временнымъ удаленіемъ

отъ дѣлъ, и по всей вѣроятности ему предстоитъ еще опять играть видную роль въ руководствѣ политическими судьбами Германіи.

Особенный интересъ поэтому пріобрѣтаетъ выпущенная Бюловымъ по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея царствованія Вильгельма II книга о политикѣ Германіи, которая предъ самымъ началомъ войны вышла и во французскомъ переводѣ [1]). Книга эта представляетъ нѣчто среднее между мемуарами и изложеніемъ своего политическаго credo.

Международное положеніе Германіи, по мнѣнію Бюлова, опредѣляется тѣмъ, что Германія самая молодая изъ великихъ державъ Европы. Ея появленіе въ европейскомъ концертѣ послѣ ряда блестящихъ побѣдъ на полѣ сраженія раздражило другія европейскія державы и создало вокругъ Германіи недружелюбную атмосферу, когда Германія «потребовала себѣ мѣста за богатымъ міровымъ пиршествомъ». Поэтому Германія всегда должна была быть готова къ войнѣ, чтобы отстоять свое единство и занятое въ Европѣ положеніе. Поразительные успѣхи германской промышленности скоро выдвинули еще новую задачу политики: защиту экономическихъ интересовъ Германіи за ея предѣлами. «Силы націи, помолодѣвшія отъ ея политическаго возрожденія, не переставали расти и заставили *лопнуть* границы прежняго отечества». Германія превратилась въ міровую державу и стала вести *міровую* политику. Отсюда вытекала необходимость еще больше заботиться о развитіи вооруженій, и громадная заслуга предъ Германіей Вильгельма II состоитъ въ томъ, что онъ понялъ это превращеніе Германіи и посвятилъ свою энергію созданію для Германіи сильнаго военнаго флота, что «онъ съ яснымъ взглядомъ и твердой волей шелъ впередъ по новой дорогѣ». Такимъ образомъ Бюловъ является убѣжденнымъ милитаристомъ и въ системѣ вооруженнаго мира видитъ вѣнецъ политической мудрости.

Эти непрерывныя вооруженія Германіи вовсе не должны пугать и тревожить другія державы. Германія преслѣдуетъ задачи не наступательныя, а оборонительныя. Нѣмецъ по природѣ своей—врагъ завоеваній (sic!). Исторія Германіи не знаетъ завоевательныхъ войнъ. Единственной задачей нѣмцевъ было всегда «обезпечить защиту и безопасность своего отечества», и они сами всегда умѣли «ограничивать свои успѣхи».

Какъ же соединить съ этимъ исключительно оборонительнымъ характеромъ германской политики и съ ея исконнымъ миролюбіемъ то, что называется міровой политикой? Вѣдь міровая политика, именно, подразумѣваетъ активную дѣятельность, непре-

---

[1]) За невозможностью добыть въ настоящую минуту нѣмецкій оригиналъ, мы пользуемся въ дальнѣйшемъ этимъ переводомъ.

рывное подчиненіе авторитету государства новыхъ и новыхъ областей вліянія. Бюловъ выходитъ изъ затрудненія при помощи того соображенія, что завоеванія въ сферѣ міровой политики оправдываются высотой германской культуры. Всякая высшая цивилизація создаетъ политическое право, и «въ борьбѣ націй всякая изъ нихъ можетъ быть только молотомъ или наковальней, побѣдительницей или побѣжденной». Третье рѣшеніе невозможно. Изъ такого взгляда Бюлова вытекаетъ, что миролюбіе Германіи ничуть не препятствуетъ политикѣ захватовъ (вѣдь критеріемъ высоты своей культуры является сама нація), и что «оборонительная» политика Германіи должна состоять въ безпрепятственномъ утвержденіи ея господства надъ всѣмъ міромъ.

Вся книга Бюлова, несмотря на ея дипломатическій языкъ и постоянныя оговорки, проникнута характернымъ для современной Германіи національнымъ самомнѣніемъ. Бюловъ свято вѣруетъ, что Германія призвана, на манеръ древняго Рима, regere imperio populos и водворять повсюду pacem germanicam, и не разъ объ этомъ проговаривается или заставляетъ читать между строками. Онъ ясно сознаетъ, что міровое положеніе Германіи обусловлено ея гегемоніей въ Европѣ. А гарантіей германской гегемоніи въ Европѣ является учрежденный Бисмаркомъ тройственный союзъ, солидность котораго доказана временемъ. Правда, въ тройственномъ союзѣ есть одно уязвимое мѣсто—счеты между Австріей и Италіей, но именно существованіе союза предотвращаетъ возможность столкновенія между ними, такъ какъ по своему положенію «Австрія и Италія могутъ быть только или союзницами, или врагами». Во всякомъ случаѣ во время войны Италія, благодаря союзу, не станетъ на сторону враговъ Германіи, а объ этомъ и заботился Бисмаркъ, говоря, что «ему достаточно, чтобы итальянскій капралъ съ итальянскимъ знаменемъ и барабаномъ обратился лицомъ на западъ, т.-е. къ Франціи, а не на востокъ, т.-е. къ Австріи».

Другой гарантіей сохраненія Германіей преобладающаго положенія въ Европѣ является ея традиціонная дружба съ Россіей. Этимъ пользовался Бисмаркъ для того, чтобы заставлять «порывистаго русскаго слона шествовать между двумя прирученными слонами: Германіей и Австріей». Правда, послѣ берлинскаго конгресса отношенія между Германіей и Россіей нѣсколько обострились. «Русскія» угрозы побудили Бисмарка образовать тройственный союзъ, а Россія въ отвѣтъ на это сблизилась съ Франціей. Франція, конечно, всегда останется по отношенію къ Германіи непримиримой, такъ какъ французская нація, по адресу которой Бюловъ особенно щедръ на комплименты, къ сожалѣнію

не можетъ забыть потери Эльзаса и Лотарингіи. Поэтому всѣ попытки на сближеніе съ Франціей заранѣе обречены на неудачу. Но зато Германія можетъ воздѣйствовать на другого члена союза, Россію, и такимъ образомъ, если не уничтожить, то «притупить враждебное Германіи остріе двойственнаго союза». Война съ Россіей была бы для Германіи очень опасна. «Война съ Германіей, несомнѣнно, была бы въ Россіи популярна, и русскіе вели бы ее съ національнымъ подъемомъ, который имъ присущъ, когда они защищаютъ свою родную почву». Вдобавокъ, такая война для Франціи представила бы casus foederis, и на плечи нѣмцевъ выпало бы «бремя тягостной континентальной войны на два фронта». Чтобы предотвратить эту опасность,—надо добиваться русской дружбы. Этой цѣли хорошо служатъ «личныя отношенія» императора Вильгельма въ высшихъ сферахъ Россіи. Кромѣ того «польская опасность» и необходимость «общей защиты противъ честолюбивыхъ стремленій поляковъ» всегда будутъ являться «мостомъ, на которомъ могутъ встрѣтиться Пруссія и Россія». Наконецъ, надо помнить, какъ говаривалъ учитель Бюлова. Бисмаркъ, котораго Бюловъ особенно любитъ цитировать, что «въ русской бочкѣ всегда идетъ броженіе и слышится безпокойный гулъ, и это можетъ когда-нибудь привести къ взрыву. Для сохраненія мира лучше бы было, если бы этотъ взрывъ произошелъ не въ *Европѣ*, а въ *Азіи*. Тогда мы постараемся не становиться предъ отверстіемъ бочки, чтобы выскочившая пробка не ударила намъ прямо въ животъ». Хорошо извѣстно, что руководители германской политики свято слѣдовали этому совѣту Бисмарка и въ 1895—1905 гг. усиленно толкали офиціальную Россію на Дальній Востокъ, чтобы развязать Германіи руки въ Европѣ. Бюловъ, конечно, въ этомъ не признается. Онъ увѣряетъ, что пресловутая картина Вильгельма II, изображавшая борьбу Европы съ «желтой опасностью», должна была служить только «идеальнымъ мирнымъ тенденціямъ», и что во время русско-японской войны Германія занимала по отношенію къ Россіи позицію дружественнаго нейтралитета, безъ всякихъ заднихъ мыслей.

Кромѣ Россіи и Франціи остается еще Англія, и отношенія къ Англіи представляютъ, несомнѣнно, самый трудный вопросъ германской политики. Всѣ толки о какомъ-то особомъ «коварствѣ Альбіона» Бюловъ считаетъ совершенно неосновательными. Англійская политика всегда отличалась удивительной послѣдовательностью, и въ основѣ ея лежалъ «спасительный и справедливый національный эгоизмъ». Благодаря своему промышленному развитію Англія производитъ только $^1/_5$ того хлѣба и $^1/_2$ того мяса,

которые потребляются ея населеніемъ. Поэтому для нея господство на моряхъ является вопросомъ жизни и смерти, такъ какъ только путемъ этого господства Англія можетъ обезпечить себѣ подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Ростъ германскаго флота сдѣлалъ изъ Германіи опасную соперницу для Англіи и крайне обострилъ отношенія между обѣими державами. Такъ какъ Англія никоимъ образомъ не можетъ отказаться отъ своего морскаго преобладанія, то казалось бы, что изъ этого положенія можно сдѣлать только два вывода: или Германія должна вести съ Англіей борьбу не на жизнь, а на смерть, или сразу заключить соглашеніе, которое бы полюбовно размежевало всѣ спорные вопросы. Но Бюловъ не дѣлаетъ ни того, ни другого вывода. Наоборотъ, какъ поклонникъ системы вооруженнаго мира, онъ видитъ лучшую охрану мира въ дальнѣйшемъ ростѣ морскихъ вооруженій Германіи и даетъ очень неопредѣленную формулу тѣхъ отношеній, которыхъ должна держаться германская политика по отношенію къ Англіи. Сущность формулы состоитъ въ томъ, что Германія должна продолжать постройку флота, что предохранитъ Германію отъ англійскаго нападенія, и въ то же время сохранять къ Англіи вполнѣ корректныя отношенія.

Наконецъ, чрезвычайно важнымъ для Германіи вопросомъ является неприкосновенность Турціи, гдѣ Германія имѣетъ важные экономическіе, военные и политическіе интересы. Турція всегда служила «полезнымъ и важнымъ кольцомъ въ цѣпи нашихъ политическихъ отношеній» и въ случаѣ войны была бы естественной союзницей Германіи.

Разсужденія Бюлова о задачахъ внутренней политики Германіи не менѣе любопытны, чѣмъ его разсужденія о политикѣ внѣшней. Прежде всего, послѣ непрерывнаго хвалебнаго гимна по адресу Германіи и нѣмцевъ, къ которому уже Бюловъ успѣлъ пріучить своихъ читателей на первыхъ страницахъ своего труда, Бюловъ поражаетъ своимъ рѣзкимъ отзывомъ обо всей внутренней политикѣ Германіи. «Исторія нашей внутренней политики, говоритъ онъ, за исключеніемъ рѣдкихъ свѣтлыхъ періодовъ, есть *исторія политическихъ ошибокъ* (sic!)». И причина этихъ непрерывныхъ ошибокъ заключается въ томъ, что нѣмецъ, по самой природѣ своей, совершенно лишенъ политическихъ способностей. У нѣмцевъ не хватаетъ умѣнія быстро оріентироваться въ условіяхъ политической жизни, переходить отъ теоретическихъ разсужденій къ практическимъ выводамъ, обнаруживать необходимую гибкость и искусство приноравливаться къ новымъ явленіямъ жизни. Отсутствіе политическихъ способностей сказывается также и въ чрезвычайномъ развитіи въ Германіи партикуляризма. Партику-

ляризмъ, стоявшій за независимость отдѣльныхъ государствъ, исчезъ со времени созданія единой имперіи, и единству ея теперь больше ничего не грозитъ. Но партикуляристическія стремленія нашли себѣ иной выходъ и выражаются въ крайнемъ развитіи партійности и партійнаго духа, въ увлеченіи образованіемъ всевозможныхъ ассоціацій, въ неумѣніи громаднаго большинства нѣмцевъ возвышаться надъ узко-партійными, групповыми или классовыми интересами и забывать свои партійныя программы предъ наличностью обще-національныхъ задачъ.

Крайнее развитіе партійности объясняетъ, почему въ Германіи нѣтъ парламентаризма. Сама по себѣ система парламентаризма имѣетъ большія достоинства. «Въ странахъ, управляемыхъ парламентомъ, партіи... пріобрѣтаютъ политическое воспитаніе, такъ какъ они принуждены управлять... Партія, принужденная управлять, отвѣтственна не только за свое собственное здоровье(?), но въ болѣе широкихъ размѣрахъ за процвѣтаніе націи и государства. Интересы партіи и государства совпадаютъ, и... партія, находящаяся у власти, будетъ умѣрять свои (узко-партійныя) требованія, чтобы не потерять своего вліянія въ государствѣ». Бюловъ ничуть не скрываетъ отъ себя недостатковъ бюрократическаго порядка управленія. Бюрократія всегда опаздываетъ съ необходимыми реформами, отличается крайней узостью своихъ стремленій, страдаетъ «полицейской неловкостью» и обнаруживаетъ постоянную наклонность къ вмѣшательству въ личную жизнь гражданъ. Своей «политикой булавочныхъ уколовъ» она только напрасно раздражаетъ населеніе и создаетъ почву для оппозиціи.

Казалось бы, что логическій выводъ изъ этихъ соображеній требуетъ установленія въ Германіи парламентаризма, какъ лучшаго средства борьбы съ партійнымъ партикуляризмомъ и недостатками бюрократіи. Но Бюловъ, вопреки законамъ логики, доказываетъ, что наоборотъ именно партикуляризмъ мѣшаетъ установленію парламентаризма. Вдобавокъ, въ пользу парламентаризма въ Германіи нѣтъ никакихъ историческихъ прецедентовъ, такъ какъ въ ней «монархическія правительства являются опорами и творцами политической жизни». Поэтому единственный подходящій порядокъ для Германіи—сильное монархическое правительство, независимое отъ рейхстага, и Бюловъ всѣми силами старается оправдаться отъ обвиненія въ сочувствіи парламентаризму, которое на него охотно взводила партія консерваторовъ послѣ инцидента 1908 г. съ личными выступленіями Вильгельма. «Пруссія, говоритъ онъ, какъ государство, есть существо мужественное, мужчина (!). Какъ всякій мужчина, заслуживающій своего имени, прусское государство представляетъ множество

грубыхъ контрастовъ и способно къ великимъ подвигамъ только тогда, когда имъ управляетъ сильная воля».

Сотрудничество рейхстага все же необходимо и для сильнаго правительства. Бисмаркъ не заботился о постоянной формѣ сотрудничества и «создавалъ для себя большинство голосовъ тамъ, гдѣ его находилъ». Но это было возможно только вслѣдствіе исключительнаго личнаго авторитета Бисмарка, и его менѣе авторитетнымъ преемникамъ надо заботиться о болѣе опредѣленныхъ формахъ содѣйствія со стороны рейхстага и объ образованіи въ немъ постояннаго правительственнаго большинства. Такимъ правительственнымъ большинствомъ лучше всего можетъ служить блокъ консерваторовъ и либераловъ, и обнаруженію его преимуществъ Бюловъ посвящаетъ нѣсколько, не лишенныхъ интереса, страницъ. Бюловъ доказываетъ, какъ опасно было бы давать полное торжество только одной политической партіи и какъ правительство должно соблюдать полное равновѣсіе между консервативными и либеральными стремленіями, между интересами земледѣлія, развитіе котораго насущно необходимо для государственной безопасности Германіи, и интересами торговли и промышленности, процвѣтаніе которыхъ приводитъ къ завоеванію міровыхъ рынковъ.

Опираясь на консерваторовъ и либераловъ, правительство должно вести *національную* политику. Въ чемъ же состоитъ эта *національная* политика, кромѣ указаннаго покровительства земледѣлію, торговли и промышленности? Это, во-первыхъ, забота о непрерывномъ ростѣ военнаго могущества Германіи, и политическія способности той или иной партіи въ глазахъ Бюлова всецѣло опредѣляются вопросомъ, голосуетъ ли партія за или противъ увеличенія военныхъ кредитовъ. Во-вторыхъ, національной задачей является борьба съ соціалъ-демократіей, и на этой задачѣ должны и могутъ сплотиться всѣ «буржуазныя» партіи, начиная отъ аграріевъ и кончая свободомыслящими. Бюловъ прекрасно знаетъ, что въ другихъ странахъ, напр., во Франціи и въ Бельгіи, соціалисты вовсе не отличаются противогосударственными тенденціями. Примирительными стремленіями они отличаются и въ южной Германіи. Но соціалисты ненавидятъ Пруссію и являются врагами монархіи и милитаризма. Поэтому всякое соглашеніе между прусской монархіей и соціализмомъ совершенно немыслимо, а между тѣмъ господство Пруссіи надъ Германіей conditio sine qua non существованія единой Германіи.

Впрочемъ, у Германіи есть еще одна національная задача— борьба съ поляками. Средневѣковая германская имперія потеряла значительную часть своихъ владѣній на западѣ, но «Провидѣніе, восклицаетъ Бюловъ, въ вознагражденіе за эти наши потери

дало намъ наши владѣнія на востокѣ, и мы ихъ сохранимъ!» Всякая высшая культура имѣетъ право на распространеніе и на подчиненіе себѣ культуръ низшихъ. Въ этомъ заключается, по мнѣнію Бюлова, оправданіе вѣкового движенія нѣмцевъ на востокъ и германизаціи славянскихъ народовъ. Непрерывный Drang nach Osten есть жизненный вопросъ для всей Германіи, и поэтому пораженіе тевтонскихъ рыцарей при Грюнвальдѣ было для Германіи гораздо болѣе крупнымъ національнымъ несчастіемъ, чѣмъ паденіе имперіи Гогенштауфеновъ.

Послѣ присоединенія польскихъ областей прусское правительство въ первой половинѣ XIX вѣка держалось по отношенію къ полякамъ примирительной политики, но всѣ его старанія были тщетны, такъ какъ поляки ни за что не хотѣли отказаться отъ мечты возрожденія самостоятельной Польши, которую возбудилъ среди нихъ Наполеонъ. Такой «панполонизмъ» представлялъ серьезную опасность для Германіи, и задачей прусской государственности со времени Бисмарка сдѣлалась борьба съ привилегированнымъ (?) положеніемъ поляковъ въ восточныхъ провинціяхъ. Прусское правительство относится съ полнымъ уваженіемъ къ польскому народу и вовсе не хочетъ лишать его родного языка. Но оно *должно* достигнуть перехода большей части почвы въ восточныхъ провинціяхъ въ нѣмецкія руки и, такъ какъ это оказалось недостижимымъ при помощи систематическихъ покупокъ, то пришлось прибѣгнуть къ закону 1908 г. о принудительной экспропріаціи. Не менѣе важно для торжества германскихъ началъ также послѣдовательное проведеніе германизаціи школы. Вдобавокъ, германизація школы приноситъ полякамъ только пользу, такъ какъ она пріобщаетъ польское населеніе къ высшимъ благамъ интеллектуальной жизни Германіи. Впрочемъ, самъ Бюловъ, повидимому, не очень вѣритъ въ силу послѣдняго аргумента и откровенно признается, что «въ политической жизни бываютъ случаи печальной необходимости, къ которымъ приходится прибѣгать съ печалью въ сердцѣ, и отъ которыхъ нельзя отдѣлаться при помощи сентиментальности. Политика—грубое ремесло, въ которомъ чувствительнымъ душамъ рѣдко удается создавать шедевры». Такая политика, чуждая сентиментальности, абсолютно необходима для самаго существованія Пруссіи, а слѣдовательно является національнымъ долгомъ для всей Германіи!

Это боевое отношеніе къ польскому вопросу, разборомъ котораго Бюловъ заканчиваетъ свою книгу, даетъ читателю возможность окончательно опредѣлить истинную руководящую нить среди противорѣчивыхъ указаній и совѣтовъ, которые даетъ

германскому обществу бывшій канцлеръ. Въ самомъ дѣлѣ, при чтеніи книги Бюлова прежде всего бросаются въ глаза непримиримыя противорѣчія. Въ международныхъ отношеніяхъ авторъ проповѣдуетъ миролюбивую политику и въ то же время настаиваетъ на необходимости непрерывныхъ вооруженій. Во внутренней политикѣ онъ осуждаетъ бюрократію и преклоняется предъ парламентаризмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ политическія способности у нѣмцевъ и проповѣдуетъ правительственную опеку. Бюловъ желаетъ себя показать человѣкомъ, стоящимъ на уровнѣ современной политической мысли, но его отношеніе къ польскому вопросу или, какъ онъ предпочитаетъ говорить, къ «польской опасности», ясно обнаруживаетъ въ немъ первобытную психологію прусскаго юнкера, плохо прикрытую внѣшнимъ лоскомъ общеевропейской культуры. Отсюда и всѣ противорѣчія его книги. Пусть «польская опасность» не существуетъ для всего запада и юга Германіи, но зато въ сокращеніи площади польскаго землевладѣнія заинтересованъ классъ прусскихъ юнкеровъ. Пусть для низшихъ классовъ Германіи невыгоденъ сельско-хозяйственный протекціонизмъ, но зато онъ необходимъ для процвѣтанія землевладѣльцевъ восточной Германіи. Пусть весь міръ находитъ парламентаризмъ наиболѣе совершенной формой правленія, но только при теперешнемъ преобладаніи правительства надъ рейхстагомъ можно сохранить господство прусской земельной аристократіи, которая уже давно формулировала свой политическій идеалъ въ фразѣ: «Und der König absolut, wenn er unseren Willen thut». А логическимъ выводомъ отсюда является объявленіе нѣмцевъ политически несовершеннолѣтними и отрицаніе за ними способности къ политикѣ. Поддержать господство юнкеровъ можно только военной силой. Отсюда необходимость милитаризма и оправданіе его яко бы непрерывно грозящими германскимъ интересамъ опасностями. Отсюда и активная «міровая политика» для того, чтобы интересами колоніальныхъ завоеваній отвлекать нѣмецкое бюргерство отъ вопросовъ внутренняго устройства Германіи.

Такъ проста и элементарна государственная мудрость одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей современной Германіи. Сведеніе всѣхъ задачъ политики громаднаго государства съ 65-милліоннымъ населеніемъ къ охранѣ преобладанія въ немъ немногочисленнаго класса юнкеровъ наглядно доказываетъ полное оскудѣніе политическаго творчества въ правящемъ классѣ Германіи. Это оскудѣніе—естественный результатъ 50-лѣтней политики «желѣза и крови», которая «опруссачила» (verpreusst) всю Германію.

В. Бутенко.

«Чего нѣмцы должны требовать отъ русскихъ?»

(Was haben Deutsche von Russen zu fordern?)

1854 г.

Характерными въ новѣйшей исторіи русско-прусскихъ отношеній всегда являлись два факта: 1) экономическая эксплуатація Россіи была *главною*, основною выгодою, къ достиженію которой стремились правящіе круги Берлина, и 2) они никогда не теряли окончательно надежды достигнуть этой основной цѣли безъ военнаго риска, но почти исключительно пользуясь своими высокими и тѣсными связями въ Россіи. Поверхностному взгляду иногда дѣло представляется такъ, что только съ 70-хъ—80-хъ гг. XIX столѣтія, со времени усиленной индустріализаціи Пруссіи (и съ нею всей Германіи), умѣстно говорить о стремленіи къ экономическому захвату Россіи. На самомъ дѣлѣ эту тенденцію можно прослѣдить гораздо раньше; во всякомъ случаѣ къ началу Крымской кампаніи она уже вполнѣ оформилась.

Тогдашняя Россія интересовала, вообще говоря, прусское правительство и всю прочно восторжествовавшую и утвердившуюся прусскую реакцію вовсе не только (и даже не преимущественно), какъ оплотъ охранительныхъ началъ. 1854 годъ былъ непохожъ на 1848 г.; гроза миновала, не оставивши ощутимаго слѣда, кромѣ ожесточенія противъ Россіи со стороны всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ европейскаго общества, ожесточенія, иногда слѣпо и несправедливо распространявшагося не только на правительство, но и на весь русскій народъ. Во всякомъ случаѣ, это ожесточеніе оказалось къ началу Крымской кампаніи гораздо болѣе реальнымъ факторомъ, чѣмъ «благодарность» элементовъ реакціонныхъ. О томъ, какую позицію заняла въ тотъ моментъ Австрія, извѣстно всѣмъ,—такъ же, какъ извѣстны мотивы ея дѣйствій на границахъ Молдавіи и Валахіи. Но несравненно менѣе врѣзалось въ исторической памяти представленіе о позиціи

Пруссіи; это и не мудрено. Во-первыхъ, Пруссія ни въ малѣйшей степени не была затронута восточнымъ вопросомъ вообще и столкновеніемъ западныхъ державъ съ Россіею—въ частности; во-вторыхъ, она была въ военномъ отношеніи слишкомъ слаба, чтобы выступить въ европейскомъ конфликтѣ со сколько-нибудь самостоятельнымъ и рѣшительнымъ словомъ, выступить, не будучи къ тому прямо вызванной, а по собственной инціативѣ; въ третьихъ, ея финансы находились въ чрезвычайно шаткомъ, временами даже въ критическомъ состояніи. По всѣмъ этимъ причинамъ Пруссія и не хотѣла, и не могла активно вмѣшаться въ конфликтъ; никакимъ рѣзкимъ, запоминающимся, дипломатическимъ жестомъ она и не реагировала на развертывавшіяся событія.

Но чѣмъ затруднительнѣе дѣлалось положеніе Россіи, тѣмъ болѣе сказывалось въ правящихъ берлинскихъ кругахъ нѣкоторое сложное умонастроеніе: не то нетерпѣніе, не то раздраженіе, не то боязнь упустить моментъ, чего-то недополучить, о чемъ-то не сторговаться.

Правда, нѣчто весьма существенное (и именно въ области экономической) было Пруссіей въ этотъ моментъ получено,—и удержано на много лѣтъ; герценовскому «Колоколу» пришлось еще въ 1866 году съ недоумѣніемъ писать: «во время Крымской войны уменьшеніемъ сухопутной пошлины противъ морской на иностранные товары мы не мало послужили Пруссіи, чрезъ которую весь товаръ получался тогда транзитомъ; послѣ войны Россія, безъ всякой нужды, оставила за нею эту привилегію» («Колоколъ», 1 октября 1866, № 228). Но этого показалось недостаточно. Въ теченіе всей второй половины 1854 года въ Европѣ ходили слухи о какомъ-то важномъ коллективномъ выступленіи государей германскаго союза; иногда говорилось о единичномъ выступленіи Пруссіи. Ни до какого вмѣшательства дѣло, какъ только что замѣчено, не дошло, но нервное настроеніе породило въ германской публицистикѣ нѣсколько разнообразныхъ проектовъ. Самымъ интереснымъ, конкретнымъ, характернымъ изъ нихъ нужно признать одинъ, изложенный въ анонимной, но совершенно очевидно исходившей изъ высшихъ бюрократическихъ сферъ, брошюрѣ подъ характернымъ названіемъ: *«Was haben Deutsche von Russen zu fordern?»* Собственно, это—лишь подзаголовокъ, названіе же болѣе широкое: «Begehren nach Unabhängigkeit von russischer und britischer Politik» (Berlin, 1854). О томъ, чего нужно требовать отъ Англіи, авторъ обѣщаетъ сообщить впослѣдствіи въ особой брошюрѣ, но разсматриваемая—трактуетъ исключительно о Россіи. Совершенно ясно, что авторъ принадлежалъ къ такъ называемой партіи принца Прусскаго (будущаго

короля и императора Вильгельма I), которая довольно сдержанно относилась къ Россіи во все время Крымской кампаніи. Принцъ Вильгельмъ, der liebe Wimpus,—какъ его называла въ письмахъ дружелюбно-шутливо его сестра, супруга Николая Павловича, императрица Александра Ѳеодоровна,—вообще говоря, поспѣшилъ демонстративнымъ сближеніемъ съ Австріею (съ апрѣля 1854 года) совершенно развязать Францу-Іосифу руки въ его предположенныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи; партія принца Вильгельма обвиняла короля Фридриха-Вильгельма IV въ излишнемъ руссофильствѣ,—и консервативный, судя по нѣкоторымъ признакамъ не совсѣмъ чуждый придворныхъ сферъ, пламенный прусско-германскій патріотъ, написавшій разсматриваемую брошюру, подобно принцу Вильгельму, съ одной стороны, не хочетъ воевать съ Россіею, но, съ другой стороны, хотѣлъ бы безъ войны еще кое-что получить отъ нея.

Планъ анонимнаго автора заключается въ предложеніи потребовать отъ Россіи, чтобы всѣмъ нѣмцамъ было предоставлено право безпрепятственно въѣзжать и свободно безпошлинно ввозить товары въ Россію и продавать ихъ тамъ. Въ высшей степени любопытны какъ мотивировка, такъ и разработка этого проекта; въ умонастроеніи автора отражаются какъ нельзя полнѣе среда и моментъ, его породившіе.

Прежде всего онъ категорически отрицаетъ наличность или возможность какихъ-либо важныхъ военныхъ замысловъ «германскихъ государствъ» противъ Россіи. Занять остзейскія провинціи? Зачѣмъ? Авторъ совѣтуетъ шире и глубже смотрѣть на положеніе дѣлъ, на естественныя отношенія между германцами и русскими. «Всѣ земли славянскихъ племенъ... самою природою обстоятельствъ... предназначены Провидѣніемъ къ тому, чтобы послужить почвою..., на которой германство призвано упражнять въ настоящей борьбѣ свою силу и доблесть»; то же Провидѣніе предназначило германцамъ въ удѣлъ «стать господствующей силою» въ славянскихъ земляхъ. Начиная съ Петра I, по мнѣнію нашего автора, Россія всецѣло подпала подъ эту власть германства, предуказанную для всѣхъ вообще славянскихъ земель самимъ Провидѣніемъ; въ особенности же это сдѣлалось непререкаемымъ, отраднымъ и яркимъ фактомъ, со времени перехода престола къ Петру III: «во всѣхъ отрасляхъ законодательства, суда, государственнаго управленія, науки и обученія, какъ и въ сухопутномъ войскѣ и во флотѣ на самыхъ высшихъ постахъ» утвердились нѣмцы; и даже, говоритъ онъ, послами Россіи (предъ взрывомъ войны 1854 г.)—въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Стокгольмѣ, Копенгагенѣ, Гаагѣ, Гамбургѣ, Сѣверной Америкѣ, Бразиліи и т. д.—являются только нѣмцы.

Самый фактъ, замѣтимъ къ слову, и для временъ Николая I, и для позднѣйшей эпохи многократно подтверждалъ, иногда даже въ очень раздраженныхъ выраженіяхъ, тотъ же Герценъ, относившійся къ этому явленію рѣзко отрицательно (ср. между мн. проч. «Колоколъ», 1 янв. 1867 г., № 231, 232, стр. 1896-я: «Откуда эта печальная масса нѣмцевъ на русской службѣ, растущая и вовсе не уменьшающаяся со временъ шутокъ А. П. Ермолова?» и т. д.; или тамъ же, 15 октября 1861, № 109, стр. 935-я: «все то же гнусное, безчеловѣчное, нѣмецко-монгольское...» и т. д.).—Но разбираемая брошюра оцѣниваетъ указанный фактъ совсѣмъ не по-герценовски. Авторъ съ восторгомъ и гордостью настаиваетъ на томъ, что «два милліона нѣмцевъ» такимъ образомъ поддерживаютъ «свою славу, утверждаютъ почтеніе къ себѣ и свою старинную власть надъ государствомъ съ восемьюдесятью милліонами жителей!» (стр. 8). Самъ авторъ восхищенно спрашиваетъ: видано ли гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ, чтобы даже формальное завоеваніе, военное подчиненіе одного народа другому—давало такіе блестящіе, длительные и «обезпеченные въ отдаленномъ будущемъ» результаты? Грустно только, что Германія, das Mutterland, остается столь равнодушною къ этой «гордой побѣдѣ» своихъ сыновъ. Это «благородное сознаніе побѣды надъ русскими», къ сожалѣнію, плохо оцѣнено Германіею, полагаетъ нашъ авторъ, а между тѣмъ оно могло бы сильно посодѣйствовать развитію германской вѣры въ свои силы.

При такихъ обстоятельствахъ, не печально ли будетъ, если германскія государства примкнутъ къ «наслѣдственнымъ врагамъ» германизма: туркамъ, французамъ, мадьярамъ—и пойдутъ войною противъ своихъ же дѣтей, упрочившихъ такъ счастливо свое владычество надъ Россіею? Только врагъ нѣмецкихъ успѣховъ въ Россіи можетъ пожелать ея разоренія войною! (стр. 12).

Но между тѣмъ, война коалиціи противъ россійской имперіи, уже грозитъ германской власти въ Россіи нѣкоторою опасностью. Дѣло въ томъ, что нашъ авторъ съ сожалѣніемъ констатируетъ наличность промышленной дѣятельности въ нѣдрахъ Россіи, далеко отъ остзейскаго края, который занятъ торговлею, но *не* промышленностью. Эта русская внутренняя индустрія только выигрываетъ отъ войны: сырье, лишенное внѣшняго сбыта, уже сразу подешевѣло, а фабрикаты—подорожали, такъ какъ прекратилась конкуренція иноземнаго ввоза. Что же выйдетъ? Москва обогатится, а остзейскій край разорится, такъ какъ онъ только потребляетъ фабрикаты, но не производитъ ихъ. Всякое же обогащеніе, экономическое усиленіе «Москвы», «востока», «внутренней» Россіи въ ущербъ «нѣмецкимъ пограничнымъ обла-

стямъ» россійской имперіи есть несчастье, предупредить которое и составляетъ національный долгъ Германіи. «Должны же понять германскіе государи,—пишетъ нашъ авторъ,—что неудобно иниціативу мѣръ, прямо направленныхъ во вредъ Москвѣ и «внутренней» Россіи, брать на себя русскимъ внутреннимъ нѣмцамъ, германскимъ дѣятелямъ въ россійской имперіи, даже и очень большую власть имущимъ, такъ какъ это вызвало бы въ народѣ «опаснѣйшія подозрѣнія». Автору кажется, что эта иниціатива должна непремѣнно послѣдовать извнѣ, со стороны германскаго отечества. Что же дѣлать? Соединиться всѣмъ германскимъ государствамъ Zollverein'а и не только потребовать, но если удачно сложатся обстоятельства, то прямымъ непосредственнымъ осуществленіемъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій, захватнымъ порядкомъ—*реализовать* «свободу торговли» на русско-прусской границѣ. И это даже для русскаго правительства будетъ легче, ему не придется вести непріятныхъ переговоровъ; только потерпѣть «одинъ легкій ударъ» (стр. 15). Мало того: автору кажется, что послѣ этого «легкаго удара» само русское правительство поставитъ себѣ въ удовольствіе «смѣло и открыто объявить законно унаслѣдованное и постоянно вновь заслуживаемое господство нѣмцевъ въ Россіи—величайшею славою и гордостью мирнаго германства предъ цѣлымъ свѣтомъ». Такимъ простымъ и скорымъ способомъ германцы въ то же время будутъ избавлены и отъ опасной для нихъ конкуренціи англійской торговли въ Россіи (англичанъ нашъ авторъ, вообще, терпѣть не можетъ и всегда говоритъ о нихъ со смутнымъ безпокойствомъ). Но что, если, сверхъ всякаго ожиданія, русскія высшія сферы (которыхъ авторъ съ горечью коритъ за то, что они «стыдятся своего нѣмецкаго происхожденія») вдругъ заявятъ протестъ противъ свободнаго ввоза нѣмецкихъ товаровъ въ Россію? Нужно въ такомъ случаѣ, не объявляя войны Россіи, не обращать вниманія на протестъ и только сопровождать ввозимыя въ Россіи партіи товаровъ военными отрядами и конвоями. Граница—длинная «отъ Мемеля до отдаленнѣйшихъ уголковъ Силезіи», а потому русскимъ невозможно будетъ всюду ее оградить одинаково сильно. Впрочемъ, нашъ авторъ, вѣдь, и весь проектъ свой писалъ, имѣя въ виду, что у Россіи въ данный моментъ найдется достаточно дѣла въ одномъ только Крыму.

Послѣдствія такой мужественной мѣры будутъ самыя отрадныя: обогащеніе «германскаго отечества», укрѣпленіе германской власти въ Россіи, «здоровый подъемъ германскаго духа, права, единства и порядка», соединенный съ общимъ экономическимъ подъемомъ, гордое сознаніе, что удалось «предписать величайшей державѣ

въ Европѣ—свободную торговлю съ нѣмцами». А въ будущемъ результаты будутъ еще важнѣе: при такомъ тѣснѣйшемъ сближеніи германцевъ внѣшнихъ съ германцами, завоевавшими владычествующее положеніе въ бюрократіи внутри Россіи, явится возможность употребить это уже издавна упрочившееся господство къ прямой и непосредственной выгодѣ для германскаго отечества. Но не слѣдуетъ думать, что надъ помыслами нашего автора безраздѣльно властвуетъ одна лишь категорія цѣлесообразности,—и что правовой, моральной элементъ отсутствуетъ въ его соображеніяхъ. Нисколько. Нѣмцы, по его мнѣнію, имѣютъ моральное право сдѣлать то, что онъ имъ совѣтуетъ: неужели нѣмцы своею «вѣрностью» и, вообще, дѣятельностью въ Россіи не заслужили такой привилегіи, которую получили англичане въ Китаѣ, гдѣ торгуютъ опіумомъ? Конечно, заслужили, а авторъ съ облегченною душою опять обращается къ анализу благихъ послѣдствій отнынѣ морально оправданной мѣры.

Такимъ образомъ, тутъ еще отдается скромная «дань» той «идеѣ справедливости», которая въ дальнѣйшей эволюціи прусскаго патріотизма утратила, какъ извѣстно, всякую власть надъ умами.

Брошюра кончается торжественнымъ указаніемъ, что если и откроются враждебныя дѣйствія германскихъ государствъ противъ Россіи, то все же есть разница въ томъ, какъ эти государства будутъ воевать съ Россіей и какъ воюютъ съ ней Англія и Франція: западныя державы (Англія и Франція) ведутъ войну съ Россіей, не дѣлая различія между нѣмцами и русскими, «а мы хотимъ ее вести за нѣмцевъ противъ русскихъ». «Западныя державы (Англія и Франція) могутъ желать возстановленія господства славянъ въ Россіи... а мы, напротивъ, должны утвердить наше доброе, нѣмецкое право», нѣмецкую власть въ тѣхъ сферахъ, гдѣ она преобладаетъ въ русской имперіи.

Смотрѣть ли на эту программу, какъ на запоздалый откликъ дебатовъ (ведшихся съ довольно большою, по временамъ, горечью) по вопросу о русско-прусскомъ торговомъ договорѣ въ концѣ 1830-хъ и началѣ 1840-хъ годовъ или, прежде всего, какъ на сводку мнѣній тѣхъ, кто требовалъ отъ германскихъ государствъ болѣе активной политики въ восточной войнѣ,—все равно разобранная брошюра интересна, какъ психологическій документъ и характерна именно для властныхъ по положенію, реакціонныхъ по убѣжденію круговъ германскаго общества. Можно что угодно говорить о «руссофобіи», напр., Маркса въ эти самые пятидесятые годы, и все-таки подобнаго законченнаго, нелицемѣрно-яснаго, плантаторскаго и колонизаторскаго взгляда на Россію мы у него, конечно, не найдемъ. Совсѣмъ не та психологія. Здѣсь, впрочемъ, у нашего

автора и вообще никакой «руссофобіи» мы не можемъ усмотрѣть. Это,—скорѣе всего забота пріобрѣтателя о томъ, какъ бы не ускользнуло отъ него давно облюбованное имѣніе, хлопотливая мысль о томъ, чтобы использовать благопріятный моментъ для необходимаго внѣдренія. Восемьдесятъ милліоновъ русскихъ— это живой инвентарь для имѣющихъ прибыть изъ «германскаго отечества» владѣльцевъ и для уже возобладавшихъ въ Россіи «двухъ милліоновъ», о которыхъ говоритъ нашъ авторъ. Истинный врагъ—не Россія, которой нашъ авторъ собирается нанести «легкій ударъ», но Англія, въ союзѣ съ которой этотъ «легкій ударъ» будетъ наноситься. Это одинъ изъ парадоксовъ, чрезвычайно свойственныхъ психологіи берлинско-потсдамскихъ сферъ—и удивительно живучихъ. Мнѣ даже и эта разобранная тутъ брошюра 1854 г. вспомнилась именно тогда, когда я прочелъ промелькнувшее въ газетахъ извѣстіе, что «партія кронпринца» очень желаетъ заключить сепаратный миръ съ Россіей и направить всѣ силы противъ Англіи. Кронпринцъ, повидимому, тоже думалъ, что относительно Россіи достаточно будетъ ограничиться однимъ-двумя «легкими ударами», послѣ которыхъ можно будетъ также ввести въ Россіи «свободу нѣмецкой торговли» въ томъ или иномъ видѣ; и не его вина, если 1914 годъ оказался еще болѣе труднымъ и запутаннымъ, чѣмъ 1854-ый.

Проф. *Евг. Тарле.*

Изъ исторіи эмансипаціи евреевъ въ Швейцаріи.

Нигдѣ въ Западной Европѣ еврейское безправіе не вызывало столько конфликтовъ съ иностранными государствами, какъ въ Швейцаріи. Какъ извѣстно, только въ январѣ 1866 года въ Швейцаріи было осуществлено гражданское равноправіе евреевъ, путемъ измѣненія статьи 41-ой федеральной конституціи 1848 года. До тѣхъ поръ она гласила, что швейцарскій Союзъ предоставляетъ право селиться на своей территоріи «всякому швейцарцу, исповѣдующему одну изъ христіанскихъ религій». При предоставленіи равноправія евреямъ изъ этой статьи было вычеркнуто упоминаніе о принадлежности къ христіанской религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ была измѣнена и ст. 48 въ томъ смыслѣ, что каждый кантонъ обязанъ предоставлять гражданамъ остальныхъ швейцарскихъ кантоновъ тѣ же права, которыми пользуются въ немъ мѣстные граждане кантона. (Равноправіе еврейскаго культа было провозглашено лишь въ 1874 г.). До тѣхъ поръ, однако, въ каждомъ кантонѣ существовало особое законодательство относительно евреевъ и въ многихъ кантонахъ Швейцаріи они были сильно ограничены въ правахъ.

По отношенію къ евреямъ въ 50-ые годы XIX вѣка можно дѣлить швейцарскіе кантоны на три группы.[1]) Въ первой—евреи пользовались почти полнымъ равноправіемъ. Она состояла изъ кантоновъ: Женева, Ваадтъ, Валлисъ, Фрейбургъ и Нейенбургъ, Тессинъ и Бернъ. Большинство этихъ кантоновъ принадлежатъ къ французской и итальянской Швейцаріи, гдѣ вліяніе идей французской революціи было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ нѣмецкой Швейцаріи. Вторую группу, въ которой положеніе евреевъ было значительно хуже, составляли кантоны: Цюрихъ, Люцернъ, Ури, Гларусъ, Золотурнъ, Аппенцель-Аусерроденъ и Аппенцель-

---

[1]) Пользуемся при этомъ сводкой, которую даетъ *J. Kruk* въ своей брошюрѣ: «Die Rolle der auswärtigen Staaten für die Emanzipation der Juden in der Schweiz». Zurich 1913. стр. 16—18.

Иннерроденъ, Верхній и Нижній Унтервальденъ и С. Галленъ. Такъ, напр., въ кантонѣ Цюрихъ евреямъ было запрещено пріобрѣтать недвижимости или выдавать подъ нихъ ссуды, а также воспрещалось селиться и заниматься торговлей безъ особаго разрѣшенія данной общины. Въ католическомъ кантонѣ Люцернъ запрещеніе селиться и пріобрѣтать права гражданства распространялось не только на евреевъ, но и на протестантовъ. Третью группу составляли кантоны Тургау, Швицъ, Цугъ, Граубюнденъ, Шаффгаузенъ, Базель-Ландъ и Базель-Штадтъ и Ааргау, въ которыхъ евреи не пользовались почти никакими правами. Въ Граубюнденѣ, Швицѣ, Цугѣ и Тургау еще законами 1857 г. запрещалось пребываніе не только иностраннымъ евреямъ, но и швейцарскимъ. Въ Шаффгаузенѣ, по закону 1840 года, евреямъ разрѣшалось пребываніе лишь въ продолженіе восьми сутокъ. Если еврею въ силу торговой сдѣлки доставалось недвижимое имущество, онъ обязанъ былъ продать его въ теченіе года. Торговать скотомъ разрѣшалось только на общественныхъ рынкахъ и въ хлѣву у продавцовъ. Торговая сдѣлка между евреемъ и христіаниномъ признавалась дѣйствительной лишь въ томъ случаѣ, если она была заключена въ присутствіи главы общиннаго самоуправленія и родственника христіанина, сдѣлка должна была быть скрѣплена печатью общины. Тѣ же гарантіи должны были соблюдаться и при денныхъ операціяхъ между евреями и не-евреями. Въ кантонѣ Базель-Ландъ, въ которомъ страхъ передъ наплывомъ евреевъ изъ Эльзаса былъ особенно великъ, закономъ 1851 года евреямъ было отказано въ правѣ селиться, заниматься торговлей и ремеслами. Только на установленныхъ ярмаркахъ евреи имѣли право продавать, разъ или два въ годъ, свои товары. Христіанинъ, принимавшій еврея въ свое торговое дѣло или въ свой домъ, карался денежнымъ штрафомъ въ размѣрѣ 300 франковъ, а въ случаѣ повторенія или при несостоятельности онъ подвергался тюремному заключенію.

При заключеніи торговыхъ договоровъ между Швейцаріей и другими государствами еврейское законодательство швейцарскихъ кантоновъ служило источникомъ постоянныхъ осложненій. Государства, въ которыхъ евреи уже тогда пользовались равноправіемъ, требовали, чтобы ихъ гражданамъ-евреямъ были предоставлены въ Швейцаріи тѣ же права, которыя давались христіанамъ. Такой конфликтъ возникъ, напр., при заключеніи торговаго договора Соединенными Штатами въ 1855 году. Швейцарское правительство отказалось категорически оговорить, что оно не будетъ дѣлать различій между христіанами и еврейскими гражданами Соединенныхъ Штатовъ, но дало представителю

сѣверо-американской республики неофиціальное обѣщаніе, что на практикѣ оно различія между американскими и не-американскими евреями дѣлать не будетъ. Это обѣщаніе, однако, не исполнялось. Изъ-за нежеланія швейцарскаго правительства исполнить требованіе Голландіи, чтобы голландскіе евреи пользовались въ Швейцаріи такими же правами, какъ христіане, голландское правительство отказалось въ 1863 г. отъ заключенія торговаго договора съ Швейцаріей, который уже былъ подписанъ швейцарскимъ правительствомъ 22-го января 1863 года. Тотъ же вопросъ служилъ нѣсколько разъ предметомъ продолжительныхъ переговоровъ между Швейцаріей и Франціей. Въ первый разъ французское правительство примирилось съ тѣмъ, что Швейцарія отказывается предоставить французскимъ евреямъ права, которыми должны были пользоваться въ Швейцаріи французскіе граждане на основаніи договора, заключеннаго между обоими государствами въ 1803 г. И въ 1827 году французскій посланникъ въ Швейцаріи, Райневаль заявилъ, что въ тѣхъ кантонахъ, въ которыхъ лица іудейскаго вѣроисповѣданія ограничены въ правахъ, подданные французскаго короля, исповѣдующіе эту религію, не должны требовать для себя правъ, вытекающихъ изъ договора 1803 г. Однако, впослѣдствіи французское правительство стало болѣе рѣшительно отстаивать права еврейскихъ гражданъ Франціи, и при заключеніи новаго договора въ 1864 г оно добилось, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, включенія постановленія, что французамъ безъ различія вѣроисповѣданія должны быть предоставлены во всѣхъ кантонахъ Швейцаріи тѣ же права, которыми у нихъ пользуются швейцарскіе граждане-христіане.

Столкновенія на почвѣ еврейскаго безправія происходили у иностранныхъ государствъ не только со всей швейцарской республикой и съ федеральнымъ правительствомъ, но также съ отдѣльными кантонами. Такъ какъ въ области еврейскаго законодательства каждый кантонъ пользовался полнымъ суверенитетомъ и былъ независимъ отъ федеральнаго законодательства, то нѣкоторые кантоны отказывались признавать въ своихъ предѣлахъ правила договоровъ съ иностранными государствами.

Объ одномъ очень любопытномъ эпизодѣ такого рода, о конфликтѣ между Франціей и кантономъ Базель-Ландъ, разсказываетъ очень подробно въ только что вышедшей работѣ объ исторіи евреевъ въ этомъ кантонѣ А. Нордманъ[1]). Въ кантонѣ Базель-

---

[1]) *Achilles Nordmann.* «Die Juden im Kanton Baselland», Separatabdruck aus dem Basler Jahrbuch 1914, стр. 180—249.

Ландъ съ почти исключительно крестьянскимъ населеніемъ, очень цѣпко держались старые предразсудки противъ евреевъ, къ которымъ еще присоединилась боязнь массовой иммиграціи евреевъ изъ сосѣдняго Эльзаса, принадлежавшаго тогда еще Франціи. Поэтому кантонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ права евреевъ были до крайности ограничены.

Въ 1835 г. братья Александръ и Барухъ Валь изъ Мюльгаузена, французскіе граждане Моисеева закона, пріобрѣли за 86.000 фр. земельную недвижимость въ кантонѣ Базель-Ландъ. Покупатели заявили, что они не намѣрены поселиться въ пріобрѣтенномъ имѣніи, и такимъ образомъ законъ, воспрещающій евреямъ селиться въ кантонѣ, не долженъ былъ служить причиной для признанія сдѣлки недѣйствительной. Первая инстанція утвердила сдѣлку, но ландратъ призналъ ее противорѣчащей закону 1816 г., воспрещающаго евреямъ проживать и пріобрѣтать недвижимость въ кантонѣ. Братья Валь протестовали противъ этого рѣшенія, и французскій посланникъ въ Бернѣ сдѣлалъ представленіе въ ихъ пользу. Однако, несмотря на то, что онъ нѣсколько разъ повторялъ свои представленія и даже тогдашній французскій министръ-президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ—герцогъ де-Бройльи (duc de Broglie) лично обратился съ письмомъ по этому дѣлу въ Листаль (мѣстонахожденіе кантональнаго правительства), ландратъ продолжалъ настаивать на своемъ. Не помогали и усилія федеральнаго правительства въ Бернѣ, которое старалось склонить кантональное правительство къ уступчивости. Стоило большихъ усилій побудить правительство маленькаго кантона вообще отвѣтить что-нибудь на представленіе французскаго правительства. Оно, наконецъ, дало отвѣтъ, который, однако, французское правительство не удовлетворилъ. 5-го октября 1835 года французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Бернѣ сообщилъ швейцарскому правительству содержаніе королевскаго приказа, которымъ «временно въ отношеніи кантона Базель-Ландъ и гражданъ кантона прекращается дѣйствіе договоровъ, заключенныхъ между Франціей и Швейцаріей» [1]).

Въ докладѣ Луи-Филиппу по поводу этого дѣла герцогъ де-Бройльи называетъ швейцарское законодательство о евреяхъ «législation barbare», а поведеніе кантональнаго правительства

---

[1]) Французскій текстъ ордонанса о прекращеніи сношеній между Франціей и кантономъ Базель-Ландъ напечатанъ въ номерѣ 328 «Monitaire universel» за 1835 г. и гласитъ слѣдующее: «L'exécution de la convention, signée à Berne le 30 mai 1827 et du traité, signé à Zurich le 11 juillet 1828 entre la France et les cantons suisses est provisoirement suspendue à l'egard du canton de Bâsle-Campagne et de ses ressortissants. Les relations de chancellerie entre notre ambassade en Suisse et le canton de Bâsle-Campagne sont également suspendues».

въ инцидентѣ братьевъ Валь «injustice flagrante». Французское правительство дало кантону Базель-Ландъ 12 дней сроку для отмѣны своего рѣшенія по дѣлу братьевъ Валь. Когда же этотъ срокъ истекъ и Базель-Ландъ продолжалъ стоять на своемъ, карательныя мѣропріятія по отношенію къ кантону Базель-Ландъ вступили въ силу въ началѣ ноября 1835 г. Они заключались въ слѣдующемъ: гражданамъ кантона, которые обладали недвижимостью во Франціи, было воспрещено вывозить продукты своихъ земель, имъ не выдавались паспорта для въѣзда во Францію, ихъ лишили правъ, предоставленныхъ швейцарскимъ гражданамъ въ судопроизводствѣ во Франціи, согласно заключенному съ Франціей договору и т. д.

Кантонъ, однако, не уступалъ и собирался въ видѣ возмездія вообще запретить евреямъ всякое пребываніе, даже временное, въ кантонѣ. Такъ какъ «война» между Франціей и кантономъ была объявлена зимой, когда крестьяне-граждане кантона, располагавшіе земельными участками въ Эльзасѣ, все равно не имѣли надобности отправляться туда, населеніе кантона относилось совершенно спокойно къ репрессивнымъ мѣропріятіямъ Франціи. Когда въ засѣданіяхъ ландрата заходила рѣчь о конфликтѣ съ Франціей, нѣкоторые члены говорили о «наглости» Луи-Филиппа и что «если французскій король показываетъ кантону кулакъ, мы въ свою очередь можемъ ему отвѣтить тѣмъ же».

Федеральное правительство старалось уладить конфликтъ между миніатюрнымъ кантономъ и Франціей. Нѣкоторые кантоны стали выражать сочувствіе Базель-Ланду не только потому, что одобряли антиеврейскія тенденціи его правительства, но также и потому, что видѣли въ этомъ конфликтѣ насиліе со стороны могущественнаго французскаго королевства надъ слабой республикой. Съ другой стороны, и Франціи этотъ инцидентъ, повидимому, надоѣлъ. Вначалѣ Франція была увѣрена, что Базель-Ландъ скоро сдастся и министерскій органъ «Journal des Débats» писалъ, что «on enverra un caporal pour mettre Bâsle-Campagne à la raison».

Во Франціи произошла въ то время смѣна министерства, и мѣсто герцога Бройля занялъ Тьеръ. Новый премьеръ тоже заявилъ, что Базель-Ландъ долженъ исполнить требованіе Франціи. Но упорство базельскихъ крестьянъ все-таки побудило французское правительство склониться къ компромиссу. Съ другой стороны приближеніе лѣта и невозможность справиться съ полевыми работами на принадлежащихъ жителямъ кантона земляхъ въ Эльзасѣ заставила и Базель-Ландъ искать какого-либо выхода въ этомъ столкновеніи. Обѣ

стороны сошлись на предложеніи новаго французскаго посланника въ Швейцаріи Монтебелло, который совѣтовалъ превратить весь споръ въ вопросъ о вознагражденіи. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ братья Валь отказались отъ своей покупки взамѣнъ возмѣщенія убытковъ, которые были опредѣлены французскимъ посломъ въ размѣрѣ 25.000 фр. Восьмого августа 1836 г. французскій посланникъ и представитель кантона подписали актъ о соглашеніи, и 15 августа королевскій указъ о прекращеніи сношеній между Франціей и кантономъ Базель-Ландъ былъ отмѣненъ и «блокада» кантона снята.

Кантонъ и послѣ этого инцидента продолжалъ относиться крайне враждебно къ евреямъ, и еще въ 1851 г. былъ принятъ вышеупомянутый законъ, допускавшій только временное жительство евреевъ въ кантонѣ и запрещавшій имъ всякую торговую дѣятельность, за исключеніемъ посѣщенія ярмарокъ. Трудно представить себѣ, какими реальными мотивами было вызвано такое отношеніе къ евреямъ, такъ какъ число евреевъ въ кантонѣ было совершенно ничтожно (въ 1850 г. всего 15 человѣкъ). Можно сомнѣваться, соотвѣтствовало ли такое отношеніе къ евреямъ дѣйствительному настроенію большинства жителей кантона, такъ какъ въ 1866 г., когда былъ поставленъ на очередь вопросъ о гражданскомъ равноправіи евреевъ, при народномъ голосованіи въ кантонѣ Базель-Ландъ за равноправіе было подано 4245 противъ 2612. Трудно себѣ объяснить, какія причины могли вызвать въ такомъ консервативномъ элементѣ, какъ крестьянское населеніе кантона Базель-Ландъ, такой рѣзкій поворотъ въ пользу евреевъ всего 15 лѣтъ спустя послѣ изданія крайне неблагопріятнаго для евреевъ закона 1851 года. Поэтому приходится сказать, что въ предшествовавшихъ народному голосованію 1866 г. мѣропріятіяхъ по отношенію къ евреямъ настроеніе большинства выражалось недостаточно правильно.

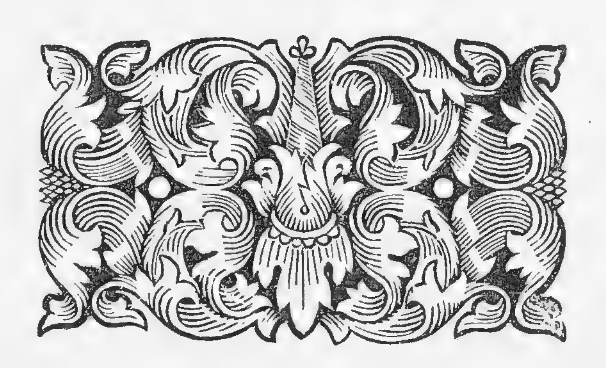
Исторія конфликтовъ между Швейцаріей и иностранными государствами очень поучительна въ томъ отношеніи, что она представляетъ полную аналогію съ недавнимъ русско-американскимъ столкновеніемъ по тому же поводу. Подобно аргументаціи русскихъ оффиціозовъ, и въ Швейцаріи во время этихъ конфликтовъ отстаивалась мысль, что требованіе одинаковыхъ правъ для иностранныхъ евреевъ съ не-евреями является попыткой вмѣшательства во внутреннія дѣла Швейцаріи, съ чѣмъ самостоятельное государство не можетъ мириться. И представителямъ иностранныхъ государствъ приходилось доказывать довольно ясную само по себѣ истину, что отстаиваніе правъ своихъ гражданъ не есть вмѣшательство во внутреннія дѣла другого государства

и что, если каждое самостоятельное государство имѣетъ право издавать для своихъ гражданъ тѣ законы, которые оно считаетъ цѣлесообразными, оно не можетъ ограничивать въ прававъ гражданъ чужихъ государствъ. Въ запискѣ, представленной посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ Швейцаріи Теодоромъ Фейемъ (Fay) швейцарскому правительству 26 мая 1850 г., въ которой содержится критическій разборъ мотивовъ антиеврейскаго законодательства въ Швейцаріи, посланникъ ясно формулируетъ отношеніе американскаго правительства къ своимъ гражданамъ, которые дѣлаютъ для него невозможнымъ допустить ограниченіе американскихъ евреевъ въ правахъ въ Швейцаріи. Законы Соед. Штатовъ, говоритъ онъ, гарантируютъ равноправіе всѣмъ гражданамъ безъ различія вѣроисповѣданія, «въ силу конституціи американскій конгрессъ не имѣетъ права принимать во вниманіе религію при изданіи законовъ. Американскіе граждане имѣютъ право требовать отъ своего правительства, чтобы оно ихъ въ одинаковой мѣрѣ защищало за-границей... Слова еврей и христіанинъ въ конституціи и въ законахъ Соед. Штатовъ неизвѣстны». «Швейцарія и Соед. Штаты, продолжаетъ онъ, связаны оживленными торгово-промышленными сношеніями. Отъ ограничительныхъ законовъ противъ евреевъ въ различныхъ швейцарскихъ кантонахъ могутъ страдать тысячи еврейскихъ гражданъ въ Америкѣ. Американское правительство поэтому обязано прійти имъ на помощь, и развѣ могутъ просвѣщенные государственные люди предъявить ему обвиненіе во вмѣшательствѣ въ законодательство (Швейцаріи)?».

Доводы американскаго посланника тогда не подѣйствовали на швейцарское правительство, и лишь въ 1864 г. другому иностранному государству, Франціи, удалось добиться для своихъ еврейскихъ гражданъ равноправія въ Швейцаріи. И та быстрота, съ которою за признаніемъ правъ еврейскихъ гражданъ иностранныхъ государствъ послѣдовало осуществленіе еврейскаго равноправія въ самой Швейцаріи, обнаруживаетъ истинную подкладку сопротивленія, которое такъ долго оказывала маленькая республика требованію допущенія иностранныхъ евреевъ. Сущность вопроса заключалась не въ стремленіи оберегать самостоятельность внутренняго швейцарскаго законодательства, а въ сознаніи логической невозможности сохранить антиеврейское законодательство Швейцаріи при предоставленіи полной свободы жительства, передвиженія и занятія иностраннымъ евреямъ. И лишь только Швейцарія была вынуждена согласиться на допущеніе иностранныхъ евреевъ наравнѣ съ христіанами, въ виду невозможности заключить на другихъ условіяхъ выгодные для нея торговые

договоры, она не могла не сдѣлать и дальнѣйшаго вывода. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ заключенія торговаго договора съ Франціей, въ которомъ уже не содержалось упоминанія о религіи, какъ въ Швейцаріи народнымъ голосованіемъ 14 января 1866 г. былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ, логически вытекавшій изъ этого акта,—т.-е. было принято гражданское равноправіе швейцарскихъ евреевъ.

И. Левинъ.

Критика и библіографія.

Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный Сборникъ. М. и П. 1914. Изд. Думнова. Ц. 2 р. 25 к.

Девять статей, вошедшихъ въ названный Сборникъ, расположены по нѣкоторому плану, который мы позволимъ себѣ нарушить, обращаясь къ разсмотренію ихъ не по порядку, а по степени значительности очерковъ для выясненія духовнаго облика Лермонтова. Начнемъ все-таки съ первой статьи.

П. Н. Сакулинъ называетъ Лермонтова—«спорнымъ поэтомъ». Не въ томъ смыслѣ, конечно, какъ этотъ эпитетъ примѣнялся, напримѣръ, къ Некрасову, о которомъ, дѣйствительно, были споры, насколько признавать его поэтомъ? Съ этой точки зрѣнія Лермонтовъ внѣ всякихъ вопросовъ: онъ вполнѣ «безспорный поэтъ», и уже Бѣлинскій видѣлъ «начало примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова» (статья 1841 г.). Вопросъ касается лишь «внутренняго смысла его творчества» или, точнѣе, его міросозерцанія, его «философіи», какъ выразился П. Н. Сакулинъ.

Дѣйствительно, даже не восходя къ первымъ этапамъ критики Лермонтова съ 40-хъ по 80-ые годы, вспоминая лишь критиковъ, выступившихъ съ 90-хъ годовъ м. в. по случаю 50-лѣтія со дня смерти Лермонтова,—Вл. Соловьева, Мережковскаго, Андреевскаго, Спасовича, Н. Котляревскаго,—мы должны признать, что они не во всемъ сходятся въ опредѣленіи «внутренняго смысла» поэзіи Лермонтова; въ нѣкоторыхъ пунктахъ вопросъ еще остается открытымъ и возможны еще новыя толкованія, новыя догадки объ истинномъ значеніи сокровеннаго смысла поэтическихъ образовъ Лермонтова. П. Н. Сакулинъ останавливается на одномъ вопросѣ, полемизируя главнымъ образомъ съ Д. С. Мережковскимъ. Вопросъ формулированъ въ заглавіи очерка: «Земля и небо въ поэзіи Лермонтова», и въ то время, какъ Мережковскій выдвигаетъ по преимуществу мистико-религіозное стремленіе Лермонтова ввысь, къ «небу»,

Сакулинъ какъ бы возвращаетъ его на землю, указывая на тяготѣніе къ жизни, на его «жажду бытія». Оба стремленія были несомнѣнно присущи Лермонтову и, разумѣется, П. Н. Сакулинъ этого не отрицаетъ, добросовѣстно иллюстрируя цитатами обѣ стороны творчества Лермонтова. Вопросъ лишь въ томъ—какое изъ этихъ стремленій одерживало верхъ, вопросъ въ опредѣленіи направленія, въ которомъ эволюціонировалъ Лермонтовъ, въ конечныхъ выводахъ, къ которымъ поэтъ пришелъ, и въ вѣроятномъ дальнѣйшемъ развитіи его поэзіи, если бы смерть такъ рано не пресѣкла его дѣятельности.

Авторъ замѣчаетъ, что «земные мотивы» Лермонтовской поэзіи—«можно назвать *органическими*» (курс. подл.), «поэтому-то за ними стоитъ не только психологія поэта, но, если хотите, и его физіологія» (25). Отмѣтивъ мотивы «богоборчества» въ раннемъ періодѣ его творчества, «демонизмъ»—въ смыслѣ промежуточнаго положенія между небомъ и землей, душевныхъ сумерокъ—въ среднемъ періодѣ, П. Н. Сакулинъ полагаетъ, что къ концу жизни Лермонтову все яснѣе стала представляться «*самоцѣнность* жизни (курс. подл.), ея самодавлѣющее значеніе» (50). «Постепенно антитеза земли и неба смягчается, какъ только землѣ an und für sich воздается должное... Земля оправдана поэтомъ не только ради свободы его «я», но и ради нея самой. Богоборчество становится излишнимъ, и мысль, а еще болѣе чувство, стремится постулировать гармонію космоса. Таково устремленіе творческихъ исканій Лермонтова» (55). Эта схема, по существу, не столь противорѣчитъ, какъ это кажется П. Н. Сакулину, тезису Мережковскаго, что у Лермонтова «обратное движеніе» тому, которое намѣчается въ христіанствѣ, то-есть движеніе не отъ міра сего къ иному, высшему, потустороннему, «*отсюда туда*», а наоборотъ—«*оттуда сюда*». Вопросъ въ пріемлимости или непріемлимости міра, какъ у Ивана Карамазова. Его устами Достоевскій высказался за «непріемлемость», исходя изъ апріорныхъ, идеалистическихъ требованій. Лермонтову, еще раньше, именно «звуки той пѣсни»,—небесной, пропѣтой ангеломъ,—не могли заглушить «скучныя пѣсни земли». Душа его живетъ воспоминаніями о небесномъ; она опустилась «оттуда сюда», и хотя бы открылась ей и «самоцѣнность жизни» и возможная «пріемлемость міра», но міра не въ томъ видѣ, каковъ онъ есть, а въ преобразованномъ, исправленномъ, улучшенномъ согласно идеальнымъ запросамъ души. До какихъ-либо проектовъ реальныхъ реформъ, исправленія строя и порядковъ жизни Лермонтовъ не додумался, да эта задача выходитъ за предѣлы чисто поэтическаго творчества. Могла она намѣчаться изъ воле-

выхъ импульсовъ характера и поэзіи Лермонтова: «И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ противостоять твердой волѣ человѣка,—писалъ онъ въ ранней повѣсти—«Вадимъ». Воля заключаетъ въ себѣ всю душу,... воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего создаетъ чудеса»... «Душѣ все внѣшнее подвластно!» («Измаилъ-Бей»). При такомъ взглядѣ на значеніе воли и свободныхъ импульсовъ въ характерѣ человѣка, вполнѣ послѣдовательно было бы перейти къ «идеальному строительству жизни»—тема, отмѣченная въ поэзіи Лермонтова проф. Замотинымъ. Но мы не знаемъ, была ли въ Лермонтовѣ достаточная вѣра въ исправимость міра, и можемъ сомнѣваться, чтобы его поэтическія мечтанія приняли конкретныя очертанія какого-нибудь соціальнаго ученія или отлились въ форму хотя бы общей гуманитарной доктрины. Разочарованность Лермонтова отнюдь не была напускной; проф. Сиповскій называетъ его дуэль съ Мартыновымъ—«замаскированнымъ самоубійствомъ», предполагая очевидно, что Лермонтовъ не достигъ примиренія съ жизнью въ томъ видѣ, по крайней мѣрѣ, какой она представлялась въ его время, и не зная выхода. Наконецъ, и самъ П. Н. Сакулинъ высказываетъ замѣчаніе, что—«ни различныя теодицеи, ни философія, ни наука не устранили еще той дисгармоніи, которую ощущаетъ человѣкъ въ своемъ бытіи» (55). Между тѣмъ для устраненія этой дисгармоніи есть только два пути: переустройство жизни на основаніи данныхъ научнаго знанія или вѣра въ возможное перерожденіе человѣка, въ силу религіозныхъ побужденій. Вторымъ путемъ со временемъ пошелъ Левъ Толстой, и намъ сдается, что именно этотъ путь былъ болѣе доступенъ и поэтической натурѣ Лермонтова. Впервые на связь и преемственность Лермонтова и Толстого указалъ Мережковскій, а развито это положеніе Л. Семеновымъ.

Религіозному міросозерцанію Лермонтова посвященъ въ Юб. Сборникѣ другой очеркъ—С. В. Шувалова. Авторъ не задается цѣлью творческаго возсозданія религіи Лермонтова по совокупномъ разсмотрѣніи его поэтической концепціи, а выписываетъ цитаты въ поясненіе взглядовъ поэта на вопросы: о душѣ и будущей жизни, о божествѣ и отношеніи его къ міру и человѣку, о смыслѣ человѣческаго существованія. Авторъ приходитъ къ заключенію, нѣсколько разнящемуся отъ выводовъ П. Н. Сакулина. Во 1-хъ, въ итогѣ все-таки преобладаетъ пессимизмъ Лермонтова, а, во 2-хъ, авторъ полагаетъ, что главный источникъ этого пессимизма заключается—«въ способности (поэта)

непосредственно видѣть небесный міръ», а стало быть и въ его отчужденности отъ земли. Г. Шуваловъ не отрицаетъ нѣкотораго поворота «въ концѣ жизненнаго пути» Лермонтова въ сторону «простоты и смиренія, гармоніи духа и любви къ Богу и людямъ», но—«все же остается неизвѣстнымъ, пошелъ ли бы (онъ) по новому пути, или возвратился на старый» (164). Конечно, «тайна будущаго духовнаго развитія Лермонтова», если бы онъ остался живъ, не можетъ быть полностью раскрыта, но схема эволюціи Лермонтова, представленная Сакулинымъ, болѣе убѣдительна въ томъ отношеніи, что имѣетъ за собой нѣкоторыя психологическія основанія. Возвращеніе на старый путь въ большинствѣ случаевъ немыслимъ. То, что разъ пережито, отъ чего, по выраженію Лермонтова, онъ самъ уже «отдѣлался стихами», врядъ ли можетъ имъ вновь владѣть. Поэтому, путь дальнѣйшаго развитія будетъ всячески новымъ, только направленіе его до извѣстной степени намѣчается уже использованными мотивами творчества. Извѣстные переходы Лермонтова—«отъ вѣры къ сомнѣнію и наоборотъ» могли бы, конечно, разрѣшиться и полнымъ разрывомъ съ офиціальной церковью. Но вѣдь «религіозность» не исчерпывается согласіемъ съ нею, и расхожденіе съ ортодоксальной догматикой не служило бы препятствіемъ къ выработкѣ новаго міросозерцанія, по сущности все же религіознаго. На нашъ взглядъ Лермонтовъ и развивался въ этомъ направленіи и его «пріятіе міра» обязательно влекло за собой цѣль и надежду—видѣть міръ преобразованнымъ.

Лермонтова проф. М. Н. Розановъ считаетъ послѣдователемъ Руссо, или, какъ авторъ выражается,—«руссоистомъ». Отчасти онъ подошелъ къ Руссо черезъ посредство Байрона, отчасти непосредственно, хотя только въ двухъ случаяхъ имѣются прямыя указанія на знакомство съ Руссо: поэтъ прочелъ «Новую Элоизу» и «Исповѣдь». Сходство настроеній въ противоположеніи дѣвственной красоты природы и испорченности человѣка, отрицательныхъ сторонъ культуры и т. д., несомнѣнно, есть у обоихъ писателей и возможно, что Лермонтовъ взялъ у Руссо мысль, которой сочувствовалъ. Но если даже общеизвѣстное вліяніе Байрона на Лермонтова, отразившееся въ цѣломъ рядѣ заимствованныхъ образовъ, мотивовъ, сюжетовъ не помѣшало ему съ полнымъ правомъ сказать о себѣ:—«нѣтъ я не Байронъ—я другой, еще невѣдомый, избранникъ, какъ онъ, гонимый міромъ странникъ, но только съ русской душой»,—то, еще съ большимъ основаніемъ, онъ могъ бы протестовать противъ эпитета—«руссоистъ». Отличій больше, чѣмъ сходства. Мысль о преимуществахъ непочатой природы носилась тогда въ воздухѣ, и, какъ

думается, пребываніе на Кавказѣ, а главное — прирожденное, глубокое чувство природы, которое нельзя привить, которое Лермонтовъ не могъ ни у кого заимствовать, сыграли гораздо большую роль въ выработкѣ его міросозерцанія, чѣмъ то, что онъ вычиталъ у Руссо. Вл. Соловьевъ остроумно замѣтилъ, что «Лермонтовъ не былъ подражателемъ Байрона, а его младшимъ братомъ». Онъ не былъ и «руссоистомъ», а единомышленникомъ Руссо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. А ту тираду изъ «Умирающаго гладіатора», въ которомъ г. Розановъ видитъ «стихотворное резюмэ знаменитаго трактата Руссо о наукахъ и искусствахъ» (366—7), конечно, надо объяснять иначе,—какъ это раньше и дѣлалось,—вѣяніями славянофильства. Нельзя искать окольныхъ объясненій тому, что ясно изъ прямой связи съ окружающимъ.

Правильнѣе отнесся къ вопросу о вліяніяхъ Н. Л. Бродскій, указывая на ближайшіе источники нѣкоторыхъ мотивовъ поэзіи Лермонтова въ современной ему русской литературѣ и въ общественной жизни Россіи и Зап. Европы въ очеркѣ: «Поэтическая исповѣдь русскаго интеллигента 30—40-хъ годовъ»[1]). Напротивъ авторъ слѣдующей за ней статьи, «Поэзія одинокой души», И. М. Соловьевъ, доказываетъ, что сознаніе своего одиночества въ Лермонтовѣ было сильнѣе его связи съ «русской интеллигенціей» данной поры. Не даромъ Бѣлинскій, признавая, что Лермонтовъ «объективировалъ современное общество и его пред-

---

[1]) «Пѣвецъ свободной личности», говоритъ г. Бродскій о юныхъ годахъ поэта, онъ желалъ и общественно-политической свободы. Вмѣстѣ съ юными соціалистами, товарищами по университету, онъ питалъ «прекрасную мечту земного, общаго братства», у него «при одномъ названіи свободы сердце вздрагивало» (1830 г.); одновременно съ кружкомъ Герцена, живо слѣдившимъ за іюльской революціей, Лермонтовъ откликается на революціонный переворотъ 1830 г. во Франціи, онъ привѣтствуетъ возставшихъ за «независимость страны», поднявшихъ «знамя вольности кровавой» противъ «самодержавія сыновъ», считаетъ виновникомъ «брызнувшей въ Парижѣ крови» короля, погибшаго потому, что «полагалъ народъ унизить подъ ярмомъ»:

О! чѣмъ заплатишь ты, тиранъ,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь гражданъ?

Лермонтова волнуютъ и разныя событія современной общественной жизни онъ откликается на волненія по поводу холеры 1830 г., на возстаніе военныхъ поселеній, негодуя на «тирана» Аракчеева; рѣзко чертитъ ужасы крѣпостничества. (стр. 91). Отмѣчая мотивы юношескаго творчества Лермонтова, его біографъ, Дм. Абрамовичъ, говоритъ: «называя свою отчизну Турціей, дикимъ краемъ, страной рабства и цѣпей, поэтъ горячо привѣтствуетъ проявленіе борьбы съ тираніей и мечтаетъ о низверженіи сомодержавія». Въ 1839 г. Лермонтова посѣщалъ «кружокъ шестнадцати», гдѣ «все обсуждали съ полнѣйшей непринужденностью и свободой, какъ будто бы III-го Отдѣленія Собств. Е. В. Канцеляріи и не существовало». (Біогр. Лермонтова въ «Рус. Біогр. словарѣ», Спб. 1914 г. стр. 277, 292). *Ред.*

ставителей», замѣтилъ, въ письмѣ къ Боткину, описывая свое свиданіе съ Лермонтовымъ на гауптвахтѣ,—«Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ» (*А. Н. Пыпинъ*, Бѣлинскій его жизнь и переписка 1908, изд. 2, стр. 303). Но именно «понятіями», а не свойствами личности, опредѣляется типъ интеллигента.

Интересна по замыслу, построенію и нѣкоторымъ выводамъ статья В. М. Фишера, занимающая центральное мѣсто въ Юб. Сборникѣ и по своему значенію Въ совершенно вѣрномъ раздѣленіи произведеній Лермонтова на двѣ группы: опыты и «достиженія», мы бы только нѣсколько расширили вторую группу, прибавивъ условныя достиженія; удачно выдѣлены образы поэта, особенности его стиля, языка, метрики; тщателенъ анализъ формы. Но авторъ слишкомъ перегибаетъ свойства поэзіи Лермонтова въ сторону модернизма. Едва ли правильно въ столь категоричной формѣ утверждать: «Лермонтовъ-импрессіонистъ» (211) на томъ лишь основаніи, что поэтъ былъ чутокъ къ красочнымъ впечатлѣніямъ; «Лермонтовъ-символистъ» (212), потому что онъ, между прочимъ, даетъ поводъ къ символическому толкованію нѣкоторыхъ его образовъ. Съ неменьшимъ правомъ авторъ могъ бы на третьей страницѣ добавить—«Лермонтовъ-реалистъ», ибо за примѣрами не пришлось бы гоняться—ихъ слишкомъ много (упомяну «Ночи» и описаніе сраженій на Валерикѣ, не говоря о классическихъ страницахъ реализма въ «Герои нашего времени»). Но авторъ, однако, умолчалъ объ этой весьма существенной сторонѣ творчества геніальнаго русскаго поэта.

Любопытны, но не много прибавляютъ къ пониманію «истиннаго смысла» поэзіи Лермонтова, статьи: «Отзвуки Лермонтова» (И. Н. Розанова)—прослѣжены отраженія нѣкоторыхъ образовъ, выраженій и сюжетовъ поэзіи Лермонтова въ русской литературѣ за 70 лѣтъ,—и «Вліяніе на творчество Лермонтова русской и европейской поэзіи» (г. Шувалова). Обильно черпая у своихъ предшественниковъ, подчиняясь временно разнымъ вліяніямъ, Лермонтовъ умѣетъ до такой степени быть самимъ собою, даже подражая или заимствуя, что способенъ привести въ полное уныніе изслѣдователей книжныхъ источниковъ его поэтическихъ замысловъ и произведеній. Къ нему въ особенности примѣнимъ французскій афоризмъ: le plagiat n'est un vol que pour les médiocrités.

Что же касается статьи Н. М. Мендельсона: «Народные мотивы въ поэзіи Лермонтова», съ тщательно подобраннымъ матерьяломъ народно-былевой поэзіи къ немногимъ произведеніямъ Лермонтова, поддающимся сближенію съ русской народной

поэзіей, то все же остается въ силѣ замѣчаніе Мережковскаго: «отъ народа къ намъ идетъ Пушкинъ; отъ насъ къ народу—Лермонтовъ». Поправки требуетъ лишь слѣдующая затѣмъ оговорка: «пусть не дошелъ»... Конечно, дошелъ, и доказательствомъ служатъ хотя бы превосходныя «Пѣснь про купца Калашникова» и «Бородино».

Мы бѣгло разсмотрѣли всѣ статьи Юб. Сборника. Въ цѣломъ эта книга должна, конечно, встрѣтить сочувствіе у всѣхъ интересующихся поэтическимъ наслѣдствомъ Лермонтова съ историко-литературной и историко-критической точки зрѣнія, хотя не всѣ выводы отдѣльныхъ авторовъ согласованы между собой и не всѣ мнѣнія пріемлемы. Столѣтіе со дня рожденія Лермонтова не вызвало такого подъема и такихъ откровеній въ новой переоцѣнкѣ его значенія, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по случаю 50-тилѣтія кончины. Можетъ быть это было слишкомъ недавно и не настало еще время судить по новому геніальнаго поэта, особенно увлекшаго поколѣнія 90-хъ годовъ прошлаго и перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка. Ничего особенно значительнаго не дала намъ юбилейная литература о Лермонтовѣ, но московскій Сборникъ представляется весьма полезнымъ вкладомъ для изученія Лермонтова: это тщательно и любовно сплетенные листки, трудолюбиво собранные и благоговѣйно возлагаемые въ видѣ вѣнка на могилу поэта. И, повидимому, есть все же одна существенная поправка къ прежнему отношенію къ Лермонтову представителей старшаго, отошедшаго поколѣнія, которая вытекаетъ какъ общій выводъ и изъ разсмотрѣннаго Сборника: Спасовичъ находилъ, что можно скорѣе удивляться Лермонтову, чѣмъ любить его. Мнѣ кажется, что мы теперь его любимъ.

Ѳ. Батюшковъ.

В. Евгеньевъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ. Москва. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. 1914. II+313 стр.

Некрасовъ всегда былъ популяренъ. Не говоря уже о быломъ шумномъ успѣхѣ, и до нашихъ дней онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе читаемыхъ русскихъ поэтовъ. Немудрено, что вокругъ него накопилась обширная критическая литература. Извѣстныя хрестоматіи г.г. Зелинскаго и Покровскаго не собрали на свои страницы и малой доли того, что писалось и пишется о Некрасовѣ. Суровая муза его, при этомъ, всегда возбуждала страсти и пристрастія, и въ литературныхъ сужденіяхъ о Некрасовѣ всегда чувствуется раздраженіе полемики—за или противъ писателя. Но и Некрасовъ, какъ и вся его эпоха, все дальше отходятъ

въ исторію, и пора уже изучать его сколько-нибудь объективно, научно-исторически. Кое-что для такого изученія сдѣлано или приготовлено, особенно съ 1903 г., когда исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня его смерти. Этой годовщиной была вызвана извѣстная книга А. Н. Пыпина, гдѣ читатели нашли цѣнныя воспоминанія о Некрасовѣ славнаго историка, столь близко стоявшаго къ редакціи «Современника», нѣкоторыя историко-литературныя данныя, а главное—письма Некрасова къ И. С. Тургеневу за 1847—1861 г.г. Постепенно въ печати накопилось изрядное количество и другихъ писемъ Некрасова, драгоцѣнныхъ для изученія его личности и дѣятельности (напримѣръ, письма къ Л. Н. Толстому въ «Нивѣ» 1898, къ М. В. Авдѣеву въ «Русской Старинѣ» 1902, къ разнымъ лицамъ въ «Русской Мысли» 1902, въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1903, въ «Современникѣ» 1913, къ А. М. Жемчужникову въ «Русской Мысли» 1913, и др.; полнаго списка такихъ публикацій, къ сожалѣнію, не имѣется ни въ одной библіографіи по Некрасову). Опубликованы и многія воспоминанія о немъ: Панаева, Головачевой-Панаевой, Достоевскаго, Антоновича, П. Ковалевскаго, Боборыкина, Вейнберга, Плещеева, Златовратскаго, Потанина и еще нѣкоторыхъ другихъ. Съ другой стороны, много сдѣлано для изученія и той общественной и литературной среды, въ которой вращался Некрасовъ. Особенно много помогли здѣсь недавнія работы Е. А. Ляцкаго о Чернышевскомъ (въ журналахъ «Современный Міръ» и «Современникъ»), богатыя неизданными матеріалами, какъ и полныя собранія сочиненій Чернышевскаго и Добролюбова. Но всего этого мало для историческаго познанія Некрасова. Многое и многое здѣсь еще не сдѣлано. Стоитъ только сказать, что у насъ нѣтъ полнаго собранія сочиненій поэта. Что имѣется на книжномъ рынкѣ—не заслуживаетъ такого названія. Всѣмъ намъ хорошо знакомое суворинское «полное собраніе стихотвореній Некрасова» совершенно неполно и вовсе неудовлетворительно въ смыслѣ исправности текста. Многое, уже извѣстное въ печати, сюда не вошло, а то, что попало сюда, часто подвергалось цензурнымъ вторженіямъ или типографскимъ искаженіямъ. Прозаическія же произведенія и совсѣмъ не были собраны въ отдѣльномъ изданіи. Объ этомъ много и съ негодованіемъ писалось въ печати, но собственники литературныхъ правъ на сочиненія Некрасова не удостаиваютъ вниманіемъ такія заявленія. Вышедшая въ 1911 г. книга Ч. Вѣтринскаго (Чешихина): «Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и несобранныхъ произведеніяхъ» наглядно показала, какъ могло бы обогатиться дѣйствительно «полное» собраніе сочиненій Некра-

сова. Въ этой книгѣ г. Вѣтринскій собралъ только то, что уже было напечатано въ разныхъ изданіяхъ (да и то далеко не все); рукописныхъ, неизданныхъ матеріаловъ онъ не касался. Между тѣмъ, общественные и частные архивы хранятъ много рукописей Некрасова и его писемъ, и здѣсь необходимо настойчивое и систематическое собираніе, результатомъ коего должно быть, наконецъ, научно-критическое изданіе всего литературнаго его наслѣдія. Нужны и другія архивныя разысканія матеріаловъ для внѣшней біографіи поэта. Наконецъ, наступаетъ очередь и историко-литературныхъ изученій въ собственномъ смыслѣ; исторія литературнаго творчества, развитіе языка, стиля, стиха, поэтическихъ образовъ и типовъ, воздѣйствіе западныхъ и русскихъ литературныхъ направленій, внутренній ростъ крупнѣйшихъ произведеній—все это настоятельныя задачи некрасовской исторіографіи.

Къ ихъ частичному осуществленію была направлена книга Владислава Максимова: «Литературные дебюты Н. А. Некрасова», вып. I (Спб., 1908). Здѣсь авторъ впервые подвергъ изученію забытыя юношескія стихотворенія Некрасова (сборникъ «Мечты и звуки») и его драматическія произведенія; въ приложеніи даны нѣкоторыя, частью впервые печатаемыя, юношескія произведенія Николая Алексѣевича. Дальнѣйшихъ выпусковъ изслѣдованія не послѣдовало, и въ ближайшіе къ 1908-му годы, кажется, никто не брался за спеціальныя работы по Некрасову. Теперь же у насъ въ рукахъ цѣлая книга г. Евгеньева. Авторъ уже обратилъ на себя вниманіе журнальными и газетными статьями о Некрасовѣ, всегда дававшими что-нибудь новое. Эти работы (далеко, впрочемъ, не всѣ) г. Евгеньевъ издалъ въ отдѣльномъ сборникѣ, и мы можемъ подвести нѣкоторый итогъ его трудамъ. Г. Евгеньевъ правильно понялъ очередныя задачи изученія Некрасова: онѣ состоятъ прежде всего въ собираніи новыхъ матеріаловъ. И онъ много сдѣлалъ въ этой области: въ разныхъ архивахъ онъ изучалъ автографы поэта, ему удалось собрать нѣкоторое количество неизданныхъ его писемъ, онъ записалъ новыя воспоминанія о Некрасовѣ, побывалъ на его родинѣ, изучилъ матеріалы Ярославской гимназіи, гдѣ учился Некрасовъ, разыскалъ и другія документальныя данныя, собралъ по возможности всю печатную литературу. Все это даетъ автору возможность высказаться по каждому излагаемому вопросу полнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ было доступно прежде. Книга распадается на двѣ части. Въ первой, біографической, наиболѣе цѣнной, разсказывается о родѣ Некрасовыхъ, объ отцѣ писателя, о гимназическихъ годахъ самого Некрасова,

о жизни его въ началѣ сороковыхъ годовъ, о роли его какъ редактора-издателя. Во второй части, литературно-общественной, авторъ говоритъ о Некрасовѣ, какъ «народолюбцѣ» и «пѣвцѣ героическихъ порывовъ русской интеллигенціи», о «современныхъ ему реакціонныхъ теченіяхъ», объ «отношеніи къ Некрасову интеллигентнаго общества и учащейся молодежи» и «читателей изъ народа», наконецъ, о «цензурныхъ мытарствахъ» Некрасова.

Не все одинаково цѣнно въ этой книгѣ. Наиболѣе силенъ и убѣдителенъ авторъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ опирается на новые, неизданные или неизученные матеріалы. Многіе его біографическіе и литературные экскурсы навсегда останутся полезными вкладами въ научное изученіе Некрасова. Въ общихъ оцѣнкахъ и характеристикахъ авторъ гораздо слабѣе. Въ книгѣ чувствуется узость взглядовъ и склонность къ шаблону въ сужденіяхъ. Авторъ благоговѣетъ передъ Некрасовымъ, онъ ревниво ограждаетъ его отъ разныхъ обвиненій, старыхъ и новыхъ, но дѣлаетъ это не всегда удачно. Противъ нѣкоторыхъ неловкостей его хочется настойчиво возражать. Такъ, напримѣръ, г. Евгеньевъ убѣждаетъ читателя, что «фактъ своей кровной связи съ дворянами-крѣпостниками поэтъ не только не замалчивалъ, но выдвигалъ и подчеркивалъ»; при этомъ онъ ссылается на четверостишіе Некрасова:

А въ дѣтяхъ видя подлецовъ,
И негодуютъ и дивятся,
Какъ будто отъ такихъ отцовъ
Герои гдѣ-нибудь родятся?

А въ поясненіе добавляетъ, что эта «кровная связь съ крѣпостниками» Некрасова «отразилась на его психическомъ складѣ, наградивъ его такими свойствами, которыя сдѣлали его неспособнымъ къ тому героизму, который основывается на самопожертвованіи и самоотреченіи». Эти странныя разсужденія и цитаты низводятъ Некрасова на уровень рядового представителя помѣщичьей среды, каковымъ, конечно, Некрасовъ не былъ. И стиль, и пріемы изложенія г. Евгеньева оставляютъ желать лучшаго; онъ часто впадаетъ въ газетный жаргонъ, иногда становится дѣтски наивнымъ. Приведя, напримѣръ, стихотвореніе: «Ты какъ поденщикъ выходилъ», онъ тутъ же перемазываетъ его «своими словами», а стихи и безъ того совершенно понятны. Въ другомъ мѣстѣ онъ увѣряетъ, что мысль *ребенка* Некрасова «заработала надъ соціальнымъ смысломъ крѣпостнической дѣйствительности...»

Впрочемъ, эти и подобные промахи и недостатки не перевѣшиваютъ достоинствъ книги. Это хорошая, полезная работа, и слѣдуетъ пожелать, чтобы авторъ и дальше продолжалъ работать надъ изученіемъ Некрасова такъ же усердно.

Н. Пиксановъ.

В. О. Переверзевъ. Творчество Гоголя. Москва. Книгоиздательство «Современныя проблемы». 1914. Стр. 360. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ новой книги о творчествѣ Гоголя начинаетъ съ того, что всѣ изслѣдователи Гоголя занимались не тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало. «Въ ту пору, какъ со стороны зависимости и связей гоголевское творчество изучалось въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, критика почти не касалась одного, пожалуй, наиболѣе существеннаго вопроса: что же такое творчество Гоголя само въ себѣ? Въ чемъ заключаются отличительныя особенности его художественныхъ созданій со стороны формы и содержанія? Критика все время ходила по той межѣ, гдѣ творчество Гоголя соприкасается съ окружающими явленіями жизни, внимательно всматриваясь въ узлы соприкосновенія и стараясь распутать ихъ. Но она не углублялась внутрь, въ сердцевину гоголевскаго творчества, не изучала внимательно тѣхъ зависимостей и связей, которыя объединяютъ разнообразные элементы и части его въ единый организмъ». Въ этомъ родѣ авторъ излишне много распространяется о томъ, что всѣ до него ходили кругомъ да около, одинъ онъ возьметъ быка за рога и дастъ намъ «детальную характеристику организма его (Гоголя) творчества». Это неумѣренно шумное противопоставленіе новой работы всему до сихъ поръ сдѣланному въ литературѣ о Гоголѣ производитъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе и даже заслоняетъ собою то немногое, простое и ясное, что сдѣлано г. Переверзевымъ въ его книгѣ. Ключъ къ творчеству Гоголя г. Переверзевъ видитъ въ томъ, что Гоголь былъ художникомъ мелкопомѣстной среды, подвергавшейся разложенію подъ вліяніемъ новыхъ условій экономической жизни. Въ сущности, авторъ возвращается, такимъ образомъ, къ давнишнему представленію о Гоголѣ, какъ писателѣ, прежде всего, бытовомъ, тѣсно связанномъ съ бытомъ николаевскаго времени. На первый планъ въ книгѣ выдвинута только одна сторона этого быта—экономическая. Она, конечно, много опредѣляетъ собою черты и характеры, изображенные въ творчествѣ Гоголя. Авторъ связываетъ съ разложеніемъ быта и романтическую струю творчества Гоголя, какъ бѣгство отъ данной дѣйствительности, уже неудовлетворяющей художника. Но зависимость Гоголя отъ уровня мнѣній и взглядовъ его среды давно

установлена въ литературѣ о немъ. Возвѣщая все это, какъ нѣчто новое, авторъ ломится въ открытую дверь. Книга, какъ очеркъ связный и продуманно-цѣльный, не лишена интереса, но авторъ, несомнѣнно, безконечно обѣднилъ творчество Гоголя, подогнавъ его къ одной и исключительной, какъ бы отметающей все остальное, точкѣ зрѣнія.

Ч. Вѣтринскій.

Аѳанасьевъ А. Н. Народныя русскія легенды. Подъ ред. И. П. Кочергина, съ прилож. портрета и воспоминаній А. Н. Аѳанасьева и двухъ статей А. Н. Пыпина. Казань. Изд. «Молодыя силы». 1914. Ц. 2 р.—*То же.* Редакція и предисловіе С. К. Шамбинаго. М. К-во «Современныя проблемы». 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Съ 1859 года и до нашихъ дней классическій сборникъ народныхъ легендъ Аѳанасьева находился подъ запретомъ и, конечно, сталъ дорогой библіографической рѣдкостью. Въ свое время книга была по достоинству оцѣнена и публикой (1200 ея экземпляровъ были раскуплены въ одинъ мѣсяцъ) и людьми науки, какъ Буслаевъ, Пыпинъ. Послѣдній на основаніи успѣха этой книги въ большой публикѣ готовъ былъ заключить, что «даже общество стало искренне интересоваться народной жизнью». Книга давала, дѣйствительно, свѣжій матеріалъ народно-поэтическаго «двоевѣрія» и любопытный къ нему комментарій. Но предпринятому вскорѣ новому изданію уже не суждено было появиться въ свѣтъ (оно вышло въ Лондонѣ и представляло точную перепечатку русскаго изданія). Пусть самъ Аѳанасьевъ справедливо находилъ въ этихъ народныхъ разсказахъ «въ милліонъ разъ больше нравственности, чѣмъ въ проповѣдяхъ, преисполненныхъ школьной реторики», но митрополитъ Григорій говорилъ, что книга собрана человѣкомъ, забывшимъ дѣйствіе совѣсти и издана раскольникомъ (К. Т. Содлатенковымъ, безкорыстнымъ издателемъ цѣлаго ряда научныхъ сочиненій), а московскій Филаретъ взывалъ къ оберъ-прокурору Св. Синода гр. Толстому о необходимости оградить религію отъ печатнаго кощунства. Книга, такимъ образомъ, помимо своего научнаго значенія, въ силу своей судьбы пріобрѣла и значеніе цѣннаго документа изъ недавняго прошлаго нашей культуры.

Въ наше время не можетъ быть двухъ мнѣній о высокой цѣнности и интересѣ собраннаго Аѳанасьевымъ матеріала для изученія народно-поэтическаго творчества, для уясненія народнаго міросозерцанія и для исторіи международнаго общенія въ области христіанской легенды. Появленіе переизданія книги можно только привѣтствовать. Одно изъ приведенныхъ выше изданій, именно

подъ ред. пр.-доц. С. К. Шамбинаго, уже было весьма горячо привѣтствовано и рекомендовано двумя солидными органами— «Библіографической Лѣтописью» (вып. I, 1914 г., подъ ред. Н. К. Никольскаго, изд. Императорскаго Общества Любителей древней письменности,) и «Русскимъ Филологическимъ Вѣстникомъ» (1914 г. № 3—4). Къ сожалѣнію, мы должны нѣсколько остановиться на рецензіяхъ этихъ органовъ. Совершенно справедливо оба рецензента предъявляютъ требованіе точности перепечатки стараго изданія и увѣряютъ своихъ читателей, что точность эта соблюдена: «при сличеніи текстовъ мы не замѣтили пропусковъ», говоритъ Лѣтопись; «редакторъ изданія, пр.-доц. С. К. Шамбинаго, отнесшійся бережно къ труду А. Н. Аѳанасьева, воспроизвелъ цѣнное собраніе легендъ послѣдняго можно сказать, въ неприкосновенномъ видѣ... Примѣчанія къ легендамъ повторены изъ прежняго изданія» (Р. Ф. В.).

Вопреки заявленіямъ авторитетныхъ органовъ мы считаемъ долгомъ предостеречь читателей отъ пріобрѣтенія изданія «Современныхъ проблемъ»; редакторъ его отнесся безъ необходимаго уваженія къ труду Аѳанасьева: изданіе испорчено, драгоцѣнныя примѣчанія къ легендамъ съ 21 № по 33 № опущены, недостаетъ больше тридцати страницъ (со 171 по 203). Предостерегая отъ одного изданія, мы позволимъ себѣ рекомендовать другое, казанское, дѣйствительно добросовѣстно воспроизводящее текстъ перваго изданія со всѣми его примѣчаніями и, кромѣ того, снабдившее его интересными статьями Пыпина и автобіографіей А. Н. Аѳанасьева.

Н. Сидоровъ.

П. Н. Обнинскій. Къ юбилею судебной реформы. Сборникъ статей. Подъ редакціей В. П. Обнинскаго. Со вступительною статьей акад. А. Ѳ. Кони. Изд. «Задруга». М. 1914. Цѣна 1 р. 50 к.

Говоря словами самого автора, судьба «избаловала его дѣятельность». Его первые студенческіе годы совпали съ послѣдними годами «стараго режима», съ половиною его университетскаго курса совпалъ переломъ, начавшійся вѣстью объ освобожденіи крестьянъ, затѣмъ настали годы судебной и земской реформы. Авторъ началъ свою работу мировымъ посредникомъ, работалъ въ земствѣ, въ судѣ. На его глазахъ происходило и калѣченіе судебной и другихъ реформъ. Въ напечатанныхъ въ сборникѣ восьми статьяхъ П. Н. Обнинскаго ярко вырисовывается нравственный обликъ покойнаго. Ему чуждъ холодный стиль безстрастнаго лѣтописца. Даже тамъ, гдѣ онъ повѣствуетъ о томъ, что было четверть вѣка назадъ, онъ—весь волненіе,

весь проникнутъ то восторгомъ, то негодованіемъ и щедрою рукою повсюду разсыпаетъ блестки сарказма и остроумія.

Въ первой статьѣ «Среди крушенія крѣпостного права» авторъ вспоминаетъ работу мировыхъ посредниковъ. Эта большая статья съ интересными жанровыми картинками работы мирового посредника то передъ шумною, кричащею толпою крестьянъ, то въ помѣщичьихъ усадьбахъ, написанная въ мягкихъ тонахъ, заканчивается суровою, но справедливою оцѣнкою разразившейся реакціи, когда начавшая пробуждаться деревня «заснула и пробуждалась только ревомъ скота, угоняемаго за недоимку, да стонами бабъ, съ нимъ прощавшихся». Едва ли не лучшею въ сборникѣ является статья, въ которой авторъ сравниваетъ институтъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ. Мировой судья является для него олицетвореніемъ живого начала законности, справедливости и человѣчности, судьею-человѣкомъ, способнымъ слышать «бабьи стоны» и «дѣтское горе». Авторъ рисуетъ и обликъ земскаго начальника, «отъ котораго становится жутко на душѣ», съ его «тыканіемъ на судоговореніи, мордобитіемъ на сельскомъ сходѣ, безпротокольными арестами, пристрастіемъ къ розгѣ» (стр. 107). Кое-что описанное авторомъ отошло въ область прошлаго, но, къ сожалѣнію, не все стало прошлымъ, а если и стало имъ, то, во всякомъ случаѣ, очень недалекимъ прошлымъ.

Какъ особенность автора, проявляемую имъ во всѣхъ его работахъ, мы отмѣтили бы его стремленіе изслѣдовать причины интересовавшихъ его явленій. Въ этихъ попыткахъ всегда подчеркивается значеніе политическихъ и вообще соціальныхъ условій. Такъ, въ статьѣ «Область изслѣдованія на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи» П. Н. Обнинскій привѣтствовалъ стремленіе присяжныхъ засѣдателей выяснить вліяніе соціальной среды на преступника и отмѣчалъ, что новыя работы въ области науки уголовнаго права все «чаще и чаще снимаютъ карантинные посты между судомъ и обществомъ, правомъ и жизнью, юридическою моралью и общечеловѣческою этикою и отводятъ болѣе и болѣе широкое мѣсто общественнымъ факторамъ въ сферѣ личной преступности» (стр. 184). Въ статьѣ «Откуда идетъ деморализація нашей адвокатуры» авторъ, называя свой методъ работы «соціально-физіологическимъ», связываетъ отрицательныя явленія въ адвокатурѣ съ политической реакціей; грѣхи адвокатуры онъ считаетъ общими грѣхами; въ адвокатурѣ они лишь ярче бросаются въ глаза. Опровергая мнѣніе, бывшее одно время ходячимъ, что деморализація адвокатскаго сословія вызвана принципіальными условіями, положенными въ ея основу Судебными Уставами, П. Н. Обнинскій останавливалъ

руку тѣхъ, кто были готовы «рубить дерево, обладающее жизненными соками и ожидающее только новой весны, чтобы покрыться пышною зеленью».

Предпосланное книгѣ введеніе А. Ѳ. Кони даетъ характеристику П. Н. Обнинскаго и, какъ всегда, блестяще написанную.

Слѣдуетъ пожалѣть, что редакція, перепечатывая статьи П. Н. Обнинскаго, не указываетъ времени, когда онѣ были напечатаны впервые.

Мих. Гернетъ.

А. И. Успенскій. Императорскіе дворцы. 2 тома. Москва, 1913.

Два громадныхъ тома in quarto представляютъ роскошнѣйшее изданіе. Художественная часть этого изданія прежде всего бросается въ глаза, при его просмотрѣ: она такъ хороша, что какъ бы переноситъ насъ и въ старый Петербургъ, и въ разныя, болѣе или менѣе живописныя, мѣстности расположенія императорскихъ дворцовъ, и въ самые эти дворцы, она такъ отчетлива и подробна, что позволяетъ изучить многія замѣчательныя детали, какъ внутри, такъ и внѣ дворцовъ, какъ то: разныя парадныя и жилыя помѣщенія съ ихъ обстановкой, портреты, картины, статуи, фонтаны и проч. Бездна средствъ, вкуса, таланта и труда потребовалось на созданіе этихъ то величественныхъ и громоздкихъ, то изящныхъ и граціозно-легкихъ дворцовъ.

Изданіе А. И. Успенскаго заключаетъ въ себѣ обширный матеріалъ для всесторонней и подробной исторіи императорскихъ дворцовъ: всѣ постройки, пристройки, передѣлки, съ архитекторами, составлявшими планы ихъ, руководившими работой, съ живописцами и скульпторами, украшавшими эти архитектурныя созданія, наконецъ, со всей мелочной, дѣловой стороной подобныхъ предпріятій, — все это демонстрируется предъ читателемъ на основаніи всевозможныхъ источниковъ, въ томъ числѣ и многочисленныхъ рукописныхъ, впервые извлеченныхъ неутомимымъ изслѣдователемъ на свѣтъ Божій изъ разныхъ архивовъ, но преимущественно, разумѣется, дворцоваго вѣдомства. Историкъ русскаго искусства несомнѣнно обратитъ вниманіе какъ на художественную часть изданія, такъ и на все, относящееся къ ней въ самомъ текстѣ, и дастъ этой части компетентную оцѣнку. Моя цѣль другая. Въ качествѣ общаго историка, я позволю себѣ остановиться на томъ, что̀ настоящее изданіе дастъ для характеристики тѣхъ, которые жили въ этихъ прекрасныхъ дворцахъ, а также для характеристики быта высшихъ сферъ и примыкавшаго къ нимъ общества. Для всего этого въ капиталь-

ной книгѣ А. И. Успенскаго собранъ обильный матеріалъ. Свѣдѣнія, которыя мы здѣсь находимъ для характеристики владѣльцевъ дворцовъ, большею частью не внося чего-либо новаго въ существующія о нихъ въ исторической литературѣ представленія, все же иногда заключаютъ въ себѣ нѣчто такое, что извѣстному сообщаетъ болѣе отчетливыя очертанія или прибавляетъ къ нему нѣкій штрихъ, почему-либо остающійся до сихъ поръ въ тѣни.

Такъ, напр., Петръ Великій, по давно установившейся традиціи, рисуется воображенію, какъ человѣкъ, совершенно чуждый такъ называемымъ изящнымъ искусствамъ, какъ поклонникъ только полезнаго и практически необходимаго въ жизни; а между тѣмъ оказывается, что этотъ яко-бы исключительный утилитаристъ, бомбардиръ и матросъ, будучи за границей и занимаясь тамъ прежде всего тѣмъ, что ему представлялось нужнымъ для государства въ первую голову, въ то же время не оставлялъ своимъ дѣятельнымъ вниманіемъ и тѣхъ тонкихъ продуктовъ европейской культуры, которые лишь украшаютъ и облагораживаютъ человѣческую жизнь. Петръ на столько интересовался за границей живописью, что, при всей своей бережливости, покупалъ картины, преимущественно Фламандскія и Брабантскія (т. I, 253). По содержанію онъ, какъ и слѣдовало ожидать, особенно любилъ морскія картины. Вообще выясняется, что Петръ умѣлъ цѣнить искусство, проявляя эстетическія наклонности и въ области архитектуры (т. II, 1, 2, 9). Не только корабельныя мачты и дымъ заводовъ были пріятны взору Петра I: его глаза искали и красивыхъ сочетаній искусства съ природой, и иногда онъ не прочь былъ искусственно увеличить красоту ландшафта при помощи добавленія недостающаго ему элемента: «Къ оной Армитажи», читаемъ мы въ изданіи А. И. Успенскаго, «изъ большого пруда въ каналъ сдѣлать рѣчку по высокимъ мѣстамъ» (II, 61). Эти указанія и данныя весьма любопытны: они позволяютъ тѣнямъ грубости и дикости петровскихъ вкусовъ добавить свѣтъ полуинстинктивно пробуждавшагося въ этомъ не отшлифованномъ самородкѣ стремленія къ болѣе возвышеннымъ, чѣмъ ему привычныя, эмоціямъ. Далѣе интересны разбросанныя тамъ и тутъ свѣдѣнія, далеко не лишнія для вѣрнаго начертанія портретовъ императрицъ—Анны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Елизаветы Алексѣевны, Александры Θеодоровны и Маріи Александровны, императоровъ—Петра III, Павла I, Александра I, Николая I и Александра II.

Такъ, для извѣстной мнительности Анны Ивановны, все время чувствовавшей себя непрочно на тронѣ, характеренъ приводимый г. Успенскимъ обязательный тостъ за ея здоровье: «Кто ея вели-

честву вѣренъ, тотъ сей бокалъ полонъ выпьетъ» (т. 1, 8). Читая, далѣе, о всякихъ веселостяхъ при дворѣ Елизаветы Петровны, о предписаніяхъ ея, въ какихъ быть костюмахъ въ тотъ или другой моментъ придворной жизни, объ обязательности, установленной этой веселой императрицей, посѣщенія знатью придворной церкви подъ страхомъ быть отлученнымъ отъ «пріѣзда» «къ высочайшему двору», читая сообщенія о томъ, что «кушанье» Елизаветы Петровны «окончилось пополуночи въ третьемъ часу» и пр., а, послѣ ряда веселостей и подобныхъ «окончаній», цѣлый день «имѣлось отдохновеніе», (I, 26, 37)—мы видимъ, какъ живую, среди обстановки ея быстро созидавшихся дворцовъ, ихъ легкомысленную и набожную хлѣбосольную хозяйку. Но во вновь и притомъ спѣшно строившемся въ ея царствованіе Зимнемъ Дворцѣ, заложенномъ еще при Аннѣ, Елизавета не успѣла пожить: онъ былъ законченъ послѣ ея смерти,—и сюда 6-го апрѣля 1762 г. переѣхалъ уже ея племянникъ Петръ III, весьма интересовавшійся этой постройкой и посѣтившій дворецъ на 4-й день по восшествіи своемъ на престолъ (1, 52, 56).

Если перейдемъ въ XIX вѣкъ, то, на основаніи имѣющагося въ книгѣ г. Успенскаго матеріала, въ этомъ столѣтіи всего болѣе выпукло вырисовывается предъ нами эффектная военная фигура Николая I. При всей внѣшней величественности слѣдуетъ, однако, признать, что императоръ Николай I, какъ видно, былъ очень впечатлительнымъ и не столь устойчивымъ въ нервномъ отношеніи человѣкомъ, какимъ его привыкли представлять, что печальныя происшествія тяжко отражались на его душевномъ состояніи. Одно изъ такихъ происшествій—пожаръ Зимняго дворца 17 дек. 1837 г., обратившій въ развалины царское жилище, стѣны котораго были свидѣтелями четырехъ царствованій, эта катастрофа настолько поразила Николая Павловича, что монархъ, внушавшій страхъ и трепетъ Европѣ, сдѣлался совсѣмъ неузнаваемъ въ той повышенной нервности, въ той трепещущей боязливости, какая наблюдалась въ немъ во время елки въ Аничковомъ дворцѣ послѣ только что пережитаго страшнаго пожарнаго несчастія: Государь, сообщаетъ въ своихъ запискахъ близкая къ царскому семейству баронесса Фридериксъ, «былъ ужасно нервный послѣ пожара и все приказывалъ тушить свѣчи: ему очень былъ непріятенъ видъ огня» (т. I, 170).

Любопытны и важны въ книгѣ А. И. Успенскаго бытовые матеріалы, заимствованные какъ изъ камеръ-фурьерскихъ журналовъ, такъ и изъ современныхъ мемуаровъ и другихъ источниковъ; свѣдѣнія, изобильно добавленныя сюда изъ архивныхъ документовъ, особенно богато представлены въ «Словарѣ худож-

никовъ въ XVIII вѣкѣ, писавшихъ въ Императорскихъ дворцахъ»; въ совершенно оригинальномъ трудѣ А. И. Успенскаго, изданномъ и отдѣльно, да и въ разсматриваемомъ изданіи имѣющемъ особую пагинацію; весь этотъ громадный матеріалъ даетъ историку полную возможность нарисовать колоритную картину дворцоваго быта и нравовъ за значительный періодъ времени, но преимущественно за XVIII вѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, читаемъ ли мы о томъ, какъ 26 декабря 1754 г. «знатныя духовныя персоны» цѣловали руку императрицы Елизаветы и получали отъ нея водку и венгерское вино, а «на заѣдку сыръ пармазанъ и чухонское масло» (I, 39), читаемъ ли мы сообщеніе о «траждеи» (трагедіи) или балетѣ-пантоминѣ — «Отъѣздъ Энеевъ или оставленная Дидона» (I, 72) въ придворномъ театрѣ при двухъ послѣднихъ императрицахъ XVIII вѣка, а также и о томъ, что танцовщица Физи на спектаклѣ «рѣдкое оказала проворство» (I, 68),—мы во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ чувствуемъ біеніе пульса тогдашняго жанра въ самыхъ высокихъ соціальныхъ слояхъ...

Наши прабабушки и прадѣдушки восхищались этимъ дворцовымъ жанромъ, но извѣстно, что и тогда находились люди, правда, очень рѣдкіе, которые понимали, что подъ театральными «траждеями» развивалась настоящая трагедія внизу общества, народная трагедія, и, понимая это, искренне скорбѣли о глубокихъ противорѣчіяхъ жизни. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ глубже становилось это пониманіе, тѣмъ острѣе дѣлалась соціальная скорбь, захватывая все большій и большій кругъ людей.

Однимъ изъ яркихъ проявленій такого теченія несомнѣнно можетъ считаться проповѣдь, произнесенная яко бы старцемъ Несторомъ въ придворной церкви предъ лицомъ самого царя, «двора и военныхъ чиновъ» въ 1843 г.; это по истинѣ замѣчательное, исполненное горькаго укора, обличительное произведеніе (I, 197—201), напечатанное А. И. Успенскимъ по рукописи изъ собранія М. И. Успенскаго,—одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ разсматриваемаго изданія.

Вся жизнь, сосредоточенная въ императорскихъ дворцахъ, была необыкновенно блестяща и роскошна. Пускаемая здѣсь въ глаза иностранцамъ-резидентамъ и другимъ непосредственнымъ иностраннымъ наблюдателямъ золотая пыль ослѣпляла ихъ, не видавшихъ у себя дома ничего равнаго тому, что они находили здѣсь, въ императорскихъ дворцахъ,—и это, можетъ быть, входило въ политическій расчетъ: хотѣли показать, какъ богато государство, если его цари и ближніе царскіе слуги могутъ жить, не считая расходовъ; но въ XVIII стол., особенно при

Екатеринѣ II, сознавшей, что она щедра до мотовства, расточительность иногда переходила всякія границы. Въ этомъ отношеніи любопытны слѣдующія справки касательно Аничкова дворца: построенный Елизаветой Петровной для А. Г. Разумовскаго, этотъ дворецъ, послѣ его смерти, былъ утвержденъ Екатериной II за его братомъ Кирилломъ Григорьевичемъ, а потомъ у послѣдняго купленъ Екатериной же для Потемкина, а тотъ продалъ его купцу Шемякину, но Екатерина перекупила этотъ дворецъ и снова подарила его Потемкину, а свѣтлѣйшій въ 1785 г. во второй разъ продалъ дворецъ—теперь прямо въ казну (I, 310—314, 316), въ сущности уже въ третій разъ купившую свой собственный дворецъ.

Матеріалъ, который сгруппированъ А. И. Успенскимъ въ упомянутомъ выше «Словарѣ», примѣнительно къ придворнымъ художникамъ, заставляетъ читателей спуститься въ слой тѣхъ, которые работали надъ украшеніемъ дворцовъ своихъ искусствомъ, но у которыхъ была своя жизнь, заинтересовывавшая иногда и высшія сферы; послѣднее случалось тогда, когда въ жизни этихъ художниковъ возникали какіе-нибудь выходящіе изъ ряду вонъ непорядки и соблазны. Въ этомъ отношеніи любопытенъ — опять-таки для характеристики быта и нравовъ — одинъ бракоразводный процессъ, вызванный неудачными «опытами» художника Грота «ко исполненію брачныя должности» и потому полный пикантныхъ, нерѣдко нецензурныхъ подробностей, процессъ (I, 68 и слѣд.), которымъ живо заинтересовались Елизавета Петровна и все придворное общество.

Подобныя приведеннымъ въ настоящей замѣткѣ указанія можно было бы умножить до цѣлой книги, но намъ кажется, что и изложеннаго вполнѣ достаточно, чтобы вынести достаточно опредѣленное представленіе о томъ матеріалѣ, который оказывается въ рукахъ общаго историка при просмотрѣ монументальнаго изданія А. И. Успенскаго по всестороннему изученію «Императорскихъ дворцовъ». Съ полной увѣренностью можно сказать, что этимъ своимъ трудомъ А. И. Успенскій сдѣлалъ цѣнный подарокъ не только для исторіи русскаго искусства, но и для государственной, культурной и бытовой исторіи Россіи.

Н. Ѳирсовъ.

В. Н. Бочкаревъ. Московское государство XV—XVII в.в. по сказаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Культ. ист. библ., подъ ред. Ист. Ком. Уч. Отд. О. Р. Т. З. № 3. Спб. 1914. 4°. Стр. II+144. Ц. 90 к.

Сборникъ г. Бочкарева даетъ цѣльную картину Московскаго

государства, нарисованную иностранцами, посѣщавшими Москву въ XV—XVII вѣкахъ [1]). Матеріалъ расположенъ составителемъ не въ хронологическомъ, а въ систематическомъ порядкѣ. Отъ такого расположенія страдаетъ представленіе о перемѣнахъ, происшедшихъ за три вѣка въ нѣдрахъ Московскаго царства, и теряются различія въ показаніяхъ иностранцевъ въ зависимости отъ ихъ національности и культурнаго уровня ихъ страны. Зато путемъ, какимъ идетъ составитель, рѣзче очерчиваются типологическія черты московской монархіи указанной эпохи. Разсматриваемое за время трехъ столѣтій, какъ нѣчто единое и цѣлое, Московское государство тѣмъ ярче обрисовывается въ умѣ читателя сборника.

Въ этомъ отношеніи сборникъ имѣетъ не только спеціальное значеніе—полезной хрестоматіи по культурной исторіи Россіи, но также и болѣе общее методологическое значеніе, такъ какъ къ разсмотрѣнію московской исторіи примѣнены составителемъ популярныя въ современной русской исторической наукѣ—и еще больше въ преподаваніи этой науки—точки зрѣнія на исторію, какъ на смѣну «напластованій быта». Являясь противникомъ исключительнаго преобладанія этихъ точекъ зрѣнія [2]), авторъ настоящей рецензіи вполнѣ сознаетъ, однако, ихъ необходимость и цѣлесообразность въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Предѣлы эти, впрочемъ, нарушены составителемъ сборника,—въ несоблюденіи имъ хронологіи при подборѣ свѣдѣній по каждому отдѣлу. Открывъ сборникъ, хотя бы на первой рубрикѣ «Территорія и населеніе. § 1. Границы и пространство», читаемъ сперва извѣстіе Олеарія, потомъ Флетчера, далѣе Маржерета и послѣ него—А. Кампензе. Такая хронологическая неурядица, проходящая черезъ всю книгу, можетъ быть допущена сознательно, чтобъ подчеркнуть методологическія особенности книги, но особенности эти составляютъ въ данномъ случаѣ ея недостатокъ. Недостаткомъ книги является также небрежное отношеніе составителя къ самому тексту собранныхъ «сказаній». Отрывки Олеарія и Корба даны въ старыхъ переводахъ,—какъ будто нѣтъ новыхъ чрезвычайно точныхъ работъ А. М. Ловягина (Олеарій) и А. І. Маленна (Корбъ) [3]).

Весь матеріалъ сборника разбитъ на слѣдующія рубрики: территорія и населеніе, экономическій строй, сословный строй,

---

[1]) Поляки (напр., Гейденштейнъ и Жолкѣвскій) не вошли въ ихъ число; спеціальныя описанія Сибири оставлены составителемъ въ сторонѣ.

[2]) Объ этомъ см. въ моихъ замѣткахъ «Русск. Мысль» 1913, Іюнь и «Библіотекарь» 1914, II.

[3]) Эти новые переводы не указаны и въ перечнѣ.

государственный строй, иностранныя посольства, Москва, религія и духовенство, домашній и общественный бытъ, древнерусская семья, нравы и обычаи, просвѣщеніе.

Сборникъ сопровождается сжатымъ очеркомъ составителя «Сказанія иностранцевъ о Россіи XV—XVII вѣковъ, какъ историческій источникъ» и перечнемъ изданій русскихъ переводовъ иностранныхъ сочиненій о Россіи этого времени. Можно желать, чтобъ перечень составленъ былъ болѣе тщательно (помимо отсутствія новыхъ изданій Олеарія и Корба въ немъ нѣтъ, напр., «Альбома» Мейерберга) и содержалъ хотя бы краткія указанія ученой литературы о каждомъ памятникѣ.

Г. Вернадскій.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ Общ. Ревн. Истор. Просв. кн. 17 и 18. М. и П. 1914. Ц. по 2 р.

Оба новые тома сборниковъ историческаго общества въ память имп. Александра III не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо значительныхъ матеріаловъ. Въ сущности даже непонятно, почему въ столь спеціальномъ изданіи, какимъ является «Старина и Новизна» появляется, напр., (въ т. XVIII) переводъ отрывковъ изъ вышедшихъ въ 1912 г. въ Парижѣ воспоминаній гр. Рожера Дама, причисленнаго въ 1788 г. къ принцу де Линю въ армію Потемкина. Притомъ, сами по себѣ эти воспоминанія не представляютъ большого интереса: едва ли не самое любопытное въ нихъ—описаніе причудливаго обѣда у Суворова. Въ томъ же томѣ помѣщены письма Ѳ. И. Тютчева къ женѣ за 1840—53 гг., заключающія въ себѣ лишь нѣсколько отдѣльныхъ интересныхъ штриховъ (напр., письмо наканунѣ войны 1854 г., характеризующее «непостижимое самодовольство офиціальной Россіи»), и письма за 1798 г. католическаго митрополита въ Россіи Сестренцевича. Дневникъ Сестренцевича, опубликованный г. Криксинымъ въ XVI т. «Старины и Новизны», заключаетъ въ себѣ довольно много любопытнаго (о немъ см. «Гол. Мин.» 1913 г., № 5), письма же далеко не имѣютъ такого интереса. Въ XVII т. очень много мѣста удѣлено описанію «пожитковъ царевны Наталіи Алексѣевны» и другимъ совсѣмъ уже малоинтереснымъ мелочамъ. Наибольшій интересъ представляетъ всеподданнѣйшее прошеніе въ 1866 г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, заключающее въ себѣ жалобу на «дерзкую выходку» оберъ-камергера кн. Долгорукаго, который обвинялъ Норова въ томъ, что послѣдній въ періодъ своего министерства содѣйствовалъ укорененію «нигилизма». «Отецъ Авраамій, какъ называлъ въ «Колоколѣ» бывшаго министра Герценъ, имѣлъ полное право обидѣться, ибо

въ бытность свою министромъ считалъ, что министерство народнаго просвѣщенія, «какъ пожарное депо, назначено не для увеличенія просвѣщенія, а для предупрежденія и прекращенія его, гдѣ оно (чего Боже сохрани) нечаянно случится» («Колоколъ» 1858 г. № 15).

Нѣкоторый интересъ въ томъ же томѣ представляютъ заграничныя письма А. Н. Карамзина (сына исторіографа) къ матери (1836—1837 гг.). Здѣсь есть нѣкоторый бытовой матеріалъ для характеристики современныхъ великосвѣтскихъ парижскихъ салоновъ, откликовъ на смерть Пушкина и др. Но въ общемъ, оба новые тома «Старины и Новизны» довольно скудны содержаніемъ. Какъ-то даже странно, что руководители Общества, которымъ могутъ быть доступны цѣннѣйшіе наши архивы, печатаютъ въ своихъ сборникахъ столь малоцѣнные матеріалы. Непонятно совсѣмъ, между прочимъ, почему одни матеріалы печатаются *только* на французскомъ языкѣ, другіе же въ оригиналѣ и переводѣ.

С. Мельгуновъ.

Проф. М. Рейснеръ (Реусъ). Вильгельмъ II и желѣзная имперія. 1914. Стр. 217. Ц. 1 рубль.

Эта книга представляетъ собой въ высокой степени отрицательную характеристику современнаго состоянія германской культуры, германскаго общества и германской политики. Въ картинѣ, нарисованной проф. Рейснеромъ, нѣтъ ни одного свѣтлаго тона: Тупое и грубое мѣщанство, задающее тонъ въ политикѣ и общественной жизни,—юнкерство, въ лучшихъ случаяхъ избравшее для себя долю сельскихъ хозяевъ и патримоніальныхъ владыкъ мѣстнаго населенія, а въ худшихъ—предавшееся шулерству и ростовщичеству, школа, построенная на системѣ принужденія и порки, семья, разлагающаяся внутри, но прилагающая всѣ свои силы, чтобы сохранить внѣшній видъ приличія, политика, драпирующаяся въ красивую тогу романтическаго идеализма, но въ дѣйствительности удовлетворяющая лишь расходившіеся аппетиты буржуазіи и юнкерства внутри страны и прославляющая «потокъ и разграбленіе» во внѣ, культура, построенная на апоѳеозѣ кулака, погоня за внѣшними титулами и отличіями, пренебрежительное отношеніе къ трудовымъ классамъ,—вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ, по мнѣнію проф. Рейснера, слагается то, что называется современной Германіей. Штрихамъ, которые кладетъ на свою картину проф. Рейснеръ, нельзя отказать въ яркости и выпуклости; его языкъ отличается красочностью и образностью, и отъ многихъ страницъ его книги вѣетъ

неподдѣльнымъ талантомъ. Но въ цѣломъ его книга производитъ впечатлѣніе скорѣе злой и остроумной инвективы, чѣмъ продуманной и теоретически обоснованной характеристики основныхъ чертъ нѣмецкой націи. Авторъ подчеркиваетъ только одни отрицательныя стороны германской культуры и разсматриваетъ ихъ притомъ внѣ исторической перспективы, безъ отношенія къ тому, назрѣваютъ ли онѣ только, отживаютъ или находятся въ полномъ расцвѣтѣ. Такъ, юнкерство характеризуется проф. Рейснеромъ, какъ сила, «расцвѣтшая на мертвомъ полѣ духа», опустошенномъ мѣщанской культурой и мѣщанскимъ пресмыкательствомъ передъ сильными міра; между тѣмъ въ исторической перспективѣ оно является лишь пережиткомъ, догорающимъ,—правда, еще яркими и сильными огнями,—на фонѣ буржуазно-капиталистическихъ отношеній современной Германіи. Но, если это только пережитокъ,—хотя бы и крѣпко цѣпляющійся своими подгнившими корнями за взрастившую его почву,— то не явится ли и самая картина современной Германіи болѣе свѣтлой, заключающей въ себѣ менѣе элементовъ разложенія, чѣмъ это кажется проф. Рейснеру? Какъ примирить, далѣе, шовинизмъ, которымъ, по мнѣнію проф. Рейснера, проникнуты не только буржуазные, но и демократическіе слои нѣмецкаго народа (см. ст. 150 и сл.) и который идетъ на поводу у реакціонно-юнкерской пропаганды (152), съ милліонами голосовъ, подающихся на выборахъ за кандидатовъ соціалъ-демократической партіи? Демократическія движенія и настроенія вообще совершенно затушеваны въ книгѣ проф. Рейснера; за его характеристикой Германіи, какъ буржуазно-юнкерскаго государства по преимуществу, совершенно пропадаетъ та демократическая Германія, которая, если и не находится въ періодѣ расцвѣта, то во всякомъ случаѣ назрѣваетъ и самымъ своимъ существованіемъ ослабляетъ тѣ мрачныя краски, которыя кладетъ проф. Рейснеръ на свою картину. Авторъ много говоритъ о насиліяхъ господствующихъ классовъ надъ нѣмецкой демократіей, но въ его книгѣ нѣтъ ничего ни о самихъ насилуемыхъ, ни о томъ противодѣйствіи, которое они оказываютъ всякаго рода насиліямъ. Если бы проф. Рейснеръ подробнѣе охарактеризовалъ проявленія демократической или даже либеральной оппозиціи, то картина получилась бы въ значительной степени иная. Намъ кажется, что въ огульныхъ осужденіяхъ нѣмецкой культуры надо соблюдать особенную осторожность въ данный моментъ, когда эти осужденія такъ сильно питаются «ira et studio» и когда требованія научнаго безпристрастія такъ часто нарушаются. Съ этой точки зрѣнія и книга проф. Рейснера, можетъ быть удовлетворяющая настрое-

ніямъ текущаго момента, нуждается, однако, въ значительныхъ поправкахъ. При всей яркости нарисованныхъ авторомъ картинъ, при всей живости его языка, книга часто грѣшитъ отсутствіемъ объективности и ставитъ въ вину нѣмецкой націи тѣ недостатки, которые вообще присущи извѣстнымъ общественнымъ классамъ безъ всякаго отношенія къ національности. Такъ, напр., яркая характеристика нѣмецкихъ бюргеровъ, вѣчно брюзжащихъ дома, разыгрывающихъ изъ себя маленькихъ властелиновъ въ предѣлахъ своей семьи, не знающихъ другихъ интересовъ кромѣ кружки пива и сытнаго обѣда, грубыхъ и невѣжественныхъ,—эта характеристика примѣнима къ мѣщанству всѣхъ странъ, и едва ли образъ типичнаго нѣмецкаго бюргера менѣе привлекателенъ, чѣмъ образъ мѣщанина любой другой страны. Также много международныхъ чертъ можно найти и въ фигурѣ нѣмецкаго феодальнаго помѣщика; въ самомъ дѣлѣ, развѣ надменная чванливость, соединенная съ стремленіемъ къ легкой наживѣ и къ разгульной жизни, присуща одному только нѣмецкому дворянству, и мы не найдемъ хотя бы въ родной намъ дѣйствительности аналогичныхъ дворянскихъ чертъ?

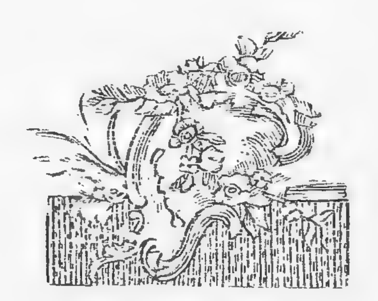
Несмотря на всѣ эти недостатки, книга Рейснера, прочтенная съ большимъ интересомъ, дастъ читателю много яркихъ картинъ изъ жизни современной Германіи.

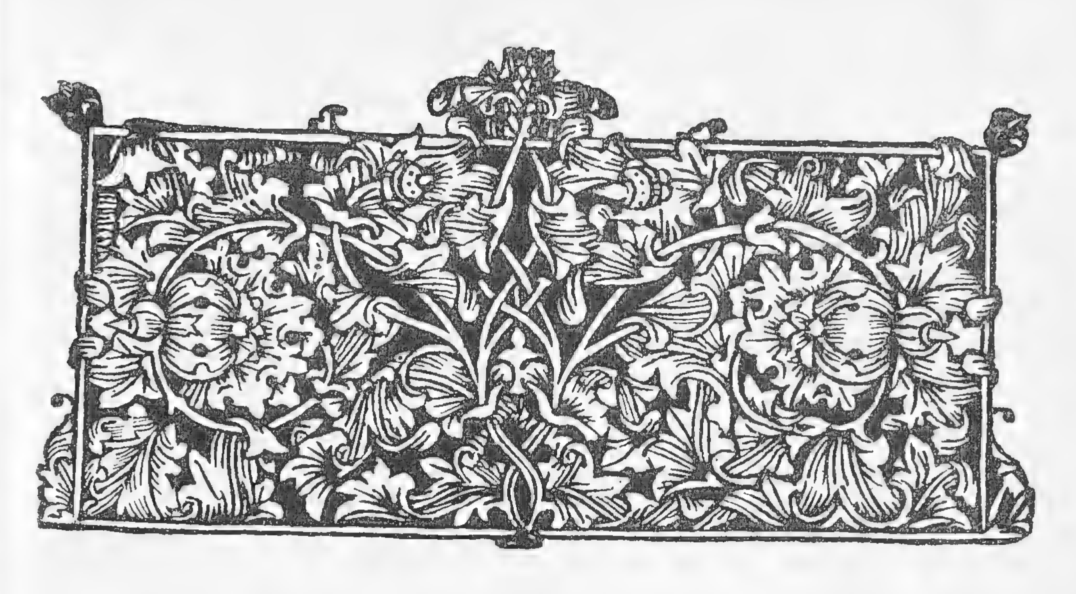
В. Перцевъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) **Бенжаменъ Констанъ,** Адольфъ. Повѣсть. М. Кн-во К. Некрасова. Ц. 1 р. 2) **Библіотека войны.** №№ 24, 31—32, 37, 40—44. Ц. № 5 к. М. Кн-во К. Некрасова. 3) **Бобровъ, С.** Лирическая тема. Кн-во Центрофуга. М. 1914. Ц. 50 к. 4) **Ватинъ, В.** Село Минусинское. Истор. очеркъ. М—скъ. Ц. 1 р. 25 к. 5) **Война и Польша** (Польск. вопр. въ русск. и польск. печати). Пред. и ред. Л. Козловскаго. Кн-во писателей въ М. Ц. 75 к. 6) **Вѣстникъ** Харьковскаго Истор.-Филолог. Общества. Выпуски 1—5. Харьковъ. 1911—1914. Ц. вып. 50 к. 7) **Діонео.** Мѣняющаяся Англія. Ч. I., изд. второе и ч. II. Кн-во писателей въ М. Ц. 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к. 8) **Игнатьевъ, И.** Руконосъ. Кн-во Центрофуга. М. 1914. Ц. 50 к. 9) **Извѣстія** Таврической Архивной Комиссіи. № 51. 10) **Извѣстія** Имп. Томск. ун-та. Книга LIX. Томскъ. 1914. Ц. 2 р. 11) **Галичина, Буковина, Угорская Русь.** Составлено сотрудниками «Украинской Жизни». Изд. «Задруга». М. Ц. 1 р. 40 к. 12) **Калидаса.** Сакунтала. Перев. Бальмонта. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к. 13) **Кауфманъ, А.** Сборникъ статей. М. Ц. 3 р. 14) **Коваленскій, М.** Хрестоматія по русской исторіи. Т. II. Изд. т-ва «Міръ». М. 1915. Ц. 1 р. 50 к. 15) **Корфъ, С., бар., проф.** Автоном. колоніи Великобританіи. Спб. 1914. Ц. 3 р. 16) **Круппъ, Г.** Робкія зори. Псковъ. 1915. 11-е изд. Ц. 60 к. 17) **Линниченко, И., проф.** Проф. П. Казанскій и г-жа Де-Тэбъ. Одесса. 1914. 18) **Литвиновъ, М.** Прусскій профессоръ во главѣ русскаго учебнаго округа. Харьковъ. 1914. 19) **Нижегородскій Ежегодникъ.** 1915 г., подъ ред. Г. Сергѣева и В. Чешихина. Кн-во Г. Сергѣева и В. Чешихина. Нижн.

Новгородъ. Ц. 40 к. 20) **Падалка, Л.** Карта Боплана о засел. Полт. террит. во втор. четв. XVII в. Изд. Полт. Уч. Арх. Ком. Полтава. 1914. Ц. 50 к. 21) **Его же.** Карта Козацкихъ поселковъ на Полтавск. террит. Изд. Полт. Уч. Арх. Ком. Полтава. 1914. Ц. 50 к. 22) **Его же.** Карта террит. разгранич. Полтавской губ. Изд. Полт. Уч. Арх. Ком. Полтава. 1914. Ц. 50 к. 23) **Его же.** Происхожд. и знач. имени «Русь». Отд. отт. изъ XII в. «Труд. Полт. Уч. Арх. Ком.». Полтава. 1915. Ц. 20 к. 24) **Его же.** Прошлое Полтавской территоріи и ея заселеніе. Изд. Полт. Уч. Арх. Ком. Полтава. 1914. Ц. 1 р. 20 к. 25) **Петрарка.** Автобіогр. Исповѣдь. Сонеты. Памятн. міров. литературы. Пер. Гершензона и В. Иванова. М. Изд. Сабашниковыхъ. 1915. Ц. 2 р. 25 к. 26) **Платовъ, Ѳ.** «Блаженны нищіе духомъ». Кн-во Центрофуга. М. 1915. Ц. 50 коп. 27) **Портретъ царя Іоанна Васильевича Грознаго.** Изданіе Казанскаго Педагогическаго музея. Цѣна: безъ пересылки 75 коп. 28) **Риттеръ, П.** «Облако - вѣстникъ» Древне - инд. элегія Калидаса. Харьковъ. 1914. 29) **Сборникъ** статей въ честь В. П. Бузескула. XXI т. Сб. Харьк. Ист.-Фил. О-ва. Харьковъ. 1913—14. Ц. 5 р. 30) **Селивановъ, А.** Матеріалы для исторіи рода рязанскихъ Селивановыхъ. Ряз. 1911. 31) **Сиповскій, В., проф.** Лермонтовъ и Грибоѣдовъ. Петр. Ц. 60 к. 1914. 32) **Сиповскій, В., проф.** Русская лирика. В. I. XVIII вѣкъ. Петр. 1914. Ц. 80 к. 33) **Труды** Оренбургской Уч. Арх. Комиссіи. Вып. XXX Оренбургъ. 1914. Ц. 1 р. 34) **Тумановъ, Г.** Итоги земскихъ совѣщаній на Кавказѣ. Изд. журн. «Кавк. Хозяйство». Тифлисъ. 1915. Ц. 60 к. 35) **Украинскій народъ** въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. профессоровъ Ѳ. Волкова, М. Грушевскаго, М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Корша, профессоровъ А. Крымскаго, М. Туганъ-Барановскаго и акад. А. Шахматова. Т. I. Спб. 1914. 36) **Ѳоминъ, А.** Къ исторіи вопроса о развитіи въ Россіи обществ. идей въ нач. XIX в. Ц. 3 р. 37) **Ястребовъ, Н., проф.** Галиція наканунѣ Великой Войны. 1914 г. Воп. Вел. Войны 1914 г. Петрогр. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

Легенда о подвигахъ Уленшпигеля[1]).

(Романъ Шарля де Костера).

XXIII.

Пришелъ ноябрь, дождливый и холодный мѣсяцъ, когда страдающіе кашлемъ услаждаютъ свое сердце заунывной музыкой, а деревенскіе мальчишки толпой рѣзвятся на полѣ, гдѣ посѣяна брюква, таскаютъ оттуда, что удастся, къ великому гнѣву крестьянъ, гоняющихся за ними съ палками и вилами.

И вотъ, какъ-то вечеромъ возвращался Уленшпигель послѣ подобнаго мародерства домой и услыхалъ неподалеку подъ заборомъ вой. Нагнувшись, увидалъ валявшуюся на камняхъ собаку.

— Вотъ тебѣ на! бѣдная животинка, что ты тутъ дѣлаешь такъ поздно?

Лаская собаку и чувствуя подъ рукой, что ея спина мокра, ему пришло на мысль, будто ее кто-то хотѣлъ утопить, и, поэтому желая обогрѣть животное, онъ взялъ его на руки.

Воротясь же домой, сказалъ:

— Притащилъ раненаго; что жъ съ нимъ дѣлать?

— Перевязать,—отозвался Класъ.

Уленшпигель поставилъ собачку на столъ. Класъ, Сеткинъ и онъ самъ увидали тогда, при свѣтѣ лампы, рыженькаго люксенбуржца, раненаго въ спину. Сеткинъ губкой промыла рану, положила корпіи и чисто перевязала. Уленшпигель отнесъ по-

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 1.

страдавшаго на свою постель, хотя Сеткинъ хотѣла взять его къ себѣ въ виду того, что, по ея словамъ, сынокъ ворочается по ночамъ, словно дьяволъ въ церковной кропильницѣ, и можетъ во снѣ легко ударить Рыжика.

Но Уленшпигель настоялъ на своемъ и такъ хорошо ухаживалъ за раненымъ Рыжикомъ, что тотъ черезъ нѣсколько дней носился, какъ всѣ его пріятели, съ заливистымъ лаемъ.

И school-mester, школьный учитель, далъ ему прозвище: Титусъ Бибулусъ Шнуффіусъ: Титусъ въ память добрѣйшаго римскаго императора, подбиравшаго бродячихъ собакъ; Бибулусъ—потому, что собака, точно пьяница, страстно любила пиво, и Шнуффіусъ—оттого, что она, фыркая, безпрестанно совала морду въ крысиныя и кротиныя норы.

XXIV.

Въ концѣ улицы Нотръ-Дамъ, на берегу глубокаго пруда, стояли двѣ ивы, одна противъ другой. Уленшпигель, натянувъ между ними канатъ, танцовалъ на немъ однажды вечеромъ такъ хорошо, что вокругъ собралась толпа, аплодировавшая ему руками и голосомъ. Спустившись съ веревки, плясунъ протягивалъ каждому миску, которая быстро наполнилась монетами, но опорожнилъ онъ эту миску въ передникъ Сеткинъ, оставивъ себѣ 11 ліардовъ.

Въ слѣдующее воскресенье онъ еще разъ хотѣлъ плясать, но нѣсколько шалопаевъ-мальчишекъ, завидуя его ловкости, сдѣлали надрѣзъ на канатѣ и очень удачно: послѣ двухъ, трехъ прыжковъ канатъ порвался, а Уленшпигель свалился въ воду.

Юные подрѣзатели, при видѣ товарища, упавшаго въ глубокій прудъ и плывшаго къ берегу, кричали ему:

— Какъ твое здоровье, ловкачъ Уленшпигель?! Не прогуляешься ли на дно поучить танцамъ карповъ, горе-танцоръ?!.

Уленшпигель, выйдя изъ воды и отряхнувшись, кричалъ шалопаямъ, отбѣжавшимъ изъ боязни быть побитыми:

— Не бойтесь ничего! приходите въ воскресенье, буду показывать новые фокусы, и вамъ дамъ вашу долю выручки.

Въ слѣдующее воскресенье мальчишки не только не подрѣзали каната, но даже поставили охрану возлѣ, ибо собралась вблизи огромная толпа народа.

Уленшпигель сказалъ имъ:

— Давайте каждый по своему деревянному башмаку, все равно, большому или маленькому, я съ каждымъ изъ нихъ буду плясать, бьюсь объ закладъ, что буду.

— А что ты дашь, если проиграешь?—спрашивали они.

— Сорокъ кружекъ добраго пива,—отвѣчалъ Уленшпигель,— а вы мнѣ три патара, если я выиграю.

— Хорошо,—согласились они.

И каждый далъ ему по собственному башмаку. Уленшпигель забралъ всѣ башмаки въ фартукъ, съ которымъ не разставался, и съ этимъ грузомъ плясалъ, хотя и не безъ затрудненія.

Подрѣзатели каната кричали снизу:

— А говорилъ, что будешь плясать съ каждымъ изъ нашихъ башмаковъ. Надѣвай теперь ихъ и держи свое слово.

Уленшпигель, не переставая танцовать, возражалъ:

— Я не говорилъ, что надѣну ваши башмаки, я говорилъ только, что буду плясать съ ними. Вотъ и танцую и все въ моемъ фартукѣ тоже танцуетъ. Или вы не видите, лягушки вы зеленыя? Давайте-ка мнѣ три потара.

Но они орали, чтобъ назадъ отдалъ башмаки.

Тогда Уленшпигель сталъ бросать имъ ихъ добро, башмакъ за башмакомъ. Началась яростная свалка: въ общей кучѣ башмаковъ никто не могъ хорошо разобраться и быть твердо увѣреннымъ, который его и гдѣ чужой.

Тогда Уленшпигель, спрыгнувъ на землю, оросилъ дерущихся, но только не чистой водой.

XXV.

И въ пятнадцать лѣтъ инфантъ бродилъ, по своему обыкновенію, по коридорамъ, лѣстницамъ и комнатамъ дворца. Но чаще всего его можно было видѣть шатавшимся подъ дверьми покоевъ фрейлинъ. Дѣлалъ онъ это съ цѣлью насолить пажамъ, которые, словно коты, сновали въ коридорахъ. Нѣкоторые же изъ нихъ, стоя на дворѣ и задравъ кверху носы, распѣвали чувствительныя серенады.

Заслышавъ ихъ, инфантъ показывался въ окнѣ и этимъ нагонялъ страхъ на бѣдныхъ пажей, вмѣсто кроткихъ глазъ своихъ красавицъ замѣчавшихъ блѣдную рожу.

Была среди придворныхъ дамъ миловидная фламандка Де Дюдзилэ, родомъ изъ Дама, напоминавшая прекрасный, мясистый и удивительно созрѣлый плодъ; вьющіеся волосы ея, съ рыжевато-золотистымъ отливомъ, искрились блестками. Веселая по характеру и пылкая по темпераменту, она ни отъ кого не таила своей сердечной склонности къ счастливому вельможѣ, котораго дарила, въ дополненіе къ его прекраснымъ владѣніямъ, своей открытой любовью. Возлюбленный ея былъ красивъ и

гордъ. Каждый день, въ извѣстные часы, она ходила на свиданіе съ нимъ. И объ этомъ узналъ Филиппъ.

Усѣвшись на скамейкѣ подъ окномъ, онъ караулилъ ее, и, когда она однажды проходила передъ нимъ оживленная, съ полуоткрытымъ ртомъ, вся благоволящая, только что вышедшая изъ ванны и заставляющая шелестѣть вокругъ себя свой яркій желто-парчевый нарядъ, она увидала инфанта. Онъ, не вставая, обратился къ ней:

— Мадамъ, не можете ли вы остановиться на минуту.

Съ нетерпѣніемъ, словно кобылица, которую остановили на всемъ скаку на пути въ зеленые луга, она отвѣчала:

— Ваше Высочество! каждый здѣсь долженъ повиноваться вашей царственной волѣ.

— Садитесь возлѣ меня,—сказалъ онъ.

Потомъ, глядя на нее похотливо, строго и лукаво прибавилъ:

— Читайте мнѣ по-фламандски «Отче нашъ»; меня учили, но я забылъ.

Бѣдная дама стала читать «Отче нашъ», а инфантъ ее перебивалъ, чтобы продлить чтеніе.

Такимъ образомъ, онъ заставилъ ее до десяти разъ проговорить эту молитву, хотя она полагала, что наступилъ уже часъ для совсѣмъ другихъ молитвъ.

Затѣмъ онъ хвалилъ ее, говорилъ ей о ея прекрасныхъ волосахъ, живомъ цвѣтѣ лица, о ея ясныхъ глазахъ, но не осмѣлился ничего ей сказать ни объ ея пышныхъ плечахъ, ни о круглой шейкѣ, ни о чемъ другомъ.

Когда она уже начала полагать, что можно удалиться и стала поглядывать на дворъ, гдѣ поджидалъ ее ея вельможа, инфантъ спросилъ, извѣстно ли ей, въ чемъ заключается женская добродѣтель.

Такъ какъ госпожа Де Дюдзилэ хранила молчаніе изъ страха, какъ бы не сказать чего-нибудь невпопадъ, онъ заговорилъ вмѣсто нея и, разглагольствуя, изрекъ:

— Добродѣтель женская заключается въ цѣломудріи, въ попеченіи и заботахъ о своей женской стыдливости и неприступности.

Онъ посовѣтовалъ ей также одѣваться строго-благопристойно и тщательно закрывать на себѣ все, чего удалить, по законамъ природы, было нельзя.

Она кивнула головкой въ знакъ согласія, замѣтивъ, что для Его Гинеборейскаго Высочества она скорѣе согласна покрыться десятью медвѣжьими шкурами, чѣмъ однимъ аршиномъ кисеи.

Сконфузивъ его этими словами, она, развеселившись, убѣжала.

Однако, пламя юности зажглось и въ груди инфанта, но оно не было ни бушующимъ пламенемъ, побуждающимъ сильныя души на подвигъ, ни ласковымъ огонькомъ, вызывающимъ у другихъ слезы,—это было мрачное пламя, возникшее въ глубинѣ ада, гдѣ, безъ сомнѣнія, самъ сатана зажегъ его. И оно свѣтилось въ его сѣрыхъ глазахъ, какъ зимою луна на голомъ скелетѣ.

Не чувствуя въ себѣ любви къ другимъ, бѣдный угрюмецъ не рѣшался добиваться женской благосклонности; вмѣсто того забирался онъ въ маленькій, непріятный уголъ въ тѣсной комнатѣ, оштукатуренной известкой, освѣщенной крошечными оконцами,—въ ту самую комнату, гдѣ онъ сосалъ свои пирожныя и куда роемъ залетали мухи благодаря сладкимъ крошкамъ на полу. Тамъ, самъ себя лаская, онъ давилъ мухъ у оконныхъ стеколъ и истреблялъ ихъ сотнями до тѣхъ поръ, пока пальцы не начинали дрожать слишкомъ сильно, и кровавое занятіе по необходимости не приходилось оставить. И это отвратительное удовольствіе доставляло ему жестокое утѣшеніе, ибо порочность и жестокость—двѣ безславныхъ, неразлучныхъ сестры. Выходилъ онъ изъ этого каземата опечаленнымъ еще болѣе, чѣмъ раньше, и всѣ мужчины и женщины старались избѣгать встрѣчъ съ блѣднымъ принцемъ, блѣднымъ, словно бы онъ питался заструпившимися и загноившимися ранами.

И Его Высочество скорбѣлъ, потому что злое сердце—скорбь.

XXVI.

Однажды милая красавица покинула Вальядолидъ и отправилась въ свой замокъ во Фландріи—Дюдзилэ.

Проѣздомъ черезъ Дамъ, въ сопровожденіи своего тучнаго дворецкаго, увидѣла она на скамейкѣ возлѣ хибарки молодого, лѣтъ пятнадцати, паренька, играющаго на флейтѣ. Противъ него находилась рыженькая собачонка; не долюбливая музыки, животное жалобно подвывало. Солнце сіяло. Рядомъ съ паренькомъ стояла молоденькая дѣвочка, заливавшаяся хохотомъ при каждомъ взвизгиваніи собаки.

Красавица и толстый дворецкій, проѣзжая мимо хибарки, обратили вниманіе на играющаго на флейтѣ Уленшпигеля, смѣющуюся Нель и подвывающаго Титуса Бибулуса Шнуффіуса.

— Какой дурной мальчикъ! Какъ тебѣ не стыдно заставлять выть бѣдную рыжую собачку,—обратилась дама къ Уленшпигелю.

Но тотъ, взглянувъ на нее, еще сильнѣе сталъ дуть въ свой инструментъ. И Бибулусъ Шнуффіусъ завылъ еще жалобнѣе, а Нель разразилась хохотомъ, еще болѣе звонкимъ.

Дворецкій съ раздраженіемъ указалъ дамѣ на Уленшпигеля, проговоривъ:

— Вотъ хвачу это бѣдное людское зелье ножнами своего меча, и живо прекратится эта трескотня.

Уленшпигель поглядѣлъ на дворецкаго, назвалъ его Жаномъ Папзакомъ за его порядочное брюшко и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ дуть на флейтѣ. Дворецкій пошелъ на него съ кулаками. Но Бибулусъ Шнуффіусъ, въ свою очередь, бросился на толстяка и укусилъ того за ляжку. Дворецкій со страха упалъ на землю съ крикомъ:

— Помогите, помогите!

Улыбнувшись, дама сказала Уленшпигелю:

— Не можешь ли ты, флейтистъ, сказать мнѣ, все та же ли дорога ведетъ изъ Дама въ Дюдзилэ?

Уленшпигель, не переставая играть, тряхнулъ кудрями, уставившись на даму.

— Что ты на меня такъ смотришь?—спросила она.

Но онъ, продолжая игру, не сводя съ нея глазъ, точно впалъ въ экстатическій восторгъ.

Она снова обратилась къ нему:

— Какъ тебѣ, такому молодому, не стыдно такъ пристально смотрѣть на даму!

Уленшпигель покраснѣлъ немного, продолжая играть и не сводить съ нея глазъ.

— Я тебя спросила,—снова начала она,—все та же ли дорога ведетъ изъ Дама въ Дюдзилэ?

— Та самая, но она не зеленѣетъ съ тѣхъ поръ, какъ лишилась счастья носить васъ на себѣ,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Не хочешь ли ты меня проводить?—освѣдомилась она.

Но Уленшпигель все еще сидѣлъ и смотрѣлъ на нее попрежнему. И она, видя его молодой задоръ, извиняла упорную игру на флейтѣ молодостью лѣтъ и прощала ему. Онъ поднялся и направился къ своей хибаркѣ.

— Ты куда?

— Надѣть мой праздничный костюмъ,—отвѣтилъ онъ.

— Иди,—поощрила дама.

Потомъ она сѣла на скамейкѣ передъ самой дверью. Дворецкій послѣдовалъ ея примѣру. Она попробовала было заговорить съ Нель, но та изъ ревности не вступала въ разговоръ.

Уленшпигель возвратился чисто вымытымъ и одѣтымъ въ бумазейную пару. У него былъ здоровый видъ, и онъ казался совсѣмъ мужчиной.

— Ты вправду уходишь съ этой красивой дамой?—спросила его Нель.

— Я скоро вернусь,—успокоилъ ее Уленшпигель.

— Можетъ быть, я могу пойти вмѣсто тебя?—сказала она.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ,—дороги очень грязны.

— А почему ты,—отозвалась дама, ревнуя и раздражаясь въ свою очередь,—почему ты хочешь помѣшать ему пойти со мною?

Нель ничего не отвѣтила, но крупныя слезы покатились изъ ея глазъ и она печально и гнѣвно взглянула на красивую даму.

Вчетверомъ отправились они въ путь-дорогу. Дама, точно королева, возсѣдала на своемъ бѣломъ иноходцѣ въ черныхъ бархатныхъ шорахъ. Дворецкій шелъ, и его брюшко колыхалось на ходу. Уленшпигель велъ подъ уздцы иноходца дамы, а Бибулусъ Шнуффіусъ, идя рядомъ съ нимъ, гордо задралъ вверхъ хвостикъ.

Такъ, шествуя, они двигались нѣкоторое время, но Уленшпигелю было не по себѣ. Онъ вдыхалъ исходящій отъ дамы тонкій запахъ росного ладана и смотрѣлъ уголкомъ глаза на всѣ ея прекрасныя запястья, рѣдкія драгоцѣнности и прочія разныя разности, а также и на ея миловидность, на ея сверкающіе глаза, на обнаженную шейку и на волосы, которые солнце, золотя, превращало въ блестящій головной уборъ.

— Что ты такъ мало говоришь, мой маленькій мужчинка?—спросила она.

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Если ты умѣешь держать языкъ за зубами, то не исполнишь ли ты моего порученія?

— Посмотримъ,—отозвался Уленшпигель.

— Оставь меня здѣсь и ступай въ Кулькеркъ, въ противоположную сторону отсюда, и скажи благородному господину, одѣтому наполовину въ красное, наполовину въ черное, пусть онъ меня не ждетъ сегодня, а лучше пусть придетъ въ воскресенье, послѣ десяти часовъ вечера, ко мнѣ въ замокъ черезъ подземный ходъ.

— Я не пойду,—отказался Уленшпигель.

— Почему?—спросила дама.

— Я не пойду, нѣтъ,—повторилъ Уленшпигель.

— Откуда такое упрямство у тебя, пѣтушокъ ты сердитый?

— Ни за что не пойду!

— Ну, а если я дамъ тебѣ флоринъ?

— Нѣтъ.

— И за дукатъ не пойдешь?

— Нѣтъ.

— И за королъ нѣтъ?

— Нѣтъ,—еще разъ сказалъ Уленшпигель и прибавилъ,—хотя королъ—дѣло хорошее и въ сумкѣ моей матери звенѣлъ бы лучше, чѣмъ пустыя раковинки!

Дама улыбнулась, потомъ вдругъ воскликнула:

— Господи! я потеряла мою сумочку для нищихъ, красивую и оригинальную, изъ шелковой парчи, вышитую мелкимъ жемчугомъ. Въ Дамѣ еще, помню, она висѣла у моего пояса.

Уленшпигель ничѣмъ не отозвался на это восклицаніе, но дворецкій, приблизившись къ дамѣ, проговорилъ:

— Мадамъ, не посылайте вы этого разбойника за ней, потому что только вы его и видѣли.

— А кто жъ пойдетъ?—недоумѣвала дама.

— Я пойду, хоть мнѣ уже и не шестнадцать лѣтъ.

И онъ отправился.

Наступилъ полдень. Жара стояла великая, безлюдье было полное. Уленшпигель не говорилъ ни слова, но, снявъ свою новую куртку, разостлалъ ее подъ липой, чтобы дама могла сѣсть въ тѣни, на свѣжей травкѣ. Самъ онъ, вздыхая, продолжалъ стоять возлѣ нея.

Она глядѣла на него и, почувствовавъ состраданіе къ этому застѣнчивому мальчику, спросила его, не усталъ ли онъ, не трудно ли ему стоять на своихъ юныхъ ногахъ. Онъ ничего не отвѣчалъ, но когда опустился на землю возлѣ нея, она хотѣла его удержать, но вмѣсто того привлекла на свою обнаженную шею. Здѣсь онъ покоился съ такимъ удовольствіемъ, что ей не хотѣлось брать на душу грѣха въ жестокости и попросить его поискать себѣ другое изголовье.

Тѣмъ временемъ вернулся дворецкій и заявилъ, что сумочка для нищихъ не нашлась.

— Да я ее сама нашла, когда сошла съ лошади; она отстегнулась и зацѣпилась за стремя. Теперь,—обратилась къ Уленшпигелю госпожа Де Дюдзилэ,—веди насъ прямой дорогой и скажи, какъ тебя зовутъ.

— Мой Ангелъ Хранитель—св. Тильбертъ, имя это значитъ: «ловкій въ хорошихъ дѣлахъ», моя фамилія—Класъ, а мое прозвище—Уленшпигель. Если захотите поглядѣться въ мое зеркало, то увидите, что нѣтъ во всей Фландріи милѣе цвѣтка, чѣмъ ваша благоуханная красота.

Дама покраснѣла отъ удовольствія и нисколько не разсердилась на Уленшпигеля.

А Сеткинъ и Нель плакали въ продолженіе его долгаго отсутствія.

XXVII.

Но возвратномъ пути изъ Дюдзилэ увидалъ Уленшпигель, при входѣ въ городъ, у самой заставы прислонившуюся къ оградѣ Нель. Дѣвочка обрывала кисть чернаго винограда. Раскусывая ягодку за ягодкой, она испытывала пріятное ощущеніе свѣжести, но не желала дать отразиться на своемъ лицѣ вкусовому удовольствію. Напротивъ, казалась сердитой, и съ раздраженіемъ отрывала виноградинки. Видъ у нея былъ такой внушающій жалость и лицо такъ похудѣло, опечалилось и стало такимъ смиреннымъ, что Уленшпигеля охватило чувство любовнаго сострадапія, и онъ, подойдя къ ней сзади, поцѣловалъ ее въ шею.

Но въ отвѣтъ она дала ему звонкую пощечину.

— Пощечиной еще мало сказано,—отвѣтилъ Уленшпигель.

Она заплакала навзрыдъ.

— Нель,—сказалъ онъ,—да ты никакъ фонтаны задумала строить на выѣздѣ, передъ деревней?

— Уходи прочь!—промолвила она.

— Не могу я уйти, голубка моя, пока ты плачешь, рѣкою разливаешься.

— Совсѣмъ я не голубка, возражала Нель: и вовсе не плачу!

— Да, не плачешь, только вода бѣжитъ изъ глазъ.

— Уйдешь ли ты?—говорила она

— Нѣтъ, не уйду,—говорилъ онъ.

Своими маленькими руками она держалась за передникъ, порывисто теребила его, и слезы катились, смачивая ткань.

— Нель,—спрашивалъ Уленшпигель,—скоро ль будетъ хорошая погода?—и смотрѣлъ на нее влюбленно.

— Почему ты объ этомъ спрашиваешь?

— Потому что въ хорошую погоду не плачутъ,—пояснялъ Уленшпигель.

— Уходи прочь,—настаивала она,—иди къ своей красавицѣ, что наряжается въ парчевыя платья, смѣши ее своими шутками, ты ее, вѣрно, довольно уже насмѣшилъ.

Тогда Уленшпигель запѣлъ:

Милая плачетъ,
Сердце такъ и рвется.
Милая смѣется,
Медъ рѣкою льется.
Милая рыдаетъ,
Жемчугъ разсыпаетъ.

Плачетъ ли, смѣется-ль милая, я люблю ее всегда,
И я готовъ виномъ Лувенскимъ угощать ее тогда,
Вмѣстѣ съ нею радъ пирушкой
Праздновать улыбку Нель [1]).

— Низкій мужчина, ты еще и насмѣхаешься надо мною,— обижалась Нель.

— Нель,—возражалъ Уленшпигель,—твоя правда, я—мужчина, но только не низкій. Ты знаешь, изъ рода я высокаго, знатнаго—есть въ нашей семьѣ старшины, и есть у насъ фамильное серебро: три кружки чистѣйшаго серебра, чистѣйшаго, пока въ нихъ пѣнится пиво.

— Не желаю я съ тобой разговаривать,—говорила она, отвернувшись.

— Если не желаешь, зачѣмъ же ротъ раскрываешь?

— Я сердита,—заявила она.

Тогда Уленшпигель легонько ударилъ ее кулакомъ въ спину, приговаривая:

— Поцѣлуешь дурную, дерется; побьешь ее, приголубитъ. [2]) Приголубь же меня, милая дурная, я тебя побилъ.

Нель повернулась въ нему. Онъ протянулъ къ ней руки, она, не переставая плакать, бросилась въ его объятья, и лепетала:

— Тиль, ты не пойдешь больше туда? Правда, не пойдешь?

Онъ ничего не отвѣчалъ: сжималъ бѣдные, дрожащіе пальчики, осушалъ своими губами жаркія слезы, проливнымъ дождемъ струившіяся изъ глазъ Нель.

XXVIII.

Въ это время благородный Гентъ отказался уплатить дань своему сыну—императору Карлу. Городъ, по милости Карла, исчерпавшій уже свои денежныя средства, не могъ этого исполнить. Отказъ былъ сочтенъ императоромъ за преступленіе, и онъ рѣшилъ отправиться и лично покарать преступника, ибо, какъ извѣстно, сыновняя палка больнѣе всякой другой для материнской спины.

---

[1]) Quand je vois pleurer m'amie
Mon coeur est déchiré.
C'est miel quand elle rit,
Perle quand elle pleure.
Moi, je l'aime à toute heure.
Et je nous paie à boire
Du bon vin de Louvin.
Et je nous paie à boire
Quand Nele sourira.

[2]) Французская посл.: Oignez vilaine, elle vous poindra; poignez vilaine, elle vous oindra.

Врагъ его—Францискъ Длинноносый, [1]) предоставилъ ему свободный проѣздъ черезъ Францію. Карлъ воспользовался этой возможностью, и вмѣсто того, чтобы сдѣлаться узникомъ во враждебной странѣ, нашелъ тамъ царскій пріемъ. Такъ властители охотно помогаютъ другъ другу въ борьбѣ противъ народовъ.

Карлъ надолго остановился въ Валансьенѣ, ничѣмъ не выражая своего недовольства. Гентъ, мать его, жилъ въ это время, не испытывая страха, въ увѣренности, что императоръ простилъ ему его поведеніе, вполнѣ согласно съ обычнымъ правомъ.

Карлъ явился подъ стѣнами города съ четырьмя тысячами конницы, въ сопровожденіи Альбы и принца Оранскаго. Простой народъ и мелкіе хозяева—ремесленники хотѣли, поставивъ на ноги восемьдесятъ тысячъ горожанъ и окрестныхъ сельчанъ, помѣшать сыновнему вступленію, но крупные буржуа—hooghpoorters—воспротивились этому изъ опасенія народнаго преобладанія. Такимъ образомъ Гентъ могъ бы намелко искрошить своего сына съ четырьмя тысячами его конницы. Но городъ любилъ его, и сами мелкіе ремесленники снова возымѣли къ нему довѣріе.

Карлъ тоже питалъ любовь къ своей матери, но лишь изъ-за денегъ, полученныхъ уже, и ради новыхъ, ожидаемыхъ еще отъ нея.

Сдѣлавшись хозяиномъ города, онъ повсюду установилъ военные посты, заставилъ бродить по Генту дневныхъ и ночныхъ дозорныхъ. Наконецъ, преторжественно изрекъ приговоръ.

Наиболѣе видные граждане должны были съ веревкой на шеѣ, явившись предъ его трономъ, принести публичное покаяніе. Гентъ былъ объявленъ виновнымъ въ тягчайшихъ преступленіяхъ: въ нелойяльности, нарушеніи договоровъ, неповиновеніи, подстрекательствѣ, мятежѣ и въ оскорбленіи Величества.

Императоръ провозгласилъ ниспровергнутыми всѣ, какія имѣлись у жителей, привилегіи, права, вольности, писаныя и неписаныя. Мало того, словно Богъ, онъ предрѣшалъ будущее, постановляя, что отнынѣ его преемники, принимая бразды правленія, будутъ клясться ни съ чѣмъ не считаться, кромѣ Жалованной Грамоты Карла, доровавшей городу рабство.

Повелѣлъ снести съ лица земли аббатство С.-Бавонъ, а на мѣстѣ его воздвигнуть крѣпость: изъ нея легко могъ пронзать пулями грудь своей матери.

Въ качествѣ добраго сына, торопящагося ввестись во владѣніе наслѣдствомъ, конфисковалъ все имущество Гента: доходы, дома, артиллерію, боевые запасы.

Находя его слишкомъ хорошо укрѣпленнымъ, приказалъ

---

[1]) Сынъ Карла Орлеанскаго, Францискъ I (1494—1547), съ которымъ Карлъ V воевалъ 2 раза. *Примѣч. переводч.*

разрушить башни: Ла Туръ Ружъ, Ла Туръ о Тру де Крапо; ворота: Вальпортъ, Кетельпортъ, Брампортъ, Стинпортъ, и много другихъ изящнѣйшихъ каменныхъ драгоцѣнностей.

Когда, спустя нѣкоторое время, пріѣзжали въ Гентъ иностранцы, они съ недоумѣніемъ переговаривались:

— Какой же это неинтересный, печальный городъ! А прокричали его чудомъ красоты.

Гентцы имъ отвѣчали:

— Это императоръ Карлъ только-что снялъ съ него его драгоцѣнное опоясанье.

И отвѣчавшіе такъ стыдились, и гнѣвъ охватывалъ ихъ. Изъ развалинъ же старинныхъ башенъ и воротъ императоръ извлекалъ кирпичи для своихъ крѣпостей.

Онъ желалъ обѣднить Гентъ, чтобы тотъ ничѣмъ ни земледѣліемъ, ни промышленностью, ни деньгами не былъ въ состояніи противиться императорской гордынѣ. Поэтому осудилъ его на уплату невнесенной дани, въ размѣрѣ четырехсотъ тысячъ флориновъ-короловъ золотомъ, сверхъ того на немедленную выдачу полутораста тысячъ короловъ и на ежегодное внесеніе шести тысячъ въ видѣ постоянной ренты. Нѣкогда городъ далъ ему въ займы денегъ, и онъ обязался за это выплачивать ренту въ полтораста тысячъ ливровъ въ общемъ. Силою онъ заставилъ погасить свой долгъ и такимъ способомъ обогатился.

Гентъ не разъ, помогая своему монарху, доказывалъ на дѣлѣ свою любовь къ нему, но императоръ ударилъ его въ грудь кинжаломъ за то, что въ этой груди не нашлось достаточно молока.

Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на прекрасный вѣчевой колоколъ по прозванію Роландъ и велѣлъ повѣсить на его языкѣ звонаря, бившаго въ набатъ на защиту родного города. У него не оказалось ни капли состраданія къ Роланду, языку своей матери, которымъ она взывала къ родинѣ—Фландріи; ни капли состраданія къ Роланду, сказавшему о самомъ себѣ:

Когда пожаръ пылаетъ, я звоню,
Когда буря во Фландріи, я въ набатъ бью [1]).

Полагая, что его мать говорила черезчуръ громко, онъ похитилъ колоколъ. И жители Гента и окрестностей говорили, что городъ ихъ умеръ, ибо собственный сынъ вырвалъ желѣзными клещами языкъ его.

---

[1]) Als men my slaet dan is't brandt
Als men my luyt dan is't storm in Vlaenserlandt.

XXIX.

Въ то же самое время, въ ясное и свѣжее весеннее время, когда вся земля въ любви живетъ, Сеткинъ разговаривала у открытаго окна, Класъ тянулъ припѣвъ какой-то пѣсенки, а Уленшпигель наряжалъ Титуса Бибулуса Шнуффіуса чиновникомъ, одѣвая ему шапку судейскаго. И собака перебирала лапами такъ, словно бы желала провозгласить приговоръ, но на самомъ дѣлѣ хотѣла только освободиться отъ своего неудобнаго головного убора.

Вдругъ Уленшпигель, захлопнувъ окно, сталъ бѣгать по комнатѣ, скакать по стульямъ и столамъ и вытягивать руки къ потолку. Сеткинъ и Класъ увидѣли, что вся внезапная суетливость ихъ сына сводилась лишь къ поимкѣ маленькой, милой птички съ дрожащими крылышками, пищавшей со страха и забившейся въ уголъ возлѣ балки у самаго потолка.

Уленшпигель чуть было не схватилъ ее, когда Класъ, оживленно обратившись къ сыну, сказалъ:

— Чего ты скачешь?

— Поймать хочу,—отвѣтилъ Уленшпигель; посажу въ клѣтку, буду кормить зерномъ, и пусть поетъ, тѣшитъ меня.

Но птичка пищала съ тоски отчаянія и то носилась по комнатѣ, то судорожно билась головкой объ оконныя стекла.

Уленшпигель не переставалъ скакать; Класъ внушительно, положивъ ему руку на плечо, промолвилъ:

— Хватай же ее, сажай въ клѣтку, заставляй щебетать себѣ на усладу, а я тебя тоже посажу въ клѣтку, за желѣзную рѣшетку и погляжу, какъ-то ты запоешь тогда. Захочешь побѣгать,— нельзя. Озябнешь, потянетъ на солнышко, куда-тамъ! Изволь оставаться въ тѣни. Станетъ жарко, любо въ тѣни посидѣть,— опять нельзя, оставайся на припекѣ. А потомъ уйдемъ мы, напримѣръ, въ воскресенье изъ дома, уйдемъ и забудемъ оставить тебѣ корма, а вернемся домой не раньше четверга. Вернемся и увидимъ: Тиль ужъ и ножки протянулъ, лежитъ мертвый отъ голода.

Сеткинъ заплакала.

Уленшпигель метнулся въ сторону.

— Куда ты?—спросилъ Класъ.

— Отворять окно пташкѣ— отвѣтилъ онъ.

И вотъ птичка, щегленокъ это былъ, радостно вскрикнувъ, вылетѣла въ окно, стрѣлою взвилась на воздухъ; затѣмъ сѣла на сосѣднюю яблоню, стала чистить носикомъ перышки, отряхиваться и въ сердцахъ наговорила Уленшпигелю, на своемъ птичьемъ языкѣ, много дерзостей.

Тогда Класъ сказалъ сыну:

— Не отнимай сынокъ никогда ни у человѣка, ни у звѣря его вольной-волюшки. Ничего нѣтъ на свѣтѣ дороже вольной-воли. Пускай каждый, когда холодно, идетъ погрѣться на солнышко; когда жарко, идетъ въ тѣнь прохладиться. И пусть Господь Богъ будетъ Судьей Его Святѣйшему Величеству. Заковалъ онъ въ цѣпи вѣру во Фландріи и посадилъ, какъ раба, благородный Гентъ въ клѣтку.

XXX.

Филиппъ вступилъ въ бракъ съ Маріей Португальской, владѣнія которой присоединилъ въ испанской коронѣ. Отъ нея имѣлъ онъ Донъ-Карлоса, злого безумца. Но жены своей онъ не любилъ.

Королева была больна послѣ родовъ. Она не покидала ложа, и у ея постели дежурили статсъ-дамы; среди нихъ находилась и жена герцога Альбы, благородная акушерка королевы.

Въ это время духовный судья арестовалъ фламандскаго скульптора римско-католическаго исповѣданія за то, что скульпторъ, не получивъ отъ монаха условленной платы за сдѣланную на заказъ статую Пресвятой Богородицы, ударилъ ее рѣзцомъ въ лицо, предпочитая лучше уничтожить свой трудъ, чѣмъ отдавать его за баснословно низкую цѣну.

Монахъ донесъ на непокорнаго исполнителя церковнаго заказа, обвинивъ того въ иконоборчествѣ, и тотъ былъ подвергнутъ безпощадной пыткѣ и послѣ осужденъ на сожженіе живымъ.

Въ продолженіе пытки ему жгли пяты, и онъ, тащась изъ тюрьмы на костеръ, кричалъ:

— Отрубите ноги, отрубите ноги!

И Филиппъ издали слышалъ эти крики, и ему было пріятно, но онъ не смѣялся.

Статсъ-дамы, бывшія при королевѣ Маріи, покинули ее, желая присутствовать при сожженіи; послѣдней оставила больную герцогиня Альба, услыхавшая вопли скульптора-фламандца и пожелавшая тоже видѣть интересное зрѣлище.

Когда явился Филиппъ со своими высокопоставленными слугами, князьями, графами, штальмейстерами и придворными дамами, скульпторъ былъ уже прикованъ длинной цѣпью къ столбу въ серединѣ пылающаго круга, состоящаго изъ соломенныхъ сноповъ и вязанокъ хворосту, предназначенныхъ для сожиганія человѣка на медленномъ огнѣ, если бы казнимый, стоя у самаго столба, пожелалъ избѣжать «быстраго» огня.

И вотъ на мученика, пытавшагося противопоставить жгучему пламени всю мощь своего духа, присутствующіе смотрѣли съ любопытствомъ.

Въ то же время королева Марія, почувствовавъ жажду и увидавъ на блюдѣ половину дыни, сползла съ постели, добралась до плода и съѣла его весь.

Потомъ у королевы началась лихорадка; больная, вся въ поту и ознобѣ, не могла двинуться съ мѣста, и такъ и осталась на полу.

— Охъ,—промолвила она: я бы согрѣлась, если бы кто-нибудь положилъ меня въ постель.

Вотъ тогда она и услыхала скульптора, кричавшаго:

— Отрубите ноги!

— Охъ!—вырвалось у королевы,—ужъ не собака ль воетъ, предвѣщаетъ мою смерть.

Въ этотъ моментъ скульпторъ, видя передъ собою однихъ лишь враговъ-испанцевъ, вспомнилъ Фландрію, страну мужественныхъ людей и скрестивши руки, волоча за собой длинную цѣпь, двинулся къ пылавшимъ соломеннымъ снопамъ и вязанкамъ хворосту, и сталъ возлѣ самыхъ сноповъ со скрещенными на груди руками, выпрямившись во весь свой ростъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—какъ умираютъ фламандцы въ присутствіи палачей испанскихъ. Отрубите ноги, но не мнѣ, а палачамъ, пусть не рыскаютъ они по свѣту въ погонѣ за убійствомъ! Да здравствуетъ Фландрія! Да здравствуетъ Фландрія на вѣки-вѣчные!

И аплодировали дамы при видѣ его гордой стойкости, просили помиловать.

И онъ умеръ.

Королева Марія дрожала всѣмъ тѣломъ, плакала, лихорадочно стучала зубами при мысли о близости смерти и, вытягивая руки и ноги, говорила:

— Положите меня въ постель, дайте мнѣ согрѣться.

И она умерла.

Итакъ, сбылось предсказаніе Катлины, доброй чародѣйки: Филиппъ всюду сѣялъ смерть, кровь и слезы.

XXXI.

Но Уленшпигель и Нель были заняты взаимной любовью.

Стоялъ конецъ апрѣля, всѣ деревья были въ цвѣту, всѣ растенія, переполненныя сокомъ, ждали мая, приходящаго на землю съ павлиномъ пышно-цвѣтнымъ, какъ букетъ, и побуждающимъ соловьевъ пѣть въ вѣтвяхъ.

Часто Уленшпигель и Нель бродили по полямъ. Нель шутливо брала Уленшпигеля подъ руку и, обхвативъ обѣими руками, опиралась на нее. Уленшпигелю нравилась подобная игривость, и онъ тоже обнималъ Нель за талію, чтобы, по его словамъ, лучше поддерживать свою милую.

На дорогахъ вѣтеръ нѣжно обдавалъ прохожихъ душистымъ запахомъ съ луговъ. Море лѣниво шумѣло навстрѣчу солнцу. Уленшпигель казался молоденькимъ дьяволомъ, гордымъ-прегордымъ, Нель—милой жительницей рая, застыдившейся отъ ощущенія испытываемаго грѣшнаго удовольствія.

Она клала головку на плечо Уленшпигеля, онъ бралъ ея ручки въ свои и на ходу цѣловалъ ее въ лобъ, въ щеки, въ маленькій ротикъ. Она не произносила ни слова. Проходили часы. Имъ становилось жарко и хотѣлось пить. Тогда они пили молоко у крестьянина, но это мало ихъ освѣжало.

И вотъ они садились гдѣ-нибудь на краю рва, на зеленую мураву. Нель блѣднѣла, становилась задумчивой, Уленшпигель не безъ боязни поглядывалъ на нее.

— Тебѣ не грустно?—спрашивала она.

— Грустно,—отвѣчалъ онъ.

— Почему?—допытывалась она.

— Не знаю я,—говорилъ онъ,—но эти яблони и вишни всѣ въ цвѣту, и воздухъ какой-то особенный, терпкій и словно отяжелѣвшій отъ молніи, точно она прячется въ немъ, потомъ эти распускающіеся бѣлорозовые цвѣточки, на лугу, боярышникъ тамъ, возлѣ нашего дома, у забора, совсѣмъ, совсѣмъ бѣлый...

— Хоть бы кто мнѣ сказалъ, отчего это я такой взбаламученный? Отчего мнѣ то спать хочется, то помереть? И какъ заслышу я, что пташки на вѣткахъ проснулись, какъ увижу, что ласточки опять прилетѣли, сердце мое начинаетъ биться. И такъ хочется мнѣ итти куда-то далеко-далеко, дальше, чѣмъ солнце и луна. И то въ холодъ меня бросаетъ, то въ жаръ. Ахъ Нель! Порою мнѣ хотѣлось бы совсѣмъ не жить на свѣтѣ, а порою, напротивъ, хочется разбиться на тысячи жизней и всѣ ихъ отдать той, которая бы меня полюбила.

Но она не произносила ни слова и облегченно, улыбаясь, смотрѣла на Уленшпигеля.

XXXII.

Въ праздникъ всѣхъ Усопшихъ Уленшпигель вышелъ изъ церкви Богородицы вмѣстѣ со своими сверстниками, порядочными сорванцами. Ламъ Гудзакъ, словно овца среди стаи волковъ, затесался между ними.

Ламъ обыкновенно всѣхъ угощалъ выпивкой, потому что его мать каждое воскресенье и всякій праздничный день давала ему три патара.

Онъ отправлялся теперь съ товарищами въ Красный Щитъ къ Жану Либеку, который подалъ имъ «двойного» Куртрэскаго.

Напитокъ подогрѣлъ собравшихся, заговорили о молитвахъ, и Уленшпигель откровенно заявилъ, что заупокойныя обѣдни выгодны однимъ лишь попамъ.

Но нашелся въ компаніи Іуда: онъ донесъ на Уленшпигеля, какъ на еретика. Несмотря на слезы Сеткинъ и на протесты Класа, Уленшпигеля схватили, посадили въ тюрьму и продержали въ подземельи за рѣшеткою мѣсяцъ и три дня въ полномъ одиночествѣ. Между прочимъ, тюремщикъ съѣдалъ три четверти дневной порціи арестанта. Тѣмъ временемъ навели справки о его поведеніи вообще и узнали, что это былъ большой насмѣшникъ, подтрунивавшій надъ своими ближними, но никогда не задѣвавшій Имени Божія, Пр. Богородицы и св. Угодниковъ. Поэтому приговоръ былъ мягокъ; въ противномъ случаѣ могли заклеймить раскаленнымъ желѣзомъ въ лицо и до крови наказать плетьми.

Нисходя къ юному возрасту преступника, судьи приговорили его только къ церковному покаянію: почти голый, въ одной сорочкѣ, съ непокрытой головой и босой онъ долженъ былъ съ зажженной свѣчей шествовать позади священниковъ въ первомъ крестномъ ходѣ, который выйдетъ изъ приходскаго храма Богоматери.

Въ моментъ появленія торжественной процессіи на паперти ему приказано было остановиться и воскликнуть:

«Хвала Тебѣ, Господи Іисусе! Хвала вамъ, священнослужители! Ваши молитвы—елей и освѣжающая влага для душъ кающихся. Ибо каждая «Богородица», точно ведро воды на спину грѣшника, и каждый «Отче Нашъ»—даже не ведро, а цѣлый чанъ».

И народъ набожно, но не безъ легкой усмѣшки выслушивалъ это покаяніе.

Въ день Пятидесятницы его также заставили слѣдовать за процессіей, въ одной сорочкѣ, босикомъ, съ обнаженной головой и зажженной свѣчей въ рукѣ. Предъ самымъ окончаніемъ крестнаго хода онъ сталъ у ступенекъ, ведшихъ на паперть, и, держа себя въ общемъ благоговѣйно, хотя и не безъ чуть-чуть замѣтныхъ мальчишескихъ гримасъ, проговорилъ громко и отчетливо:

«Молитвы вообще—великое облегченіе для душъ кающихся, а тѣмъ паче молитвы настоятеля церкви Пр. Богородицы, свя-

того человѣка, образца всяческихъ добродѣтелей! Онѣ врачуютъ боли огненныя, превращаютъ ихъ внезапно въ питье прохладительное. Но діаволамъ, палачамъ грѣховнымъ, не достанется этого питія ни капли».

И народъ снова набожно внималъ ему, хотя, попрежнему, не безъ усмѣшки; самъ настоятель не могъ удержать довольной улыбки знатока.

Потомъ Уленшпигеля выслали изъ предѣловъ Фландріи на три года, съ условіемъ предпринять паломничество въ Римъ и не раньше возвратиться на родину, какъ получивъ отъ папы отпущеніе грѣховъ.

Класу пришлось заплатить за этотъ приговоръ три флорина, да вдобавокъ снабдить сына паломнической одеждой и дать ему флоринъ на дорогу.

Обнимая, въ день ухода изъ дома, Класа и Сеткинъ, заливающуюся слезами, скорбящую мать, Уленшпигель былъ удрученъ. Его проводили далеко за городъ и въ проводахъ приняли также участіе почтенные люди въ Дамѣ, мужчины и женщины.

Класъ, воротясь въ свою хибарку, сказалъ женѣ:

— Жестоко, хозяюшка, за пару глупыхъ словъ назначать пареньку такое тяжелое наказаніе.

— И ты плачешь, муженекъ,—замѣтила Сеткинъ,—видно крѣпче его любишь, чѣмъ показываешь людямъ; а мужскія слезы, извѣстно,—слезы львиныя.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Нель спряталась на гумнѣ, чтобы никто не видѣлъ, что она тоже плакала по Уленшпигелѣ. Когда провожали, она издали слѣдовала за Сеткинъ и Класомъ и за чужими почтенными людьми. Увидавъ же своего милаго, покинутымъ всѣми, подбѣжала и бросилась ему на шею.

— Будетъ у тебя теперь много красавицъ,—сказала она.

— Красавицъ? не знаю!— отвѣчалъ Уленшпигель,—но такихъ, свѣжихъ, какъ ты, навѣрное не будетъ, потому что солнце ихъ тамъ всѣхъ поджарило.

Долго шли вмѣстѣ. Уленшпигель въ глубокомъ раздумьѣ повторялъ иногда:

— Они мнѣ еще попомнятъ заупокойныя обѣдни.

— Какія обѣдни, и кто попомнитъ?—спрашивала Нель.

Уленшпигель пояснилъ:

— Да всѣ: настоятели, папы, причетники, церковные сторожа и всякіе мастодонты высшіе и низшіе. Что жъ это такое? Грабежъ да и только! Вѣдь, будь я заправскимъ ремесленникомъ:—что значитъ принудить меня три года паломничать?—значитъ забрать-

ся въ мой карманъ и украсть у меня все, что я заработалъ бы за три года. А теперь, кому придется платиться за все? Все тому же бѣднягѣ—Класу. Погоди, они еще сторицей вернутъ мнѣ мои убытки! Я еще отслужу панихиду и по ихъ капиталамъ.

— Эхъ, Тиль, возьми себя въ руки, а то они живымъ спалятъ тебя,—возразила Нель.

— Ничего, я не горючь—я каменный,—утѣшалъ Уленшпигель.

И они разстались; она—вся въ слезахъ, онъ въ удрученномъ и крайне раздраженномъ состоянiи.

XXXIII.

Проходя въ среду, въ базарный день, черезъ Брюгге, увидалъ онъ женщину, которую тащили палачъ съ помощниками, и огромную толпу бабъ, кричавшихъ и поносившихъ ее отборной бранью.

Платье ея вверху было обшито красными лоскутами, на шеѣ, на желѣзной цѣпи, висѣлъ «камень правосудiя». Уленшпигель понялъ, что это была женщина, торговавшая своими юными дочерьми. Ему сказали, что звалась она Варварой и была замужемъ за Iоной Дарю, а теперь ее водятъ съ площади на площадь, пока, наконецъ, не приведутъ на Главный Рынокъ. Тамъ взойдетъ она на приготовленный уже эшафотъ. Уленшпигель пошелъ вслѣдъ за кричавшей толпой народа. На Главномъ Рынкѣ ее дѣйствительно взвели на эшафотъ, привязали къ столбу, и палачъ положилъ предъ ней вязанку соломы и кусокъ земли, знаменующiй яму.

Разсказали также Уленшпигелю, что женщину раньше наказывали въ тюрьмѣ плетьми.

Уходя съ площади, онъ встрѣтился съ Анри Маришалемъ, извѣстнымъ бездѣльникомъ, повѣшеннымъ однажды въ восточно-ипрскомъ кастелянствѣ и показывавшемъ на своей шеѣ слѣды веревочной петли. По его разсказамъ, онъ ужъ былъ вздернутъ на воздухъ, когда, помолившись мѣстной чудотворной иконѣ Божьей Матери, былъ спасенъ. Совершилось истинное чудо: исчезли судьи, палачи и обвинители, веревка перестала сжимать горло, порвалась, и онъ упалъ на землю здравымъ и невредимымъ.

Но впослѣдствiи узналъ Уленшпигель, что этотъ человѣкъ былъ мнимый Анри Маришаль, запасшiйся проходнымъ свидѣтельствомъ за подписью настоятеля церкви Пр. Богородицы, въ которой находилась мѣстная чудотворная икона Богоматери. Благодаря разносимымъ повсюду выдумкамъ этого проходимца, народъ толпами стекался въ названную церковь, и

всѣ тѣ, кто чувствовали, что для нихъ, долго ли, коротко ли, но запахнетъ въ воздухѣ висилицей, предусмотрительно хорошо платили настоятелю. И долгое время спустя эта церковь звалась въ народѣ церковью повѣшенныхъ.

XXXIV.

Въ это время инквизиторы и богословы во второй разъ уже докладывали Карлу, что церковь пришла въ упадокъ: ея власть не уважается; что императоръ одержалъ столько побѣдъ благодаря молитвамъ католическаго міра, поддерживающаго высоко престижъ монарха.

Архіепископъ испанскій требовалъ усѣкновенія шести тысячъ головъ и сожженія стольких же тѣлъ, требовалъ этого для искорененія вредной лютеровской ереси въ Нидерландахъ. И Его Святѣйшее Величество нашелъ даже, что этого мало.

И вотъ бѣдный, испуганный Уленшпигель повсюду, гдѣ ни проходилъ, видѣлъ человѣческія головы на дорожныхъ столбахъ; молодыхъ дѣвушекъ, посаженныхъ въ мѣшки и живьемъ брошенныхъ въ рѣки; людей четвертованныхъ и колесованныхъ, женщинъ, кинутыхъ въ яму, засыпанныхъ слегка землею, на которой плясали палачи, желавшіе проломить грудную клѣтку своимъ жертвамъ. Духовники же съ раскаявшихся мужчинъ и женщинъ получали съ персоны по двѣнадцати соль.

Онъ видѣлъ въ Лувенѣ палачей, сжигавшихъ разомъ тридцать лютеранъ и подпаливавшихъ костеръ пушечнымъ порохомъ. Въ Лимбургѣ ему попалась на глаза семья, состоявшая изъ мужчинъ и женщинъ, зятьевъ и невѣстокъ, шедшая на казнь съ пѣньемъ псалмовъ. Какой-то старикъ вопилъ, пока его сжигали.

И Уленшпигель, ужасаясь и скорбя, свершалъ свой путь по несчастному краю.

XXXV.

Очутившись въ полѣ, онъ отряхнулся, словно птица или собака, спущенная съ цѣпи, и на сердцѣ у него повеселѣло въ виду деревьевъ, луговъ и яснаго солнышка.

Послѣ трехъ дней пути пришелъ онъ въ Брюссель, въ богатую его часть—Уклъ (Uccle). Бредя мимо трактира «Охотничій рогъ», былъ прельщенъ божественнымъ запахомъ душёнаго мяса и спросилъ у праздношатающагося искателя приключеній, нюхавшаго воздухъ и наслаждавшагося запахомъ соуса, въ честь кого поднимается въ небо этотъ ѳиміамъ чествованій? Тотъ отвѣтилъ, что общество подъ названіемъ «Добрая Рожа», соберется здѣсь

вечеромъ и будетъ праздновать совершившееся встарь при исключительномъ посредствѣ женщинъ и дѣвушекъ освобожденіе Укля [1]).

Замѣтивъ издали попугая на шестѣ и толпу кумушекъ съ луками за плечами, Уленшпигель освѣдомился, не сдѣлались ли теперь женщины стрѣлками.

Праздный лакомка, втягивая въ себя вкусный запахъ соусовъ, отвѣтилъ, что въ далекія времена Добраго Герцога такіе же точно луки находились въ рукахъ Уклевскихъ женщинъ, заставившихъ больше сотни разбойниковъ выбирать между жизнью и смертью.

Уленшпигелю хотѣлось разспросить поподробнѣе объ этомъ историческомъ событіи, но его собесѣдникъ заявилъ, что отъ голода не можетъ говорить и просилъ дать одинъ, хотя бы, патаръ на закуску и выпивку. Уленшпигель изъ жалости исполнилъ эту просьбу.

Получивъ патаръ, молодчикъ немедленно, словно лисица въ курятникъ, юркнулъ въ «Оленій Рогъ» и побѣдоносно вернулся оттуда съ половиной колбасы и большой краюхой хлѣба...

Тутъ услыхалъ Уленшпигель пріятные звуки тамбуриновъ и скрипокъ и увидѣлъ толпу танцующихъ женщинъ и сзади нихъ красавицу-хозяюшку съ золотой цѣпью на шеѣ.

Ухмылявшійся послѣ ѣды молодчикъ сказалъ Уленшпигелю, что молодая и красивая хозяюшка по имени Митче жена эшевена коммуны г-на Ренонкэля и считается первой по стрѣльбѣ изъ лука. Потомъ онъ попросилъ Уленшпигеля дать ему на выпивку шесть ліардовъ. Уленшпигель далъ. Наѣвшись и напившись, молодчикъ сѣлъ на солнечномъ припекѣ, сѣлъ на собственное сѣдалище и принялся ковырять въ зубахъ ногтями.

---

[1]) Существуетъ народная фламандская легенда: былъ въ Углѣ (Uccle) пріятный трактиръ, по прозванію «Добрая Рожа». Мужская половина Укля пристрастилась къ милому трактиру, дневала и ночевала тамъ, и совсѣмъ забыла другую, свою дражайшую половину. Бѣдныя жены почти не видали своихъ мужей: тѣ либо ѣли-пили, либо спали. Явилась даже опасность, какъ бы не сократилось потомство уклевцевъ. Тогда женщины, въ виду подобной опасности, рѣшились принять строгія мѣры. Всѣ вмѣстѣ онѣ отправились въ пресловутый трактиръ, подсѣли къ мужьямъ, съ ними пировали и съ ними же вернулись домой. Опасность сокращенія потомства уклевцевъ была на нѣкоторое время устранена. Но лишь только женщины, временно удовлетворенныя въ своихъ правахъ женъ, перестали посѣщать «Добрую Рожу», какъ мужья снова принялись за свое. И снова явилась опасность сокращенія потомства уклевцевъ. Положеніе сдѣлалось довольно безотраднымъ. Но тутъ случай помогъ. Напали на Укль сосѣди-разбойники. Пьяные мужья всѣ спали и невозможно было ихъ добудиться. Не спали однѣ горемычныя жены, убивавшіяся надъ своей горькой долей «соломенныхъ вдовъ», и вотъ онѣ, вооружившись луками и чѣмъ попало, прогнали разбойниковъ. Съ тѣхъ поръ уклевскому населенію не грозила больше опасность сокращенія потомства: мужья бодрствовали. *Примѣч. переводчика.*

Обративъ вниманіе на Уленшпигеля, въ костюмѣ паломника, женщины-лукистки принялись плясать вокругъ него, приговаривая.

— Здравствуй, красавецъ-пилигримъ; издалека ль идешь, молоденькій-пилигримъ?

Уленшпигель отвѣчалъ:

— Иду я изъ Фландріи, а въ ней много влюбленныхъ дѣвушекъ,—и съ грустью вспомнилась ему Нель.

— Въ чемъ провинился ты?—допытывались онѣ, переставъ танцовать.

— Такъ велико оно то, въ чемъ я провинился, что не смѣю признаться, но есть на мнѣ и другое, тоже не маленькое.

Онѣ улыбались и продолжали спрашивать, почему онъ долженъ былъ отправиться въ путешествіе съ пилигримскимъ посохомъ и котомкой съ устричными раковинками вмѣсто денегъ?

— За свои слова,—объяснялъ Уленшпигель, немного привирая,—что заупокойныя обѣдни съ панихидами полезны священникамъ.

— Да, онѣ приносятъ имъ мѣдь звенящую,—отвѣчали женщины,—но онѣ пользительны и для душъ, пребывающихъ въ Чистилищѣ.

— Не знаю, я тамъ не былъ,—отозвался Уленшпигель.

— Хочешь, пилигримъ, съ нами закусить? предложила самая миловидная лукистка.

— Хочу съ вами закусывать,—отвѣтилъ онъ,—и хочу вами закусить, тобою и всѣми прочими поочерёдно, потому что вы—лакомые кусочки и хрустите лучше всякой дичи, лучше бекасовъ и дроздовъ.

— Господь тебя напитай,—заговорили женщины,—а только захотѣлъ ты дичинки, которой и цѣны нѣтъ.

— И вамъ цѣны нѣтъ, мои голубки.

— Мало, что нѣтъ, мы и вовсе не продаемся.

— Не продаетесь, а даромъ даетесь, да?

— Не даемся, а даемъ подзатыльники слишкомъ большимъ смѣльчакамъ. А если хочешь, и отколотить можемъ, измолотимъ, что твой снопъ на гумнѣ.

— Нѣтъ ужъ благодарствуйте, пока не нужно.

— Ну, идемъ закусывать,—пригласили онѣ его еще разъ.

Онъ пошелъ за ними во дворъ трактира, наслаждаясь видомъ свѣжихъ женскихъ лицъ. Вдругъ увидалъ торжественно вступавшихъ во дворъ съ флагомъ, барабаномъ, флейтой и тамбуриномъ членовъ Общества «Добрая Рожа», гордящихся именемъ своего союза. Такъ какъ они съ любопытствомъ глядѣли на неиз-

вѣстнаго, то жены объясняли имъ, что это пилигримъ, котораго онѣ подобрали на улицѣ, и, найдя, что у него тоже добрая рожа, на манеръ ихъ мужей и жениховъ, пригласили его раздѣлить праздничную трапезу.

Слушатели одобрили это объясненіе и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Пилигримъ, пилигримствующій! Не желаешь ли ты попилигримствовать по мясамъ и соусамъ.

— Съ удовольствіемъ попилигримствую въ семимильныхъ сапогахъ,—отвѣчалъ Уленшпигель.

Войдя вмѣстѣ съ ними въ залу, онъ изъ раскрытаго окна замѣтилъ двѣнадцать слѣпыхъ, тащившихся по парижской дорогѣ. Поровнявшись съ нимъ, они стали сѣтовать на голодъ и жажду, и Уленшпигель заявилъ несчастнымъ, что сегодня вечеромъ они поужинаютъ по королевски, насчетъ Уклевскаго старшины въ память поминальной субботы.

Онъ вышелъ къ нимъ и сказалъ:

— Вотъ девять флориновъ, ступайте закусывать. Слышите вы запахъ душёнаго мяса?

— Какъ же не слыхать! Ужъ за полмили слыхали, да понапрасну, не надѣялись...

— Теперь съ девятью флоринами можете поѣсть.— Но онъ ничего имъ не далъ.

— Господь тебя благослови,—благодарили несчастные.

Провожаемые Уленшпигелемъ, они расположились вокругъ небольшого круглаго стола. За большимъ же столомъ разсѣлись члены «Доброй Рожи» съ женами и дочерьми.

Увѣренно разсуждая о девяти флоринахъ, слѣпые гордо отдали приказаніе хозяину:

— Подать намъ ѣды и питья, да всего самаго лучшаго.

Хозяинъ, слышавшій ихъ разсужденія, полагалъ, что девять флориновъ покоятся на днѣ ихъ кошелей, и поэтому спросилъ чего они желаютъ.

Тогда всѣ разомъ они заголосили:

— Гороху съ саломъ, рагу изъ пареной съ каштанами говядины, баранины, курятины!—А сосиски, собакамъ что ли выбросить?—А кто по дорогѣ принюхивался къ ливерной и кровяной колбасѣ, а подержаться за нее, такъ и не подержался?! Я, когда еще мои глаза, точно двѣ свѣчки, служили мнѣ, видѣлъ эти колбасы. А что жъ забыли про сладкія, на маслѣ, Андерлехтскія [1]) лепешки? Онѣ сочныя, вкусно хрустятъ, онѣ проматери кружекъ, залитыхъ за галстукъ.—Кто подставитъ мнѣ подъ носъ яишницу съ

[1]) Anderlecht—одно изъ предмѣстій Брюсселя.

ветчиной или ветчину съ яишницей, милыхъ друзей, которые сами просятся въ ротъ?—Гдѣ ты, небесное жаркое, гордо плавающее въ соусѣ съ лучкомъ, съ пѣтушиными гребнями, съ телячьимъ можжечкомъ, съ бычачьимъ хвостикомъ?—Гдѣ вы бараньи ножки съ лучкомъ, перцемъ, съ гвоздичкой и мускатнымъ орѣшкомъ и все это душеное, продушеное, подъ виннымъ соусомъ?—Кто приведетъ васъ ко мнѣ, милыя, кроткія колбаски, безмолвно отправляющіяся въ ротъ, родомъ изъ Luy-lecker-land'a, страны лѣнтяевъ и гурмановъ, вѣчныхъ лизуновъ соусовъ?! Но что напрасно спрашивать о сухихъ листьяхъ прошлогодней осени!—Подать мнѣ жиго съ бобами!—А мнѣ поросячій султанъ, свиное ушко.—А мнѣ четки ортолана, гдѣ «Отче Нашъ» приходится на бекаса, а «Вѣрую» на жирнаго каплуна.

Хозяинъ отвѣтилъ спокойно:

— Вамъ будетъ подана яишница на шестьдесятъ глазковъ. И на этой горѣ пищи будетъ водружено, въ качествѣ путеводныхъ для вашихъ ложекъ столбовъ, пятьдесятъ свѣже-отваренныхъ, дымящихся кровяныхъ колбасъ. Поверхъ же горы будетъ находится Dobbel Peterman—цѣлое море вина.

Слюна потекла изо рта бѣдныхъ слѣпыхъ, и они просили:

— Подай же намъ гору, путеводные столбы и море.

А усѣвшіеся за столъ вмѣстѣ съ женами и Уленшпигелемъ члены общества «Доброй Рожи» разсуждали о томъ, что сегодняшній день превратился для слѣпыхъ въ невидимую пирушку, и о томъ, что половина удовольствія для нихъ пропала отъ этой невидимости.

Когда пріѣхала на столъ убранная петрушкой и капорцами яишница, слѣпые хотѣли, было, накинуться на нее и начать пачкаться, но хозяинъ, подававшій самъ, не безъ труда, обдѣлилъ ихъ каждаго отдѣльно, положивъ каждому его порцію въ особую миску.

Женщины-лукистки пришли въ умиленіе, увидавъ, съ какимъ усердіемъ и сладкими вздохами проголодавшіеся слѣпцы глотали колбасы, точно устрицы. Dobbel Peterman струился въ ихъ животы сплошными потоками съ горныхъ высотъ.

Вычистивъ миски, они потребовали лепешекъ, дичи и душенаго мяса. Хозяинъ подалъ имъ блюдо съ говяжьими, телячьими и бараньими костями, плавающими въ прекрасной подливкѣ. При этомъ онъ имъ не раздавалъ порцій.

Окуная хлѣбъ въ соусъ и пачкая руки до самыхъ локтей, они въ концѣ концовъ выуживали со дна однѣ только кости. Тогда каждый изъ нихъ вообразилъ, что сосѣдъ завладѣлъ всѣмъ

мясомъ. Началась драка, во время которой тыкали въ лицо другъ другу обглоданными костями.

Члены Общества «Добрая Рожа», посмѣявшись всласть, стали милостиво подкладывать на блюдо несчастныхъ со своего стола. И бѣдные слѣпые, ищущіе костей для продолженія сраженія, натыкались рукою одни на жаренаго дрозда, другіе на кусокъ курицы или пару жаворонковъ. Въ это время добрыя хозяюшки, запрокинувъ немного головы дерущихся, лили прямо имъ въ ротъ брюссельское вино и напаивали допьяна. Когда же тѣ сослѣпу шарили руками, желая почувствовать, откуда это текутъ къ нимъ ручьи амброзіи, то ловили лишь край юбки, который старались удержать. Но юбка внезапно ускользала.

Такъ они смѣялись, пили, ѣли, пѣли. Нѣкоторые изъ нихъ, чутьемъ угадывали присутствіе миловидныхъ хозяюшекъ, бѣгали по залѣ, влюбленные, околдованные влеченіемъ къ женщинѣ, но шаловливыя дѣвушки сбивали ихъ и, прячась за кого-нибудь изъ членовъ «Доброй Рожи», говорили слѣпымъ: «Цѣлуй меня». Тѣ цѣловали, но только не женщину, а бородатое лицо мужчины, и встрѣчались при этомъ съ неособенно дружелюбнымъ отношеніемъ къ себѣ.

Члены «Доброй Рожи» пѣли, слѣпые пѣли тоже. И веселыя хозяюшки, при видѣ ихъ радости, умилялись и улыбались.

Миновала обѣденная пора, и хозяинъ обратился къ слѣпцамъ.

— Ну-съ, вы хорошо поѣли, попили, позвольте теперь получить съ васъ семь флориновъ.

Тутъ каждый изъ нихъ сталъ клясться, что не у него кошелекъ, и обвинялъ сосѣда. По этому поводу произошла между ними новая битва; ея участники старались наносить побои другъ другу ногами, кулаками и головами, старались, но часто напрасно: братцы «Доброй Рожи» разводили дерущихся. И удары, сыпавшіеся дождемъ, падали въ пустоту. Одинъ изъ такихъ ударовъ пришелся по лицу хозяина. Тотъ, страшно разсердившись, велѣлъ обыскать драчуновъ и нашелъ у нихъ, всего-на-всего, старую котомку съ семью ліардами, тремя пуговицами отъ панталонъ и молитвенникомъ.

Онъ хотѣлъ ихъ швырнуть въ хлѣвъ къ свиньямъ и продержать тамъ на хлѣбѣ и на водѣ до тѣхъ поръ, пока не заплатятъ своего долга.

— Хочешь, я поручусь тебѣ за нихъ? — вмѣшался Уленшпигель.

— Хочу,—согласился хозяинъ,—если только кто-нибудь захочетъ поручиться за тебя тоже.

«Добрыя Рожи» изъявили желаніе сдѣлать это, но Уленшпигель воспротивился ихъ намѣренію—и сказалъ:

— Самъ старшина Укля поручится, я сейчасъ иду къ нему.

Съ этими словами, памятуя о дорого стоившихъ ему заупокойныхъ обѣдняхъ, онъ отправился къ старшинѣ и расказалъ тому, что въ хозяина «Оленьяго Рога» вселился дьяволъ, что онъ только и говоритъ о свиньяхъ да о слѣпыхъ; и то свиньи у него пожираютъ слѣпыхъ, то слѣпые—свиней подъ разными нечестивыми видами, то подъ видомъ жаркого, то подъ видомъ душёнаго мяса. И вотъ главное: пока хозяинъ одержимъ дьяволомъ, онъ не перестаетъ бить все въ домѣ вдребезги. Поэтому пусть старшина пойдетъ и изгонитъ бѣса изъ несчастнаго человѣка.

Старшина обѣщалъ изгнать, но оговорился, что немедленно пойти не можетъ, занятъ-молъ провѣркой важныхъ общественныхъ счетовъ, небезынтересныхъ для него и въ смыслѣ личной выгоды.

Видя его нетерпѣніе, Уленшпигель прибавилъ, что придетъ еще разъ съ женой хозяина, и тогда старшина можетъ лично съ ней объясниться.

— Приходите вдвоемъ,—одобрилъ старшина.

Уленшпигель вернулся въ трактиръ и сказалъ хозяину:

— Я только-что отъ старшины; онъ согласенъ поручиться за слѣпыхъ. Посторожите ихъ, а я съ вашей хозяйкой отправлюсь къ нему, пусть онъ ей самъ подтвердитъ мои слова.

Трактирщица вмѣстѣ съ Уленшпигелемъ отправилась къ старшинѣ, который продолжалъ заниматься провѣркой общественныхъ счетовъ, «небезынтересныхъ и въ смыслѣ личной выгоды». Не успѣла хозяйка съ Уленшпигелемъ ввалиться въ комнату, какъ старшина нетерпѣливымъ жестомъ попросилъ ихъ ретироваться, заявивъ женщинѣ:

— Успокойся, пожалуйста, черезъ день, черезъ два я помогу твоему хозяину.

И Уленшпигель на возвратномъ пути въ «Оленій Рогъ» говорилъ самъ себѣ:

— Заплатитъ голубчикъ сто флориновъ, и это будетъ моей первой панихидой по всѣмъ усопшимъ.

И онъ скрылся и слѣпые также.

XXXVI.

Очутившись на завтра на шоссе среди огромной толпы людей, Уленшпигель пошелъ за ними и скоро узналъ, что это день обычнаго паломничества въ Альзембергъ.

Онъ увидалъ здѣсь жалкихъ старухъ, пятившихся за флоринъ задомъ и босикомъ во искупленіе грѣховъ знатныхъ дамъ. На краю дороги куча пилигримовъ подъ звуки гудковъ, альтовъ и волынокъ пировала за жаркимъ и пивомъ. И дымъ отъ лакомыхъ приправъ поднимался въ небо, словно вкусный ѳиміамъ пищи. Но были и другого сорта пилигримы: скряги, нищіе и пустомели, оплаченные церковью, пятившіеся задомъ за шесть соль.

За ними пятился тоже задомъ и въ припрыжку небольшого роста совсѣмъ лысый старичокъ съ выпяченными глазами и дикимъ видомъ и бормоталъ свои «Патенотры».

Уленшпигель, желая знать, почему онъ корчилъ изъ себя рака, подпрыгивалъ передъ нимъ тѣмъ же темпомъ. Гудки, дудки, альты и волынки, сливаясь съ оханьемъ пилигримовъ, заиграли плясовую.

— Жанъ Ванъ-ден-Дюйвель, [1]) — обратился къ старичку Уленшпигель,—ужъ не для того ли, чтобы получше шлепнуться, ты скачешь такимъ манеромъ?

Тотъ, ничего не отвѣчая, продолжалъ бормотать свои «Патенотры».

— Можетъ быть ты хочешь,—продолжалъ Уленшпигель,— убѣдиться, сколько именно деревьевъ растетъ при дорогѣ и ужъ за компанію съ деревьями посчитать и листья?

Лысый человѣчекъ, перешедшій съ «Патенотровъ» на «Символъ вѣры» и бормотавшій «Вѣрую», жестомъ приказывалъ Уленшпигелю замолчать.

— Можетъ быть,—не унимался Уленшпигель, попрежнему подражая ему и подпрыгивая,—ты скоропостижно сошелъ съ ума, и всѣ люди у тебя заходили навыворотъ. Но въ такомъ случаѣ неумно ждать разумнаго отвѣта отъ помѣшаннаго. Не правду ль я говорю, господинъ, у котораго кто-то выщипалъ всѣ волосы?

Старикъ упорно не отвѣчалъ, Уленшпигель, не останавливаясь, скакалъ и отбивалъ подошвами такого звонкаго трепака, точно не на дорогѣ гарцевалъ, а на деревянномъ помостѣ.

— А можетъ быть,—приставалъ Уленшпигель,—вы нѣмы, сударь?

«Ave Maria», твердилъ этотъ «сударь»,—«gratia plena et benedictus fructus ventris Tui Jesu» [2]).

— А можетъ быть,—донималъ Уленшпигель,—вы глухи. Посмотримъ: говорятъ, глухіе не слышатъ ни похвалъ, ни брани.

---

[1]) Дюйвель по-фламандски—чортъ (нѣмец. Teufel). *Примѣч. переводч.*
[2]) Благодатная Марія, благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего.

Хорошо! Поглядимъ, кожаная ли у тебя барабанная перепонка или мѣдная. Эхъ, фонарь ты безъ свѣчки, жалкое подобіе настоящаго пѣшехода, не ужъ то и ты думаешь, что похожъ на человѣка?! Дожидайся, пока людей изъ ветошки начнутъ дѣлать, тогда и ты на нихъ станешь похожимъ. И гдѣ это виданы такія пожелтѣлыя рожи, такія общипанныя головы! Подъ висѣлицей развѣ? Тебя, вѣрно, ужъ вѣшали когда-нибудь?

И Уленшпигель при этомъ приплясывалъ, а разсердившійся паломникъ, порывистыми скачками пятился задомъ, бормоча съ затаеннымъ гнѣвомъ свои «Патенотры».

— Можетъ быть ты понимаешь только по-верхне-фламандски, а по-нижне-фламандски не понимаешь, ну такъ я, предупреждаю: буду говорить по-нижнему. Такъ вотъ: если ты не пьяница, значитъ потребитель чистой воды, и хвораешь запорами; если же не хвораешь запорами, значитъ, болѣешь поносами. Если не развратникъ, то, навѣрное, каплунъ. Если есть на свѣтѣ воздержаніе, во всякомъ случаѣ оно не въ твоемъ огромномъ брюхѣ, и, если бъ на милліонъ милліоновъ обитателей земли завелся хоть одинъ мужъ-рогоносецъ, то, безъ сомнѣнія, этимъ однимъ сдѣлали бъ тебя....

Съ этими словами Уленшпигель упалъ на собственное сѣдалище, задравъ вверхъ ноги. Дѣло въ томъ, что взбѣшенный пилигримъ далъ ему кулакомъ по носу такую затрещину, что у него сотни свѣчей поплыли передъ глазами. Потомъ, несмотря на увѣсистость своего живота, проворно навалился на упавшаго и сталъ колотить того, по чемъ попало. Удары градомъ сыпались на худощаваго Уленшпигеля. И посохъ свой онъ уронилъ на землю.

— Впередъ тебѣ наука,—приговаривалъ разъярившійся старичокъ,—не докучай честнымъ паломникамъ. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что я тоже, по обычаю, иду въ Альзембергъ, иду просить Пресвятую Дѣву Марію о единой милости: да пошлетъ она, въ наказаніе, выкидышъ моей супругѣ, зачавшей въ то время, когда былъ я въ отсутствіи. Удостоиться же таковой милости можно не иначе, какъ искусомъ. А для сего надобно на двадцатомъ шагу отъ дома начать приплясывать и пятиться задомъ, да молча пятиться, молча до самой церковной паперти. Эхъ, бѣда-то какая—придется все начинать сначала.

Уленшпигель, поднявъ свой посохъ, проговорилъ:

— Ничего, я тебѣ помогу въ бѣдѣ, бездѣльникъ. Хорошъ гусь! Смѣетъ обращаться къ Богородицѣ за такой милостью: просить младенцевъ убивать во чревѣ матери!

И онъ принялся тузить злого рогоносца и побилъ его такъ жестоко, что оставилъ полу-мертвымъ на дорогѣ.

Въ то же время попрежнему возносились въ высь оханья пилигримовъ, сливавшіяся съ звуками гудковъ, альтовъ, дудокъ и волынокъ, и безмятежно, словно чистый ѳиміамъ, поднимался въ небо легкій дымокъ отъ свѣжаго жаркого.

XXXVII.

Класъ, Сеткинъ и Нель мирно бесѣдовали въ уголку подлѣ теплаго очага и толковали о пилигримѣ пилигримствующемъ.

— Доченька,—говорила Сеткинъ,—ни красой своей, ни молодостью не удалось тебѣ, какъ видно, удержать его возлѣ насъ.

— Что жъ дѣлать, не удалось, видно!—соглашалась Нель.

— А не удалось потому, что есть у него своя краса, и вотъ эта-то краса и велитъ ему безъ устали рыскать по свѣту, рыскать за всѣмъ, только бы не за кускомъ хлѣба,—вмѣшивался Класъ.

— Фу, уродъ противный,—вздыхала Нель.

— Вѣрно, что противный,—подтверждала Сеткинъ,—а вотъ на счетъ урода—неправда. Сынъ мой Уленшпигель, правда, не похожъ на грека какого-нибудь или, тамъ, на римлянина, ну что жъ дѣлать, нѣтъ худа безъ добра. А что рыскать по свѣту гораздъ, такъ это у него ноги наши, фландрскія, рѣзвыя; глаза-то у него совсѣмъ, какъ у знаменитаго Франка Брюжскаго [1]), каріе, а ротъ и носъ настоящіе фламандскіе, точно ихъ двѣ лисицы дѣлали, большія ученыя да знатоки во всѣхъ художествахъ да разныхъ веселыхъ хитростяхъ.

— А кто дѣлалъ ему его руки лѣнивыя, да ноги проворныя, гораздыя кидаться туда, гдѣ потѣха?

— Его сердце, черезчуръ юное,—отвѣчала Сеткинъ.

XXXVIII.

Катлина о ту пору вылѣчила травами быка, трехъ барановъ и свинью у Шпильмановъ, но не могла вылѣчить коровы у Жана Белона. И Белонъ обвинилъ ее въ колдовствѣ. Онъ заявилъ, что она при лѣченіи напустила чары на корову, гладила ее и разговаривала съ нею, ужъ, конечно, на дьявольскомъ нарѣчіи, потому что какой же честный христіанинъ станетъ разговоры вести со скотиной.

Кромѣ того этотъ же Жанъ Белонъ прибавилъ, что онъ сосѣдъ того самаго Шпильмана, у котораго колдунья вылѣчила,

---

[1]) Знаменитый фламандскій художникъ-живописецъ Franck или Francken изъ Брюгге. Въ семьѣ Франковъ было много художниковъ, особенно знаменитъ изъ нихъ Франкъ, по прозвищу, Молодой (1581—1642).
Прим. переводчика.

свинью, быка и трехъ барановъ; по его мнѣнію, она сжила со свѣта его корову по наущенію завистливаго Шпильмана, а завидовалъ тотъ белоновскому полю, которое лучше обработано и приносило большій доходъ, чѣмъ шпильмановское. Благодаря показаніямъ Питера Мёльмистера, человѣка добропорядочной жизни, а также Жана Белона, увѣрявшаго, что Катлина слыла вѣдьмой въ Дамѣ и убила его корову, Катлину арестовали и присудили пытать до тѣхъ поръ, пока не сознается въ своихъ преступленіяхъ и злодѣяніяхъ.

Ее допрашивалъ эшевенъ, постоянно свирѣпый, потому что по цѣлымъ днямъ пилъ крѣпкое вино. Онъ приказалъ въ своемъ присутствіи и въ присутствіи обвинителей подвергнуть Катлину первоначальной пыткѣ.

Палачъ раздѣлъ ее до нага, потомъ обрилъ волосы и все тѣло, заглядывалъ при этомъ всюду, желая убѣдиться, не скрыты ль гдѣ-нибудь чары.

Не найдя ничего, привязалъ ее веревками къ скамейкѣ. Тогда она сказала:

— Пресвятая Богородица! Пошли мнѣ смерть: стыдно мнѣ такой нагой оставаться передъ этими мужчинами.

Затѣмъ палачъ, смочивъ бѣльё въ холодной водѣ, обложилъ имъ грудь, желудокъ и ноги своей жертвы и приподнявъ скамью сталъ лить кипятокъ ей внутрь, въ утробу, лить въ такомъ огромномъ количествѣ, что несчастная женщина вся казалась распухшей. Наконецъ, онъ опустилъ скамью.

Эшевенъ спросилъ Катлину, не желаетъ ли она сознаться. Жестомъ отвѣтила, что нѣтъ. Палачъ снова началъ лить горячую воду, но Катлина на этотъ разъ изрыгала ее всю.

Тогда, по совѣту врача, ее отвязали. Ни слова не произносила она, но била себя въ грудь въ знакъ того, что кипятокъ обварилъ ее. Когда эшевенъ замѣтилъ, что жертва отдохнула послѣ первой пытки, онъ къ ней вновь обратился съ вопросомъ:

— Сознайся, что ты колдунья и что ты напустила чары на корову.

— Не сознаюсь,—отвѣчала,—я люблю всякую скотинушку, люблю всѣмъ своимъ сердцемъ, и скорѣй готова сдѣлать самой себѣ зло, чѣмъ ей: защищаться, вѣдь, скотинушка, не можетъ? А лѣчила я коровушку простыми травами, травами вѣрными.

Эшевенъ возражалъ:

— Неправда, ты подсыпала яду: корова пала.

— Господинъ эшевенъ,—защищалась Катлина,—я здѣсь передъ вами, и ваша полная воля надо мною. Но позвольте доложить, что скотинушка, точно человѣкъ, помереть можетъ

отъ болѣзни. И не виноваты тутъ будутъ ни знахари, ни лѣкари. И вотъ какъ передъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, на крестѣ пострадавшимъ за насъ грѣшныхъ, готова я поклясться: ни капельки не желала худого коровушкѣ, а хотѣла я ее вылѣчить простыми травами, цѣлебными.

Тутъ эшевенъ, свирѣпѣя, сказалъ:

— Посадить эту чортову любовницу на дыбу, тогда поглядимъ, какъ она не сознается!

И онъ залпомъ выпилъ большой стаканъ вина.

Палачъ посадилъ Катлину на крышку дубоваго гроба, поставленнаго на деревянныя козлы. Эта крышка была остра, какъ лезвіе. Напротивъ пылалъ большой огонь въ каминѣ—дѣло происходило въ ноябрѣ.

Катлина, сидя на гробѣ на деревянномъ остромъ брускѣ, была обута въ новые, очень узкіе, кожаные башмаки и помѣщена передъ огнемъ. Почувствовавъ, что остріе гроба вонзается въ тѣло и кожа на башмакахъ отъ жара суживается, она воскликнула:

— Какъ же мнѣ больно! Кто мнѣ дастъ яду?!

— Пододвиньте-ка ее къ огню,—приказалъ эшевенъ и спросилъ бѣдную Катлину:

— Сколько разъ ѣздила ты верхомъ на помелѣ, сколько разъ отправлялась на бѣсовскій шабашъ? Часто ль губила колосъ на полѣ, плодъ на деревѣ, младенца во чревѣ матери? Часто ль родныхъ братьевъ дѣлала заклятыми врагами, двухъ сестеръ соперницами-ненавистницами?

Катлина хотѣла отвѣтить, но не могла и дѣлала жесты, которыми безъ словъ говорила: «нѣтъ».

Эшевенъ отдалъ приказаніе:

— Она заговоритъ, когда ея вѣдьминъ жиръ немного порастаетъ. Пододвиньте-ка ее еще немножко ближе.

Катлина кричала. Эшевенъ ей сказалъ:

— Проси сатану: тебѣ повальяжнѣе будетъ.

Пробило десять часовъ, обычное время закуски свирѣпаго судьи. Онъ вышелъ вмѣстѣ съ палачомъ и своимъ писаремъ, оставивъ Катлину одну передъ огнемъ на гумнѣ, служившемъ мѣстомъ пытокъ.

Въ одиннадцать часовъ они вернулись и нашли Катлину въ сидячемъ положеніи; одеревенѣлая непреклонность была въ ея позѣ. Секретарь произнесъ:

— Она мертва, мнѣ кажется.

Эшевенъ приказалъ снять Катлину съ гроба и стащить съ ея ногъ башмаки. Не могли стянуть, стаскивавшій разрѣзалъ ихъ; обнаружились красныя и окровавленныя ноги Катлины.

И эшевенъ, мечтая объ обѣдѣ, смотрѣлъ на нее безмолвно; вскорѣ она пришла въ сознаніе и, упавъ на землю, не въ силахъ подняться, заговорила, обращаясь къ эшевену:

— Было время, ты хотѣлъ на мнѣ жениться, но теперь больше ты не возьмешь меня. Четырежды три—число завѣтное, священное, а тринадцатый—супругъ...

Когда эшевенъ хотѣлъ, было, перебить ее, она прервала его:

— Помолчи... Слышитъ онъ лучше архангела, что въ небѣ считаетъ біенья сердецъ праведныхъ. Почему приходишь ты такъ поздно? Четырежды три—число завѣтное, священное, убиваетъ оно тѣхъ, кто хочетъ меня...

— Она спитъ съ дьяволомъ,—вымолвилъ эшевенъ.

— Она помѣшалась отъ мученій,—сказалъ писарь.

Катлину отвели въ тюрьму. Спустя три дня, засѣданіе суда было перенесено въ Віершеръ и Катлину, послѣ преній, осудили на «испытаніе огнемъ».

Палачъ съ помощниками привелъ ее на Главный Рынокъ въ Дамѣ: тамъ былъ эшафотъ, на который она взошла. На площади находились: представитель исполнительной власти, герольды и судьи.

Герольды протрубили въ рогъ три раза, и одинъ изъ нихъ, обращаясь къ городу, заявилъ:

— Власти въ Дамѣ, сжалившись надъ женщиной Катлиной, не хотѣли осудить ее по всей строгости закона, но, чтобы все-таки показать, что она вѣдьма, ея волосы будутъ сожжены, она заплатитъ двадцать короловъ золотомъ штрафа и будетъ выслана изъ Дама на три года, подъ страхомъ лишиться члена тѣла, если вернется раньше срока.

И народъ привѣтствовалъ это суровое снисхожденіе.

Палачъ привязалъ Катлину къ позорному столбу, положилъ ей на бритую голову всклокоченныя космы ея обрѣзанныхъ волосъ и поджегъ ихъ. И эти жалкіе волосы долго горѣли, и Катлина кричала и плакала.

Потомъ ее отвязали и на телѣгѣ вывезли за предѣлы Дама, на телѣгѣ, потому что ноги у нея обгорѣли.

XXXIX.

Уленшпигель находился въ городѣ Герцогенбушѣ у герцога Брабантскаго; мѣстная знать въ городѣ хотѣла назначить его придворнымъ шутомъ, но онъ, отказавшись отъ этой чести, сказалъ:

— Пилигримъ пилигримствующій не можетъ шутить, оста

ваясь постоянно на одномъ мѣстѣ. Странствуя, шутитъ онъ по трактирамъ и проселочнымъ дорогамъ.

Въ это время Филиппъ, сдѣлавшійся королемъ англійскимъ [1]), посѣтилъ страны, входившія въ составъ его будущаго наслѣдства: Фландрію, Брабантъ, Эно, Голландію и Зеландію. Ему шелъ тогда девятнадцатый годъ; въ его сѣроватыхъ глазахъ гнѣздились меланхолическая озлобленность, нелюдимость, притворство и жестокая рѣшимость. Холодомъ вѣяло отъ его лица, непреклонной головы съ рыжими волосами, не гнувшагося, худощаваго стана и сухопарыхъ ногъ.

Среди турнировъ, потѣхъ и празднествъ онъ посѣтилъ веселое фландрское графство и другія свои владѣнія. Всюду онъ клялся соблюдать мѣстныя вольности. Но въ Брюсселѣ при дачѣ присяги на св. Евангеліи, присяги не нарушать Золотой Брабантской Буллы [2]), рука его дрогнула такъ сильно, что принужденъ былъ отнять ее отъ св. книги. Онъ отправился въ Антверпенъ, гдѣ для пріема наслѣдника воздвигли двадцать три тріумфальныхъ арки. На нихъ, на костюмы тысячи восьми сотъ семидесяти девяти торговцевъ, наряженныхъ въ малиновый бархатъ, на богатую ливрею четырехсотъ шестнадцати лакеевъ и блестящее одѣяніе четырехъ тысячъ, одѣтыхъ одинаково, почтенныхъ гражданъ, издержали двѣсти восемьдесятъ семь тысячъ флориновъ. Много празднествъ дано было въ честь Наслѣдника учителями риторики почти во всѣхъ городахъ въ Нидерландахъ.

На этихъ празднествахъ показывались: принцъ Любви изъ Турнэ, со своими шутами и шутихами, верхомъ на свиньѣ, называвшейся Астартой; лильскій король Глупцовъ, водившій лошадь за хвостъ и пятившійся назадъ; Валансьенскій принцъ Веселья, забавлявшійся подсчитываніемъ, сколько разъ его оселъ испортитъ воздухъ; аррасскій аббатъ Радости, пившій брюссельское вино изъ бокала въ формѣ молитвенника и вычитывавшій изъ него препотѣшныя вещи; аббатъ съ Коломъ изъ г. Ата [3]) въ дырявомъ бѣльѣ и поношенныхъ ботинкахъ, съ колба-

---

[1]) 16-ти лѣтъ Филиппа женили на дочери португальскаго короля Маріи. Въ скоромъ времени Филиппъ овдовѣлъ, тогда Карлъ V-й женилъ его, въ 1554 году, на англійской королевѣ Маріи, которая была гораздо старше Филиппа.

[2]) Сословное представительство и всѣ вольности Брабанта, дарованныя герцогами Брабантскими, расширенныя Іоанномъ III-имъ (1349) и санкціонированныя императоромъ Карломъ IV. Брабантъ съ 1830 года раздѣленъ между Бельгіей и Голландіей. Голландская часть Брабанта съ гл. гор. Герцогенбушемъ, Бельгійская—съ Брюсселемъ, Лувеномъ, Нивеллемъ и другими, менѣе важными городами. *Примѣч. переводч.*

[3]) Ath—городъ въ провинціи Эно, на притокѣ Шельды (Escaut). *Прим. переводч.*

сой въ рукѣ, колбасой, которой онъ набилъ себѣ толстый животъ; чиновникъ-Оглушитель, молодой парень, верхомъ на пугливой козочкѣ, которая, шарахаясь въ толпу, получала съ разныхъ сторонъ побои; Кеснейскій [1]) аббатъ, по прозвищу «Серебряное Блюдо», верхомъ на лошади, казавшійся сидящимъ на блюдѣ и повторявшій, что «нѣтъ такой толстой скотины, которую нельзя было бы на огнѣ поджарить».

И они выкидывали всевозможныя смѣшныя глупости, но король Филиппъ оставался печальнымъ и суровымъ.

Въ тотъ же вечеръ антверпенскій маркграфъ, начальники отдѣльныхъ войсковыхъ частей и вліятельные въ городѣ люди съ почетными титулами собрались на совѣтъ по изысканію забавъ, способныхъ разсмѣшить короля Филиппа.

Маркграфъ сказалъ:

— Не слыхали ль вы, господа, о нѣкоемъ Пиркинѣ Якобсенѣ, знаменитомъ шутѣ въ городѣ Герцогенбушѣ [2]).

— Да,—отвѣчали присутствовавшіе.

— Прекрасно, — заявилъ маркграфъ, — пригласимъ его къ намъ, и пусть онъ хорошенько почудитъ, а то нашъ шутъ тяжелъ на подъемъ, у него свинецъ въ сапогахъ.

— Пригласимъ,—рѣшило собраніе.

Пріѣхавшему изъ Антверпена въ Герцогенбушъ вѣстовому сказали, что шутъ Пиркинъ лопнулъ со смѣха, но что былъ въ городѣ другой шутъ, по прозвищу Уленшпигель. Вѣстовой отыскалъ его въ трактирѣ за жареными ракушками и за разсказомъ турусовъ на колесахъ молоденькой дѣвушкѣ.

Уленшпигель былъ въ восторгѣ, узнавъ, что за нимъ пріѣхалъ посланецъ, отправленный Антверпеномъ, пріѣхалъ на прекрасной, породистой лошади, держа другую такую же на поводу.

Не прикоснувшись къ землѣ ногой, гонецъ спросилъ его, можетъ ли онъ выкинуть такой фокусъ, который разсмѣшитъ короля Филиппа.

— Найдется штучка, она спрятана у меня подъ волосами,— отвѣтилъ Уленшпигель.

Они поѣхали. Обѣ лошади бѣжали на отпущенныхъ поводьяхъ и привезли въ Антверпенъ Уленшпигеля и курьера.

Уленшпигель предсталъ предъ маркграфомъ, двумя бургомистрами и членами магистрата.

— Что ты предполагаешь дѣлать?—спросилъ его маркграфъ.

— По воздуху летать,—не задумался Уленшпигель.

---

[1]) Quesnoy—небольш. город. близъ Лилля.

[2]) Въ настоящее время рѣчной портъ въ Голландіи на сліяніи двухъ притоковъ Мааса. *Примѣч. переводч.*

— Какъ же такъ?—недоумѣвалъ маркграфъ.

— Очень просто, проще мыльнаго пузыря.

— Я не понимаю,—признался маркграфъ.

— Это секретъ, въ этомъ вся выдумка,—въ видѣ поясненія прибавилъ Уленшпигель.

Между тѣмъ спеціальные потѣшные герольды на покрытыхъ малиновыми бархатными попонами красивыхъ коняхъ разъѣзжали уже по всѣмъ главнымъ улицамъ, площадямъ и перекресткамъ города, трубили въ рогъ и били въ барабанъ. Они возвѣщали «господамъ» и «госпожамъ», что шутъ изъ Дама, Уленшпигель, будетъ летать по воздуху на набережной въ присутствіи короля Филиппа съ блестящей и знатной свитой на эстрадѣ.

Противъ эстрады находился домъ въ итальянскомъ вкусѣ, съ тянувшимся вдоль крыши жолобкомъ. Оконце на чердакѣ выходило на этотъ желобокъ.

Въ этотъ день Уленшпигель, верхомъ на осликѣ, катался по городу. Лакей бѣжалъ рядомъ съ нимъ. Уленшпигель былъ въ шелковомъ малиновомъ костюмѣ, выданномъ ему городомъ. Вмѣсто шляпы на головѣ у него находился капюшонъ, тоже малиновый, съ бубенцами на ослиныхъ ушахъ, нашитыхъ на капюшонѣ. На груди были мѣдныя медали, съ выбитымъ на нихъ антверпенскимъ гербомъ. На краяхъ рукавовъ позванивали бубенчики. На ногахъ башмаки со шпорами, на каждой шпорѣ по бубенчику.

Его ослика покрыли шелковой малиновой попоной и къ ляжкамъ животнаго привѣсили искусно вышитые золотомъ антверпенскіе гербы.

Лакей же въ одной рукѣ держалъ ослиную голову и размахивалъ ею, другой трясъ вѣтку съ деревенскимъ, коровьимъ колокольчикомъ.

Оставивъ на улицѣ своего лакея съ лошадью, Уленшпигель показался на крышѣ дома, выстроеннаго въ итальянскомъ вкусѣ. Ставъ на краю у самаго желобка, онъ, позванивая бубенчиками, распростеръ руки, словно собрался летѣть. Потомъ, качнувшись въ сторону короля Филиппа, сказалъ:

— Полагалъ я раньше, будто въ Антверпенѣ, кромѣ меня, и шутовъ нѣтъ, но какъ погляжу теперь,—городъ полонъ шутами. Увѣряйте вы меня, что вы полетите, я вамъ не повѣрю. Но вотъ когда пришлый шутъ говоритъ, что будетъ летать, вы ему вѣрите. Ну, какъ я стану летать безъ крыльевъ?

Изъ присутствовавшихъ одни смѣялись, другіе негодовали, но всѣ соглашались, что шутъ сказалъ правду.

Но король Филиппъ сидѣлъ выпрямившись, точно каменный король. Представители города перешоптывались между собой:

— Стоило тратиться на такія празднества для такой кислой рожи!

И они дали Уленшпигелю за труды три флорина; онъ ушелъ, насильно возвративъ имъ шутовской нарядъ и сказавъ на прощанье, глядя на полученные три флорина:

— Что такое эта монета въ карманѣ молодого парня? Комокъ снѣга передъ огнемъ, одна бутылка передъ пьяницей съ широкой глоткой. Три флорина! Листья падаютъ съ деревьевъ и остаются на землѣ, но флорины уходятъ изъ кармановъ и никогда не возвращаются обратно. Бабочки улетаютъ вмѣстѣ съ лѣтомъ и флорины тоже, хотя они и вѣсятъ два эстерлина [1]) и девять асовъ [2]).

Продолжая глядѣть на монету, Уленшпигель бормоталъ про себя:

— И какой гордый видъ! На лицевой сторонѣ императоръ Карлъ въ кирассѣ, въ каскѣ, съ мечомъ въ одной рукѣ и съ бѣднымъ глобусомъ въ другой! Милостію Божіею онъ императоръ римскій, король испанскій и пр., и пр., милостивецъ земли нашей, императоръ въ каскѣ, а на оборотной сторонѣ выбиты гербы герцогскіе, графскіе и пр., и пр., гербы его различныхъ владѣній и прекрасныя слова: «Даруй мнѣ доблестную побѣду надъ врагами твоими»—«Da mihi virtutem contra hostes tuos». Да, онъ одержалъ славнѣйшую побѣду надъ реформатами: конфисковалъ и присвоилъ себѣ ихъ имущество. Ахъ! Если бы я былъ императоромъ Карломъ, я бъ велѣлъ надѣлать флориновъ для всѣхъ. Всякій сталъ бы богатымъ, и никому не пришлось бы работать.

Но какъ ни пристально разглядывалъ Уленшпигель монету, она все-таки улетучилась въ страну, гдѣ бьются и звенятъ кружки, гдѣ позваниваютъ бутылки.

XL.

Стоя на крышѣ въ шелково-малиновомъ одѣяніи, Уленшпигель не замѣтилъ Нель, бывшую въ толпѣ и глядѣвшую на своего друга съ улыбкой. Она жила теперь въ маленькомъ мѣстечкѣ, близъ Антверпена, и рѣшила, что если какой-нибудь шутъ собирался летать передъ Филиппомъ II-мъ, то этотъ шутъ непремѣнно ея другъ Уленшпигель.

---

[1]) Эстерлинъ (esterlin)—вѣсъ ($28^1/_2$ гранъ).

[2]) Асъ (as)—монетная единица вѣса въ древн. Римѣ. *Прим. переводч.*

Между тѣмъ онъ, задумавшись идя по дорогѣ, не слыхалъ торопливыхъ шаговъ за собою; но вдругъ чьи-то двѣ ладони легли на его глаза.

— Это ты?—сказалъ онъ, почувствовавъ Нель.

— Да,—отвѣтила она,—я все время бѣгу за тобою, какъ только ты вышелъ за городъ. Пойдемъ со мною.

— А Катлина гдѣ?

— Ты еще не знаешь,—заторопилась Нель,—что ее, какъ вѣдьму, безбожно мучили, потомъ выслали на три года изъ Дама, а еще раньше сожгли на ея головѣ ея собственные, обрѣзанные волосы. Я тебѣ разсказываю объ этомъ, чтобы ты не испугался ея: мучилась она страшно и помѣшалась. Цѣлыми часами, случается, глядитъ на свои ноги и приговариваетъ: «Ганскэ, миленькій мой чортикъ, погляди, что сдѣлали съ твоей любезной! Ноженьки мои бѣдныя, всѣ-то вы поранены!» Потомъ начинаетъ плакать и причитывать: «У другихъ-то есть мужья, есть и возлюбленные, одна я живу вдовою горькою». Тогда я ей говорю, что ея Ганскэ перестанетъ ее любить, если она передъ всѣми будетъ о немъ говорить. И она, точно ребенокъ, слушается меня, но стоитъ ей увидѣть корову или быка, главный корень ея напастей, какъ бросается со всѣхъ ногъ и бѣжитъ, бѣжитъ. Ничто не можетъ ея остановить: ни заставы, ни рѣки, ни ямы, все бы бѣжала до тѣхъ поръ, пока безъ силъ не упадетъ гдѣ-нибудь при дорогѣ, а то подъ заборомъ. Найду я ее, подберу, раны на ногахъ промою, а онѣ-то такъ кровью и сочатся. И думается мнѣ, ужъ не обожгли ль ей мозговъ въ головѣ, когда жгли-то волосы.

И обоимъ имъ становилось очень печально при воспоминаніи о Катлинѣ.

Они пошли къ ней и увидѣли ее на скамейкѣ передъ хибаркой на самомъ солнцѣ. Уленшпигель обратился къ ней:

— Узнаешь ты меня?

— Четырежды три—число завѣтное, священное, а тринадцатый—супругъ... Кто ты, чадо юдоли мірской?

— Я,—говорилъ ей Уленшпигель:—сынъ Класа и Сеткинъ.

Она покачала головою и узнала. Затѣмъ, поманивъ его пальцемъ, наклонилась къ его уху.

— Увидишь того, кого поцѣлуи, какъ снѣгъ, скажи ему, Уленшпигель, пускай приходитъ.

Потомъ, указавъ на свои волосы, сказала:

— Больно мнѣ! Отняли они у меня мой умъ-разумъ—пустая теперь головушка моя, ну, да ничего: онъ придетъ, все дѣло поправитъ, опять начинитъ ее умомъ-разумомъ. Слышишь? Звенитъ

она, что твой колоколъ; звенитъ потому, что душа моя стучится въ двери, ищетъ выхода, ибо жжетъ онъ. А можетъ статься придетъ Ганскэ и не захочетъ начинить моей головушки, тогда я попрошу его продолбить въ ней ножикомъ дырочку, пусть душенька моя выйдетъ оттуда на волю; пока тамъ она—велико страданіе мое, не выдержу я муки моей, умру смертью лютою. И все-то не спится мнѣ, и все-то я слышу ее. Пускай придетъ, пускай начинитъ головушку мою, пускай...

И, ослабѣвъ отъ возбужденія, она стонала.

И крестьяне, по призыву церковнаго колокола, возвращавшіеся съ полей домой на обѣдъ и проходившіе мимо Катлины, говорили:

— Помѣшанная она,—и крестились.

А Нель и Уленшпигель плакали, и Уленшпигелю нужно было продолжать свое паломничество.

XLI.

Пилигримствуя, поступилъ онъ временно на службу къ нѣкоему Жосу, по прозванію, за его вѣчно кислую мину, «сердитый булочникъ». Положилъ ему «сердитый булочникъ» харчъ: три булки черстваго хлѣба въ недѣлю,—и квартиру: палати на чердакѣ, гдѣ и вѣтеръ вылъ и дождь мочилъ превеликолѣпно.

Видя себя въ такомъ загонѣ, Уленшпигель выкидывалъ надъ хозяиномъ разныя шутки. Напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что когда утромъ пекутъ хлѣбъ, то съ вечера просѣиваютъ муку. Вотъ однажды, въ лунную ночь, попросилъ Уленшпигель свѣчу, чтобы итти заняться подобнымъ просѣиваньемъ.

— Зачѣмъ тебѣ свѣчка?! На лунномъ свѣту поди просѣивай,— отвѣчалъ хозяинъ.

Послушный Уленшпигель сталъ сыпать муку на землю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ падалъ лунный свѣтъ.

Утромъ «сердитый булочникъ» пошелъ взглянуть, чѣмъ занятъ Уленшпигель и засталъ его за разсѣиваньемъ муки.

— Должно быть мука ни по чемъ, если ее сѣютъ теперь прямо на землю?

— Я просѣиваю муку по вашему приказанію на лунномъ свѣту,—отвѣчалъ Уленшпигель.

Булочникъ прикрикнулъ:

— Бить тебя надо, оселъ ты этакій! На ситѣ муку просѣиваютъ и не на землю.

— А я думалъ, что луна тоже можетъ быть ситомъ совсѣмъ новымъ, о какомъ до сихъ поръ не слыхивали. Ну, да что за важность, муку я живо подберу.

— Подберешь, да поздно,—возражалъ «сердитый булочникъ»,— сейчасъ тѣсто мѣсить пора, да въ печку хлѣбъ сажать.

Уленшпигель нашелся:

— У сосѣда на мельницѣ тѣсто готово, хочешь, я его стащу.

— Можетъ ты подъ висѣлицей тоже хочешь поискать, что жъ, ступай.

— Хорошо, хозяинъ, я пойду, — и Уленшпигель побѣжалъ на поле, подъ висѣлицу, притащилъ оттуда высохшую руку казненнаго вора и сказалъ:

— Вотъ славная рука, она сдѣлаетъ невидимками всѣхъ тѣхъ, у кого она будетъ. Что жъ, хочешь ты отнынѣ сдѣлать невидимкой свой дурной характеръ?

— Я хочу пойти и донести на тебя, кому слѣдуетъ,—заявилъ «сердитый булочникъ», тогда увидишь, что ты нарушилъ права чужой собственности.

Оба они очутились передъ бургомистромъ; «сердитый булочникъ» приступилъ, было, къ полному перечню преступленій Уленшпигеля, но вдругъ замѣтилъ, что тотъ широко-широко раскрылъ глаза. Тогда, прервавъ свое словоизверженіе, спросилъ:

— Что тебѣ нужно?

Уленшпигель объяснилъ:

— Ты же мнѣ говорилъ, что такъ донесешь на меня, что я увижу твой доносъ, вотъ я и гляжу.

— Съ глазъ долой! Убирайся прочь! — закричалъ булочникъ.

— Будь я на твоихъ глазахъ,—потѣшался Уленшпигель,— то стоило бъ тебѣ ихъ закрыть, и не убраться бы мнѣ отсюда иначе, какъ черезъ твои ноздри.

Бургомистръ, видя, что начинается говорильная ярмарка, не пожелалъ ихъ больше слушать.

Уленшпигель и «сердитый булочникъ» вышли вмѣстѣ. «Сердитый булочникъ» поднялъ на него палку. Уленшпигель, уклоняясь отъ удара, промолвилъ:

— Хозяинъ, вѣдь, просѣивая муку, хлопаютъ, стучатъ по ситу. Не хочешь ли послушать этотъ стукъ. Слушай же!.. Вотъ.., не правда ли, похоже на то, когда ты сердишься; а это—похоже на то, когда я веселюсь...

Потомъ Уленшпигель показалъ ему свою запасную физію, прибавивъ:

— Вотъ тебѣ печная пасть, можешь въ ней хлѣбы печь.

XLII.

Пилигримствуя, Уленшпигель охотно укралъ бы у вольнаго міра большія дороги, будь только камни на нихъ не такъ тяжелы на подъемъ.

Наугадъ онъ брелъ по Авденардской [1]) дорогѣ. Здѣсь стоялъ гарнизонъ фламандскихъ рейтаровъ, поставленныхъ для защиты страны противъ французскаго войска, какъ саранча опустошавшаго Фландрію.

Во главѣ рейтаровъ находился фрисландецъ по происхожденію, по фамиліи Корнжюэнъ. Эти рейтары, въ свою очередь, рыскали по странѣ и грабили народъ, съ двухъ сторонъ такимъ образомъ обираемый.

Все шло имъ на потребу: куры, утки, голуби, телята, свиньи. Однажды, возвращаясь съ награбленной добычей, Корнжюэнъ со своими лейтенантами замѣтилъ у подножія дерева спящаго Уленшпигеля, мечтавшаго во снѣ о вкусномъ жаркомъ.

— Чѣмъ ты живешь?—спросилъ Корнжюэнъ.

— Умираю съ голода,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Какимъ ремесломъ занимаешься?

— Пилигримствую, грѣхи замаливаю, смотрю, какъ другіе работаютъ, танцую на канатѣ, рисую портреты съ милыхъ лицъ, вырѣзаю ножевые черенки, играю на Rommelpot и трублю въ рогъ.

Уленшпигель не безъ умысла заговорилъ о томъ, что умѣетъ трубить въ рогъ. Онъ зналъ: мѣсто дозорнаго при Авденардскомъ замкѣ освободилось за смертью старика, занимавшаго эту должность.

Корнжюэнъ сказалъ:

— Ты назначаешься городскимъ трубачомъ.

Уленшпигель пошелъ за нимъ и былъ поставленъ на самой высокой башнѣ на валу, въ будочкѣ, открытой всѣмъ вѣтрамъ, кромѣ южнаго, вѣявшаго тутъ лишь однимъ крыломъ.

Ему было приказано трубить въ рогъ, какъ только замѣтитъ приближеніе враговъ, всегда бодрствовать и зорко глядѣть. Поэтому ему не давали много ѣсть и пить.

Самъ же начальникъ со своими воинами жилъ въ башнѣ и цѣлый день пировалъ за счетъ мѣстныхъ жителей. Былъ убитъ не одинъ каплунъ, вся вина котораго заключалась въ его жирѣ. Уленшпигель, обойденный на этомъ пиру, принужденъ былъ довольствоваться постнымъ супомъ и совсѣмъ не наслаждался

---

[1]) Audenarde—городокъ въ восточной Фландріи. *Примѣч. переводч.*

запахомъ вкусныхъ соусовъ. Пришли французы и увели много скота, а Уленшпигель не трубилъ въ рогъ.

Конржюэнъ поднялся къ нему и освѣдомился:

— Почему ты не трубилъ?

Уленшпигель отвѣтилъ:

— Не за что васъ благодарить за вашъ харчъ.

На слѣдующій день устроилъ начальникъ гарнизона большой пиръ въ честь свою и своихъ солдатъ, но про Уленшпигеля попрежнему забылъ. И вотъ, не успѣли они сѣсть за столъ, какъ Уленшпигель затрубилъ.

Полагая, что это французы, Корнжюэнъ со своими людьми, побросавъ вина и закуски, вскочили на лошадей и бросились за городъ, но ничего не нашли въ полѣ, кромѣ быка, жевавшаго на солнцѣ жвачку. Быка они взяли съ собою.

Въ ихъ отсутствіе Уленшпигель досыта побаловался виномъ и закусками. Возвратившійся начальникъ столкнулся съ нимъ въ дверяхъ зала. Трубачъ еле держался на ногахъ и ухмылялся. Гарнизонный офицеръ обратился къ нему:

— Поднимать тревогу безъ врага и не трубить при врагѣ — значитъ заниматься предательствомъ, слышишь!

— Ваше высокородіе,—былъ отвѣтъ Уленшпигеля,—меня въ моей башнѣ такъ надули вѣтры, что, не затруби я въ рогъ, я бъ улетѣлъ вверхъ, словно воздушный пузырь. Велите повѣсить меня немедленно или повремените, пока понадобится вамъ на барабаны ослиная шкура.

Корнжюэнъ, не проронивъ ни слова, удалился.

Тѣмъ временемъ пришла въ Авденардъ новость, что милостивѣйшій императоръ Карлъ съ знатною свитой скоро пріѣдетъ въ городъ. По этому поводу эшевены дали Уленшпигелю зрительныя стекла, наказавъ ему, издалека разглядѣть приближеніе Его Святѣйшаго Величества. Увидавъ императора повернувшимъ на Luppeghem—въ четверти мили отъ Боргпортскихъ воротъ, Уленшпигель долженъ былъ протрубить три раза.

Тогда горожане могли бы заблаговременно ударить въ колокола, заготовить фейерверки, во-время поставить въ печь жаркія и откупорить бочки.

Однажды, около полудня, вѣтеръ дулъ съ брабантской стороны, и небо было ясное. По дорогѣ въ Luppegehm увидалъ Уленшпигель много всадниковъ на наровистыхъ лошадяхъ, съ развѣвающимися по вѣтру перьями на шляпахъ. На всадникѣ же, гордо гарцовавшемъ впереди, была съ большими перьями шляпа изъ золотистой матеріи. Онъ былъ въ темномъ бархатѣ, съ парчевой оторочкой.

Надѣвъ очки, Уленшпигель узналъ императора Карла V-го, благоволившаго разрѣшить Авденардцамъ угощать его явствами и питьями.

Кавалькада подвигалась шагомъ, впитывая въ себя аппетитный свѣжій воздухъ, а Уленшпигель думалъ, что ничего особеннаго не сдѣлается съ этими господами, привыкшими жирно ѣсть, если придется имъ поголодать одинъ день. И онъ видѣлъ, что они приближаются, но не трубилъ въ рогъ.

Приближались весело, смѣясь и бесѣдуя, и императоръ свѣрялся уже со своимъ желудкомъ, достаточно ли найдется въ немъ мѣста для Авденардскаго обѣда. Его Величество казался удивленнымъ и недовольнымъ, что ни въ одинъ колоколъ не ударили въ честь его прибытія.

Въ довершеніе всего прибѣжалъ крестьянинъ и второпяхъ разсказалъ, что видѣлъ неподалеку французскій отрядъ, направлявшійся въ городъ съ разбойничьей цѣлью.

Вслѣдствіе этого сторожъ заперъ ворота и черезъ посланца далъ знать другимъ городскимъ привратникамъ объ опасности. Рейтары же пировали, ни о чемъ не подозрѣвая.

Его Величество, по мѣрѣ приближенія, все больше сердился, что колокола не звонятъ и не перезваниваются, пушки не громыхаютъ и мушкеты не трещатъ. Напрасно напрягая слухъ, онъ ничего не могъ уловить, кромѣ музыки карильона, отмѣтившаго полчаса. Подъѣхавъ къ городу и найдя входъ запертымъ, онъ ударилъ кулакомъ по воротамъ, желая ихъ распахнуть.

И свитскіе господа вмѣстѣ съ императоромъ сердились и обидчиво брюзжали. Привратникъ съ высоты вала кричалъ, имъ, что если они не перестанутъ шумѣть и безчинствовать, и онъ, угостивъ ихъ картечью, прибавитъ имъ терпѣнія.

Но Его Величество гнѣвался:

— Ахъ ты, боровъ слѣпой, что жъ ты не узнаешь своего императора?!

Привратникъ отвѣчалъ, что еще неизвѣстно, кто изъ нихъ боровъ, ибо и среди золоченыхъ господъ бываютъ свиньи. Что же касается императора Карла, то, какъ всѣмъ извѣстно, онъ воюетъ въ настоящее время въ Италіи, и не можетъ находится въ Авденардѣ.

Поднявъ головы кверху, Карлъ и свита кричали еще громче:

— Открывай! Если ты не откроешь, мы изжаримъ тебя на кончикѣ копій, заставивъ тебя предварительно проглотить твои ключи.

На поднявшійся шумъ вышелъ изъ артиллерійскаго пакгауза,

гдѣ хранились снаряды, старый солдатъ и, показавъ свой носъ надъ валомъ, сказалъ:

— Эй гляди, привратникъ, какъ бы ты малость не зарапортовался. Это и въ правду нашъ императоръ. Я знавалъ его въ ту пору, когда онъ увезъ отсюда въ замокъ Лаллингъ Марію Ванъ-деръ-Гинстъ. Правда, онъ постарѣлъ съ тѣхъ поръ.

Отъ страха сторожъ, словно подкошенный, замертво рухнулъ на землю. Солдатъ взялъ у него ключи и пошелъ отпирать ворота.

Императоръ освѣдомился, почему его такъ долго заставили прождать. Старый служивый ему объяснилъ. Тогда Его Величество приказалъ запереть вновь ворота и привести къ себѣ рейтаровъ Корнжюэна; имъ онъ велѣлъ подъ аккомпанементъ тамбуриновъ и флейтъ сопровождать его.

Вскорѣ одинъ за другимъ расшевелились колокола и раздался трезвонъ.

Сопутствуемый, такимъ образомъ, подобающимъ королевскимъ грохотомъ, Его Величество прибылъ на Большой Рынокъ. Тамъ ужъ были въ полномъ сборѣ бургомистры съ эшевенами. Эшевенъ Жанъ Гюйгеларъ тоже явился на шумъ. Войдя въ залу Совѣта, онъ произнесъ:

Keyser Karel is alhier! Императоръ Карлъ здѣсь!

Перепуганные этой новостью бургомистры, эшевены и совѣтники покинули собраніе и всѣ вмѣстѣ направились привѣтствовать императора. Тѣмъ временемъ ихъ слуги бѣгали по городу: приготовляли фейерверки; зажаривая дичь, совали вертела въ печи.

Повсюду сновали мужчины, женщины и дѣти, и кричали:

— Keyser Karel is op't grootmarckt! Императоръ Карлъ на Большомъ Рынкѣ!

Вскорѣ собралась на площади толпа.

Сильно разгнѣванный императоръ обратился къ двумъ бургомистрамъ съ вопросомъ, не заслуживаютъ ли они, вслѣдствіе отсутствія у нихъ уваженія къ своему монарху, быть повѣшенными.

Бургомистры отвѣчали, что заслуживаютъ казни, но что башенный трубачъ Уленшпигель заслуживаетъ ее вдвойнѣ, ибо, какъ только пронесся слухъ о предстоящемъ прибытіи Его Величества, этого трубача помѣстили на башнѣ, снабдили его очками и приказали строго-настрого, лишь только покажется вдали императорское шествіе, протрубить три раза. Но онъ не подалъ ни малѣйшаго сигнала.

Императоръ, не переставая гнѣваться, повелѣлъ привести Уленшпигеля и спросилъ того:

— Почему ты, несмотря на превосходныя очки, не трубилъ о моемъ прибытіи?

Задавъ вопросъ, онъ, щурясь отъ солнца, щиткомъ приложилъ руку къ глазамъ.

Спрошенный трубачъ, въ свою очередь, поднеся руку къ глазамъ, отвѣтилъ, что какъ только увидѣлъ, что Его Величество, обходясь безъ очковъ, смотритъ сквозь пальцы, онъ тоже не захотѣлъ пользоваться очками.

Императоръ объявилъ ему, что онъ будетъ повѣшенъ; городской привратникъ при этомъ пробормоталъ, что такъ этому бездѣльнику и надо, а бургомистры были настолько поражены подобнымъ приговоромъ, что не подали голоса ни за, ни противъ.

Вытребовали палача съ подручными. Они явились съ лѣстницей и новой веревкой и схватили за шиворотъ расхаживавшаго передъ сотней Корижуэновцевъ Уленшпигеля. Онъ держался спокойно и шепталъ послѣднія свои молитвы.

Народъ, слѣдившій за происходившимъ, возмущался:

— Очень ужъ жестоко приговаривать къ смерти молодого парня за такую малость.

Въ особенности же протестовали находившіеся здѣсь же въ большомъ количествѣ ткачи со своими цеховыми знаменами.

— Мы не позволимъ вѣшать Уленшпигеля: это—противъ нашихъ законовъ.

Тѣмъ не менѣе, всѣ отправились на лобное мѣсто. Уленшпигель поднялся на лѣстницу.

Палачъ успѣлъ накинуть ему петлю на шею. Ткачи бросились къ висѣлицѣ. Представитель исполнительной власти находился уже на мѣстѣ, опираясь жезломъ правосудія на лошадь, на которой сидѣлъ верхомъ. Этимъ самымъ жезломъ онъ, по повелѣнію императора, долженъ былъ подать сигналъ къ началу казни.

Собравшійся народъ кричалъ:

— Пощадить, пощадить Уленшпигеля!

Императоръ, поднявъ руку, провозгласилъ:

— Пусть этотъ негодяй попроситъ у меня о чемъ-нибудь такомъ, чего бы я не могъ исполнить. Тогда я его пощажу.

— Говори, Уленшпигель!—вопила толпа.

Женщины плакали, приговаривая:

— Не можетъ онъ, бѣдняга, ничего попросить: императоръ все можетъ.

Всѣ же прочіе кричали:

— Говори Уленшпигель.

— Ваше Святѣйшее Величество,—заговорилъ Уленшпигель,—

я не буду у васъ просить ни денегъ, ни помѣстій, ни жизни, я попрошу только бездѣлицу, но только вы, Ваше Величество, если посмѣю заявить свое желаніе, не велите меня ни плетьми стегать, ни колесовать до самаго переселенія моего на тотъ свѣтъ, гдѣ души праведныхъ упокояются.

— Согласенъ, говори,—заявилъ императоръ.

— Ваше Величество,—промолвилъ Уленшпигель,—я прошу, чтобы раньше, чѣмъ я буду повѣшенъ, вы поцѣловали меня въ мой ротъ, которымъ я не говорю по-фламандски.

Императоръ, разсмѣявшись вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, отвѣтилъ:

— Я не могу исполнить твоей просьбы, и ты, Уленшпигель, не будешь повѣшенъ.

Но онъ осудилъ бургомистровъ и эшевеновъ на ношеніе, въ теченіе шести мѣсяцевъ, очковъ на затылкѣ, дабы показать, по его выраженію, что Авденардцы не передомъ видятъ, а задомъ.

И императорскій вердиктъ внесъ очки въ гербъ города.

А Уленшпигель скромнехонько удалился съ маленькимъ мѣшочкомъ серебра, данномъ ему женщинами.

XLIII.

Уленшпигель очутился въ Льежѣ на рыбномъ рынкѣ и шелъ по пятамъ за упитаннымъ юношей; этотъ юноша несъ въ обѣихъ рукахъ по плетеной сѣткѣ; одна сѣтка была набита уже всякой птицей, другую онъ еще наполнялъ рыбою: вахней, форелью, угрями и щуками.

Уленшпигель узналъ въ немъ Лама Гудзака.

— Ламъ, что ты подѣлываешь здѣсь?—спросилъ онъ.

— Что подѣлываешь? Тебѣ извѣстно, что мы фландрійцы, желанные гости въ милой льежской землѣ. Да кромѣ того у меня тутъ зазнобушка. Ну, а ты какъ?

— Я хозяина ищу, хочу наняться во служеніе: ѣсть, братъ, надо,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— Неважная кормёжка во служеніи. Куда лучше, когда жареныя овсянки дружка за дружкой съ полнаго блюда прямо въ ротъ скачутъ съ дроздомъ на закуску: пріятно, точно мелкія четки перебираешь, пока, наконецъ, не дойдешь до крупной,— не остановишься на «Вѣрую», то-есть на дроздѣ.

— Ты богатъ?—освѣдомился Уленшпигель.

Ламъ Гудзакъ отвѣчалъ:

— Умерли у меня отецъ, мать и сестра-драчунья. Я—наслѣдникъ всего ихъ имущества и живу съ кривой кухаркой, большой докой по части жарких.

— Хочешь, я понесу твою рыбу и птицу?—предложилъ Уленшпигель.

— Да,—сказалъ Ламъ.

И они вдвоемъ стали бродить по рынку.

Вдругъ Ламъ провозгласилъ:

— Ты помѣшанный. И знаешь почему?

— Нѣтъ,—промолвилъ Уленшпигель.

— Потому что ты носишь свою рыбу и птицу въ рукахъ вмѣсто того, чтобы носить ихъ у себя въ животѣ.

— Тебѣ хорошо говорить,—возражалъ Уленшпигель,—но, пока не имѣется въ рукахъ куска хлѣба, овсянки на тебя и смотрѣть не хотятъ.

— Ты ихъ отвѣдаешь, Уленшпигель,—заявилъ Ламъ,—и будешь у меня во служеніи, если только потрафишь моей кухаркѣ.

Между прочимъ, Ламъ указалъ Уленшпигелю на красивую одѣтую въ шелка, изящную дѣвушку. Она проходила по рынку и взглянула на Лама своими тихими глазами.

Позади нея шелъ старикъ, ея отецъ, и несъ двѣ сѣтки: одну съ рыбой, другую—съ дичью.

— Вотъ на этой барышнѣ,—замѣтилъ Ламъ, указывая на нее,—я женюсь.

— Я ее знаю,—сообщилъ Уленшпигель,—она фламандка изъ Зоттенгейма, живетъ въ улицѣ Виновъ-Диль, и сосѣди о ней разсказываютъ, будто мать вмѣсто нея мететъ улицу передъ домомъ, а отецъ гладитъ ей сорочки.

Ламъ ни словомъ не обмолвился въ отвѣтъ на это замѣчаніе и восторженно проговорилъ:

— Она на меня взглянула.

Дошли вмѣстѣ до дома Лама, недалеко отъ Тріумфальнаго моста, и постучались. На стукъ вышла кривая прислуга. Уленшпигель разсмотрѣлъ, что это была старуха долговязая, дородная и свирѣпая.

— Сангина,—обратился къ ней Ламъ,—хочешь ты вотъ-этого молодчика себѣ въ помощники?

— Что жъ на пробу можно взять,—согласилась она.

— Вотъ и прекрасно, бери и попотчуй его своими вкусными кушаньями.

Сангина подала на столъ три черныхъ кровяныхъ колбасы, кружку пива и большой ломоть хлѣба.

Ламъ, за компанію съ Уленшпигелемъ, тоже принялся за колбасу.

— А знаешь ли ты,—сказалъ онъ,—гдѣ обиталище нашей души?

— Нѣтъ, Ламъ, не знаю,—отозвался Уленшпигель.

— Въ нашемъ чревѣ,—продолжалъ Ламъ,—она тамъ для того, чтобы не переставала дѣлать его все глубже и глубже, чтобы росла въ насъ наша живучесть. А какіе товарищи самые лучшіе, знаешь?—Лучшіе товарищи вкусныя тонкія кушанья съ маасскимъ виномъ въ придачу.

— Да,—не противорѣчилъ Уленшпигель,—кровяныя колбасы,—пріятная компанія для души одинокой.

— Подложи-ка колбасокъ, Сангина, ему еще хочется,— попросилъ Ламъ.

Сангина на этотъ разъ подложила Уленшпигелю бѣлыхъ.

Сытѣя, Ламъ становился мечтательнымъ и говорилъ:

— Умру я, умретъ вмѣстѣ со мною и мое чрево. Заставятъ меня на томъ свѣтѣ, въ чистилищѣ, голодать да разгуливать съ пустымъ, тощимъ животомъ.

— А черныя какъ будто были вкуснѣе,—высказалъ свое мнѣніе Уленшпигель.

— Не приговаривайся, пожалуйста, ты ужъ и такъ ихъ цѣлыхъ шесть проглотилъ,—вмѣшалась Сангина,—больше не получишь.

— Знаешь, здѣсь съ тобой будутъ обходиться, какъ со мной, и ѣсть мы будемъ вмѣстѣ,—увѣрялъ Ламъ.

— Хорошо, я не забуду твоихъ словъ,—отвѣчалъ Уленшпигель и, видя, что они оба не уступаютъ другъ другу въ многоядѣніи, остался очень доволенъ. Съѣденныя колбасы придали ему необыкновенную ретивость, и въ этотъ день вычищенные имъ сковороды, котлы и плита съ мѣдными и стальными украшеніями сверкали, точно солнце.

Живя въ этомъ домѣ въ свое удовольствіе, онъ охотно бывалъ въ погребѣ и кухнѣ, предоставляя чердакъ въ распоряженіе котовъ. Однажды Сангинѣ предстояло зажарить пару цыплятъ, но ей нужно было отлучиться на рынокъ за пахучими травами для приправы, и она поручила Уленшпигелю хорошенько поворачивать вертелъ.

Зажаривъ двухъ цыплятъ, Уленшпигель съѣлъ одного изъ нихъ.

Воротясь, Сангина спросила:

— Было два цыпленка, а тутъ только одинъ.

— Гляди въ оба, тогда увидишь пару,—возразилъ Уленшпигель.

Разсердившись, она побѣжала и пожаловалась Ламу Гудзаку. Тотъ, спустившись въ кухню, сказалъ Уленшпигелю.

— Зачѣмъ ты насмѣхаешся надъ моей слугой? Была, вѣдь, пара цыплятъ.

— Правда, Ламъ, была пара, но, когда я поступалъ сюда,

ты мнѣ сказалъ, что я буду ѣсть и пить наравнѣ съ тобой. Была пара цыплятъ, я съѣлъ одного, ты съѣшь другого; мое удовольствіе кончилось, твое еще впереди, и выходитъ, ты счастливѣй меня. Не такъ ли?

— Такъ-то оно такъ,—улыбаясь, произнесъ Ламъ,—но исполняй въ точности порученія Сангины, и твоя работа вдвое сократится.

— Постараюсь, Ламъ,—отвѣчалъ Уленшпигель.

И вотъ, всякій разъ, когда Сангина давала ему какое-нибудь порученіе, онъ выполнялъ его на половину. Напримѣръ, посылала она принести изъ колодца два ведра воды, онъ приносилъ всего одно; говорила нацѣдить изъ бочки кувшинъ пива, нацѣживалъ, но по дорогѣ опрокидывалъ половину въ свое горло, и подобнымъ образомъ поступалъ во всемъ.

Въ концѣ концовъ Сангина, наскучивъ такими выходками, заявила Ламу, что, если этотъ бездѣльникъ останется въ домѣ, она уходитъ немедленно.

Ламъ снова спустился внизъ къ Уленшпигелю и обратился къ нему съ рѣчью:

— Ничего не подѣлаешь, мой милый, надо тебѣ уходить, хоть ты и поправился и пополнѣлъ съ лица у насъ. Слышишь, пѣтухъ поетъ. Сейчасъ послѣобѣдное время, два часа, а онъ поетъ; поетъ не во-время, видно, дождь предвѣщаетъ. Мнѣ бы не хотѣлось выпроваживать тебя изъ дома въ непогодь, а она вотъ-вотъ нагрянетъ, но, подумай, голубчикъ: Сангина, благодаря своимъ жаркимъ, хранительница моей жизни. Я не могу, не могу, подъ угрозой грядущей смерти, ея лишиться, дать ей уйти. Уходи же, ради Бога, мой любезный, и вотъ тебѣ на забаву въ пути три флорина и связка копченыхъ сосисокъ.

И Уленшпигель сконфузился: ему жаль было разставаться съ Ламомъ и его кухней.

XLIV.

Стоялъ ноябрь въ Дамѣ и другихъ мѣстахъ, но зимы не чувствовалось, она запоздала: не было ни снѣга, ни дождя, ни холода. Солнце, не тускнѣя, свѣтило съ утра до вечера. На пыльныхъ улицахъ и дорогахъ вертѣлась дѣтвора. Послѣ ужина, въ часы отдыха, торговцы, лавочники, серебрянники, картинники и простые рабочіе выходили на порогъ своихъ обиталищъ поглядѣть на постоянно голубѣвшее небо, на деревья, съ которыхъ не падали листья, на стоявшихъ на конькахъ крышъ аистовъ и на не улетавшихъ ласточекъ. Розы цвѣли трижды и въ четвертый разъ

покрылись бутонами. Ночи стояли темныя, соловьи не переставали пѣть.

Жители Дама говорили:

«Умерла зима, предадимъ зиму сожженію».

И они соорудили громадное чучело съ медвѣжьей мордой, длинной мочальной бородой, густыми льняными волосами, облачили его въ бѣлое одѣяніе и сожгли съ большой церемоніей.

А Класъ предавался меланхоліи: не радовался ни постоянно голубѣвшему небу, ни не желавшимъ улетать ласточкамъ. Не радовался, потому что всѣ въ Дамѣ топили лишь кухню и у всякаго былъ достаточный запасъ угля и не было необходимости покупать его у Класа, истратившаго свои сбереженія на годовую заготовку топлива.

Поэтому угольщикъ, показываясь на порогѣ своего жилища, и чувствуя порою, какъ подъ прохладной струей воздуха стынетъ кончикъ носа, приговаривалъ:

— Ага, вотъ и моимъ хлѣбомъ пахнуло!

Но прохладный вѣтеръ затихалъ, небо попрежнему голубѣло, и листья не желали осыпаться. И Класъ отказался уступить за полъ-цѣны свой зимній запасъ старшинѣ рыбнаго цеха скупому Гринтюйверу. И вскорѣ оказался недостатокъ хлѣба въ хибаркѣ.

XLV.

Но король Филиппъ не голодалъ и продолжалъ ѣсть пирожныя возлѣ своей супруги Маріи Некрасивой, супруги изъ королевскаго рода Тюдоровъ. Онъ не любилъ ее, хотя и разсчитывалъ, оплодотворивъ эту дурнушку, дать англійской націи испанскаго монарха.

Зло его разбирало отъ этого брака, брака горячей головни съ булыжникомъ. Однако они достаточно тѣсно сблизились на почвѣ потопленія и сожженія сотнями бѣдныхъ реформатовъ.

Когда Филиппъ наѣзжалъ въ Лондонъ и когда не отправлялся переодѣтымъ въ непотребныя мѣста, то часы сна соединяли супруговъ.

Тогда королева Марія, облеченная въ прекрасное турнэское полотно и ирландскія кружева, прислонялась къ брачной постели, а Филиппъ, неподвижнымъ столбомъ стоя передъ ней, глазами искалъ въ женѣ признаковъ беременности. Не находя ничего, онъ раздражался, молчалъ и разглядывалъ свои ногти.

Тогда духъ безплодія начиналъ нѣжно говорить изъ ея глазъ, въ которыхъ виднѣлось усиліе сдѣлаться кроткими, и молилъ о любви холоднаго, какъ ледъ, Филиппа. Ко всему прибѣгала

она: къ слезамъ, крикамъ, мольбамъ, лишь бы добиться тепловатой ласки отъ того, кто ее не любилъ.

Напрасно, заломивъ руки, волочилась у его ногъ. Понапрасну смѣялась сквозь слезы, желая разжалобить. Ни смѣхъ, ни слезы не размягчали камня въ этомъ затвердѣломъ сердцѣ.

Тщетно, подобно влюбленной змѣѣ, обвивалась вокругъ него тонкими руками и прижимала къ своей плоской груди узкую клѣтку, въ которой гнѣздилась неприглядная душа короля крови. Онъ, словно придорожный камень въ полѣ, оставался недвижимымъ.

Бѣдная дурнушка старалась быть обворожительной; называла его ласковыми именами, тѣми именами, какими обезумѣвшія отъ страсти женщины награждаютъ своихъ избранниковъ. Филиппъ продолжалъ разглядывать ногти.

Иногда онъ отвѣчалъ на женины ласки укоризненнымъ вопросомъ:

— У тебя не будетъ дѣтей?

На это замѣчаніе голова Маріи опускалась на грудь.

— Развѣ по своей винѣ я не рожу? Пожалѣй меня! Вѣдь я, точно вдова, живу.

— Почему у тебя дѣтей нѣтъ? — снова холодно допытывался онъ.

Въ отвѣтъ королева, будто пораженная смертью, падала на коверъ. И только простыя слезы стояли у нея въ глазахъ, хотя, еслибъ могъ, несчастный духъ безплодія, обитавшій въ ней, плакалъ бы кровью.

И такъ Богъ отмщалъ палачамъ за ихъ жертвы, устлавшія собою англійскую землю.

XLVI.

Пошли въ народѣ слухи, что императоръ Карлъ намѣренъ отнять у монаховъ права свободнаго наслѣдованія послѣ лицъ, умершихъ въ ихъ монастыряхъ. Папа относился къ этому съ большимъ неодобреніемъ.

Находившійся въ ту пору на берегахъ Мааса Уленшпигель подумалъ, что императоръ нигдѣ своего не теряетъ и наслѣдуетъ даже тогда, когда прямые родственники покойнаго не получаютъ ничего. Онъ сѣлъ на берегу рѣчки и закинулъ удочку съ хорошей приманкой. Потомъ, принявшись грызть кусокъ черстваго, чернаго хлѣба, жалѣлъ, что нельзя помочить его въ романскомъ [1]) винѣ,

[1]) vin de Romagne; Романья—древняя Церковная область съ главнымъ городомъ Равенной. *Примѣч. переводч.*

но тутъ же ему пришло въ голову, что невозможно всегда кейфовать,

Несмотря на это онъ, все-таки бросалъ въ воду крошки и кусочки хлѣба, приговаривая, что человѣкъ, не удѣляющій отъ стола своего ближнему своему, недостоинъ пропитанія...

Показался неожиданно пискарь, понюхалъ сперва крошку, затѣмъ, полизавъ ее, раскрылъ свой наивный ротъ, полагая вѣроятно, что хлѣбъ самъ собою упадетъ туда. Пока онъ глядѣлъ вверхъ, неожиданно стрѣлою бросилась къ нему вѣроломная щука и проглотила его.

Точно такъ же поступила щука и съ карпомъ, не считавшимся съ опасностью и ловившимъ мухъ на лету. Поѣвши, она неподвижно держалась на серединѣ, между дномъ и водной поверхностью, пренебрежительно относясь къ рыбной мелюзгѣ, кинувшейся со страха вразсыпную. Чванилась такъ, чванилась, пока не примчалась ея товарка, быстрая, хищная, голодная, съ открытой пастью, и стремглавъ не кинулась на нее. Жесточайшій бой завязался между ними; наносили другъ дружкѣ пастью смертельные удары; вода обагрилась ихъ кровью. Сытая щука плохо защищалась противъ голодной. Но вотъ вдругъ, отступивъ назадъ и вновь набравшись пыла, она, со стремительностью пули, метнулась на свою противницу. Та, съ разинутымъ зѣвомъ ожидая удара, проглотила полъ ея головы, а проглотивъ, хотѣла было освободиться, но не могла: мѣшали кривые зубы; обѣ противницы печально продолжали биться.

Сцѣпившись такимъ образомъ, онѣ совсѣмъ не замѣтили крючка на шелковой лёскѣ. Этотъ крючокъ, выплывши изъ глуби, вонзился подъ плавники сытой щуки и вытащилъ ее изъ воды вмѣстѣ съ ея врагомъ, вытащилъ и бросилъ ихъ обѣихъ на траву безъ всякаго къ нимъ уваженія.

Потроша ихъ, Уленшпигель приговаривалъ:

— Эхъ вы, щуки мои, голубушки, не похожи ль вы на папу съ императоромъ, поѣдомъ ядущихъ другъ друга, и не похожъ ли я на народъ, который когда-нибудь, съ Божьей милостью, подцѣпитъ васъ обоихъ въ самый разгулъ вашихъ жаркихъ сраженій.

XLVII.

Между тѣмъ Катлина, не покидала Боржерута [1]), неустанно бродила въ его окрестностяхъ и неизмѣнно твердила:

— Ганскэ, муженёкъ мой, разложили они костеръ на моей

[1]) Borgerhout—бельгійскій городъ въ антверпенской области, на притокѣ Шельды. *Примѣч. перевод.*

головѣ: просверли ты дырочку, пускай душенька моя выйдетъ на волю... Бѣда-то какая! все стучится она, выйти просится, а застучитъ, стукъ ея жгучей болью во мнѣ отзывается.

И Нель, присматривая за безумной и скорбя, мечтала возлѣ нея о своемъ дружкѣ—Уленшпигелѣ.

И въ Дамѣ Класъ, связывая подтопу, продавая уголь, не разъ впадалъ въ грустное настроеніе: все думалъ о томъ, что изгнаннику Уленшпигелю долго еще нельзя будетъ воротиться въ родную хибарку.

Сеткинъ цѣлый день проводила подъ окномъ, въ надеждѣ увидѣть, какъ сынъ возвращается.

А этотъ сынъ, очутившись близъ Кёльна, останавливался на мысли, что нынѣ открылся у него вкусъ къ садоводству.

Онъ предложилъ свои услуги, въ качествѣ подручнаго, командиру ландскнехтовъ Жану де Цурсмалю, который, попавшись когда-то въ плѣнъ, чуть не былъ повѣшенъ за отсутствіемъ выкупа; послѣ этого у него остался ужасъ передъ пенькой и коноплей, называемой по-фламандски «кеннипъ».

Однажды Жанъ де Цурсмаль пожелалъ указать Уленшпигелю опредѣленное мѣсто, куда нужно было ходить за первой необходимостью, и привелъ его въ глубину загороженнаго пустыря, по сосѣдству съ которымъ находился участокъ земли, засѣянный коноплей—«кеннипомъ».

Приведя сюда Уленшпигеля, Жанъ Цурсмаль промолвилъ:

— Гдѣ бъ ты не увидѣлъ это отвратительное растеніе, всегда унижай его, унижай позорнѣйшимъ образомъ, потому что оно служитъ средствомъ для колесованія и повѣшанія.

— Слушаю, буду унижать,—отвѣчалъ Уленшпигель.

И вотъ сидѣлъ какъ-то разъ Жанъ де Цурсмаль за столомъ со своими друзьями—однокашниками и поваръ сказалъ Уленшпигелю:

— Сходи въ погребъ и принеси зеннипъ [1]).

Уленшпигелю, ради шутки, послышалось кеннипъ вмѣсто зеннипъ, и онъ, спустившись въ погребъ, «унизилъ позорнѣйшимъ образомъ» банку съ зеннипомъ. Выбравшись оттуда, подалъ банку на столъ и не могъ при этомъ удержаться отъ смѣха.

— Что за смѣхъ?—спросилъ Жанъ де Цурсмаль,—или ты полагаешь, что у насъ ноздри стальныя? Самъ приготовилъ твой зеннипъ, самъ его и ѣшь.

— Нѣтъ, мнѣ больше нравится жаркое съ корицей,—возразилъ Уленшпигель.

---

[1]) «Зеннипъ»—Zennip, по-фламандски—горчица.

Жанъ де Цурсмаль поднялся, чтобы его ударить.

— Эта банка съ горчицей унижена позорнѣйшимъ образомъ,— замѣтилъ онъ.

— Господинъ домовладыка, должно быть вы ужъ изволили забыть, какъ однажды я шелъ за вами до конца вашего пустыря. Тамъ, на этомъ пустырѣ, вы указали мнѣ на зеннипъ и сказали: «Гдѣ бъ ты не увидѣлъ это отвратительное растеніе, всегда унижай его позорнѣйшимъ образомъ, потому что оно служитъ средствомъ для колесованія и повѣшенія». Вотъ я и унизилъ его, унизилъ позорнѣйшимъ образомъ и съ большой дерзостью. Не велите казнить меня за мое повиновеніе.

— Я сказалъ тогда кеннипъ, а не зеннипъ,—не своимъ голосомъ крикнулъ Жанъ Цурсмаль.

— Господинъ домовладыка, вы изволили сказать зеннипъ, а не кеннипъ,—настаивалъ Уленшпигель.

Они препирались долго такимъ образомъ. Уленшпигель говорилъ подобострастно. Жанъ де Цурсмаль кричалъ по-орлиному и то и дѣло у него путались, точно пасма крученаго шелка: «зеннипъ, кеннипъ, кемпъ, земпъ, земпъ, кепмъ, земпъ!»

И гости, поѣдая доминиканскія котлеты съ инквизиторскимъ лучкомъ, заливались хохотомъ, словно черти.

Но Уленшпигелю пришлось разстаться съ Жаномъ де Цурсмалемъ.

XLVIII.

Нель всегда была печальна, печалилась и за себя и за обезумѣвшую мать....

Уленшпигель нанялся къ портному, и тотъ давалъ ему наставленія:

— Когда шьешь, нажимай, дѣлай стежку почаще и потуже, смотри, чтобы не просвѣчивало.

Уленшпигель сѣлъ на бочку и началъ шить.

— Ты меня не понялъ, я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать!— вскричалъ портной.

— Что вы хотите! Я нажимаю на бочку, и она не просвѣчиваетъ,—возразилъ Уленшпигель.

— Поди сюда, пожалуйста, садись на столъ, и гони ровную и частую стежку, шей вотъ такого «волчонка»,—указывая на модель, сказалъ портной.

«Волчонкомъ» у фламандскихъ крестьянъ называется особое короткое полукафтанье.

Уленшпигель взялъ сукно разрѣзалъ его на куски и сталъ сшивать, стараясь придать форму волка.

Портной, при видѣ этого, громко раскричался:

— Что ты дѣлаешь, чортъ возьми!

— Волчонка,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Ахъ, ты бестія, злой насмѣшникъ, продолжалъ кричать портной: я тебѣ дѣйствительно сказалъ «шей волченка», но «волчонкомъ», вѣдь, называется крестьянское полукафтанье.

Спустя нѣсколько времени онъ приказалъ:

— Прибрось-ка до отхода ко сну рукавчики къ этой курткѣ.

Уленшпигель повѣсилъ на гвоздь куртку и весь вечеръ бросался въ нее рукавами.

Портной вошелъ на шумъ.

— Бездѣльникъ, какую новую гнусную штуку ты разыгрываешь?

— Развѣ это гнусная штука?—отвѣчалъ Уленшпигель,—видите, вотъ рукава, я ихъ цѣлый вечеръ швыряю въ куртку, а они все никакъ къ ней пристать не могутъ.

— Само собою разумѣется пристать не могутъ, а вотъ я вышвырну тебя на улицу и погляжу, хорошо ли ты къ ней пристанешь.

XLIX.

А Нель, когда за Катлиной брались присмотрѣть добрые сосѣди, уходила далеко, далеко, уходила одна и добиралась до самого Антверпена, шла вдоль Шельды, направлялась и въ другія мѣста, и всюду, на рѣчныхъ баркахъ и на сѣдыхъ отъ пыли дорогахъ, искала своего дружка—Уленшпигеля.

А онъ, очутившись въ ярмарочный день на рынкѣ въ Гамбургѣ, примѣтилъ среди разныхъ продавцевъ двухъ стариковъ евреевъ, жившихъ ростовщичествомъ и старыми гвоздями.

Уленшпигелю самому захотѣлось сдѣлаться торговцемъ. Онъ увидѣлъ валявшіеся на землѣ куски конскаго кала и принесъ ихъ въ свое обиталище, т.-е. на уступъ на каменной стѣнѣ, окружавшей городъ. Здѣсь онъ высушилъ свою находку. Потомъ, купивъ краснаго и зелёнаго шелка, надѣлалъ ладанокъ, положилъ внутрь конскаго кала и перевязалъ красной ленточкой, словно бы онѣ наполнены были мускусомъ.

Затѣмъ изъ дощечекъ сдѣлалъ для своего товара небольшой ящичекъ, привязалъ къ нему веревку, повѣсилъ себѣ на грудь и пошелъ на рынокъ, неся передъ собою благовонныя ладанки. По вечерамъ, чтобы показать товаръ лицомъ, зажигалъ въ ящичкѣ огарокъ.

Когда къ нему подходили и спрашивали, что продаетъ, отвѣчалъ таинственно:

— Я вамъ скажу, но только не говорите слишкомъ громко.

— Что жъ это такое, допытывались покупщики.

— Это,—пояснялъ Уленшпигель:—пророческія зерна, прямымъ трактомъ прибывшія изъ Аравіи во Фландрію и приготовленныя самимъ Абдулъ Медиломъ, изъ племени Магомета.

Нѣкоторые покупщики сообщали другъ другу:

— Онъ—турокъ.

Другіе возражали:

— Какой тамъ турокъ. Просто выходецъ изъ Фландріи, развѣ вы не узнаете по говору.

И къ Уленшпигелю подходили тряпичники, торговцы поливаной посудой, лоскутники и просили:

— Дай намъ своихъ пророческихъ зеренъ.

— Дамъ, только приносите флорины...

И удрученными уходили торговцы поливаной посудой, лоскутники и тряпичники, уходили, приговаривая:

— Только и радости на этомъ свѣтѣ, что богачамъ.

Вскорѣ распространились на рынкѣ то́лки объ этихъ зернахъ. Люди зажиточные тоже передавали другъ другу новость:

— Появился здѣсь какой-то фламандецъ съ пророческими зернами, освященными въ Іерусалимѣ на гробѣ Господнемъ, но, говорятъ, онъ ихъ ни за что не хочетъ продавать.

И почтенные люди подходили къ Уленшпигелю и просили у него его зеренъ.

Но Уленшпигель, гнавшійся за большимъ барышемъ, отвѣчалъ, что зёрна невполнѣ созрѣли: онъ продолжалъ держать на примѣтѣ двухъ, сновавшихъ по рынку богатыхъ евреевъ.

— Мнѣ очень хотѣлось бы знать,—спросилъ одинъ почтенный господинъ, что будетъ съ моимъ судномъ, которое сейчасъ въ морѣ.

— Его подброситъ до неба, если волны поднимутся достаточно высоко,—отвѣчалъ Уленшпигель.

Другой, указывая ему на свою зардѣвшуюся дочь-любимицу, спрашивалъ:

— А какъ ты думаешь, ея судьба, несомнѣнно, сложится хорошо?

— Все складывается по волѣ природы,—отвѣчалъ Уленшпигель,—онъ только что замѣтилъ, какъ молодая дѣвушка передала ключъ молодому человѣку, вспыхнувшему отъ кичливаго удовольствія?

— Милостивый государь, господинъ продавецъ, — обратился тотъ къ Уленшпигелю, — позвольте мнѣ вашихъ пророческихъ ладанокъ, мнѣ хочется прибѣгнуть къ нимъ и узнать, въ одиночествѣ ль буду я спать въ эту ночь?

— Въ писаніи сказано,—нашелся Уленшпигель,—что сѣющій сѣмя соблазна, пожнетъ плевелы рогоносца.

Молодой человѣкъ разсердился и сказалъ:

— Для кого жъ у тебя эти зерна?

— Зерна говорятъ,—разъяснялъ Уленшпигель,—что они желаютъ тебѣ счастливаго брака и жену, которая не надѣнетъ на тебя шляпы Вулкана. Знаешь ли ты, что это за шляпа?—и проповѣдническимъ тономъ добавилъ:

— Ибо дающая задатокъ на рынкѣ брака оставляетъ потомъ весь товаръ на потребу другихъ.

На это молодая дѣвушка, притворяясь равнодушной и наивной, поинтересовалась:

— Должно быть, обо всемъ объ этомъ говорится въ пророческихъ ладанкахъ, не правда ли?

— Въ нихъ можно и ключикъ увидѣть,—шепнулъ ей на ухо Уленшпигель.

Но молодой человѣкъ успѣлъ уже удалиться, унеся ключъ съ собою:

Внезапно вниманіе Уленшпигеля было отвлечено въ другую сторону. Ему бросился въ глаза воръ, стащившій у колбасника съ лотка колбасу, длиною въ аршинъ, и спрятавшій ее подъ полою своего плаща. Продавецъ ничего не замѣтилъ. Внутренно ликуя, воръ подошелъ къ Уленшпигелю и полюбопытствовалъ:

— Что продаешь, пророкъ несчастья?

— Благовонные ладанки, въ которыхъ сокрыто, что ты будешь когда-нибудь повѣшенъ за свое пристрастіе къ колбасамъ,—сказалъ Уленшпигель.

Въ отвѣтъ на такое сообщеніе воръ поспѣшно бросился бѣжать, а колбасникъ завопилъ.

— Лови его, держи, воръ, воръ!

Но было поздно.

Два богатыхъ еврея слушали все время очень внимательно разговоры Уленшпигеля и, подойдя къ нему, освѣдомились.

— Чѣмъ торгуешь, фламандецъ?

— Благовонными пророческими ладонками,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— А что таится въ нихъ, въ твоихъ пророческихъ зернахъ?

— Грядущія событія, стоитъ только эти зерна пососать,—увѣрялъ Уленшпигель.

Оба еврея начали совѣщаться другъ съ другомъ, и болѣе пожилой сказалъ другому:

— Мы же узнаемъ, когда придетъ Мессія. И мы будемъ радоваться. Ну, такъ надо купить эти мѣшечки. А почемъ продаешь?

— По пятьдесятъ флориновъ,—рѣшительно заявилъ Уленшпигель,—а не хотите платить столько, убирайтесь. Кто не покупаетъ поля, тому и навоза не надо.

Видя такую рѣшимость со стороны Уленшпигеля, они полностью отсчитали ему деньги за одну ладанку и отправились въ синагогу. Тогда туда, услыхавъ, что одинъ изъ почтенныхъ стариковъ купилъ секретъ, благодаря которому можно узнать и обнародовать время пришествія Мессіи, сбѣжались толпою всѣ евреи.

Рзспросивъ, въ чемъ дѣло, они хотѣли безплатно пососать пророческую ладанку. Но самому престарѣлому изъ нихъ, по имени Іиуй [1]), купившему ее, захотѣлось самому и единственному исполнить это.

— Сыны Израиля,—провозгласилъ онъ съ ладонкой въ рукѣ,—христіане надъ нами насмѣхаются и, какъ настоящихъ воровъ, преслѣдуютъ насъ. Филистимляне хотятъ унизить насъ до земли. Они уже плюются на насъ, потому что самъ Богъ натянулъ наши луки и потрясъ тетиву. Ну, такъ что жъ намъ дѣлать! Боже Авраама, Исаака и Іакова, долго ли еще несчастья будутъ случаться съ нами, когда мы ждемъ счастья, долго ли еще будетъ приходить къ намъ мракъ, когда мы ждемъ не мрака, а свѣта? Скоро ль ты, Боже, нашъ еврейскій Мессія, явишься на землю? Когда же, наконецъ, ты поднимешься съ своего съ мѣста и станешь казнить христіанъ, а они попрячутся въ пещеры и норы, отъ страха передъ твоею великою славою?

И присутствовавшіе евреи восклицали:

— Приходи же Мессія! Ну соси же Іиуй!

Іиуй пососалъ, его стало тошнить, и онъ жалобно воскликнулъ:

— И уже я вамъ могу сказать правду, это—только гадость. А пилигримъ изъ Фландріи—воръ.

Тогда всѣ евреи наперебой стремились раскрыть ладонку и, увидавъ, что въ ней заключалось, пришли въ ярость и кинулись на рынокъ за Уленшпигилемъ, но тотъ ихъ не дожидался.

L.

Кто-то изъ жителей Дама, задолжавъ Класу за уголь, предоставилъ въ его распоряженіе свою лучшую движимость: искусно сдѣланный двѣнадцати-зарядный самострѣлъ.

---

[1]) Jéhu—Іиуй—имя жестокаго царя Израильскаго, звѣрски умертвившаго Іезавель, мать и возлюбленную убитаго имъ Іорама.

Подъ именемъ Jéhu въ Парижѣ, послѣ паденія Робеспьера (24 іюля 1794 г.), была извѣстна шайка разбойниковъ-роялистовъ, нападавшихъ на республиканцевъ. *Примѣч. переводчика.*

Въ свободные отъ работы часы Класъ съ нимъ охотился: подстрѣливалъ и зажаривалъ зайцевъ за то, что тѣ ярые охотники до капустки.

И Класъ ѣлъ ихъ съ большимъ аппетитомъ.

Сеткинъ говаривала, бывало, глядя на безлюдную большую дорогу:

— Сыночекъ мой, Тиль, неужто не слышишь ты запаха нашей подливки? Голодаешь теперь,—и, задумавшись, она готова была припрятать ему «на послѣ» его долю.

— Если онъ и голодаетъ сейчасъ, никто другой, какъ самъ, и повиненъ во всемъ. А воротится къ намъ, тогда будетъ и закусывать вмѣстѣ съ нами.

У Класа водились голуби; но онъ больше любилъ слушать вокругъ себя пѣнье и чириканье малиновокъ, щеглятъ, воробьевъ и другихъ пѣвчихъ и щебечущихъ птицъ. Ему нравилось также подстрѣливать сарычей и ястребовъ—этихъ объѣдалъ народныхъ.

Но вотъ какъ-то ссыпалъ онъ на дворѣ уголь, и Сеткинъ указала мужу на большую птицу, парившую въ воздухѣ надъ голубятней.

Класъ взявъ свой самопалъ и, сказалъ:

— Да спасетъ дьяволъ его ястребовское вашество!

И, не желая промахнуться, сталъ старательно цѣлиться, слѣдя за малѣйшимъ движеніемъ птицы. Освѣщеніе было сумеречное. Класъ могъ различить вверху лишь черную точку. Выстрѣлилъ, и на дворъ свалился аистъ.

Класъ очень опечалился, а Сеткинъ еще болѣе и у нея вырвалось восклицаніе:

— Эхъ, ты, нехорошій, Божью птицу подстрѣлилъ.

Затѣмъ поднявъ аиста и убѣдившись, что ему подбили только крыло, она приложила корпіи и перевязала ранку, приговаривая:

— Аистъ, мой голубчикъ, и съ твоей стороны не хорошо, что тебѣ вздумалось, словно ястребу, по поднебесью носиться. Ястреба, извѣстно, всѣ не любятъ. А потомъ, и то сказать, стрѣльба наша несуразная. Что болитъ, вѣрно, крылышко-то? Ничего, потерпи, рука наша легкая, зла не сдѣлаемъ.

Выздоровѣвъ, аистъ кормился всѣмъ, чѣмъ хотѣлъ. Особенно же охотно питался рыбой, за которой Класъ ходилъ нарочно. И всякій разъ, при видѣ возвращающагося съ вкусной снѣдью Класа, птица открывала свой клювъ.

Она ходила за Класомъ, какъ собака, но охотнѣе держалась въ кухнѣ, грѣя брюшко около печки, долбя носомъ передникъ готовившей обѣдъ Сеткинъ, и, казалось, хотѣла сказать ей:

— Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь для меня?

И было забавно глядѣть на этого важнаго, на длинныхъ лапахъ вѣстника счастья, разгуливавшаго по хибаркѣ.

LI.

Но снова вернулись черные дни. Класъ одинъ работалъ на полѣ; вдвоемъ тамъ дѣлать было нечего.

Сеткинъ, оставаясь одна въ хибаркѣ, на разные лады готовила бобы, единственное кушанье за ихъ столомъ, стараясь угодить вкусу мужа. И она пѣла и смѣялась, чтобы не огорчать его своимъ удрученнымъ видомъ. Аистъ держался возлѣ нея на одной ногѣ, уткнувшись носомъ въ перья...

Какой-то человѣкъ, верхомъ на лошади, остановился передъ хибаркой. Онъ былъ одѣтъ во все черное, очень худъ, и у него былъ видъ очень печальный.

— Кто-нибудь дома?—освѣдомился онъ.

— Господь да благословитъ васъ, ваше печальное благородіе,—отвѣчала Сеткинъ,—но что жъ я, привидѣніе что ли, что вы спрашиваете меня,—есть ли кто-нибудь дома, когда я тутъ.

— Гдѣ твой отецъ?—спросилъ всадникъ.

— Если Класъ считается моимъ отцомъ, то вонъ-онъ тамъ, видите сѣетъ.

Всадникъ удалился, и Сеткинъ тоже вышла: ей нужно было итти въ булочную и въ шестой разъ просить отпустить хлѣба въ долгъ. Вернувшись съ пустыми руками, она съ изумленіемъ увидала своего возвращающагося съ поля супруга, возсѣдающаго верхомъ на принадлежавшей черному человѣку лошади, возсѣдающаго съ торжествующимъ и побѣдоноснымъ выраженіемъ на лицѣ. Лошадь велъ за поводъ самъ черный человѣкъ. Класъ одной рукой гордо опирался на лежавшій у его бедра кожаный мѣшокъ, казавшійся очень полнымъ.

Сойдя съ лошади, онъ обнялъ человѣка, радостно похлопалъ по плечу и весело сказалъ:

— Да здравствуетъ, мой братъ Жосъ, славный отшельникъ! Да пошлетъ ему Господь радости, веселія, жирку и добраго здоровья. Онъ—нашъ благословенный, щедрый Жосъ, Жосъ жирныхъ суповъ! Аистъ, какъ видно, не надулъ!—И онъ положилъ мѣшокъ на столъ.

Сеткинъ на это замѣтила грустнымъ тономъ:

— Муженёкъ мой, сегодня мы останемся безъ обѣда: булочникъ не отпускаетъ больше въ долгъ хлѣба.

— Хлѣба?—вопросительно повторялъ Класъ, развязывая мѣ-

шокъ и потокомъ разсыпая по столу золотыя монеты:—хлѣба? Вотъ тебѣ хлѣбъ, масло, говядина, вино, пиво! Вотъ тебѣ ветчина, бычачьи мозги, паштеты изъ цапли, овсянки, пулярки, все, какъ у важныхъ баръ! Вотъ тебѣ бочки пива, боченки вина! Пускай сумасшедшій булочникъ попробуетъ теперь не отпускать намъ хлѣба въ долгъ, больше мы не будемъ у него покупать.

— Но,—муженокъ мой,—промолвила съ изумленіемъ Сеткинъ.

— Погоди, радуйся и слушай. Катлина вмѣсто того, чтобы кончать срокъ своей высылки въ Антверпенѣ, отправилась пѣшкомъ подъ присмотромъ Нель, въ Марбургъ. Тамъ Нель разсказала моему брату Жосу, что мы часто нуждаемся, хоть и работаемъ рукъ не покладая. А еще, добрый посланецъ,— и Класъ указалъ на черного всадника,—говоритъ, что Жосъ пересталъ исповѣдывать святую римскую вѣру и сдѣлался еретикомъ—лютераниномъ.

Черный человѣкъ возразилъ:

— Еретики—тѣ, кто вмѣсто вѣры исповѣдуетъ великій развратъ, вѣдь папа исподтишка торгуетъ святостями.

— Ахъ, пожалуйста, не говорите такъ громко,—вырвалось у Сеткинъ,—насъ тутъ всѣхъ спалятъ на кострѣ.

— И еще,—продолжалъ Класъ,—Жосъ сказалъ посланцу, я иду на войну, вступаю съ отрядомъ въ пятьдесятъ человѣкъ въ войско Фридриха Саксонскаго. Отрядъ я оборудовалъ на свой счетъ. А потому, на что мнѣ на войнѣ такая уйма денегъ?! Все равно, можетъ быть, достанутся въ недобрый часъ какому-нибудь бездѣльнику-ландскнехту. Итакъ, значитъ, возьми ты эти семьсотъ флориновъ-короловъ золотомъ и передай ты ихъ моему любезному брату Класу. Передай ему тоже мои поклоны и пожелай всякаго благополучія, да скажи, пускай и о спасеньи души не забываетъ.

— Да, пора объ этомъ позаботиться,—вставилъ свое слово всадникъ: ибо Господь воздастъ каждому по дѣламъ и заслугамъ его.

— Господинъ,—сказалъ Класъ, обращаясь къ посланцу:—прошу васъ, на радостяхъ, пожалуйте къ намъ въ хибарку. Для такого праздничка мы попотчуемъ васъ мясцомъ, колбасками. Ихъ я только что видѣлъ въ колбасной, онѣ такія надутыя, аппетитныя, что у меня во рту зубы на аршинъ подались впередъ.

— Неразумные наслаждаются и не вѣдаютъ, что очи Господа на путяхъ ихъ.

— Скажи просто,—спрашивалъ Класъ,—хочешь ты закусить и выпить съ нами?

Человѣкъ отвѣтилъ:

— Когда падетъ великій Вавилонъ, тогда для праведныхъ наступитъ время предаваться утѣхамъ земнымъ.

Сеткинъ съ Класомъ при этихъ словахъ перекрестились, а сказавшій ихъ хотѣлъ удалиться.

Класъ на прощанье обратился къ нему:

— Что жъ подѣлаешь, видно, вы уходите. Поцѣлуйте жъ за меня братскимъ поцѣлуемъ моего милаго Жоса и пожелайте ему удачи въ битвѣ.

— Хорошо, будьте покойны, исполню,—отвѣчалъ посланецъ и удалился.

Сеткинъ отправилась раздобывать, чѣмъ бы отпраздновать привалившее счастье. Аистъ въ этотъ день поужиналъ двумя пискарями и головкой трески.

Быстро распространилась по Даму новость, что бѣднякъ Класъ, по милости своего брата Жоса, сдѣлался Класомъ-богачомъ, а отецъ настоятель говорилъ, что, несомнѣнно, Катлина наколдовала Класу, и благодаря этому колдовству тотъ получилъ огромную сумму денегъ, а св. Дѣвѣ даже простого платьица не пожертвовалъ.

Класъ и Сеткинъ были счастливы. Класъ работалъ на полѣ или продавалъ дома свой уголь, а Сеткинъ бойко распоряжалась по хозяйству.

Но въ то же время Сеткинъ, постоянно скорбя о сынѣ своемъ Уленшпигелѣ, то-и-дѣло искала его глазами на дорогѣ.

И всѣ трое, съ аистомъ вмѣстѣ, наслаждались посланнымъ имъ отъ Бога счастьемъ, наслаждались, не зная того, что пошлютъ имъ люди.

LII.

Императоръ Карлъ получилъ въ этотъ день изъ Англіи письмо, въ которомъ сынъ ему писалъ:

«Государь и отецъ!

Мнѣ непріятна необходимость жить въ этой странѣ. Здѣсь проклятые еретики размножаются, словно блохи, гусеницы и сверчки. Чтобы очистить отъ нихъ животворящее древо, то-есть нашу святую Церковь, кажется, мало дѣйствовать огнемъ и мечомъ. Въ довершеніе же всѣхъ непріятностей на меня здѣсь смотрятъ не какъ на короля, но какъ на супруга ихъ королевы, и я не пользуюсь никакимъ авторитетомъ. Они издѣваются надо мною, утверждая въ злыхъ памфлетахъ, авторамъ и печатникамъ которыхъ удается оставаться неразысканными, что Папа меня подкупаетъ и понуждаетъ создавать смуту въ королевствѣ

преступными висѣлицами и кострами. И вотъ, когда я требую съ нихъ уплаты немедленной контрибуціи, требую потому, что, благодаря имъ, остаюсь часто безъ денегъ, они на мои требованія отвѣчаютъ разнузданными пасквилями, предлагая мнѣ обратиться за содѣйствіемъ къ Сатанѣ, для котораго я, будто бы, работаю. А члены парламента извиняются и отъ страха, какъ бы я ихъ не укусилъ, точно коты, щетинятся. Но не уступаютъ.

Между тѣмъ стѣны Лондона покрыты пасквилями, представляющими меня въ видѣ отцеубійцы, готовымъ ради скорѣйшаго полученія престола убить Ваше Величество.

Но вы, Государь и отецъ, знаете, что, несмотря на вполнѣ естественныя самолюбіе и гордость съ моей стороны, я желаю Вашему Величеству долгихъ и славныхъ дней царствованія.

Они распространяютъ также по городу выгравированную на мѣди картину, выгравированную очень искусно. На этой картинѣ я изображенъ играющимъ на клавесинахъ. Играю я не самъ, а при помощи запертыхъ внутри инструмента кошачьихъ лапъ; хвосты этихъ кошекъ проходятъ сквозь круглыя отверстія и прикрѣпляются къ нимъ желѣзными болтами. Человѣкъ, которымъ въ данномъ случаѣ являюсь я, припекаетъ эти хвосты раскаленнымъ желѣзомъ и заставляетъ тѣмъ самымъ кошекъ ударять лапами по клавишамъ и неистово мяукать. При этомъ я представленъ такимъ уродомъ, что противно смотрѣть. И представляютъ они меня смѣющимся. Но вы, Государь и отецъ, знаете, случалось ли мнѣ на самомъ дѣлѣ когда-нибудь доставлять себѣ подобное глупое удовольствіе. Правда, я развлекался, заставляя кошекъ мяукать, но никогда при этомъ не смѣялся. Выражаясь языкомъ мятежниковъ, они обвиняютъ меня за эти клавесины въ посягательствѣ на чужую жизнь и въ жестокости, хотя у животныхъ нѣтъ души, и потому всѣ люди, въ особенности же особы Королевской крови, могутъ пользоваться животными вплоть до лишенія ихъ жизни, для своего развлеченія. Но въ этой Англіи люди такъ подходятъ къ животнымъ, что обходятся съ ними лучше, чѣмъ со своими слугами. Конюшни и псарни у нихъ—настоящіе дворцы, и встрѣчаются господа, спящіе на одной подстилкѣ со своей лошадью.

Въ дополненіе же ко всему этому моя родовитая супруга и королева—бездѣтна. А они съ оскорбительной дерзостью утверждаютъ, что виноватъ въ этомъ я, а не она, женщина, между прочимъ, ревнивая, сердитая, исполненная похоти. Поэтому, Государь и отецъ, съ надеждою я молю Господа Бога о ниспосланіи Его милости, да ниспошлетъ онъ мнѣ временно какой-нибудь другой тронъ, хотя бы турецкій, пока честь быть сыномъ Вашего

славнаго и побѣдоноснаго Величества не призоветъ меня на прародительскій престолъ.

Подписано: Флё».

Императоръ отвѣчалъ на это письмо:

«Государь и сынъ!

Неоспоримо: враги ваши многочисленны, но старайтесь, не показывая раздраженія, поддерживать добрыя отношенія съ одной изъ самыхъ блестящихъ коронъ въ мірѣ. Многимъ уже я объявилъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ Нидерландовъ и другихъ моихъ владѣній. Я становлюсь старъ, страдаю подагрою и не могу состязаться съ притязаніями Генриха второго, французскаго, не могу, ибо полагаю, что счастье всегда на сторонѣ людей молодыхъ. Подумайте также и о томъ, что, являясь королемъ Англіи, вы наносите ударъ самолюбію нашего исконнаго врага Франціи.

Меня жестоко разбили подъ Мецомъ, я положилъ сорокъ тысячъ человѣкъ и, преслѣдуемый Саксонцемъ, долженъ былъ бѣжать. И теперь, если только Господь, по Своей благости, какимъ-нибудь неожиданнымъ чудомъ не возстановитъ моихъ ослабѣвшихъ силъ, я намѣренъ, Государь и сынъ, удалившись на покой, предоставить вамъ дѣло правленія.

Итакъ, имѣйте терпѣніе и, пребывая въ ожиданіи, исполняйте свой долгъ по отношенію къ еретикамъ, не щадя никого, ни мужчинъ, ни женщинъ, ни дѣвушекъ, ни дѣтей, ибо мною, къ моему глубокому прискорбію, получено донесеніе, что королева часто за нихъ заступается.

Вашъ, благосклонный къ вамъ, отецъ.

Подписано Карлъ».

LIII.

Посбивавъ до крови ноги, послѣ долгаго пѣшаго странствованія, Уленшпигелю повстрѣчалась въ майнцскомъ епископствѣ повозка съ пилигримами и довезла его до Рима.

Въѣхавъ въ городъ и сойдя съ повозки, онъ замѣтилъ у входа въ одну гостиницу миловидную хозяюшку, улыбавшуюся отъ удовольствія, что на нее смотрятъ.

Обнадеженный этой улыбкой, онъ обратился къ ней:

— Хозяюшка, не угодно ли тебѣ пріютить у себя пилигрима пилигримствующаго, прибывшаго сюда какъ разъ къ положенному сроку разрѣшенія отъ бремени своихъ грѣховъ.

— За плату мы пускаемъ всѣхъ.

— У меня въ моемъ кошелѣ сто дукатовъ,—отвѣчалъ Уленшпигель, между тѣмъ у него былъ всего одинъ,—и я хочу съ тобою первый изъ нихъ прогулять за бутылкой стараго романскаго вина.

— Въ нашихъ святыхъ мѣстахъ вино не дорого,—сообщила она,—войди и выпей на сольдо.

Они пили вмѣстѣ такъ долго и опустошили въ короткій срокъ столько графинчиковъ, что хозяйка принуждена была попросить свою прислугу замѣнить ее за стойкой, а сама вмѣстѣ съ Уленшпигелемъ удалилась въ заднюю, отдѣланную подъ мраморъ, комнату, прохладную, какъ зимою.

Склонивъ голову къ нему на плечо, она освѣдомилась, кто онъ? Уленшпигель отвѣчалъ:

— Я—сэръ де Гиландъ, графъ де Гавергетенъ, баронъ де Тюхтендиль, и у меня, въ Дамѣ, на моей родинѣ, двадцать пять удѣловъ луннаго свѣта.

— Что жъ это за удѣлы такіе, за страна такая?—спросила трактирщица, отпивая изъ кружки Уленшпигеля.

— А это страна, гдѣ сѣютъ мечты, несбыточныя надежды и воздушныя обѣщанія. Но ты, милая хозяюшка, съ душистымъ тѣломъ, съ блестящими, какъ перлы, глазами, ты не родилась при лунномъ сіяніи. Цвѣтомъ солнца отливаютъ твои лоснящіеся волосы. Вѣроятно, забывъ ревность, Венера наградила тебя твоими пышными плечами, твоими упругими персями, твоими круглыми руками, твоими прелестными пальчиками. Не поужинаемъ ли мы вмѣстѣ сегодня вечеромъ?

— Красавецъ пилигримъ изъ Фландріи объясни, почему ты явился сюда?

— Съ Папой надо поговорить,—не утаилъ Уленшпигель.

— Ахъ!—всплеснула она руками,—легко сказать: говорить съ папой! Мнѣ, здѣшней уроженкѣ, и то не разу не удалось бесѣдовать съ нимъ.

— А вотъ мнѣ удастся,—увѣрялъ Уленшпигель.

— Но,—спросила она,—знаешь ли ты, гдѣ онъ бываетъ, каковъ онъ изъ себя, каковы его привычки и образъ жизни.

— Въ дорогѣ мнѣ разсказывали,—отвѣтилъ Уленшпигель,—что зовется онъ Юліемъ третьимъ, что онъ распутный и веселый малый, говорунъ и острякъ, который въ карманъ за словомъ не полѣзетъ. Мнѣ передавали тоже, что пристрастился онъ чрезвычайно къ одному человѣчку, нищему, черному, грязному и сердитому. Этотъ человѣчекъ ходилъ съ обезьянкой, просилъ милостыню, и вотъ Юлій, вступивъ на папскій престолъ, сдѣлалъ

его Монтскимъ кардиналомъ [1]), и теперь дня не можетъ прожить безъ него.

— Пей,—сказала она,—и не говори такъ громко.

— Говорятъ еще,—продолжалъ Уленшпигель,—что однажды онъ оставилъ себѣ на ужинъ жаренаго павлина и просилъ непремѣнно сохранить, но жаркого этого не сохранили, тогда папа сталъ браниться, какъ грубый гуляка: «Al dispetto di Dio, potta di Dio» [2]), приговаривая: «Я—намѣстникъ Божій, могу вполнѣ браниться изъ-за павлина, потому что Самъ Всевышній разгнѣвался изъ-за яблока».

— Вотъ видишь, голубка, я знаю Папу и знаю, каковъ онъ.

— Ахъ!—промолвила она,—только не разсказывай ты объ этомъ другимъ. А увидѣть его тебѣ, все-таки, не удастся.

— Я буду съ нимъ разговаривать,—настаивалъ Уленшпигель.

— Если будешь, даю тебѣ сто флориновъ.

— Хорошо. Сто флориновъ, значитъ, у меня въ карманѣ,— увѣрялъ Уленшпигель.

На слѣдующее утро, несмотря на ощущеніе страшной усталости въ ногахъ, онъ побѣжалъ по городу и узналъ, что въ этотъ день Папа будетъ служить обѣдню въ Saint-Jean-de-Latran. Уленшпигель отправился туда и ухитрился, насколько было возможно, помѣститься поближе и на виду у Папы, и всякій разъ когда Папа поднималъ чашу или вынималъ просфору, Уленшпигель поворачивался спиной къ алтарю.

Возлѣ Папы находился кардиналъ въ роли священника, съ смуглымъ лицомъ, дородный и хитрый, съ крестомъ на плечѣ; онъ, сладострастно жестикулируя, пріобщалъ народъ и обратилъ вниманіе Папы на поведеніе Уленшпигеля. По окончаніи обѣдни, Папа послалъ четырехъ солдатъ-молодцовъ, характерныхъ для этой воинственной страны, приказавъ имъ взять и привести пилигрима.

— Какая твоя вѣра?—спросилъ у него Папа.

— Святѣйшій Отче,—отвѣчалъ Уленшпигель,—у меня такая же вѣра, какъ и у моей квартирной хозяйки.

Папа приказалъ вызвать трактирщицу.

— Во что ты вѣруешь?—задалъ онъ ей вопросъ.

— Вѣрую въ то же, во что вѣруетъ и Ваше Святѣйшество,— отвѣчала она.

— И я также,—промолвилъ Уленшпигель.

---

[1]) Монтскимъ—отъ итальянскаго слова monta; здѣсь игра словъ— monta означаетъ также: спускъ, случка. *Примѣч. переводч.*

[2]) На зло Богу власть Бога. *Примѣч. переводч.*

Папа освѣдомился у него, почему онъ поворачивался спиною къ святымъ Дарамъ.

— Потому что чувствовалъ себя недостойнымъ смотрѣть на Нихъ прямо.

— Ты—пилигримъ?—спросилъ Папа.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—я пришелъ изъ Фландріи просить отпущенія моихъ грѣховъ.

Папа благословилъ его, и Уленшпигель удалился вмѣстѣ съ трактирщицей, отсчитавшей ему сто флориновъ. Такимъ образомъ не съ пустыми руками покидалъ онъ Римъ, возвращаясь во Фландрію.

Но ему пришлось заплатить семь дукатовъ за прописку «отпущенія» въ особой подорожной.

LIV.

Въ это время два премонстрантскихъ [1]) «братца» явились въ Дамъ для продажи индульгенцій. Поверхъ ихъ монашескаго одѣянія на нихъ была еще обширная кружевная сорочка.

Въ хорошую погоду они стояли на открытомъ воздухѣ возлѣ церкви, въ дурную ютились на паперти, всюду оглашая свою таксу. По этой таксѣ, смотря по цѣнѣ: за шесть ліардовъ, за патаръ, за полъ парижскихъ ливра, за семь, за двѣнадцать флориновъ—короловъ давалось отпущеніе грѣховъ на сто, двѣсти, триста, четыреста лѣтъ, при этомъ было полуотпущеніе и совершенное разрѣшеніе, разрѣшались грѣхи самые чудовищные: напримѣръ, прощалось желаніе изнасиловать Пр. Дѣву. Но этотъ грѣхъ стоилъ семь сотъ флориновъ.

Уплатившимъ деньги выдавались небольшія подорожнія съ обозначеніемъ числа лѣтъ, въ теченіе которыхъ отпущеніе имѣло силу. Подъ отпущеніемъ было написано:

Кто не хочетъ быть
Душёнымъ, жаренымъ или печёнымъ
На томъ свѣтѣ сотни лѣтъ
И въ аду вѣчно горѣть,—
Тотъ пусть купитъ индульгенцій,
Съ отпущеньемъ и прощеньемъ,
Хоть на нѣсколько ліардовъ,
Все равно, сколько-бъ ни отдалъ,
Богъ ему ихъ возвратитъ [2]).

---

[1]) Монашескій орденъ, учрежденный св. Норбертомъ въ 1120 г. Орденъ этотъ подчинялся уставу св. Августина. *Примѣч. переводчика.*

[2]) Qui ne veut être
Etuvée, rôt ou fricassée
En purgatoire pour mille ans,
En enfer brulant toujours,
Qu'il sachète les indulgences
Grâce et miséricordes,
Pour un peu d'argent,
Dieu le lui rendra.

И къ нимъ стекались покупатели за много миль въ окрестности.

Одинъ изъ добрыхъ «братцевъ» часто обращался къ народу съ проповѣдями. У него была цвѣтущая физія, и онъ безъ особенныхъ затрудненій носилъ свой тройной подбородокъ и свое порядочное брюшко.

«Несчастные, несчастные!»—начиналъ онъ обыкновенно проповѣдь, уставившись на кого-нибудь изъ своихъ слушателей: «Не успѣешь оглянуться, какъ ужъ и въ аду очутишься. Огонь тебя нещадно палитъ, въ котлѣ съ масломъ тебя кипятятъ, въ томъ самомъ котлѣ, въ которомъ сладкія лепешки Астартѣ готовятъ. И вотъ ты—кровяная колбаса на плитѣ у дьявола, баранина на кухнѣ князя дьяволовъ Гильгирота, ибо раньше, чѣмъ варить и жарить, искромсаютъ тебя на мелкіе кусочки. Погляди на этого грѣшника, презрѣвшаго индульгенціи. А теперь взгляни на блюдо съ фрикадельками: это—все онъ же, его грѣшныя тѣлеса, его проклятыя тѣлеса, уподобившіяся крошечнымъ фрикаделькамъ. А въ какой подливкѣ онъ плаваетъ: въ кипящей смолѣ да сѣрѣ. И всѣ эти несчастные грѣшники, поѣдаемые точно кушанья, возрождаются постоянно къ новой скорби. И слышится тамъ плачъ и рыданіе и скрежетъ зубовній. Боже милосердный, смилуйся надъ ними!.. И вотъ, не успѣешь оглянуться, какъ ты и въ аду, и мучишься уже всѣми этими мученіями... Но вотъ приносятъ за тебя на землѣ доброхотное даянье, даютъ деніе, одно только деніе, и сразу ты чувствуешь облегченіе въ правой рукѣ, а дадутъ еще полденіе,—и ужъ обѣ твои руки высвободились изъ огня. А какъ же быть съ твоимъ тѣломъ? Оказывается одного флорина достаточно, и благодатная индульгенція падаетъ къ твоимъ стопамъ. О, прохлада неизреченная! И вотъ десятки дней, сотни дней, тысячи лѣтъ, смотря по платѣ, тебя не станутъ больше ни печь, ни жарить! Но, можетъ быть, за себя самого ты не боишься, тогда, подумай, нѣтъ ли въ пеклищѣ огненномъ несчастныхъ душъ, людей близкихъ тебѣ, твоихъ родственниковъ, любимой супруги, какой-нибудь миленькой дѣвчоночки, съ которой тебѣ съ такой охотой грѣшилось?»..

Тутъ проповѣдникъ подталкивалъ локтемъ, стоявшаго съ нимъ рядомъ «братца» съ тазомъ для сбора денегъ. И «братецъ», опустивъ очи, при этомъ сигналѣ душеспасительно «колебалъ» тазъ, призывая въ него монеты.

«Развѣ нѣтъ у тебя», продолжалъ монахъ,—«въ этомъ огнищѣ ужаснѣйшемъ сына, дщери, ребеночка любимаго? И плачутъ-то они и вопмя-вопятъ, тебя призываютъ... Ты не услышишь ихъ. Дай королъ, только тогда растаетъ твое ледяное сердце. И гляди:

раздался звонъ корола въ тазу»... (Монахъ-спутникъ вновь потрясъ свой тазъ)... «и пустота образуется въ пламени, и побѣдная душа всплываетъ наверхъ. Смотри, она уже у самой воронки огненнаго вулкана. Вотъ она и совсѣмъ на свѣжемъ воздухѣ, на вольномъ воздухѣ! Гдѣ же страданія отъ огня палящаго? исчезли: море близко, душа погружается въ него, плаваетъ на спинѣ, на животѣ, ныряетъ! Слышишь, какъ она кричитъ отъ радости, видишь, какъ она вертится. Ангелы глядятъ на нее и счастливы. Они поджидаютъ ее. Но ей хочется еще тѣшиться, хочется ей рыбой сдѣлаться. Не знаетъ она, что тамъ вверху ванны сладостныя, благоуханныя, что плаваютъ въ нихъ холодные, какъ ледъ, кусочки леденца... Вотъ является страшная акула. Она не пугается ея, ложится ей на спину, но та не чувствуетъ этого. Душа хочетъ отправиться на акулѣ въ морскую глубину, хочетъ привѣтствовать водяныхъ ангеловъ, кушающихъ крошечныхъ рачковъ изъ коралловыхъ кастрюль и свѣжія устрицы съ перламутровыхъ тарелокъ. И какъ ее отмѣнно принимаютъ, угощаютъ, настоятельно зовутъ наверхъ? Наконецъ освѣжившись, счастливая, она, словно жаворонокъ, съ пѣсней взлетаетъ подъ самое небо, въ ту самую высь, гдѣ Господь возсѣдаетъ на престолѣ славы Своей. Видишь ли ты ее? Она встрѣчается въ небеси со своими земными родственниками, исключая презрѣвшихъ, въ гордынѣ своей, индульгенціи, проклятыхъ Матерью нашей Церковью и пылающихъ въ глубинахъ адовыхъ. И такъ будутъ пылать они до скончанія вѣковъ, пылать въ вѣчности неугасимой. А спасенная душа, вблизи Господа, будетъ прохлаждаться въ сладостныхъ ваннахъ, и будутъ хрустѣть на зубахъ у нея леденцы. Покупайте же, братья, индульгенціи; продаются онѣ и за крузады, и за флорины золотые и за англійскую монету. Не брезгуемъ и простыми мѣдяками. Покупайте! покупайте! Это—святая лавочка. Есть всѣмъ по вкусу: и богатымъ, и бѣднымъ, но только, къ великому несчастью, въ долгъ не отпускаютъ у насъ, ибо въ глазахъ Господа купля не за наличныя—тяжкій грѣхъ».

Въ это время другой, не проповѣдовавшій «братецъ» встряхивалъ свой тазъ. И флорины, крузады, дукаты, патары, соли и деніе градомъ сыпались туда.

Класъ, въ виду своего богатства, купилъ за флоринъ на десять тысячъ лѣтъ индульгенцію. Въ обмѣнъ на полученную съ него монету монахи выдали ему подорожнюю.

Замѣтивъ вскорѣ, что въ Дамѣ осталась одна лишь «шушера», неспособная покупать индульгенціи, оба монаха перекочевали въ Гейстъ.

LV.

Въ одеждѣ пилигрима и съ отпущеніемъ грѣховъ въ карманѣ покинулъ Уленшпигель Римъ и, шествуя все время пѣшкомъ, пришелъ въ славящійся своими овощами городъ Бамбергъ.

Онъ вошелъ въ гостиницу; въ ней оказалась веселая хозяйка, и она его спросила.

— Хочешь хорошенько покушать на свои денежки, хозяинъ молодой?

— Хочу,—отвѣчалъ Уленшпигель. Но насколько же тутъ можно поѣсть?

— Барская ѣда—шесть флориновъ, обыкновенная, хорошая ѣда—четыре, а простой людской столъ—два флорина.

— Требуется самая дорогая пища, — сказалъ Уленшпигель, и сѣлъ за барскій столъ. Закусивши, какъ слѣдуетъ, и поливши ѣду рейнскимъ виномъ, онъ обратился къ хозяйкѣ:

— Хозяюшка, я хорошо закусилъ на свои денежки: гдѣ же мои шесть флориновъ, дай-ка ихъ мнѣ.

— Что ты насмѣхаешься?! Небось тебѣ платить-то—возразила трактирщица.

— Милая хозяюшка,—настаивалъ Уленшпигель,—у васъ наружность совсѣмъ не злой должницы. Напротивъ, у васъ въ лицѣ столько довѣрчивости, столько прямодушія и любви къ ближнему, что вы лучше заплатите хотя бы даже—восемнадцать флориновъ, чѣмъ откажите мнѣ въ моихъ шести, которые вы мнѣ, сами знаете, должны. Ахъ, какъ прекрасны ваши глазки! Солнышко изливается изъ нихъ на меня, и, куда лучи его падаютъ, тамъ безумная любовь растетъ выше самаго высокаго парея.

Хозяйка возразила:

— Никакого мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоей безумной любви, ни до твоего парея.

— Но какъ же быть! — продолжалъ Уленшпигель, — уйти, значитъ, больше тебя не видѣть! Нѣтъ, лучше сію минуту померечь! А еще и то подумай, хозяюшка, разлюбезная хозяюшка: я—бѣдный странникъ, прошедшій горы и долы, наѣлъ на шесть флориновъ сразу, и такъ набилъ себѣ утробу, что теперь мнѣ въ пору только, какъ собакѣ, высунуть языкъ и лечь на солнцѣ. Благоволите же заплатить за меня шесть флориновъ. Я заработалъ ихъ, натрудилъ достаточно свои челюсти. Отдайте мнѣ эти денежки, и я буду васъ ласкать, цѣловать, обнимать съ горячею благодарностью, съ такою благодарностью, съ какою васъ двадцать семь возлюбленныхъ не смогутъ миловать.

— Ты говоришь это только потому, что тебѣ хочется получить деньги,—протестовала она.

— Хочешь я съѣмъ тебя задаромъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!—восклицала она, защищаясь.

— Ахъ,—вздыхалъ онъ, гоняясь за нею,—твоя кожа—сливочная, твои волосы, точно фазанъ, подрумяненный на вертелѣ, твои губки—чистыя вишеньки! Есть ли что-нибуль вкуснѣй тебя?!

— Перестань ты, безстыдникъ, клянчить у меня шесть флориновъ,—улыбаясь уже, говорила она,—будь доволенъ, что я покормила тебя, ничего не взявъ за ѣду.

— Если бы ты знала, сколько еще у меня въ животѣ свободнаго мѣста!

— Уходи, уходи скорѣй, пока мой мужъ еще не вернулся!

— Я не злой кредиторъ,—увѣрялъ Уленшпигель,—удовлетворюсь однимъ флориномъ, его достаточно, чтобы въ дорогѣ утолить жажду.

— Бери ужъ получай свой флоринъ дрянной мальчишка!

И она протянула ему монету.

— Позволь еще разъ зайти къ тебѣ! Можно?—просилъ Уленшпигель.

— Отправишься ли ты, наконецъ,—отвѣчала она.

— Хорошо мнѣ было отправляться, когда я шелъ къ тебѣ, голубка моя, и плохо теперь скрываться съ прекрасныхъ очей твоихъ. Если бы ты не прогоняла меня, и оставила у себя, даю тебѣ слово, что въ день не наѣлъ больше, чѣмъ на флоринъ.

— Хочешь палки отвѣдать?—спросила она.

— Можетъ быть моя пригодится, возьми ее себѣ,—не сдавался Уленшпигель.

Она смѣялась,—но ему все-таки пришлось уйти.

LVI.

Между тѣмъ Ламъ Гудзакъ снова вернулся на жительство въ Дамъ: въ Льежской землѣ неспокойно было по причинѣ еретиковъ. Его жена охотно послѣдовала за нимъ, потому что льежцы, отъ природы мѣткіе остряки, трунили надъ кротостью ея мужа.

Ламъ часто бывалъ у Класа, который, послѣ полученія наслѣдства, ходилъ въ таверну «Голубыя Ворота» и выбралъ тамъ для себя и своей компаніи отдѣльный столикъ. За сосѣднимъ столикомъ помѣстился жадный старшина рыбниковъ Жосъ Крип-туйверъ, онъ пилъ скупо, всего полъ-кружки и питался копчеными селедками, любя деньги больше спасенія души. Класъ же

положилъ въ свою сумку подорожнюю съ отпущеніемъ грѣховъ на десять тысячъ лѣтъ.

Однажды вечеромъ Класъ, находясь въ «Голубыхъ Воротахъ» въ компаніи съ Ламомъ Гудзакомъ, Жаномъ ванъ Русбекомъ и Мартисомъ ванъ Аше,—Жосъ Криптюйверъ присутствовалъ тутъ же,—выпилъ очень много, и Жанъ Русбекъ ему сказалъ.

— Грѣшно такъ пить!

Класъ возразилъ:

— За лишнюю кружку только полдня на томъ свѣтѣ горѣть. А у меня, въ моей сумкѣ на десять тысячъ лѣтъ индульгенція. Кто хочетъ на сто годовъ получить отпущеніе и потомъ наливать животъ безъ страха?

Всѣ разомъ вскричали:

— А почемъ продаешь?!

— За кружку пива продамъ,—сказалъ Класъ:—а за кусокъ ветчины продаю полтораста лѣтъ отпущенія.

Нѣкоторые гуляки разсчитывались съ Класомъ кружкой, другіе кускомъ ветчины, а онъ имъ взамѣнъ отрывалъ каждому клочокъ подорожней. Класъ не одинъ проѣдалъ и пропивалъ выручку за индульгенцію, а вмѣстѣ съ Ламомъ Гудзакомъ, и тотъ такъ наѣлся, что на глазахъ у всѣхъ раздулся. Но Класъ въ то же время торговалъ своимъ товаромъ и выходилъ и снова возвращался въ таверну.

Криптюйверъ неожиданно повернулъ къ нему свою кислую рожу и вымолвилъ:

— А на десятокъ дней продасшь?

— Нѣтъ,—отказалъ Класъ,—на такой короткій срокъ очень трудно отрѣзать.

Всѣ засмѣялись, и Крюптюйверъ затаилъ свою злобу.

Затѣмъ Класъ ушелъ въ свою хибарку въ сопровожденіи Лама, который ступалъ какъ-то особенно, словно ноги у него были матерчатыя.

LVII

Въ концѣ третьяго года изгнанія Катлина возвратилась въ Дамъ, въ свое обиталище. И неустанно твердила въ безуміи: «Огонь на головѣ, душа стучится, выйти просится, просверлите дырочку, пусть выйдетъ душенька». И постоянно она убѣгала при видѣ быковъ и барановъ. И, усѣвшись на скамейкѣ подъ липами позади своей хибарки, качала головою и глядѣла на проходившихъ обитателей Дама, не узнавая ихъ. А тѣ, проходя мимо нея, говорили:

«Вотъ она—помѣшанная».

Въ то же время Уленшпигель, странствуя по широкимъ путямъ и тропинкамъ, увидѣлъ на большой дорогѣ осла въ кожаныхъ шорахъ съ мѣдными гвоздочками и съ украшеніями на головѣ изъ красной шерсти въ формѣ звѣздочекъ и покачивающихся въ воздухѣ висюлекъ.

Нѣсколько старыхъ женщинъ окружали осла. Онѣ говорили, перебивая другъ-друга: «Никто не можетъ справиться съ нимъ съ этимъ богомерзкимъ сѣдалищемъ великаго колдуна, барона де Рэ, того самого барона, котораго живьемъ сожгли за то, что пожертвовалъ дьяволу восмерыхъ дѣточекъ».—«Кумушка, говорятъ, онъ убѣжалъ такъ шибко, что и поймать не могли. Видно самъ сатана ему помогаетъ».—«Правда твоя, помогаетъ, ибо бѣжалъ онъ, бѣжалъ, да и остановился, уморился, должно быть. Тогда полицейскіе и сбѣжались и хотѣли схватить его. Но не тутъ-то было, онъ какъ начнетъ лягаться да ревѣть по-своему, страшно такъ престрашно, что они и подступить не посмѣли».—«Это не онъ ревѣлъ, это бѣсы въ немъ ревѣли».—«Такъ и оставили его пастись, да щипать свой чертополохъ, вмѣсто того чтобы тоже сжечь на кострѣ, какъ колдуна».—«Что вы хотите отъ этихъ людей, вѣдь у нихъ нѣтъ ни капли храбрости».

Но, несмотря на эти смѣлыя рѣчи, стоило ослу повести ушами или похлопать себя хвостомъ по ляжкамъ, какъ тотчасъ кумушки бросались вразсыпную, потомъ успокаивались и, затараторивъ и застрекотавъ, снова приближались. Такимъ образомъ маневрировали онѣ при малѣйшемъ движеніи ослика.

Глядя на нихъ и смѣясь, Уленшпигель промолвилъ:

— Ага! Безконечное любопытство и вѣчная говорильня, извергающая потокъ словъ изъ устъ кумушекъ, старенькихъ кумушекъ! Молодыя кумушки, тѣ не такъ словоохотливы: заняты больше любовными дѣлами.

Затѣмъ, присматриваясь къ ослу, онъ сказалъ.

— Это колодовское животное несомнѣнно прыткое и бѣгаетъ быстро. Можно его или продать, или ѣздить на немъ верхомъ.

И, не промолвивъ больше ни слова, исчезъ на минуту и, раздобывъ гдѣ-то гарнцъ овса, покормилъ животное, быстро вскочилъ ему на спину и былъ таковъ. Отъѣхавъ немного, онъ сталъ истово кланяться на полночь, на восходъ и на заходъ солнца, потомъ издалека благословилъ старушекъ. Обмеревъ со страха, онѣ пали на колѣни, и послѣ, на посидѣлкахъ, разсказывали, что явился ангелъ съ фазаньимъ перомъ на фетровой шляпѣ, благословилъ ихъ всѣхъ и съ Божьей помощью увелъ колдунова осла съ собою.

А Уленшпигель тѣмъ временемъ, подгоняя своего ослика, уѣхалъ въ раздольные луга, въ которыхъ на просторѣ рѣзвились лошади, или же паслись, лежа на солнцѣ, лѣнивыя коровы и телки. Своему ослику онъ далъ имя Жефъ.

Тотъ на радостяхъ остановился и сталъ закусывать чертополохомъ, содрагаясь иногда всей кожей и отмахиваясь хвостомъ отъ хищныхъ слѣпней, тоже собравшихся закусывать, по его собственнымъ ослинымъ мясомъ.

А Уленшпигель, въ которомъ все внутри кричало отъ голода, пребывалъ въ меланхоліи.

— Хорошо вамъ, милостивый государь осликъ,—пронизировалъ онъ, слегка пришпоривая его,—обѣдать сочнымъ чертополохомъ, если только никто не придетъ и не помѣшаетъ вашему блаженству и не напомнитъ, что вы смертны, то есть, иначе выражаясь, подвержены всевозможнымъ житейскимъ мерзостямъ.

— И вотъ,—продолжалъ онъ,—точно такъ же, какъ у тебя у осла, у человѣка со святой туфлей есть свой слѣпень, и этотъ слѣпень—Лютеръ. У его величества Карла есть тоже свой слѣпень, это—Францискъ, по прозванію первый, король съ длиннымъ носомъ и съ еще болѣе длиннымъ мечомъ. Конечно, и мнѣ, милостивый государь осликъ, человѣчку маленькому, скитающемуся, точно вѣчный жидъ, позволительно имѣть своего слѣпня. Но вотъ бѣда! Всѣ мои карманы и кармашки продырявились, и черезъ прорѣхи, точно мыши отъ кошки, увиливаютъ отъ меня мои прекрасные дукаты, флорины, доллары. Не знаю почему, но деньги не идутъ ко мнѣ, хоть я и очень ихъ зову. Какъ бы не увѣряли, но богатство—не женщина, потому что оно любитъ лишь скупцевъ, а эти скупцы замыкаютъ его въ сундуки, завязываютъ въ мѣшки, запираютъ на двадцать запоровъ и не позволяютъ ему показать въ оконцѣ кончикъ своего золоченаго носа. Деньги—вотъ мой слѣпень, онъ грызетъ меня, поѣдомъ ѣстъ, теребитъ, щекочетъ, и не до смѣха отъ подобнаго щекотанья. Но ты меня не слушаешь, господинъ осликъ, и думаешь только о своемъ пастбищѣ. Ахъ, пузанъ ты этакій, набивающій брюхо, твои длинныя уши глухи къ воплямъ пустыхъ желудковъ. Выслушай же меня, бестія, я хочу этого.

И онъ сильно отхлесталъ осла. Тотъ принялся ревѣть.

— Ну-съ, отправимся-ка теперь въ путь-дорогу, ты ужъ и пропѣлъ.

Но оселъ, точно столбъ, не двигался съ мѣста и, повидимому, строилъ проекты съѣсть до послѣдняго всѣ придорожные чертополохи. Въ нихъ же кругомъ недостатка не было.

Убѣдившись въ этомъ, Уленшпигель слѣзъ, нарвалъ букетикъ

чертополоха, вновь взмостился на своего ослика, подставилъ ему букетикъ подъ самую морду и провелъ его такимъ образомъ за носъ до владѣній ландграфа Гессенскаго.

— Господинъ осликъ, — говорилъ онъ ѣдучи, — плохое пастбище мой букетикъ, а ты бѣжишь за нимъ, и оставляешь позади роскошную дорогу со съѣдобными травами. Такъ поступаютъ и всѣ люди: одни гонятся за душистымъ букетомъ славы, другіе за букетомъ наживы, третьи за цвѣткомъ любви. Въ концѣ пути они замѣчаютъ, что то, къ чему стремились, ничтожно по сравненію съ тѣмъ, что осталось позади, а осталось позади: здоровье, мирный трудъ, отдыхъ и уютъ въ родномъ углу.

Раздѣляя осликову участь, добрался Уленшпигель до дворца ландграфа.

Два ротмистра играли въ домино на дворцовомъ крыльцѣ.

Одинъ изъ ротмистровъ, рыжій и огромнаго роста, обратилъ вниманіе на Уленшпигеля, скромно посматривавшаго съ Жефа на ихъ игру.

— Что ты отъ насъ хочешь, ты, съ виду, голодающій и пилигримствующій?

— Ваша правда, я очень голоденъ,—отвѣчалъ Уленшпигель,— и пилигримствую не по доброй волѣ

— Если ты голоденъ,—снова началъ ротмистръ,—то перегрызи веревку, на которой тебя вздернутъ на ближайшей висѣлицѣ, какъ бродягу.

— Ваше высокородіе,—увѣрялъ Уленшпигель,—если вы соизволите дать мнѣ шнурокъ чистого золота, который вы носите на шляпѣ, то я пойду съ нимъ и повисну, уцѣпившись зубами за жирный ветчинный окорокъ; онъ тутъ, неподалеку, виситъ въ съѣстной лавкѣ.

— Откуда ты?—освѣдомился ротмистръ.

— Изъ Фландріи,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу показать его ландграфскому высочеству картину моей кисти.

А, это другое дѣло! Если ты живописецъ изъ Фландріи,— смягчился ротмистръ,—тогда входи во дворецъ, я отведу тебя къ самому хозяину.

Представъ предъ ландграфомъ, Уленшпигель привѣтствовалъ его тройнымъ поклономъ и, поклонившись трижды, продолжалъ еще кланяться.

— Да благоволитъ ваше высочество,—вымолвилъ онъ наконецъ,—извинить меня за смѣлость, съ которой я осмѣливаюсь предстать предъ вами и повергнуть къ вашимъ благороднымъ

стопамъ написанную мною картину. На ней мной изображена Пр. Дѣва въ царственномъ облаченіи.

— Быть можетъ, ваше высочество,—продолжалъ онъ,—благосклонно отнесетесь къ этой картинѣ, тогда я простираю свою самонадѣянность художника до надежды подняться до этого прекраснаго кресла обитаго алымъ бархатомъ, на которомъ возсѣдалъ покойный художникъ, оставившій по себѣ у вашего великодушія незабвенное воспоминаніе.

Ландграфъ, посмотрѣвъ картину, нашелъ ее превосходной и пригласилъ:

— Садись въ кресло, ты будешь нашимъ придворнымъ живописцемъ

И онъ радостно облабызалъ его въ обѣ щеки. Уленшпигель сѣлъ.

— Ты кажешься мнѣ порядочно обтрепаннымъ,—замѣтилъ ландграфъ, разглядывая своего новаго протеже.

— Да, государь, порядочно. Вотъ Жефъ, мой оселъ, тотъ объѣдалъ чертополохомъ, а я, скоро три дня, ничего не видалъ и питался только дымомъ надежды.

— Сейчасъ ты поужинаешь,—обнадежилъ ландграфъ,— но гдѣ же твой осликъ?

— Я его оставилъ на Большой Площади,—отвѣтилъ Уленшпигель,—противъ дворца. Мнѣ было бы очень пріятно, если бъ Жефъ нашелъ пристанище, подстилку и кормъ.

Ландграфъ немедленно отдалъ приказаніе одному изъ своихъ пажей позаботиться объ осликѣ Уленшпигеля, какъ о его собственномъ.

Вскорѣ настала пора ужинать, и этотъ ужинъ былъ настоящимъ пиршествомъ. Свѣжія жаркія сами въ ротъ просились, и вина рѣкою лились.

Уленшпигель и ландграфъ оба покраснѣли и стали похожи съ лица на горячіе угли. При этомъ Уленшпигель развеселился, а ландграфъ впалъ въ задумчивость.

— Послушай, художникъ нашъ придворный,—неожиданно заговорилъ онъ,—нужно сдѣлать мой портретъ, ибо великое удовлетвореніе для сильнаго міра сего оставить потомкамъ свое изображеніе.

— Государь-ландграфъ,—отвѣчалъ Уленшпигель,—ваше желаніе становится моимъ стремленіемъ, но мнѣ слабому представляется, что портретъ, написанный съ васъ одного, не доставитъ большой радости въ грядущихъ вѣкахъ. Вамъ подобаетъ увѣковѣчить себя въ обществѣ вашей благородной супруги, вашей военной знати, людей отмѣнно воинственныхъ, среди которыхъ вы, государь, будете сіять съ государыней, какъ два солнца среди простыхъ свѣтильниковъ.

— И въ самомъ дѣлѣ твоя правда,—согласился ландграфъ,— а сколько же мнѣ придется заплатить за этотъ огромный трудъ?

— Сто флориновъ, но впередъ—или же на другихъ условіяхъ.

— Вотъ тебѣ эта сумма,—сказалъ ландграфъ.

— Великодушный государь,—воскликнулъ Уленшпигель,— вы вливаете масла въ мою оскудѣвшую свѣтильню. Она будетъ горѣть въ вашу честь.

На слѣдующій день онъ обратился къ ландграфу съ просьбой: заставить показаться ему всѣхъ тѣхъ, кому дѣлалъ честь писать съ нихъ портреты.

И вотъ предъ нимъ продефилировалъ командующій ландскнехтами герцогъ Лунебургскій, состоявшій на службѣ у ландграфа. Это былъ толстякъ, съ трудомъ носившій раздувшійся отъ съѣденнаго мяса животъ. Приблизившись къ Уленшпигелю, онъ шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ:

— Если ты, рисуя съ меня портретъ, не поубавишь на половину моего жира, я прикажу своимъ солдатамъ повѣсить тебя,—шепнулъ и прошелъ мимо.

Затѣмъ появилась высокопоставленная дама съ горбомъ на спинѣ, грудь у нея была плоская, какъ лезвіе меча правосудія.

— Господинъ художникъ, если ты не снимешь у меня горба сзади и не сдѣлаешь мнѣ двухъ горбовъ спереди, я прикажу четвертовать тебя, какъ отравителя,—замѣтила дама и прошествовала мимо.

Потомъ показалась молодая дѣвушка—фрейлина, свѣженькая и миловидная, но у ней выпали три переднихъ зуба въ верхней челюсти.

— Господинъ живописецъ,—сказала она,—если у тебя на портретѣ я не буду смѣяться и выставлять на показъ всѣ тридцать два зуба, то прикажу моему поклоннику, видишь его, вонъ онъ тамъ,—изрубить тебя на мелкіе кусочки.

И, указавъ на ротмистра, игравшаго наканунѣ на дворцовомъ крыльцѣ въ домино, она прослѣдовала дальше.

Шествіе дефилировавшихъ продолжалось. Въ концѣ-концовъ, Уленшпигель остался наединѣ съ ландграфомъ, и тотъ сказалъ:

— Если ты, по несчастью, ошибёшься хоть одной черточкой и невѣрно нарисуешь эти лица, то, по моему приказу, тебѣ, какъ цыпленку, отрубятъ голову.

«За ничто лишиться головы!—думалъ Уленшпигель,—быть четвертованнымъ, изрубленнымъ на кусочки, да лучше же просто ничего не рисовать. Надо будетъ объ этомъ подумать».

— Гдѣ находится залъ,—спросилъ онъ,—который мнѣ предстоитъ украсить моей живописью?

— Ступай за мною,—отвѣчалъ ландграфъ.

И указалъ ему большой залъ съ голыми стѣнами, прибавивъ при этомъ:

— Вотъ онъ—залъ.

— Мнѣ бы хотѣлось—заявилъ Уленшпигель,—чтобы стѣны здѣсь были завѣшены большими покрывалами и такимъ образомъ ограждались бы отъ назойливыхъ мухъ и пыли.

— Хорошо, будетъ сдѣлано,—одобрилъ ландграфъ.

Когда покрывала были водворены, Уленшгипель попросилъ себѣ трехъ подручныхъ, необходимыхъ, по его словамъ, для приготовленія красокъ.

И вотъ, въ продолженіе тридцати дней сряду, Уленшпигель со своими учениками ничего не дѣлали, только веселились да пировали, не щадя ни тонкихъ явствъ, ни старыхъ винъ. Ландграфъ самъ надо всѣмъ бдилъ. Но на тридцать первый день онъ просунулъ носъ за порогъ комнаты, куда Уленшпигель рекомендовалъ ему лучше не заглядывать.

— Ну-съ Тиль, гдѣ твои портреты?

— До нихъ пока трудно добраться.

— А нельзя ли взглянуть?

— Нельзя еще.

На тридцать шестой день онъ снова просунулъ носъ за дверь.

— Ну, какъ Тиль?

— Ничего, государь, дѣло приближается къ концу.

На шестидесятый день ландграфъ разсердился и вошелъ въ комнату.

— Ты покажешь мнѣ немедленно твою картину,—потребовалъ онъ.

— Немедленно, государь, не извольте сомнѣваться,—отвѣчалъ Уленшпигель,—но благоволите не поднимать покрывала, не пригласивъ предварительно господъ военныхъ и придворныхъ дамъ.

— Согласенъ,—произнесъ ландграфъ.

По его приказу всѣ явились.

Уленшпигель стоялъ передъ неподнятымъ покрываломъ.

— Государь-ландграфъ,—произнесъ онъ,—и вы, государыня, и вы, его свѣтлость герцогъ Люнебургскій, и вы, прелестныя дамы и храбрые офицеры, благоволите выслушать меня: за этимъ занавѣсомъ скрываются старательно нарисованныя мною ваши или прелестныя, или воинственныя лица. Вы безъ затрудненія узнаете каждое изъ нихъ. Справедливо ваше желаніе увидѣть васъ самихъ, но благоволите потерпѣть и позвольте мнѣ сказать всего нѣсколько словъ. Благороднорожденныя прекрасныя дамы и благороднорожденные храбрые офицеры, вы можете глядѣть

и восторгаться моей живописью. Но если найдется среди васъ человѣкъ неблагородный, то увидитъ лишь пустую бѣлую стѣну.

Теперь благоволите открыть ваши благородныя очи.

Отдернувъ полотно, Уленшпигель повторилъ:

— Одни только благородные господа, однѣ только благородныя дамы разглядятъ здѣсь что-нибудь. Неблагороднаго происхожденія человѣкъ слѣпъ для живописи, благородный—ясновидящъ.

Всѣ присутствующіе стали таращить глаза и заявлять, что видятъ: начали показывать другъ другу, разсуждать о достоинствахъ и узнавать себя, а въ дѣйствительности предъ ними была голая стѣна, и это удручало ихъ.

Вдругъ, находившійся здѣсь же шутъ, подпрыгнувъ на три фута вверхъ и позванивая бубенчиками, заявилъ:

— Пусть считаютъ меня недостаточно благороднымъ, мало благороднымъ, совсѣмъ неблагороднымъ, но я скажу и готовъ трубить объ этомъ во всѣ трубы, что я вижу здѣсь лишь голую стѣну, бѣлую стѣну, голую стѣну.

—Да будутъ мнѣ заступниками Господь и Его святые Угодники!

Уленшпигель возразилъ:

— Когда шуты вмѣшиваются въ разговоръ, то людямъ серіознымъ надлежитъ удалиться.

И онъ удалился и ужъ выходилъ изъ дворца, когда ландграфъ, остановивъ, его сказалъ:

— Шутъ изъ шутовъ, міровой бродяга, превозносящій прекрасное и доброе, издѣвающійся безъ удержа надъ людской глупостью, твоей дерзости хватило, чтобы предъ лицомъ высокопоставленныхъ дамъ и господъ издѣваться всенародно надъ герольдической и владѣтельной спѣсью. Пророчу тебѣ: рано или поздно, но тебя повѣсятъ за твою свободную рѣчь.

— Горя мало,—отвѣтилъ Уленшпигель,—была бы веревка золотая, тогда она со страха передо мною разорвется на кусочки.

— Постой, вотъ возьми пятнадцать флориновъ, первый кусочекъ этой веревки.

— Покорно благодарю, государь,—промолвилъ на прощанье Уленшпигель,—каждый попутный мнѣ трактирщикъ получитъ изъ этого обрывочка по ниточкѣ, по золотой ниточкѣ. А отъ этихъ ниточекъ грабители-трактирщики становятся Крезами.

Переводъ *В. Н. Карякина.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

1409

По поводу помѣщаемыхъ заставокъ.

До введенія книгопечатанія книга у насъ была рѣдкостью и была достояніемъ только состоятельныхъ людей. Распространеніе книгъ происходило посредствомъ переписки. Первоначально этимъ «святымъ» дѣломъ занимались иноки монастырей, а потомъ вмѣстѣ съ этимъ уже какъ доходнымъ ремесломъ стали заниматься и частныя лица. Эти переписчики въ Московскомъ Государствѣ сосредоточились, главнымъ образомъ, въ самой Москвѣ при царскомъ дворѣ, откуда книги и разсылались, иногда при особыхъ царскихъ дарственныхъ грамотахъ, въ тѣ или другіе церкви и монастыри, на поминъ какъ самого царя, такъ и его родственниковъ.

Среди этихъ переписчиковъ были очень искусные мастера, художники въ душѣ. Переписывая книги, преимущественно богослужебныя, по-славянски, переписчики очень нерѣдко снабжали эти книги, въ заголовкахъ, на поляхъ, а иногда и среди текста, а также на особо прилагаемыхъ листахъ, равно какъ и въ концѣ книги, особыми украшеніями, виньетками, какъ въ старину они назывались, «заставками» и «концевками».

Начало книги, а равно и каждую новую главу они украшали очень красиво и искусственно сдѣланными различными яркими красками и золотомъ—заставками. Заставки эти составлялись большею частью изъ изображенія цвѣтовъ, очень красиво переплетенныхъ между собою, или изъ очень замысловатыхъ переплетеній линій и разныхъ кружевныхъ узоровъ.

Первоначальную, заглавную букву тоже дѣлали гораздо большаго размѣра по сравненію съ буквами остального текста и убирали ее различными цвѣтными украшеніями.

Сохранившіяся до настоящаго времени рукописныя книги невольно заставляютъ любоваться сдѣланными нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ рисунками.

Конечно, первоначальными образцами подобнаго рода художественныхъ изображеній служили византійскіе рисунки; но впослѣдствіи переписчики уже не довольствовались этими чуждыми образцами, а стали вносить свои оригинальныя сочетанія линій и узоры.

Съ введеніемъ книгопечатанія рисунки заставокъ приняли другой характеръ.

Вмѣсто прежнихъ заставокъ ярко-цвѣтныхъ, нерѣдко на золотомъ фонѣ, различныхъ цвѣтовъ и узоровъ, которыми снабжались рукописныя книги, пришлось эти заставки замѣнить однотонными черными рисунками, такъ какъ печатаніе разными красками (хромолитографія) еще не было изобрѣтено. Печатались книги въ то время только двумя красками: черной и красной.

Заглавіе книги, первую строчку и первую начальную букву текста обычно печатали красной краскою [1]).

Вложенное въ душу человѣка чувство и стремленіе къ красотѣ и здѣсь, при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, проявилось довольно широко. Нельзя не удивляться, что въ то далекое отъ насъ время, когда ни теперешнихъ знаній, ни техническихъ пріемовъ совершенно не было, когда было въ рукахъ мастера только одно гусиное перо и чернила, то и при такихъ условіяхъ этимъ только перомъ дѣлались рисунки для заставокъ, столь сложные и красивые по своимъ сочетаніямъ линій и плетеніямъ, что и мы, въ наше время,—во времена всякаго рода изобрѣтеній и усовершенствованій,—невольно любуемся.

Вотъ съ подобнаго рода заставками и концевками XVI и XVII вѣковъ, помѣщавшимися въ книгахъ, печатавшихся въ Москвѣ, начиная съ первой книги «Апостола» и, главнымъ образомъ, печатавшихся впослѣдствіи при первыхъ пяти патріархахъ, мы и знакомимъ читателей «Голоса Минувшаго», начиная съ первой январской книжки.

Я. Пашковъ.

---

[1]) Вслѣдствіе чего каждая начальная строчка и въ наше время называется «*красною строкою*», хотя давно уже печатаютъ и ее, какъ и остальныя строчки текста, только одною черною краскою.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ"

(четвертый годъ изданія).

Въ теченіе 1915 г. въ «Украинской Жизни» будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ исторіи Галиціи и Буковины, національно-политическимъ отношеніямъ въ нихъ, характеристикѣ культурно-просвѣтительныхъ организацій, характеристикѣ украинско-галицкихъ писателей и экономической политикѣ края.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—**6** р., на 6 мѣс.—**3** р., на 3 мѣс.—**1** р. **50** к., на 2 мѣс.—**1** р. **10** к. и на 1 мѣс.—**60** к. За границу на годъ—**8** р., на 6 мѣс.—**4** р., на 3 мѣс.—**2** р., на 2 мѣс.—**1** р. **50** к., на 1 мѣс.—**75** коп.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, **льготная подписка:** на годъ—**5** р., на 6 мѣс.—**2** р. **50** к. и на 3 мѣс.—**1** р. **25** к. съ доставкою и пересылкою. Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ—**60** коп.

Подписка принимается въ конторѣ **«Украинской Жизни»**. Москва, Б. Полянка, 32.—Тел. № 3-44-48.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
(Годъ изданія 53-й).

„РУССКІЙ АРХИВЪ",

издаваемый Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).

Годовая цѣна **«Русскому Архиву»** въ 1915 году, за двѣнадцать-выпусковъ съ пересылкой и доставкой **9** рублей, для чужихъ краевъ—**12** рублей.

ПОДПИСКА ВЪ МОСКВѢ, въ конторѣ **Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3.**

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются **12** выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ—**12** руб. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ—**2** руб.

Составитель и издатель **Петръ Бартеневъ** (младшій).

Товарищество суконной торговли и складовъ

„М. Поповъ съ Сыновьями".

МАГАЗИНЪ № 1. Москва, Тверская, соб. домъ.
МАГАЗИНЪ № 2. Москва, Ильинка, д. Московск. Торговаго Банка.

СУКНО, ТРИКО, ДРАПЪ,

РУССКІЯ И ЗАГРАНИЧНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРІИ И ПЛЮШЪ.

ПЛЭДЫ и ОДѢЯЛА.

